УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Іоасафа Игнатьевича **ЖЕЛѢЗНОВА.**

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1910.

ф 1-66
4230

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Іоасафа Игнатьевича

ЖЕЛѢЗНОВА.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,

съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,

подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1910.

УРАЛЬЦЫ.

„Вы хотите, чтобы казакъ былъ и смиренъ какъ овечка, и силенъ какъ левъ. Эти два качества не совмѣстимы. Стало быть, ваше хотѣнье останется хотѣньемъ...“

„На родинѣ, у домашняго очага, среди родительскихъ преданій и обычаевъ, въ сферѣ хозяйственныхъ занятій, казакъ не долженъ быть стѣсняемъ ни мундиромъ, ни вытяжкой рукъ по швамъ и т. п. вещами и учрежденіями, полезными и разумными въ казармахъ и въ лагерѣ, но вредными и не имѣющими смысла въ обществѣ...“

„Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія,—гуманистъ, но коснись дѣло до интересовъ казаковъ, я—эгоистъ. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня—созданіе совершенно постороннее...“

(Отрывки изъ оставшихся послѣ смерти І. Н. Желѣзнова рукописныхъ замѣтокъ).

2007041231

Предисловіе къ 2-му посмертному изданію, 1888 г.

Сочиненія І. И. Желѣзнова „Уральцы — Очерки быта Уральскихъ казаковъ“ въ 2 том. изд. 1858 г. въ настоящее время сдѣлались библіографическою рѣдкостью: внѣ земли Уральскихъ казаковъ его мало кто знаетъ даже по имени, хотя въ свое время вся періодическая печать въ лицѣ болѣе или менѣе видныхъ ея представителей, напр. редакцій журналовъ „Современника“, „Русскаго Слова“, „Русскаго Вѣстника“, „Отеч. Записокъ“, „Библіот. для Чтенія“ и др. — дала о немъ самые лестные отзывы. Даже среди земляковъ автора „Уральскихъ казаковъ“ память о Желѣзновѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе изглаживается.

Исходя изъ того убѣжденія, что было бы постыдно для казаковъ предать совершенному забвенію эту талантливую личность, столь много сдѣлавшую для ознакомленія русской читающей публики съ бытомъ своихъ родныхъ земляковъ,— мы взялись за подготовку къ печати новаго изданія произведеній Желѣзнова. Мысль о необходимости его не разъ поднималась уральскою интеллигенціею, но до самого послѣдняго времени дѣло не шло далѣе разговоровъ и благихъ пожеланій, что обусловливалось исключительно отсутствіемъ средствъ на изданіе. Попытка осуществить изданіе хотя части произведеній Желѣзнова была сдѣлана первоначально въ Петербургѣ бывшимъ издателемъ-редакторомъ „Дѣт-

скаго Чтенія“ — В. П. Бородинымъ: *) онъ имѣлъ въ виду ограничиться на первый разъ лишь изданіемъ „Преданій, сказаній и пѣсенъ Уральскихъ казаковъ“, собранныхъ Желѣзновымъ и разбросанныхъ по разнымъ журналамъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заручился согласіемъ гг. Островскаго и Максимова, знавшихъ Желѣзнова лично, написать для изданія воспоминанія объ авторѣ. Но дѣло затянулось главнымъ образомъ изъ-за средствъ. Въ 1886 г. независимо отъ Петербурга тотъ же вопросъ о необходимости новаго изданія соч. Желѣзнова былъ возбужденъ въ Уральскѣ, причемъ здѣсь предполагалось не только издать „Преданія, сказанія и пѣсни“, не выходившія раньше въ отдѣльномъ изданіи, но и переиздать два тома прежняго изданія. Такъ какъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, благодаря очень сочувственному отношенію къ изданію со стороны Наказнаго Атамана Уральскаго войска генералъ-маіора Н. Н. Шипова и Войскового Хозяйственнаго Правленія, въ лицѣ старшаго члена его, М. И. Желѣзнова, значительно облегчался, то второе предположеніе взяло перевѣсъ, и дѣло подготовки изданія къ печати было перенесено въ Уральскъ. Къ концу 1886 года дѣло подвинулось уже настолько впередъ, что представилась возможность открыть на новое изданіе подписку. Въ немъ предполагалось собрать не только все, что было печатаемо гдѣ-либо самимъ Желѣзновымъ, но также всѣ болѣе или менѣе обработанныя статьи, оставшіяся послѣ него въ рукописяхъ. Къ сожалѣнію, предположенія редакціи, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ не могли быть выполнены вполнѣ: рукописныя статьи „Что такое казацкій офицеръ?“, „Туча каменная“ и „Путевыя замѣтки“ въ интересахъ благополучнаго окончанія изданія пришлось не печатать, чѣмъ и объясняется значительное уменьшеніе — противъ предположеннаго — объема перваго и втораго томовъ. Такимъ образомъ изъ нигдѣ не напечатанныхъ статей Желѣзнова въ новомъ изданіи помѣщены: „Пре-

*) † въ 1908 г.

данія о Пугачевѣ", „Казакъ Терскій", „Утва", „Хива", и нѣсколько пѣсенъ. Къ статьямъ, которыя были помѣщены лишь въ періодическихъ изданіяхъ, а въ два тома „Уральцевъ" изд. 1858 г. не вошли, относятся „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ", „Сказанія", „Маринкинъ городокъ", „Отчего сайгаки покинули Уралъ?" и разныя мелкія критическія и др. статьи. Остальныя статьи были помѣщены въ первомъ двухтомномъ изданіи.

Стремленіе редакціи придать изданію больше интереса черезъ напечатаніе воспоминаній объ авторѣ гг. Островскаго и Максимова къ сожалѣнію не увѣнчалось успѣхомъ: одинъ умеръ, другой не успѣлъ приготовить своихъ воспоминаній къ выходу изданія изъ печати *).

Редакція.

*) См. въ Біографич. очеркѣ І. И. Желѣзнова воспоминанія С. В. Максимова: т. 1, стр. XXXIII.

Предисловіе къ 3-му изданію, 1910 г.

Къ началу XX столѣтія 2-е изданіе сочиненій І. И. Желѣзнова было распродано до послѣдняго экземпляра, и петербургскіе букинисты, исполняя порученія, добывали его по цѣнѣ 10—15 р. Это являлось вѣрнѣйшимъ указателемъ того, что изданіе слѣдовало бы возобновить, почему я въ 1909 г. возбудилъ передъ собственникомъ 2-го изданія соч. І. И. Желѣзнова Уральскимъ Войсковымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ вопросъ о желательности издать ихъ вновь. Мысль эта нашла полное сочувствіе въ лицѣ старшаго члена Войск. Хоз. Правленія В. П. Мартынова, который и во второмъ изданіи вмѣстѣ со мною принималъ ближайшее участіе, наблюдая за печатаніемъ изданія въ Петербургѣ. Благодаря отзывчивому отношеніи къ изданію бывшаго наказнаго атамана ген.-л. Покотило получено разрѣшеніе Военнаго Совѣта на позаимствованіе изъ войсковаго капитала необходимыхъ на изданіе средствъ, и съ января 1910 г. было приступлено къ печатанія 3-го изданія, редакція какового поручена мнѣ.

Въ настоящемъ изданіи кромѣ всего, что вошло во 2-е изданіе, вновь, помѣщены слѣдующія статьи: „Что такое казацкій офицеръ?“, которая нигдѣ ранѣе не была напечатана, „Туча каменная“, начало которой было помѣщено въ газ. „Уралецъ“ 1897 г., №№ 42, 43, 46, „Путевыя Замѣтки“, разсказы „Обидѣлъ“ и „Вотъ какъ мы служили!“, напеча-

танные въ той же газ. „Уралецъ“ 1897 г. №№ 16, 18, 41 и 44. Статья „Что такое казацкій офицеръ?“ снабжена примѣчаніями В. П. Мартынова, отмѣчающаго существенныя перемѣны, произшедшія въ положеніи казачьяго офицерства съ того времени, къ которому относится полная горечи, основанной на личномъ переживаніи, статья І. И. Желѣзнова. (50-е года XIX стол.).

Статья „Туча каменная“, представляющая разсказъ казака очевидца—о событіи 1837 г. (мнимый бунтъ), сопровождается нѣкоторыми историческими документами и поясненіями, могущими лучше освѣтить это печальное „недоразумѣніе“.

Біографическій очеркъ, написанный мною для 2-го изданія, подвергся пересмотру и нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ частности въ него введены выдержки изъ появившихся послѣ 2-го изданія воспоминаній С. В. Максимова объ Островскомъ (№№ 1 и 3 „Русской Мысли“ за 1897 г.) въ коихъ говорится и объ І. И. Желѣзновѣ. Очеркъ снабженъ нѣсколькими снимками, имѣющими отношеніе къ жизни покойнаго бытописателя.

Наконецъ, приложенный къ настоящему 3-му изданію портретъ сдѣланъ съ другой фотографіи, менѣе знакомой публикѣ, но передающей, по словамъ очень немногихъ оставшихся въ живыхъ лицъ, помнящихъ І. И. Желѣзнова, весьма вѣрно его черты лица.

Какъ видно изъ предисловія ко 2-му изданію, оно было предпринято кружкомъ интеллигентной казачьей молодежи съ тою цѣлью, чтобы не было забыто имя писателя, такъ горячо любившаго уральское казачество и такъ много сдѣлавшаго для ознакомленія читающей публики съ его бытомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло 23 года, и сотрудники этого изданія могутъ съ чувствомъ удовлетворенія констатировать, что усилія интеллигенціи не пропали даромъ: не говоря уже о томъ, что учащаяся казачья молодежь, благодаря новому изданію, получила возможность познакомиться съ произведеніями І. И. Желѣзнова, коими были снабжены библіотеки

всѣхъ станичныхъ и поселковыхъ школъ, заслуги покойнаго передъ казачествомъ оффиціально, такъ сказать, признаны его роднымъ войскомъ, назвавшимъ площадь, примыкающую къ его могилѣ въ г. Уральскѣ, „Желѣзновскою"; его имя такимъ образомъ увѣковѣчено среди земляковъ.

Но оно по прежнему мало извѣстно среди казаковъ другихъ войскъ, между тѣмъ мы увѣрены, что казаки всѣхъ войскъ найдутъ въ сочиненіяхъ І. Н. Желѣзнова много для себя интереснаго и прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ. Что касается до „Картинъ казацкой жизни" и „Василія Струяшева" — онѣ сохранятъ свое значеніе и интересъ у читающаго люда всѣхъ слоевъ. Наконецъ, вновь печатающіяся „Туча каменная" и „Преданія, сказанія и пѣсни Уральскихъ казаковъ",—представляютъ громадный интересъ для любителей изученія народнаго творчества, выражающагося въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и преданіяхъ, короче говоря фольклора.

Редакторъ.

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ.

(Біографическій очеркъ *).

Сост. *И. А. Бородинъ.*

I.

Происхожденіе Желѣзнова.—Дѣтство и воспитаніе его.—Войсковое училище.—Служба по окончаніи курса урядникомъ въ войскѣ и въ киргизской степи.—Поступленіе въ экстренный полкъ 1848 года.—Первый „романъ".—Путешествіе съ полкомъ по Россіи и жизнь въ Малороссіи.—Образовательное значеніе этихъ скитаній.—Возвращеніе на родину.—Первая попытка выступить на литературное поприще.

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ родился 12 ноября 1824 г. въ землѣ Уральскаго казачьяго войска, въ Гурьевѣ городкѣ. Родомъ онъ былъ природный казакъ. Дѣдъ его, сотникъ Денисъ Ѳедорычъ Желѣзновъ, былъ заслуженный воякa: служилъ въ киргизской степи, въ лейбъ-казачьей

*) Матеріалъ для составленія настоящаго очерка заимствованъ изъ ст. П. О. Савичева „Жизнь І. П. Желѣзнова" (въ Ур. В. В. 70 г., №№ 22—27), изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти І. П. Желѣзнова и сохраненныхъ тѣмъ же Савичевымъ, напр. его письма, аттестатъ, разныя замѣтки на память, оффиціальная переписка съ бывшимъ наказнымъ атаманомъ А. Д. Столыпинымъ, (отецъ предсѣд. Совѣта Мин овъ), походящій журналъ атамана сверюжьяго рыболовства и дневникъ Желѣзнова; наконецъ, изъ воспоминаній о Желѣзновѣ О. Л. Аничкина, Ф. П. Ротнова, А. П. Чапкаева, К. З.

сотнѣ, участвовалъ въ кампаніи 1812 года, побывалъ за границей, сражался при Магдебургѣ, принималъ участіе въ блокадѣ Гамбурга; по возвращеніи въ Уральскъ былъ назначенъ начальникомъ Гребенщиковскаго форпоста, оттуда былъ командированъ въ экспедицію за границу до Аральскаго моря подъ командою полковника Берга. Изъ Указа объ его отставкѣ (1830 года) видно, что у него былъ „сынъ Игнатій 28 лѣтъ, который въ службѣ урядникомъ состоялъ въ комплектѣ, къ повышенію чиновъ по незнанію грамотѣ не аттестованъ".

Объ отцѣ Іоасафа Игнатьича, Игнатіи Денисовичѣ, извѣстно очень мало. Покойникъ И. Ѳ. Савичевъ говоритъ про него *): „урядникъ чиномъ, онъ былъ послѣднимъ типомъ того стараго казачества, которое ни въ чемъ не давало себѣ удержу; онъ мало жилъ дома, ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти, кажется, въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія".

Послѣ пропажи отца, Желѣзновъ остался грудянымъ ребенкомъ. Дальнѣйшимъ воспитаніемъ, первоначальнымъ обученіемъ въ Гурьевѣ и поступленіемъ въ войсковое училище онъ всецѣло обязанъ своей матери, которую Іоасафъ Игнатьичъ сильно любилъ до послѣднихъ дней ея жизни; во время ученья почти ежегодно на каникулы ѣздилъ къ ней изъ Уральска въ Гурьевъ и, впослѣдствіи, въ Москвѣ, получивъ извѣстіе о ея смерти, горевалъ сильно, даже плакалъ.

И мать, съ своей стороны, была искренно привязана къ

Фокина, Д. В. Карташева, а также многихъ другихъ современниковъ Желѣзнова. Этотъ очеркъ былъ составленъ для 2-го изданія; въ 1901 г. онъ съ нѣкоторыми измѣненіями и значительными дополненіями (гл. IV) напечатанъ былъ мною отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: І. Н. Желѣзновъ, писатель-казакъ (изд. „Вѣстника каз. войскъ"). Въ настоящемъ изданіи очеркъ подвергся новому пересмотру и въ немъ сдѣланы новыя измѣненія и дополненія **Н. Б.**

*) Жизнь Іоасафа Игнатьича Желѣзнова, Ур. В. В. 70 г., №№ 22—27.

Друзья и соратники І. И. Желѣзнова:

НИКИТА ФЕДОРОВИЧЪ САВИЧЕВЪ.

† 1883.

сыну: несмотря на крайнюю бѣдность, она дѣлала все для сына, старалась одѣвать его какъ барченка и т. п. У покойника П. Ѳ. Савичева осталось одно собственноручное письмо матери Желѣзнова (27 іюня 1850 г.), написанное довольно хорошимъ почеркомъ, хотя и безграмотно. Письмо это дышетъ простотой и глубокой привязанностью. Между прочимъ почеркъ письма положительно напоминаетъ руку Желѣзнова, такъ что, я предполагаю, она сама учила его писать.

Въ 1836 году Желѣзновъ, для поступленія въ войсковое училище, былъ привезенъ въ Уральскъ и поселился у бабушки, бѣдной, но очень заботливой и любившей внучка старушки.

Судя по письму одного изъ сверстниковъ Желѣзнова А. П. Чапкаева, съ раннихъ лѣтъ ему была свойственна страсть къ чтенію книгъ; за этимъ занятіемъ онъ съ Чапкаевымъ просиживали зимою цѣлыя ночи, а лѣтомъ предавались беззавѣтно казачьимъ играмъ.

Отмѣчаемъ небезынтересный фактъ изъ ихъ жизни того времени,—это знакомство съ кузнецомъ Жадаевымъ. Жадаевъ, старикъ лѣтъ 70, прожилъ въ Уральскѣ лѣтъ 50; онъ разсказывалъ имъ про прежнее приволье жизни на Уралѣ, про богатства былыхъ лѣтъ, а также про бывшія на его глазахъ смуты въ войскѣ: „какое-то нѣмое, но жгучее чувство, пишетъ Чапкаевъ, заставляло насъ засиживаться до поздней ночи разсказовъ старика". Очевидно, старикъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на развитіе симпатій Желѣзнова къ Уральской старинѣ и къ прежней вольности казацкой.

„Въ 1839 г., сообщаетъ Чапкаевъ, около Іоасафа Игнатьича образовался кругъ нашихъ сверстниковъ, среди которыхъ строились довольно смѣлые планы въ духѣ казацкой вольницы. Съ осени 1840 г. І. П. окончательно перешелъ жить въ нашу семью. Въ это время послѣдовала съ нимъ рѣзкая перемѣна; онъ, какъ бы сказать, возмужалъ. Съ этой поры онъ рѣзко выдался впередъ изъ круга своихъ сверстниковъ, на него начали смотрѣть какъ на личность выходящую изъ ряда обыкновенныхъ. Впрочемъ и раньше, когда онъ былъ въ Гурьевѣ, его звали тамъ не иначе, какъ „отрокомъ"; эту

кличку, извѣстно, казаки присваиваютъ дѣтямъ, выдающимся изъ среды другихъ умственными способностями" *).

Въ подтвержденіе этого и гурьевскіе жители изъ стариковъ сообщаютъ, что Желѣзновъ еще съ молодости выказывалъ громадное честолюбіе, впереди себя никого не терпѣлъ. Въ войсковомъ училищѣ Желѣзновъ пробылъ до 1841 г., въ которомъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ.

Познанія, даваемыя войсковымъ училищемъ того времени, были очень ограничены: курсъ равнялся курсу уѣздныхъ училищъ; преподавались: Законъ Божій, Русскій языкъ, Исторія и Географія, Ариѳметика и Геометрія. Во всѣхъ этихъ предметахъ, какъ видно изъ оставшагося аттестата, Желѣзновъ оказалъ успѣхи „отличные" при поведеніи „благороднюмъ". Кромѣ того онъ слушалъ „дополнительный курсъ Россійской словесности" и въ ней оказалъ успѣхи „превосходные".

Метода преподаванія, какъ и повсюду въ тѣ времена, въ войсковомъ училищѣ была самая варварская, съ приправою различныхъ внушеній въ видѣ зуботычинъ, потасовки за волосы и т. п. Учителя большею частію были съ семинарскимъ образованіемъ, къ преподаванію относились самымъ казеннымъ образомъ. Исключеніе составлялъ только бывшій тогда штатнымъ смотрителемъ войсковаго училища В. Орловъ, о которомъ, по словамъ П. Ѳ. Савичева, Желѣзновъ, — да и не онъ одинъ, — вспоминалъ всегда съ уваженіемъ.

По окончаніи курса Желѣзновъ отправился къ матери въ Гурьевъ.

„Въ это время, говоритъ въ своемъ письмѣ Чапкаевъ, атаманомъ Гурьева городка былъ П. М. Бородинъ *). Этотъ господинъ былъ хотя человѣкъ

---

*) У Желѣзнова въ I томѣ его „Уральцевъ" въ ст. „Картины казацкой жизни" есть мѣсто, гдѣ онъ останавливается на этомъ терминѣ подробно, выводя на сцену такого „отрока" въ лицѣ Мишки Хандохина.

*) Петръ Максимычъ Бородинъ отецъ покойнаго издателя „Дѣтскаго

и стараго закала, но скоро понялъ Желѣзнова и предложилъ ему поступить въ канцелярію, гдѣ онъ сразу стушевалъ посѣдѣвшихъ въ канцелярскихъ каверзахъ С. П. Ч. и какого-то К. Въ одномъ лишь Іоасафѣ Игнатьевичѣ не сходился съ Петромъ Максимычемъ: „ты, Іоасафъ, все не тутъ ставишь точки и запятыя!" — говаривалъ часто Петръ Максимычъ".

Очевидно Петръ Максимычъ былъ съ Желѣзновымъ въ самыхъ теплыхъ отношеніяхъ, и Іоасафъ Игнатьевичъ считалъ его за отца роднаго и обращался къ нему со всѣми болѣе или менѣе серьезными вопросами въ жизни. О жизни Желѣзнова въ Гурьевѣ Савичевъ пишетъ слѣдующее: „Здѣсь представилась воспріимчивому уму Желѣзнова новая пища—жизнь простаго народа, жизнь гурьевцевъ, этихъ отважныхъ плавателей по Каспійскому морю. Впечатлѣнія неискашныя, непрошенныя врывались сами въ его молодую голову. Когда онъ впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ о бытѣ гурьевцевъ, я удивлялся его наблюдательности... Въ это время, надо полагать, онъ пріобрѣлъ ту массу свѣдѣній объ ахаиномъ рыболовствѣ, о прежней жизни гурьевцевъ и т. п., которая послужила канвой къ его прекраснымъ разсказамъ „Картины ахаинаго рыболовства" и „Василій Струняшевъ".

Служба въ канцеляріи ему не нравилась, и онъ не разъ высказывался, по словамъ Савичева, про нее такъ: „меня поражаетъ вся эта безтолковщина и бездѣлье, которыя называютъ дѣлами".

Въ 1844 г. онъ вмѣстѣ со смѣнившимся изъ Гурьева П. М. Бородинымъ пріѣхалъ въ Уральскъ, гдѣ принципалъ устроилъ Желѣзнова на мѣсто писца въ канцелярію наказнаго атамана, чтобы дать своему любимцу „выйти въ люди". Но Желѣзнову и тутъ не понравилось служить: онъ въ этомъ же году опредѣлился въ Гурьевскую линейную команду, откуда черезъ 2 мѣсяца его назначили начальникомъ Красноярскаго форпоста. Молодой начальникъ очень

Чтенія" и редактора „Уральск. Войсковыхъ Вѣдом." Вячеслава Петровича Бородина.

понравился красноярцамъ, они полюбили его, и память о немъ сохранилась у красноярцевъ по сіе время.

Судя по разсказамъ, Желѣзновъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ: онъ такъ просто обращался съ сѣрыми казаками, былъ такъ ласковъ и обходителенъ со всѣми, что во всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, оставлялъ самое отрадное воспоминаніе. Казаковъ онъ любилъ искренно, беззавѣтно, и эту любовь, очевидно по инстинкту, простой народъ чувствовалъ и съ своей стороны отвѣчалъ такимъ расположеніемъ, искренностью и откровенностью, какими едва-ли кто изъ лицъ привилегированныхъ и офицеровъ пользовался когда-либо со стороны казаковъ.

Этому обстоятельству Желѣзновъ и обязанъ тѣмъ, что такъ близко зналъ бытъ казаковъ и такъ реально очертилъ его въ своихъ „Картинахъ казацкой жизни". Выведенныя въ этихъ картинахъ, а также въ „Сайгачишкахъ", лица— портреты съ живой дѣйствительности; большая часть ихъ даже фигурируетъ подъ собственными фамиліями. Въ Красноярскомъ форпостѣ онъ прожилъ болѣе года. Отсюда весной 1846 г. былъ заброшенъ службою въ киргизскую степь, въ Уральское укрѣпленіе.

Служба въ степи при отсутствіи „свѣжихъ" людей, съ ея нестерпимой скукой, для живаго и впечатлительнаго Желѣзнова была не по нутру, и отъ службы этой у него осталось воспоминаніе самое скверное: онъ всегда боялся, чтобы ему не досталось какъ-нибудь опять идти на службу въ степь. Отъ скуки Желѣзновъ часто охотничалъ на сайгаковъ и кабановъ, близко познакомился съ киргизской степью и ея обитателями, и эти наблюденія не пропали для него даромъ, послуживъ матеріаломъ для многихъ страницъ „Василія Струняшева", гдѣ рѣчь идетъ о киргизской степи.

Въ 1847 г. Желѣзновъ кончилъ службу въ степи и вернулся въ Уральскъ. Весной 1848 года было объявлено о сформированіи отъ Уральскаго войска экстреннаго полка. Желѣзновъ записался въ него по охотѣ, разсчитывая, что

полкъ пойдетъ, какъ тогда носились слухи, за границу. Но вмѣсто заграницы онъ даже изъ предѣловъ войска не скоро выступилъ. Войско потратило на его сборку массу денегъ, а онъ между тѣмъ долженъ былъ цѣлый годъ простоять въ домахъ, слѣдовательно на своемъ коштѣ, такъ что служивые казаки проѣли всѣ остатки отъ наемки и выступили на другой годъ въ походъ безъ копѣйки.

Къ этому времени бездѣльнаго проживанія въ войскѣ относится первая романическая исторія Іоасафа Игнатьевича, исторія подробно и довольно непринужденно описанная имъ въ формѣ какъ бы литературнаго произведенія, хотя первоначально сообщеніе ея предназначалось только двоюродному брату его, П. С. Желѣзнову.

Изъ письма видно, что еще весною 1848 г. онъ близко познакомился съ дочерью нѣкоего Е. Ст. Пономарева и, съ согласія матери ея, обручился съ нею при назначеніи въ полкъ, взявши съ нея слово не выходить до его возвращенія замужъ. Героиня названа въ его разсказѣ Вѣрой. Еще и полкъ не вышелъ, какъ холера унесла у Вѣры и мать, и отца: она осталась сиротой у своего дяди, который немедленно просваталъ ее за кого-то противъ ея желанія. Желѣзновъ мучился, но сдѣлать ничего не могъ. Хотѣлъ заглушить страсть, уѣхалъ изъ Уральска, но подъ конецъ не вынесъ и захотѣлъ снова увидать ее. При этомъ-то свиданіи онъ и рѣшился жениться, хотя ему предстояло вскорѣ идти на службу и у него не было никакихъ средствъ. Но все-таки, раньше, чѣмъ сдѣлать рѣшеніе окончательнымъ, онъ пошелъ посовѣтоваться къ своему принципалу, бывшему гурьевскому начальнику, который главнымъ образомъ и способствовалъ тому, что женитьба не состоялась. Этотъ господинъ, котораго самъ Желѣзновъ называлъ своимъ благодѣтелемъ и чтилъ не менѣе отца роднаго, расписалъ ему яркими красками всю прелесть семейной жизни безъ гроша въ карманѣ и въ заключеніе добавилъ: „если бы такую вещь затѣялъ сынъ мой, я бы сейчасъ велѣлъ высѣчь его лозами“... „Послѣ такого убѣдительнаго довода, пишетъ

Желѣзновъ, я замолчалъ, опустивъ голову на грудь въ знакъ смиренія и покорности".

Конецъ разсказа писанъ уже въ декабрѣ 1848 г. „въ хуторѣ на р. Башкиркѣ, въ горахъ Общаго Сырта". Разсказъ несомнѣнно представляетъ одну изъ юношескихъ литературныхъ попытокъ Желѣзнова; въ его рукописяхъ онъ остался переписаннымъ на-бѣло съ эпиграфомъ, выражающимъ насмѣшку по отношенію къ автору: „Бѣда, коль пироги пачнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ!" Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что произведеніе это не предназначалось авторомъ для печати, что ясно высказываетъ онъ въ той же рукописи: „черчу сіи строки, цѣли и предназначенія коихъ совершенно не вѣдаю; только то знаю, что пишу не въ печать".

Въ 1849 г. экстренный полкъ получилъ приказаніе выступить въ Москву и 1 іюня выступилъ изъ Уральска. Желѣзновъ, вмѣстѣ съ Савичевымъ, былъ прикомандированъ къ полковой канцеляріи. Изъ Москвы полкъ направили въ Кіевъ, а затѣмъ размѣстили по деревушкамъ Кіевской и Волынской губерній. Все это путешествіе съ полкомъ подробно описано Н. Ѳ. Савичевымъ *), почему я здѣсь не стану останавливаться на немъ. Скажу только, что путешествіе несомнѣнно имѣло громадное воспитательное значеніе для Желѣзнова, не видавшаго раньше ничего кромѣ своей родины. здѣсь онъ воочію познакомился съ крѣпостнымъ правомъ и, какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный и гуманный,—возмущался имъ до глубины души; онъ лично познакомился съ тою ратью великою и въ то же время скромною, которая своимъ богатырскимъ трудомъ на мирномъ полѣ—пашнѣ—кормитъ всю Россію; ему, не пропускавшему ни одного случая побесѣдовать съ встрѣчающимися лицами, не разъ доводилось слышать разсказъ ветерана-инвалида, потерявшаго и силу, и здоровье на полѣ бранномъ и безжалостно выпнутаго теперь съ казен-

*) См. „Жизнь І. Н. Желѣзнова" въ Ур. В. В. 1870 года.

наго хлѣба долой... Все это ложилось на впечатлительную душу Желѣзнова и, по словамъ его товарища Савичева, онъ замѣтно сдѣлался серьезнѣе,—прежняя беззаботность покинула его.—Только проходя черезъ Черниговскую губернію, гдѣ населеніе еще помнило казачьи традиціи и съ восторгомъ встрѣчало нашихъ казаковъ, Желѣзновъ немного оживился. Ему пріятно было встрѣтить хоть отчасти родное и успокоить свою возмущенную печальнымъ путешествіемъ черезъ Великороссію душу... Въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени Н. Ѳ. Савичевъ, между прочимъ, записалъ слѣдующій фактъ, который имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ указанія на начало проявленія литературнаго таланта Іоасафа Игнатьевича.

„Однажды ѣхали мы всей полковой канцеляріей далеко позади полка... Желѣзновъ, между прочимъ, разсказалъ намъ о страшномъ „относѣ“ въ открытое Каспійское море гурьевскихъ ахапныхъ рыбопромышленниковъ въ 1843 г. Разсказъ этотъ былъ такъ живописно ясенъ, отдѣльные эпизоды гибели казаковъ и ихъ спасенія такъ рельефны, что мы были поражены страшною, краснорѣчивою и столько же правдоподобною повѣстью объ этомъ событіи, о которомъ разскащикъ слышалъ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ трагическаго происшествія. Вообще, Желѣзновъ не мастеръ былъ говорить, въ чемъ онъ и самъ сознавался; какъ человѣкъ болѣе сосредоточенный, онъ былъ не говорливъ; но бывалъ и у него иногда часокъ, когда онъ говорилъ что отшлифованное некрометное желѣзо ковалъ. Такъ было и тогда. Я настоятельно просилъ его написать этотъ разсказъ и напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ, какъ вещь со всѣхъ сторонъ интересную. Онъ покачалъ головой и полупечально сказалъ: „Куда нашему брату, полуграмотному, въ печать соваться!“ Однако, задумался. На другой день я опять приставалъ къ нему, и онъ обѣщалъ написать статью объ ахапномъ рыболовствѣ, только когда полкъ придетъ на постоянныя квартиры“.

Жизнь въ Малороссіи была настолько бѣдна впечатлѣніями, что по словамъ Желѣзнова, ему лучше бы было проспать эти два года, которые онъ прожилъ въ захолустьѣ, въ бездѣйствіи. За эти два года обѣщанной статьи объ ахапномъ рыболовствѣ онъ написалъ всего 2 листа. Но и здѣсь на службѣ Желѣзновъ не переставалъ дѣлать наблюденія надъ казачьей жизнью: онъ прислушивался къ сказаніямъ

казачьимъ и нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи отпечаталъ *).

Единственно, что имѣло болѣе или менѣе серьезное значеніе въ смыслѣ дальнѣйшаго образованія Желѣзнова, —это близкое знакомство, дружба его съ полковымъ командиромъ Ив. Ем. Акутинымъ. Не смотря на большую разницу въ лѣтахъ, чинахъ и положеніи, начальникъ полюбилъ своего подчиненнаго (урядника чиномъ), какъ роднаго, и былъ до могилы другомъ и покровителемъ Желѣзнова. Акутинъ, по отзывамъ всѣхъ современниковъ и знавшихъ его лицъ, былъ для своего времени человѣкъ передовой по образованію и, само собою, передавалъ запасъ знаній своему молодому другу, Желѣзнову.

Осенью 1851 года полкъ вернулся на родину. Желѣзновъ уѣхалъ въ Гурьевъ, гдѣ и занялся окончаніемъ своей статьи объ ахающемъ рыболовствѣ. Въ 1852 г. онъ былъ произведенъ въ хорунжіе по представленію полковаго командира Акутина, который, отличаясь вообще оригинальностью и не терпя обычныхъ формъ, представилъ Желѣзнова не за обычныя „выслугу лѣтъ“ или „отличіе по службѣ“, а „за отличныя умственныя способности“. Въ томъ же году кончилъ онъ статью объ ахающемъ рыболовствѣ и поручилъ передать ее для напечатанія гдѣ-нибудь офицеру, отправлявшемуся съ „презентомъ“ къ царскому двору. Савичевъ сообщаетъ по поводу судьбы этой рукописи очень интересный для характеристики тогдашнихъ литературныхъ нравовъ фактъ. „Одинъ извѣстный издатель извѣстнаго журнала предлагалъ за статью эту 25 руб. съ тѣмъ, что онъ, выправивъ и сгладивъ слогъ Желѣзнова, напечатаетъ исправленное произведеніе это въ числѣ своихъ сочиненій“.

Желѣзновъ не согласился на это, говоря: „пусть какая ни есть моя статья, но моя, а когда ее выправятъ, да передѣлаютъ, я тогда не узнаю мое дѣтище“. Статья была ему

*) Напр. „Калмыцкій адъ“, „Крючекъ и вилка“ и др. Написаны они были имъ значительно позже, незадолго до смерти (февраль 1863 г.).

возвращена. Въ pendant къ этому считаю не лишнимъ сообщить слѣдующее. По словамъ одного изъ уральскихъ офицеровъ, статью эту будто бы просматривали и выправляли бывшіе тогда въ солдатахъ баталіона, стоявшаго въ Уральскѣ, А. И. Плещеевъ и А. Ханыковъ. По архивнымъ дѣламъ дѣйствительно видно, что въ это время служили въ рядовыхъ помянутаго баталіона зачисленные за политическое преступленіе по Высочайшему повелѣнію А. И. Плещеевъ и А. Ханыковъ *). Для выясненія вопроса, дѣйствительно ли рукопись Желѣзнова была на просмотрѣ у этихъ лицъ, я обращался съ письмомъ къ маститому поэту. Какъ видно изъ его отвѣта, лично Плещеевъ никакихъ рукописей Желѣзнова не исправлялъ, относительно же Ханыкова сказать положительно не могъ.

Этимъ я закончу первый періодъ жизни І. И. Желѣзнова, и перейду къ второму періоду— его жизни въ Москвѣ.

---

*) Въ этихъ дѣлахъ есть ежемѣсячно представлявшіяся въ штабъ дивизіи вѣдомости всѣхъ зачисленныхъ въ солдаты по Высочайшему повелѣнію съ отмѣтками противъ каждаго о продвиженіи, о проступкахъ, за которые зачисленъ каждый въ солдаты, о поведеніи, объ усердіи къ службѣ, объ успѣхахъ по фронту. Не довольствуясь этими отмѣтками, штабъ дивизіи потребовалъ еще въ особой графѣ отмѣчать „объ образѣ мыслей“ ежемѣсячно. И баталіонная канцелярія въ точности исполняла предписаніе начальства, дѣлая въ соотвѣтствующей графѣ на вопросъ: „каковъ въ образѣ мыслей?“ отмѣтки въ родѣ слѣдующей: „неприличныхъ къ чтенію“ (о Ханыковѣ).

II.

Назначеніе въ Московскій полуполкъ.—Жизнь въ Москвѣ и московскія знакомства.—Выступленіе на литературное поприще: статья объ ахаиномъ рыболовствѣ.—Отношеніе къ ней періодической прессы.—Самообразованіе Желѣзнова.—Полемика съ Небольсинымъ.—Симпатіи и убѣжденія Желѣзнова.—Литературные труды за время 1854—58 года.—Отпускъ и лѣто 1858 года на Уралѣ.—Путевыя замѣтки и собранные въ эту поѣздку матеріалы.—Первое изданіе сочиненій Желѣзнова и отношеніе къ нимъ періодической прессы.—Вліяніе славянофиловъ на направленіе литературной дѣятельности Желѣзнова.—„Преданія и пѣсни", „Сказанія", „Преданія о Пугачевѣ" и др. его произведенія послѣдующаго періода.—Занятія исторіей войска и работа по московскимъ архивамъ.—Изъ воспоминаній С. В. Максимова о московскомъ періодѣ жизни І. П. Желѣзнова.—Обзоръ статей І. П. Желѣзнова времени 1860—61 годовъ.

Къ сожалѣнію о московской жизни І. П. Желѣзнова имѣется очень мало данныхъ. Савичевъ почему-то въ своей біографіи очень недолго останавливается на этомъ періодѣ жизни Іоасафа Игнатьича и почти совсѣмъ не разъясняетъ послѣдовательнаго развитія его литературнаго таланта, не очерчиваетъ направленія тѣхъ кружковъ, въ которыхъ онъ бывалъ. Другіе изъ его оставшихся въ живыхъ товарищей также мало, сравнительно, знаютъ о его времяпрепровожденіи и главное о его знакомствахъ, и интересахъ, его занимавшихъ. Постараюсь сгруппировать въ этой главѣ данныя, которыя разбросаны въ ст. Савичева, въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени О. Л. Ашихина и Ф. И. Ротнова, обязательно сообщившихъ мнѣ все, что они помнятъ болѣе или менѣе интереснаго изъ московской жизни І. П. Желѣзнова.

Въ Москвѣ Желѣзновъ состоялъ адъютантомъ при полковомъ командирѣ (К. Ф. Бизяновѣ) и жилъ въ его квартирѣ, какъ членъ семьи. О. Л. Ашихинъ служилъ въ полковой канцеляріи писаремъ и, стало быть, по своему положенію былъ близокъ къ Желѣзнову. Первый годъ пребыванія въ Москвѣ Желѣзновъ ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ офицеровъ: вмѣстѣ съ ними кутилъ и знакомствъ среди литераторовъ еще не пріобрѣлъ. Но затѣмъ

онъ познакомился съ нѣкіимъ Дріянскимъ и Шаповаловымъ, которые ввели его въ кругъ московскихъ литераторовъ. Съ этого времени онъ почти не занимался въ полковой канцеляріи, вполнѣ отдавшись чтенію и умственному труду; познакомившись съ дѣлопроизводствомъ Аничкина, самъ онъ лишь подписывалъ бумаги и только въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ принималъ личное участіе.

Подобное отношеніе къ дѣлу, а особенно слишкомъ не начальническое отношеніе Желѣзнова къ подчиненнымъ писарямъ, полное отсутствіе въ этихъ отношеніяхъ дисциплины, не нравилось полковому командиру, и не разъ по этому поводу у него съ Желѣзновымъ происходили стычки. Но, вообще говоря, Желѣзновъ пользовался у Бизянова большою пріязнью и несомнѣнно имѣлъ на него сильное вліяніе, не смотря на то, что Бизяновъ былъ значительно старше годами, чинами и былъ его начальникомъ. О. Л. Аничкинъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что во всѣхъ столкновеніяхъ Желѣзновъ всегда настаивалъ на своемъ, а полковой командиръ уступалъ. Первое свое произведеніе — „Картины ахаинаго рыболовства“ — Желѣзновъ давалъ прочитывать многимъ изъ своихъ пріятелей для того, чтобы узнать мнѣніе о немъ, и мысль о томъ, насколько оно удовлетворяетъ требованіямъ отъ литературной работы, очевидно, сильно безпокоила его.

Какъ сказано выше, Дріянскій и Шаповаловъ ввели его въ кругъ литераторовъ; у Шаповалова, въ его домѣ *), устраивались литературные вечера; на нѣкоторыхъ участвовали: Островскій, Погодинъ, Григорьевъ и еще многіе, которыхъ г. Аничкинъ, разсказавшій объ этомъ времени, не помнитъ. На этихъ вечерахъ читались авторами статьи, приготовленныя къ печати; между прочимъ Островскій читалъ одну изъ своихъ драмъ **). Здѣсь-то І. П. Желѣзновъ познако-

*) Это былъ довольно состоятельный человѣкъ, помѣщикъ.

**) Въ то время читающей публикѣ уже были извѣстны комедіи, встрѣченныя съ восторгомъ: „Свои люди—сочтемся“ и „Бѣдная невѣста“.

мился съ Погодинымъ, изд. и ред. журнала „Москвитянинъ". Ему онъ передалъ свою статью „Картины ахайнаго рыболовства", которая и была вскорѣ напечатана въ его журналѣ (Москвит. №№ 9 и 10, 1854).

У меня нѣтъ подъ руками достаточно данныхъ для того, чтобы судить о пріемѣ, сдѣланномъ критикой, въ ея цѣломъ, вновь появившейся статьѣ. По отзывамъ всѣхъ она принята была очень сочувственно. „Отеч. Записки" дали слѣдующій отзывъ:

„Это довольно живой разсказъ о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ Уральцы подвергаются во время своего ахайнаго рыболовства, о той неимовѣрной смѣлости и находчивости, съ какою борются они противъ страшныхъ морскихъ невзгодъ... (изложено вкратцѣ содержаніе статьи). І. Желѣзновъ очень недурно рисуетъ всѣ эти интересныя сцены и кромѣ того успѣваетъ сообщить довольно много подробностей о бытѣ и правахъ Уральцевъ. Кого не остановитъ нѣкоторая цвѣтистость первыхъ страницъ его разсказа, тотъ не пожалѣетъ, что продолжалъ читать статью и навѣрно прочитаетъ ее съ возрастающимъ интересомъ до самаго конца".

Вскорѣ послѣ того появилась вторая статья Желѣзнова въ томъ же „Москвитянинѣ" (№ 14, 1854 г.) подъ назв. „Башкирцы", которая была встрѣчена также довольно радушно.

Самъ Погодинъ послѣ прочтенія „Картинъ ахайнаго рыболовства" говорилъ про Желѣзнова слѣдующее: „въ немъ несомнѣнно есть талантъ, и если бы онъ получилъ получше образованіе, онъ далеко пошелъ бы! Я благословилъ его на литературное поприще и ошибся въ его призваніи" *).

Это „если бы...", этотъ недостатокъ всесторонняго образованія, на который указывали конечно изъ желанія ему же добра, пріятели и знакомые Желѣзнова, а также критика, —несомнѣнно онъ и самъ чувствовалъ и сознавалъ. Поэтому послѣ напечатанія статьи „Башкирцы" онъ засѣлъ за самообразованіе.

---

*) Со словъ О. Л. Аничхина.

„Самородокъ нашъ, говоритъ Н. Ѳ. Савичевъ, началъ учиться. Ему было тогда 30 лѣтъ, но Желѣзновъ не отступалъ отъ того, что разъ себѣ задалъ; онъ сказалъ: лучше поздно, чѣмъ никогда, и принялся усиленно работать надъ самимъ собою. Ему предлагали тогда быть вольнымъ слушателемъ въ университетѣ, но онъ не согласился, потому, вѣроятно, что чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ слушанію университетскаго курса. Да и вообще систематическое образованіе не шло къ нему ни по лѣтамъ, ни по характеру. Планъ самовоспитанія у него былъ свой".

Къ сожалѣнію въ воспоминаніяхъ Н. Ѳ. Савичева нѣтъ подробнаго изложенія, каковъ это былъ п л а н ъ, каковы были книги, которыми онъ „обложился". Но несомнѣнно только то, что онъ старался пріобрѣсти какъ можно больше знакомствъ среди литераторовъ: познакомился кромѣ того кружка редакціи „Москвитянина", съ которымъ встрѣчался у Шаповалова,—съ Катковымъ, Аксаковымъ, ближе сошелся съ Островскимъ, который принималъ его всегда очень радушно.

Знакомство съ литераторами-славянофилами, особенно съ такою выдающеюся изъ нихъ личностью, какъ И. С. Аксаковъ, несомнѣнно должно было сильно повліять на направленіе мыслей І. И. Желѣзнова, и это вліяніе видно въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ и особенно бросается въ глаза въ направленіи его литературной дѣятельности послѣдующаго періода съ 1858—61 годъ. Къ тому же его пріятель И. И. Шаповаловъ былъ по убѣжденіямъ тоже славянофилъ: по словамъ О. Л. Аничхина, онъ ходилъ въ красной рубахѣ, плисовой поддевкѣ и смазныхъ сапогахъ *)—непремѣнные аттрибуты исповѣдующаго ученіе славянофильства. Но Желѣзновъ, реалистъ по природѣ, воспользовался идеями славянофиловъ, витавшихъ въ большинствѣ случаевъ въ области теоріи, для примѣненія ихъ на практикѣ. Будучи по

*) Къ сожалѣнію для болѣе или менѣе подробной характеристики двухъ близкихъ пріятелей Желѣзнова—Шаповалова и Дріянскаго—у меня нѣтъ данныхъ. По словамъ Ф. И. Ротнова, Шаповаловъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, Дріянскій тоже кое-что понисывалъ, напр. въ „Библ. для Чтенія" 1857 года его ст. „Записки мелкотравчатаго", которыя перепечатывались въ видѣ приложенія къ „Природѣ и Охотѣ" за 1883 годъ.

природѣ и убѣжденіямъ истымъ казакомъ, видѣвшимъ на своей родинѣ въ оригинальномъ общинномъ устройствѣ казаковъ, въ ихъ бытѣ и исторіи массу въ высшей степени симпатичныхъ и притомъ дѣйствительно совершенно самобытныхъ чертъ, Желѣзновъ несомнѣнно нашелъ въ ученіи славянофиловъ много общаго съ своими собственными симпатіями, выработанными не теоріею, а тѣснымъ общеніемъ съ простыми казаками и знакомствомъ съ исторіей казачества.

Тенденціи чистаго казачества несомнѣнно имѣли много общаго съ тенденціями славянофильства. Такимъ образомъ Желѣзновъ воспользовался готовыми и болѣе или менѣе научно обоснованными теоріями славянофиловъ, чтобы примѣнить ихъ къ Уральскому войску, въ своей родной землѣ Уральскихъ казаковъ, къ которой былъ привязанъ всею душою и изученію которой посвятилъ всѣ свои силы, способности и труды. Этимъ обстоятельствомъ именно и объясняется то, что Желѣзновъ не впалъ въ односторонности и крайности славянофильскаго направленія, сгубившія окончательно это въ высшей степени симпатичное, при первомъ его появленіи, направленіе, оказавшее не мало услугъ развитію „народной“ литературы, т.-е. литературы, посвященной исключительно изученію простаго народа.

У Островскаго Желѣзновъ бывалъ очень часто и принятъ былъ какъ свой человѣкъ между другими сотрудниками „Молодаго Москвитянина“ *), главою которыхъ считался Островскій. Островскій его очень любилъ **), всѣ со-

---

*) Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда повѣяло отовсюду новыми идеями, редакторъ „Москв.“ М. П. Погодинъ, какъ человѣкъ неглупый, измѣнилъ составъ сотрудниковъ, пригласивъ Островскаго, Филиппова, Писемскаго и др.,—эта новая редакція и называлась, въ отличіе отъ первой, — редакціей „Молодаго Москвитянина“.

**) Въ 1886 г., когда былъ поднятъ вопросъ объ изданіи „Преданій, сказаній и пѣсенъ Уральск. казаковъ“ В. П. Бородинымъ, этотъ послѣдній заручился согласіемъ А. П. Островскаго написать о Желѣзновѣ воспоминанія, которыя, конечно, всего болѣе могли бы освѣтить московскую жизнь І. П. Же-

трудники относились къ нему какъ къ лицу въ высшей степени симпатичному.

По словамъ Пв. Ѳед. Горбунова, встрѣчавшаго Желѣзнова у Островскаго, онъ былъ очень сосредоточенъ въ себѣ, говорилъ мало, но иногда развертывался, когда разговоръ заходилъ о казачествѣ, особенно о положеніи казачьяго офицера, а въ томъ числѣ и его личное, сѣтуя на то, что ему, хотѣвшему остаться въ Москвѣ, гдѣ его пригрѣли и приласкали, хотѣвшему посвятить себя литературной дѣятельности, придется ѣхать на родину, идти служить въ степь, „киргизскихъ вшей давить". По словамъ С. В. Максимова, тонъ его тогдашнихъ рѣчей какъ нельзя лучше отразился въ статьѣ: „Что такое казачій офицеръ?"

Вообще, когда разговоръ касался казаковъ и ихъ исторіи, онъ былъ тутъ въ своей сферѣ и, по словамъ одного его знакомаго, „съ нимъ на этой почвѣ нельзя было справиться".

Изъ другихъ московскихъ знакомыхъ І. П. Желѣзнова О. Л. Аничхинъ указываетъ на А. Н. Бекетова, который иногда у него бывалъ, на братьевъ Дормидонта и Ѳедора Никифоровичей Плевако, въ домѣ которыхъ онъ квартировалъ и съ которыми былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Младшій (знаменитый адвокатъ) былъ тогда еще студентомъ. Къ сожалѣнію и объ этихъ знакомствахъ у меня нѣтъ болѣе подробныхъ данныхъ.

Считаю нелишнимъ отмѣтить слѣдующій не лишенный интереса фактъ относительно Желѣзнова, фактъ сообщенный художникомъ Д. В. Карташевымъ *):

„Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ П. О. Савиченымъ, я съ Желѣзновымъ встрѣчался очень рѣдко; зналъ его, читалъ первые его литературные опыты, но съ частной жизнью не знакомъ. Помню одно только то, что онъ увлекся было скульптурою, вылѣпилъ небольшую группу казаковъ-ры-

---

лѣзнова. Къ сожалѣнію, нашъ маститый драматургъ скончался въ томъ же году, не успѣвъ выполнить своего обѣщанія.

*) Привожу здѣсь дословно, выписку изъ его письма ко мнѣ.

болововъ; въ этой работѣ видна была способность, но положительное отсутствіе изученія формъ и рисунка. Одолѣть это—было не въ характерѣ Желѣзнова,—его мысли нуженъ былъ просторъ, и весьма естественно, что онъ избралъ литературу, которую такъ блестяще началъ своею первою статьею: „Картины ханнаго рыболовства“...

Изъ послѣдующихъ статей Желѣзнова слѣдуетъ отмѣтить, хотя неважную по содержанію, но очень характерную для освѣщенія личности автора и его симпатій,—полемику его съ г. Небольсинымъ по поводу статьи послѣдняго „Уральцы“, въ которой Небольсинъ въ фельетонномъ духѣ и съ развязностью туриста наговорилъ про Уральцевъ массу нелѣпостей, что и возмутило Желѣзнова. Вообще въ спорѣ человѣкъ противъ своей воли высказывается всегда гораздо болѣе, чѣмъ въ обыкновенной хладнокровной бесѣдѣ. Этимъ я и воспользуюсь, чтобы бросить свѣтъ на симпатіи Іоасафа Игнатьевича.

Въ этой полемикѣ всецѣло вылился въ лицѣ самого автора типъ казака, и душою и тѣломъ привязаннаго къ своей родинѣ, казака, для котораго свята и дорога всякая мелочь его быта, для защиты которой онъ готовъ идти въ огонь и воду. Въ его горячей полемикѣ съ Небольсинымъ по поводу злосчастной „девятой пуговки“ на уральскомъ сарафанѣ, полемикѣ, мѣстами доходящей до смѣшного,—что Желѣзновъ и самъ повидимому чувствовалъ,—высказался именно этотъ типъ „казакомана“, какимъ несомнѣнно былъ І. И. Желѣзновъ.

„Что-жъ, пусть судятъ меня,—пишетъ онъ по поводу самимъ же высказываемаго предположенія о странности спора о какой-то пуговкѣ,—но я суда этого не боюсь: я правъ, на моей сторонѣ слово „Уралецъ“. Моя мать носила, мои сестры носятъ сарафаны: а можетъ ли сынъ и братъ смолчать, когда кому-либо, хоть напр. г. Небольсину.. вздумается смѣяться такъ грубо, такъ пошло надъ его матерью, надъ его сестрами?“ И противъ этого положительно ничего сказать нельзя... Какъ оскорбляло его національное

чувство всякое вранье въ литературѣ, да еще съ обидпымъ характеромъ, такъ же точно оскорбляло его полное незнаніе—даже среди интеллигенціи—уральскихъ казаковъ, незнаніе, доходящее до того, что образованные люди не имѣютъ понятія о томъ, гдѣ эти казаки живутъ, есть ли у нихъ свои семьи,—думаютъ, что это дикари, мало чѣмъ отличающіеся отъ киргизъ... „Ну, на что же это похоже?“ говоритъ по этому поводу Желѣзновъ... Вся статья дышетъ любовью къ казакамъ, онъ не упускаетъ случая сообщить отъ себя интересныя данныя о бытѣ казаковъ и ихъ исторіи. „Кому не пріятно возводить родословную своего дома,—а Уральское казачье войско есть мой домъ, моя семья, —до временъ отдаленныхъ“, говоритъ онъ по поводу своихъ выводовъ о началѣ появленія яицкихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія. Онъ съ гордостью отмѣчаетъ фактъ, что на службѣ казаки съ большою неохотою идутъ въ денщики и драбанты: „это характеристическая черта всѣхъ природныхъ казаковъ“.

Небольсинъ, тогда уже извѣстный литераторъ, возражалъ на эту статью Желѣзнова, но, какъ можетъ каждый убѣдиться, очень неудачно, пустивъ въ ходъ уже прямую ложь, въ которой Желѣзновъ не преминулъ уличить его *).

Еще въ концѣ 54 года Желѣзновъ началъ печатаніе большой исторической повѣсти изъ жизни Уральскихъ казаковъ подъ заглавіемъ „Уральская старина. Василій Струняшевъ“. Начало ея было помѣщено въ „Москвитянинѣ“ 1854—55 годовъ, а продолженіе въ „Отеч. Зап.“ за 1857 годъ.

Помимо благотворнаго вліянія на развитіе литературнаго таланта Желѣзнова составъ того кружка литераторовъ, о которомъ выше было говорено, самыя событія того времени, самый духъ времени несомнѣнно имѣли громадное значеніе въ укрѣпленіи и дальнѣйшемъ развитіи сим-

*) См. „Нѣсколько замѣчаній Уральскихъ казаковъ по поводу статьи Небольсина объ Уральскихъ казакахъ“ Желѣзнова, отвѣтъ Небольсина въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ № 168, 1855 г. и дополн. замѣтка Желѣзнова (см. т. II пов. изд.).

патій Желѣзнова. Крупные скандалы изъ сферъ оффиціальныхъ и частныхъ, извѣстія о крымскихъ событіяхъ—все это сильно интересовало Желѣзнова. Вообще время конца 50-хъ годовъ было какое-то особенное: въ воздухѣ чуялась близость реформы, когда можно будетъ вздохнуть свободнѣе; эта увѣренность въ близость лучшаго положительно преображала людей даже малоподвижныхъ, не говоря уже о такихъ личностяхъ, каковъ былъ Желѣзновъ: это была замѣчательно впечатлительная натура. Факты, которые для личности съ обычнымъ темпераментомъ прошли бы совершенно незамѣченными, задѣвали Іоасафа Игнатьевича за живое и притомъ такъ глубоко, что онъ долго не былъ въ состояніи послѣ того успокоиться. Савичевъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ въ своей біографіи Желѣзнова и замѣчаетъ, что І. И. обыкновенно выражался про свое состояніе въ эти минуты, что у него „желудокъ не варитъ". Эту крайнюю впечатлительность его надо имѣть постоянно въ виду при объясненіи того или другого изъ его поступковъ, и, несомнѣнно, на почвѣ именно этой впечатлительности создалась та комбинація его психической дѣятельности, которая привела его къ самоубійству... Но съ другой стороны эта же незаурядная впечатлительность художника помогла ему, получившему самое ограниченное образованіе, создать такія прекрасныя „картины" изъ казачьей жизни, „отъ которыхъ бы не отказались, по словамъ одного изъ критиковъ Желѣзнова, и лучшіе изъ нашихъ писателей".

Желѣзновъ, повидимому, съ самаго пріѣзда въ Москву занимался русской исторіей, особенно исторіей казачества вообще и уральскихъ казаковъ въ частности. Уже въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ его произведеній видно довольно солидное знакомство съ исторіей войска,—это знакомство особенно замѣтно въ его статьѣ по поводу „ Исторіи Пугачевскаго бунта" Пушкина. Впослѣдствіи изученіе исторіи войска поглотило его совершенно.

Въ 1857 году долженъ былъ кончиться срокъ службы Желѣзнова въ Москвѣ, но онъ заранѣе просился у показнаго

атамана Г. М. Геке оставить его на второй срокъ въ Москвѣ, на что наказный атаманъ изъявилъ согласіе. Желѣзновъ вновь погрузился въ міръ литературы. Въ этомъ же году въ „Отеч. Зап." появились его „Сайгачники" и продолженіе „Василія Струпяшева". Усиленная умственная работа расшатала здоровье Желѣзнова: онъ началъ прихварывать, страдалъ одышкой и по-неволѣ сталъ меньше работать. Лѣтомъ слѣдующаго 1858 года онъ взялъ отпускъ и отправился на Уралъ, имѣя въ виду, очевидно, собрать побольше матеріаловъ, главнымъ образомъ, по изученію исторіи и міровоззрѣнія казачества. Поѣздка эта дѣйствительно была очень плодотворна. Желѣзновъ путешествовалъ теперь съ опредѣленною цѣлью: у него были намѣчены вопросы, разрѣшенія которыхъ онъ искалъ. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно на немъ сильно отразились славянофильскія тенденціи, а также и вообще тогдашнее направленіе въ литературѣ — изучать народъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ послѣдующія произведенія Желѣзнова носятъ характеръ этнографическій, самыя статьи историческаго характера — все же болѣе близки къ этнографіи, такъ какъ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ преданій, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ и имъ записанныхъ. Въ высшей степени характерно для освѣщенія тогдашнихъ взглядовъ Желѣзнова на народную жизнь и на цѣль ея изслѣдованія — предисловіе его къ оставшейся послѣ смерти въ рукописи и напечатанной впервые во 2-мъ изданіи статьѣ „Преданія о Пугачевѣ". Высказывая сожалѣнія о томъ, что на многое, слышанное въ дѣтствѣ и юности отъ современниковъ Пугачева, онъ не обратилъ никакого вниманія, не придавая разсказамъ никакого значенія, считая ихъ за болтовню, за лепетъ ребенка, не стоющіе вниманія „человѣка съ понятіемъ", и объясняя подобное отношеніе къ міровоззрѣнію народа вліяніемъ среды и отчасти литературы о казакахъ, — Желѣзновъ говоритъ: „точка зрѣнія ученаго с у д а р я *) на народъ не-

*) Такъ звали казаки урядниковъ, кончившихъ курсъ въ войсковомъ училищѣ.

ремѣнилась. Дойдя до сознанія о несостоятельности высшихъ офицерскихъ воззрѣній на народъ (заключавшихся въ томъ, что казакъ, болванъ, грубіянъ — синонимы), я обратился къ самому народу..., рьяно бросился въ поиски за народными преданіями".

Дѣйствительно, все лѣто, отчасти и осень 1858 года, онъ разъѣзжалъ по войску, отыскивалъ старшковъ и старушекъ и „подбиралъ крупицы, оставшіяся отъ стариннаго пированія". Изъ этихъ „крупицъ" составились его „Преданія о Пугачевѣ", его „Преданія и пѣсни" и большая часть его „Сказаній". Во время самаго путешествія онъ велъ путевыя замѣтки, въ которыхъ записывалось все болѣе или менѣе интересное относительно данной мѣстности: экономическія условія и нужды жителей, преданія и пѣсни, — все это находило свое мѣсто въ его „Замѣткахъ"; но особенно его интересовали, повидимому, преданія историческаго характера, въ которыхъ наиболѣе рельефно обрисовываются характеръ народа и образъ пониманія имъ вещей *).

Воспользовавшись пребываніемъ Желѣзнова въ Уральскѣ, лѣтомъ 1858 г., наказный атаманъ Столыпинъ далъ ему порученіе разобрать дѣла атаманской канцеляріи по расколу, „которыя, говорилось въ бумагѣ, ознакомивъ васъ ближе съ столь важнымъ предметомъ, во всякомъ случаѣ будутъ и для васъ полезны".

Въ рукописяхъ Желѣзнова остались довольно подробныя выписки изъ раскольничьихъ дѣлъ атаманской канцеляріи. Въ это же лѣто Столыпинъ предложилъ Желѣзнову написать „Исторію Уральскаго казачьяго войска", но тотъ не согласился, по предположенію Савичева, потому, что самое предложеніе отзывалось особенною настойчивостью, что не понравилось Желѣзнову. „Удивительные люди, — жаловался Желѣзновъ, — какъ они хотятъ легко распорядиться чужимъ трудомъ. Напиши мнѣ исторію, да непре-

*) Нѣкоторые наиболѣе интересные отрывки изъ этихъ „Путевыхъ замѣтокъ" помѣщены въ настоящемъ изданіи его сочиненій. (См. т. 1, стр. 465).

мѣшю къ четвергу, да еще придется угождать на вкусъ другихъ и жертвовать, можетъ быть, своими взглядами и убѣжденіями... Слуга покорный!"... *).

Пока Желѣзновъ путешествовалъ, издавались его сочиненія подъ названіемъ „Уральцы" въ 2-хъ томахъ. Изданіе съ типографскими издержками принялъ на себя другъ Желѣзнова, о которомъ упоминалось въ началѣ этой главы, Шаповаловъ. Въ эти 2 тома вошли нигдѣ раньше не напечатанныя „Картины казацкой жизни" и бывшіе уже въ печати „Сайгачишки", „Башкирцы", „Картины ахапнаго рыболовства", „Василій Струпяшевъ", „Критическая статья на исторію Пугачевскаго бунта" и „Мысли казака о казачествѣ". Эта послѣдняя статейка, выражающая взглядъ Желѣзнова на сущность казачества, написанная въ полемическомъ духѣ и очень ядовито, была помѣщена въ „Молвѣ" 1857 года и обратила, по словамъ Савичева, вниманіе на Желѣзнова, какъ на писателя, требующаго надзора.

По выходѣ въ свѣтъ „Уральцевъ", Желѣзновъ поднесъ одинъ экземпляръ ихъ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Сочиненіе это было благосклонно принято и награждено золотыми часами.

Въ періодической печати „Уральцы" были приняты весьма сочувственно: всѣ безъ исключенія рецензенты признали за авторомъ несомнѣнный талантъ прекраснаго разскащика, а за его произведеніями большой интересъ. Рецензіи появились во всѣхъ извѣстныхъ журналахъ: въ „Современникѣ", „Русскомъ Словѣ", „Библіотекѣ для Чтенія", и др. Въ виду того, что эти рецензіи характеризуютъ отношеніе тогдашней періодической прессы и литературнаго міра вообще къ произведеніямъ Желѣзнова, а также къ нѣкоторымъ его взглядамъ и симпатіямъ, даже къ самой его личности, я позволю себѣ вкратцѣ изложить эти отзывы въ ихъ существенныхъ чертахъ.

---

*)См. „Жизнь І. І. Желѣзнова", ст. Савичева, въ № 27 Уральск. Войск. Вѣдомост. за 1870 г.

„Разсказы Желѣзнова, — писала редакція „Библіотеки для Чтенія“ *), переносятъ читателя въ особенный, незнакомый ему міръ — съ совершенно отдѣльными своебытными интересами, міръ, рѣзко отдѣленный своимъ образомъ жизни отъ всѣхъ племенъ и сословій, населяющихъ Россію... Самъ казакъ по происхожденію, г. Желѣзновъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ избранному имъ предмету (изображеніе оригинальныхъ чертъ казачества, какъ особой корпораціи), соединяетъ дарованіе прекраснаго писателя-живописца: лица, нравы и обычаи, преданія, повѣрья — все это изображено съ большою яркостью“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ указываетъ на излишнія подробности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на тщательное изображеніе такихъ чертъ, которыя имѣютъ слишкомъ мѣстный, слишкомъ спеціальный характеръ; на сухія вставки, и какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ вниманіе читателя не раздѣляетъ съ авторомъ симпатій къ казачеству, этому изолированному, корпоративному обществу, и ставитъ знакъ ? надъ статьей „Мысли казака о казачествѣ“.

Ред. „Современника“ **) останавливается больше на взглядѣ автора на казачество; не раздѣляя, конечно, „мыслей“ Желѣзнова, редакція доказываетъ, что казачество, какъ рыцарство, отжило свой вѣкъ и можетъ занимать читателя только какъ любопытный фактъ изъ временъ давно минувшихъ. „Зачѣмъ воскрешать тѣхъ, чья пора миновала, и вызывать ихъ на постепенно заростающую и пустѣющую арену?!“

Самой обстоятельной и съ наиболѣе вѣрной оцѣнкой про произведеній Желѣзнова надо признать, безъ всякаго сомнѣнія, рецензію, помѣщенную въ „Р. Сл.“ 1859 г № 3 (подписано А. Хм...).

Обращая вниманіе читателей на книгу Желѣзнова, авторъ рецензіи задается цѣлью выяснить, какимъ образомъ у публики могло составиться предубѣжденіе противъ Желѣзнова. По его мнѣнію, объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что со стороны содержанія у Желѣзнова встрѣчается не мало

*) № 4, 1859 г.

**) Т. 73, 1859 г.

противорѣчій: онъ сознаетъ, что старое умерло и оживить его невозможно, и одновременно съ этимъ то-и-дѣло слышатся отъ него и вздохи, и охи о прекрасной старинѣ, когда рѣки были сытовыя, берега кисельные и т. п. Переходя отъ содержанія къ формѣ, рецензентъ говоритъ:

„Какъ разскащикъ, Желѣзновъ не подражаемъ: широкою и смѣлою кистью рисуетъ онъ передъ читателемъ рядъ очаровательныхъ картинъ, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, (курс. нашъ)—картинъ, то привлекательныхъ по своей наивности, то грандіозныхъ, то суровыхъ и дикихъ, то смѣшныхъ и забавныхъ; но эти картины загромождены у него самою странною обстановкою: прибавками, вставками, замѣчаніями, которыя предварительно надобно снять, какъ снимаютъ слои пыли и грязи съ картинъ замѣчательнаго древняго мастера. Только послѣ этой сухой и утомительной работы, за которую не всякій возьмется, и безъ которой ошибочное сужденіе о книгѣ г. Желѣзнова неизбѣжно, читателя ждетъ полное очарованіе: патріархальные нравы и обычаи казаковъ, ихъ борьба съ полудикими сосѣдями, борьба съ природой, скупой и суровой, ничего не дающей даромъ и заставляющей все брать съ боя, — рисуются передъ читателемъ въ живой, цѣльной, художественно оконченной картинѣ. Въ изумленіи протираете вы глаза и спрашиваете: что же заставило автора запрятать такое сокровище подъ кучею безобразнаго хлама? Отвѣта на этотъ вопросъ надобно искать тоже въ самой книгѣ г. Желѣзнова. Сильный и неподдѣльный талантъ автора не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; (курс.нашъ) но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и недостатокъ прочнаго образованія... Недостатокъ прочнаго образованія отозвался и на нашей сторонѣ труда. Художникъ по преимуществу, онъ не могъ и не хотѣлъ описать свой край иначе, какъ въ картинѣ художественной и, должно сказать, въ цѣломъ исполнилъ свою задачу безукоризненно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ разстаться съ огромнымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній о бытѣ Уральцевъ и, не съумѣвъ отыскать имъ приличное мѣсто, тискалъ ихъ всюду, гдѣ пришлось. Эти-то непрошенные гости и легли темными, безобразными пятнами, заслоняющими несомнѣнныя достоинства его труда".

Излагая далѣе содержаніе „Василія Струняшева" и указывая на примѣрахъ вышеприведенные недостатки труда Желѣзнова, рецензентъ замѣчаетъ, что авторъ, очевидно, симпатизируетъ герою разсказа, Струняшеву, къ которому собственно слѣдовало бы отнестись такъ же, какъ къ дикарямъ-киргизамъ, занятымъ постоянно местью, и объясняетъ это „шаткостью убѣжденій автора, которыя

и рисуютъ передъ читателемъ его, друга просвѣщенія и развитія, чуть ли не поборникомъ обскурантизма и застоя".

Несомнѣнно въ этомъ отзывѣ г. А. Хм... о книгѣ Желѣзнова и о самомъ авторѣ очень и очень много правды. Весьма вѣроятно, что читающая публика дѣйствительно была предубѣждена противъ автора за его симпатичное отношеніе къ мстительному Струпяшеву, хотя отъ этихъ симпатій до сочувствія обскурантизму очень далеко *). Всѣ указанія рецензента на хорошія и дурныя стороны книги очень мѣтки, почему я и сдѣлалъ изъ рецензіи такія большія выдержки.

Къ сожалѣнію ни у Савичева, ни въ бумагахъ самаго Желѣзнова не имѣется какихъ-либо намековъ на то, какъ относился Желѣзновъ къ критикѣ своихъ произведеній, а это было бы очень интересно.

Пока готовились къ печати и издавались его „Уральцы", Желѣзновъ занятъ былъ разработкой того богатаго матеріала, который онъ вывезъ съ собой изъ лѣтняго путешествія на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ систематически занялся исторіей Уральскаго казачьяго войска.

Въ началѣ 1859 года онъ выхлопоталъ разрѣшеніе рыться въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства „для заимствованія оттуда, какъ значилось въ его просьбѣ, посредствомъ выписокъ, нѣкоторыхъ почему-либо интересныхъ актовъ, относящихся до исторіи уральскихъ казаковъ". Первоначальная цѣль у него была чисто практическая: онъ хотѣлъ отыскать подлинныя грамоты (или копіи съ нихъ), данныя нѣкогда русскими царями яицкимъ казакамъ на владѣніе Яикомъ и землями, прилежащими къ нему, — такъ называемыя казаками „владѣнныя" грамоты, сгорѣвшія у нихъ въ XVII столѣтіи въ большой пожаръ въ Яицкомъ городкѣ. Въ этомъ стремленіи тоже выдался въ Желѣзновѣ истый казакъ, никогда и нигдѣ не забывающій о своей любимой родинѣ и не упускающій ни одного случая сдѣлать что-либо въ ея пользу Грамотъ „владѣнныхъ" ему разыскать не удалось, но при раз-

*) Ср. такую же симпатію къ мщенію „Гайдамаковъ" Шевченко.

боркѣ бумагъ архива Желѣзновъ нашелъ много любопытнаго по исторіи войска и сильно заинтересовался ею. Съ этого времени І. Н. задумалъ написать исторію Уральскаго войска; онъ усердно принялся дѣлать изъ архивныхъ документовъ выписки, группировалъ ихъ, а одновременно съ этимъ читалъ печатные исторические труды, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на исторію казачества на Руси. „Акты археографической комиссіи", „Чтенія въ Императ. Общ. исторіи и древност. россійскихъ" сдѣлались его настольными книгами. Къ этому времени подоспѣло еще предписаніе Желѣзнову отъ наказнаго атамана Уральскаго войска Столыпина, объ отысканіи въ московскихъ архивахъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся войска, для Комитета по составленію проэкта положенія объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, который долженъ былъ открыть свои дѣйствія въ 60-мъ году въ Уральскѣ.

„Прошу васъ, писалъ Столыпинъ *), по извѣстному мнѣ усердію вашему и любознательности въ изученіи быта казаковъ и ихъ историческаго существованія, немедленно заняться отысканіемъ актовъ объ Уральскомъ войскѣ и выписаніемъ коній, которыя доставлять ко мнѣ по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ отысканы. Объ оказаніи вамъ въ семъ случаѣ всевозможнаго содѣйствія предписано мною, командиру своднаго казачьяго полка".

Въ отвѣтъ на это приказаніе Желѣзновъ писалъ Столыпину, что онъ съ величайшею охотою исполнитъ данное ему порученіе, потому что онъ и самъ уже болѣе года роется въ томъ архивѣ, на который указываетъ атаманъ, но къ сожалѣнію архивъ очень скуденъ.

„Бумагъ въ немъ много, пишетъ Желѣзновъ, но содержаніе ихъ, на мой взглядъ, пустое, а это равняется ничему... Въ немъ есть цѣлое отдѣленіе подъ названіемъ „казачьяго повытья". Въ повытьѣ этомъ хранятся всѣ дѣла, кромѣ, однакожъ, дѣлъ о смутныхъ обстоятельствахъ или бунтахъ: эти дѣла Богъ вѣсть гдѣ запрятаны и въ описяхъ нѣтъ помину съ 1720-хъ годовъ, т. е. современи учрежденія коллегіи, и до начала нынѣшняго столѣтія... Конечно, попадались бумаги въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересныя, но мой все-таки

*) Предписаніе отъ 5-го мая 1860 г. № 947.

взглядъ. Съ нимъ я списывалъ и копію, какъ матеріалъ для изданія и для литературныхъ моихъ трудовъ. Теперь вижу — долженъ достояніемъ моимъ подѣлиться съ вами".

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Желѣзновъ послалъ нѣсколько копій съ актовъ и одну цѣлую переписку, обѣщая и впредь высылать. Это было въ концѣ мая 1860 года, въ іюнѣ онъ еще послалъ нѣсколько копій съ документовъ; въ письмѣ онъ извиняется, что посылаетъ очень мало, и объясняетъ тѣмъ, что въ зданіи архива идетъ ремонтъ, дѣла сваливаются въ груды и отыскивать ихъ становится очень затруднительно. „Впрочемъ, пишетъ онъ въ заключеніе, не смотря на архивный хаосъ, я все-таки роюсь тамъ и кое-что отыскиваю". Въ іюлѣ Столыпинъ писалъ Желѣзнову дополнительное предписаніе, съ указаніемъ нѣкоторыхъ актовъ, которые особенно необходимо было бы отыскать *).

Повидимому Желѣзнову не особенно-то правилось это срочное доставленіе копій, которое мѣшало ему заниматься по своей охотѣ, безъ посторонннихъ указаній; къ тому же чисто военная скоропалительность, съ какою требовалось все это разыскать, списать и немедленно представить, необходимость занятія въ лѣтнее время въ душной атмосферѣ архива, въ которомъ къ тому же шли исправленія, — не могли оставить хорошаго впечатлѣнія относительно данныхъ ему порученій.

Отъ усиленныхъ занятій въ архивѣ, а отчасти, повидимому, отъ чисто нравственныхъ причинъ, Желѣзновъ въ 1860 г. заболѣлъ.

„Я навѣстилъ его, говоритъ по этому поводу Савичевъ, и нашелъ болѣе въ упадкѣ духа, нежели физическихъ силъ: онъ тосковалъ, говорилъ о предчувствіи смерти, о боязни и неохотѣ умирать. „Нѣтъ, не успѣю я ничего, — говорилъ онъ, — съ моею исторіей Уральскаго войска; хоть бы успѣть записать планъ, какъ я думалъ выполнить свое сочиненіе... Но къ чему и это? Кто, имѣя матеріалъ, захочетъ писать исторію по чужому плану? А могу ли я передать въ запискѣ все то, что чувствую, какъ понимаю предметъ моихъ помышленій и

*) Предписаніе отъ 14 іюля 1860 г., № 1514.

заботъ? Да если бы и могъ, все это будутъ чужія рамки, чужое дѣло... Въ случаѣ чего, собери, товарищъ, мои бумаги... Книги куда хочешь дѣвай, а бумаги сберегн: въ нихъ есть кое-что, за что скажетъ мнѣ впослѣдствіи спасибо человѣкъ, которому понадобятся мои матеріалы".

И дѣйствительно Желѣзновъ за это сравнительно короткое время уже собралъ очень много матеріаловъ, которыми пользовались многіе изъ писавшихъ послѣ его смерти по исторіи войска, о чемъ я ниже, при общей оцѣнкѣ его трудовъ, поговорю подробнѣе. Теперь же вернусь къ концу его московской жизни.

Въ 1861 году опять долженъ былъ миновать срокъ второй службы Желѣзнова въ Москвѣ, ему опять приходилось хлопотать и просить о томъ, чтобы его оставили тамъ на третій срокъ; на этотъ разъ отсрочка ему далась не такъ-то легко; Столыпинъ, къ которому во время его проѣзда черезъ Москву за границу Желѣзновъ обратился съ своей просьбой, отказалъ ему, говоря, что онъ ему нуженъ будетъ въ Уральскѣ, что онъ дастъ ему тамъ важныя порученія. Желѣзновъ настаивалъ, приводя такого рода доводы, что его пр—во не всегда будетъ въ Уральскѣ, а безъ него другой атаманъ пошлетъ его, по очереди, служить въ степь, гдѣ онъ умретъ на походѣ же, что въ Москвѣ онъ пріютился для своихъ трудовъ, для своей цѣли, имѣя въ виду и пользу войска, что для этого у него въ столицѣ есть совѣтники и руководители, все подъ рукой и т. п. Столыпинъ обѣщалъ подумать объ этомъ и дать рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи изъ-за границы, слѣдующей весной *). Но боясь, чтобы Столыпинъ все-таки не надумалъ откомандировать его изъ Москвы, чего Желѣзнову не хотѣлось ужасно, онъ весною 1861 г., узнавъ, что Столыпинъ вернулся изъ-за границы, отправился немедленно въ Петербургъ, но явился сначала не къ Столыпину, а къ графу Строгонову, который былъ тогда воспитателемъ покойнаго наслѣдника **). По

*) См. Савичева „Жизнь І. И. Желѣзнова", въ Ур. В. Вѣд. 73 года № 27.

**) Строгановъ зналъ Желѣзнова, потому что, бывши московскимъ ген.-губернаторомъ, слышалъ о его литературныхъ занятіяхъ.

словамъ Савичева, у котораго я заимствую эти факты, Строгоновъ, не смотря на болѣзнь, принялъ его ласково и любезно, охотно брался ходатайствовать за него у Столыпина и пожелалъ ему успѣха въ дальнѣйшихъ работахъ на литературномъ поприщѣ. Отъ Строгонова онъ уже явился къ Столыпину и разсказалъ ему все, какъ было. Столыпинъ упрекнулъ его, сказавъ, что и безъ того оставилъ бы его въ Москвѣ. Тутъ же Желѣзновъ узналъ отъ Столыпина, что Сводный казачій полкъ будетъ освобожденъ навсегда отъ службы въ Москвѣ. Желѣзновъ, самъ принимавшій дѣятельное участіе въ подготовкѣ вопроса объ упраздненіи этого полка *), былъ радъ этому и по пріѣздѣ въ Москву помѣстилъ въ совр. лѣтописи „Русскаго Вѣстника“ статью по этому поводу (см. т. I нов. изд.). Между прочимъ со статьей этой, не заключающей ровно ничего непріятнаго для правительства, редакція „Русскаго Вѣстника“, повидимому, было не мало хлопотъ. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ Желѣзнова осталось письмо изъ редакціи, въ которомъ говорится, что статью его придется передать на прочтеніе генералъ-губернатору, такъ какъ она касается Высочайшаго повелѣнія. Тучковъ **), прочитавъ ее, пропустилъ съ условіемъ, чтобы не было помѣщаемо расписаніе, гдѣ и сколько казаковъ стояло по разнымъ мѣстамъ Московской губерніи.

Между занятіями въ архивѣ и хлопотами о томъ, чтобы остаться еще на нѣкоторое время въ Москвѣ, Желѣзновъ не оставлялъ все-таки писательства, и кромѣ только-что помянутой замѣтки онъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (еще лѣтомъ 1859 года) „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“ ***), вещь прекрасную, замѣчательно вѣрно передающую разговорную рѣчь казаковъ съ ея въ высшей сте-

---

*) По порученію московскаго оберъ-полицеймейстера, онъ написалъ записку по этому вопросу. Ibidem.

**) Моск. генералъ-губернаторъ.

***) См. т. 3. Въ Рус. Вѣстникѣ помѣщены „Преданія“, кончая „Пилахиным пожаромъ“; остальныя преданія написаны позднѣе (въ 1861 году) и не были напечатаны авторомъ.

пени типичными выраженіями и замѣчательно вѣрно рисующую міросозерцаніе уральскаго казачества.

Въ томъ же году онъ написалъ статью: „Что такое казачій офицеръ?“—обширное изслѣдованіе, написанное въ высшей степени горячо: очевидно, авторъ влилъ въ это произведеніе свою душу, и многое, что онъ пишетъ о положеніи офицерства, онъ самъ глубоко прочувствовалъ и отчасти испыталъ на своей шкурѣ: завистное положеніе, въ которомъ онъ находился во все время, постоянное безпокойство о томъ, какъ бы его не оторвали отъ любимаго дѣла, — очевидно, сильно повліяли на него; все это, по словамъ С. В. Максимова *), встрѣчавшаго Желѣзнова у Островскаго, Желѣзновъ не разъ высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ, и такимъ образомъ на статью эту нужно смотрѣть, какъ на выраженіе его глубокаго убѣжденія, а потому понятно будетъ, какъ огорченъ былъ онъ, при своей къ тому же крайней впечатлительности, тѣмъ обстоятельствомъ, что цензура не пропустила этой статьи, помѣстивъ на ней: „По правиламъ военной цензуры, напечатаніе этой рукописи не дозволяется. С.-Петербургъ, 9-го февраля 1860 г. Военный цензоръ генералъ-маіоръ Штюрмеръ“. Разсказывая о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Желѣзнова это запрещеніе, Савичевъ говоритъ: „онъ былъ цѣлую недѣлю въ сильномъ волненіи, унынін и негодованіи. Помню, какъ въ утѣшеніе ему я наивно сказалъ, что эта статья годится для потомства; онъ возразилъ: „не то можетъ идти для потомства, что нужно болѣе всего современникамъ; мы должны работать болѣе для настоящаго, а въ будущемъ явятся работники получше насъ“ **)... Считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя мѣста этой статьи, такъ какъ, бросая свѣтъ на внутреннее состояніе автора, они помогутъ намъ хоть отчасти разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ преждевременную кончину Желѣзнова. Сравнивая положеніе

**) Ibid.

*) См. далѣе его „Воспоминанія“.

офицера съ положеніемъ раба, негра и т. п., онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

„А нравственный гнетъ, отъ того происходящій, гнетъ, лежащій во всю жизнь на казачьемъ офицерѣ и на „чадѣхъ его",—гнетъ, усиливающійся безграничною властію атамана, — чего этотъ гнетъ стоитъ? онъ стоитъ иногда больше чѣмъ жизни!"

Указывая на то, что казачьему офицеру, если онъ не хочетъ попастъ подъ опеку, приходится льстить, лицемѣрить и т. п., онъ продолжаетъ:

„А если иная натура по нравственнымъ принципамъ не можетъ ужиться ни съ лестью, ни съ лицемѣріемъ, ни съ подлостью, но не имѣетъ въ себѣ столько силъ, чтобы бороться съ окружающею ее суровою дѣйствительностью, каковъ тогда исходъ? Извѣстно какой; одно изъ двухъ: *или пуля въ лобъ*, или чарка зелена вина, а за нею физическое и нравственное растлѣніе!"

Помимо характеристики взглядовъ Желѣзнова на нѣкоторые вопросы въ современной ему жизни казачества, статья эта очень интересна, какъ образчикъ его произведеній историческаго характера: первая часть ея, гдѣ идетъ рѣчь о происхожденіи офицера въ Уральскомъ войскѣ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для сужденія о томъ, что можно было ждать отъ его „Исторіи Уральскаго казачьяго войска"; на основаніи этого очерка можно было бы, пожалуй, отчасти воспроизвести тотъ планъ исторіи, о которомъ у него былъ разговоръ съ Савичевымъ. Предоставимъ, впрочемъ, сдѣлать это другимъ, кто ближе займется исторіей войска и вдумается въ упомянутую статью Желѣзнова. Кромѣ нея Желѣзновъ за это время написалъ „Марпикинъ городокъ" и обширныя, очень интересныя „Преданія о Пугачевѣ". Первая изъ нихъ была помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія" *); вторая подверглась той же участи, какъ и статья: „Что такое казачій офицеръ?". Цензоръ помѣтилъ на ней: „возвратить г. автору безъ одобренія". Эта послѣдняя статья, представляя въ дословномъ изложеніи воспоми-

*) 1860 г., № 2.

нанія современниковъ Пугачева изъ простыхъ казаковъ о той эпохѣ, имѣетъ несомнѣнно большое значеніе для выясненія отношенія народа къ Пугачеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя своеобразное произведеніе народнаго творчества, какъ и другія записанныя Желѣзновымъ преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ, „Преданія о Пугачевѣ“ имѣютъ значеніе и съ точки зрѣнія этнографической, съ точки зрѣнія изслѣдованія народной жизни съ ея типичными особенностями...

Такой же историко-этнографическій характеръ носятъ почти всѣ другія его произведенія послѣдующаго времени. Матеріалъ для всѣхъ ихъ Желѣзновъ бралъ отчасти изъ своей памяти, а главный матеріалъ собранъ имъ лѣтомъ 1858 г. Кромѣ указанныхъ выше статей: „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“, „Маршкинъ городокъ“, „Преданія о Пугачевѣ“ — этого матеріала хватило ему еще на статью: „Отчего сайгаки покинули Уралъ?“ (преданіе) *), на цѣлый рядъ „Сказаній Уральскихъ казаковъ“, которыя онъ печаталъ въ „Библ. для Чтенія“ (1861 и 1863 года), на статью „Туча каменная“, которая не была, повидимому, отдаваема для печати, хотя написана она еще въ апрѣлѣ 1861 года, и на нѣсколько преданій, тоже оставшихся въ рукописяхъ: „Казакъ Терскій“, „Утва“ и „Преданіе о Хивѣ **).

С. В. Максимовымъ напечатаны въ №№ 1 и 3 „Русской Мысли“ за 1897 годъ любопытныя воспоминанія объ А. Н. Островскомъ, въ которыхъ между прочимъ знакомыми покойнаго драматурга отведено 2—3 страницы Желѣзнову. Они резюмируютъ весь московскій періодъ жизни Желѣзнова, почему мы считаемъ умѣстнымъ привести изъ нихъ подробныя выдержки, заимствуя изъ газ. „Уралецъ“ № 6, 1897 г.

---

*) Помѣщено въ „Вѣкѣ“ за 1861 г., № 12.

**) Послѣднее напечатано г. Витевскимъ. См. Др. и Нов. Россія, 1880 г., № 9: „Іоасафъ Ипп. Желѣзновъ и преданія о Хивѣ“. Самой статьѣ предшествуетъ краткое изложеніе біографіи Желѣзнова, составленной Савичевымъ.

„Уральскій казакъ—І. И. Желѣзновъ — прибылъ въ Москву случайно для временнаго жительства по казенной надобности, какъ адъютантъ командира казачьей сотни (полка), а уѣхалъ изъ нея почтеннымъ литературнымъ дѣятелемъ, извѣстнымъ не въ однихъ лишь предѣлахъ своего войска. Можно смѣло сказать, что кружокъ Островскаго создалъ въ немъ литератора, и онъ сталъ таковымъ, даже лично для себя, совершенно неожиданнымъ и незамѣтнымъ образомъ".

„Чтобы сдѣлаться Желѣзнову литераторомъ-народникомъ, понадобилась случайная встрѣча съ Шаповаловымъ и Дріанскимъ. Послѣдній и ввелъ его въ компанію Островскаго, съ которою І. И. не прерывалъ своихъ связей во все время пребыванія своего въ Москвѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ сроковъ командировки. Съ 1853 года его можно было встрѣчать и въ тѣхъ двухъ комнатахъ на антресоляхъ своего дома, которыя занималъ Островскій, и въ большихъ залахъ стариннаго барскаго дома М. П. Погодина на Дѣвичьемъ полѣ, и въ тѣхъ двухъ просторныхъ квартирахъ Е. Н Эдельсона на Поляпкѣ и Кисловкѣ, гдѣ всего чаще собирались московскіе литераторы читать свои произведенія и обмѣниваться мыслями".

„Не нуждавшійся въ матеріальныхъ средствахъ Е. В., въ полную противоположность — именно съ А. Н. Островскимъ, почти полжизни проведшимъ въ тискахъ нужды, — имѣлъ полную возможность учащать собраніе друзей и съ тою же гостепріимною готовностью, привѣтомъ и ласкою принимать, не тяготясь, и новыхъ добровольцевъ, предъявившихъ литературныя способности, хотя бы и въ зачаткахъ".

„На этомъ послѣднемъ основаніи допущенъ былъ сюда и Желѣзновъ — пришелецъ съ вольнаго Яика и изъ киргизскихъ степей — обратившій на себя вниманіе живыми разсказами объ удалыхъ казачьихъ подвигахъ на Каспійскомъ морѣ во время такъ называемаго ахапнаго рыболовства. Его уговорили записать этотъ разсказъ на бумагѣ; об-

щимъ совѣтомъ выровняли, вычистили, исправили написанное и, по общему же приговору, постановили его напечатать въ послѣднихъ книжкахъ „Москвитянина“ 1854 г. „Картинами ахаинаго рыболовства“. Погодинъ остался очень доволенъ и затѣмъ хвастливо разсказывалъ: „Въ немъ (Желѣзновѣ), несомнѣнно, есть талантъ, и еслибъ онъ получилъ получше образованіе, онъ далеко пошелъ бы. Я благословилъ его на литературное поприще и не ошибся въ его призваніи“ (Курс. нашъ). Не ошиблась собственно въ Желѣзновѣ „Молодая Редакція“, которая одна и дала направленіе дѣятельности молодого писателя, разъяснивъ ему значеніе, государственное и общечеловѣческое, всего того жизненнаго строя, которымъ три уже столѣтія руководилось родное ему казачье войско. Во время горячихъ и безконечныхъ споровъ того времени о русской общинѣ, уральскій казакъ могъ легко вывести спорившихъ, вѣровавшихъ и сомнѣвавшихся, изъ области теоріи на ту почву, гдѣ на самой практикѣ воочію осуществлялось это основное начало всей русской народной экономической жизни...

„Болѣе умный, чѣмъ талантливый, менѣе образованный, чѣмъ дѣловой и практическій, Іоасафъ Игнатьевичъ сдѣлался любимцемъ московскаго кружка изъ коренныхъ русскихъ людей, наиболѣе тѣмъ, что былъ самобытнымъ и цѣльнымъ человѣкомъ, съ тѣми исключительными чертами, которыя свойственны были ему, какъ природному казаку. Не какъ особнякъ или новшика, онъ оказался симпатичнымъ и сдѣлался своимъ человѣкомъ по личнымъ качествамъ, по готовности дѣлиться богатыми сырыми матеріалами и по той горячей любви, которая ярко свѣтилась во всѣхъ его разсказахъ о родной странѣ“.

„Молчаливый, глубоко сосредоточенный въ себѣ, какъ сама казачья думка о грядущихъ временахъ, навѣянная лихими вѣтрами съ Оренбургской стороны, и скорѣе прислушливый, чѣмъ разговорчивый, Желѣзновъ переставалъ по-

ходить на себя, когда разговоръ заходилъ о казачествѣ, а въ особенности о казачьемъ офицерѣ, ярмо котораго онъ давно уже носилъ и имъ тяготился. Тогда оживлялось его круглое лицо съ нѣсколько развитыми верхними челюстями и загорались глаза въ узкопрорѣзанныхъ орбитахъ, —коренныхъ признакахъ его происхожденія на степномъ Уралѣ, смежномъ съ кочевьями киргизовъ (дѣдъ Желѣзнова полжизни провелъ въ степи, отецъ также ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти). Нельзя было не любоваться на его коренастую, широкоплечую фигуру, когда онъ свободно, по закону кружка, знакомилъ съ частностями быта своей родины, рисуя ее, какъ бы вновь открытую страну и щедро, массою новыхъ и вовсе неизвѣстныхъ данныхъ, восполнялъ усвоенныя кружкомъ знанія новыми чертами для характеристики русскаго духа, въ лицѣ этого оторваннаго и уединившагося осколка великорусскаго племени. Какъ съ подлинными новинками, онъ знакомилъ съ казачьими пѣснями, а главнѣйшимъ образомъ съ ихъ „сказаніями“. Для собранія послѣднихъ, подъ вліяніемъ московскаго кружка, онъ даже нарочно съѣздилъ изъ Москвы на побывку, а вернувшись въ Москву, снова и усердно занялся самообразованіемъ и главнымъ образомъ изученіемъ историческихъ актовъ, относящихся до казачества. Подъ руководствомъ московскихъ друзей и при ихъ хлопотахъ и содѣйствіи, онъ усидчиво занимался въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства, написалъ сочиненіе Уральцы, записалъ Преданія о Пугачевѣ, готовился къ составленію Исторіи войска (всѣ его сочиненія, напечатанныя въ 1888 г., составили три тома, а до того времени они печатались по частямъ: въ Москвитянинѣ, Библіотекѣ для чтенія и др. изданіяхъ)“.

„Въ отвѣтъ на дружескій пріемъ и фактическую помощь Желѣзновъ отвѣтилъ искреннею привязанностью къ Москвѣ, мечталъ въ ней поселиться на болѣе продолжительное время, чѣмъ дозволяли его временныя казенныя командировки. Онъ успѣлъ уже установить съ Москвою прочныя

связи; сюда устремилъ всѣ свои симпатіи. Сюда же звали его перебраться и глубоко сожалѣли о томъ, что коренные казачьи законы воспрещаютъ всякій выходъ изъ сословія, дѣлая казака навѣки прикрѣпленнымъ, со всѣми исходящимъ потомствомъ, къ своей землѣ и своему войску".

За послѣднее время своей жизни въ Москвѣ Желѣзновъ напечаталъ слѣдующія статьи: „Киргизоманія", рецензію на соч. Даниловскаго объ уральскомъ рыболовствѣ, и замѣтку „Грамотность и народныя библіотеки на Уралѣ".

Не представляя что-либо значительное сами по себѣ, статейки эти все же имѣютъ нѣкоторое значеніе для характеристики взглядовъ Желѣзнова.

Въ первой изъ нихъ, полемизируя съ своимъ давнишнимъ литературнымъ противникомъ П. Небольсинымъ, по поводу статьи послѣдняго: „Путешествующіе киргизы", въ которой П. Небольсинъ, положительно разсердившись на Уральскихъ казаковъ за то, что одинъ изъ нихъ, въ лицѣ Желѣзнова наговорилъ ему печатно не мало горькихъ истинъ,— Желѣзновъ ядовито подсмѣивается надъ авторомъ, уличая его въ неправдѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ и во всемъ, онъ горой стоитъ за казаковъ.

Во второй замѣткѣ онъ высказываетъ любопытный взглядъ — и, по моему, очень вѣрный — на возможныя измѣненія въ порядкахъ нашихъ рыболовствъ: именно, онъ указываетъ на необходимость изгнанія изъ нихъ чрезмѣрной чисто военной дисциплины и уменьшенія офицерской власти, здѣсь, какъ и вездѣ, имѣющей въ войскѣ громадное значеніе. „Военная дисциплина необходима только въ полкахъ и казармахъ, но въ рыболовствѣ, какъ и въ хозяйствѣ, она не должна имѣть мѣста", говоритъ онъ въ заключеніе своей замѣтки.

Наконецъ третья статья написана, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ гуманныхъ стремленій и попытокъ атамана Столыпина на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Энергичная дѣятельность этого атамана на указанномъ поприщѣ, въ концѣ концовъ принесшая вмѣстѣ съ пользою и

не мало вреда дальнѣйшему развитію школьнаго дѣла въ войскѣ, увлекала тогда симпатіи положительно всѣхъ интересующихся просвѣщеніемъ мѣстныхъ интеллигентовъ *).

Желѣзнову поручено было атаманомъ накупить книгъ для станичныхъ библіотекъ, и, исполняя это порученіе, онъ не преминулъ опубликовать о добрыхъ начинаніяхъ атамана, коснувшись кстати и постановки дѣла народнаго образованія въ войскѣ вообще. Изъ статьи виденъ въ высшей степени симпатичный взглядъ Желѣзнова на вопросы просвѣщенія: онъ упоминаетъ объ открытіи въ университетахъ стипендій для казачьихъ дѣтей и замѣчаетъ, что „поступившіе въ университетъ будутъ первыми счастливцами изъ казаковъ, его земляковъ".

Этимъ его литературная карьера, можно сказать, и окончилась. Волею судебъ онъ долженъ былъ весною 1862 года отправиться въ Уральскъ, гдѣ на новыхъ выборахъ членовъ присутствія войсковой канцеляріи его выбрали въ ассесоры **). Получивъ оффиціальное приглашеніе явиться къ новой должности, Желѣзновъ сильно колебался: ему не хотѣлось разстаться съ Москвою, гдѣ онъ получилъ свое литературное крещеніе, въ которой ему представлялась полная возможность заниматься любимымъ дѣломъ. Онъ мечталъ постоянно о скромной жизни литературнаго труженика въ мірѣ духовныхъ интересовъ и совсѣмъ не прельщался ролью административнаго дѣятеля.

На проводахъ, по словамъ О. Л. Аничкина, онъ плакалъ какъ ребенокъ, прощаясь съ своими друзьями и какъ бы предчувствуя свой трагическій конецъ. Единственное утѣшеніе онъ находилъ въ мысли, что черезъ три урочныхъ го-

---

*) См. сочувственную статью объ этой сторонѣ дѣятельности Столыпина М. К. Куриляна (въ „Журналѣ для воспит." 1859 года, т. V, отд. II, стр. 81—82), человѣка по убѣжденіямъ своимъ изъ другого лагеря.

**) Членъ присутствія, принимающій на ряду съ совѣтниками участіе въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Формальное отличіе отъ совѣтника въ томъ, что ассесоръ подписываетъ только исполненныя по журналу бумаги.

да ассесорской службы онъ выйдетъ въ отставку и опять пріѣдетъ въ Москву, но уже навсегда.

Но не суждено было осуществить Желѣзнову своихъ завѣтныхъ мечтаній: онъ палъ жертвою осложнившихся обстоятельствъ въ жизни казачьей общины и столкновенія на почвѣ общественныхъ казачьихъ интересовъ съ властью наказнаго атамана...

III.

Выборы Желѣзнова въ ассесоры и отъѣздъ изъ Москвы.—Дѣятельность Іоасафа Игнатьевича въ войсковой канцеляріи—Столкновеніе съ атаманомъ.—Отношеніе къ Желѣзнову казаковъ и роль, какую онъ игралъ среди нихъ.—Вопросъ о „Бухарской" сторонѣ и Желѣзновъ.—Командировка на севрюжье рыболовство.—Посѣщеніе рубежа наказнымъ атаманомъ.—Вѣрноподданническій адресъ 1863 года.—Отношеніе рыболововъ къ Желѣзнову.—Слѣдствіе о безпорядкахъ на севрюжьемъ рыболовствѣ.—Назначеніе Желѣзнова въ полкъ не въ очередь.—Признаки помѣшательства.—Самоубійство.—Похороны.—Памятникъ Желѣзнову.

Выборъ Желѣзнова въ ассесоры войсковой канцеляріи доказываетъ, что Желѣзновъ пользовался на родинѣ значительной популярностью, хотя уже лѣтъ 9 жилъ внѣ ея предѣловъ. Надо замѣтить здѣсь, что со времени атаманства А. Д. Столыпина выборъ членовъ присутствія de facto былъ в ы б о р о м ъ, а не пустою формальностью, которая служила цѣлямъ и планамъ атамана. Обыкновенно, раньше Столыпина, кандидаты въ войсковую канцелярію намѣчались атаманомъ еще до выборовъ: эти послѣдніе такъ и ставились, чтобы были избраны указанныя атаманомъ личности. Столыпинъ далъ выборамъ болѣе простора, и благодаря этому въ члены присутствія начали попадать люди молодые, съ новыми идеями, вполнѣ гуманнаго и просвѣщеннаго направленія. Несомнѣнно, выбору этихъ лицъ способствовало обстоятельство, что самъ атаманъ, человѣкъ „новаго царст-

вованія", шелъ впереди всѣхъ пововведеній, внося въ жизнь уральскаго общества освѣжающій духъ реформъ Александра II; новый атаманъ энергично повелъ дѣло управленія войскомъ по новому пути, выдвинулъ впередъ всѣ молодыя, талантливыя личности, давъ имъ возможность трудиться и горячо и честно на общественной нивѣ. Въ этомъ несомнѣнная заслуга А. Д. Столыпина, въ этомъ кроется та симпатія къ нему и то особенно любовное отношеніе, съ которыми вспоминаютъ и самого атамана, и его время всѣ современники, позабывъ совсѣмъ о нѣкоторыхъ его ошибкахъ.

Выборы членовъ въ войсковую канцелярію весною 1862 г. — вслѣдствіе замѣчательнаго подбора даровитыхъ личностей, а еще болѣе вслѣдствіе выдержаннаго этими членами столкновенія съ наказнымъ атаманомъ, о чемъ вкратцѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже — составили, можно сказать, эпоху въ лѣтописяхъ дѣятельности войсковой канцеляріи.

„Молодая" партія, которой симпатизировалъ самъ атаманъ, выбрала своими представителями въ канцелярію: въ совѣтники М. К. Курилина *) и въ ассессоры І. Н. Желѣзнова. Надо сказать здѣсь, что, хотя „молодая" партія и выбрала І. Н. Желѣзнова своимъ представителемъ наряду съ Курилинымъ, однако, между убѣжденіями Желѣзнова и этой „молодой" партіей, главою которой считался М. К. Курилинъ, къ которой принадлежалъ вообще цвѣтъ тогдашней интеллигентной молодежи—А. Ф. Акутинъ, Н. А. Акутинъ и другіе, была громадная разница. Общаго у нихъ было только то, что какъ представители „молодой" партіи, такъ и Желѣзновъ были вполнѣ честнаго, гуманнаго направленія, какъ тѣ, такъ и другой стремились принести посильную помощь народу и т. п. Но убѣжде-

*) Меркурій Кузьмичъ Курилинъ, „шестидесятникъ" по убѣжденіямъ и воспитанію, былъ очень крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Умеръ въ 1890 г., завѣщавъ все свое имущество на нужды войсковыхъ народныхъ школъ. По его желанію похороненъ рядомъ съ І. Н. Желѣзновымъ. См. некрологъ его въ Уральск. Войск. Вѣд. 1890 г. № 6.

Друзья и соратники І. И. Желѣзнова:

МЕРКУРІЙ КУЗЬМИЧЪ **КУРИЛИНЪ**.

† 1890.

нія ихъ расходились кореннымъ образомъ по самымъ существеннымъ вопросамъ. Какъ типичный представитель казачества, Желѣзновъ былъ по взглядамъ на государство несомнѣннымъ консерваторомъ и монархистомъ, чего далеко нельзя сказать про представителей „молодой“ партіи, горячихъ поклонниковъ направленія „Современника“. Расходилась эта „молодежь“ съ Желѣзновымъ и по взгляду на казачество: Желѣзновъ и въ этомъ отношеніи, какъ истый казакъ, „казакъ до безобразія“, какъ выражалась про него молодежь, дѣйствительно не допускалъ ни малѣйшей уступки изъ требованій простаго казачества, идеаломъ котораго было старинное вѣчевое устройство, полная независимость и возможно широкое самоуправленіе общины; въ этомъ отношеніи во взглядахъ Желѣзнова очень много общаго съ Щаповымъ, который именно по вопросу о роли государства въ политической жизни Россіи, по вопросу объ автономныхъ общинахъ разошелся съ ред. „Современника“. „Молодежь“, наоборотъ, въ старинѣ видѣла больше рутину, противъ которой слѣдуетъ бороться; она до крайности увлекалась всѣми новизнами конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, жаждала новыхъ познаній, новыхъ идей и стремилась если не осуществить ихъ на практикѣ, то, по крайней мѣрѣ, распространять эти идеи...

Приведу здѣсь одинъ фактъ, показывающій разницу въ ихъ направленіи,—фактъ хотя пустяшный, но очень характерный. Увлекаясь идеей о распространеніи потребительныхъ обществъ и т. п., молодежь устроила свою лавку.. О намѣреніи открыть ее писалъ въ началѣ 1860 г. Желѣзнову И. А. Акутинъ. Въ отвѣтъ на это Желѣзновъ писалъ слѣдующее:

„Въ письмѣ ко мнѣ ты, кажется, говорилъ, что съ Ал. Ф. Ак. хотите открыть лавку съ галантерейнымъ товаромъ... Открыть лавку — мысль прекрасная, но не галантерейную. На этомъ далеко не выѣдете... Мой совѣтъ завести лавку съ товарами простыми, необходимыми для нашего народа, какъ-то: пряжа, веревки, рукавицы, вареги, пешни, багры, смола, деготь, варъ, — словомъ, открыть дело, непремѣнно

*

дѣло, чтобы всего, непремѣнно всего, что нужно казакамъ, было вдоволь. Это первѣйшее условіе; если же заведете лавочку, въ которой, напримѣръ, варъ будетъ, а дегтю не будетъ, въ такомъ случаѣ результатъ будетъ тотъ же, что и отъ галантерейной лавки.—Не забывайте этого. Дѣло, дѣло! и всего, всего, всего вдоволь! — вещей нужныхъ для рыболовства. Сбытъ будетъ большой. Капиталъ вашъ можетъ 2—3 раза въ годъ обращаться. 25% будете получать, и все-таки у васъ будутъ охотнѣе покупать, потому что обыкновенные торговцы дерутъ 100 на 100, а подчасъ и больше. — Подумайте объ этомъ. А галантерейнымъ промысломъ не прокормитесь. Пустяки задумали, не въ обиду будь вамъ сказано!"

— Неправда ли, какая разница даже въ мелочахъ, въ точкахъ отправленія молодежи и Желѣзнова?

Одни, увлекаясь модньшъ теченіемъ, не идутъ далѣе этого увлеченія: открывая лавочку, они не думаютъ приспособить ее къ нуждамъ простыхъ казаковъ, народа,—имъ важно было только примѣнить на практикѣ идею потребительнаго общества.

Другой и въ этой затѣѣ указываетъ на возможность, выполняя принципъ, сдѣлать полезное и казакамъ, о которыхъ нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не забываетъ.

Но какъ ни расходилась молодежь съ Желѣзновымъ во взглядахъ на различныя вещи, она несомнѣнно чувствовала большую солидарность взглядовъ Желѣзнова со взглядами казаковъ, чувствовала, что по отношенію улучшенія казачьяго быта взглядъ Желѣзнова самый здоровый и реальный, что онъ, однимъ словомъ, ближе понимаетъ интересы и нужды этого казачества; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она выбрала на ряду съ Курилинымъ Желѣзнова, не обращая вниманія на принципіальное расхожденіе ихъ убѣжденій по вопросамъ общимъ.

Уже изъ того, что сказано было въ предыдущей главѣ о настроеніи, въ какомъ уѣхалъ Желѣзновъ изъ Москвы и какъ отнесился къ новому назначенію, можно видѣть, что Желѣзновъ не придавалъ особеннаго значенія своему выступленію въ роли „народнаго судьи", и первое время по вступленіи въ отправленіе обязанностей ассесора Желѣз-

новъ послѣ занятій часто ходилъ на охоту и вообще не углублялся въ канцелярскія дѣла, только добросовѣстно исполняя все, что требуется отъ ассесора.

Но уже съ половины перваго года вступленія въ члены присутствія канцеляріи Желѣзнову пришлось заняться ими „вплотную" и выступить въ качествѣ защитника казачьихъ интересовъ. Объясненія въ рѣзкой перемѣнѣ его взгляда на свою ассесорскую дѣятельность надо искать очевидно въ той важности дѣла, которое затѣялось на его глазахъ и которое задѣвало самые существенные интересы экономическаго быта казаковъ.

Будучи до мозга костей „казакомъ" по своимъ взглядамъ на экономическую жизнь казачества, проникнутый интересами этого казачества, которое онъ съ такою любовью воспроизвелъ въ своихъ художественныхъ картинахъ, Желѣзновъ неминуемо долженъ былъ взяться за дѣло, которое задѣвало интересы казачества, и къ которому онъ, въ качествѣ выборнаго представителя учрежденія, вѣдающаго всѣ экономическія войсковыя дѣла—войсковой канцеляріи,— долженъ былъ имѣть близкое отношеніе.

Дѣло же это состояло въ слѣдующемъ. Еще въ концѣ атаманства Столыпина отъ оренбургскаго генералъ-губернатора Безака было предписаніе прислать свое мнѣніе по дѣлу о разграниченіи земель между казаками и киргизами на зауральской, „Бухарской" сторонѣ; въ предписаніи этомъ сообщалось, что „комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ Всеподданнѣйшій отчетъ по управленію Оренбургскимъ краемъ, между прочимъ п о л о ж и л ъ: поручить ему, генералъ-губернатору, принять неотлагательно нужныя мѣры для разбора поземельныхъ споровъ между Уральскими казаками и киргизами Малой Орды съ тѣмъ, чтобы впредь до окончанія означеннаго разбора киргизы отнюдь не подвергались какимъ-либо притѣсненіямъ со стороны Уральскихъ казаковъ". Въ заключеніе сообщалось, что это положеніе комитета министровъ утверждено Высочайше. Столыпинъ отозвался, что онъ не можетъ дать

своего мнѣнія по этому дѣлу, потому что онъ смѣняется, и уѣхалъ Петербургъ. Въ тотъ же день и. д. наказн. атам. Дандевиль пишетъ генералъ-губернатору, что онъ, едва вступивъ въ командованіе войскомъ, не можетъ ничего сказать по этому вопросу, а скажетъ впослѣдствіи, ознакомившись съ бытомъ народа и его нуждами. А 20 іюля Дандевиль писалъ Безаку свое предположеніе *) о томъ, какимъ образомъ можно размежевать лѣвый берегъ Урала между казаками и киргизами; вмѣстѣ съ этимъ онъ указывалъ и на принципъ, который долженъ лечь въ основу размежеванія: отъ Мухрановскаго форпоста (самое сѣверное изъ поселеній Уральскихъ казаковъ по р. Уралу) по лѣвобережнымъ лугамъ провести параллельную Уралу линію: что къ Уралу, то-де казачье, а что къ „увалу“ (къ кряжу) по направленію въ степь, то киргизское; при этомъ надѣлить-де лугами казаковъ и киргизовъ слѣдуетъ по мѣрѣ нужды и истинной потребности тѣхъ и другихъ. Для размежеванія предполагалось учредить комиссію: изъ членовъ отъ войсковой канцеляріи и отъ областнаго правленія, депутата отъ казаковъ и киргизовъ, чиновника отъ генералъ-губернатора и одного изъ членовъ комитета по составленію проэкта положенія объ Уральскомъ войскѣ; предсѣдателемъ ея наказный атаманъ. Комиссія на каждую отмежеванную мѣстность должна составлять протоколы съ обозначеніемъ, что казачье и что киргизское, и временная граница впредь до Высочайшаго утвержденія должна быть принята и соблюдаема казаками.

Все это дѣло велось въ атаманской канцеляріи съ строгимъ соблюденіемъ канцелярской тайны, причемъ войсковая канцелярія, до которой всего ближе это дѣло касалось, которая вѣдала всѣ дѣла по войсковому хозяйству и въ которой наказный атаманъ предсѣдательствовалъ, была совершенно устранена отъ этого дѣла, и члены ея даже не знали о существованіи какихъ-либо распоряженій по столь

*) Рапортъ отъ 20 іюля № 1726.

важному вопросу. Частнымъ образомъ Желѣзнову все-таки удалось открыть эту канцелярскую тайну, и онъ немедленно передалъ обо всемъ собратьямъ по присутствію. Всѣ были поражены до крайности и возмутились до глубины души. Но сдѣлать ничего не могли, порѣшивши только между собою, что если кто изъ нихъ будетъ назначенъ членомъ комиссіи, то не подпишетъ ни одного протокола, ни одного постановленія, клонящагося къ отнятію хотя части луговъ, которые казаки пріобрѣли своею кровью и которыми владѣютъ безспорно болѣе 200 лѣтъ. Разъ тайна по такому важному для всѣхъ казаковъ дѣлу была открыта, вскорѣ и среди казаковъ начались по этому поводу толки. Въ первыхъ числахъ сентября (1862 года) генералъ-губернаторъ возвращался черезъ войско изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, выѣхалъ съ Волги на Узени, затѣмъ на Мергеневъ и въ Уральскъ. Мѣстахъ въ двухъ, трехъ на пути отъ Мергенева къ Уральску и въ самомъ Уральскѣ казаки приступали къ Безаку толпами, прося не обижать ихъ при размежеваніи съ киргизами. Въ Уральскѣ на обѣдѣ Безакъ держалъ рѣчь къ офицерамъ по поводу вопроса о Бухарской сторонѣ въ томъ смыслѣ, что казаки для него дороже киргизовъ, что онъ ихъ не обидитъ; но что Высочайшее повелѣніе во всякомъ случаѣ нужно выполнить и пр. въ томъ же духѣ *).

Теперь ни для кого не было тайной, что оренбургскій генералъ-губернаторъ предполагаетъ привести въ исполненіе размежеваніе „Бухарской“ (зауральской) сторопы съ киргизами, въ явный ущербъ и положительное разореніе казаковъ, владѣвшихъ ею безспорно. Казаки пришли въ сильное безпокойство. Старики „старожилые“ съѣхались отовсюду въ Уральскъ и ходили совѣщаться преимущественно къ Желѣзнову, какъ быть въ такомъ несчастномъ для нихъ случаѣ и что дѣлать. Сначала старики ходили къ Желѣз-

*) Высочайшее повелѣніе, между прочимъ, узаконяло только „принятіе мѣръ къ разбору ссоръ“, а о размежеваніи въ немъ не упоминается.

нову тайно, по ночамъ, по Желѣзновъ посовѣтовалъ имъ являться къ нему открыто и ни въ какомъ случаѣ самимъ однимъ, безъ участія чиновниковъ, не приниматься за дѣло; сообща съ старшинами былъ выработанъ планъ дѣйствій; Желѣзновъ самъ излагаетъ его въ подробностяхъ въ письмѣ къ Е. М. Матвѣеву *), къ которому обращается за совѣтомъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ и одновременно отъ себя указываетъ, что слѣдуетъ предпринять въ этихъ видахъ и Матвѣеву, имѣвшему довольно большой вѣсъ въ управленіи иррегулярныхъ войскъ **).

„Дайте отвѣтъ, подайте совѣтъ! — пишетъ Желѣзновъ; — а между тѣмъ долгомъ считаю сообщить вамъ, что народъ нашъ сильно озадаченъ, сильно встревоженъ, готовъ идти въ протестъ и — нѣтъ сомнѣнія — пойдетъ. Заварится пожалуй каша. Надо отвратить. Подумайте объ этомъ и примите мѣры къ предотвращенію непріятностей. Склоните членовъ управленія иррегулярныхъ войскъ на сторону казаковъ: это святой долгъ ихъ, какъ въ отношеніи къ казакамъ, такъ и въ отношеніи къ правительству.

„Здѣсь предполагаютъ составить поголовную подписку, выбрать депутатовъ и съ челобитной отъ лица всего войска послать въ Петербургъ къ Государю...

„Въ челобитной нужно будетъ сжато, но ясно высказать историческое и юридическое право казаковъ на Бухарскую сторону, нужно будетъ выставить цифру казенныхъ повинностей (до 100 руб. съ казака) и сопоставить ей цифру повинностей киргизовъ (по 1½ руб. въ годъ съ дыму)... Настоящей программы челобитной еще пока нѣтъ, но главный топъ ея — нужды казаковъ, ихъ историческое право, вѣрноподданническая преданность Государю и, наконецъ, надежда на Его милосердіе... Программу челобитной хотѣлъ писать я, но безъ вашего совѣта и руководства не дерзаю... Касательно челобитной, въ главѣ народа безъ сомнѣнія должны стать и офицеры... Имѣйте это въ виду.

„Минуя народной челобитной, я думаю составить записку въ такомъ родѣ (далѣе идетъ подробное изложеніе плана записки: сначала документальныя доказательства на право владѣнія, затѣмъ разобрать вопросъ, насколько

---

*) Депутатъ отъ казачьяго войска въ „Комитетѣ казачьихъ войскъ“ при Главномъ Управленіи иррегулярныхъ войскъ.

**) Письмо это найдено въ рукописяхъ покойнаго І. П. Желѣзнова; оно озаглавлено: „Письмо Уральца къ Уральцу же въ Петербургъ“. Исторію всего этого дѣла я излагаю, придерживаясь текста письма.

необходимы луга для киргизовъ и для казаковъ, наконецъ, Желѣзновъ имѣлъ въ виду коснуться и нравственной стороны вопроса, съ указаніемъ на дурныя послѣдствія, могущія возникнуть по этому поводу, какъ и было наприм. съ Кочкинымъ пиромъ и т. п.)...

„Убѣжденіе Уральскаго казака, что Бухарская сторона по кряжъ есть неотъемлемая собственность, это убѣжденіе вошло въ кровь и плоть казака. Отнимать у казака Бухарскую сторону — тоже, что душу съ тѣломъ разлучать. Учугъ, пасмка и Бухарская сторона — это такія нѣжныя три струнки, дотрогиваться до которыхъ весьма неблагоразумно. Только или близорукіе, или враги народнаго спокойствія и благосостоянія могутъ рѣшиться на такое рискованное дѣло... Однимъ словомъ, не какъ обыватель казакъ, дорожащій угодьями, а какъ человѣкъ-гражданинъ, предвидящій по своему понятію несчастный исходъ рискованнаго дѣла..., я намѣренъ написать разсужденіе по этому дѣлу и подать правительству...

„Прошу васъ дать совѣтъ... Набросанный мною эскизъ записки или разсужденія о Бухарской сторонѣ не принимайте за непремѣнный и неизмѣняемый. Онъ вышелъ изъ головы моей въ минуту увлеченія. Г о л о в а моя, можно сказать, б у к в а л ь н о к р у ж и т с я... Вотъ что еще: въ предположеніи атамана Д. о раздѣлѣ луговъ встрѣчается слово: „волненіе народное“. Замѣтно и Б., и Д. *) опасаются. Въ прошломъ году всѣ пушки... годныя отобраны отъ насъ и переданы въ баталіонъ, что расположенъ въ нашемъ городѣ... Наконецъ, есть слухи: хотятъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія взять солдатъ и весь баталіонъ стянуть въ Уральскъ... Ну, не грустно ли это? У народа нашего и въ мысляхъ нѣтъ волненія въ смыслѣ бунта. Народъ только хочетъ заявить Царю, чтобы не отнимали Бухарскую сторону... Мы, офицеры, должны стать въ главѣ народа и повести это дѣло честно и разумно, т. е. повести дѣло такъ, чтобы никто з у б о м ъ н е н а т я н у л ъ бунта! Это наша святая обязанность, это долгъ нашъ передъ народомъ и передъ правительствомъ!“... Далѣе онъ спрашиваетъ, когда подавать челобитную, до начала дѣйствій комиссіи или послѣ, сообщаетъ, что „с т а р и к и - з и п у н и к и полагаютъ подать по начатіи дѣйствій комиссіи, но къ челобитной приготовиться заранѣе, зимой, составить по этому поводу приговоръ отъ лица всего войска и подписаться къ нему всѣмъ до единаго“.

Въ заключеніе Желѣзновъ опять проситъ Матвѣева принять въ этомъ дѣлѣ участіе и взять на себя трудъ замѣтить программу челобитной и приговора съ своей стороны.

Я намѣренно остановился подробно на этомъ письмѣ, потому что оно дѣйствительно написано „подъ вліяніемъ минуты“, какъ пишетъ самъ Желѣзновъ, и, какъ всякое подобное выраженіе мыслей, отлично характеризуетъ ав-

*) Д.—Даниловъ, атаманъ; Б.—Безакъ, оренб. генералъ-губернаторъ.

тора. Желѣзновъ очевидно вошелъ въ роль, дотолѣ ему незнакомую, роль защитника народныхъ интересовъ не въ литературѣ, а въ живой дѣйствительности, и эта роль въ концѣ концовъ сгубила его... Письмо это,—какъ отчасти видно изъ самаго заглавія его, а также изъ того, что въ рукописи къ нему приложены „пояснснія“ разныхъ терминовъ, употребляемыхъ въ немъ и незнакомыхъ не-казакамъ,—повидимому, Желѣзновъ имѣлъ въ виду опубликовать, быть можетъ, немного измѣнивши его... П. Н. Ѳ. Савичевъ разсказываетъ, что Желѣзновъ ужасно досадовалъ, что у насъ нѣтъ свободной прессы, въ которой можно было бы все выяснить и такимъ путемъ легко прекратить могущее произойти несчастіе... Вообще, какъ видно изъ письма и какъ разсказывалъ Н. Ѳ. Савичевъ,—съ этого времени Желѣзновъ былъ постоянно въ сильномъ напряженіи: не досыпалъ ночей, занимался до упаду и, бесѣдуя съ толпами казаковъ, къ нему приходившихъ, успокаивалъ ихъ и совѣтовалъ держаться въ этомъ дѣлѣ строго-законной почвы, предоставивши все дѣло имъ, выборнымъ ими судьямъ. Благодаря тому, что І. Н. Желѣзновъ пользовался у казаковъ рѣдкой симпатіей и авторитетомъ, народъ повѣрилъ ему, успокоился и разъѣхался по домамъ, обратившись къ своему хозяйству.

Между тѣмъ событія быстро шли впередъ, и къ осени отношенія между атаманомъ и канцеляріей изъ-за земельнаго вопроса осложнились до невозможности. Почти вслѣдъ за уѣзжающимъ изъ Уральска генералъ-губернаторомъ полетѣло въ Оренбургъ представленіе и. д. наказнаго атамана относительно размежеванія Илецкихъ казаковъ съ Уральскими, что вызвано было—говорится въ рапортѣ—неоднократными заявленіями со стороны Илецкихъ казаковъ и постоянными ссорами ихъ съ сосѣдями—Уральскими казаками. Атаманъ просилъ разрѣшенія, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса, провести временную границу, причемъ уже въ самомъ представленіи указывалось на то,

что Илецкіе казаки обижены, и имъ слѣдуетъ отрѣзать извѣстную часть луговъ *).

Получивъ въ октябрѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе провести эту временную границу, онъ внезапно выѣхалъ изъ Уральска съ топографомъ и, вызвавъ депутатовъ казаковъ отъ Уральскихъ станицъ, смежныхъ съ Илецкими, и отъ Илецкихъ станицъ,—провелъ временную границу, „замежевавъ“ въ пользованіе Илецкихъ казаковъ значительную часть луговъ, которыми до того пользовались жители собственно Уральскихъ станицъ. Совершивъ это дѣло, Д. вернулся въ Уральскъ, не сообщивши даже, въ качествѣ предсѣдателя присутствія войсковой канцеляріи, членамъ ея о небывалой дотолѣ границѣ. Вслѣдъ за атаманомъ явилась въ Уральскъ депутація отъ поселковъ смежныхъ съ Илецкими дачами Уральскихъ станицъ въ войсковую канцелярію для выясненія вопроса, по какому случаю они „замежеваны“ (т.-е. обижены землею), и есть ли на то Высочайшее повелѣніе. Выслушавъ заявленіе этой депутаціи и отобравъ показанія, члены объявили депутатамъ, что сами по этому вопросу ничего не знаютъ и спросятъ сначала атамана. Вслѣдствіе этого заявленія войсковая канцелярія сдѣлала постановленіе препроводить показанія казаковъ къ паказному атаману и почтительнѣйше просить разъясненія, „по чьему повелѣнію открыта комиссія и на основаніи какихъ данныхъ комиссія замежевала въ дачи Илецкихъ казаковъ луга и пашни, принадлежащіе Уральскимъ казакамъ“.

Рапортъ по этому предмету войсковой канцеляріи къ атаману послужилъ поводомъ къ жестокому между ними препирательству. Результатомъ его было, во-первыхъ, то, что депутаты были арестованы и вдобавокъ, уже по распоряженію полицеймейстера, ихъ заставили сбивать кочки противъ атаманскаго дома. Самой канцеляріи атаманъ сдѣ-

*) Современники, повидимому, не безъ основанія, предполагали, что это было нѣчто въ родѣ дипломатической уловки, для того чтобы узнать, какъ примутъ казаки это маленькое дѣльце, чтобы безопасно приступить къ большему дѣлу съ Бухарской стороной.

лалъ замѣчаніе, указывая между прочимъ, на то, что „подобное отношеніе ея къ атаману, своему предсѣдателю, и самый фактъ принятія якобы жалобы на него можетъ вселить въ казакахъ вредныя понятія, могущія нарушить самыя основанія служебнаго порядка". Угрожая членамъ за ихъ quasi-противозаконныя дѣянія, усмотрѣнныя въ томъ, что они сдѣлали постановленіе безъ его согласія и позволили ему, назначенному Высочайшей властью, дѣлать нѣчто вродѣ запросовъ,—Дандевиль „на первый разъ дѣлаетъ членамъ строгое внушеніе, снисходя къ ихъ малому знакомству съ дѣлопроизводствомъ, и совѣтуетъ впредь строже обдумывать свои дѣйствія".

Одновременно съ этимъ онъ отдалъ приказъ объ увольненіи отъ должности секретаря канцеляріи К. Ф. Логинова *) „за уклоненіе, какъ сказано въ приказѣ по войску, отъ своей обязанности и неисполненіе данныхъ ему приказаній". Войсковая канцелярія не замедлила дать на замѣчанія, сдѣланныя атаманомъ, довольно вѣскій отвѣтъ, а также затѣяла цѣлую переписку по поводу увольненія Логинова изъ секретарей. Между тѣмъ, странный арестъ депутаціи съ его оскорбительной обстановкой быстро сдѣлался извѣстнымъ по всему войску. Казаки верхней дистанціи послали еще новую депутацію узнать о судьбѣ своихъ первыхъ депутатовъ и заявить, что тѣ не виноваты, а если виновато, такъ цѣлое общество. Новые депутаты явились въ присутствіе въ пятницу по выходѣ оттуда предсѣдателя; имъ велѣно было придти на другой день. Но предсѣдатель на другой день не пришелъ: уступая настоятельнымъ просьбамъ казаковъ, члены послали попросить атамана въ присутствіе, для чего отправился къ нему Желѣзновъ. Атаманъ сказалъ посланному, чтобы казаки явились къ нему

*) Константинъ Факеевичъ Логиновъ († 1904) впослѣдствіи былъ выборнымъ совѣтникомъ Хозяйственнаго Правленія. Изъ-за стойкости характера у него вышелъ конфликтъ съ другимъ наказнымъ атаманомъ—кн. Гр. С. Голицынымъ, который въ связи съ этимъ добился Высоч. отмѣны положенія о выборныхъ совѣтникахъ. См. его некрологъ въ „Ур. Вѣд." 1904 г., № 37.

Друзья и соратники І. И. Желѣзнова:

КОНСТАНТІИНЪ ФОКЕЕВИЧЪ **ЛОГИНОВЪ.**

† 1904.

лично, а на послѣдовавшій затѣмъ отъ Желѣзнова докладъ, что казаки пришли не къ нему одному, но въ присутствіе войсковой канцеляріи, отозвался, что „сегодня суббота— день неприсутственный, и онъ въ присутствіе не пойдетъ", на что Желѣзновъ замѣтилъ, что „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка". Но атаманъ такъ и не пошелъ. Въ виду этого канцелярія запесла все это въ постановленіе, отобрала отъ казаковъ показанія и отпустила ихъ къ домамъ. Вслѣдъ засимъ и. д. прокурора, есаулъ П. В. Мартыновъ *), сдѣлалъ по своей обязанности донесеніе министру юстиціи о допущенныхъ наказнымъ атаманомъ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ по дѣлу о размежеваніи земель по р. Иртеку, препроводивъ копію съ этого донесенія генералъ-губернатору. Этотъ послѣдній сдѣлалъ запросъ атаману. Что отвѣчалъ Дандевиль, неизвѣстно; извѣстно только, что еще за нѣсколько дней до этого онъ быстро уѣхалъ въ Оренбургъ.

Вся эта исторія, въ которой Желѣзновъ принималъ самое дѣятельное участіе, была перенесена на обсужденіе высшихъ властей и кончилась уже много позднѣе (въ концѣ мая 1863 года) тѣмъ, что отъ лица военнаго министра атаману было сдѣлано замѣчаніе за допущенныя имъ неправильныя дѣйствія, съ подтвержденіемъ на будущее время не выходить изъ предѣловъ предоставленной закономъ власти, совѣтнику К. Ф. Бизянову и асс. Желѣзнову сдѣланъ выговоръ, совѣтника Курилина устранили отъ должности, а и. д. прокурора П. В. Мартынова откомандировали въ наказаніе къ Оренбургскому казачьему войску для несенія службы.

Дѣло относительно Бухарской стороны находилось въ высшихъ сферахъ, и о судьбѣ его ничего не было извѣстно. Матвѣевъ, которому Желѣзновъ писалъ объ этомъ

---

*) Патрикій Васильевичъ Мартыновъ († 1899) впослѣдствіи былъ въ теченіе многихъ лѣтъ депутатомъ отъ Уральскаго войска въ „Комитетѣ казачьихъ войскъ".

дѣлѣ, далъ отвѣтъ очень уклончивый и довольно холодно отнесся къ затѣямъ, изложеннымъ въ письмѣ Желѣзнова, совѣтуя лучше примириться съ Д., указывая на то, что онъ очень хорошій человѣкъ, что только гордость и самолюбіе со стороны членовъ служатъ тормазомъ всему дѣлу и т. п. Желѣзновъ, разочаровавшись въ Матвѣевѣ, отвѣчалъ, что дѣло не въ личности Дандевиля, а въ его дѣйствіяхъ, противныхъ интересамъ казачества, что помириться не представляется никакой возможности, такъ что совѣты его не идутъ къ дѣлу...

Увлеченный общественными дѣлами, Желѣзновъ за все время пребыванія въ Уральскѣ очень мало писалъ для печати: написано имъ въ это время нѣсколько „Сказаній Уральскихъ казаковъ“ (они помѣчены февралемъ 1863 года), затѣмъ 20 марта 1863 г., передъ отъѣздомъ на рыболовство, онъ послалъ еще какое-то „Сказаніе Уральскихъ казаковъ“ въ редакцію „Время“, съ просьбою напечатать,— это было его послѣднимъ произведеніемъ для печати. Что это за сказаніе, не извѣстно: въ рукописяхъ черновика его не осталось, а напечатано оно, повидимому, не было.

Обострившіяся въ концѣ 1862 г. отношенія между атаманомъ и членами войсковой канцеляріи, послѣ того какъ все дѣло было передано на разсмотрѣніе высшихъ властей, стали сдержаннѣе, и когда, весною 1863 года, совѣтникъ Курилинъ и асессоръ Желѣзновъ были назначены атаманами рыболовствъ—первый курхайскаго, второй—севрюжьяго, ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ заподозрить въ этомъ назначеніи что либо особенное, нѣчто въ родѣ ловушки для нихъ обоихъ *).

Дѣло въ томъ, что атаманы рыболовствъ, по заведен-

---

*) Обычно назначенія атаманами рыболовствъ считались большой наградой, такъ какъ за одно такое рыболовство офицеры пріобрѣтали отъ 5 до 10 тыс. руб.

Друзья и соратники І. И. Желѣзнова:

ПАТРИКІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ **МАРТЫНОВЪ.**

† 1899.

пому обычаю *), вмѣсто вознагражденія за трудъ пользовались правомъ пускать въ свою пользу „плавки", т.-е. ежедневно извѣстнымъ числомъ плавныхъ сѣтей казаки ловили рыбу собственно въ ихъ пользу. Всѣмъ и каждому извѣстно было, что казаки изъ уваженія къ атаману рыболовства, а иногда чтобы задобрить его съ корыстными цѣлями, давали атаману „плавковъ" больше, чѣмъ полагается; кромѣ того въ рыболовствахъ, особенно севрюжьемъ, всегда можно отыскать несоблюденіе инструкціи, такъ какъ эта послѣдняя всего не можетъ предусмотрѣть, и отклоненія отъ нея всегда возможны.

Итакъ, Желѣзновъ былъ назначенъ весною 1863 года атаманомъ севрюжьяго рыболовства. Назначеніемъ этимъ онъ былъ очень доволенъ, такъ какъ, помимо матеріальнаго обезпеченія, Желѣзновъ имѣлъ въ виду изучить подробно рыболовство и описать его, а также собрать матеріалы для будущихъ своихъ произведеній. На пути I. II. не упускалъ ни одного случая, чтобы потолковать съ стариками, и вездѣ къ нему собиралось много народу. Заѣзжалъ онъ больше къ казакамъ, а не въ казенный домъ. Когда кончали уже „харчевую" плавню (близъ Краснорѣчекаго форпоста), на рубежъ заѣзжалъ наказный атаманъ Дандевиль, но очень не надолго, обѣщая еще заѣхать на обратномъ пути изъ Гурьева. Послѣ отъѣзда атамана казаки собрались къ кибиткѣ Желѣзнова и жалѣли, что не успѣли спросить атамана, что новаго онъ привезъ изъ Петербурга по вопросу о размежеваніи земель. Когда атаманъ на обратномъ пути дѣйствительно заѣхалъ на рубежъ, его уже ждали, и тотчасъ атаманскую кибитку окружила масса народу. Атаманъ поговорилъ съ казаками о рыболовствѣ и вообще о хозяйственныхъ дѣлахъ ихъ. Казаки поблагодарили его за заботливость о войсковыхъ интересахъ и спросили, что новаго привезъ атаманъ изъ Петербурга по земельному вопросу.

---

*) Порядокъ этотъ отмѣненъ въ 1881 году.

— Ничего, ребята, не могъ сдѣлать,—говоритъ атаманъ: —теперь ужъ дѣло не мое, а высшаго начальства.—„Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте милость, заступитесь за насъ!“ —гудитъ толпа.—Ничего не могу сдѣлать!—повторяетъ атаманъ.—Желѣзновъ вдругъ и говоритъ: „Полковникъ, откажитесь отъ своего мнѣнія!“—Дандевилю сдѣлалось какъ-то неловко, а казаки опять:—„Сдѣлайте Божескую милость!“ —Желая выйти изъ такого неловкаго положенія, Д. будто бы сказалъ:—Хорошо, я откажусь отъ своего мнѣнія.— Уѣхалъ Д. очень недовольный *).

Первое время рыболовства, когда хлопотъ съ казаками было немного, Желѣзновъ велъ аккуратно дневникъ. Озаглавилъ онъ его: „Мой бенефисъ“, называя этимъ именемъ свое назначеніе атаманомъ рыболовства. Въ дневникѣ онъ описываетъ разные случаи въ дорогѣ,—какъ онъ въ одномъ мѣстѣ убилъ лебедя и долго не могъ успокоиться отъ мучившей его совѣсти, такъ какъ лебедь-самка своимъ жалобнымъ крикомъ всю душу изъ него вытянула; разсказываетъ о порядкахъ на рыболовствѣ и объ отношеніи къ нимъ казаковъ, описываетъ очень картинно первый ударъ на весенней плавиѣ... Но этимъ онъ и закончилъ дневникъ: не до него ему уже было; онъ больше бесѣдовалъ съ каза-

*) Я не могъ добиться отъ Фокина, бывшаго при Желѣзновѣ деньщикомъ, со словъ котораго и передаю обо всемъ этомъ, о какомъ-же это мнѣніи шла у атамана съ Желѣзновымъ рѣчь. Всего вѣроятнѣе рѣчь шла о заключеніи, подписномъ атаманомъ по размежеванію съ зауральскими киргизами. Само собою, ручаться за точность разговора нельзя. Одно несомнѣнно, что разговоръ по поводу земельнаго вопроса былъ, и что Желѣзновъ говорилъ по этому поводу съ атаманомъ. Это я слышалъ не отъ одного Фокина. Но содержаніе этого разговора передаютъ очень разнообразно, впрочемъ, всегда сходно въ томъ отношеніи, что вездѣ Желѣзновъ выступаетъ смѣлымъ защитникомъ казачьихъ интересовъ. Вся эта исторія, бывшая на глазахъ громадной толпы, передается изъ устъ въ уста и теперь превратилась въ „Преданіе“, и какъ всякое преданіе имѣетъ не мало варіантовъ. Въ противоположность вышеприведеннымъ словамъ атамана другіе разсказываютъ, что онъ подалъ надежду казакамъ, а Желѣзновъ замѣтилъ ему: „Зачѣмъ, атаманъ, обнадеживать людей: вы и сами не знаете, какъ это дѣло рѣшится“.

ками, писать было некогда, да, должно быть, и не особенно удобно въ кибиткѣ...

На рубежѣ, ниже Кандаурова, рыболовное войско производило ловъ долго по обыкновенію на одномъ мѣстѣ. Желѣзновъ весьма часто бесѣдовалъ съ казаками: они сдѣлали ему маленькій стульчикъ со спинкой; на этомъ стульчикѣ, въ кругу казаковъ, Желѣзновъ любилъ бесѣдовать со стариками, и въ воспоминаніе объ этихъ пріятныхъ для него дняхъ онъ хотѣлъ отослать этотъ стульчикъ въ Москву, чтобы

Севрюжье рыболовство подъ г. Гурьевымъ, родиной Г. И. Желѣзнова.

убрать его хорошенько и хранить на память. Во время же самаго рыболовства—казаковъ держалъ строго, „сплывать“ не давалъ и наказывалъ, какъ это дѣлается обыкновенно, лишеніемъ права рыбачить извѣстное время. Казаки разсказываютъ: „дивное дѣло: не ругался онъ, не дрался, только скажетъ бывало: „стыдно братъ!“,—и всетаки порядокъ былъ образцовый, всѣ его слушались (сравн. его мнѣніе о рыболовныхъ порядкахъ въ рецензіи на сочиненіе Данилевскаго и обычное мнѣніе по этому поводу, что „коли не ругать, да

не быть казаковъ, они тебѣ на шею сами сядутъ"). Между прочимъ, когда казаки сплываютъ ниже положеннаго мѣста, они всегда оправдываются тѣмъ, что „сила не береть, сноситъ; на водѣ-де—не на землѣ" и т. п. Не довѣряя въ данномъ случаѣ казакамъ и желая на себѣ испытать насколько это вѣрно, онъ самъ „плавалъ" и „подымалъ" сѣть наряду съ другими,—и убѣдился, что дѣйствительно очень трудно „подымать" и не всегда возможно поспѣть выбрать сѣть во время, чтобы тебя не снесло ниже рубежа. Этотъ фактъ, между прочимъ, послѣ послужилъ къ обвиненію въ безпорядкахъ на рыболовствѣ: атаманъ-де самъ плавалъ, какой же порядокъ можетъ быть. Къ несчастію І. П. Желѣзнова съ его атаманствомъ на севрюжьемъ рыболовствѣ совпала исторія съ вѣрноподданническимъ адресомъ, составленнымъ уральскимъ чиновничествомъ въ годину адресовъ. Предполагалось представить его отъ всего войска съ массой подписей всѣхъ грамотныхъ простыхъ казаковъ. Въ виду того, что главная масса казаковъ въ это время находилась на севрюжьемъ рыболвствѣ, начальникъ Гурьева городка, къ которому прислана была копія съ адреса, отправилъ ее вмѣстѣ съ бѣлыми листами для собранія подписей къ атаману севрюжьяго рыболовства и просилъ представить, по окончаніи дѣла, наказному атаману. Хотя въ адресѣ не было ничего особеннаго, но казаки на-отрѣзъ отказались дать поголовную подписку на бѣлыхъ листахъ: какъ, дескать, мы будемъ „давать руки", сами не знаемъ „подо что". Желѣзновъ, какъ человѣкъ во всемъ въ высшей степени прямой и не терпящій компромиссовъ, не захотѣлъ какими-нибудь путями вывернуться изъ этого неловкаго положенія и прямо рапортовалъ (отъ 28 апрѣля 1863 г. № 33) наказному атаману:

„По извѣщенію Начальника Гурьева городка относительно отобранія подписей къ адресу Государю Императору, я его чисда собиралъ въ кругъ всѣхъ казаковъ, рыболовствующихъ по Уралу (а ихъ рыбачитъ до 5 тыс. бударъ), разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло, и получилъ отъ нихъ слѣдующій отзывъ: „Служить Царю и Отечеству и положить за нихъ жизнь свою они всегда были и есть готовы, но давать поголовную подписку считаютъ лишнимъ".

Такой же рапортъ онъ послалъ и въ войсковую канцелярію. Очень распространено мнѣніе, что эта исторія съ адресомъ послужила, главнымъ образомъ, къ послѣдующей опалѣ по отношенію къ Желѣзнову, и это мнѣніе высказано даже очень категорически въ печати *).

Но документальныхъ данныхъ на это найти, конечно, очень трудно, и по всѣмъ вѣроятіямъ не это одно было причиной опалы.

Передъ концомъ рыболовства, когда войско поплыло уже къ Гурьеву, начальникъ средней дистанціи К. В. Бородинъ, которому было поручено произвести слѣдствіе по обвиненію Желѣзнова въ допущеніи яко-бы безпорядковъ на рыболовствѣ, потребовалъ, чтобы Желѣзновъ прислалъ къ нему въ Гурьевъ 8 казаковъ изъ рубежныхъ. Казаки эти предварительно пришли къ Желѣзнову посовѣтоваться, зачѣмъ это ихъ зоветъ К. В. Бородинъ, что имъ говорить ему и т. п. Желѣзновъ сказалъ: „говорите, что видѣли".—Искусный слѣдователь заставилъ не подозрѣвавшихъ ничего особеннаго казаковъ показать ему на допросѣ, что дѣйствительно бывали случаи, „сплывали саженъ на 10 пониже кибитки: безъ этого нельзя,—сами были атаманомъ, знаете"; заставилъ это показаніе потвердить подписью. Казаки подписались, пришли на рубежъ и разсказывали, какъ было все дѣло. Надо замѣтить, что вообще народъ былъ вызванъ изъ молодыхъ и малоопытныхъ. Узнавши обстоятельства дѣла и видя, что такое показаніе можетъ повредить Желѣзнову, казаки начали бранить подписавшихся, называя ихъ измѣнниками, „доказателями" и до самаго послѣдняго времени, приписывая самое самоубійство Желѣзнова этому слѣдствію, не могли простить этого поступка, приведеннаго выше показанія, казакамъ его подписавшимъ.

Послѣ перваго допроса, слѣдователь въ одинъ день по-

*) См. статью Авесова „Яицкая Община" въ „Волжско-Камской газетѣ", 1873 г. № 86 и ст. Г. Н. Потанина „Община область" въ „Журн. для Всѣхъ" 1901 г., № 4.

слалъ атаману севрюжьяго рыболовства 3 посланія, на которыя Желѣзновъ отвѣчалъ слѣдующее:

„Сегодня я получилъ отъ Вашего Высокоблагородія три отношенія. Цѣли и смысла одного изъ нихъ *) я не понимаю и потому оставляю безъ отвѣта. На другія же честь имѣю отозваться: третьяго дня спрошенные вами казаки (8 человѣкъ), торжественно, передъ народомъ, объявили мнѣ, что Ваше Высокоблагородіе, отбирая отъ нихъ допросы, вымогали именно такія показанія, какія, вѣроятно, вамъ нужны, и то, что они, не отступая отъ истины, говорили, — большею частью отвергали, — и когда казаки не хотѣли, вопреки совѣсти, подписываться къ такимъ показаніямъ, вы принудили ихъ къ тому авторитетомъ власти. Не говоря о дурномъ впечатлѣніи на народъ, такое заявленіе, допрошенныхъ вами казаковъ, заставляетъ меня покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе принять на себя трудъ донести г. наказному атаману что я не могу допустить васъ быть изслѣдователемъ или розыскателемъ какихъ-то призрачныхъ безпорядковъ въ севрюжьемъ рыболовствѣ, которое, позвольте вамъ сказать, производилось въ безукоризненномъ порядкѣ. Въ заключеніе, прошу васъ уволить меня отъ всякихъ требованій".

Вмѣстѣ съ этимъ онъ написалъ наказному атаману слѣдующее:

„Атаманъ! Изъ посылаемой при семъ копіи съ отвѣта моего г. Бородину, Вы увидите, какой скандалъ готовитъ этотъ усердный штабъ-офицеръ. Не входя теперь ни въ какія дальнѣйшія объясненія, позвольте просить Васъ, атаманъ, только объ одномъ: прекратить розыски, которые ничего, кромѣ скандала не могутъ принести, ибо дѣйствія мои чисты. Во вторникъ, когда отпущу войско въ море, я буду свободенъ отъ должности и поѣду въ Уральскъ. По пріѣздѣ объяснюсь. Если-жъ послѣ того сочтете нужнымъ производить дѣло, — то его всегда можно производить. Въ заключеніе, скажу или спрошу: неужели Вы могли на минуту усумниться, чтобы я когда-либо отказался отъ своихъ дѣйствій, когда въ нихъ, по искреннему убѣжденію моему, нѣтъ ничего унизительнаго? Вамъ не нужно было наряжать слѣдствіе, а слѣдовало бы спросить меня, и я разсказалъ бы Вамъ (не только Вамъ, всему міру я разсказалъ бы) все, что было въ мое начальство на рыболовствѣ".

---

*) Въ этомъ посланіи заключалось слѣдующее: „На основаніи предписаній г. наказнаго атамана Уральскаго войска отъ 21 мая за № 5 и согласно данныхъ вамъ правилъ, воспрещается производить плавки ниже Рубижа, вслѣдствіи чего я имѣю честь увѣдомить васъ, подобной Ловъ рыбы плавками остановится ниже Рубежа, подпосеніемъ состороны вашей отъ ветственности". (Правописаніе оставлено, какъ въ подлинникѣ).

Между тѣмъ слѣдователь вызвалъ новыхъ 20 казаковъ. Къ этому времени, узнавши про происшествія на рубежѣ, туда явились казаки, рыбачившіе выше рубежа, и заявили Желѣзнову, что они имъ весьма довольны, что 8 казаковъ подписались „не къ дѣлу", по невѣдѣнію, что они всѣ пойдутъ заявить „слѣдственнику", что они довольны рыболовнымъ атаманомъ, и что никакихъ нарушеній правилъ и безпорядковъ на рыболовствѣ не было.

И дѣйствительно, вмѣсто 20 человѣкъ къ слѣдователю явилось чуть не все войско. Бородинъ вышелъ на балконъ. Казаки заявили то же, что говорили Желѣзнову; тотъ пытался записать фамиліи нѣкоторыхъ изъ говорившихъ, но фамиліи ему не говорили: „Тѣ 8 человѣкъ не къ дѣлу подписались. Мы всѣ довольны атаманомъ, а подписываться не желаемъ!" гудѣла толпа. Пошумѣли, пошумѣли и разошлись. Тутъ же, разсказываютъ, бумаги по слѣдственному дѣлу о Желѣзновѣ у слѣдователя вдругъ „выдуло" вѣтромъ, и онѣ полетѣли въ толпу; казаки подхватили ихъ и рвали. Нѣкоторыя изъ бумагъ полетѣли въ Уралъ. Тѣмъ повидимому, слѣдствіе и кончилось.

Насколько сильно повліяла вся эта исторія на Желѣзнова и какъ онъ на нее смотрѣлъ, видно изъ его письма къ К. Ф. Бизянову, которое я здѣсь привожу:

„Гурьевъ 28 мая 1863 г. Здравствуйте, искренно уважаемый мною К. Ф.. Сегодня я отпустилъ войско въ море. Прежде предполагалъ тотчасъ же и уѣхать въ Уральскъ, потому что, съ выходомъ войска въ море, атаману сверюжьяго рыболовства нечего больше дѣлать здѣсь. Но теперь остаюсь до конца рыболовства, именно, до 1-го іюня. Случилась исторія. Слышали ли? Теперь, конечно, только услышите. Атаманъ Д. вздумалъ сыграть надо мною штуку — „сдѣлалъ привязку" къ моимъ плавкамъ, — прислалъ Б. (Кондратія) произвести слѣдствіе. Б. радъ. Сталъ вынуждать казаковъ показывать такія вещи, которыя нужны моему обвиненію и пр., и пр. Между тѣмъ, по совѣсти, я ни въ чемъ не виноватъ! Б., пристрастному слѣдователю или розыщику, я откачалъ. Б. успѣлъ сначала подловить 8 казаковъ, насильно заставивши ихъ подписать сказки. Казаки это объявили войску,— оно вознегодовало и Б—ну объявило, что оно не запомнитъ такихъ безпристрастныхъ распорядковъ, какія были въ нынѣшнее рыболовство и пр., и пр. Казаки показаній не дали. Б. все-таки рылся и, роется доселѣ. Меня, ко-

нечно, всѣ эти каверзы возмутили. Понятенъ источникъ, откуда онѣ исходятъ. Л. хочетъ кинуть въ меня грязью... понятно. Больше говорить не надо.

„Доносчикъ или, правильнѣе, шпіонъ извѣстенъ *); извѣстно и кое-что другое, о чемъ и писать не хочется. При свиданіи разскажу. (Далѣе приводится письмо къ атаману и бумага къ Б—ну)... Вотъ такого-то рода дѣла творятся на вольномъ свѣтѣ! На душѣ у меня адъ. А все вы виноваты! Я хотѣлъ остаться въ Москвѣ, — вы тащили на родину, и я послушался. До свиданія, однако, жму вашу руку. Вашъ І. Желѣзновъ".

Кромѣ досады на неправильное обвиненіе его въ небывалыхъ безпорядкахъ и на оскорбленіе его подозрѣніями въ корыстныхъ дѣлахъ, Желѣзновъ и казаками остался не особенно доволенъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ Фокина, онъ, по отъѣздѣ изъ Гурьева, вдругъ сильно измѣнилъ свои къ нимъ отношенія, не хотѣлъ съ ними разговаривать, относился ко всѣмъ и ко всему въ высшей степени подозрительно.

Еще на пути онъ получилъ „летучку" съ бумагой о назначеніи въ полкъ. Подобное назначеніе выбраннаго обществомъ ассесора въ полкъ, безъ очереди, притомъ даже не сотеннымъ командиромъ, а субалтернъ-офицеромъ,—было явною опалою. Но, по словамъ Фокина, **) Желѣзновъ высказалъ, по полученіи бумаги, что по крайней мѣрѣ тамъ спокойнѣе будетъ... Очень вѣроятно, что то было самоутѣшеніе... Еще дорогой въ Уральскъ Фокинъ замѣтилъ нѣкоторыя странности въ поведеніи Желѣзнова: онъ былъ сильно безпокоенъ, самые обыкновенные факты объяснялъ въ худую сторону, ко всему относился въ высшей степени подозрительно: въ Круглоозерновскомъ форпостѣ, напр., его удивило, зачѣмъ это такъ много народу на улицѣ, словно его ждали, почему-то ужъ очень скоро подали лошадей и т. п. На пути изъ Круглоозернаго въ Уральскъ онъ уже показывалъ явные признаки умственнаго разстройства: его мучили галлюцинаціи, ему казалось, что за ними кто-то го-

*) Желѣзновъ, какъ и всѣ казаки, и все уральское общество, подозрѣвали въ этомъ назначенныго къ нему писаремъ, служившаго тогда въ атаманской канцеляріи Гр. Сладкова.

**) Казакъ, бывшій у него деньщикомъ.

нится, онъ постоянно оглядывался; хотя, успокоившись немного, опять дѣлался прежнимъ человѣкомъ.

Безъ всякаго сомнѣнія грязь, въ которую его хотѣли втянуть, подозрѣнія о будущей своей участи, безсиліе противъ атаманской власти, наконецъ разочарованіе въ казакахъ—все это такъ сильно подѣйствовало на впечатлительную натуру Желѣзнова, произвело въ немъ такой „душевный адъ", по его собственному выраженію, что голова его не вынесла, и онъ, несомнѣнно помѣшался... Но помѣшательство это было настолько слабое и такъ рѣдко прорывалось наружу, что по пріѣздѣ его въ Уральскъ ни одинъ изъ товарищей его не замѣтилъ въ немъ особенно рѣзкой перемѣны, тѣмъ болѣе, что Желѣзновъ, повидимому, старался передъ другими вообще подбадривать себя, шутилъ по поводу всей исторіи на рыболовствѣ, утѣшалъ себя тѣмъ, что скоро вернется, что служба въ полку не Богъ вѣсть какое наказаніе... По пріѣздѣ въ Уральскъ онъ узналъ, чѣмъ кончилась ихъ исторія препирательства съ Д.,—онъ получилъ всего только выговоръ.

Товарищи часто навѣщали его, но какого-либо соболѣзнованія и протеста—противъ невиданнаго назначенія изъ ассессоровъ, выбранныхъ обществомъ на трехлѣтіе, въ полкъ безъ очереди—со стороны его избирателей не было.

Фокинъ разсказываетъ, что вскорѣ по его пріѣздѣ въ Уральскъ къ Желѣзнову приходила толпа казаковъ, но Желѣзновъ къ ней даже не вышелъ, а узнавши черезъ деньщика, что они намѣрены просить атамана оставить его въ войскѣ,—онъ велѣлъ передать, что это не ихъ дѣло... Опять-таки Желѣзновъ никогда такъ не обращался съ казаками... Между тѣмъ сборы на службу шли своимъ чередомъ: Желѣзновъ купилъ тарантасъ, началъ даже укладываться. Полкъ уже выступилъ, а Желѣзновъ отпросился остаться на нѣсколько дней... Наканунѣ его самоубійства (9-го іюня 1863 г) у него долго сидѣли О. Л. Аничхинъ и два брата Савичевы. Тутъ товарищи уже замѣтили, что съ Желѣзновымъ творится что-то неладное; онъ сталъ заговариваться-

ся и галлюцинаціи стали являться чаще. Подошелъ, напр., случайно къ окну глухонѣмой нищій и началъ жалобно просить милостыню,—Желѣзновъ видитъ въ этомъ продѣлку атамана: „этого еще не доставало—воскликнулъ онъ:—и здѣсь меня онъ не оставляетъ въ покоѣ!“—Прощаясь съ товарищами, онъ вдругъ замѣчаетъ: „А вѣдь знаете что: полкъ-то вернулся! Меня завтра разстрѣливать будутъ!“ То ему казалось, что за нимъ пришлютъ „телѣжку“ и отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ... Товарищи успокаивали его, убѣждая, что ничего этого нѣтъ, что онъ просто разстроенъ, вотъ ему и кажется все въ такомъ дурномъ свѣтѣ... Послѣ такихъ убѣжденій онъ нѣсколько успокаивался и входилъ въ обычную колею. Между прочимъ онъ хотѣлъ наканунѣ самоубійства отдать О. Л. Аничхину ружье, изъ котораго послѣ и застрѣлился; совсѣмъ вынесъ его, но потомъ, какъ бы подумавъ что-то, сказалъ, что ужъ завтра пусть за одно все заберетъ, что у него останется, и ружье оставилъ у себя. О. Л. Аничхинъ звалъ его въ этотъ вечеръ къ себѣ на проводы; онъ обѣщалъ придти; за нимъ заходилъ Савичевъ, но Желѣзновъ, отказываясь головною болью и усталостью, не пошелъ и въ эту же ночь къ утру, часа въ 3, 10-го іюня 1863 г., застрѣлился изъ охотничьяго ружья, заряженнаго дробью. Выстрѣлъ былъ направленъ въ ротъ, курокъ спущенъ ногою...

Печальная вѣсть быстро разнеслась по городу; пришедшіе въ квартиру Желѣзнова товарищи—Савичевъ, Аничхинъ и другіе увидали страшную картину: въ комнатѣ потолокъ и стѣны были забрызганы мозгами и кровью, около печки лежалъ скорчившись самоубійца: черепъ былъ раздробленъ, и мозгъ былъ снаружи, части лица не было... Атаманъ настаивалъ, чтобы его похоронили какъ можно скорѣе. На похороны собралось довольно много народу, какъ казаковъ, такъ и чиновниковъ; гробъ несли по задамъ атаманскаго дома, до выѣзда городскаго сами чиновники, а тамъ казаки. На могилѣ А. Ф. Акутинъ произнесъ прочув-

ствованную рѣчь, по случаю смерти; похоронили товарища и разошлись по домамъ *).

Между тѣмъ атаманъ, испугавшись демонстраціи со стороны казаковъ, написалъ генералъ-губернатору обо всемъ случившемся, освѣтивъ дѣло такъ, что, дескать, „глава оппозиціи застрѣлился, и можно ждать волненія среди казаковъ“ Генералъ-губернаторъ немедленно поскакалъ въ Уральскъ; но здѣсь и признаковъ какой-бы то ни было оппозиціи не нашелъ: чиновники устроили ему обѣдъ по подпискѣ, угостили на славу, а казаки даже, выпрягши его коляску, прокатили на себѣ... Генералъ-губернаторъ остался всѣмъ этимъ очень доволенъ, на обѣдѣ сказалъ рѣчь, пожалѣвши Желѣзнова, такъ рано почившаго, казакамъ приказалъ выставить угощеніе; тѣ перепились на славу,—тѣмъ все и кончилось...

С. В. Максимовъ по поводу смерти Желѣзнова пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ слѣдующее:

„Мы были личными свидѣтелями того глубокаго сожалѣнія, съ какимъ встрѣчено было въ Москвѣ роковое извѣстіе, что І. И. Желѣзновъ застрѣлился въ Уральскѣ (въ 1863 году). Недостойная интрига и злобная зависть, съ примѣсью рабскаго прислуживанья и угодничества, дерзнула покуситься на его прочно установившуюся репутацію честнаго человѣка, образцоваго патріота и даровитаго изслѣдователя родины и уважаемаго отечественнаго писателя. Пока товарищи собирались въ Уральскѣ поставить на его могилѣ памятникъ, московскіе друзья помянули добрымъ словомъ и панихидою. Когда зимою рокового года пришлось мнѣ, по порученію морского министерства, прибыть въ Уральскъ, тамъ не только живы были разсказы о страшной катастрофѣ, но далеко не смолкъ всеобщій ропотъ, сдержанный лишь благоразуміемъ тогдашней молодежи. Одинъ старикъ—казакъ, готовно пересказывая мнѣ (неважныя, впро-

*) Г. П. Потанинъ въ выше цитированной статьѣ, отмѣчаетъ, что никакой толпы народной за гробомъ не шло.

чемъ), подробности событія, взволновавшаго все войско, высказался такъ: — Пропала наша „з а с т о я“!“ *).

Товарищи и почитатели имени І. И. Желѣзнова приняліись черезъ годъ послѣ похоронъ за подписку на сооруже

Могила І. И. Желѣзнова на Старомъ кладбищѣ г. Уральска.
Барельефъ на сторонѣ, обращенной на востокъ (слѣва), гдѣ расположена Желѣзновская площадь. Отъ могилы до площади сдѣлана аллея съ воротами, обращенная на площадь. Слѣва у могилы І. И. Желѣзнова похороненъ его другъ и „соратникъ“ М. К. Курилинъ. (Съ фотогр. 1910 г.).

ніе ему памятника. По порученію Савичева художникомъ В. Бровскимъ былъ составленъ (въ 1865 г) проэктъ памятника, представлявшій собою дикую скалу неправильной

*) „Уралецъ“ 1897 г., № 6.

формы („самородокъ"), на вершинѣ которой большой крестъ съ рельефнымъ распятіемъ страдальца за человѣковъ—І. Христа. Въ самой скалѣ вдѣланъ барельефъ І. П. Желѣзнова. Но проэктъ этотъ, повидимому, не былъ осуществленъ. На прежней скромной могилѣ съ обычнымъ деревяннымъ крестомъ поставили въ 1871 году памятникъ тоже изъ дикаго камня (выписанъ изъ Казани), но не такой формы, какъ въ проэктѣ, камень четырехъ-угольный, не напоминающій дикой скалы. Барельефъ былъ все-таки вдѣланъ въ камень, на памятникѣ поставленъ желѣзный крестъ и сдѣлана надпись: „Автору „Уральцевъ" —отъ земляковъ!" Боясь, чтобы, вслѣдствіе отсутствія на Старомъ кладбищѣ г. Уральска порядочнаго караула, барельефъ не пропалъ, его впослѣдствіи перенесли въ войсковую публичную библіотеку, гдѣ онъ находился вплоть до 1890 г., когда онъ вновь вдѣланъ въ памятникъ, обнесенный съ тѣхъ поръ оградой.

Вотъ все, что было сдѣлано въ память Желѣзнова уральскимъ обществомъ до 1888 г. Со времени постановки ему памятника (въ 1871 г.) прошло цѣлыхъ 17 лѣтъ, про Желѣзнова почти ничего не появилось въ печати, его стали совсѣмъ забывать, и въ уральскомъ обществѣ 80-хъ годовъ, можно было встрѣтить не одного изъ молодыхъ интеллигентовъ, который имѣлъ самое смутное представленіе о томъ, кто такой былъ Желѣзновъ... Въ народѣ хотя память о немъ держалась крѣпче, но и тамъ немилуемо ее поглотило бы вскорѣ всепоглощающее время, если бы что-либо не напоминало о немъ.

IV

Возобновленіе интереса къ личности и произведеніямъ І. И. Желѣзнова въ концѣ 80-хъ годовъ: изданіе полнаго собранія сочиненій 1888 г.—Изданіе отдѣльныхъ очерковъ его для народа въ 1888 г. — Неизданныя статьи.—Обзоръ содержанія 3-го изд. „Полнаго собранія сочиненій І. И. Желѣзнова".—Заключеніе.

Въ концѣ 80-хъ годовъ кружокъ уральской интеллигенціи задумалъ собрать и издать всѣ произведенія І. И. Желѣзнова. Исполненіе этого изданія взяло на себя уральское войсковое хозяйственное правленіе на средства, запмствованныя изъ войскового капитала. Это новое собраніе его сочиненій въ 3-хъ томахъ (Спб. 1888 г.) въ значительной степени содѣйствовало тому, что память о крупномъ писателѣ-казакѣ возстановилась, какъ среди интеллигенціи, которая по полному собранію его сочиненій могла составить себѣ точное представленіе о силѣ художественнаго таланта Желѣзнова, о его завѣтныхъ мечтахъ, взглядахъ и симпатіяхъ, такъ и среди сѣраго казачества — народа, для котораго одновременно отпечатаны четыре отдѣльныхъ книжки: „Аханьщики", „Картины казацкой жизни", „Сайгачники" и „Василій Струняшевъ". Особенной популярностью у казаковъ пользуется этотъ послѣдній романъ изъ жизни уральца недавняго прошлаго. Спросъ на это дешевое изданіе оказался такъ великъ, что вскорѣ всѣ брошюрки были распроданы, и войсковое хозяйственное правленіе разрѣшило переиздать ихъ фирмѣ Сытина, съ условіемъ предоставленія извѣстнаго количества экземпляровъ въ распоряженіе правленія для нуждъ школьныхъ библіотекъ. Послѣднія снабжены были, какъ полнымъ собраніемъ сочиненій Желѣзнова въ 3-хъ томахъ, такъ и народнымъ изданіемъ его отдѣльныхъ статей.

Второе посмертное изданіе сочиненій Желѣзнова было встрѣчено критикой довольно радушно и имѣло несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ не только затраты на это изданіе (заемъ изъ войскового капитала) были вскорѣ покрыты под-

пиской и продажей книгъ, но и продажа ихъ дала нѣкоторую сумму чистаго дохода, каковую предполагалось употребить на какое-либо общеполезное дѣло, связанное съ именемъ уральскаго народнаго писателя,—напр., на народную школу его имени.

Къ 1900 годамъ и это изданіе сдѣлалось уже довольно рѣдкимъ и теперь печатается 3-е изданіе ихъ.

Постараемся дать хотя бѣглую характеристику отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ произведеній І. И. Желѣзнова.

Первый томъ 3-го изданія содержитъ три наиболѣе извѣстныхъ бытовыхъ очерка: „Картины казацкой жизни", „Сайгачники", „Картины ахапнаго рыболовства". Всѣ они имѣютъ много общаго и представляютъ дѣйствительно, можно сказать, „живыя картины" изъ быта уральскихъ казаковъ. Прочитавъ хоть разъ „Картины казацкой жизни", „Картины ахапнаго рыболовства", вы, никогда не забудете выведенныхъ авторомъ типовъ „казачатъ", казаковъ и описываемыхъ событій,—то комическихъ, то грозныхъ. Очеркъ „Картины казацкой жизни" переноситъ читателя къ 30-мъ годамъ текущаго столѣтія въ глухой „линейный форпостъ"—„Красны-Яры". Авторъ рисуетъ сначала уличную жизнь, игры казачатъ—такъ характерныя для даннаго сословія и вертящіяся вокругъ сраженій и столкновеній съ сосѣдями киргизами. Далѣе разсказъ переходитъ къ бесѣдѣ степенныхъ казаковъ и здѣсь видна при изображеніи ихъ типовъ кисть истиннаго художника. Попутно онъ знакомитъ съ мѣстными особенностями быта. Окрикъ: „киргизы! киргизы лошадей нашихъ гонятъ!"—превращаетъ мирныхъ гражданъ въ воиновъ: казаки быстро бросаются въ погоню за врагами и перехватываютъ ихъ при переправѣ черезъ Уралъ. Не ограничившись этимъ, казаки формируютъ команду и отправляются въ степь наказать дерзкихъ кочевниковъ за ихъ попытку грабежа. Не менѣе яркую картину рисуетъ авторъ при описаніи стычки съ киргизами горсти казаковъ. Безпокойная

и опасная жизнь въ недавнее прошлое пришлейныхъ казаковъ на Уралѣ, всегда готовыхъ встрѣтить непріятеля и защитить отъ него русскую границу и свое добро — выступаетъ въ этомъ очеркѣ въ яркихъ образахъ и картинахъ.

Другой разсказъ переноситъ насъ въ иную сферу—охоту на сайгаковъ (дикая степная коза), которой съ особенной любовью занимаются жители „средней“ линіи (близъ г. Калмыкова). Надо сказать, что собственно только главы IV, V и VI трактуютъ о сайгакахъ и охотѣ на сайгаковъ и сайгачникахъ. Другія же главы посвящены разнымъ преданіямъ, не всегда къ предмету относящимся. Центральной фигурой этого очерка является казакъ „Осипка Вертячкинъ“ — характерный типъ, нерѣдко встрѣчающійся среди казаковъ изъ зажиточныхъ.

„Картины ахашнаго рыболовства“ переносятъ читателя уже въ совершенно иную обстановку. Рѣчь идетъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе опасномъ зимнемъ морскомъ рыболовствѣ въ Каспійскомъ морѣ. Сборы на рыболовство, бытовая обстановка гурьевскаго казака, выѣздъ „на аханы“, прощаніе, самый ловъ и приключенія ахапциковъ вдали отъ береговъ въ ледяной пустынѣ — описаны съ замѣчательною силою и яркостью.

Наконецъ, очеркъ „Башкирцы“, носитъ чисто этнографическій характеръ.

Большая часть 2-го тома занимаетъ историко-бытовой романъ изъ жизни уральскихъ казаковъ 20—30-хъ годовъ— „Василій Струняшевъ“. Въ этомъ произведеніи, въ формѣ повѣсти, описаны злоключенія плѣненнаго киргизами уральскаго казака и его романъ съ молодой киргизкой. Повѣсть читается легко и пользуется среди казаковъ большой популярностью. Въ этотъ томъ включены кромѣ того весьма различныя по своему содержанію мелкія статьи отчасти историческаго, отчасти публицистическаго характера: „Маршкинъ городокъ“, „Отчего сайгаки покинули Уралъ?“, „Мысли казака о казачествѣ“, „Критическія статьи на исторію Пугачевскаго бунта“, еще нѣсколько критическихъ и другихъ

мелкихъ статей и вновь печатаются: „Что такое казацкій офицеръ“ и „Туча каменная“. О характерѣ и содержаніи первой статьи было говорено выше (стр. XXXI). въ „Тучѣ каменной“, приведенъ разсказъ старика очевидца событія 1837 г., когда казаки подали пріѣзжавшему наслѣднику жалобу на свое начальство, за что были сурово наказаны, а само событіе возведено чуть не въ бунтъ: изъ мухи сдѣлали слона!

Наконецъ 3-й томъ представляетъ нѣчто цѣльное, будучи посвященъ исключительно „Преданіямъ, пѣснямъ и сказаніямъ уральскихъ казаковъ“, причемъ отдѣльная большая статья „Преданія о Пугачевѣ“ — представляетъ высокій интересъ для характеристики настроенія среди яицкихъ (уральскихъ) казаковъ въ это бурное время.

Бросимъ общій взглядъ на эту личность: что же представлялъ изъ себя Желѣзновъ для Уральскаго войска, что сдѣлалъ онъ на поприщѣ литературы, что сдѣлалъ онъ для изученія исторіи войска и въ отношеніи изслѣдованія жизни уральскаго сѣраго казачества?

Какъ литераторъ, Желѣзновъ достаточно оцѣненъ критикой: онъ создалъ бытовые картины и очерки, за которыми признаны всѣ достоинства художественныхъ произведеній; нѣкоторыя изъ мѣстъ его „Картинъ казацкой жизни“, напр. „Игры казачатъ“, „Красный и Голубой“, — помѣщены въ распространенныхъ хрестоматіяхъ, какъ образцы художественныхъ разсказовъ *). Многія произведенія его безъ всякаго сомнѣнія и теперь будутъ читаться не безъ интереса

Какъ историкъ—Желѣзновъ мало извѣстенъ публикѣ: онъ не успѣлъ издать чего-либо цѣльнаго по исторіи войска, матеріалы къ которой онъ собиралъ въ теченіе 3-хъ слишкомъ лѣтъ. Единственный его печатный трудъ историче-

---

*) „Игры казачатъ“ помѣщены въ хрестоматіи Водовозова, „Красный и Голубой“ въ другой хрестоматіи,—не помню, въ какой именно.

скаго характера — это „Критическая статья на Исторію Пугачевскаго бунта". Сюда же слѣдуетъ отнести первую часть статьи: „Что такое казачій офицеръ". Но насколько богатый матеріалъ былъ собранъ имъ по исторіи войска, можно видѣть изъ слѣдующихъ, думаю, не безъинтересныхъ, данныхъ. Въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ", начиная съ 1869 года, М. К. Курлинъ печаталъ „Матеріалы къ исторіи Уральскаго казачьяго войска, еще нигдѣ не напечатанные", собранные І. П. Желѣзновымъ, и эти матеріалы заняли 37 №№ газеты (1869, 1870 и 1871 годовъ).

Кромѣ того послѣ Желѣзнова осталось собранныхъ въ одномъ томѣ до 1,500 полулистовъ — различныхъ матеріаловъ по исторіи войска, замѣтокъ, преданій и т. п., которыми пользовались нѣкоторыя лица изъ писавшихъ по исторіи войска.

Такъ, этими матеріалами пользовались для своихъ работъ Савичевъ, Коринъ, Костенко. Но всего болѣе заимствовалъ изъ нихъ Витевскій, напечатавшій много статей по исторіи Уральскаго войска. Къ сожалѣнію Витевскій не всегда и не вездѣ, а если говорить правду, то очень рѣдко, ссылается на Желѣзнова, заимствуя у него матеріалы, а мѣстами дѣлая дословныя выдержки изъ его ненапечатанныхъ статей. Во 2-е изданіе вошли нѣкоторыя изъ такихъ статей и въ выноскахъ были сдѣланы соотвѣтствующія помѣтки, сохраненныя и въ 3-мъ изданіи. Не желая здѣсь долго останавливаться на этомъ предметѣ, скажу одно: по разсмотрѣніи всѣхъ трудовъ Витевскаго: „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ" (1877 г.), „Происхожденіе Уральскаго войска („Древняя и Новая Россія" 1879 г.), „Неплюевъ и Оренбургъ" (1873 г.) и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ, я съ положительностью утверждаю, что добрая половина матеріаловъ для этихъ статей взята у Желѣзнова, причемъ ссылки въ выноскахъ его статей въ родѣ: „Уральскій войсковой архивъ № такой-то" — означаютъ ни болѣе, ни менѣе какъ ссылку на № „Описи бумагъ покойнаго есаула Желѣзнова", составленной

П. О. Савичевымъ *). Кромѣ того, въ его трудахъ „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“ и „Происхожденіе Уральскаго войска“ мѣстами цѣликомъ сдѣланы заимствованія изъ записанныхъ и обработанныхъ Желѣзновымъ преданій и путевыхъ замѣтокъ, отчасти со ссылкою на „Уральскій войсковой архивъ“ въ одномъ томѣ, отчасти безъ всякихъ ссылокъ **). Желающіе могутъ это провѣрить. Витевскій хотя ссылается, во введеніи къ своей статьѣ „Яицкое войско до Пугачева“, на то, что къ нему „случайно попали нѣкоторые изъ матеріаловъ Желѣзнова, и онъ ими пользовался“, хотя мѣстами (безъ обобщенія) встрѣчаются ссылки на „связку дѣлъ Желѣзнова“ и на „черновыя бумаги“ его, — но тѣмъ не менѣе фактъ отсутствія ссылокъ на Желѣзнова вездѣ, гдѣ была возможность, — и вмѣсто того постоянныя ссылки на невѣдомый „Уральскій войсковой архивъ № такой-то“, означающій просто томъ матеріаловъ Желѣзнова, — остается фактомъ ***)...

Какъ изслѣдователь народной жизни—Желѣзновъ собралъ и напечаталъ массу въ высшей степени ин-

*) Кстати замѣтить: этотъ томъ рукописей Желѣзнова въ архивъ сдаваемъ совсѣмъ и не былъ, онъ во все время путешествовалъ по рукамъ разныхъ изслѣдователей и историковъ Уральскаго войска: а когда писалъ Витевскій вышеозначенныя статьи, онъ былъ у него на рукахъ. Судя по времени составленія перечисленныхъ статей, Витевскій держалъ этотъ томъ съ 1873 по 1881 г., и возвращенъ онъ былъ имъ только благодаря усиленнымъ настояніямъ, съ напоминаніемъ авторитета мѣстной власти, покойнаго П. О. Савичева, какъ видно изъ черновыхъ его писемъ къ Витевскому (письма у меня). За это время Витевскій, повидимому, успѣлъ исчерпать почти весь матеріалъ, заключавшійся въ этомъ томѣ.

**) См. „Кочующій міръ“, „Уходцы“ въ 1-мъ и „Пред. о Голубомъ городищѣ“ во 2-мъ. Исключеніе изъ этого составляетъ статья: „Желѣзновъ и сказанія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“, гдѣ „сказаніе о Хивѣ“ приводится за подписью Желѣзнова, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на прежнія заимствованія.

***) См. по этому предмету мою полемику съ Витевскимъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1887 г., №№ 92, 116 и 132. Къ сожалѣнію, мое заключительное по этому предмету письма редакція „Волжскаго Вѣстника“ почему-то не помѣстила.

тереснаго матеріала — преданій, пѣсенъ, сказаній Уральскихъ казаковъ,—матеріала, ожидающаго болѣе подробной отѣнки со стороны спеціалистовъ по народному эпосу и народной поэзіи вообще.

Наконецъ, еще болѣе дорогъ І. Н. Желѣзновъ его землякамъ-казакамъ—к а к ъ ч е л о в ѣ к ъ, искренно и беззавѣтно преданный интересамъ своей родины — общины Уральскихъ казаковъ, интересамъ Уральскаго войска, какъ человѣкъ, посвятившій себя всецѣло, со всею страстностью своей натуры, изученію любимаго казачества и его исторіи, защитѣ его интересовъ въ печати и на дѣлѣ... Этимъ послѣднимъ и объясняется дѣйствительно рѣдкое явленіе, что писатель-интеллигентъ къ тому-же офицеръ, пользовался во время своей жизни и послѣ своей смерти такою популярностью среди народа—простаго казачества, какою едва ли кто изъ писателей пользовался когда-либо. „Въ самыхъ глухихъ хуторахъ,—пишетъ Авсеевъ *),—казаки знали, что есть Желѣзновъ-писатель, который поставилъ своей задачей защищать въ литературѣ Уральское казачество". И пишетъ истинную правду...

Да!.. Уральское войско многое потеряло въ этомъ о д н о м ъ человѣкѣ! Не даромъ есть мнѣніе среди казаковъ, что „какъ бы живъ былъ І. Н. Желѣзновъ – наша з а с т о я, — глядишь, не было бы и с т о р і и при введеніи положенія 1874 года, не ушло бы въ ссылку до 2500 семей: онъ съумѣлъ бы предотвратить волненіе!"

Не даромъ у одного изъ молодыхъ друзей Желѣзнова, несомнѣнно имѣвшаго съ нимъ духовное родство, въ минуту „вдохновенія" вырвалось экспромтомъ слѣдующее задушевное и вполнѣ правдивое по своей мысли стихотвореніе:

*) Камско-Волжская газета 1873 г., № 86.

ПАМЯТИ І. И. ЖЕЛѢЗНОВА.

(Стихотвореніе А. П. Хорошхина) *).

Въ сырую могилу его положили,
Засыпавъ холодной землей...
Да!.. еслибъ всѣ люди такъ искренно жили,
Какъ жилъ онъ, нашъ другъ дорогой!

Да!.. еслибъ всѣ люди такъ жадно стремились
Порвать ту неправду и ложь,
Что крѣпко во всѣхъ насъ, во всемъ вкоренились, —
Какъ міръ этотъ былъ бы хорошъ!.
Ужель не настанетъ то время святое,
Ужель не настанетъ тотъ вѣкъ,
Когда, отряхнувши отребье гнилое,
Возстанетъ отъ сна человѣкъ?..
Придетъ это время, и мощно воспрянетъ
Отъ сна опустившійся людъ...
И много именъ онъ забытыхъ помянетъ,
И всѣ они вновь оживутъ.
Придетъ это время... Ты будешь помянутъ:
Недаромъ на свѣтѣ ты жилъ!
Судьбою, холопствомъ безбожно обманутъ,—
Ты жизнью за все отплатилъ.
Ты чувствовалъ, мыслилъ, страдалъ и томился,
Для братьевъ не крови ты въ нихъ трудился
И, преданный братьями, ты изнывалъ...
Сломила кручина, не стало терпѣнья,—
Ты съ жизнью покончилъ... Къ чему?..
Но поздно ужъ, братья,—къ чему сожалѣнья?
Теперь сожалѣнья не нужны ему...

*) Стихотвореніе это принадлежитъ А. П. Хорошхину -даровитому уральскому офицеру, какъ и Желѣзновъ, безвременно погибшему, (онъ убитъ кокандами, въ 1875 г., при Махрамѣ). Стихотвореніе найдено мною въ бумагахъ покойнаго И. Ѳ. Савичева. **Н. Б.**

Въ сырую могилу его положили,
Засыпавъ холодной землей...
Да!.. еслибъ всѣ люди такъ искренно жили,
Какъ жилъ онъ, нашъ другъ дорогой!

Въ память І. И. Желѣзнова громадная площадь г. Уральска, примыкающая къ „Старому кладбищу", на которомъ стоитъ памятникъ автору „Уральцевъ",—названа „Желѣзновской".

„Желѣзновская" площадь въ г. Уральскѣ: справа Предтеченская церковь, расположенная противъ Желѣзновской площади; вдали Александро-Невскій соборъ.

I.

КАРТИНЫ КАЗАЦКОЙ ЖИЗНИ.

Вернемся, читатель, лѣтъ за тридцать назадъ, *) перенесемся на р. Уралъ, въ одну изъ нашихъ казачьихъ станицъ, напримѣръ, въ Красноярскій форпостъ; тамъ я вамъ покажу, и сами вы, конечно, увидите, житье-бытье казацкое. Вообразите, что мы съ вами сидимъ на крыльцѣ есаульскаго (начальническаго) дома, подъ тѣнью навѣса, сдѣланнаго изъ тальниковыхъ прутьевъ,—пьемъ чай съ к а й м а к о м ъ **) и куримъ сигары—вы гаванскую, а я—россійскаго произведенія. Сидимъ мы не въ креслахъ, а, извините, по азіатскому обычаю, на полу. Вмѣсто роскошнаго ковра, подъ нами простой бѣлый войлокъ или узорчатая т е к с м е т ь ***). Передъ крыльцомъ, гдѣ мы съ вами возсѣдаемъ, небольшая площадь, окаймленная незатѣйливыми, но опрятными казачьими домиками, или бѣлыми глиняными, съ плоскими кровлями, или деревянными, съ кровлями высокими, тесовыми, украшенными или рогейками, или пѣтушками, или рогами оленей и разныхъ невѣдомыхъ допотопныхъ животныхъ, находимыми въ окаменѣломъ видѣ въ р. Уралѣ.

Весна. День теплый, ясный и праздничный. Весь форпостъ, т. е. всѣ обыватели, пообѣдавъ и принарядившись,

---

*) Писано въ 1859 г. Р е д.

**) Родъ сливокъ. Разница между сливками и каймакомъ та, что сливки, какъ навѣстно всѣмъ и каждому, снимаются съ сырого, а каймакъ съ вареного, или вскипяченнаго, но уже остывшаго молока. Изъ каймаку пахтаютъ масло.

***) Родъ ковра, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ, узорами расположенныхъ, овечьихъ кусковъ.

кто во что могъ, вышли на открытый воздухъ и пестрыми живописными группами разсѣлись или на завалинахъ домовъ, или около заборовъ, или подъ навѣсами воротъ, гдѣ была тѣнь.

Изъ всѣхъ народныхъ группъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе двѣ: группа мальчишекъ и группа людей взрослыхъ, пожилыхъ, солидныхъ. Къ послѣднимъ, т. е. къ людямъ пожилымъ, мы обратимся послѣ, а теперь займемся казачатами.

Смотрите: они давно уже играютъ въ а л ь ч и (родъ бабокъ); скоро игру эту прекратятъ и примутся за иную забаву, такъ называемую в о й н у. Полюбуемся на эту дѣтскую забаву, полную жизни, энергіи, смысла и—позволимъ себѣ такъ выразиться—поэзіи; опишемъ ее, какъ съумѣемъ, и потомъ передадимъ всей читающей публикѣ. Итакъ, безъ дальнихъ словъ, къ дѣлу.

I.

Наскучивъ игрой въ „альчи“, вдругъ одинъ изъ казачатъ, возвысивъ голосъ, кричитъ:

— Воевать давайте, братцы!

— Что же? Давайте!—откликнется другой казаченокъ.

— Согласны?—спрашиваетъ первый.

— Согласны, согласны! воевать, воевать!—кричитъ въ одинъ голосъ встрепенувшаяся и склубившаяся въ кучу ватага мальчишекъ.

Начинается выборъ предводителей, а потомъ играющіе дѣлятся на двѣ партіи: русскую и киргизскую.

— Кому атаманомъ быть?—пачнетъ одинъ голосъ.

— Я вашъ атаманъ!—отвѣчаетъ другой голосъ.

— Нѣтъ, братъ, рыломъ не вышелъ!—замѣчаютъ со стороны.

— Отчего бы такъ? говоритъ самозванецъ-кандидатъ.

— А оттого, что не „выкупѣлъ“ еще, ты мелко плаваешь: спина, братъ, наружи. Есть и почище тебя...

— Кто же? не ты ли? Дрянь такая...

— Хоть бы и я. Ну, чѣмъ я хуже тебя?—Самъ ты дрянь...

Завязывается маленькій споръ, но вскорѣ прекращается.

Кто-то крпчитъ:

— Терешку Каплина!...

— Не надо Терёшку Каплина! —замѣчаютъ со стороны.— Онъ попаровщикъ, потатчикъ; онъ родпѣ своей потакаетъ, товарищамъ потворствуетъ. Намедни Васька Ларшинъ провинился, а онъ не наказалъ его... Не надо Терёшку!...

— Ну, такъ Гришку Малоземова!...

— И Гришку не надо! онъ дрянь, онъ плакса! Куда ему въ атаманы! будетъ съ него и въ деньщики атаманскіе.

— Сидорку Корпаухова!...

Никто не возражаетъ. Сидорка сдѣлалъ шагъ—другой впередъ, но вдругъ раздается хохотъ.

— Ха, ха, ха, ха! Сидорку въ атаманы! Что выдумали, „одрало“ бы васъ... ха, ха, ха, ха! Куда ему, косому! Вѣдь у него одинъ глазъ на насъ, а другой въ Арзамасъ. Ну, какъ онъ, съ косыхъ-то глазъ, удереть въ талы, словно „тушканъ“ (заяцъ) гоный? Поди, да ищи его тамъ съ собаками.

Снова раздается хохотъ. Всѣ хохочутъ; хохочетъ и тотъ, кто предложилъ Сидорку въ атаманы, хохочетъ, скрѣпя сердце, и самъ Сидорка, строя гримасы въ утѣшеніе себя и высовывая языкъ товарищамъ.

Въ это время проходитъ мимо ребятишекъ какой-то старикъ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, шутки ради, конечно, предлагаетъ имъ себя въ атаманы.

— Спасибо, дѣдушка: не надо намъ тебя,—отвѣтилъ одинъ изъ казачатъ.

— Отваливай, сѣдая борода, не годишься! стара стала... глупа стала..., проницитъ вслѣдъ старику изъ толпы другой тоненькій голосокъ, но такъ однако же тихо, чтобы старикъ не все слышалъ.

И вся толпа заливается громкимъ хохотомъ.

Старикъ догадывается, что смѣются на его счетъ, обер-

нется, погрозитъ шалунамъ посохомъ, проговоритъ притворно-обиженнымъ тономъ:—„Вотъ я васъ озорниковъ!“—вздохнетъ, да и поплетется своей дорогой, думая про себя:—„Творецъ небесный! куда все дѣвалось? и я вѣдь когда-то былъ такой“.

Атамана еще нѣтъ, поднимается шумъ, споръ. Одни желаютъ того, другіе—этого. Замѣтно, однакожъ, что выборъ падетъ на Сидорку Корнаухова, который хоть и косой, но парнишка бойкій, а главное—справедливый: однажды онъ „отполъ“ розгами роднаго своего братишку за нарушеніе правилъ игры, а это, въ глазахъ казачатъ, много значитъ.

Но вотъ изъ-за угловаго дома показалась быстро бѣгущая, съ прирыжкой, фигура казаченка, лѣтъ двѣнадцати, въ красно-пестрой съ широкими разводами рубахѣ, только-что въ первый разъ надѣтой, отчего она, раздуваясь на вѣтрѣ, шумитъ, какъ листъ бумаги. Въ одной рукѣ казачёнокъ держалъ два печеныхъ яйца, а въ другой комъ блиновъ. Свѣтлорусые отъ природы волосы на головѣ этого казаченка, отъ безпрестаннаго купанья въ Уралѣ, посоловѣли и походили на пучекъ пожелтѣвшаго льна. Лицо казачёнка отъ этой же причины, т. е. отъ частаго купанья, похоже было на куличное яйцо *). Но все это не мѣшало Мишкѣ Хандохину—это былъ Мишка Хандохинъ—стоять во главѣ своихъ товарищей. Мишка Хандохинъ—первый выдумщикъ, первый зачинщикъ разныхъ дѣтскихъ проказъ. Кто, бывало, первый вскарабкается на высокое дерево, чтобы разорить коршунное или пистальжное гнѣздо?—Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, проворнѣе всѣхъ облазитъ кровли домовъ и амбаровъ и повытаскаетъ изъ гнѣздъ воробьятъ для разныхъ анатомическихъ наблюденій?—Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, искуснѣе другихъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, проберется, хоть черезъ трубу, въ запертую кухню какой-нибудь старушки сосѣдки или даже родной своей бабушки, чтобы стащить оттуда кувшинъ каймаку или молока на общую потре-

*) Не видавшіе куличиныхъ яицъ могутъ справиться въ „Зап. Руж. Охотника“ г. Аксакова. Тамъ, кажется, объ нихъ упоминается.

бу своихъ товарищей?—Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, успѣетъ, не бывъ замѣченъ, набросать всякихъ неудобоваримыхъ и неудобосъѣдаемыхъ веществъ въ котелъ или чугунъ дѣвушкамъ, когда онѣ, на вечеринкахъ, готовятъ для себя кушанья?—Мишка Хандохинъ. Словомъ, Мишка Хандохинъ всѣмъ проказамъ голова. Его и не называли иначе, какъ или удочка, или скопа (родъ хищной птицы), или маташникъ, или лыцарь, или отрокъ,—чаще всего, однако же, честили его отрокомъ, и не даромъ. Это слово, въ понятіи казаковъ, хотя и равносильно слову сорви-голова, но имѣетъ отъ послѣдняго нѣкоторое и не малое даже отличіе.

„Сорви-голова“ означаетъ забіяку взбалмошнаго, дѣлающаго все очертя голову, безъ разсужденія—пройдетъ ли ему проказа его даромъ, или взъѣдетъ на шею,—безъ соображенія, какое она произведетъ впечатлѣніе на другихъ, безъ страха, наконецъ, потерять свою репутацію.

Но „отрокъ“—человѣкъ тонкій. Онъ ничего не дѣлаетъ наобумъ, не размысливъ предварительно, что и какъ выйдетъ. Онъ знаетъ, какую именно и надъ кѣмъ именно сшутить шутку. У него на первомъ планѣ не одно желаніе насолить кому или потѣшить себя. Нѣтъ, онъ также умно и тонко разсчитываетъ и на то, чтобы проказа его была вполнѣ достойна казака, чтобы она одному кому показалась горькой и соленой, а другимъ доставила бы смѣхъ и нѣкотораго рода удовольствіе, чтобы, наконецъ, проказничая, не пропасть самому въ общемъ мнѣніи. Таковъ былъ Мишка Хандохинъ.

Для образчика приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ его подвиговъ на поприщѣ отроческихъ проказъ.

Жила-была старуха, по фамиліи Кушумова, или, какъ называли ее обыватели, Кушумиха, строптивая, брюзгливая и скряга отъявленная, какихъ свѣтъ не видывалъ. Единственнаго сына, женатаго и имѣвшаго кучу маленькихъ дѣтей, она, изъ ненависти къ снохѣ, согнала со двора, давъ ему только для службы двѣ лошади, да на прокормъ дѣтей ялов-

в у ю тёлку. Жила Кушумиха одна одинехонька, и все копила, а для чего—одинъ дьяволъ зналъ.

Однажды, наканунѣ какого-то большого праздника, кажется, наканунѣ Пасхи, пришли къ ней маленькіе внучата и попросили, чѣмъ разговѣться. У старухи всего было вдоволь: и говядины, и масла, и яицъ, а о молокѣ и каймакѣ и говорить нечего: этимъ добромъ хоть прудъ-пруди. Но старуха-скряга дала внучатамъ для разговѣнья только кислаго молока, и то не свѣжаго или мѣшочнаго, а кадочнаго, прогорклаго, такого, котораго добрые люди и побѣдѣе ея сами не ѣдятъ, а употребляютъ на выдѣлку овчинъ, да даромъ раздаютъ киргизамъ-байгушамъ (нищимъ). Узналъ объ этомъ весь форпостъ и вознегодовалъ на скрягу-бабушку.

Старуха Кушумиха и безъ того была во всеобщемъ презрѣніи, какъ безсмысленная и отвратительная скряга. Мишка Хандохинъ, не смотря на то, что ему было отъ роду только 10 или 11 лѣтъ, понимаетъ уже, что хорошо, что худо. Онъ и прежде ненавидѣлъ Кушумиху за скряжничество, но когда узналъ, какъ она скотски обошлась съ своими родными кровными, онъ озлобился на нее, какъ на вѣдьму какую, или какъ на киргизскаго разбойника Сююнкару, который часто лѣливалъ набѣги на казачьи станицы и тревожилъ казаковъ.

— Удружу-жь я тебѣ вѣдьма кіевская! —сказалъ самъ себѣ Мишка, и отправился въ поле. Тамъ онъ наловилъ нѣсколько полевыхъ мышей, сусликовъ и карбышей, задушилъ ихъ, склалъ въ мѣшокъ и возвратился домой. Онъ выждалъ, когда Кушумиха уѣхала къ заутренѣ, въ сосѣдственную станицу, гдѣ была церковь, и отправился къ ней въ домъ. Караульщицей и вмѣстѣ прислугой въ домъ Кушумихи была старуха изъ киргизскихъ байгушей, но и та, пользуясь отсутствіемъ ворчливой хозяйки, ушла въ сосѣдственный киргизскій аулъ. Слѣдовательно, Мишкѣ-отроку представился полный просторъ проказничать или, такъ-сказать, „отрочествовать“. Сначала, сквозь широкую трубу г о р н а *), онъ за-

*) Родъ камина, гдѣ варятъ молоко.

брался въ кухню, и тамъ во всѣ кадки, горшки, миски, чашки, словомъ, во всю домашнюю посуду, съ чѣмъ бы она ни была, со щами ли, съ молокомъ ли, или пустая, набросалъ дохлыхъ мышей, суслековъ и карбышей. Изъ кухни Мишка перебрался на ледникъ, разломавъ для того въ одномъ мѣстѣ камышевую крышу, спустился въ самый погребъ, отыскалъ тамъ кадки и кубышки съ коровьимъ масломъ, скопленнымъ въ теченіе цѣлаго поста для продажи, и вездѣ, т. е. во всѣ кадки и кубышки, разсовалъ мертвечину...

Такимъ образомъ, Мишка-отрокъ сдѣлалъ старухѣ-скрягѣ троякое зло: во-первыхъ, онъ испоганилъ у нея все масло, которое она должна была или бросить, или задешево сбыть киргизамъ, потому что изъ русскихъ никто бы не купилъ у нея масло, какъ поганое. Во-вторыхъ, напоганилъ у нея всю домашнюю посуду, которую нельзя было употребить въ дѣло до тѣхъ поръ, пока священникъ „не дастъ посудѣ молитву“, т. е. не освятитъ ее св. водой, а для этого нужно было ѣхать и везти посуду въ соборственную станицу, да сверхъ того заплатить за труды. Въ-третьихъ, исторія эта до такой степени озадачила старуху-скрягу, что въ первыя минуты горя она чуть-чуть не взбѣсилась и не сошла съ ума; насилу, говорятъ, работница-киргизка отлила ее водой.

Кромѣ того отрокъ Мишка выходкой этой, довольно однакожъ, между нами будь сказано, рѣзкой, доставилъ всему форпосту немалое удовольствіе; ибо всѣ были рады случаю посмѣяться надъ скрягой, которая мерзкою жизнью своею вселяла во всѣхъ къ себѣ одно только омерзеніе. Стало быть понятно будетъ, ежели мы скажемъ, что никто не подалъ старухѣ руку помощи, никто не пожалѣлъ о ея горѣ, а напротивъ, всѣ гласно говорили: „у скупаго больше чортъ беретъ“, или „копила, копила, да чорта купила“. Даже киргизка-работница, жившая въ ея домѣ, и такъ ли, сякъ ли, питавшаяся ея крохами, и та украдкой улыбалась, радуясь въ душѣ, что ей приведется хоть разъ въ жизни поѣсть досыта молока насчетъ своей милой и доброй хозяюшки.

Кунумиха предчувствовала, что все это дѣло рукъ Ми-

шки Хандохина, и потому, лишь только прошло первое тяжелое впечатлѣніе, она, съ воемъ и плачемъ, побѣжала жаловаться есаулу. Чтобы не показаться несправедливымъ и избавить старушенку отъ конечнаго отчаянія, ибо она близка была къ петлѣ, есаулъ позвалъ Мишку къ допросу. Но Минка оказался правымъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ уликъ противъ него не было. Мало того, онъ, словно банкиръ, самъ сталъ обвинять старуху.

— Ты, сауль, самое-то ее приструнь хорошенько,—говорилъ Минка есаулу: зачѣмъ она держитъ у себя испорченное масло? Кто знаетъ, какое у нея было масло-то, може, наворожено, съ порчей. Вонъ они, голубчики, суслики-та,— продолжалъ унылымъ и плачевнымъ голосомъ Мишка, показывая тѣмъ жалость къ мышамъ, сусликамъ и карбышамъ,— вонъ они, бѣдненькіе, паѣлись ея масла-та, да и померли... Этакъ, пожалуй, и люди отъ ея масла перемрутъ...

Есаулъ засмѣялся, старуха плюнула и хотѣла-было вцѣпиться отроку въ соловые волоса, но отрокъ не далея, онъ не изъ таковскихъ, чтобы поддаться старухѣ, ускользнулъ, и съ честью вышелъ изъ начальническаго дома. На улицѣ, у самаго крыльца, его ожидала ватага друзей и товарищей. Тѣ, видя своего друга здравымъ и невредимымъ, привѣтствовали его единодушнымъ восклицаніемъ: „Ай-да, Михукъ! ай-да, молодецъ! настоящій отрокъ!“ и чуть было не задушили своими обниманьями, да цѣлованьями.

Минка Хандохинъ былъ идоломъ своихъ товарищей. Теперь ясно, что появленіе его въ кругу своей „храброй братьи“ должно тотчасъ рѣшить споры по выбору атамана.

Какъ шаръ, Мишка вкатился въ толпу ребятишекъ, прокричавъ еще издали:

— Ширe, далъ съ пирогами, дай дорогу съ табакомъ!

— Меня ли вамъ надо?—сказалъ Минка, повернувшись нѣсколько разъ на одной ногѣ и состроивъ преуморительную гримасу, отъ которой вся толпа захохотала.

— А то кого же, коль не тебя? не бѣса же лысаго,— сказали казачата, и въ ту же минуту общимъ голосомъ на-

рекли Мишку Давыдомъ Мартемьяновичемъ, въ честь войскового атамана Бородина.

Теперь, мы видимъ, Мишка Хандохинъ уже не Мишка Хандохинъ, а Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ.

Покончивъ дѣло о выборѣ атамана, какъ о предметѣ большей важности, казачата приступаютъ къ выбору другого предводителя, киргизскаго батыря, какого нибудь Чшебека или Кайбалу, долженствующаго противодѣйствовать атаману. На этотъ разъ дѣло устраивается скоро. Первый голосъ, поданный въ пользу Сидорки Корнаухова, онъ же косой, принимается безпрекословно, одобряется и утверждается общимъ согласіемъ и приговоромъ. Спора тутъ не могло быть, во-первыхъ, потому, что Мишка Хандохинъ не противорѣчитъ, во-вторыхъ, потому, что охотниковъ въ предводители киргизской партіи вообще мало, ибо киргизской партіи обычаемъ узаконено, волей-неволей, терпѣть пораженіе отъ русской, а предводителю ея непремѣнно быть въ плѣну и, какъ плѣнному, сносить нѣкотораго рода униженіе.

За выборомъ предводителей начинается раздѣленіе на партіи. Атаманъ кричитъ:

— Метаться! метаться!

И всѣ повторяютъ эти слова, въ томъ числѣ и Сидорка Корнаухов, представляющій собой лицо киргизскаго батыря. Приправливаясь къ акценту киргизовъ, когда тѣ, объясняясь по-русски, коверкаютъ русскія слова, Сидорка кричитъ:

— Метасса! метасса!

Начинаютъ „метаться“. Всѣ мальчишки разбиваются на пары, наблюдая притомъ правило, чтобы каждая пара состояла непремѣнно изъ одинолѣтковъ или, по крайней мѣрѣ, изъ мальчиковъ, возрасты которыхъ хотя приблизительно были бы равны между собой. И это дѣлается не спроста, а съ цѣлью. Такъ какъ одинъ мальчикъ изъ пары переходитъ, какъ увидимъ ниже, на сторону атамана, а другой на сторону киргизскаго батыря,—то такимъ образомъ силы обѣихъ партій уравновѣшиваются.

Разбившись на пары, казачата отходятъ въ сторону и

шепчутся между себя; потомъ, обнявшись или взявшись за руки, возвращаются къ предводителямъ, а тѣ встрѣчаютъ ихъ съ подобающею важностью и гордою осанкою.

Подходитъ одна пара и обращается къ атаману съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Тебѣ кого надо:—царя или князя?

— Царя! говоритъ атаманъ.

И мальчикъ, взявшій на себя имя царя, переходитъ на сторону атамана, а другой, князь, на сторону киргизскаго батыря.

Подходитъ другая пара и обращается къ представителю киргизовъ:

— Тебѣ, вилокъ *) проклятый, кого надо: старика или старуху?

— Старикъ дабай!—говоритъ киргизъ.

И старикъ переходитъ на сторону киргиза, а старуха на сторону атамана.

Подходитъ третья пара и обращается, по очереди, снова къ атаману:

— Тебѣ кого надо: инерала или губернатора?

— Все равно,—говоритъ атаманъ: давай инерала!

Подходитъ четвертая пара и спрашиваетъ киргиза:

— Тебѣ, не умыта харя, кого надо: свинью или борова?

— Пея равна,—говоритъ киргизъ, приноравливаясь къ отвѣтамъ атамана:—дабай свинья!... мала-мала шпать ево станемъ...

Такимъ образомъ, всѣ пары расходятся, или „разметываются“ на партіи: атаманскую и киргизскую. Ежели одинъ казаченокъ останется лишній, безъ пары, то онъ пристраивается къ которой либо партіи по жеребью, или такъ, куда случайно попадетъ. Уговорясь въ общемъ планѣ, какъ, гдѣ и чѣмъ дѣйствовать, противники расходятся.

Минка Хандохинъ—онъ же Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ—отводитъ свою партію въ сторону, а Сидорка Кор-

*) Насмѣшливый намекъ на бритую голову.

пухова—онъ же и старшина Кайбала—въ другую. Тутъ уже начинаются и оканчиваются частныя совѣщанія. Всѣ садятся на палочки верхомъ, будто на копей; всѣ вооружаются длинными и короткими прутьями, будто пиками и саблями; каждый на погонѣ изъ пряжи, имѣетъ за плечами ружье, но не настоящее, конечно, а тростниковое или сдѣланное изъ другихъ какихъ колѣнчатыхъ растеній, съ пустотой въ срединѣ. Ружья заряжаются пескомъ, т. е. просто-на-просто импровизированный воинъ схватитъ, во время боя, изъ-подъ ногъ у себя горсть песку или пыли, всыплетъ ее въ пустоту тростинки, да взмахомъ руки выпуститъ зарядъ въ противника. Иной забавникъ заранѣе наскребетъ изъ трубы или печки сажи, завернетъ въ бумажку и спрячетъ за пазуху; а потомъ, во время боя, набьетъ сажей свое ружье, да и влѣпитъ кому нибудь въ лицо. Отъ такихъ выходокъ, кромѣ смѣха съ обѣихъ сторонъ, никакихъ худыхъ послѣдствій не бываетъ, и шалунъ остается безъ наказанія. Развѣ только противникъ его въ слѣдующую игру самъ изловчится и отплатитъ ему той же монетой.

Но есть другого рода шалости, которыя не проходятъ иногда даромъ. Вмѣстѣ съ пескомъ, иной шалунъ запуститъ въ ружье маленькій камушекъ или нѣсколько камушковъ, да и угоститъ кого нибудь изъ мнимыхъ недруговъ своихъ. Хорошо, ежели камушекъ, попадетъ въ бокъ или въ спину непріятеля: онъ, т. е. камушекъ, только обожжетъ, оконтуженный только встрепенется, да поежится, и игра этимъ не нарушится. Но ежели камушекъ попадетъ въ другое, болѣе чувствительное мѣсто и оставитъ по себѣ хоть незначительный слѣдъ, тогда, по извѣстному условному знаку, сраженіе тотчасъ прекращается, и дѣлается разслѣдованіе. Съ обѣихъ сторонъ жарко принимаются за дѣло открытія виновнаго. Уличенный въ подлогѣ или, по выраженію казачатъ, въ подвохѣ, мальчишка наказывается розгами, съ общаго приговора партіи, или атаманомъ, или киргизскимъ предводителемъ, смотря потому, въ какой партіи принадлежитъ виновный; наказывается иногда довольно презрядно. Оштрафован-

ный не только не посмѣетъ пожаловаться отцу или матери, но не посмѣетъ и плакать. Если кто сдѣлаетъ это, пропалъ тотъ навѣки! Осмѣютъ его товарищи, разславятъ на весь мальчишескій міръ, не только въ своей станицѣ, но и въ сосѣдственныхъ; оборвутъ несчастнаго, опозорятъ, дѣвкой назовутъ, и ужъ, что всего горше—никогда не примутъ въ свое общество.

Равнымъ образомъ и раненый или оконтуженный не рѣшится жаловаться отцу, не станетъ и плакать, и также изъ боязни, чтобы не прозвали его плаксой, нѣженкой, недотрогой. „Терпи! говорятъ ему товарищи:—ты не дѣвка. Охоту тѣшить—не бѣду платить". И терпитъ бѣдный воинъ, хотя немного и морщится.

Мишка Хандохинъ выстраиваетъ свой отрядъ, перекликаетъ, разумѣется, не по списку, а наизусть; назначаетъ есауловъ и урядниковъ,—даетъ наставленіе, какъ дѣйствовать,—увѣщеваетъ: не робѣть, другъ друга не выдавать, камушковъ въ дѣло не пускать, а главное—не спать, не дремать. Одинъ изъ воиновъ его отряда сбѣгаетъ въ домъ, выпроситъ у матери или у сестры, а ежели не выпроситъ, то и украдетъ, или, по выраженію казачатъ, с б о и д и т ъ красный или другой какой цвѣтной платокъ. Нацѣпятъ этотъ платокъ на палку, и знамя, или, „х а р у н к а" готова.

Партія, предводительствуемая Давыдомъ Мартемьяновичемъ, онъ же Мишка Хандохинъ, выступаетъ въ походъ съ пѣснями. Поютъ какую нибудь военную пѣсню, изъ числа завозимыхъ на Уралъ казаками съ внѣшнихъ службъ, изъ арміи, а чаще всего какую нибудь изъ своихъ, сложенныхъ доморощенными поэтами. Напримѣръ:

К а й б а л а *) салтанъ разбойникъ,
Ужъ такой-то безпокойникъ,
Въ саму зимнюю пору

---

*) К а п и т-Г а л і й И м а м о в ъ, султанъ внутренней киргизской орды, кочующей между низовьями Волги и Урала. Этотъ султанъ, извѣстный

Объявилъ салтанъ войну —
Объявлялъ батырь войну
Хану-Джангиру своему.—
Казаки изъ Горъ *) въ походъ ходили,
По дикой степи гуляли,
Старшину Кайбалу искали,
Но ордынцевъ не видали.
Подъѣзжали ко мару,
Увидали Кайбалу.
Увидавши Кайбалу,
Заманили старшину.
Генералъ нашъ Бородинъ
Отъѣзжалъ въ сторну одинъ.
Подъѣзжалъ онъ ко мару,
Замаячилъ Кайбалу.
— „Ты, салтанъ ли Кайбала,
Укажи намъ, гдѣ вода?“
Салтанъ съ лошади слѣзалъ,
Таку рѣчь, злодѣй, держалъ:
— „Ни воды нѣтъ, ни травы,
Лишь желты одни пески“.

однакожъ, какъ между русскими казаками, такъ и между киргизами подъ сокращеннымъ, уменьшительнымъ именемъ: Кайбала, въ началѣ 1829 г. возмутилъ часть киргизовъ противъ хана Джангира, обвиняя послѣдняго въ небреженіи къ пользамъ народа, и хотѣлъ перейти за Уралъ. Но уральскіе казаки, подъ командой войскового атамана, генералъ-маіора Давыда Мартемьяновича Бородина, не допустили киргизовъ къ переходу за Уралъ. Въ Великій постъ, въ первыхъ числахъ марта, казачій отрядъ вышелъ изъ Горской крѣпости противъ киргизовъ и встрѣтился съ ними въ степи, недалеко отъ Урала. Тутъ генералъ Бородинъ и султанъ Каинъ-Галій, они же Кайбала, лично знавшіе другъ друга, выѣхали одинъ къ другому на переговоры,—и Давыдъ Мартемьяновичъ успѣлъ склонить Каинъ-Галія оставить всѣ эти затѣи, какъ ни къ чему доброму не ведущія, кромѣ какъ къ напрасному кровопролитію и разоренію. Султанъ оставилъ киргизское сборище, которое велъ-было за Уралъ, велѣлъ ему разойтись по своимъ кочевкамъ, а самъ сѣлъ съ Бородинымъ въ коляску и уѣхалъ въ Уральскъ, а потомъ въ Оренбургъ... Волненіе въ ордѣ прекратилось. Вотъ, по случаю этого событія, и явилась у казаковъ вышеприведенная пѣсенка, гдѣ подѣломъ, конечно, честятъ Кайбалу и разбойникомъ, и злодѣемъ.

*) Горская крѣпость, или иначе: крѣпость Пядерскихъ горъ.

Тѣмъ временемъ и старшина Кайбала, онъ же Сидорка Корнауховъ, устраиваетъ и приготовляетъ къ бою свою партію въ другой улицѣ или за околицей, внѣ форпоста, гдѣ нибудь въ огородахъ или около огородовъ.

Обѣ партіи начинаютъ сходиться. Но киргизская партія не прямо наступаетъ, а уклоняется отъ боя, прячется, таится, хоронится гдѣ-нибудь за плетнями, да за строеніями, ежели дѣло происходитъ въ жиломъ мѣстѣ, или въ кустахъ, въ оврагахъ, за деревьями, ежели дѣло происходитъ внѣ форпоста. Казачья же партія, напротивъ, дѣйствуетъ открыто, самонадѣянно, въ увѣренности, что киргизская партія—прахъ. Казачья партія скачетъ, рыщетъ изъ улицы въ улицу, или отъ куста къ кусту, отъ оврага къ оврагу, отыскивая разбойническую партію; по временамъ останавливается, прислушивается, разсылаетъ по сторонамъ и впередъ себя патрули, разставляетъ „секреты", словомъ, дѣлаетъ все то, что дѣлаютъ дѣйствительныя казачьи партіи противъ дѣйствительныхъ киргизскихъ партій.

Наконецъ, на задахъ форпоста, за соляными складами или за банями, казачья партія открываетъ киргизскую. Сраженіе начинается перестрѣлкой съ обѣихъ сторонъ: вмѣстѣ съ клубомъ или, правильнѣе, съ струей пыли, вылетающей изъ дула тростниковаго ружья, стрѣлокъ кричитъ: „бу!"—знакъ, что „пищаль" его била. Отчего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ безпрестанно раздаются звуки: бу! бу! бу! сливающіеся, наконецъ, въ одинъ протяжный звукъ: бу-у-у-у! По временамъ выскакиваютъ съ той и другой стороны единоборцы; наскачутъ другъ на дружку, пустятъ въ буквальномъ смыслѣ одинъ другому пыль въ глаза—и разъѣдутся при одобрительныхъ кликахъ своихъ товарищей.

Затѣмъ казачья партія, съ крикомъ: ура! идетъ на ударъ, или на сломъ (въ атаку). Въ то же мгновеніе по всей киргизской партіи пропосятся заунывный гулъ, похожій на сливающіеся въ-одно звуки: о-о-о-о! -у-у-у-у! — ій-ій-ій-ій!—знакъ или предвѣстникъ грозящей опасности или конечной гибели; потомъ раздается одобрительный военный возгласъ:

„А б л а й! А б л а й! А б л а й!“ *). Начинается общая свалка. Русскіе кричатъ: б е й! к о л и!“ Киргизы кричатъ: „у р ъ! ч а и ч ъ!“ (тоже, что—бей, коли). Казачья партія выбиваетъ изъ засады киргизскую, гонитъ подъ гору, въ луга. Вотъ тутъ ужъ начинается пиръ-горой: непріятель бѣжитъ, разсыпается по кустамъ, перескакиваетъ рвы, канавы, кидается въ ручьи, въ озера; русскіе преслѣдуютъ по пятамъ. Отстающихъ, падающихъ отъ усталости, спотыкающихся отъ неосторожности непріятелей берутъ въ плѣнъ или дѣлаютъ видъ, что прокалываютъ пикой. Взятый въ плѣнъ, хотя и не связанъ, въ силу обычая, не смѣетъ бѣжать, а тотъ, кого ловко по затылку или по спинѣ коснется прутъ, замѣняющій пику или саблю, падаетъ на полъ, и, какъ убитый, обязанъ лежать на мѣстѣ до окончанія драки. Вся эта суматоха длится до той поры, пока и та, и другая сторона натѣшится вдоволь, набѣгается и напрыгается до упаду, до послѣдняго почти истощенія силъ. Бой прекращается. Казачья партія провозглашаетъ побѣду,—она торжествуетъ и кричитъ: „наша взяла! наша взяла!“ Киргизская партія смолкаетъ, бросаетъ оружіе и преклоняется предъ побѣдителями. Предводителя непріятельской партіи берутъ въ плѣнъ, накидываютъ ему на шею какую-нибудь бичевку или просто-напросто тесьмянный поясъ, который съ него же снимутъ, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками ведутъ съ тріумфомъ на форпостъ. Тѣ же, которымъ рокъ судилъ валяться на полѣ битвы мертвыми, оживаютъ, когда военная или церемоніальная процессія пройдетъ мимо нихъ, и присоединяются къ побѣдителямъ. Плѣнные, какъ быть дѣлу, идутъ повѣсивъ голову, вздыхаютъ и ударяютъ себя въ грудь, въ знакъ глубокаго отчаянія. Побѣдители же, напротивъ, выражаютъ свой восторгъ прыжками и отчаянными скачками, которымъ, кажется, позавидовалъ бы любой козелъ сайгакъ.

---

*) Это лозунгъ. У киргизовъ въ обычаѣ, передъ сраженіемъ и во время сраженія, призывать на помощь какого-нибудь однородца, старинваго батыря, прославившагося при жизни военными подвигами, а по смерти чудесами, что служитъ, разумѣется, признакомъ святости батыря.

Вступая въ форпостъ или подходя къ мѣсту, назначенному сборнымъ, послѣ сраженія, пунктомъ, казачья партія, по слову Мишки Хандохина: „пѣсенники впередъ!“, начинаетъ снова пѣть какую-нибудь пѣсню, ежели не доморощеннаго произведенія, то общую армейскую, передѣланную или, такъ сказать, приложенную на случаї торжественнаго событія. Напримѣръ:

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ.
Идутъ, идутъ казаченьки,
Идутъ они тихимъ маршемъ,
И межъ собою говорятъ:
— Хоша трудно намъ, ребята,
Подъ хивинцами стоять,—
Труднѣй того намъ казакамъ
Подъ пушечки подбѣжать.
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали вразъ: у р а!
Ура! ура! городъ взяли,
Затряслися стѣны — валъ.
Вы, злые, лютые хивинцы!
Покоритеся вы намъ.
Если жъ вы намъ не корытесь,—
Пропадете, какъ трава!
Идетъ съ нами Мать-Расея,
Всѣмъ сударствамъ голова!

— Спасибо, атаманы-молодцы!—говоритъ Мишка Хандохинъ своимъ сподвижникамъ.

— Рады стараться!—отвѣчаютъ тѣ.

И война кончается, войско распускается. Всѣ бѣгутъ купаться въ Уралъ, чтобы смыть съ себя пыль и грязь. Еще на дорогѣ къ рѣкѣ, иные нетерпѣливые и задорные любители купанья, скидаютъ съ себя чуть не всю одежду, къ рѣкѣ подбѣгаютъ почти совсѣмъ уже готовые, и съ крикомъ: „к у п а-в о д а! ж а р а в з я л а!“ стремглавъ бросаются въ воду, внизъ головой, иногда съ 4-хъ или 6-ти сажennаго яра,—только брызги летятъ.

Затѣмъ казачата могутъ начать и другую какую игру, ежели не похожую на вышеописавшую по дѣйствіямъ и пріемамъ, то во всякомъ случаѣ не уступающую ей въ живости и ловкости, которой должны обладать или которую должны пріобрѣтать играющіе. Но на этотъ разъ всѣхъ дѣтскихъ игръ намъ не пересмотрѣть и не описать. Довольно, кажется, и одной, уже описанной, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какъ казачій мальчикъ проводитъ дѣтство. Вообще, про игры и забавы казачатъ можно сказать одно, что онѣ служатъ играющимъ такого рода гимнастикой, какую въ вѣкъ не выдумать ни одному фокуснику во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами.

Тѣмъ временемъ, пока Мишка Хандохинъ и его свита купаются, а они проплаваютъ и пронырятъ въ Уралѣ по малой мѣрѣ съ часъ времени, если не больше, мы подсядемъ къ группѣ казаковъ, о которой сказано выше, познакомимся съ нѣкоторыми личностями и послушаемъ казачью бесѣду.

II.

Въ тѣни, у тесовыхъ воротъ дома Кузьмы Семеныча Ефремова, одного изъ зажиточныхъ, въ свое время, обывателей Красноярскаго форпоста, собирался не малый кружокъ казаковъ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ самыхъ, такъ называемыхъ, отборныхъ казаковъ, и по уму, и по зажиточности, и по нѣкоторой, свойственной только имъ однимъ, оригинальности, изъ тѣхъ казаковъ, которые въ былое время составляли украшеніе и цвѣтъ казачества, въ смыслѣ казачества, изъ тѣхъ казаковъ, рѣдкіе остатки которыхъ еще нынѣ видѣются между измельчавшимъ потомствомъ, какъ крупныя жемчужины между мелкими, чтобы не сказать поддѣльными! Тутъ были: и старикъ Михайло Бакировъ, хорошо помнившій время Пугачевскаго бунта, и, между прочимъ, цѣловавшій руку у Пугачева, близъ Бударинскаго форпоста, когда самозванецъ, на бѣломъ конѣ и въ богатой парчевой одеждѣ,

впервые явился обманутому народу, и Данила Мостовщиковъ, бывшій въ 1791 году при осадѣ Анапы, гдѣ непріятельская пуля разлепешилась на груди казака, ударившись о мѣдную икону Чудотворца Николая, и Василій Рыгинъ, ходившій въ 1809 году, вмѣстѣ съ товарищемъ, или, правильнѣе, съ дядькой своимъ, Васильемъ Струняшевымъ, черезъ Ботническій заливъ на шведскій берегъ *), и Григорій Маркобруновъ, гулявшій, въ 1814 году, по садамъ и кофейнямъ и другимъ кое-какимъ заведеніямъ Парижа, гдѣ онъ объяснялся жестами съ помощью 5-ти франковыхъ монетъ.

Тутъ былъ и заѣзжій изъ Уральска гость, Максимъ Багайдинъ, онъ же и Максимъ Безсудный, который никому не боялся высказывать горькія истины, даже и самому покойному войсковому атаману, Д. М. Бородину, одному изъ самыхъ строгихъ и справедливыхъ атамановъ, когда-либо въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ бывшихъ: Багайдину, что онъ ни говорилъ, разумѣется дѣльное, все сходило съ рукъ; оттого-то казаки и прозвали его «безсуднымъ», т. е. человѣкомъ, котораго не бралъ никакой судъ. Багайдинъ частенько говаривалъ самому атаману, за которымъ, не объ немъ будь сказано, водилась слабость къ прекрасному полу, такія рѣчи: «Ты—Давыдъ Бородинъ, а я—Максимъ Багайдинъ. Ты хоша большой господинъ, да и я въ войскѣ не одинъ... Смотри, чужихъ женъ не отбивай!...»

Тутъ находился и молодой казакъ Абрамъ Пастуховъ, который впослѣдствіи былъ офицеромъ и отличался между своею братьею поэтическою замашкой и лаконизмомъ въ своихъ „липортахъ". (Пастуховъ былъ грамотный). Однажды, въ бытность его начальникомъ Калмыковской крѣпости, къ нему пришло „прочётное" (т. е. одно для всѣхъ дистаночныхъ и форпостныхъ начальниковъ предписаніе) отъ войскового начальства о заготовленіи такъ называемаго экономическаго сѣна, которое въ голодные, неурожайные года раздается без-

*) См. „Василья Струняшева".

денежно, въ о т к о с ъ *), или продается по умѣренной цѣнѣ обывателямъ для прокормленія скота. Или въ то время трава не созрѣла, или на хорунжаго нашло вдохновеніе, или хорунжій, вслѣдствіе поэтической натуры, предчувствовалъ, что заготовленіе экономическаго сѣна не достигаетъ истинной цѣли,—не извѣстно. Достовѣрно только то, что онъ на самомъ „прочетномъ“ написалъ и отослалъ къ другимъ начальникамъ, а тѣ передали дальше по принадлежности слѣдующіе стихи, которые послѣ того вошли въ поговорку:

„Для скотовъ
Сѣно косить не готовъ:
Спрошу команду казаковъ.
Читалъ хорунжій Пастуховъ“.

Подобная выходка со стороны заносчиваго и энергичнаго хорунжаго не прошла, разумѣется, даромъ: хорунжему крѣпко за нее досталось, и по дѣломъ—„знай, толкуютъ мудрые люди, сверчокъ свой шестокъ“. Слово: скотовъ, въ стихахъ значущееся, хотя и не было ни подчеркнуто, ни отмѣчено никакими знаками, этихъ хитростей Пастуховъ не разумѣлъ, но за всѣмъ тѣмъ—на Сенькѣ, видно, шапка, горитъ, за всѣмъ тѣмъ, нашлись люди, которые по долгомъ размышленіи, уразумѣли въ этомъ неблагозвучномъ словѣ нѣчто оскорбительное, вольнодумное, масонское, намекающее на что-то или на кого-то... Эти же люди уразумѣли впослѣдствіи такую „задать нахлобучку“, неосторожному и откровенному поэту, что онъ въ вѣкъ не справился... По разсказамъ честныхъ людей, современниковъ Пастухова, онъ, этотъ поэтъ-офицеръ, имѣлъ голову пылкую и сердце чувствительное, но къ сожалѣнію не былъ настолько развитъ, чтобы не потеряться и не истереться въ томъ омутѣ, гдѣ волей судьбы родился, жилъ и подвизался. Онъ только кое-какъ, на

*) Брать сѣно в ъ о т к о с ъ значитъ то, что казакъ, взявши безденежно зимой сѣно, обязывается такое же количество, какое взялъ, накосить лѣтомъ и пополнить экономическій запасъ.

*

мѣдныя, какъ говорится, деньги, обучился грамотѣ—и все тутъ. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго и удивительнаго, что этотъ офицеръ, онъ же непризнанный поэтъ, изжилъ свой вѣкъ не какъ человѣкъ: предался, не въ укоръ будь сказано его памяти, предался злодѣйкѣ-чарочкѣ, извелся, бѣдняжка, стерся съ лица земли, какъ будто его и не было...

Онъ же въ долговой книгѣ одного мясника, у котораго взялъ въ долгъ нѣсколько пудовъ говядины, самъ за собой, по просьбѣ безграмотнаго мясника, написалъ счетъ такого содержанія:

Дѣло свято —
У Койбагара *) мясо взято.
Мясо коровье,
Ѣшь казакъ на здоровье.
Хотя мясо и съѣстся,
А съ Койбагаромъ надо расчесться.

Въ сейчасъ приведенныхъ немудрыхъ, конечно, стишкахъ, написанныхъ на скорую руку въ то время, когда поэтъ не зналъ, гдѣ головы преклонить, когда онъ перебивался съ куска на кусокъ,—въ этихъ стишкахъ проглядываетъ и замашка хорунжаго съострить, хотя, казалось бы, не до остротъ, и честность благородной души, хотя, по неизданной житейской логикѣ, казалось бы, не до чести, когда нечего ѣсти. Но у Пастухова заключалась логика не въ головѣ, а въ душѣ; онъ, рано ли, поздно ли, буквально исполнилъ по послѣднему стиху, т. е. разсчитался съ Койбагаромъ, когда тотъ по безграмотству спутался въ счетахъ и не зналъ на комъ искать долгъ.

Тутъ былъ и Иванъ Метлинъ, имѣвшій похвальную привычку, въ избѣжаніе или въ предупрежденіе всякихъ золъ-напастей, по нѣсколько разъ въ день, колотить безотвѣтную жену свою, въ силу какого-то велемудраго изрѣченія, которое скрывается въ тайникахъ сокровенныхъ

*) Фамилія казака мясника

книгъ, и которое, якобы, гласитъ такъ: „И хорошая жена три раза въ день помыслитъ на мужа своего лихо, а злая— о! паче того".

Нельзя сказать, чтобы Метлинъ вовсе не любилъ жену,— нѣтъ! онъ любилъ ее, насколько можетъ любить простой человѣкъ женщину, мать дѣтей своихъ, и хозяйку дома; словомъ, онъ любилъ ее, какъ любитъ большая часть казаковъ женъ своихъ, т. е. любитъ—любилъ, но и не баловалъ.— Если Метлинъ возвращался, бывало, изъ какой-либо поѣздки въ домъ, жена непремѣнно должна, обязана была встрѣчать его на улицѣ у воротъ и кланяться ему въ ноги. Еслибъ даже Метлинъ возвращался съ возомъ сѣна изъ луговъ, куда, конечно, поѣхалъ утромъ того же дня, все равно: жена обязана встрѣчать мужа по указанному порядку. Не исполни этого, провѣвай какъ-нибудь пріѣздъ благовѣрнаго мужеька—бѣда! волосникъ на сторону и пошла потасовка!—„Фи! какое варварство"! скажутъ благовоспитанныя читательницы.—Это еще что! скажемъ мы—это ничего, пустяки. А вотъ жилъ на Уралѣ одинъ старикъ-казакъ:—такъ тотъ не Метлину былъ чета; Метлинъ передъ нимъ агнецъ. Онъ, этотъ замѣчательный старикъ, въ день отъѣзда на какой-либо промыселъ, напримѣръ, на багренное рыболовство, долгомъ поставлялъ себѣ, при разставаньи, поколотить жену, т. е. пожалуй и не поколотитъ, а только разъ отпуститъ женѣ полновѣсный кулачище, чтобы у бѣдняжки кровь хлынула изъ носа или изъ зубовъ!.. Пожалуй, не повѣрятъ сейчасъ сказанному, подумаютъ, что мы с о ч и н и л и, а между тѣмъ, это голая правда. Хотите знать причину такого, между нами будь сказано, варварскаго обращенія мужа съ женой?.. Извольте. Казакъ, имѣвшій такой странный обычай, былъ до крайности суевѣренъ. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ, что ежели на прощаньѣ при выѣздѣ изъ дома не о к р о в е н и т ь жену, т. е. не измордуетъ ее до крови, то промыселъ будетъ неудаченъ.

Рядомъ съ Метлинымъ сидѣлъ Нефедъ Ж...,—личность діаметрально противоположная личности Метлина. Кроткій и

безотвѣтный Нефедъ не только не колотилъ, какъ сосѣдъ его и кумъ Метлинъ, свою жену, но, напротивъ, какъ гласитъ народная молва, самъ жилъ подъ началомъ у жены, по ремешку, что называется, ходилъ. Въ какой степени это справедливо, утвердительно сказать не можемъ, и пускаться въ сужденіе по этому поводу намъ не приводится, во-первыхъ потому, что это не очень, думаю, интересно для читателей, во-вторыхъ, потому, что жену Нефеда Ж..., почтенную старушку, мы довольно коротко знаемъ и, безъ лести сказать, уважаемъ. Слѣдовательно толковать объ этомъ, повторимъ, не приводится, да и щекотливо съ одной стороны. Скажемъ только вотъ что. Умное, толковое и кроткое обращеніе почтенной старушки съ сыновьями, а главное, съ снохами, доказываетъ, что не она была главной причиной, что покойный Нефедъ ходилъ по ремешку, ежели только это дѣйствительно было такъ, а самъ Нефедъ, нуждающійся, вѣроятно, въ помочахъ. Это въ порядкѣ вещей. Но такъ ли, сякъ ли, останемся на сторонѣ молвы, тѣмъ болѣе, что Иванъ Метлинъ здравствуетъ; а онъ можетъ осудить насъ въ пристрастіи къ вдовѣ Нефеда, его кума и друга, о которомъ онъ доселѣ не можетъ вспомнить и говорить безъ того, чтобы въ заключенье не прибавить: „Горе тому человѣку, который жены слушается“.

Кротость и смиренство Нефеда больше всѣхъ не нравились Ивану Метлину. Послѣдній вчужѣ досадовалъ и часто пѣнялъ Нефеду: „Эй, кумъ! не давай воли женѣ: плохо будетъ... Сказано: „аще кто слушаетъ жены, тотъ въ добрѣ не бываетъ“.

Метлинъ досталъ гдѣ-то писанную уставомъ тетрадку— сборъ, разумѣется, разныхъ нелѣпостей. Не зная грамотѣ, онъ упрашивалъ и умаливалъ каждаго грамотнаго человѣка читать вслухъ эту нелѣпицу, вѣрилъ, конечно, каждому слову, и затвердилъ всю эту чепуху напамять. Понятно, откуда Метлинъ почерпалъ вышеприведенныя изреченія. Но онъ не ограничивался только ими, у него была въ запасѣ

бездна такихъ назидательныхъ правилъ; у него, между прочимъ, былъ цѣлый катихизисъ, въ родѣ слѣдующаго.

Въ книгѣ блаженнаго Августина рѣчется: „Вопросы и отвѣты на нихъ крѣпкіе. Вопросъ: Что есть лучше злата?—Отвѣтъ: Яхонтъ-камень.—Вопросъ: Что есть лучше яхонта?—Отвѣтъ: Добродѣтель.—Вопросъ: Что есть лучше добродѣтели?—Отвѣтъ: Богъ.—Вопросъ: Что есть лучше Бога и выше?—Отвѣтъ: Ничто.—Вопросъ: Что есть злѣе аспида?—Отвѣтъ: Тигръ.—Вопросъ: Что есть злѣе тигра?—Отвѣтъ: Дьяволъ.—Вопросъ: Что есть злѣе дьявола?—Отвѣтъ: Жена.—Вопросъ: Что есть злѣе жены?—Отвѣтъ: Ничто.—Вопросъ: Что есть хуже на свѣтѣ во скотахъ?—Отвѣтъ: Коза.—Вопросъ: Во звѣряхъ?—Отвѣтъ: Ежа.—Вопросъ: Въ рыбахъ?—Отвѣтъ: Рыбы-ракъ.—Вопросъ: Во птицахъ?—отвѣтъ: Птицы-нетатырь.—Вопросъ: Въ человѣцѣхъ?—Отвѣтъ: Въ человѣцѣхъ нѣстъ того хуже, которымъ жена владѣетъ“.

Вотъ этимъ-то катихизисомъ Метлинъ часто донималъ Нефеда, но, по сознанію самого Метлина, все было напрасно...

Тутъ былъ и Осинька Вертячкинъ, лицо, по характеру своему, нѣчто среднее между Метлинымъ и Нефедомъ. Осинька, какъ и Нефедъ, ни разу въ жизни не наложилъ руки на благовѣрную свою сожительницу, но за то много бранилъ ее и никогда не слушалъ, а все дѣлалъ по своему желанію и по своимъ убѣжденіямъ, часто наперекоръ не только женѣ, но и здравому смыслу. Осинькѣ Вертячкину посвященъ у насъ особый разсказъ *). Поэтому читатели ничего больше этого объ Осинькѣ здѣсь не услышатъ.

Тутъ былъ и Николай Барматинъ, или Микулушка Барматá (его такъ и звали казаки; будемъ и мы такъ звать). Барматá имѣлъ длинное-предлинное прозвище: „Дарьюшка лебедушка, положи въ сумки ножичекъ, да повостри́ е“... Это прозвище дано Барматѣ по случаю слѣдующаго забавнаго происшествія.

*) См. стат. „Сайгачники“.

За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Бармата служилъ въ гурьевской линейной командѣ. Однажды послали изъ этой команды человѣкъ съ десять казаковъ для встрѣчи какого-то хивинскаго каравана, приближавшагося къ Гурьеву. Въ лунную ночь, ѣхали казаки шажкомъ къ каравану и толковали между собой кой о чемъ. Вдругъ, на полпути до предназначеннаго мѣста, лошадь подъ Микулушкой ни съ того, ни съ сего стала ежиться, порываться впередъ, потомъ брыкать и отчаянно прыгать. Микулушка удивился, и было отчего: доселѣ такой удали за его сѣропѣгимъ не важивалось. Стиснувъ ногами бока сѣропѣжки, Бармата сильной рукой сдерживалъ неумѣстную рьяность его, по временамъ покрикивая: „дуришь! шалишь!“ Но сѣропѣгій не унимался, часъ-отъ-часу бѣсился; наконецъ, закусивъ удила, понесся по кочковатой степи, какъ изъ лука стрѣла, и вдругъ споткнулся, упалъ, захрипѣлъ и растянулся, придавивъ собой и Микулушку.

Подскакиваютъ къ Микулушкѣ товарищи, помогаютъ ему высвободиться изъ-подъ лошади, смотрятъ на лежачаго коня, а конь хрипитъ, издыхаетъ; потомъ снимаютъ съ коня сѣдло и чтожъ видятъ? И смѣхъ, и горе! Микулушка ахнулъ и со всѣмъ отчаяніемъ вскрикнулъ, а товарищи его разразились громкимъ хохотомъ. И было надъ чѣмъ одному ахнуть, а другимъ засмѣяться: лѣвый бокъ у лошади распоротъ, и изъ огромной раны вывалпвались кишки, а сквозь одну изъ переметныхъ сумокъ, притороченныхъ къ сѣдлу, торчалъ широкій остроконечный, такъ называемый ч е б о т а р н ы й ножикъ. Какимъ образомъ попалъ въ сумку ножикъ покрыто мракомъ неизвѣстности. По всей вѣроятности, ножикъ попалъ въ сумку случайно, когда она впсѣла въ сѣняхъ, на стѣнкѣ. Собирая мужепька своего въ путь-дорогу и кладя въ сумки провизію, микулушкина жена, Дарья, или какъ обыкновенно звалъ ее самъ Микулушка, Дарьюшка-лебедушка, въ суетахъ и второпяхъ не доглядѣла, что въ сумки забрался непрошенный гость, этотъ роковой чеботарный ножъ. Какъ бы то ни было, ясно, что ножикъ попалъ въ сумку случайно, безъ вѣдома Микулушки и его лебедушки. Но

казаки... такой ужъ народъ казаки... но казаки не преминули воспользоваться этимъ, для нихъ смѣшнымъ, а для Микулушки горестнымъ событіемъ. Одинъ изъ казаковъ, сосѣдъ Бараты, тутъ же, не сходя съ мѣста, сочинилъ, и, какъ слѣдуетъ, безъ замедленія сообщилъ товарищамъ исторію на счетъ ножа, сгубившаго у бѣдняка лошадь.

— Вы что думаете, братцы, насчетъ этой оказіи?—сказалъ сочинитель-казакъ.—Знаете ли, какимъ манеромъ очутился въ сумкахъ ножикъ? а? чай, не знаете? А я такъ знаю, братцы. Я самъ, своими ушами, по сосѣдству, изъ-за плетня, когда сѣдлалъ коня, слышалъ, какъ Микулушка снаряжался въ путь-дорогу и разговаривалъ съ своей сожительницей. Онъ приказалъ ей: „Дарьюшка-лебедушка положи мнѣ въ сумку ножичекъ, да поовострѣе: годится гдѣ-нибудь тючекъ (тюкъ съ товаромъ) разрѣзать... жемчужку достать и тебѣ гостинчикъ привезти“... Вотъ, глядите, братцы, и разрѣзалъ тючекъ. Ай-да, Миколай Миколаичъ! молодецъ! какъ разъ попалъ на тючекъ съ жемчужкомъ.

Разумѣется, всѣ знали, что это выдумка, что это поклепъ на Микулушку, но, несмотря на то, всѣ смялись и подшучивали надъ Микулушкой. Съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ прозвище: „Дарьюшка лебедушка“ и проч.

И много, много было тутъ казаковъ, которые или отличались какой-либо особенностью и оригинальностью своихъ характеровъ, или славились какими-либо подвигами и похожденіями.

Между собесѣдниками, замѣтнѣе всѣхъ казался самъ *хозяинъ дома*, у воротъ котораго собрались казаки. К. С. Ефремовъ хотя и моложе былъ многихъ казаковъ (исключая *поэта Пастухова*, который предъ всѣми былъ тогда мальчикомъ), хотя Ефремовъ и грамотѣ не зналъ, но умнѣе, дѣльнѣе и расторопнѣе былъ многихъ обывателей, за что дистаночные атаманы постоянно назначали его приказнымъ надъ форпостной командой, а когда не находилось на лицо фор-

постнаго есаула (начальника), поручали Ефремову начальство надъ всѣми обывателями.

Безъ халата, по праву хозяина, и безъ шапки, въ одной желто-красной тафтяной рубахѣ, обшитой по косому воротнику галунчикомъ, и въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ, Ефремовъ, какъ паша какой, сидѣлъ въ кругу пріятелей и угощалъ ихъ бузой (брагой), которую хозяйка его умѣла отлично приготовлять изъ пшеннаго отвара, съ примѣсью хмѣля, меда, изюма и разныхъ пряностей. Кто-нибудь подумаетъ: странно-де, что казаки угощались бузой, почему не водкой? Вовсе не странно. Во-первыхъ, въ Красноярскомъ форпостѣ не было и пѣтъ кабака *); стало быть за виномъ нужно было посылать въ другую станицу, а Ефремовъ жалѣлъ мучить лошадей изъ-за пустяковъ и берегъ ихъ для царской службы, да для честной работы. Во-вторыхъ, день былъ теплый; слѣдовательно безъ водки было жарко. Въ-третьихъ, Ефремовъ самъ почти не пилъ крѣпкаго вина, не любилъ угощать имъ и другихъ, исключая, разумѣется, торжественныхъ случаевъ, какъ-то: именинъ, родинъ, крестинъ и т. под.

Сначала предметомъ разговора у казаковъ былъ непокорные въ то время киргизы, надоѣдавшіе, какъ горькая рѣдька, казакамъ своими набѣгами; потомъ рѣчь склонилась на предметы домашніе, вседневные, а потомъ незамѣтно перешла уже на предметы серьезные, на казачью политику, если позволено такъ выразиться, а по-просту сказать: казаки пустились судить-рядить и трактовать о дѣйствіяхъ дистаночныхъ атамановъ и мѣстныхъ форпостныхъ начальниковъ; а это было любимой темою всѣхъ рѣчей Максима Безсуднаго, онъ первый и заговорилъ объ этомъ предметѣ. Безсудному никакъ не терпѣлось, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, не высказать, въ рѣзкихъ словахъ, мнѣніе свое на-

*) Отсутствіе въ селеніяхъ кабаковъ—статья немаловажная въ отношеніи и нравственности, и благосостоянія обывателей: тамъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, обыватели и зажиточнѣе, и честнѣе, а гдѣ есть кабаки, тамъ уже... тамъ уже свѣтъ другой...

счетъ дѣйствій „набольшихъ", когда дѣйствія набольшихъ, по его понятіямъ, расходились съ пользой народной. У Безсуднаго, извольте знать, былъ особый такой клапанчикъ, который, при малѣйшемъ намекѣ на предметы подобнаго рода, тотчасъ открывался, и начиналась неумолкаемая пѣсенка, не въ похвалу, разумѣется, набольшимъ. Иногда Безсудный переступалъ границы всякой осторожности и умѣренности; казаки, болѣе его умѣренные въ сужденіяхъ, замѣчали ему, что не худо бы иногда языкъ и за зубами придержать, вѣдь не ровенъ часъ, пожалуй, и войсковой атаманъ услышитъ, не похвалитъ... Но Максимъ Безсудный мало на это смотрѣлъ или почти вовсе не смотрѣлъ. На подобнаго рода предостереженія, онъ обыкновенно говаривалъ:

— Какое мнѣ дѣло до войскового атамана или ему до меня, когда я скажу правду-истину про дистаночнаго атамана или про форпостнаго есаула!.. Всякому чиху не наздравствуешься...

Хорошъ былъ въ этомъ смыслѣ и Кузьма Семенычъ; во взглядѣ на предметы онъ не уступалъ и Безсудному, но былъ умѣреннѣе, сдержаннѣе его: Кузьма Семенычъ мало говорилъ, но за то много размышлялъ.

— Киргизы ничего,—сказалъ Максимъ Багайдинъ, осушивъ мѣдный вылуженный ковшикъ бузы:—киргизы дрянь, съ Киргизами можно справиться; меньше только по ночамъ спи, крѣпче на лошади сиди, да еще ружье въ рукахъ держи,—такъ все трынь-трава! А вотъ что, братцы, не хорошо,—присовокупилъ Безсудный, понизивъ голосъ:—грачи-то, какъ погляжу близъ себя, да около, грачи-то, насъ больно клюютъ, братцы, а мы не токма что отмахнуться, пикнуть не смѣй,—пожалуйся—тебя же буяномъ сочтутъ... да сквозь зеленую улицу проведутъ... Вотъ что больно не ладно... да!..

„Грачи клюютъ"—выраженіе иносказательное: это—намёкъ на форпостныхъ и крѣпостныхъ начальниковъ, которые, между нами будь сказано, не очень-то чисты были на руку, и далеко запускали лапу, даже за предѣлы обыкновен-

ныхъ—увы!—необходимостію въ казацкомъ быту допускаемыхъ, но во всякомъ случаѣ нетерпимыхъ и унижающихъ человѣчество—взятокъ и поборовъ...

— Что грачи? по моему и грачи ничего, какъ по твоему кригизы ничего, — возразилъ Кузьма Семенычъ, — грачи и далдыкнуть (клюнуть) насъ не посмѣли бы, еслибъ только соколъ-то нашъ ясный не дремалъ.

Выраженіе: „соколъ не дремалъ" также иносказательное: это—намекъ на дистаночнаго атамана, завѣдывающаго всѣми форпостными есаулами. Атаманъ былъ, какъ гласитъ преданье, былъ—страшно сказать, а совѣстно утаить,—былъ, что называется, себѣ на умѣ: онъ, ради своего благополучія и карманолюбія, сквозь пальцы смотрѣлъ на продѣлки есауловъ и потакалъ всякимъ нечистымъ дѣяніямъ съ ихъ стороны.

— Да, да, правда твоя, Кузьма Семенычъ,—сказалъ Максимъ Безсудный—Онъ, соколъ-то нашъ ясный, никуда не годится, такая дрянь, что мочи нѣтъ... Какой онъ соколъ? карга *, какъ есть карга! Залѣзъ въ высокія хоромы, да и думочки не думаетъ, будто не до него дѣло. Было бы ему тепло и гоже, а тамъ хоть трава не расти, хоть все огнемъ сгинь—пропади, и „охъ" не скажетъ. Ужъ не знаю, что и подумать, братцы,—присовокупилъ Безсудный: грачи-то ли больно назойливы, а соколъ-то тухляй, или ужъ онъ за одно съ ними, спрѣчь съ грачами-то? а?—какъ вы думаете?

— Знамо дѣло такъ, что и толковать: рука руку моетъ,— проговорилъ со вздохомъ Кузьма Семенычъ, которому хорошо была извѣстна связь атамана съ есаулами.

Настало молчаніе. Краснорѣчамъ въ сотый разъ доводилось толковать объ одномъ и томъ же, такъ ужъ толковня-то имъ надоѣла. Но Максимъ Багайдинъ, какъ гость заѣзжій, и какъ человѣкъ, имѣвшій особый клапанъ критиковать дѣйствія набольшихъ, снова заговорилъ объ этомъ предметѣ. Онъ обратился къ старику Михайлѣ Бакирову и спросилъ:

*) Мѣстное названіе вороны.

— Ты что скажешь, Михайла Михайлычъ, насчетъ этой статьи?

— Что я скажу? Слышь, что говоритъ Кузёма. Ему ближѐе нашего знать: онъ сацульску должность исправляетъ...—проговорилъ Бакировъ.

— Что объ этомъ толковать, братцы,—сказалъ Ефремовъ, махнувъ рукой: –во многомъ глаголѣ нѣтъ спасенія. Давайте-ка выпьемъ лучше. Фоминишна!—закричалъ онъ, наклонясь къ подворотнѣ.—Дай-ка намъ еще жбанчикъ.

— Сейчасъ,—проговорилъ тонкій голосъ на дворѣ за воротами.

И черезъ минуту Кузьма Семенычъ цѣдилъ въ ковшъ изъ новаго жбана пѣнистую и ядреную бузу, и подавалъ собесѣдникамъ.

— Слышь, кумъ! сказалъ Метлинъ, толкая локтемъ Нефеда К...—Вишь, какъ добры люди умѣютъ женъ держать. Не успѣлъ Кузьма Семенычъ слово сказать, а ужъ откликаются: „сейчасъ“, не успѣлъ усомъ моргнуть, а ужъ и жбанъ готовъ. И въ книгѣ блаженнаго Августина рѣчется...

— Отвяжись, пожалуйста!—сказалъ съ сердцемъ Нефедъ:—надоѣлъ ты мнѣ своей книгой... ужъ тошно...

— Вѣстимо дѣло, тошно, всяка наука не легко дается,—замѣтилъ Метлинъ.—А вотъ кабы ты понялъ, да въ толкъ взялъ, что въ книгѣ блаженнаго Августина рѣчется...

— Молчи нѣтъ... -прошепталъ Нефедъ и пересѣлъ на другое мѣсто, подальше отъ Метлина.

– Не по нутру видно,—сказалъ Метлинъ и кивнулъ головой на Нефеда.—Ничего, ничего, кумъ,—продолжалъ Метлинъ.—Крѣпись, дружокъ: стерпится—слюбится.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ засмѣялись.

– Въ книгѣ блаженнаго Августина...—началъ было снова Метлинъ, подсаживаясь съ другого боку къ Нефеду... но продолжать дальше не могъ. Въ это самое время затрещала трещотка въ рукахъ часового, стоявшаго на вышкѣ, и въ разныхъ концахъ форпоста послышалось не новое и не рѣдкое, но не менѣе того неожиданное и во всякомъ случаѣ

возмутительное восклицаніе: „Киргизы! Киргизы! Киргизы!“

Куда и жбанъ съ бузой пошелъ! Куда пошла и книга блаженнаго Августина! Поднялась страшная суматоха, тревога, отнявшая возможность—у иныхъ пить бузу, у Максима Безсуднаго критиковать наболыпихъ, а у Ивана Метлина читать куму Нефеду поученія. Въ одно мгновеніе казаки побросались по домамъ къ лошадямъ и оружію.

Пусть казаки готовятся къ походу, а мы перенесемся изъ форпоста въ луга: тамъ ожидаютъ насъ и новыя лица, и иныя сцены.

III.

Между Краснояркимъ и Харкинскимъ форпостами, на правомъ, нѣсколько отлогомъ, берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Яикъ-Горынычъ (Уралъ), упираясь въ высокій, обрывистый яръ, дѣлаетъ крутой поворотъ налѣво, отдыхали рыболовы-с е в р ю ж а н к и. Это были рыболовы о т с т а л ы е, или такъ называемые з а д ы. Главная же масса казаковъ-рыболововъ, или такъ называемое в о й с к о, ушла въ то время далеко впередъ, внизъ по теченію Урала, и располагалась р у б е ж е м ъ между Гребенщиковскимъ форпостомъ и Кулагинской крѣпостью, что будетъ отъ Краснояркаго форпоста верстахъ въ 50-ти или около того.

Въ тотъ годъ, къ которому относится разсказъ, весна была поздняя и недружная. Водоразлитіе было малое или почти его и вовсе не было. Уралъ немного поднялся или, какъ говорятъ казаки, вздулся, запѣнился, покрылъ только одинъ к о с ы (низкіе песчаные острова) да слишкомъ низкіе берега, потомъ кое-гдѣ черезъ рытвины, ерички и старички, успѣлъ прорваться въ луга, залилъ кое-какія впадины, лощины, суходолы и тому подобныя низменности, соединенныя между собой сѣтью ериковъ; но на возвышенности, или на такъ называемыя г р и в ы, взойти не смогъ. Хотѣлось почтенному старику, Янку-Горынычу, послѣ 5-ти-мѣсячнаго опѣпенѣнія, вздохнуть и раскинуться во всю ширину займища, но

которому идетъ его ложе, отъ кряжа до кряжа,—хотѣлось побурлить и порыться на просторѣ, хотѣлось поразгуляться и вмѣстѣ съ тѣмъ обмыть, напоить и освѣжить землю, попираемую почти въ теченіе цѣлаго года ногами всякаго рода животныхъ, хотѣлось удаль свою показать, хотѣлось отъ сосѣдки своей, матушки Волги, не отстать, хотѣлось.., но силъ не хватило, воды не достало, а съ чертями, или по крайней мѣрѣ съ „чертистыми“ мельниками, видно, не былъ знакомъ, пособить, значитъ, некому было. Разсердился старикъ, нахмурился, какъ курунъ (шидѣйскій пѣтухъ), пуще прежняго запѣнился и, пристыженный, побѣжалъ къ морю по всегдашнему, не очень-то широкому, своему ложу, между всегдашними и на этотъ разъ непокорными берегами, не дозволившими ему вырваться на просторъ... Это значитъ, по выраженію казаковъ, Яикъ въ трубѣ.

Если весной „Яикъ въ трубѣ“, т. е. въ обыкновенныхъ своихъ берегахъ,—это значитъ истинная благодать для „севрюжниковъ“. Вся рыба, разумѣется, красная, какъ-то: бѣлуга, осетръ, севрюга, преимущественно послѣдняя,—вся рыба, какая только войдетъ изъ моря въ рѣку, сжатую берегами, по необходимости тѣснится и держится густо въ узкомъ пространствѣ, и въ большомъ количествѣ, цѣлыми иногда косяками попадается въ длинныя сѣти, охватывающія Уралъ чуть не черезъ всю его ширину. Тутъ казакъ успѣвай только выбирать сѣть и „чекушить“, или „глушить“ севрюгъ—добыча будетъ, и добыча славная, будетъ на что купить для себя плисковый халатъ и козловые сапоги, а для жены или дочери штофный или левантиновый сарафанъ; на все, на все достанетъ.

Напротивъ, въ большую полую воду, когда Уралъ разольется во всю ширину долины, отъ кряжа до кряжа, на разстояніи семи, восьми и больше верстъ, рыбу не такъ-то легко поймать, ей есть гдѣ разгуляться, разсѣяться и попрятаться. Пожалуй, разметай и распусти во сто саженей сѣть, плыви съ ней по теченію воды, скоро ли еще запутается въ нее севрюжка, другая—неизвѣстно, но скорѣе всего—это и

подлежитъ сомнѣнію—скорѣе всего пашесть тебя съ сѣтью или на каршу (корягу), или на цѣлое дерево, залитое водой; тогда поклонись, по выраженію казаковъ, веселой сѣточкѣ, достань изъ-подъ ногъ другую, запасную, а севрюжку ищи, гдѣ хочешь, гдѣ знаешь, но все-таки съ оглядкой да съ опаской, чтобы и запасную сѣточку не посѣять на каршѣ.

Въ большое половодье нужно отыскать или, правильнѣе, случайно попасть на набо́ръ, а это счастье дается не многимъ и не всегда. Но что такое „наборъ"—сейчасъ объяснимъ.

Когда Уралъ выйдетъ изъ береговъ и покроетъ луга сплошной массой воды, глубиной отъ одной до нѣсколькихъ саженей, тогда рыба оставляетъ главное рѣчное русло, которое въ то время превращается чуть-чуть не въ кіянь-мо́ре и котораго, конечно, тогда и не сыщешь, и расходится по всему водному пространству. Выбравъ удобное мѣсто, преимущественно въ затишьѣ, за какимъ-нибудь о́трогомъ, или крутымъ мысомъ, въ луга вдающимся, севрюга собирается или набирается въ кучи, или, такъ сказать, свертывается въ клубы и остается по нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ: тутъ она мечетъ икру. Вотъ это-то сборище севрюгъ и называется набо́ръ.

Попавъ случайно или не случайно на „наборъ", рыболовъ съ одного о́бмета, т. е. съ одного пріема, столько можетъ заворотить сѣтью севрюгъ, что буквально загружаетъ бударку и все-таки не умѣститъ въ ней всей добычи; тогда часть добычи рыболовъ сажаетъ на ку́канъ, т. е. на веревку. Ясно, что въ большое половодье, на „наборахъ", больше можно поймать рыбы, чѣмъ тогда, когда Уралъ въ „трубѣ". Но, повторимъ, „наборъ", какъ кладъ, не всегда и не всякому дается; отыскать „наборъ" на такомъ, чуть не на безбрежномъ, водномъ пространствѣ,—то же, что, по пословицѣ, попасть въ серебряную копѣечку. Поэтому севрюжье рыболовство, говоря вообще, добычливѣе бываетъ въ то время, когда „Уралъ въ трубѣ", а не тогда, когда онъ принимаетъ на себя образъ „сипя-моря Хвалынскаго".

Мы говоримъ, что тогда-то рыболовство бываетъ добычливѣе, чѣмъ тогда-то. Это въ настоящее время слѣдуетъ понимать относительно, потому что нынѣшняя добыча равняется старинной недобычѣ.

Еще говоримъ, что тогда-то, напримѣръ, когда „Яикъ въ трубѣ", казакъ цѣлыми косяками ловитъ севрюгъ, а тогда-то, напримѣръ, на „наборахъ", казакъ заворачиваетъ сѣтью съ одного пріема столько рыбы, что загружаетъ бударку. Это къ теперешнему, т. е. современному, быту уральцевъ и относительно не слѣдуетъ понимать. Молодое поколѣніе казаковъ лишь отъ стариковъ слышитъ о такой давно минувшей благодати, но само не пользуется ею и, конечно, никогда не будетъ пользоваться, потому что Яикъ-Горынычъ истощился, оскудѣлъ и отъ вѣрной службы отказался—хоть въ штрафной журналъ запиши, или изъ службы вонъ гони, все равно—ни легче, ни тяжелѣе не будетъ. Въ старину онъ дѣйствительно давалъ средства казакамъ одѣваться въ шелкъ и носить козловые сапоги, а нынче?.. что и говорить! не до козловыхъ уже сапогъ,—избавилъ бы Господь Богъ отъ лаптей: лапотникъ-казакъ—какой уже казакъ! не лучше, ежели еще не хуже, высѣкшаго паромъ цыпленка...

И такъ все, что сказано выше о большой добычѣ севрюжнаго рыболовства, отнесемъ къ давно минувшимъ, напримѣръ, двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, когда Уралъ слылъ еще недаромъ з о л о т ы м ъ д н о м ъ, т. е. къ тѣмъ временамъ, когда на Уралѣ жилъ и здравствовалъ Максимъ Багайдинъ, котораго Кузьма Ефремовъ угощалъ „бузой", что мы видѣли во II-й главѣ этого разсказа.

По случаю праздника, рыболовы, о которыхъ начата рѣчь въ началѣ этой главы, отдыхали. Они располагались артелями по песку, т. е. по самому берегу Урала, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, по косогору. Сѣти у рыболововъ просушивались: у нихъ были развѣшены на шестахъ и жердочкахъ, а у нихъ просто-на-просто разостланы по песку. Лошади казачьи гуляли въ лугахъ, по „гривамъ", безъ „п о с я ш н и к а" (пастуха). За лошадей казаки не

боялись: лошадямъ некуда было уйти: кругомъ „гривъ“ вода, а о киргизахъ-ворахъ казаки не думали, полагаясь на казачьи пикеты, разставленные и каждый годъ во время „севрюжнаго“ (весенняго) и „плавеннаго“ (осенняго) рыболовства разставляемые за Ураломъ отъ линейной казачьей же стражи.

Во многихъ мѣстахъ курились и пылали костры. Казаки готовили обѣдъ. Кто варилъ изъ налимовъ уху, кто стряпалъ съ осетриной пельмени, кто жарилъ въ котлахъ севрюжину, изрѣзанную въ мелкіе кусочки, кто болѣе другихъ прихотливый, или кому и уха, и пельмени, и жаркое надоѣли, пріѣлись,—пёкъ въ горячей золѣ, для разнообразія, цѣлыхъ осетрятъ и севрюжатъ, а кто, уже отвѣдавъ до-сыта, или, какъ говорится, до-отвала, того, другого, третьяго, лежалъ, пригрѣвшись на майскомъ солнышкѣ; словомъ, отдыхали казаки-братцы послѣ трудовъ праведныхъ.

Изъ числа молодежи, одинъ, записной гуляка, или, какъ выражаются казачата, г у л я ж к а, и первый, можно сказать, артистъ-балалаечникъ, съ повязкой на одномъ глазъ и съ бисернымъ чрезъ плечо гайтаномъ—подаркомъ, разумѣется, возлюбленной,—досталъ изъ т а г а р к и (повозки) балалайку и сталъ пашгрывать или, по выраженію казачатъ, „отчебачивать“ залихвацкаго к а з ы н ь к у, съ „приговорцемъ“, разумѣется, т. е. съ „припѣвцемъ“:

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленькой дружокъ...
Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила.
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки...
Дѣлай!!!..

Съ послѣднимъ словомъ Матька Гутарёвъ—имя балалаечника—встряхнулъ головой, поднялъ надъ собой балалайку и отрывисто спросилъ:

— Есть ли охотники танцовать?

По охотниковъ танцовать не вышлось.

— Тебѣ хорошо сидя наяривать,—отозвался одинъ изъ казачатъ:—поди-ка самъ попляши, такъ и узнаешь, каково по песку-то плясать.

— Ну, чортъ съ вами!—сказалъ Матыка и снова принялся „наяривать“ на балалайкѣ.

За „казычкой“ послѣдовали другого рода „приговорцы“. Съ позволенія читателей, мы приведемъ и эти „приговорцы“. Вотъ они:

Хороша наша деревня—только улица грязна,
Хороши наши ребяты—только славушка худа.
Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда.
Величаютъ насъ ворами, да разбойниками.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не воры, не разбойнички,
Мы уральскіе казаки—рыболовщички.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили по сухімъ берегамъ,
По сухімъ берегамъ, по амбарамъ, по клѣтямъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ мужикамъ.
Выбиралъ насъ хозяинъ—что ни лучшихъ молодцовъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Посылалъ насъ хозяинъ все по рыночку гулять.
Мы по рыночку гуляли, невода мы закупали.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такіе невода—что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы щукъ—что шубы изъ нихъ шьютъ.
Наловили мы бѣлуженекъ—калачикомъ рожки.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы севрюженекъ—подвязаны хвосты.
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такого осетра—что гнѣдого жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Это правда, это правда, это правда все была!

*

Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно, только денежкамъ не водъ.
Мы въ „парашнички" наймемся, намъ пойдетъ большой доходъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ пойдетъ доходъ калачный—только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калачный—только спину подставляй.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалять разъ пятнадцать—такъ запляшешь какачка.
Заревешь, словно теленокъ, пуще Спасскаго дьячка.
Это правда, это правда, это правда все была!
Изъ полиціи, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьми.
Молодецкою ухваткой пожимается плечми.
Это правда, это правда, это правда все была!
Хоша били больно—гуляли довольно.
Хоша спинушка бита—дѣвченычка нажита.
Это правда, это правда, это правда все была! *).

Какъ слѣдуетъ, около Матьки Гутарева собрался порядочный кружокъ „храброй братьи". Матька вошелъ въ себя, или, какъ говорится, на Матьку на самого нашелъ такой счастливый стихъ, что онъ въ „приговорцы", всѣмъ и каждому изъ слушающей его братьи извѣстные, сталъ мало-помалу вкленвать слова собственнаго изобрѣтенія, а, наконецъ,

---

*) Что эта удалая пѣсня не есть произведеніе уральцевъ, что она занесена ими на Яикъ изъ матушки Россіи, изъ Москвы, напримѣръ, куда, со времени изгнанія французовъ, стали посылать казаковъ для полицейской службы—объ этомъ нечего и говорить. Безъ сомнѣнія, многимъ извѣстно, что пѣсню эту, на голосъ: „Въ лѣсѣ Марьиной гуляла", распѣваетъ весь православный людъ изъ класса фабричныхъ, заводскихъ и т. п. Разумѣется, вмѣсто стиха: „мы, уральскіе казаки-рыболовнички", каждый вставляетъ въ эту пѣсню стихъ другого рода, приличный званію поющаго. Напримѣръ, оренбуржцы вставляютъ: „мы оренбургскіе казаки", и т. д. Все это, повторимъ, дѣло извѣстное, и распространяться объ этомъ не слѣдовало бы. Но, вставляя эту пѣсню въ наши разсказы, мы вспомнили (послѣдствіе чего и родилась выноска на пѣсню)—мы вспомнили пословицу: „Около чего поводишься, тому и научишься". Какъ это вѣрно! Перенимать и заносить въ свой край какія бы то ни было пѣсни, конечно, не бѣда; но то дурно, что иные,—жалости достойно!—иные усвоиваютъ себѣ и то удальство, которое служитъ содержаніемъ удалыхъ пѣсенъ.

увлекаясь болѣе и болѣе, словно импровизаторъ какой, прищелкивая пальцами и подмигивая единственнымъ глазомъ—другой былъ завязанъ—началъ сыпать цѣлыми фразами, но такими, по словамъ казаковъ, забористыми, огневыми, что не только молодежь, но и солидные, или такъ называемые степенные казаки, до слуха которыхъ волей-неволей долетали Матькины прибаутки, часто подхватывали животы, чтобы не умереть со смѣха.

— Ну васъ къ „шишигамъ“,—сказалъ пожилой казакъ, сидѣвшій недалеко отъ молодежи,—совсѣмъ уморили, грѣховодники, оставьте. А вы лучше спойте-ка что-нибудь хорошенькое,—продолжалъ казакъ.—Хватите-ка про Яикушку, и мы, старики, подтянемъ вамъ.

Казачата не заставили долго упрашивать себя. Они и безъ того скоро бы запѣли хвалебный гимнъ Горынычу; но, когда услыхали желаніе стариковъ, тотчасъ же разсѣлись, по возможности, по „голосамъ“, и дирижируемые запѣвалой,—а запѣвало былъ никто другой, какъ балалаечникъ Матька,—запѣли унылымъ мелодическимъ голосомъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ. (2)

Про тебя, про Яикушку,
Идетъ слава добрая. (2)

Про тебя, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хоротая. (2)

Золочено у Яикушки
Его было донышко. (2)

Серебряна у Яикушки
Его была покрышечка. (2).

Жемчужные у Горыныча
Его круты-бережки. (2)

Мутнёхонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты быстрёхонекъ. (2)

Прорылъ, протёкъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки. (2)

Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты-острова. (2)

Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до низу. (2)

До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицкаго. (2)

Какъ до славнаго города,
До города до Гурьева. (2)

За Гурьевымъ вышадалъ ты
Во батюшку сине-море. (2)

Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина. (2)

На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ. (2)

Старики, братцы, старожилые—
Они по девяносту лѣтъ. (2)

Съ покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Казачата не пропѣли еще и половины этой пѣсни, какъ подошелъ къ нимъ слѣпой старикъ, Епифанъ Наумовъ, отдыхавшій дотолѣ гдѣ-то подъ телѣгой. Не вытерпѣлъ слѣпой, когда услыхалъ родную, прямо за ретивое хватающую пѣсню, не выдержалъ слѣпой, увлекся и къ голосу казачатъ присоединилъ свой старческій: до такой степени пріятны и сладки для уральца звуки этой пѣсни.

Есть на Уралѣ еще пѣсни, такъ называемыя мѣстныя, никому иному, кромѣ уральцевъ, не принадлежащія, и ни до кого иного, кромѣ уральцевъ, не касающіяся; но лучше, усладительнѣе и, слѣдовательно, любимѣе приведенной здѣсь пѣсенки, т. е. пѣсенки про Яикушку Горынича, по нашему мнѣнію, нѣтъ. Это долженъ знать, долженъ чувствовать каждый уралецъ, иначе онъ не уралецъ, не сынъ своей земли. .

Но что мы говоримъ? такихъ казаковъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такихъ казаковъ не должно быть!

Да! пріятны и сладки звуки родной пѣсни.

Не говоря о временахъ давно прошедшихъ, когда на Уралѣ, какъ разсказываютъ старики—и имъ надо вѣрить—когда на Уралѣ болѣе или менѣе все пѣло, плясало и веселилось, не говоря о беззаботной старинѣ, слѣдуетъ сказать, что и теперь, при страшной нуждѣ и при совершенно другой житейской обстановкѣ, ни одинъ сѣдой и почтенный старикъ, не лишенный слуха, о молодыхъ не говоримъ (тотъ изъ нихъ уже не казакъ, а рыба, кого не расшевелитъ пѣсня про Яикушку), ни одинъ сѣдой старикъ, заслышавъ эту пѣсню, не останется равнодушнымъ слушателемъ, а ужъ непремѣнно или промурлычитъ, хоть подъ носъ себѣ, два-три стиха изъ нея, или, тряхнувъ головой и сдѣлавъ выразительный жестъ, крякнетъ да скажетъ: „Эхъ канальство!... славно!... такъ за душу и хватаетъ, все-бы слушалъ!".

Послѣ этого не удивительно, что слѣпой старикъ присталъ къ казачатамъ и заодно съ ними выводилъ трудныя ноты въ честь Горыныча.

— Спасибо, дѣтушки! спасибо, птенчики! утѣшили и меня, слѣпую каргу,—сказалъ по окончаніи пѣнія Епифанъ Наумовъ, обнимая и цѣлуя то того, то другого казаченка, которые попадались ему подъ руки.—Угостилъ бы васъ, соколики, и винцомъ, да вишь, горе какое: зимянки *) здѣсь нѣтъ.

— Спасибо, дѣдушка, на ласковомъ словѣ,—сказали казачата.—Ежели тебѣ любо, мы еще что-нибудь споемъ.

— Не надо, не надо, дѣтушки,—возразилъ онъ:—это будетъ, что называется, „послѣ скобеля топоромъ". Нѣтъ лучше,

*) Во время рыболовства, зимній откупъ высылаетъ въ луга на продажу вино въ бочкахъ. Чтобы видно было бочку между безчисленнымъ множествомъ казачьихъ телѣгъ, къ бочкѣ или къ телѣгѣ, на которой возится бочка, прикрѣпляютъ шестъ, а къ нему лоскутъ цвѣтной матеріи, вродѣ, напр., значка, что на улицахъ никахъ. Отсюда и происходитъ названіе: „зимянка".

нѣтъ слаще для меня нѣсни, какъ нѣсенка про Янкушку. Больно люблю его, Горыныча: люблю и нѣсенку про него. Все, братцы, что дается трудомъ и потомъ, все это, братцы, мило и дорого сердцу нашему,—продолжалъ съ увлеченіемъ слѣпой.—Чуете ли вы, понимаете ли, дѣтушки, какъ дорогъ намъ Янкушка? О, больно дорогъ! И не тѣмъ дорогъ, что хорошъ-пригожъ, что объ этомъ толковать! его хорошество и пригожество можетъ со временемъ пройти; а тѣмъ дорогъ, что много добра на него стариками, нашими праотцами, потрачено, тонесь такъ много, дѣтушки, что языкъ не разскажетъ. Нѣтъ ярика, нѣтъ марика *), нѣтъ пригорочка, гдѣ бы не лежала богатырская казачья косточка. У насъ и приговорочка на счетъ этого изстари ведется вотъ какая. Хотите?—спросилъ слѣпой, попавъ на свой любимый конекъ.

Казачата не разъ слыхали отъ стариковъ и отъ самого иногда Ешифана о томъ, о чемъ послѣдній собирался разсказывать. Но, уважая слѣпого, они ни на мгновеніе не призадумались, а тотчасъ же сказали:

— Говори, говори, дѣдушка!

Слѣпой прокашлялся и па-распѣвъ началъ такъ:

Круты бережки, низки долушки
У нашего преславутаго Янкушки
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою уштаны,
Горючьими слезами матерей и женъ поливаны.

Старикъ на минуту остановился, вздохнулъ и снова продолжалъ:

Гдѣ кость лежитъ—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась—
Тамъ вязелъ сплелась,
Гдѣ слеза пала—
Тамъ озерцо стало...

*) Яникъ и маникъ уменьшительные: яръ и маръ. -Маръ—возвышенность, холмъ, курганъ.

— Вотъ она, вещь-та какая, дѣтушки!—заключилъ слѣпой. Послѣ этого продолжалъ старикъ:—вѣрите ли, голубчики, зло беретъ на тѣхъ, кто завидуетъ намъ и кто говоритъ, что надо-де ихъ, спрѣчь насъ, хорошенько прижать, что-де они, спрѣчь мы, зазнались, деньги лопатами гребутъ, что-де не орутъ, не сѣютъ, а только готовое пожинаютъ. Правда,—говорилъ слѣпой и говорилъ съ жаромъ,—правда, мы не пашемъ сохой, не боронимъ боропой, не засѣваемъ бѣлояровой пшеницей—у насъ и заведенья нѣтъ. Но мы пашемъ булатнымъ копьемъ, боронимъ конскимъ хвостомъ, а засѣваемъ своими головами. Такая пашенька—у! чего-нибудь да стоитъ!

Слѣпой остановился и вздохнулъ. Замѣтно было, что ему крѣпко-крѣпко взгрустнулось; даже слезы на рѣсницахъ показались. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

– Матинька!—спросилъ слѣпой, послѣ минутнаго молчанія:—разскажи-ка, я путемъ не слыхалъ, разскажи-ка, какъ ты намедни, говорятъ, поколотилъ цѣловальника?

Матьку Гутарева будто кто-то укололъ; онъ встрепенулся и сконфузился. Казачата засмѣялись, и одинъ изъ нихъ сквозь зубы замѣтилъ:

— Какъ же, своими-то боками онъ хорошо отдѣлалъ цѣловальника: вонъ еще теперича съ фонаремъ въ одномъ глазѣ щеголяетъ.

— Ой-ли?—сказалъ, улыбаясь, слѣпой. Какъ же это ты, Матинька, поддался мужлану?... Кажись, ты парень не промахъ.

Матька съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на казачонка, который на его счетъ съострилъ, тряхнулъ головой, подвинулся ближе къ слѣпому и съ какимъ-то ожесточеніемъ сказалъ:

— Не вѣрь ему, дѣдушка: все вретъ! Такой, вишь, случай вышелъ, что не спасешься. Дѣло вотъ какъ было. Третьеводни, на „рубежѣ“, пришелъ я къ „зимникъ“ и купилъ полведра вина, а цѣловальникъ-то, кабацкая совѣсть, возьми да и обмѣрь меня, я думаю, на цѣлый полштофъ. Вотъ изъ-за этого мы съ нимъ и поспорили. Однако, я взялъ свое, и

подъ конецъ сказалъ ему: „Смотри, говорю, продажна душа, впередъ не смѣй обманывать, а то худо будетъ... Вотъ онъ, говорю я, и показываю ему кулакъ, вотъ онъ, говорю, не моча пять фунтовъ тянетъ, а какъ помочу—всѣ будутъ десять". Сказалъ я это и пошелъ прочь, своей дорогой, а онъ, мужланъ, взадъ-то мнѣ и закричалъ: „Разина порода!" Ну, ужъ мое почтеніе! Какъ услыхалъ я это, такъ во мнѣ сердце-то и заходило. Бросилъ я флягу на полъ, подошелъ къ этому цѣловальнишкѣ, размахнулся, да ужъ такую отпустилъ горячую, что онъ съ ногъ сторѣлъ. „Знай, говорю, мужланъ, край, да не падай! Впередъ, говорю, казачью честь, какъ не слѣдуетъ, не обзывай". Сказалъ это я да и повернулся назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало; поднялъ флягу да и пошелъ себѣ. А онъ, бестія, не съодолѣлъ, схватилъ со злости „крючекъ", да и пустилъ въ меня въ догонку, а я и не вижу. Только со стороны кто-то изъ казаковъ и закричалъ: „берегись, Матька!". Я оглянулся, а мѣдный-то крючекъ хлопъ мнѣ въ глазъ, индо искры полетѣли; да спасибо еще, что не прямо, а немного вскользь, а то быть бы доброму молодцу безъ глаза.

Казачата снова засмѣялись, слѣпой также улыбнулся, покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ, Матинька, Матинька! какой же ты выходишь дурачекъ. И глазъ-то тебѣ подбили, ни за что, ни про что; да и товарищи надъ тобой посмѣваются, скалозубятъ. Ну, стоило ли изъ-за такихъ пустяковъ связываться съ мужланомъ? Вѣдь кто онъ, цѣловальнишкъ-то—мужланъ, какъ есть мужланъ, кругомъ брюхо. Ему простительно городить какую-нибудь чушь, а ты, вѣдь, по крайности казакъ, ты долженъ знать, что чести казачьей зазорно, и что чести казачьей не зазорно. Ты говоришь: онъ обозвалъ тебя „разиной породой" Онъ, выходитъ, дуракъ; онъ, значитъ, ни бельмеса не знаетъ, да и ты тоже, голубчикъ. Развѣ мы, казаки, разиной породы? Разинъ никакой породы на Яикѣ не оставлялъ! Еще разиной и прабабушки на свѣтѣ не было, а ужъ наши казаки на Яикушкѣ жили и нехристей били. Разинъ къ намъ съ боку

прибѣла. Въ ту пору, какъ Разинъ прокатилъ, онъ, правда, былъ на Яикѣ, но не у нашихъ казаковъ, не вверху, не въ Яицкомъ городѣ, что по нынѣшнему Уральскъ городъ, а былъ на низу при устьяхъ рѣки Яика, въ Гурьевѣ-городкѣ, а Гурьевъ-городокъ—я въ дѣтствѣ отъ старыхъ людей слыхалъ—звался въ старину и Гурьевомъ, потому что строилъ его купецъ Гурій, или Гурьевъ, и Каменнымъ городкомъ; потому онъ такъ звался, что стѣной каменной былъ обнесенъ. Въ разину пору въ Гурьевѣ-городкѣ наши казаки не жили, а жили тамъ астраханскіе стрѣльцы. Они замѣсто солдатъ... тогда въ нашемъ государствѣ и имени солдатскаго не знали, а были стрѣльцы... они, эти-то стрѣльцы, замѣсто солдатъ, говорю, и содержали въ Гурьевѣ-городкѣ карауль, по нынѣшнему гарнизонъ. Съ ними-то, съ этими, выходитъ, стрѣльцами, да съ ихъ головами, Разинъ и велъ войну: городокъ обманомъ какъ-то взялъ, стрѣльцовъ лихихъ вырубилъ, лихихъ къ себѣ приманилъ. Проклаждаясь въ Гурьевѣ, Разинъ неоднократно посылалъ съ подсыломъ и къ нашимъ казакамъ въ Уральскъ, по старинному Яицкъ, чтобы шли на его сторону; но наши казаки не послушались, сторону разбойника не приняли. Конечно, не безъ того было, и приставали кто изъ нашихъ по одиночкѣ къ Разину и отъ него, кому гульба надоѣла, переходили къ нашимъ, такія ужъ времена были—старина матушка, неурядица всемѣстная. Ну, а все наше Яицкое войско было въ сторонѣ отъ Разина, не якшалось съ нимъ, истинно такъ было. Ежели насъ считать разиной породой, такъ астраханцевъ и подавно: вѣдь Разинъ-то дневалъ и годовалъ въ Астрахани, это была почитай его столица. Да не однихъ астраханцевъ, а всѣхъ православныхъ, что живутъ по Волгѣ, вплоть до Нижняго, надо звать разиной породой. Вѣдь Разинъ все время, какъ разбойничалъ, кутилъ-мутилъ, гулялъ-пировалъ по городамъ и селамъ, что при Волгѣ, а у насъ-то ему не повезло. Вотъ и значитъ, что мы не разиной породы, и обижаться на это не слѣдуетъ; а кто это скажетъ—наплевать на того; пускай говоритъ: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.

— Злой же, говорятъ, онъ былъ, этотъ Разинъ,—сказалъ одинъ изъ казачатъ.

— Еще бы!—возразилъ старикъ:—ему и имя-то Разинъ.

— Отъ него, говорятъ, ни одинъ человѣкъ живъ не выходилъ, если только къ его партіи не приставалъ,—замѣтилъ другой казаченокъ.

— Ну, не всегда,—сказалъ слѣпой:—и на Стеньку въ ину пору находилъ такой стихъ, что онъ отпускалъ отъ себя по-добру, по-здорову. Вотъ, если хотите, я разскажу вамъ одинъ такой случай. Слушайте-ка.

Казачата еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ слѣпого, насторожили уши и почти притаили дыханіе. Слѣпой началъ.

— Одинъ казачёкъ, гулёбщикъ (охотникъ), плылъ въ бударкѣ по Баксаю *), недалеко отъ моря; плылъ онъ это и увидалъ на берегу, въ камышѣ, на небольшой полянѣ, стоитъ бѣлый съ красными узорами шатеръ, а на шатрѣ какъ жаръ горитъ золотая маковица. Увидалъ это казачекъ, дивуется. „Что за оказія такая“, думаетъ самъ про себя казачекъ, „ужъ не дьявольское-ли навожденіе, не бѣсъ-ли морочитъ?“ Думаетъ казачекъ, а самъ и глазъ не сводитъ съ золотой маковки, да и не знаетъ, что дѣлать: пристать-ли къ берегу, гдѣ шатеръ-то стоитъ, или своротить скорѣе въ какой-нибудь ершъ, да и удрать по-добру, по-здорову?—„А что я скажу товарищамъ?“ думаетъ казачекъ, „скажу: шатеръ, молъ, съ золотой маковкой, видѣлъ; а что за шатеръ и кто въ немъ? не знаю, не вѣдаю. Подымутъ, тогда меня на смѣхъ, проходу не дадутъ... Ну, была не была!“ сказалъ самъ себѣ гулёбщикъ, взялъ да и присталъ къ берегу.

„Вышелъ онъ на берегъ и видитъ: около шатра, у дверей, сидитъ, пригорюнившись, дѣвица, въ расейскомъ шелковомъ сарафанѣ, да такая раскрасавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: бѣлолица, круглолица, румянецъ во

*) Баксан — рукавъ Урала, отдѣляющійся отъ него съ правой стороны между Сарайчиковской крѣпостью и Иманхалинскимъ форпостомъ, верстахъ въ 60-ти или 70-ти отъ моря.

всю щеку,—глаза, что твои спѣлыя торновины, а русая коса чуть не до земли; просто дѣвка—кровь съ молокомъ. Сперва-начала, какъ увидалъ ее казакъ, остолбенѣлъ. Однако онъ скоро подошелъ къ ней, а самъ читаетъ про себя: „да воскреснетъ Богъ", думаетъ, ужь не шутовка-ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христіанскую. Подошелъ онъ къ ней и говоритъ: „Здравствуй, красна дѣвица!"—„Я", говоритъ она, „не дѣвица"... Сказала она это, да и заплакала.—„Кто же ты такая?" спрашиваетъ казачекъ.—„Степьки Разина полюбовница"... сказала она, да пуще прежняго заплакала.—„Ага!" подумалъ казачекъ: „видно, я попался къ медвѣдю въ берлогу". И сталъ казакъ съ испугомъ озираться кругомъ.—„Ты не бойся", сказала дѣвица. Она, значитъ, замѣтила, что казачекъ-то немного струхнулъ... „Не бойся", говоритъ она: „е г о здѣсь нѣтъ".—„Гдѣ жъ о н ъ?"—„На охоту съ своими ушелъ".

„Какъ водится, слово-за-слово, и разговорились они, казакъ и дѣвица, межъ себя. Дѣвица пригласила казачка въ шатеръ и угостила его кизляркой, а ее—спрѣчь кизлярской водки-то, былъ полный бочепокъ, ведра въ три или въ четыре. Тутъ дѣвица и разсказала казаку, кто она такова.

— Я, стала говорить дѣвица, изъ города Царицына, дочь богатаго купца. Въ прошломъ году Разинъ городъ нашъ разорилъ, отца и мать и всѣхъ родныхъ моихъ побилъ, и меня плѣнилъ, да и держитъ при себѣ. Такая участь моя несчастная... На этомъ мѣстѣ мы живемъ вотъ уже цѣлую недѣлю. Здѣсь при немъ немного его подручниковъ, человѣкъ съ двадцать, не больше; а прочіе всѣ разъѣзжаютъ, кто по морю, кто по Волгѣ. Онъ скоро ожидаетъ всѣхъ къ себѣ, послалъ уже гонцовъ во всѣ концы, гдѣ только есть его подручники. „Какъ только слетятся орлы мои, говоритъ онъ, такъ свой же мигъ пойду на Каменный городокъ, возьму его, а стрѣльцовъ выгоню,—засяду, говоритъ, въ этомъ городкѣ, да и пошлю въ Яицкій городъ, къ Яицкимъ казакамъ,—кличъ кликать: „ко мнѣ, охотники!"—приманю, говоритъ, къ себѣ всѣхъ яицкихъ казаковъ и ихнихъ атамановъ молодцовъ. Тогда,

говоритъ, всѣ города по Волгѣ покорю, да и въ Бѣлокаменну махну. Вотъ что онъ, злодѣй, затѣваетъ...

— Ну, Улита-то ѣдетъ, да когда-то будетъ, —сказалъ гулебщикъ и выпилъ чарку кизлярки.—Что онъ тамъ ни толкуй, а мы мекаемъ свое. Якшаться съ нимъ не намѣрены: супротивъ присяги и совѣсти не пойдемъ, такъ и будетъ! А ты, красавица, —говоритъ онъ ей, немного погодя, —поѣдемъ-ка лучше со мной, чѣмъ жить у этого разбойника. Согласна что ли?—спрашиваетъ казачекъ.

Покачала головой дѣвица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала:

— Нѣтъ, молодецъ, не поѣду я съ тобой; все едино гибнуть: тамъ ли, здѣсь ли; вѣдь никоимъ манеромъ не спасешься, не спрячешься отъ него, лиходѣя: на днѣ моря найдетъ онъ меня, неточію—что на Яикѣ у васъ: живую онъ меня зароетъ въ землю. Да и тебѣ, добрый молодецъ, даромъ это не пройдетъ, а что за охота гибнуть понапрасну изъ-за меня, ледащей женщины, на что я тебѣ гожусь и чего я стою теперь! разбитаго горшка, думаю, никто за меня не дастъ... Да и въ Св. Писаніи сказано, я слышала отъ матери, что кто-де бѣжитъ отъ бѣды-напасти, тотъ бѣжитъ отъ царствія небеснаго. Пусть будетъ со мной святая воля Господня... стану до конца терпѣть.

Прошло много-ли, мало-ли времени, и говоритъ дѣвица казаку:

— Поѣзжай, молодецъ, домой, скоро самъ будетъ.

Нечего дѣлать, простился казачекъ съ дѣвицей, сѣлъ въ бударку, да и поѣхалъ во-свояси. Только дорогой-то и втемяшилась казаку блажная мысль; знамо дѣло, шишига (дьяволъ) соблазнилъ: вѣдь онъ, окаянный, не объ немъ будь сказано, горами качаетъ. „Дай, думаетъ гулёбщикъ, ворочусь назадъ: дѣвка-то больно хороша... Ну, то-ли, се-ли, думаетъ казачекъ, ежели не успѣю уговорить, такъ... что тутъ церемониться?.. такъ хоша боченокъ съ кизляркой увезу, что она для Стеньки, кизлярка-та, стоитъ? вѣстимо, не покупная. Да и за дѣвку-то, знамо дѣло, „кладки не давалъ“.

Вотъ съ такими-то, братцы, нехорошими мыслями казачекъ и воротился назадъ; воротился, да и попалъ, какъ курь во щи: тѣмъ временемъ и Стенька воротился съ своими молодцами на станъ. Лишь только казачекъ вышелъ изъ бударки, его сцапали два разбойника. Они издали еще его увидали и карауливши у берега въ камышѣ. Сцапали добраго молодца, вырвали у него изъ рукъ винтовку, распетлили, голубчика, да и повели къ атаману, къ самому князю-боярину, какъ величали разбойники Стеньку. Дотолева казачекъ былъ напорядкахъ вынимши, а тутъ какъ увидалъ вокругъ себя съ десятокъ харь, одна другой страшнѣй, съ мушкетонами, да съ безмѣнными пищалями въ рукахъ, такъ куда у голубчика и хмѣль дѣвался, словно и не нюхалъ горькаго; протрезвился, индо въ лихоманку бѣдненькаго кинуло.

Стенька сидѣлъ на богатѣйшемъ персидскомъ коврѣ около шатра и потягивалъ изъ серебрянаго ковша кизлярку.

— Этотъ что ли?—спросилъ онъ тихонько дѣвицу и указалъ на казака.

Она кивнула головой. Значитъ, она разсказала, что у нея былъ въ гостяхъ яицкій казакъ.

— Милости просимъ,—сказалъ Разинъ казаку.—Садись, гость будешь. Пустите его,—сказалъ онъ разбойникамъ.

И освободили разбойники казака. Но казакъ съ умомъ-разумомъ не соберется, едва духъ переводитъ, и слова вымолвить не можетъ. Онъ ждалъ, вотъ какъ хватятъ его по головѣ обухомъ, а тутъ слышитъ ласковыя рѣчи. Казакъ только поклонился.

— Да что ты, нѣмой, что-ли? что ничего не говоришь?—спросилъ Разинъ и самъ захохоталъ.—Аль языкъ у тебя ушелъ въ пятки?

Казачекъ опять поклонился, да ужъ кое-какъ, съ запинкой, проговорилъ:

— По имени звать твою милость знаю, а какъ величать тебя, добраго молодца, по батюшкѣ,—хоть зарѣжь, не знаю...

— Вотъ оно какъ!—говоритъ Стенька, а самъ смѣется:—

въ глазахъ-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именемъ не назовутъ. Такъ-ли?

— За другихъ—не отвѣтчикъ,—говоритъ казакъ.

— Ладно, ладно,—говоритъ Разинъ.—А скажи-ка мнѣ: зачѣмъ твоя милость сюда опять пожаловала? Развѣ не знаешь, что отъ меня одна дорога—къ чертямъ на кулички...

Казачекъ только-было собрался съ духомъ, а тутъ опять перепугался. Однако отудобилъ и пустился на хитрости, словно башкирецъ, котораго на кражѣ поймаютъ.

— Былъ я давеча,—говоритъ казакъ,—у твоей милости въ шатрѣ, ѣлъ хлѣбъ-соль твою, пилъ вино твое, а самого тебя не видалъ, за угощенье „спасибо“ не сказалъ: такъ совѣстно стало, вотъ я и воротился за тѣмъ, чтобы милости твоей честь отдать...

— Ого!—говоритъ Стенька, а самъ, бестія, смѣется.— Да ты вижу, продувная каналья: складно поешь, только не выносишь, и хитришь хоть куда, вчередъ схитрить такъ моему Аникушкѣ, а онъ, вѣдь, изъ московныхъ приказныхъ... Такого молодца, какъ ты, и губить кое-какъ жалко. Такъ и быть, велю разстрѣлять тебя, добраго молодца, на славу, изъ десяти или изъ двадцати мушкетоновъ, чтобы на томъ свѣтѣ помнилъ! Доволенъ-ли?—говоритъ Разинъ, а самъ смотритъ на казака, да и хохочетъ во все горло.

Казака дрожь пробрала. Онъ слышитъ, какъ позади защелкали курки. Однако видитъ, что Разинъ и говоритъ, и смѣется. „Можетъ онъ, потѣхи ради, только стращаетъ“, думаетъ казакъ; „дай“, думаетъ казакъ, „всю правду скажу“.

— Есть когда на правду пошло, такъ слушай, Степанъ, по прозванью Разинъ!—говоритъ казакъ, а самъ бодрится.— Ты, говоритъ, казнишь, ты и помилуешь; а я скажу тебѣ правду-истину: по-крайности будешь знать, что казакъ не любитъ врать. Воротился я сюда не за тѣмъ, чтобы персону твою видѣть—не хотѣлъ бы вѣкъ не видать—и не за тѣмъ, чтобы за хлѣбъ-соль тебя благодарить: хлѣбъ-соль твоя не куплена, не трудами добыта, а затѣмъ, чтобы боченокъ съ кизляркой увезти. Вотъ зачѣмъ я воротился.

— Ну, а насчетъ се,—сказалъ Разинъ и кивнулъ на дѣвицу,—ну, насчетъ се-то что скажешь? Чай, тоже думалъ поживиться, а? говори, да правду говори! Смотри! баловать не люблю.

— Что таить!—сказалъ казакъ.—Былъ грѣхъ,—лукавый попуталъ и на нее подумалъ. Да вотъ, какъ видишь, и попался, словно сомъ-блудшикъ на самоловкъ. Теперича я въ твоихъ рукахъ. Хошь—казни, хошь—на волю пусти: твоя власть. Казнишь -не буду плакать, отпустишь—спасибо скажу.

— Люблю такихъ молодцовъ, что отвѣтъ держать умѣютъ!—сказалъ Разинъ и хлопнулъ казака по плечу.— Тебѣ давеча бы, спервоначала, это сказать, такъ у насъ и рѣчей бы объ этомъ никакихъ не было. Давай-ка выпьемъ

И выпили они по ковшу-другому кизлярки.

— Ее, спрячь дѣвицу-то (замѣтилъ слѣпой разсказчикъ), ее,—говоритъ Разинъ,—никому ни за какія тысячи не уступлю! за нее, говоритъ, самого чорта въ бараній рогъ согну! А другой кто и не суйся лучше: всякаго шого въ лапшу искрошу, въ муку измелю!.. Вотъ что! слышишь? Ну, насчетъ кизлярки, статья иная; такъ и быть, куда ни шло, уступлю для такого дорогого гостя, какъ ты, полбочепка: ты мнѣ понравился. Только тутъ есть небольшая задёба. Давеча одинъ изъ моихъ молодцовъ, вотъ этотъ,—Стенька указалъ на одного рослаго разбойника,—вотъ этотъ хвалился, что въ ста сажепяхъ попадаетъ изъ винтовки въ грошъ. За это я обѣщалъ на его пай полбочепка водки, однако—съ уговоромъ: если не попадетъ, какъ слѣдываетъ, въ цѣль, то замѣсто водки, сто липьковъ горячихъ въ спину, чтобы не хвастался попапрасну. Поспорь съ нимъ, есть-когда надѣясся на свое молодечество,—говоритъ Стенька казаку.—Есть-когда убьешь въ цѣль лучше его, то кизлярка твоя, а есть-когда нѣтъ—не прогнѣвайся: сто липьковъ въ спину... Такой обычай: люблю за дѣло только награждать.

Казакъ подумалъ и сказалъ:

— Не берусь, что лучше его убью: кто знаетъ, онъ може важный стрѣлокъ; а берусь, что не хуже его убью.

— Хорошо, согласенъ,—сказалъ Разинъ, и велѣлъ устроить цѣль.

Отмѣрили двѣсти большихъ шаговъ, поставили „нашесть“ *) и къ ней прилѣпили грошъ.

Первый выстрѣлилъ разбойникъ и попалъ въ доску, около самаго гроша, но гроша-то не задѣлъ.

— Гмъ! не велика важность,—проговорилъ казакъ:—этакъ-то и мы, пожалуй, потрафимъ.

Вотъ послѣ разбойника выстрѣлилъ и казакъ изъ своей винтовки, и попалъ въ саму середку гроша; видо грошъ-то врѣзался въ доску.

— Ай-да, молодецъ!—сказалъ Разинъ.—Ну-ка еще!

Еще выстрѣлили по разу. Разбойникъ со злости трясся, и въ доску-то не попалъ, не токма-что въ грошъ.

— Ну, дружище,—сказалъ казакъ разбойнику:—видно, у тебя двойная кожа, коли не умѣешь стрѣлять, а идешь на споръ.

Казакъ былъ уже тово... на порядкахъ пьянъ: онъ позабылъ, гдѣ онъ; думаетъ, что онъ у себя на форпостѣ съ товарищами; поэтому и разговорился.

Выстрѣлилъ и казакъ вдругорядь, и влѣпилъ опять въ грошъ, видо перегнулъ его.

— Баста! твоя кизлярка,—сказалъ Разинъ казаку. И велѣлъ изъ большого боченка нацѣдить въ другой, поменьше.—А тебѣ,—сказалъ онъ разбойнику,—на три дня винной порціи нѣтъ, а за мѣсто того сто лишьковъ въ спину: осрамилъ, говоритъ, ты и себя, и насъ.

Опосля того Разинъ и казакъ еще выпили малую толику водочки, и казакъ въ добромъ здоровьѣ уѣхалъ отъ ласковаго хозяина во-свояси. На прощанье Разинъ и говоритъ казаку, а самъ, бестія, подмигиваетъ и улыбается:

— Може, увидимся когда-нибудь: я къ вашимъ хочу толкнуться. Примете, что ли?

*) Доска вродѣ лавки, употребляемой въ маленькихъ лодкахъ.

— Не знаю. Какъ „войско“ захочетъ,—сказалъ казакъ и потупился въ землю, а самъ думаетъ про себя:—„Сунься-ка, пріятель! зубъ скусишь!“

Когда старикъ кончилъ, казачата переглянулись другъ съ другомъ, покачали головой въ знакъ удивленія, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Эка вещь какая! подумаешь: разбойникъ вѣдь, а прокуратитъ подъ-часъ словно не разбойникъ, а шутникъ какой.

Затѣмъ начался общій разговоръ. Предметомъ разговора, конечно, былъ все-таки Разинъ. Подъ конецъ кто-то изъ казачатъ сказалъ:

— Желательно знать: какая смерть была этому Разину?

— Чай пятирили, пль-бо на колъ посадили,—сказалъ другой казаченокъ.

— Какая бы тамъ ни была смерть—все одно,—замѣтилъ третій казаченокъ.—А вотъ, кака мука-то теперь этому Разину? желалъ бы я знать.

— Какая? Знамо какая: чай въ тартарарахъ, въ преисподней, на горячихъ углякъ теперь сидитъ, да голымъ языкомъ съ горячей сковороды слизываетъ...—сказалъ топомъ увѣренности тотъ же казаченокъ, который опредѣлялъ и казнь Разину.

— Нѣтъ, дѣтушки, это все не то,—сказалъ Епифанъ Наумовъ, дотолѣ молчавшій.

— Что же?—спросило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что, дѣтушки. Слушайте-ка.

Казачата снова притихли, какъ будто ихъ и не было. Слѣпой началъ:

— Давненько, а какъ давненько, признаться, не умѣю сказать, запамятовалъ, довелось мнѣ разговаривать, вотъ этакъ, какъ теперича съ вами, довелось, говорю, разговаривать съ однимъ отставнымъ солдатикомъ, и онъ разсказывалъ мнѣ вотъ какія вещи. Служилъ онъ, этотъ солдатикъ, на своемъ вѣку въ матросахъ и былъ на безвѣстныхъ корабляхъ. А знаете ли вы, что такое „безвѣстные“ корабли?—спросилъ слѣпой слушателей.

Отвѣтъ былъ отрицательный. Каждый изъ казачатъ, разумѣется, имѣлъ общее понятіе о кораблѣ, но безъ всякихъ прилагательныхъ, а просто какъ о суднѣ, на которомъ плаваютъ по водамъ. Но что такое „безвѣстный“ корабль? вотъ это было для каждаго изъ нихъ новостью. Слѣпой пустился объяснять.

— Безвѣстный корабль значитъ...—началъ-было старикъ, но объясненіе его не ладилось: на словѣ „значитъ“ старикъ запнулся; за словомъ этимъ другого, разумѣется, самаго главнаго, не послѣдовало.

Слѣпой сталъ въ затрудненіе, чего съ нимъ почти никогда не бывало; разсердился слѣпой, не зная или не умѣя въ короткихъ словахъ объяснить значеніе „безвѣстнаго“ корабля, на что вызвался самъ. Почмокавъ губами или, какъ говорится, „помузюкавъ“ немного и потеревъ по лбу кулакомъ, старикъ сообразилъ мысли и сызнова приступилъ къ объясненію.

— „Безвѣстный“ корабль значитъ вотъ какая штука,— сказалъ слѣпой.—Теперича, къ примѣру сказать, проштрафится какой ни на есть изъ набольшихъ: со всякимъ грѣхъ случается... Сослать такого гуся сволапчатаго въ ссылку, примѣрно туда, гдѣ солнца не видать, или-бо смертію казнить, жалко: сердце-то не камень. Вотъ и велятъ, до поры, до времени, посадить его, голубчика, въ сибирку. „Посиди-ка тамъ“, скажутъ доброму молодцу, „такъ и узнаешь кузькину мать“. Приспокоятъ этого, а тамъ, глядишь, еще какой-нибудь гусь голландскій свихнется съ пути истиннаго, позарится, примѣрно сказать, на царскую казну, да и запуститъ граблито глубоконько, ино не вытащитъ... Ну, и этого лакомку туда же, въ сибирку, чтобы, этакъ, знаете, отбить у него охоту лазить въ неположенное мѣсто... Наберется такихъ молодчиковъ не одинъ, не два, а многонько-таки. Знамо, кормить ихъ даромъ убыточно. Вотъ и велятъ посадить ихъ на корабль—для этого и корабли особые имѣются, старые, что выслужили срокъ,—да и выпустить въ „кіянь-море“. „Ступайте-ка, голубчики, на всѣ четыре стороны“, скажутъ имъ:

„вы намъ не нужны". А у кіянь-моря и береговъ-то нѣтъ: кіянь-море, знаете, на кить-рыбѣ стоитъ. Поплавай-ка по кіянъ-морю,—спокаешся, другу-недругу закажешь сосать невинну кровь... И простыхъ солдатъ посадятъ на этотъ корабль, чтобы было кому работать на немъ; безъ людей, знамо, съ лодкой не справишься, не токма что съ такой махиной, какъ корабль... Солдатъ тоже берутъ больше изъ проштрафленныхъ, примѣрно изъ острога иль-бо изъ христанскихъ ротъ, значитъ вмѣсто пропажи. Ну, конешно, не все штрафованныхъ, сажаютъ и хорошихъ, нештрафованныхъ солдатъ, примѣрно музуриковъ, тонсь матросиковъ, которые по компасу понимаютъ. Тамъ какіе ни на есть будь мудреные люди, а ужъ безъ компаса соваться въ море не моги: заблудишся и въ первый же день пропадешь. Этихъ бѣдненькихъ, тонсь музурщиковъ, по жребію посылаютъ, кому ужъ такой выпадетъ. Дадутъ всему „кипажу", тонсь всѣмъ людямъ на корабль, они всѣ сообча зовутся „кипажемъ", такъ мнѣ матросикъ сказывалъ,—дадутъ всему „кипажу" провизіи на годъ, а раньше пяти годовъ вертаться домой не велятъ. Если найдешь въ кіянь-морѣ чѣмъ питаться, питайся на доброе здоровье: не найдешь—умирай, а раньше пяти годовъ все-таки на Русь не вертайся; такъ ужъ покопибѣ узаконено, говорятъ, Петромъ Первымъ, что̀ бороды велѣлъ брить! Если вернется раньше, все едино, что въ морѣ пропалъ: смертію казнятъ, аль-бо живаго въ столбъ закладутъ: и на это есть законъ. Въ старые годы такихъ кораблей въ кіянь-море много выпускали, и почитай всѣ они пропадали безъ вѣсти. Развѣ-развѣ, что изъ десяти одинъ, за чьи-нибудь молитвы, вернется, а то всѣ сплошь пропадали: отъ этого и называются корабли безвѣстными, что безъ вѣсти пропадаютъ *).

— Нынче, — продолжалъ слѣпой — нынче, говорятъ, мало стали посылать въ кіянь-море безвѣстныхъ кораблей; от-

*) Нужно ли пояснять, о какихъ кораблихъ разсказываетъ слѣпой старикъ казачатамъ? Безъ всякихъ, думаемъ, поясненій, читатели поймутъ, и поняли уже, что тутъ рѣчь идетъ о корабляхъ, отправляющихся въ круго-

того, говорятъ, мало, что корабли жаль губить: корабли-то, вишь, нынѣ стали дороги. Взамѣнъ того, нынче стали давать волчьи билеты...

— Вы, чай, и объ этихъ билетахъ ничего не знаете?— сказалъ слѣпой.—Это значитъ вотъ что,—продолжалъ онъ, когда казачата отозвались, что въ первый разъ слышатъ о такой мудреной вещи.—Коль-скоро, слышите, проштрафится кто и обличенъ будетъ, ему и дадутъ въ руки чистую отставку, то-есь билетъ съ печатью, а въ немъ красными, будто огненными словами и напишутъ: Больше де трехъ денъ сего человѣка ни въ какомъ жительствѣ не держать, и въ обчество отнюдь не принимать: съ виновныхъ-де штрафъ большой. Вотъ онъ, этотъ проштрафленный съ ербовымъ билетомъ за пазухой, и ходитъ, и бродитъ весь свой вѣкъ, пока не умретъ, изъ села въ село, изъ города въ городъ, ани волкъ презрѣнный. Отъ этого и билетъ прозывается волчьимъ *).

— Ровно два годика, сказывалъ мнѣ матросикъ, плавали они по кіянь-морю,—продолжалъ слѣпой.—Провизія почитай вся вышла, даромъ-что потребляли ее по полпорціямъ. Попадались имъ по морю кой-какіе острова, и къ нимъ они приставали. На нихъ находили еще какую ни на есть пищу, примѣрно: травы, коренья иль-бо птицъ, звѣрей;

свѣтныя путешествія. Что народная фантазія довольно-таки исказила смыслъ этихъ путешествій, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Народная фантазія бываетъ иногда до поразительности остра, а подчасъ до крайности наивна, чтобы не сказать, глупа, зато она и народная фантазія... Кто прислушивался къ толкамъ и сужденіямъ простолюдиновъ, прозябающихъ на вольномъ свѣтѣ, какъ христіанскомъ, такъ и басурманскомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, слыхалъ не такія еще искаженія, какъ это, т. е. искаженія о корабляхъ, совершающихъ кругосвѣтныя путешествія, и, главное, о лицахъ, тутъ участвующихъ. Да не обидятся ученые труженики, жертвующіе изъ любви къ наукѣ, слѣдовательно, изъ любви къ ближнему, всѣми благами жизни и даже самою жизнію!.. Народной фантазіи, ежели она иногда и слишкомъ ударится въ народность, Богъ проститъ!

*) Здѣсь, т. е. въ понятіи о волчьемъ билетѣ, народная фантазія также не преминула нѣсколько разыграться, но зато отъ смысла не отстала; мало того, она даже съострила ловко.

всѣмъ этимъ по малой толикѣ запасались и пробавлялись. Иные острова были совсѣмъ пусты, хоть шаромъ покати— одинъ галькн, да ракушка (раковины). А на иныхъ островахъ встрѣчали дивіихъ людей: на лбу, примѣрно, одинъ глазъ, а посередь живота ротъ. На такіе острова и не выходили, а мимо обходили: только съ корабля видали, какъ дивіи люди грозили имъ, да зубами щелкали.

— А ужь на самомъ кіянь-морѣ какихъ чудесъ не видали, Господи, ты мой Боже! просто ужасти! Какъ зачнетъ, бывало, матросикъ разсказывать, такъ вчужѣ морозъ по кожѣ подираетъ, инде волосъ дыбомъ стоитъ, просто такія страсти, что сказать не въ мочь. Въ иную пору плыветъ корабль по зеленой водѣ, а вода-то свѣтла, что твоя слезочка, все дно видно; а на днѣ гомозятся и ползаютъ разные такіе гады, что смотрѣть мерзко; иные на манеръ раковъ съ верблюда величиной, съ пребольшущими клещами, какъ взглянешь на нихъ, такъ сердце замретъ. Это, сказывалъ матросъ, море называется: чудовищное море.

Въ иную пору корабль плыветъ по водѣ красной, что твоя кровь, только будто сейчасъ изъ быка выпущена, инде паръ отъ нея валитъ, словно на бойнѣ. Это—красное море.

Въ иную пору корабль плыветъ по водѣ желтой, что твой сабуръ, или серпій. Это—желтое море.

Въ иную пору корабль наплыветъ на такое мѣсто, что воды не знать, а замѣсто воды только букашки, да вошки гомозятся, словно черви въ падали. Корабль еле-еле движется по такой кашѣ, и того и гляди, какъ совсѣмъ остановится и застрянетъ. Это—вшивое море.

Въ иную пору корабль плыветъ, хоша и по обнаковенной водѣ, но за то по сторонамъ-то его безпречь выныриваютъ чудовища: отъ головы до пояса—человѣкъ, а отъ пояса до ногъ—смѣшный плескъ. Вынырнетъ это чудовище, встряхнетъ зелеными длинными волосами, инде брызги на версту летятъ, да и закричитъ глухимъ хрипымъ голосомъ: „фараонъ!“ Это фараоновы вопны, что за Мысеимъ гнались, да потопули. Въ иную пору эти самыя чудовища, ихъ тоже зо-

вутъ фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашиваютъ: „когда Осподь съ судомъ сойдетъ?“ „Завтра“ иль-бо „послѣ завтра“, скажутъ имъ съ корабля, чтобъ только отвязаться. Ну, и отстапутъ, а безъ того ш за что не отстапутъ, такіе привязчивые, право. Имъ, вишь, узаконено жить въ морѣ до преставленья свѣта. Тогда, вишь, ихъ и разсудятъ съ царемъ фараономъ: изъ-за него, вѣдь, погибли и сдѣлались получеловѣками. Это море такъ и прозывается: фараонское море.

Одпова, сказывалъ мнѣ матросикъ, подплыли они къ острову и остановились за версту отъ него. Ближе нельзя было подойти: кругомъ острова, вишь, камни изъ воды торчали. А островъ былъ большой, и весь заросъ лѣсомъ. Обрадовались они этому острову: чаяли найти на немъ и воды прѣсной, и дичи всякой, а дотолева долго не видали такого острова. Поспускали съ корабля нѣсколько шлюпокъ, тонь маленькихъ лодочекъ; и цѣлая рота солдатъ съ ружьями съѣхала на берегъ. По долобкѣ (по тропѣ), сквозь густой лѣсъ, пошли солдатики въ середку острова, и вскорости вышли на поляну. Глядятъ и видятъ: въ одной сторонѣ стоитъ широкій дворъ, обнесенъ высокимъ тыномъ, точь-въ-точь острогъ веселый. Съ другой стороны, видятъ: изъ лѣса вышло стадо овецъ, а овцы такія прекрупнѣйшія, съ коровъ нашихъ. Позадь овецъ идетъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, истовый человѣкъ, но такой превеличайшій, что твоя колокольня. Въ рукахъ у него цѣлое березовое дерево, въ обхватъ толщиной, и не срублено, а просто-на-просто съ корнемъ изъ земли вырвано, а онъ, этотъ уродина, помахиваетъ имъ, деревомъ-то, словно нашъ братъ топенькой хворостинкой. Поровнялся онъ съ солдатами, глянулъ на нихъ, да и заворотилъ деревомъ-то всю роту къ овечьему стаду, а потомъ погналъ вмѣстѣ съ овцами, будто дѣло сдѣлалъ. Солдаты и офицеръ, что былъ съ солдатами, перепугались на-смерть, не знаютъ, что начать, и по-неволѣ идутъ, только поглядываютъ другъ на дружку, да молитвы шепчутъ. Загналъ великанъ овецъ и солдатъ на дворъ, поставилъ чинимъ мане-

ромъ овецъ въ уголъ, а солдатъ въ другой. На дворѣ у одной стѣны врыты въ землю четыре огромнѣйшихъ, може ведеръ по сту, котла, а около котловъ навалены „урсы“ *) обглоданныхъ костей: значитъ, тутъ обжорство творится. У другой стѣны стоятъ ведра, по сороковой бочкѣ каждому ведро, да разная посуда, и все это во сто разъ больше обнаковенной нашей посуды.

Натаскалъ великанъ воды откуда-то, изъ моря ли, изъ рѣки ли какой, солдатамъ изъ-за ограды не видать было; натаскалъ онъ это воды, налилъ въ котлы и развелъ огонь, а ворота-то на запоръ. Смотрятъ солдаты, что-то будетъ. Стала въ котлахъ вода закипать. Тогда великанъ подошелъ къ солдатамъ и взялъ пятерыхъ иль шестерыхъ подъ мышку, столько же подъ другую, отнесъ къ одному котлу, да швырнулъ ихъ въ него: только, бѣдненькіе, и свѣту видѣли!..

Послѣ того великанъ опять подошелъ къ солдатамъ. Но солдатики, видя бѣду немшучую, рѣшились оборонятьсл: не даромъ, видно, есть поговорка: „страхъ силы придастъ“. Видя бѣду немшучую, солдатики и рѣшились попробовать: всѣмъ разомъ выстрѣлить въ великана. „Что будетъ, думаютъ солдатики: убьемъ не убьемъ, а попробуемъ: не даромъ же на варево идти“. Какъ только великанъ подошелъ къ нимъ, они и грянули изъ всѣхъ ружей, да прямо ему въ рожу: глаза-то ему и выбили. Вотъ онъ и заревн благимъ матомъ, да и давай кидаться со слѣпу-то изъ стороны въ сторону. А солдаты тѣмъ временемъ и улепетнули. Ворота хоша были и заперты, но подворотня не было. Великану, конечно, не въ домекъ, что подворотня нѣтъ; вѣдь у него подъ полотнище ворота и лапа не подлѣзала, а для обнаковеннаго человѣка оставалось тутъ просторнаго мѣста почесть по колѣнки. Вотъ въ эту-то щель солдатики и повылѣзали. А великанъ, знай, оретъ себѣ во все горло, а изъ лѣсу ему откликаются другіе, его братья; тѣ еще страшнѣе ревутъ, иной

*) Кучи въ большихъ размѣрахъ. У р с ъ, у р с ы, испорченное я р у с ъ, я р у с ы. По крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдуетъ сказать: я р у с ы, уральскій казакъ говоритъ: у р с ы.

лѣсъ трясется, земля дрожитъ. Тутъ-то ужъ такой страхъ нашелъ на солдатиковъ, что и ружья, и мунщу всю побросали, да давай Богъ ноги! Бѣгутъ, голубчики, чуть не задыхаются, бѣгутъ молодчики, земли не касаются, только пятки взмываютъ... Лишь только солдатики побросались въ шлюпки и отсунулись отъ берега, еще до корабля-то не доплыли, какъ на то мѣсто, гдѣ стояли ихни шлюпки, прибѣжали великаны, человѣкъ до ста иль больше. Подняли они такой ужасный вой, индо лѣсъ закачался, море взволновалось. Принялись они изъ корня рвать сыры-матеры дубы и кидать ими по лодкамъ и по кораблику, одну лодку раскололи и затопили, да чуть-чуть и кораблика не повредили. Наплу пушками съ корабля отъ нихъ отбились и отплыли въ море.

— Вотъ какія бываютъ на вольномъ свѣтѣ страсти и ужасти,—прибавилъ слѣпой. Немного погодя, онъ продолжалъ:

— Такимъ-то манеромъ, сказывалъ матросикъ, проплавали они два года, а на третій годъ корабль ихъ разбило бурей. Онъ, этотъ матросикъ, да еще одинъ музурикъ, его товарищъ, ухватились за корабельную мачту (мачту), и дня три носило ихъ на ней по морю. На четвертый день море затихло и мачту прибило къ берегу... Въ ту пору корабль-то изъ кіянъ-моря вышелъ въ обнаковенное море; рѣшились они, значитъ, пристать въ шомъ какомъ царствѣ и отдаться невѣрному царю, чтобы не умереть съ голода—нужда до всего доводитъ... Отдохнули они, то есть матросикъ и его товарищъ, на берегу, да и пошли въ горы,—по берегу тянулись превысокія горы.

Много ли, мало ли ходили они по горамъ, да и наткнулись на избушку, или землянку—все едино: не то изба, не то нора вырыта была въ горѣ, одна дверь, да маленькое окошечко съ пузыремъ,—вотъ и все. Вошли они въ избушку и видятъ: въ передиемъ углу на лавкѣ лежитъ человѣкъ, не молодой, да и не старый, а такъ себѣ „сердовичъ“; на немъ красная люксандревская рубаха, козловые сапоги съ кисточкой на голенищахъ—значитъ, щеголь какой-нибудь. Глаза у этого человѣка закрыты, а самъ онъ такой худой, такой блѣд-

ный, что твой мертвецъ. Сначала они подумали, что онъ мертвый, а какъ немного всмотрѣлись, увидали, что спитъ. Не трогая его, солдатики тоежъ секунду бросились къ печкѣ и на шесткѣ въ горшкѣ нашли не то кашу, не то кисель, Богъ знаетъ что, не могли разобрать да и некогда было разбирать,—вѣдь голодъ не свой братъ, а у нихъ съ голоду кожа трещала; шутка ли! три-четыре дня были не ѣвши. Покамѣстъ возились они около горшка, хозяинъ-то проснулся, сѣлъ на лавку, да и говоритъ имъ тихохонько по-рассейски: „вы, братцы, мотрите... не много ѣшьте этой пищи: не хороша она для непривычнаго человѣка“...

Услыхавши рассейскій языкъ, солдатики обрадовались, пуще не знай чего; бросили ѣду, подбѣжали къ незвѣстному человѣку, да въ одинъ голосъ и сказали:

— Неужто мы въ Рассейской землѣ?

Покачалъ этотъ человѣкъ головой, да и сказалъ:

— Нѣтъ, родимые: эта земля турецкаго салтана.

— Да ты-то кто?—спросили солдатики.

— Я, говоритъ онъ, Степанъ Разинъ: слыхали, чай, о богомерзкихъ дѣлахъ моихъ...

Тѣхъ такъ и ошеломило.

— Вамъ диво это?—говоритъ онъ.

Тѣ ничего не говорятъ, только блѣдиѣютъ, да пучатъ глаза на человѣка, что Разинымъ назвался.

— Вы не бойтесь, — говоритъ онъ. — Хоша я и настоящій Разинъ, но ужъ не тотъ, что въ мое время разбойничалъ на православной Руси и творилъ великое беззаконіе въ угоду врагу рода человѣческаго, сатанѣ трипятому: теперь я совсѣмъ иной человѣкъ. Присядьте-ка и выслушайте меня, родимые, и послѣ повѣдайте міру, какъ тяжело и горько окаянному грѣшнику отвѣтъ давать за дѣла безбожныя.

И говоритъ это Разинъ тихо, плавно, смиренно, внятно, словно какой начетникъ по книгѣ иль-бо изъ книги. Солдатики „отудобили“, присѣли на скамеечкѣ супротивъ Разина. И онъ сталъ имъ говорить:

— Отъ начала міра и до сегодня, не было ни въ чело-

вѣкахъ—человѣка, ни въ звѣряхъ—звѣря, ни въ зміяхъ—змія, ни въ гадахъ—гада, подобнаго мнѣ, не было ни единой на свѣтѣ твари, коя бы равнялась со мной по злобѣ и лютости: я всѣхъ превышилъ!... Многое-множество пролилъ я крови христіанской; многое-множество загубилъ душъ неповинныхъ. Мало того: я Царю благовѣрному измѣнилъ, надъ вѣрой православной надругался, отъ Бога истиннаго отрекся, сатанѣ триклятому предался,—и вотъ за то мучусь и страдаю теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анаѳемѣ, и потомъ, какъ поймали, казнили, тѣло мое на огнѣ сожгли, а прахъ развѣяли по вѣтру. Но этимъ дѣло не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, измѣнника, еретика, душу свою и тѣло отдавша сатанѣ, меня ни въ рай не впустили, ни въ адъ не приняли; отъ меня и земля, и вода, и огонь, и воздухъ со вѣтрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прахъ мой собрала и оживила, и вотъ въ сіи мѣста уединенныя поселила. Здѣсь я буду жить до втораго пришествія, до Суда Страшнаго; тогда судьба моя окончательно рѣшится, тогда и муку мнѣ положутъ настоящую, по дѣломъ моимъ, какую заслужилъ. Теперь же пока тиранятъ меня два змія ужасные. По Божьему велѣнью, въ мѣсяцъ разъ, они приползаютъ ко мнѣ и сосутъ кровь изъ меня, почти всю до капли высасываютъ. Одинъ запуститъ жало подъ мышку, а другой подъ другую, и такимъ родомъ точутъ кровь мою. Третьяго дня они у меня были,—вотъ и раны, посмотрите, не зажили еще; а черезъ двадцать семь—восемь день, какъ я поправлюсь, кровью-то соберусь, они опять приползутъ. И вотъ такимъ-то родомъ мучусь я цѣлыхъ полтораста лѣтъ, не умираю и не умру, до Христова пришествія не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимаетъ... вотъ что!.. А всего горше для меня бываетъ въ тѣ дни, когда въ церквахъ анаѳему мнѣ провозглашаютъ. Вотъ что!..

— Питаюсь я глиной: есть, неподалеку отсюда, въ одной горѣ, такая глина, что похожа на муку,—говоритъ Разинъ.—Варю ее, эту глину, въ водѣ, и изъ того выходитъ какой-то кисель—что сейчасъ и вы ѣли. Сначала пища эта

мнѣ не нравилась, какъ грузило ложилась въ животѣ, а потомъ мало-по-малу сталъ привыкать къ ней, и вотъ ужъ полтораста лѣтъ питаюсь—и ничего.

— Я видаю иногда, что по близости меня люди ходятъ, но ни меня, ни избушки моей не замѣчаютъ: невидимая сила, значитъ, закрываетъ. Вотъ вы первые увидали и зашли ко мнѣ: значитъ, невидимая сила надъ вами сжалилась, чтобы вы не умерли съ голоду. По утренимъ и вечернимъ зарямъ я слышу отсюда на солнечномъ восходѣ колокольный звонъ: значитъ, тамъ городъ христіанскій или село есть: въ землѣ турскаго салтана и христіане живутъ. Ступайте въ ту сторону.

И точно, заключилъ слѣпой, солдатики въ тотъ же день къ вечеру пришли въ селеніе, гдѣ жили греки, что турскому салтану подвластны. Онъ ихъ уже, чрезъ сколько-то времени, и вышли они на Русь святую.

— Вотъ, дѣтушки, какія чудеса бываютъ на вольномъ свѣтѣ,—прибавилъ слѣпой.—Вдругорядь я поразскажу вамъ еще кой о чемъ, чего вы не знаете, а теперь, не безсудьте, усталъ, отдохнуть пойду.

Съ этимъ словомъ Ениѳанъ Наумовъ всталъ съ мѣста и, ощупывая впереди себя дорогу посохомъ, направился къ обозу. Но не прошелъ слѣпой еще десяти шаговъ, не успѣли еще казачата сдѣлать ни одного замѣчанія на счетъ разсказа его, какъ изъ обоза раздался голосъ казака. Стоя на возу и махая руками, казакъ кричалъ:

— Ай! ай! киргизы! киргизы!... Лошадей нашихъ киргизы гонятъ.

И всѣ рыболовы пришли въ смятеніе, засуетились и кинулись кто къ ружью, у кого было ружье, кто къ веслу, у кого ружья не было, кто схватилъ „чекушку“, кто топоръ; словомъ, заварилась каша, поднялась ужасная суматоха, или, какъ выражаются казаки, „ватарба“.

Но отчего случилась такая бѣда? Откуда взялись киргизы, да еще среди бѣлаго дня, когда за Ураломъ разставлены казачьи пикеты? Въ томъ-то и сила, что казаковъ за

Уралом въ тотъ день уже не было: они еще накалунѣ, съ вечера, оставили посты и пріютились подъ теплымъ крылушкомъ благовѣрныхъ сожительницъ... Пикетнымъ казакамъ слѣдовало пробыть на постахъ еще дня два, пока „войско“ ушло бы вплзъ за Кулагинскую крѣпость; но они соскучились о блинахъ и лепешкахъ, да о молодыхъ женушкахъ, а главное,—понадѣялись на Яикушку, что вотъ-де онъ, батюшка, разольется, какъ кіянь-море, что тогда-де черезъ него не только поганому киргизишкѣ переплыть, но и птицѣ въ чередъ перелетѣть; понадѣялись такъ-то на Яикушку и, не дождавшись урочнаго времени, съѣхали съ постовъ безъ спроса и позволенія приказнаго, Ефремова, распоряжавшагося всѣмъ форпостомъ. Пріѣхавъ въ тихомолку на форпостъ, они разбрелись по домамъ и не показались приказному, зная, что онъ прогналъ бы ихъ опять за Уралъ или, по-крайней мѣрѣ, разослалъ бы по обыкновеннымъ пикетамъ, такъ называемымъ „р е д а н к а м ъ“ и „т р е т я м ъ“, устроеннымъ на правомъ берегу Урала; а имъ хотѣлось попраздновать дома... Глядя на красноярскихъ, то же самое сдѣлали и харлинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже пикетовъ красноярскихъ, т. е. противу дачъ своего форпоста. Такимъ образомъ, цѣлыхъ два промежутка, отъ верхней межи Красноярскаго до нижней межи Харлинскаго форпоста, остались открытыми, т. е. на этомъ протяженіи не осталось ни одного поста ни на правой (Внутренней, или Самарской), ни на лѣвой (Зауральской, или Бухарской) сторонѣ Урала. Уралъ же, мы видѣли, только помашлъ, только подумалъ взыграть, да разлиться, но не взыгралъ и не разлился, а это киргизамъ и на руку. Пользуясь кустарникомъ да перелѣсками, они подкрались къ берегу, переплыли, человѣкъ до 20-ти, рѣку повыше того мѣста, гдѣ располагались рыболовы-севрюжники, да и кинулись къ ихъ лошадямъ, съ цѣлью, разумѣется, угнать ихъ за Уралъ.

Но какъ ни ловки, какъ ни проворны киргизы въ подобнаго рода продѣлкахъ, однакожъ предпріятіе это имъ не удалось; ухватки и увертки ихъ на этотъ разъ незамедли-

лись, оттого, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врозь, гдѣ двѣ, гдѣ три лошади, по „гривамъ“, раздѣленнымъ одна отъ другой водой. Для того, чтобы согнать лошадей въ одинъ „косякъ“ и потомъ удобнѣе, за одинъ пріемъ, переплавить ихъ за Уралъ, киргизамъ нужно было въ иныхъ мѣстахъ безпрестанно переѣзжать съ „гривы“ на „гриву“ черезъ воду, а это не то, конечно, что скакать по чисту полю; въ иныхъ же мѣстахъ доводилось обскакивать кругомъ болѣе глубокіе заливы и лощины и, такимъ образомъ, колесить на одномъ мѣстѣ въ ущербъ времени. Къ тому же большая часть казачьихъ лошадей была спутана, а съ спутанными лошадьми возиться не ловко и не легко. Все это замедляло дѣйствія киргизовъ и дало рыболовамъ время оправиться, обсудить и сообразить степень опасности и съ толкомъ пуститься отстаивать свою собственность отъ непрошенныхъ гостей.

Часть казаковъ, человѣкъ до десяти, съ винтовками въ рукахъ, бросилась въ луга, гдѣ работали киргизы около лошадей. Нѣсколько человѣкъ безъ ружей, съ одними шестами да чекушками, сѣли въ бударки и пустились, что было силы-мочи, плыть вверхъ по Уралу, къ тому мѣсту, гдѣ, по соображенію казаковъ, киргизы должны были обратно переплывать рѣку. Тѣ же, которые остались на стану, преимущественно старики, начали на всякій случай огораживаться телѣгами—предосторожность необходимая; ибо вскорѣ послѣ того, какъ завязалась у казаковъ съ киргизами драка на этой, то есть на правой сторонѣ Урала, показалась на лѣвомъ берегу другая партія киргизовъ, человѣкъ до сорока или больше; даже было пущено оттуда нѣсколько стрѣлъ въ казачій станъ, но стрѣлы не долетали и падали на серединѣ Урала.

Казаки, побѣжавшіе въ луга, увидали, что имъ „нѣшимъ боемъ“ не угоняться за конными киргизами, и потому сочли за полезное разсыпаться по берегу и засѣсть въ кустахъ, съ цѣлью отрѣзать киргизамъ путь къ отступленію, или, по крайней мѣрѣ, встрѣтить и проводить ихъ огнемъ, когда они

пойдутъ на утекъ, въ чемъ казаки не сомнѣвались; но маневръ этотъ не удался. Киргизы почуяли тревогу въ станѣ рыболововъ, и лишь только завидѣли казаковъ съ винтовками, тотчасъ же бросили казачьихъ лошадей, и давай, какъ говорится, Богъ ноги. Натурально, пѣшіе казаки не успѣли забѣжать впередъ и преградить дорогу конпымъ киргизамъ. Послѣдніе, хотя и проскакали подъ выстрѣлами казаковъ, но на столь далекомъ разстояніи, что выстрѣлы не сдѣлали бѣглецамъ никакого вреда, а только напугали ихъ вдосталь. Какъ угорѣлые, киргизы кинулись въ Уралъ и поплыли на Зауральскую, или Бухарскую сторону, держась, какъ обыкновенно водится при подобнаго рода переправахъ, кто за гриву, кто за хвостъ лошади. Со страха киргизы не оглядѣли мѣстность и попались въ просакъ. Противоположный берегъ, гдѣ имъ доводилось пристать, будто въ наказанье воришкамъ, оказался довольно-таки крутъ, а подъ самымъ яромъ было топко, или вязко, такъ что лошади ихъ, утопая и вязнувъ въ илѣ, не могли выпрыгнуть изъ воды. По необходимости киргизы должны были спуститься по водѣ, т. е. внизъ по теченію рѣки, до того мѣста, гдѣ берегъ былъ отлогій, песчаный, но, спускаясь внизъ, они какъ разъ наткнулись на казаковъ, плывущихъ въ бударкахъ. И тутъ-то вотъ пошла потѣха, потѣха славная, по замѣчанію казаковъ. „Индо“, разсказывали старики, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, „индо Яшкушка застопалъ, какъ поили наши глупить нехристей, словно бѣлугъ“. Въ самомъ дѣлѣ, будто осетровъ или бѣлугъ, казаки принялись тузить воришекъ шестами и чекушками. Человѣкъ съ десять киргизовъ пошло ко дну, остальные кое-какъ вскарабкались на берегъ и бросились подъ защиту своихъ сообщниковъ, остававшихся на Бухарской сторонѣ и прискакавшихъ къ мѣсту драки. Киргизы отбили казаковъ отъ Бухарскаго берега, выпустивъ въ нихъ десятка два стрѣлъ. Не имѣя ружей, казаки отплыли къ Самарскому берегу, взяли на бударки своихъ товарищей, у которыхъ были ружья, и снова переплылись на Бухарскій берегъ; но киргизы отступили и удалились въ степь.

Послѣ этого подвига, казаки собрали своихъ разсѣянныхъ по лугамъ лошадей, захватили часть киргизскихъ, выплывшихъ послѣ убіенія хозяевъ на Самарскій берегъ, и стали собираться въ путь-дорогу. Они рѣшили уѣхать подобру по-здорову съ этого мѣста и присоединиться къ „войску“. Но, между тѣмъ, послали двоихъ гонцовъ въ Красноярскій форпостъ сказать, что-де неблагополучно на Яикѣ, что-де такъ и такъ: киргизы обижаютъ. Вотъ появленіе этихъ-то гонцовъ на форпостѣ и встревожило красноярцевъ и помѣшало, какъ мы ужъ видѣли, Кузьмѣ Семенычу Ефремову угостить бузой Кузьму Безсуднаго и прочую „харабрубратью“, а Ивану Метлину читать наставленія куму Нефеду.

IV.

— Ахъ, мошенники! ахъ, варвары! Что надѣлали, каторжные! Подумать страшно! Шутка ли! бросить пикеты—а! Что это такое? на что это похоже?—Ужъ не съ ума ли я спятилъ? Не во снѣ ли мнѣ это мерещится? Охъ, Господи, ты мой Боже! За чьи грѣхи така бѣда на меня накачалась! А что теперича „войско“ скажетъ? Срамъ! срамъ! срамъ!.. А все вы, подлецы, виноваты—пздохнуть бы вамъ! Вы всему причиной, каторжные!

Такъ, бѣгая по форпосту, кричалъ Кузьма Семенычъ Ефремовъ на казаковъ, которые самовольно оставили пикеты за Ураломъ,—о чемъ сказано въ предыдущей главѣ.

Между тѣмъ, всѣ казаки, сколько ихъ было въ наличности, сѣдлали лошадей, вооружались и готовились въ погоню за киргизами.

Правда, не для чего было бы пускаться за Уралъ. Киргизы, нарушивъ покой казаковъ, поплатились уже за то: мы знаемъ, что человѣкъ десять изъ нихъ отправились на дно рѣки. Кромѣ того, ни одну казачью лошадь киргизы не угнали, а напротивъ, своихъ нѣсколько лошадей оставили въ добычу казакамъ; слѣдовательно, послѣднимъ не предстояло

особенной нужды скакать за Уралъ и тѣмъ болѣе-не нужно было по-пусту рыцарствовать, что киргизы удалились въ степь. Довольно было разставить по-прежнему пикеты.

Такъ думали, и отчасти справедливо, нѣкоторые старики. Но приказный Ефремовъ думалъ иначе. Гордый своей репутаціей, онъ не хотѣлъ потерять ее, онъ не хотѣлъ запятнать себя ни однимъ недостойнымъ дѣломъ; пуще Богъ знаетъ чего онъ боялся, чтобы въ „войскѣ“ не сказали про него, что онъ „сопыга“ (соня), что киргизы подъ носомъ, въ глазахъ у него, врываются въ Самарскую сторону, что команда не слушаетъ его (послѣдняя мысль кидала его и въ жаръ, и въ ознобъ). Вотъ эта-то причина и побудила Ефремова пуститься въ погоню за киргизами и, во что бы то ни стало, нагнать и хорошенько пощипать хищную птицу, какъ звалъ онъ киргизовъ.

— Мало съ насъ одного срама, что киргизовъ проспали, прозѣвали,—говорилъ онъ:—видно еще надо, видно желательно вамъ, чтобы про насъ сказали, что мы трусы, киргизовъ боимся.

Говоря это, Ефремовъ скрипѣлъ зубами и торопилъ казаковъ.

Скоро вкругъ него собралось человѣкъ до тридцати „храброй братьи“, почти весь наличный комплектъ служащихъ казаковъ. Съ ними Ефремовъ махнулъ за Уралъ, оставивъ при будкѣ, т. е. при караульномъ домѣ, на часахъ человѣкъ пять-шесть.

Въ торопяхъ Кузьма Семеновичъ забылъ послать гонцовъ или вѣстниковъ въ сосѣдственныя станицы—въ Калмыковскую крѣпость и въ Харкинскій форпостъ—извѣстить тамошнихъ казаковъ, дабы они, въ силу существующаго на Уралѣ обычая или постановленія, выѣзжали за Уралъ, на помощь Ефремову и его командѣ. Уже съ Бухарской стороны онъ прокричалъ оставшимся на Самарскомъ берегу казакамъ, чтобы они сами распорядились этимъ дѣломъ.

Выбравшись изъ луговъ на степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ; на форпостѣ въ горячности онъ этого не

успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что всѣ казаки, кромѣ одного, были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ. Только Нефедъ Ж... оказался неисправнымъ; лошадь подъ нимъ была нехороша, тяжела на бѣгу, просто-на-просто маштакъ, у котораго нѣтъ ни рыси, ни скачи, и который годенъ только для воза, но не для верховой ѣзды, особенно для такой, которая предстояла Ефремову съ командой. Нефеда забраковали и велѣли вернуться назадъ. Стыда ради, онъ началъ-было доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ, но его не слушали, да и слушать не слѣдовало: улика была на-лицо.

— Ступай домой, тебѣ говорятъ!—сказалъ Ефремовъ Нефеду.—Разв не знаешь, что пѣшій конному не товарищъ. Ступай домой!

— Ахъ! кумъ, кумъ!—заговорилъ Иванъ Метлинъ, подъѣхавъ съ боку къ Нефеду и трепля его за плечо.— Не слушаешь добрыхъ людей, а слушаешь жены. Что чалаго не заставлялъ? Вѣдь, онъ у тебя, знаю, дома. Жена, что ли, не велѣла?—Гмъ... знаю, знаю, да никому не скажу. Вотъ кабы ты понялъ, да въ толкъ взялъ, что въ книгѣ блаженнаго Августина...

— Ну, не растабаривать!—сказалъ Ефремовъ и указалъ въ степь, а въ степи въ это время, довольно далеко отъ казаковъ, взвилось облако пыли.

— Молись, ребята!—сказалъ Ефремовъ, и, снявъ шапку, перекрестился. Команда сдѣлала то же.

— Съ Богомъ!—сказалъ Ефремовъ.

И, припавъ къ лукѣ, съ пиками на перевѣсъ, понеслись казаки на облако пыли.

Пристыженный и сконфуженный, Нефедъ Ж... остался и поворотилъ пѣгаго маштачка къ Уралу.

Казаки скакали молча; кругомъ ихъ была глушь и тишь страшная,—только конскій топотъ отъ песчанаго грунта, по которому скакали казаки, какъ-то глухо отдавался въ ушахъ, но и тотъ оставался позади и замиралъ въ воздухѣ; да по временамъ Кузьма Семенычъ тихо, чуть не шопотомъ, про-

говаривалъ: „сдержи", когда считалъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: „пришусти!", когда находилъ возможнымъ прибавить бѣга.

Скачутъ казаки не версту, не двѣ,—а скачутъ казаки десять, скачутъ пятнадцать, двадцать верстъ. Вотъ облако пыли стало рѣдѣть, вотъ въ серединѣ его, какъ въ туманѣ, показалась черная точка; точка эта растетъ, увеличивается; изъ точки образуется большое пятно, огромная масса; вотъ, наконецъ, черная масса распадается на отдѣльныя движущіяся точки, каждая точка обозначается, обрисовывается ясно: это—киргизскіе наѣздники, бѣгущіе отъ казаковъ. Вотъ они, эти бѣглецы, близко, близко; вотъ какихъ-нибудь полверсты осталось до нихъ. „Ну! пущай, чья возьметъ!" сказалъ Ефремовъ. (Подъ словомъ ч ь я разумѣлась лошадь). Дотолѣ казаки, сдерживая по приказу Ефремова лошадей, скакали всѣ вмѣстѣ, кучкой; но при послѣднихъ словахъ приказнаго, каждый казакъ, закричавъ и загикавъ, далъ волю своей лошади; и тогда, въ нѣсколько секундъ, казаки развернулись и вытянулись въ одну линію, и тѣ изъ нихъ, у кого лошади были рѣзвѣе, стали настигать киргизовъ и неслись, какъ говорится, на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ попавшіе на ратное дѣло. Подобрались казачата къ заднимъ киргизамъ близко; вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту, того гляди, ударятъ по спинѣ непріятеля, но со стороны послѣдняго есть отпоръ: два наѣздника, два храбрыхъ батыря, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ, словно гонные волки отъ собакъ, отгрызаются отъ казачатъ. Отдѣлясь отъ своей партіи, одинъ вправо, другой влѣво, эти наѣздники, время-отъ-времени, оборачиваются и съ боку, описывая дугу, быстро съ пронзительнымъ крикомъ и воплемъ, наскакиваютъ на казачатъ; бить не бьютъ, а длинными-предлинными пиками задаютъ казачатамъ не малую острастку. Казачата невольно придержатъ лошадей, укрѣпятся на стременахъ и оборотятся лицомъ къ нападающимъ, чтобы не прозѣвать и смѣлѣе встрѣтить ихъ пиками; но

киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казачатамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ назадъ и летятъ прочь.

Повидимому, въ этомъ маневрѣ нѣтъ важнаго, но въ сущности онъ много приноситъ пользы бѣгущимъ киргизамъ. При столкновеніи киргизскихъ наѣздниковъ съ казачатами, послѣдніе, по чувству самосохраненія, хоть на нѣсколько секундъ, умѣрятъ, укротятъ бѣгъ своихъ лошадей, иногда вовсе пріостановятся, чтобы безопаснѣе принять и ловчѣе отвести непріятельскіе удары; а этимъ самымъ временемъ бѣгущая киргизская партія, нѣсколькими лишними скачками, подвинется впередъ и выйдетъ изъ-подъ казачьихъ пикъ.

Кузьма Семенычъ, скакавшій за казачатами, не спускалъ съ нихъ глазъ и время-отъ-времени ободрялъ ихъ своими кликами.

— Вправо, вправо забирайте, ребятушки!—кричалъ онъ казачатамъ, когда замѣчалъ, что они, какъ новички въ дѣлѣ ратномъ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть сколотыми.

„Забирать вправо“, т. е. держаться самому правой стороны, а преслѣдуемаго непріятеля оставлять въ лѣвой сторонѣ — значитъ выигрывать перевѣсъ надъ непріятелемъ по самой простой физической причинѣ: справа влѣво ловко бить пикой, стоитъ только размахнуть рукой, а для этого достаточно одного момента. Слѣва же вправо бить пикой не только не ловко, но и совсѣмъ неудобно; для этого приведется изгибаться на лошади, но какъ ни изгибайся, ударъ не ловокъ, слѣдовательно и не вѣренъ будетъ; для этого приведется поворачивать самую лошадь, а непріятель ждать не будетъ: пока ты будешь поворачивать лошадь, а лошадь, слѣдуетъ замѣтить, и поворачивается вправо не такъ легко и скоро, какъ влѣво; пока ты поворачиваешь лошадь, непріятель, сдѣлавъ только полъ-оборотъ налѣво на сѣдлѣ, взмахомъ руки можетъ сколоть тебя.

Киргизы, между тѣмъ, употребляли всѣ возможныя

уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные, отстегнувъ на всемъ скаку подпруги, скидывали и самыя сѣдла. Но ничто не помогало. Съ каждымъ моментомъ казаки подбирались къ киргизамъ ближе и ближе.

Два киргизскіе наѣздника, о которыхъ сказано выше, видя, что къ безбородымъ казачатамъ подвигаются казаки бородатые, стали рѣже и рѣже наскакивать на нихъ, а, наконецъ, сами пошли на утекъ.

Кузьма Семенычъ съ радостью сталъ замѣчать, что аргамаки подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомлялись, а его доморощенный бурый конь чѣмъ дальше скакалъ, тѣмъ больше и больше прибавлялъ бѣгу. Немного погодя, Кузьма Семенычъ сверстался съ казачатами; еще немного погодя, онъ опередилъ ихъ и сталъ помышлять о томъ, за котораго изъ батырей приняться прежде.

Кузьма Семенычъ огляпулся вокругъ себя, ища на всякій случай опоры: на казачатъ, какъ на людей неопытныхъ, онъ много не надѣялся, а одному на двоихъ пускаться все-таки опасно. Явилась Кузьмѣ Семенычу и опора: рядомъ съ нимъ, почти стремя въ стремя, ухо въ ухо, скакалъ еще казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго игренній конь также сталъ разминаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— Теперь нашъ чередъ!—сказалъ Ефремовъ Азовскому.—Ты, Сема, бери себѣ г о л у б о г о, а я возьму к р а с н а г о.

Слова: г о л у б о г о и к р а с н а г о относились къ киргизскимъ наѣздникамъ, которые были одѣты—одинъ въ голубой чапанъ, а другой въ красный халатъ.

Азовсковъ, рослый и спльный, вмѣсто всякаго отвѣта, кивнулъ головой, поникъ на сѣдлѣ, припалъ почти къ самой гривѣ игренаго, какъ мѣхами потянулъ въ себя воздухъ, и потомъ, испуская его, словно изъ трубы, рпнулся на голубого всадника. Кузьма Семенычъ приступилъ на краснаго.

Загикали, залюлюкали казаки вслѣдъ Ефремову и Азовскову. „Ату его! возьми его!“ кричали иные казаки въ шутку, будучи увѣрены, что Ефремовъ и Азовсковъ, сейчасъ,' сію минуту—благо, лошади бѣгутъ—что эти казаки сейчасъ какъ съ полки сдунутъ смѣлыхъ батырей; но не тутъ-то было: дѣло приняло оборотъ не совсѣмъ-то благопріятный. Батырь въ голубомъ чапанѣ, улепетывая отъ Азовскова и безпристанно оглядываясь назадъ, смѣтилъ, вѣроятно, что не уйти ему отъ казака, и потому рѣшился на богатырскій отчаянный подвигъ: онъ круто повернулъ аргамака назадъ и со всѣмъ отчаяніемъ, испуская пронзительный гикъ, устремился на Азовскова.

— Ловокъ, бестія...—успѣлъ только подумать Азовсковъ, какъ батырь налетѣлъ на него, и, обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ... Отчего это такъ случилось? А вотъ отчего.

У киргизовъ вообще пики длинныя, длиннѣе казачьихъ вполтора, если не больше. При паденіи киргизъ держитъ пику за самый почти конецъ, упирая его подъ мышку, или, по крайней мѣрѣ, прижимая его подъ мышкой и напрягая притомъ всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновѣсіе и удержать другой, острый, конецъ, т. е. лезвее пики, въ горизонтальномъ положеніи. Эту манеру или этотъ пріемъ держанія пики киргизы основываютъ на томъ, что дальше можно достать непріятеля. Конечно, это нелѣпость, и пусть киргизы остаются при этой нелѣпости, намъ же русскимъ, лучше; это нелѣпо потому, что пика, когда ее такимъ образомъ держать, какой бы сплачъ ею ни владѣлъ, все-таки гнется и жиблется, и острый конецъ ея, отъ давленія воздуха, все-таки клонится долу и ставитъ киргиза въ неловкое положеніе.

У казаковъ, напротивъ, пики короткія, и казаки держатъ пики не за конецъ, какъ толковые и предусмотрительные киргизы, а поперекъ или, какъ говорится, на перевѣсъ. У казака, когда онъ идетъ въ атаку или когда бросается одинъ-на-одинъ на непріятеля, положимъ на киргиза,—у казака въ

это время лезвее пики впередъ отъ лошадиной головы высовывается только на полъ-аршина или немного больше, потому во-первыхъ, что пика у казака, какъ сказано, короче, а во-вторыхъ потому, что казакъ относитъ руку немного назадъ, чтобы при ударѣ былъ размахъ; но, несмотря на то, это лезвее скорѣе и вѣрнѣе достигаетъ цѣли.

При столкновеніи съ киргизомъ, казакъ ударяетъ сверху внизъ концомъ своей пики по концу киргизской пики, и послѣдняя, безъ того къ низу клонящаяся, отъ удара мгновенно ныряетъ и утыкаетъ въ землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и киргизъ грудью или животомъ самъ налетитъ на нее. Разумѣется, все это дѣлается далеко скорѣе, нежели мы разсказываемъ; все это совершается въ одно мгновеніе, не больше.

При столкновеніи же съ такимъ непріятелемъ, у котораго пика не длиннѣе казацкой, или который держитъ пику не по-киргизски, то есть, не за самый тупой конецъ, а на перевѣсъ—казакъ отводитъ непріятельскій ударъ, то есть, непріятельскую пику инымъ манеромъ: онъ ударяетъ по ней не сверху внизъ, а уже снизу вверхъ, такъ, чтобы непріятельская пика взвивалась вверхъ и проносилась мимо казака, или черезъ голову, или черезъ плечо. Но эта уловка, эта сноровка, слѣдуетъ замѣтить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость да и ловкость, а главное—безстрашіе, безстрашіе, да и безстрашіе! Вотъ и Семенъ Азовековъ, мы видѣли, попался въ прюсакъ, а онъ куда былъ ловокъ и безстрашенъ; онъ такъ искусно владѣлъ пикой, какъ только можно владѣть ею ловкому и безстрашному казаку.

Киргизъ, устремившійся на него, нечаянно ли, безъ сознанія, или сознательно, съ обдуманною цѣлью—неизвѣстно, держалъ пику на перевѣсъ; казакъ замѣтилъ это уже тогда, когда врагъ внесъ, что называется, у него на носу, оттого-то онъ не успѣлъ изловчиться и отвести, какъ слѣдуетъ, киргизскую пику. Правда, онъ ударитъ—ударилъ по ней снизу вверхъ, но не ловко; правда, пика киргиза взвилась—взвилась вверхъ, но не высоко, а въ самую, какъ выражаются

казаки, „припорцію“: киргизская пика ударила Азовскову въ лобъ, надъ лѣвою бровью.

Азовсковъ опрокинулся назадъ, но удержался, съ лошади не упалъ. Хотя пику свою онъ уронилъ, поводья изъ рукъ выпустилъ, но зато обѣими руками ухватился за киргизскую пику.

Повернулись они съ киргизомъ на мѣстѣ разъ—два: киргизская пика изломалась.

Сцѣпились они съ киргизомъ, какъ Ермакъ съ Махметъ-Куломъ, крутились, крутились и не одинъ, а оба на-земь свалились.

Тутъ, какъ орлы, налетѣли казаки и прикололи голубого.

А Что красный? Красный бросился было на помощь къ голубому, когда тотъ катался съ Азовсковымъ по землѣ, но Ефремовъ не допустилъ: онъ пронзилъ его пикой и успѣлъ еще подскакать къ голубому и, за компанію съ другими, кольнуть разъ-другой и этого.

Пріостановились казаки, подосадовали, поскрипѣли зубами на киргизовъ, перевязали Азовскову рану платкомъ (рана сначала казалась не опасной, но впослѣдствіи была смертельной), дали немного вздохнуть и оправиться раненому, поймали лошадь его, и снова поскакали за киргизами, а киргизы, между тѣмъ, умчались далеко.

Была пора казакамъ остановиться; они, вопреки войсковымъ постановленіямъ, слишкомъ уже далеко увлекались; но казаки не думали останавливаться и возвращаться домой, не поцапавъ хорошенько ордынцевъ. Казаки надѣялись, что къ нимъ можетъ подоспѣть которая-нибудь изъ командъ, Харкинская или Калмыковская, извѣщенныя гонцами, ибо, мы слышали, Кузьма Семенычъ, отправляясь въ погоню за киргизами, велѣлъ послать вѣстниковъ и въ Харкинскій форпостъ, и въ Калмыковскую крѣпость. Кромѣ того, казаки озлобились на киргизовъ, что они одного изъ нихъ, что ни лучшаго молодца, ранили, а ужъ одно это обстоятельство могло разгорячить воображеніе и отуманить всякое мышленіе у ка-

заковъ: они рѣшили гнать за киргизами, насколько хватитъ силы въ лошадяхъ.

Между тѣмъ, киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человѣкъ изъ 20-ти, направилась на юго-востокъ, а другая, человѣкъ изъ 30-ти, на сѣверо-востокъ. Цѣль у киргизовъ была—разъединить силы казаковъ, но казаки обману не поддались: они всей командой пустились за одной, пошедшей на сѣверо-востокъ, партіей.

Снова гонятъ казаки киргизовъ, и начинаютъ нагонять. „Вотъ скоро, думаютъ казаки, будетъ опять работа". Но киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ казаковъ.

Казаки подскакиваютъ къ лощинѣ, гдѣ скрылись киргизы, и видятъ чудеса: вся лощина занята огромнымъ лагеремъ и усѣяна киргизами. „Чтобы не солгать, говорили старики, участвовавшіе въ этой погонѣ, ихъ, то-ись, бусурмановъ, было видимо-не-видимо, большое собранье, человѣкъ ста четыре, иль-бо и больше, да все со значками: что ни кучка, то на пикѣ значки".

„Плохо", подумали казаки.

— Слѣзай, ребята!—закричалъ Кузьма Семенычъ.

И въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей. Назадъ скакать и думать нельзя было, это бы значило гибнуть навѣрное. У казаковъ, проскакавшихъ до 50-ти верстъ, разумѣется, не все въ скачь, а гдѣ рысью, гдѣ и групью,—у казаковъ, проскакавшихъ такое разстояніе, лошади были сильно истомлены, а у киргизовъ, отдыхавшихъ на мѣстѣ, лошади были съ свѣжими силами. Слѣдовательно, ускакать казакамъ отъ киргизовъ не было никакой возможности, и киргизы, пустившись всей массой за казаками, могли всѣхъ ихъ по-одиночкѣ переколоть пиками. Казаки чуяли эту невыгоду и потому спѣшились, сомкнули лошадей въ кучу и переплели ихъ поводьями, чтобы онѣ, при натискѣ киргизовъ, не разбились и не разбѣжались, а сами прижались со всѣхъ сторонъ къ лошадямъ и взялись за винтовки.

Попались, добрые молодцы, въ осаду.

Какъ море заволновалось киргизское скопище, какъ волны нахлынули ордынцы со всѣхъ сторонъ на казаковъ, и какъ волны же, столкнувшись со скалой, отхлынули назадъ.

Казаки, прижавшись къ лошадямъ и припавъ на колѣни, встрѣтили киргизовъ выстрѣлами, но не залпомъ (къ этому они пріучены не были), а въ перемежку, или, какъ говорится, черезъ ружье (этому ихъ опытъ и практика научили), и человѣкъ десять киргизскихъ наѣздниковъ свалились съ лошадей. Этого весьма достаточно было для того, чтобы охладить жаръ нападающихъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще азіатцы, только съ перваго раза, такъ сказать, съ-горяча, нападаютъ храбро и стремительно, но если первая попытка не увѣнчается успѣхомъ, особенно, если они замѣтятъ на комъ-либо изъ своихъ кровь, а ужъ объ убитыхъ говорить нечего,—храбрость ихъ колеблется, слабѣетъ и пропадаетъ: тогда самими ими овладѣваетъ страхъ и ужасъ.

Такъ было и теперь при нападеніи на горсть красноярскихъ казаковъ. Сначала, подпявъ страшный неумолкаемый крикъ и гикъ, ордынцы, по выраженію казаковъ, такъ зажгли, т. е. такъ горячо и стремительно атаковали русскихъ, что у иныхъ казаковъ, надо правду сказать, волосъ сталъ дыбомъ; Осипька Вертячкинъ, читавшій про себя, чтобы другіе не слыхали, псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго..." забылся и провозгласилъ во всеуслышаніе, на горе себѣ и на потѣху другимъ; ибо казаки не упустили и тутъ предлога пошутить, поскалозубить надъ Осипькой, замѣчая, что онъ дьячекъ славный, хоть куда; а это Осипу Ивановичу крѣпко не нравилось.

Но когда казаки, благодаря своей находчивости и опытности, благодаря хладнокровію и сознанію своего достоинства, выдержали натискъ ордынцевъ, когда сверхъ этого, нѣсколько человѣкъ ордынцевъ попадало съ лошадей, кто убитый, кто раненый, тогда киргизы отхлынули назадъ и, какъ обвареные кипяткомъ, остановились. Значитъ, спѣсь съ нихъ была сбита.

Немного погодя, киргизы опять закричали, опять загайкали неистовымъ голосомъ и въ другой разъ пытались-было всей массой атаковать русскихъ, но только пытались, а не пускались. Правда, являлись смѣльчаки, напускались на казаковъ, взывали къ своимъ, чтобы тѣ слѣдовали за ними, но масса только шумѣла, неистово кричала, да кружилась около казаковъ, а въ атаку не шла.

Казаки вздохнули свободнѣе, ободрились, „отудобили" казаки. Пришпадая на ражки, они, не торопясь, стали отстрѣливаться, выбирая цѣлью тѣхъ ордынцевъ, которые казались имъ вожаками, предводителями.

Казакамъ посчастливилось убить нѣсколько человѣкъ изъ среды послѣднихъ, т. е. изъ среды предводителей, и между прочими одного, что ни самаго батыря, который, какъ злая и неотвязчивая оса, надоѣдалъ казакамъ. Этотъ батырь, подъ защитой панцыря, прикрытаго халатомъ, безпрестанно лѣзъ въ глаза казакамъ, помахивая длинной пикой. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли по немъ, но не убивали, хотя и попадали. Дивились казаки этому чуду. Наконецъ одинъ изъ нихъ, отличный стрѣлокъ, Трифонъ Махалинъ, разгадалъ причину неуязвимости батыря, изловчился, выстрѣлилъ и попалъ батырю въ лобъ; батырь не дохнулъ.

Послѣ этого киргизы присмирѣли, нападенія прекратили и отступили, какъ говорится, на благородную дистанцію. Но, не легче того, они окружили казаковъ густой стѣной, преградили имъ дорогу и отняли у нихъ всякую возможность къ отступленію, а потомъ стали безпокоить казаковъ стрѣльбой изъ луковъ и ружей: у иныхъ изъ киргизовъ были и ружья, хоть само собой плохія, съ фитилемъ, но все-таки ружья.

Правда, казаки не боялись, собственно за себя, ни стрѣлъ, ни пуль киргизскихъ: и стрѣлы и пули киргизскія, за дальностью разстоянія (киргизы держались далеко, чтобы самимъ быть внѣ казачьихъ выстрѣловъ) не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Стрѣлы рѣдко долетали, но и долетая, падали въ казачій

кружокъ съ навѣсу, тихо. Казакамъ видно было, какъ спускались на нихъ стрѣлы, слѣдовательно казаки легко успѣвали отъ нихъ увертываться—и увертывались. Только одинъ Осинька Вертячкинъ какъ-то сплоховалъ, и то оттого, что былъ нѣсколько косоватъ, и стрѣла ранила его въ плечо, но легко и не опасно. Пули киргизскія не опаснѣе были стрѣлъ. Кромѣ того, что киргизы стрѣляли изъ далека, выстрѣлы ихъ не могли равняться съ выстрѣлами казачьими еще потому, что и ружья ихъ, противу казачьихъ, были плохія, и заряды скудные—порохомъ киргизы бѣдны—и пули не такія, какъ казачьи: киргизская пуля—не иное что, какъ округленный камушекъ, или галька, облитая свинцомъ или даже не облитая, а просто-на-просто обвернутая листочкомъ изъ свинца. Натурально, такія пули не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Изъ всѣхъ одна только пуля, поувѣчье другихъ, попала Ивану Метлину въ бокъ, такъ что казакъ свалился съ ногъ, но дѣло кончилось одной контузіей. Если и былъ вредъ отъ киргизскихъ пуль и стрѣлъ, особенно отъ стрѣлъ, такъ это былъ вредъ иного рода: пули и стрѣлы попадали иногда въ казачьихъ лошадей, и лошади, служившія нѣкотораго рода защитой или, такъ сказать, оплотомъ казакамъ, бѣсились, рвались и грозили выйти изъ послушанія, разстропть и смять самихъ казаковъ.

Положеніе казаковъ было незавидное; выйти имъ изъ этого положенія не легко было безъ помощи командъ сосѣдственныхъ станицъ: Харкинской и Калмыковской. Но команды эти не являлись на выручку, хотя давно настала пора имъ явиться. Атакованные Красноярцы часовъ пять-шесть толкутся на одномъ мѣстѣ, вотъ уже вечеръ насталъ, скоро солнышко зайдетъ, а помощи все-таки нѣтъ.

Ждали, ждали Красноярцы подмоги, но не дождались, смотрѣли, смотрѣли въ ту сторону, откуда сами скакали, и откуда ждали помощи, но ничего, кромѣ неба да земли, не видали, наконецъ, перестали ждать, перестали и смотрѣть. Нечего было попусту тратить время, уже солнце закатилось.

Такъ ли, сякъ ли, нужно было спасаться, пока не совсѣмъ еще стемнѣло: ночью опасность могла увеличиться. Рѣшились они тѣсной толпой, какъ стояли, подвигаться къ Уралу, идя шагъ за шагомъ, время отъ времени отстрѣливаясь отъ непріятеля и ведя за собой лошадей, большею частью сконевашихъ, т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. По мѣрѣ того, какъ казаки подвигались, киргизы оступали передъ ними, а наконецъ разступились и открыли казакамъ дорогу, слѣдуя, однакожъ, по ихъ пятамъ и по сторонамъ, какъ будто тѣлохранители какіе. Киргизы, разступившись передъ казаками, вѣроятно надѣялись, что казаки, увидавъ открытое поле, сядутъ на лошадей и поскачутъ. Сдѣлай это казаки, т. е. сядь только на лошадей, пропали бъ казаки; но казаки, наученные опытомъ, обману не поддались.

Прошли или нѣтъ такимъ образомъ казаки съ версту, какъ со стороны Урала показался всадникъ.

— Наши, наши!—закричало нѣсколько голосовъ, когда „вершникъ“ приблизился на такое разстояніе, что можно было узнать въ немъ казака.

Красноярцы запрыгали отъ радости и громко, громко прокричали: „ура!“ такъ что озадачили киргизовъ; тѣ даже остановились, думая, что казаки рѣшили идти на нихъ въ атаку.

— Постойте, постойте, братцы, радоваться,—сказалъ невеселымъ тономъ Ефремовъ, пристально глядя на приближавшагося всадника.—Всмотритесь-ка хорошенько, кто это?

Казаки устремили глаза на всадника и ахнули отъ удивленія. Казакъ, котораго они приняли за передового вспомогательныхъ командъ, былъ, кто бы вы думали?—Нефедъ Ж...

Какимъ образомъ, или какимъ чудомъ онъ, этотъ несчастный Нефедъ, явился тутъ, когда товарищи оставили его близъ Урала, въ виду форпоста, и велѣли ему вернуться домой? Это осталось отчасти тайной. Впрочемъ казаки тайну эту весьма легко разгадали. И догадка или разгадка казаковъ въ этомъ случаѣ достойна всякаго вѣроятія. Нефедъ—иной причины не могло быть—Нефедъ не вернулся на форпостъ, а

рѣшился тащиться по слѣдамъ товарищей по весьма простой и натуральной причинѣ: ему, извольте знать, какъ забракованному, стало быть (по казачьей логикѣ) ледащему казаку, стыдно было глаза показать домой; вѣдь ему не дали бы впослѣдствіи прохода, засмѣяли бы товарищи, вѣдь на него стали бы пальцами указывать; вѣдь ему, чего добраго, дали бы кличку, напримѣръ: „бракованный“ или въ родѣ того, а эта кличка осталась бы за нимъ на всю жизнь; мало того, эта кличка могла бы перейти и на дѣтей его, словомъ, на все потомство, до седьмого колѣна дальше: все это въ характерѣ казаковъ; не любятъ они давать пощады ничему и никому. Зная это, могъ ли несчастный Нефедъ не бояться стыда и поношенья.

— Ну! кончен балъ!—сказалъ кто-то изъ казаковъ, и не безъ причины.

Въ ту самую минуту человѣкъ пятнадцать киргизовъ отдѣлились отъ толпы и понеслись отъ толпы на встрѣчу Нефеду. Нефедъ бросился-было въ сторону, но напрасно. Лошадь подъ нимъ едва-едва перевалившалась или, по выраженію казаковъ, только, только-что ковыляла. Бѣдняжка спрыгнулъ съ лошади, палъ на колѣни, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ киргизовъ, но другіе мгновенно окружили его и плѣнили.

Все это совершилось такъ быстро, что казаки не могли опомниться. Впрочемъ, казаки ничего не могли сдѣлать въ пользу Нефеда; выручить его они никоимъ образомъ не могли; для того казакамъ слѣдовало бы сѣсть на лошадей и скакать къ Нефеду, но сѣсть на лошадей,—значило бы самимъ всѣмъ гибнуть.

Связали киргизы Нефеду руки назадъ, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ, кивалъ имъ головой, кричалъ что-то, но за шумомъ и крикомъ казаки не слыхали его словъ. Замѣтно, что онъ прощался съ ними.

— Прощай, прощай, товарищъ!—кричали казаки Нефеду.

— Прощай, прощай, любезный кумъ!—кричалъ, въ чи-

слѣ другихъ и Иванъ Метлинъ.—Теперь, чай, вспомнилъ меня, да поздно,—добавилъ онъ тономъ проніи, хотя и напрасно, потому что Нефедъ не могъ слышать его словъ.—Говорилъ я тебѣ, что въ книгѣ блаженнаго Августина...

— Перестань, Иванъ!—сказалъ Ефремовъ тономъ увѣщанія и укора, схвативъ Метлина за руку.—Какъ тебѣ не грѣхъ насмѣхаться надъ человѣкомъ въ безвременьи!

— Ахъ, Кузьма Семенычъ!—возразилъ Метлинъ плачевнымъ голосомъ.—Радъ бы молчать, да сердце не терпитъ. Вѣдь онъ, Нефедъ-то кумъ мой, и жаль мнѣ его, и досада-то беретъ: вѣдь изъ-за жены и пропадаетъ...

— Молчи! не время объ этомъ толковать,—сказалъ сурово и повелительно Ефремовъ.

Метлинъ замолчалъ.

Между тѣмъ киргизы, плѣнившіе Нефеда, подъѣхали къ своимъ и смѣшались съ толпой. Нефедъ пропалъ и его никто уже больше не видалъ, по крайней мѣрѣ живого.

Вскорѣ все киргизское собранье столпилось въ одну кучу, потомъ раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и отхлынуло отъ казаковъ въ разныя стороны. Казаки дивились и радовались такому обороту дѣла. Впослѣдствіи, по показанію мирныхъ киргизовъ, объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ и объявилъ киргизамъ, что команды тѣ сейчасъ, сію минуту должны прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищей. Киргизы, не могшіе справиться съ одной командой, натурально, боялись встрѣтиться еще съ нѣсколькими и удалились въ степь, держась разныхъ направленій.

А гдѣ вспомогательныя команды харкинская и калмыковская?—Дома. Онѣ и не думали ѣхать на выручку краснояркой. Почему? Да потому, что и въ Харкиномъ и въ Калмыковой узнали про погоню краснояркихъ казаковъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда Красноярцы возвращались на Уралъ.

Казакъ, молодой парень, поскакавшій гонцомъ въ Харкинскій форпостъ, подъ самымъ почти этимъ форпостомъ, въ

лугахъ, между кустарникомъ тальника, неожиданно столкнулся съ киргизами. Въ тотъ день, пользуясь случаемъ, что не было нигдѣ пикетовъ, киргизы разъѣзжали по лугамъ въ дачахъ Харкинскаго форпоста и высматривали добычи. Семеро киргизовъ, нечаянно, изъ-за кустовъ, вдругъ бросились на казака съ пиками. Погибъ бы казакъ, если бы только на мгновеніе остановился и вздумалъ защищаться. Одному противъ семерыхъ возможно ли устоять! Казакъ спрыгнулъ съ коня и бросился въ кусты; киргизы бросились за нимъ и успѣли ранить его пикой, но не смертельно. Спасаясь, казакъ кинулся въ воду, въ разливы, и запрятался въ трущобы тальника и куги, залитыхъ водой. Забившись въ воду по самую шею, казакъ просидѣлъ тутъ весь день. Уже почью, истекая кровью, онъ выплелся изъ трущобы и съ величайшимъ трудомъ дотащился до Харкинскаго форпоста, когда уже дѣло въ степи было кончено.

Въ Калмыковскую крѣпость поѣхалъ старикъ Михайло Бакировъ, и не по наряду: какъ старикъ, онъ уволенъ былъ отъ всякой службы, а по собственной охотѣ: ему нужно было и безъ того тамъ быть. Сватъ его, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, женилъ сына и въ тотъ день дѣлалъ заключительный пиръ для однихъ близкихъ родственниковъ. Вотъ къ этому-то родственнику Михайло Михайлычъ и собирался ѣхать въ гости.

— Зачѣмъ посылать нарочнаго: васъ и безъ того мало,— говорилъ онъ казакамъ, хлопотавшимъ о томъ, кого бы послать другимъ гонцомъ.—Кстати, я ѣду въ Калмыковъ по случаю; ну, и ваше дѣло справлю—будьте благонадежны.

И поѣхалъ Михайло Михайлычъ въ Калмыковъ и пріѣхалъ туда благополучно. Но дѣла казачьяго, какъ обѣщалъ, не справилъ—вотъ бѣда! Во всю дорогу онъ думалъ больше объ ожидавшемъ его пирѣ, чѣмъ о казачьемъ дѣлѣ; а пріѣхавъ въ Калмыковскую крѣпость, онъ прямо съ коня попалъ въ объятія свата и всей честной компаніи (сватъ жилъ на самомъ краю крѣпости, какъ въѣзжать въ нее изъ Красноярскаго форпоста). Тутъ пошли обниманья, да поздра

вленья, начались тары-бары, да растабары, то о томъ, то о другомъ, а потомъ, по обычаю предковъ, и чарочка загуляла. Такъ немудрено, что безпечный старикъ совсѣмъ забылъ о казачьемъ дѣлѣ. Вспомнилъ о немъ уже тогда, когда на ширъ пришелъ калмыковскій есаулъ, а есаулъ пришелъ въ компанію уже вечеромъ, когда зажгли огни. Слѣдовательно и калмыковской командѣ поздно было скакать за Уралъ. Притомъ еще Михайло Михайлычъ, сообщая эту новость калмыковскому есаулу, прехладнокровно прибавилъ:

— Пустяшное дѣло, есаулъ! наши только сгоряча погнали, на вѣй вѣтеръ, что называется, и теперича, чай, ужъ дома.

— Ну, коли пустяшное дѣло, такъ нечего и толковать,— сказалъ есаулъ.—Значитъ, можно погулять?

— Можно!..—сказалъ Михайло Михайлычъ и со всей беззаботностью махнулъ рукой.

Красноярцы возвратились на Уралъ, но долго, долго помнили этотъ славный и несчастный день.

Славенъ этотъ день для казаковъ былъ тѣмъ, что горсть казаковъ, меньше чѣмъ 30 человѣкъ, вѣдержала нападеніе огромнаго скопища ордынцевъ и съ честью возвратились на Уралъ. Несчастенъ этотъ день былъ тѣмъ, что два казака погибли: Семенъ Азовсковъ *), раненый киргизскимъ наѣздникомъ пикой въ лобъ, на третій день умеръ, а бѣдняжка Нефедъ Ж... остался въ рукахъ киргизовъ, и погибъ.

Спустя два мѣсяца, въ самую сѣнокосную пору, пришелъ въ домъ Нефеда киргизъ изъ числа мирныхъ и съ подобающею таинственностью, свойственною ордынцамъ, объявилъ плачущей нефедовой женѣ, что мужъ ея лежитъ въ степи тамъ-то. Тотчасъ послали туда команду и привезли на форпостъ полуистлѣвшій трупъ несчастнаго Нефеда.

Плѣнивъ Нефеда, киргизы отдали его въ полное распо-

---

*) Житель Калмыковской крѣпости. Въ тотъ годъ онъ былъ въ стойкѣ въ Красноярскомъ форпостѣ, т. е. состоялъ въ линейной красноярской командѣ.

ряженіе брату того самого киргиза, котораго Нефедъ, при столкновеніи, ранилъ изъ ружья. Пока раненый киргизъ былъ живъ—живъ былъ и Нефедъ но когда киргизъ умеръ, тогда братъ умершаго зарѣзалъ Нефеда и тѣло его бросилъ въ степи на съѣденье волкамъ. Но Бочка—имя киргиза, который указалъ, гдѣ лежалъ трупъ бѣднаго казака—наблюдалъ за этимъ трупомъ и берегъ его по возможности отъ совершеннаго истребленія. Не думайте, однакожъ, не воображайте, что Бочка дѣлалъ это изъ какихъ-либо человѣколюбивыхъ побужденій. Совсѣмъ нѣтъ. Побужденіе въ этомъ дѣлѣ у киргиза было одно—корысть. Онъ зналъ, что за указаніе, гдѣ лежало тѣло казака, онъ получитъ—и получилъ, разумѣется,—с ю ю н ч и, т. е. вознагражденіе.

Москва 1859 г

II.

САЙГАЧНИКИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сайгачникъ на языкѣ уральцевъ значитъ охотникъ за сайгаками *). На Уралѣ только недавно стали называть охотника за какою-либо дичью „охотникомъ"; въ старину же охотникъ назывался гулебщикомъ, конечно, отъ слова—гульба. Нынче слово „гулебщикъ" употребляется между казаками весьма рѣдко, и то большею частью въ видѣ иронiи, остроты, насмѣшки или надъ охотникомъ, которому, „не задалась" охота, или надъ охотникомъ завсегда плохимъ. Но въ этомъ случаѣ, то есть, когда казакъ вздумаетъ „подтрунить", „посквалыжничать" надъ охотникомъ,—къ слову „гулебщикъ" онъ непремѣнно прибавитъ слово или имя Исай; безъ этого и острота будетъ не въ остроту.

— Ну, что, „Исай-гулебщикъ", много ли набилъ? (подразумѣвается дичи). Чай, вся умирать разлетѣлась, да разбѣжалась.

Вотъ замѣчаніе остряка или образчикъ казачьей остроты. Отвѣтъ бываетъ всякій, смотря по тому, кто надъ кѣмъ съострить. Иной разъ, какъ случается вездѣ и во всемъ, „гулебщикъ", не имѣвшій удачи на охотѣ, находитъ ее въ спорѣ, и если не наповалъ, то, по крайней мѣрѣ, до полу-

*) Родъ дикихъ козъ, водящихся въ киргизской степи и около Урала. О нихъ я разскажу подробнѣе ниже, въ своемъ мѣстѣ.

смерти забиваетъ остротами своего противника и торжествуетъ, а острякъ остается съ носомъ.

Съ чего взялась поговорка или, правильнѣе, насмѣшка: „Исай-гулебщикъ“—неизвѣстно. Я разспрашивалъ многихъ стариковъ-казаковъ объ этомъ, но и старики ничего положительнаго не сказывали; говорили и такъ, и сякъ, а большею частью отзывались однимъ: „и мы съ молоду поговорку эту слыхали только отъ стариковъ, а причинъ не вѣдаемъ“. Во всякомъ случаѣ полагать надо, что какой-нибудь старинный „гулебщикъ“, по имени Исай, не слишкомъ-то ловко отличился на охотѣ. Есть пословица: „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову“. Могло статься, пословица эта какимъ нибудь образомъ сбылась въ старину надъ бѣднымъ Исаемъ-гулебщикомъ. Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ меня одинъ анекдотъ—истинный ли, вымышленный ли, Богъ-вѣсть,—но только довольно не плохой, приправленный солью и направленный противъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія и жалости мужей, которыми „командуютъ“ жены, или которыхъ, по выраженію казаковъ, жены водятъ за-носъ, какъ киргизы водятъ верблюжатъ за „бурундукъ“ *). Вотъ этотъ анекдотъ.

Пожилому казаку, бывшему долгое время вдовцомъ и только-что женившемуся на молодой, но, къ несчастью, черезъ-чуръ капризной женщинѣ, довелось не малое время жить на „передовыхъ постахъ“, за рѣкой Ураломъ, недалеко отъ линіи. Новобрачный соскучился о молодой женѣ, а самому ѣздить въ домъ было нельзя. Вотъ онъ и сталъ звать ее къ себѣ на пикетъ, хоть на короткое время, раздѣлить съ нимъ грустное одиночество. Женѣ не хотѣлось исполнить желаніе стараго мужа, за котораго и замужъ-то она вышла собственно для того только, чтобы, какъ говорится, прикрыть голову волосникомъ (кокошникъ). Не хотѣлось, говорю, казачкѣ ѣхать къ мужу, а отказаться было неловко: и совѣст-

*) Поводъ, прикрѣпленный къ ноздревому хрящу верблюда.

но, и боязно. Совѣстно добрыхъ людей, потому что жены нѣкоторыхъ казаковъ, товарищей ея мужа, навѣщаютъ же своихъ мужей и живутъ съ ними на пикетахъ, какъ дома; слѣдовательно, за отказъ съ ея стороны ее осудили бы люди, а она не хотѣла, безъ особой крайности, подвергать себя людскому суду. Боязно... чего? ну, разумѣется, чего—нагайки. Вѣдь рано ли, поздно ли, муженекъ пришомпилъ бы ей упрямство ея и исписалъ бы ей спину нагайкой, какъ „городецкій“ пряникъ. А подобной любезности со стороны мужа она не желала испытать на себѣ и боялась ея гораздо больше, чѣмъ суда людского. Дѣлать было нечего; оставалось женѣ выбирать изъ двухъ золъ одно, меньшее: или быть битой, или ѣхать къ старому мужу. Жена выбрала послѣднее. Съ грустью поѣхала молодая жена къ старому мужу, поѣхала разряженная и расфранченная въ пухъ и въ прахъ, просто—не подходи! Пріѣхала. Мужъ не помнитъ себя отъ радости, увиваясь вьюномъ вокругъ жены. Пожила молодая на пикетѣ день, пожила другой, и соскучилась. Стала молодая проситься домой, но мужъ не пускаетъ. Стала молодая капризничать: то хочется ей того, другого, пятаго-десятаго, то того, чего не только за Ураломъ, на пикетѣ, но и въ цѣлой области казачьей нельзя было сыскать ни за какія деньги. Мужъ кое-какъ извивается, изъ кожи лѣзетъ, въ питку тянется, всѣми силами старается угодить непаглядной своей женушкѣ: и торну, и ежевики для нея наберетъ, и рыбки живенькой наловитъ, и самъ похлебку сваритъ, и съ осетриной пельменей наготовитъ, и гусей, и уточекъ настрѣляетъ—ничто не помогаетъ: дуется жена на мужа, какъ мышь на крупу, да и на—поди!

Товарищи-казаки все это замѣчаютъ и подсмѣиваются, а мужъ, бѣдняжка, страдаетъ и терзается. Наконецъ, жена раскапризничалась не на шутку, наложила на себя такую блажь, отъ которой посторонніе „съ диву упали“. Она объявила мужу, что ей „мочи нѣтъ“, что у нея „головушка болитъ“, что „въ ушахъ стрѣляетъ“, что она „животикомъ разстроилась“, и что причиной всему этому (прошу по-

корпо, какія нѣжности!) проклятая ворона, которая часто каркаетъ около ихъ лачужки.

— Иванычъ, слышь ты, убей к а р г у *): терпѣть не могу!

Такъ безпрестанно твердила жена мужу и, наконецъ, надоѣла ему, какъ горькая рѣдька.

Какъ ни жаль было заряда, а мужъ долженъ былъ уважить капризъ жены, чтобы удержать ее при себѣ хоть одинъ лишній день. Вотъ онъ, въ какомъ-то азартѣ, схватилъ со стѣны ружье, выбѣжалъ на дворъ, увидѣлъ на плетнѣ ворону, приложился и—бацъ! Но нужно же было случиться тому, чему, кажись, не должно бы случиться. Иванычъ, говорятъ старики, мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, лежавшую подъ плетнемъ, на которомъ сидѣла ворона-разбойница.

Ужъ не Исаемъ ли звали этого угодливаго и несчастнаго Иваныча? Можетъ быть и такъ. Но далѣе.

Подъ словомъ гулебщикъ разумѣлся въ старину, какъ отчасти и нынче, охотникъ за дичью вообще. Но такъ-какъ видоизмѣненій охоты, по роду дичи, можетъ быть нѣсколько, то и старинный уральскій гулебщикъ имѣлъ нѣсколько частныхъ названій. Охотнику, занимавшемуся самой прибыльной или такъ называемой капитальной охотой, какъ-то: охотой за кабанами, волками, выдрами, лисицами и другими пушными звѣрями, принадлежало неотъемлемое и всѣми уважаемое имя г у л е б щ и к ъ.

Другіе же виды не такъ прибыльной охоты давали охотнику, между прочимъ, названія:

С а й г а ч н и к ъ—отъ охоты за сайгаками, какъ я уже сказалъ.

С т р ѣ л о к ъ—отъ ружейной охоты за гусями, утками и прочей птицей.

С о б а ч н и к ъ (самое плачевное и унизительное названіе)—отъ травли звѣрей собаками.

Послѣдній родъ охоты какъ въ старину не уважался, такъ и нынче не уважается простымъ классомъ казаковъ.

*) Мѣстное названіе вороны.

Этимъ родомъ охоты и въ старину занимался и нынѣче занимается, для удовольствія, въ часы досуговъ (и не въ часы досуговъ, если случится только хорошая пороша), большею частью одинъ чиновный классъ, то есть, храброе офицерство, отъ ранга хорунжаго до ранга полковничьяго, а пожалуй и дальше: дѣло не въ томъ, что генералъ не поѣдетъ на охоту, а въ томъ, что генераловъ-то у насъ и было, и есть мало.

Тотъ охотникъ, который выѣзжаетъ въ поле съ борзыми или, за неимѣніемъ ихъ, съ дворняшками, да шляется по рощамъ и кустарникамъ съ ружьемъ за зайцами, много теряетъ во мнѣніи простого и разсудительнаго казака, и отчасти справедливо.

Про охоту съ собаками старики говорятъ вотъ что:

„Бѣжитъ копѣйка, гонитъ сто рублей, а сидитъ или правитъ тысяча".

Эту поговорку казаки объясняютъ такъ:

Копѣйка, это—несчастный заяцъ, или, по мѣстному казачьему названію, тушканъ; сто рублей, это—лошадь подъ охотникомъ, а тысяча, это—голова самого охотника-собачника. Погнавшись за копѣечнымъ, дескать, тушканишкомъ, безразсудный охотникъ заморитъ и испортитъ сторублевую лошадь, а при случаѣ, скувырнувшись съ лошади, можетъ потерять и свою голову, которая, дескать, на худой конецъ, стоитъ тысячу рублей, а хорошая и удалая голова и того дороже.

Не принимая въ разсчетъ того, что охота съ борзыми за зайцами—пустая забава, трата времени, убытокъ, простые казаки не уважаютъ ее еще потому, что тутъ дѣйствуетъ и подвизается больше собака, чѣмъ самъ охотникъ. По понятіямъ казаковъ, только та охота считается достойной уваженія и почета, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ самъ охотникъ, гдѣ все зависитъ отъ его неутомимости и предусмотрительности, отъ его искусства и ловкости, отъ его смышлености и изобрѣтательности. Это же самое можно сказать и насчетъ рыболовства. Напримѣръ, поставить капканъ на осторожнаго волка или на хитрую лисицу по черно-

стопу (то есть, когда нѣтъ снѣга), поставить такимъ образомъ, чтобы звѣрь не подозрѣвалъ капкана, или, напримѣръ, поймать рыбу такимъ орудіемъ, которое дотолѣ никому не было извѣстно—дѣло весьма трудное и мудреное, для большинства охотниковъ и рыболововъ почти что недоступное; но ловкій и искусный охотникъ, или опытный и смышленый рыболовъ, сумѣетъ это сдѣлать, и такъ сумѣетъ, что плохому и неопытному охотнику и рыболову или вообще человѣку, непосвященному во всѣ тайны охоты и рыболовства, покажется невѣроятнымъ, а простаку даже сверхъестественнымъ. Нынче, конечно, народъ, по выраженію казаковъ, сталъ хитрый, хитрѣе, говорятъ, самого „англичанина“; нынче, слѣдовательно, искусству охотника или рыболова не станутъ дивиться, какъ чуду какому, а развѣ только позавидуютъ, да похвалятъ такого молодца, или „ловчагу“. Но въ старину не то было. Тогда умнаго и смѣтливаго человѣка, гулебщика или рыболова—все равно, тотчасъ производили въ колдуны. Не угодно ли, благосклонные читатели, выслушать въ этомъ родѣ два анекдота, не вымышленные, а истинные, случившіеся съ людьми, которыхъ я очень хорошо зналъ и знаю.

II.

ДВА АНЕКДОТА.

Однажды, лѣтней порой, тому уже будетъ около сорока лѣтъ, ѣздили гурьевцы (казаки, жители Гурьева-городка) большой ватагой въ бударкахъ за чилимомъ *). Переѣзжая изъ ерика въ ерикъ, изъ ильменя въ ильмень, они до-

*) Водяное растеніе съ плодомъ въ родѣ угловатаго, покрытаго колючими шипами орѣха. Ядро чилима довольно вкусно и пріятно; высушенное—оно вкуснѣе даже ядра обыкновеннаго лѣсного орѣха. Чилимъ росъ и разстилается съ травой по дну озеръ и ильменей. Нынче въ окрестностяхъ Гурьева ни одной чилимники не встрѣтишь, потому что озера и ильмени, гдѣ чилимъ водился, всѣ повысохли.

стигли моря, и въ глубокихъ прибрежныхъ проранахъ замѣтили множество сомовъ. Сомъ, извѣстно, самая смѣлѣйшая и блудливѣйшая изъ рыбъ: сомъ всегда трется около лодокъ, плотовъ и тому подобнаго, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться отъ людей. Случалось не разъ, что онъ вырывалъ изъ рукъ женщинъ бѣлье, которое онѣ полоскали въ водѣ. Говорятъ даже, что онъ хваталъ и хватаетъ купающихся людей за ноги, и глоталъ маленькихъ дѣтей. За такія проказы люди прозвали его: сомъ-блудникъ.

Вода въ проранахъ, гдѣ плыли казаки и гдѣ разгуливались сомы, отъ долгаго затишья отстоялась и сдѣлалась свѣтлой и прозрачной до такой степени, что сомовъ въ ней хорошо и ясно было видно. Гурьевцы, имѣя при себѣ въ бударкахъ, между разною-разностью, багры, вздумали, отъ нечего дѣлать, побагрить блудниковъ и, въ свою очередь, полакомиться на счетъ ихъ щербой (ухой) и пирогами. Опуская съ величайшею осторожностью и тишиною въ воду багоръ, казакъ старался подвести его снизу подъ сома и забагрить блудника. Но подобныя штуки удавались немногимъ: сомъ въ прозрачной водѣ такъ же ясно видѣлъ багоръ, какъ казакъ видѣлъ сома, и уклонялся.

Въ числѣ гурьевцевъ былъ старый казакъ, Ѳедоръ Андреичъ Поповъ, человѣкъ умный и изобрѣтательный. Жилъ онъ противъ другихъ гурьевцевъ весьма богато; въ сомахъ, а тѣмъ болѣе въ чилимѣ, онъ нисколько не нуждался, и ѣздилъ тогда съ сосѣдями собственно для того, чтобы доставить сыну своему, двѣнадцатилѣтнему мальчику, большую практику, безъ которой, конечно, нельзя быть хорошимъ ни рыболовомъ, ни охотникомъ. Ѳедоръ Андреичъ правилъ бударкой, а сынъ сидѣлъ въ веслахъ. Ѳедору Андреичу наскучило по-пустякамъ возиться съ сомами: Бросивъ багоръ, онъ оставилъ это занятіе и вздумалъ съ „устатку“ поѣсть. Для этого досталъ изъ мѣшка кокурку *), переломилъ ее на

*) Небольшой бѣлый хлѣбъ, испеченный на скоромномъ или постномъ маслѣ. Кокурка любимое и почти всегдашнее яство уральскаго казака.

двѣ части, одинъ кусокъ оставилъ у себя, а другой кинулъ сыну, сидѣвшему на носу бударки. Мальчикъ не поймалъ брошеннаго ему куска, и кусокъ, упавъ въ воду, пошелъ ко дну. Отъ неловкости мальчикъ сконфузился и ждалъ хорошей потаціи отъ отца, который терпѣть не могъ неловкости и никогда не пропускалъ подобнаго случая безъ того, чтобы хорошенько не поучить уму-разуму возлюбленнаго сынка своего. Но, къ немалому удивленію сына, отецъ ни слова не сказалъ ему, а пристально и молча смотрѣлъ въ воду, гдѣ потонулъ кусокъ кокурки. Чрезъ нѣсколько секундъ, старикъ бросилъ въ воду и свой кусокъ и вслѣдъ затѣмъ самодовольно улыбнулся. Опъ видѣлъ въ водѣ, какъ сомъ быстро бросился сначала на одинъ, а потомъ на другой кусокъ кокурки и сглотнулъ ихъ.

„А!—произнесъ Ѳедоръ Андреичъ голосомъ человѣка, случайно открывшаго величайшую изъ тайнъ:—вотъ она въ чемъ, штука-то! Да ты, вижу, лакомка, пострѣлъ, любишь сдобное и скоромное. Постой же, когда такъ, я попотчую, если не тебя, такъ другого—все равно, попотчую свѣженькой кокурочкой, да ужь не простой, а съ пришравой, это лучше будетъ“.

Потомъ, обратясь къ сыну, старикъ спросилъ:

— Платоша! есть ли съ нами самоловки?

Сынъ, порывшись подъ ногами на днѣ бударки, досталъ и показалъ отцу связку бечевокъ съ крючьями *).

— Хорошо, хорошо, сыпочекъ!—сказалъ отецъ, взявшись за кормовое весло:—брось пока это, а возьмись за весла да греби.

Съ этимъ словомъ Поповъ поплылъ впередъ, удалился отъ своихъ товарищей и вскорѣ скрылся въ другомъ прорапѣ. Гурьевцы не обратили никакого вниманія на удалив-

---

замѣняющее у него, во время путешествій, обыкновенный хлѣбъ. Грѣшные люди—казаки любятъ лакомиться.

*) Эти-то крючья, о которыхъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже, называются и удочками, и самоловной снастью, и просто самоловками.

пагося и скрывшагося отъ нихъ сосѣда и продолжали плыть потихоньку вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ Ѳедоръ Андреичъ, скрывшись отъ товарищей, остановился, распуталъ пукъ бечевокъ, выбралъ одинъ, поострѣе другихъ, самоловикъ, отрѣзалъ ломоть кокурки, нацѣпилъ его на самоловикъ и опустилъ самоловикъ во воду. Не прошло и минуты, какъ огромной величины сомъ схватилъ крюкъ, прикрытый ломтемъ кокурки, и сомъ повисъ на крюкѣ. Ѳедоръ Андреичъ подтащилъ сома къ борту, „оглушилъ“ или, какъ еще говорятъ казаки, „учекушилъ“ его и положилъ въ бударку. Послѣ того Ѳедоръ Андреичъ снова опустилъ въ воду крюкъ, разумѣется, съ новымъ кускомъ кокурки, и вскорѣ другой сомъ очутился въ бударкѣ.

Тѣмъ временемъ стали подплывать къ Попову товарищи. Желая подшутить надъ ними, Ѳедоръ Андреичъ, при приближеніи ихъ спряталъ веревку съ самоловикомъ, взялся за обыкновенный багоръ и сталъ водить имъ въ водѣ, показывая видъ, что сомовъ поймалъ онъ не другимъ чѣмъ, а этимъ багромъ. Гурьевцы, увидѣвъ у Попова въ бударкѣ сомовъ, слегка позавидовали его удачѣ и стали около него багрить въ той надеждѣ, что Поповъ открылъ я т о в ъ (то есть, большое сборище сомовъ); но сомы ни имъ, ни самому Попову на обыкновенные багры не поддавались.

Прошло сколько-то времени, и случай этотъ немного позабылся. Ѳедоръ Андреичъ снова удалился отъ товарищей и безъ свидѣтелей успѣлъ опять самоловикомъ съ кокуркой изловить нѣсколькихъ сомовъ. Въ другой разъ гурьевцы настигли его и не безъ удивленія замѣтили, что число сомовъ въ его бударкѣ удвоилось. Это повторялось нѣсколько разъ, и всякій разъ, нагоняя Попова, который не переставалъ маневрировать отъ товарищей, и видя, что число сомовъ въ его бударкѣ прибавлялось, гурьевцы удивлялись все больше и больше; наконецъ удивленіе ихъ, достигнувъ огромныхъ размѣровъ, вдругъ разрѣшилось д о г а д л и в о с т ь ю (надо понимать наоборотъ, и выйдетъ б е з т о л к о в о с т ь ю) одного

старика, который первый подалъ голосъ, что Ѳедоръ Поповъ—колдунъ.

— Какъ же онъ не ворожецъ-то?—сказалъ д о г а д л и в ы й старикъ, по имени Николай, или, какъ звали его гурьевцы—Микулушка, а по прозванью Хохлачевъ,—какъ же онъ не ворожецъ, Ѳедоръ-то Поповъ?—говорилъ Хохлачевъ:—посмотрите-ка, при насъ-то онъ ни одного сома не поймалъ, а безъ насъ-то за глазьями, чертову гибель таскалъ. Чаво еще надо? Знамо, черти ему на багоръ сажаютъ.

Такъ и было рѣшено: ворожецъ, да ворожецъ Ѳедоръ Поповъ. А Ѳедоръ Поповъ ни душой, ни тѣломъ не былъ причастенъ такому грѣху; одна причина: онъ былъ много толковѣе и умнѣе другихъ.

Другое обстоятельство, гораздо серьезнѣе этого, еще больше усилило въ суевѣрныхъ казакахъ подозрѣніе къ своему сотоварищу, мнимому колдуну.

Въ старину уральцы рыбачили въ Каспійскомъ морѣ, между прочимъ, удочками или крючьями, или такъ-называемой самоловною снастью, о которой упомянуто выше. Нынче эта снасть, какъ самая гибельная и опустошительная для рыбы, запрещена. Но не въ томъ дѣло. Рыбачили, говорю, уральцы (преимущественно гурьевцы) удочками. Снасть эту казаки, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ астраханцевъ. По ихъ же примѣру, они насаживали на удочку небольшую, по возможности живую, рыбку, напр., леща, воблу, язя и тому подобное, и потомъ удочку эту, на тонкой бечевкѣ, опускали сквозь проруби въ воду почти вплоть до дна. Бѣлуга, самая жадная и прожорливая изъ рыбъ, сглатывала насаженную на крюкъ рыбку, и сама попадалась на крюкъ. Но уловъ рыбы не очень-то былъ обильный и прибыльный: бѣлуги этимъ способомъ ловилось все-таки мало. Только одинъ рыболовъ, извѣстный намъ Ѳедоръ Андрепчъ Поповъ, ловилъ рыбы много и богатѣлъ. Бывало, артель рыболововъ, человѣкъ изъ пяти или десяти, отправившись въ море на переборку, то есть, на пересматриваніе крючьевъ, воротится въ дома съ рыбой или, ужъ, много, съ двумя на человѣка.

Между тѣмъ, Ѳедоръ Андреичъ, одинъ, съ маловѣтнимъ сыномъ, какъ ни поѣдетъ въ море, такъ, на удивленіе людямъ, везетъ два-три воза рыбы.

— Что за оказія такая? — говорили съ удивленіемъ гурьевцы.—Рази у насъ не такія же снасти, какія у Ѳедора Попова? А онъ всѣхъ насъ облавливаетъ.

— Что за оказія!—замѣчали иные:—знамо какая тутъ оказія: Ѳедоръ ловитъ не спроста -Ѳедоръ колдунъ, Ѳедоръ ворожецъ! ему шишиги (черти) сажаютъ на удочку бѣлугъ.

Для того, чтобы прослыть нехорошимъ человѣкомъ, достаточно одного, кѣмъ-либо на вѣтеръ брошеннаго слова. Такъ случилось и съ Ѳедоромъ Андреичемъ: ни съ того, ни сего произвели его сосѣди въ колдуны,—да и на-поди.

Между тѣмъ, мнимый колдунъ ѣзжалъ въ Саратовъ и Астрахань, встрѣчался и бесѣдовалъ со многими опытными людьми и рыболовами; изъ разговоровъ съ ними и изъ собственныхъ наблюденій дошелъ онъ до открытія, что крючья безъ „наживы“, то есть, безъ насаживанія на нихъ мелкой рыбы, гораздо „уловистѣе“, чѣмъ съ „наживой“. Причина тутъ вотъ какая: крючья съ „наживой“ опускались, какъ уже сказано, почти до самого морского дна, и, отягченные, словно грузиломъ, насаженной на нихъ рыбой, висѣли почти неподвижно; между тѣмъ, голые крючья, съ заостренными, какъ игла, концами, или „жалами“, опускались въ толщу воды и даже меньше. Отъ малѣйшаго колебанія воды (а вода въ морѣ безпрестанно движется) крючья колеблются и двигаются изъ стороны въ сторону или, по выраженію рыболововъ, „играютъ“ въ водѣ. Чтобы попасться на крюкъ съ „наживой“, бѣлугѣ непремѣнно нужно сглотнуть его; иначе онъ нисколько не опасенъ; напротивъ, крюкъ безъ „наживы“ защищаетъ и губитъ бѣлугу и другую крупную рыбу при одномъ прикосновеніи и прикосновеніи къ нему. Предпочитая м е р т в о й рыбкѣ, насаженной на крючья,—если бы даже рыбку посадили на крюкъ и живую, то она черезъ нѣкоторое, хотя и непродолжительное время должна все-таки „заснуть“, умереть—предпочитая м е р т в о й рыбкѣ ж и в у ю рыбку, кото-

рая собирается около крючьевъ на свѣтъ, проходящій въ воду сквозь проруби, гдѣ разставлены крючья, бѣлуга гоняется за послѣдней, то есть за живой рыбкой, и, гоняясь за ней, насѣкается на острые крючья. Довольно и одному крючку вцѣпиться въ тешку или въ другое какое мѣсто бѣлуги, чтобы она сдѣлалась добычей рыболова. Если при этомъ бѣлуга вздумаетъ забѣситься, то въ нее влѣпится тутъ же еще нѣсколько другихъ крючьевъ, которые опускаются въ воду подъ ледъ рядами, довольно часто, на аршинъ крюкъ отъ крюка, и тогда бѣлугѣ нѣтъ спасенія.

Вотъ такимъ-то образомъ, Ѳедоръ Андреичъ втихомолку, не открывая никому изъ казаковъ секрета (онъ былъ сердитъ на казаковъ за то, что они прозвали его колдуномъ за ловлю сомовъ), ловилъ рыбу и ловилъ, какъ сказано, больше всѣхъ. Для вида онъ возилъ съ собой въ море и длинные крючья, и мелкую рыбу, или „наживу“, или, какъ еще называютъ, „животку“; но въ дѣло употреблялъ новаго, улучшеннаго вида крючья.

Не зная секрета, которымъ пользовался Поповъ, суевѣрные сосѣди прозвали его колдуномъ. „Колдунъ, да колдунъ Ѳедоръ Поповъ“, твердили гурьевцы; а мнимый колдунъ покачивалъ головой, да улыбался, да иногда поговаривалъ: „прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что говорятъ“, да тѣмъ временемъ ловилъ рыбу и богатѣлъ.

Продолжалось это нѣсколько зимъ съ-ряду. Наконецъ, однажды, въ сумерки, толпа гурьевцевъ возвращалась съ неудачнаго рыболовства въ домы и нечаянно наѣхали на становище Ѳедора Попова. Гурьевцы были, что называется, навеселѣ; а предметомъ ихъ разговора во всю дорогу былъ Ѳедоръ Андреичъ и его мнимое колдовство; слѣдовательно, настроеніе духа у казаковъ было не въ пользу Попова. Можно ли пропустить удобный случай и не посмѣяться надъ колдуномъ? Узнавъ по копару (шатру) станъ Попова, казаки остановились.

— Давайте, братцы, „переберемъ“ (то есть, пересмотримъ) съ молитвой его снасти, перерѣжемъ ихъ, да поспу-

скаемъ съ нихъ рыбу: авось чертп-то не станутъ больше служить ему,—сказалъ одинъ изъ казаковъ, болѣе другихъ завидовавшій успѣху Ѳедора Попова.

— Что же? давайте!—отозвались прочіе.

Сказано—сдѣлано. Но пересматривая снасти Попова, гурьевцы удивлялись, увидѣвъ, что онѣ сдѣланы и разставлены совсѣмъ другимъ манеромъ, нежели какъ у нихъ. Тутъ только казаки догадались, что Ѳедоръ Андрѣичъ не ворожецъ, а такой же, какъ они, православный человѣкъ, но гораздо поумнѣе ихъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ рыболовы сдѣлались колдунами.

III.

ПОВѢРЬЯ И ПРЕДАНЬЯ.

Разсказавъ два случая о томъ, какъ и отчего гурьевцы сочли сосѣда своего, Ѳедора Попова, за колдуна, я вовсе не думалъ выставить ихъ людьми черезъ-чуръ безтолковыми и тѣмъ меньше на что-либо дѣльное неспособными; напротивъ, долженъ сказать, что всѣ вообще казаки—люди смѣтливые и смышленые это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но новизна предмета и, главное, суевѣріе или, правильнѣе, вѣра въ колдовство и во все сверхъестественное озадачили и сбили съ толку гурьевцевъ, которымъ удача Попова съ перваго раза показалась явленіемъ не простымъ, а чудеснымъ. Это было, въ отношеніи къ уральцамъ, слишкомъ давно, было тогда, когда на Уралѣ господствовалъ туманъ старины, когда вполнѣ вѣрили въ заговоры, да въ наговоры, да во всякія такія дьявольскія штуки и выходки; слѣдовательно, ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что и неглупые отъ природы, но мало или вовсе неразвитые люди платили, говоря слогомъ высокимъ, дань своему вѣку. Кажется, никто не можетъ усомниться, что и теперь отыщется не только на Уралѣ, но вездѣ и всюду, гдѣ живутъ и благодействуютъ православные и не-

православные, много изъ простого класса людей, въ своемъ родѣ умныхъ и дѣльныхъ, но еще вѣрующихъ въ колдовство.

Я зналъ въ Гурьевѣ-городкѣ казака, семидесятилѣтняго старика, Степана Гладова, не такъ давно умершаго. Гладовъ былъ умный старикъ и вовсе не суевѣрный, какъ другіе, но въ извѣстныхъ случаяхъ поддавался суевѣрію. Объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь, для послѣдовательности, укажу на тѣ пункты повѣрій, которыхъ Гладовъ былъ чуждъ.

Напримѣръ, онъ никогда не лѣчился отъ лихорадки заговорами и нашептываньями, какъ лѣчатся многіе суевѣрные простолюдины (чуть ли, нѣтъ такого грѣшка и за нашими непростолюдинами), считающіе лихорадку не за натуральную болѣзнь, а за мученіе, причиняемое человѣку проклятыми дочерьми царя Ирода. Напротивъ, у Гладова (въ фантастическихъ дочерей Ирода, нечего и говорить, онъ не вѣрилъ) было свое лѣкарство, самимъ имъ случайно открытое, лѣкарство простое и дѣйствительное, дѣйствительнѣе, пожалуй, многихъ аптечныхъ порошковъ и капель, по крайней мѣрѣ, для натуръ крѣпкихъ отъ природы и неиспорченныхъ частымъ употребленіемъ лѣкарствъ.

Однажды на охотѣ приняла Гладова трепать лихорадка. Нарокизмъ до такой степени былъ силенъ, что Гладовъ, какъ ни крѣпился, вынужденъ былъ лечь на землю и переждать, пока кончится припадокъ. Извѣстно, что въ лихорадкѣ томитъ жажда. Такъ было и съ Гладовымъ: его томила жажда, но утолить ее было нечѣмъ: подъ нимъ и вокругъ него разстилалась одна только горькая полынь и нигдѣ ни капли прѣсной воды. Во рту у Гладова сдѣлалась страшная горечь. Гладовъ тосковалъ и сердился. Наконецъ, въ досадѣ на лихорадку и на полынь, которая даромъ занимаетъ на землѣ мѣсто, Гладовъ принялся рвать зубами и жевать полынь. Черезъ нѣкоторое время онъ почувствовалъ какъ будто облегченіе. Тутъ онъ, вспомнивъ поговорку или манеру русскаго человѣка: „клинъ клиномъ выбивать“, принялся еще усерднѣе жевать полынь и всасывать въ себя горькій ея сокъ; лихорадка совсѣмъ прошла. Съ тѣхъ поръ Гладовъ до самой

смерти ничѣмъ другимъ, кромѣ настоя полыни въ водѣ или въ водкѣ, не лѣчился, училъ и другихъ этимъ лѣчиться.

Когда же кто-нибудь замѣчалъ ему, что отъ лихорадки скорѣе можно избавиться „отпиской“ какого-нибудь знахаря или знахарки, Гладовъ качалъ головой и сквозь зубы съ улыбкой говорилъ: „эку чертовщину выдумали!“

Выходя или выѣзжая изъ дома на охоту или на другой какой промыселъ, Гладовъ не боялся встрѣчи съ такими людьми или животными, встрѣча съ которыми считается многими неблагопріятной. Кто бы ни переходилъ или ни перебѣгалъ ему дорогу, онъ не обращалъ никакого вниманія. Противъ подобныхъ встрѣчъ онъ даже не прибѣгалъ ни къ какимъ, кое-кому извѣстнымъ и кое-кѣмъ употребляемымъ, предосторожностямъ; все это Гладовъ считалъ пустымъ, бабьимъ повѣрьемъ.

У казаковъ (можетъ быть, и у другихъ русскихъ—я этого не знаю) есть повѣрье, что простолюдинамъ грѣшно употреблять въ пищу лебяжье мясо; что право ѣсть лебедей предоставлено одними только дворянамъ или, по выраженію казаковъ, „боярамъ“; что объ этомъ сказано въ „писаньѣ“, а гдѣ въ какомъ—объ этомъ исторія молчитъ; во всякомъ случаѣ, полагать надо, въ тѣхъ рукописныхъ тетрадяхъ, которыя ходятъ по рукамъ нѣкоторыхъ простолюдиновъ, и въ которыхъ, между прочимъ, говорится и о „проклятой травѣ табакѣ“, и о томъ, что „злѣе льва аспидъ, злѣе аспида дьяволъ, злѣе дьявола жена, а злѣе жены—ничто“, и проч., и проч. Но Степанъ Гладовъ въ грошъ не ставилъ это повѣрье. Въ спорахъ съ казаками по этому поводу онъ много не толковалъ, а говорилъ всегда коротко и ясно: „пустяки, пустяки, атаманы-молодцы! казаку лебедя ѣсть можно“.

Въ окрестностяхъ Гурьева-городка, по морскому прибрежью, около ильменей, рѣчекъ, прорановъ—словомъ, вездѣ, гдѣ только есть вода и камышъ, водится множество ужей и змѣй, такъ называемыхъ водяныхъ. Нынче отъ упадка водъ окрестности Гурьева, да и все морское прибрежье во сто кратъ противъ прежняго высохли и превратились почти въ

голыя степи, слѣдовательно, и количество змѣй гораздо противъ прежняго поуменьшилось; но за всѣмъ тѣмъ, ихъ такъ еще много, что человѣкъ, которому въ первый разъ довелось бы побывать въ гурьевскихъ камышахъ, у береговъ неизсякшихъ еще ильменей и ериковъ, не можетъ не содрогнуться при видѣ ужей и змѣй, или вьющихся клубами, или снующихъ взадъ и впередъ подъ ногами. Это и нынче можно видѣть, но въ старое время не то можно было увидѣть: въ старину, говорятъ казаки, на каждую тростинку, на каждую былинку приходилось и по ужу, и по змѣѣ. Змѣи нѣсколькихъ видовъ: есть какъ смоль черныя, есть бурыя и сѣрыя, есть большія и маленькія, длинныя и коротенькія, толстыя и тоненькія; есть съ хвостами длинными, какъ будто нарочно заостренными, есть и съ хвостами короткими, какъ будто обрубленными, словомъ—всякія есть змѣи.

Не говоря объ ужахъ, которые вездѣ, сколько я знаю, пользуются извѣстностью по своей незлобивости и безвредности, за что, по понятіямъ казаковъ, и украсилъ ихъ Господь Богъ вѣнчикомъ, то есть оранжевой полоской на затылкѣ,—не говоря о безвредности ужей, слѣдуетъ сказать, что и всѣ змѣи, которыя водятся въ окрестностяхъ Гурьева, совершенно безвредны. Сотни лѣтъ существуетъ Гурьевъ, но не было ни одного примѣра (по крайней мѣрѣ, преданіе объ этомъ не говоритъ), чтобы когда-нибудь умеръ человѣкъ отъ ужаленья водяной змѣи. А сколько такихъ случаевъ, когда змѣи могли бы вредить людямъ, но не вредятъ! Напримѣръ, казаки поѣдутъ на сѣнокосъ, гдѣ-нибудь расположатся въ камышахъ, постелятъ кошму (войлокъ), разставятъ отъ комаровъ и мошекъ пологъ, и лягутъ спать. Вставъ поутру, казаки собираютъ постель и—что жъ? и въ пологу, и около полога, и подъ кошмой, и на кошмѣ, и подъ подушками и на подушкахъ, и подъ одѣяломъ, и на одѣялѣ, словомъ—во всякой одежонкѣ казачьей „бездна“ змѣй, преспокойно проводившихъ ночь около казаковъ. Казаки до такой степени привыкли къ сосѣдству змѣй, что рѣшительно не боятся ихъ. Большая часть казаковъ вѣритъ, что змѣи заговорены

извѣстнымъ разбойникомъ Разинымъ, который, во время оно, скитался около тѣхъ мѣстъ.

Разумѣется, повѣрье это—чистый вздоръ, химера, плодъ суевѣрія и праздной фантазіи. Натурально, змѣй никто не заговаривалъ и, конечно, не могъ заговорить, а змѣи тѣ, о которыхъ рѣчь идетъ, сами по себѣ, отъ природы, незлобны и лишены всякаго яда. Но казаки, хоть не всѣ уральскіе, положимъ, а одни гурьевцы—потому что есть такіе казаки, которые не только змѣй, водящихся при морѣ, но и самого моря не видятъ,—но казаки-гурьевцы, какъ я сказалъ, вѣрятъ этому мнимому чуду, какъ вѣритъ почти весь простой русскій народъ тому, что сороки не могутъ водиться и жить, подобно воронамъ и другой птицѣ, въ Москвѣ, потому, дескать, что какой-то святой человѣкъ проклялъ ихъ.

Да, вѣрятъ гурьевцы, что Разинъ заговорилъ, заклялъ змѣй. Но Степанъ Гладовъ, о которомъ я завелъ рѣчь, не вѣрилъ этому преданію, и не потому не вѣрилъ, чтобы считалъ дѣло это совершенно невозможнымъ; напротивъ, онъ все-таки вѣрилъ въ возможность заговоровъ, но только не въ отношеніи къ гурьевскимъ и ко всѣмъ вообще водянымъ змѣямъ, а къ кой-чему другому, о чемъ будетъ сказано ниже. Не вѣрилъ Гладовъ этому преданію по здравому разсудку и по разсчету своего практическаго ума.

„Когда я былъ молодъ, когда я дальше гурьевскихъ камышей нигдѣ не бывалъ, то вѣрилъ эвтой сказкѣ",—говорилъ Гладовъ казакамъ, если рѣчь заходила о змѣяхъ.—„А какъ пожилъ подольше, да помыкался по бѣлу-свѣту, такъ и узналъ, своими глазами увѣрился, что все это—пустяки. Есть когда взаправду Разинъ заговорилъ въ нашихъ мѣстахъ змѣй, то зачѣмъ онъ заговорилъ однѣхъ только водяныхъ, а не заговорилъ, вѣдь, степныхъ, да горныхъ, которыя живутъ въ порахъ, около, примѣромъ сказать, Горской крѣпости, да въ Нидерскихъ горахъ—а? Что вы на эвто скажете? Вѣдь, что ни толкуй, степныя-то змѣи, даромъ что онѣ маленькія, въ поль-аршина длины, или эвтого меньше, а не даютъ спуску ни человѣку, ни скотинѣ; вѣдь степныя-то змѣи, какъ

хотите, братцы мои, не заговорены. На водяную-то змѣю хошь ногой наступи, она только станетъ вертѣться, да извиваться, какъ бы только ужалить, живой вырваться. А со степной змѣей не шути, не тронь ее, дальше отъ нея ходи, не точію наступить на нее, но сохрани Господь Богъ и близко мимо нея пройти: какъ разъ, шельма—ей и имя-то ехидна—какъ разъ, говорю, шельма, ужалитъ".

Дѣйствительно, въ противоположность безвреднымъ водянымъ змѣямъ въ земляхъ уральскихъ казаковъ, въ степяхъ, особенно въ возвышенностяхъ, окружающихъ знаменитое соляное Индерское озеро (это уже за Ураломъ), водятся змѣи вредныя, ядовитыя. Эти змѣи цвѣтомъ сѣрыя или сѣропестрыя, какъ будто нешисашныя, небольшія, величиной съ обыкновенное бабье веретено, даже на него похожія. По сходству съ веретеномъ, змѣю этой породы казаки называютъ в е р е т я н к о й. Змѣи эти, опытомъ дознано, злы и ядовиты. Къ счастью, ихъ не очень много. Вотъ про этихъ-то змѣй и говорилъ Гладовъ.

— Ась? Что вы, пустыя головы, на эвто скажете?— говорилъ обыкновенно Гладовъ землякамъ своимъ, когда у него заходилъ съ ними споръ по поводу преданья о мнимомъ заговорѣ змѣй.—То-то, братцы, не всякому слуху вѣрьте: не все то правда, что изстари идетъ, да разную дребедень за собой ведетъ. Ну, хорошо, будь по вашему, согласенъ: заговорилъ Разинъ водяныхъ нашихъ змѣй, а степныхъ-то, положимъ, позабылъ заговорить,—вѣдь могло и эвто статься; пускай будетъ такъ, перечить вамъ не стану. Но отвѣчайте-ка, атаманы-молодцы, вотъ на что: кто заговорилъ водяныхъ змѣй въ другихъ-то мѣстахъ—а? Вѣдь такой породы змѣи, что водятся у насъ въ Гурьевѣ, такой породы змѣи, слышите, нигдѣ не кусаются. Я бывалъ во многихъ мѣстахъ, былъ въ степяхъ Киргизскихъ (доходилъ, почесть, до Хивы), былъ на Сыръ-Дарьѣ, былъ около Аральскаго моря, былъ на Мангышлакѣ (на полуостровѣ Мангышлакѣ), былъ и въ Туманныхъ (мангышлакскихъ горахъ, въ тѣхъ горахъ, гдѣ, знаете, въ старое время, должно быть при царѣ Горохѣ, ка-

заки, спрѣчь старики наши, чекушками сахарныя головы сбивали (на счетъ этого обстоятельства Гладовъ, по обыкновенію, острилъ). Да гдѣ я не былъ? Сами знаете, что я во многихъ земляхъ былъ. Но тамъ я видалъ не меньше нашего змѣй, при водѣ—водяныхъ, въ степяхъ и въ горахъ—степныхъ, али веретяшокъ. Тамъ, кажись бы такъ, Разинъ не бывалъ, да и не по что было ему туда ѣздить, стало быть тамошнихъ змѣй Разинъ не заговаривалъ; а между тѣмъ водяныя-то змѣи и тамъ не кусаются, а степныя-то змѣи и тамъ спуску не даютъ. Вотъ и выходитъ, что нашихъ-то, спрѣчь, водяныхъ змѣй никто не заговаривалъ, а такъ Господь Богъ отнялъ у нихъ и злость, и ядъ, для пользы человѣкамъ. Мало ли какія есть на вольномъ свѣтѣ твари всякія: и вредныя, и полезныя. Стало быть, не слѣдъ привлетать Степьку къ такому дѣлу, къ которому онъ не былъ причастенъ. Еще вотъ что скажу я вамъ, храбра-братья,—говаривалъ Гладовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ завязывался жаркій и когда дѣло шло на сильныя доказательства.—Разинъ, толкуете вы, заговорилъ змѣй. Хорошо; быть по вашему. Значитъ, Разинъ былъ дока—не правда ли? ну да! Разинъ заговаривалъ змѣй, я думаю, для пользы, чтобъ змѣи не кусались—вѣдь такъ должно быть? ну да! Слушайте же теперича: когда Разинъ былъ дока и умѣлъ заговаривать змѣй, чтобъ онѣ не кусались, то разсудите, зачѣмъ онъ не заговорилъ тарантуловъ, чтобъ и они не кусались—а? Вѣдь тарантулы-то, сами знаете, и теперь спуску не даютъ, только сплошай, да подставь голую руку, али ногу. Вотъ оно и опять выходитъ, что Разинъ не заговаривалъ змѣй нашихъ, а такъ, змѣи наши отъ природы не кусачки и не ядучи (не ядовиты). Если Господь Богъ и сохраняетъ насъ отъ эвтого гада, спрѣчь отъ тарантула, то первымъ долгомъ слѣдуетъ благодарить Его, Царя небеснаго, а вторымъ долгомъ не надо забывать, что намъ много въ эвтомъ дѣлѣ помогаютъ кошмы (войлоки) и овчины (баранья шкуры).

Слова Гладова насчетъ кошмы и тарантуловъ понятны

только казакамъ, и то не всѣмъ, а для васъ, читатели не казаки, конечно, совсѣмъ темны. Съ вашего позволенія, я прерву ненадолго разсказъ, и разъясню это дѣло.

Тарантуловъ въ окрестностяхъ Гурьева-городка много, а въ степяхъ киргизскихъ еще больше. Судя по этому, можно думать, что жить и путешествовать по степямъ, гдѣ водятся тарантулы, весьма опасно. Совсѣмъ нѣтъ, опасности особенной не предстоитъ. Хотя тарантулъ и ядовитъ, хотя онъ, при удобномъ случаѣ, и не прочь укусить человѣка, но—въ томъ-то и сила—ему рѣшительно почти не представляется случаевъ кусать человѣка. Когда человѣкъ, одѣтый и обутый разумѣется, идетъ пѣшкомъ или ѣдетъ верхомъ на лошади, тогда, конечно, тарантулу нѣтъ возможности укусить путешественника: вѣдь тарантулъ не звѣрь какой лютый, не бросится же онъ на человѣка, когда человѣкъ его не трогаетъ! Тарантулъ кусается большею частью тогда, когда его самого тронутъ, а безъ того онъ прячется въ норы; слѣдовательно, съ этой стороны человѣкъ обезпеченъ. Можетъ тарантулъ укусить только спящаго, лежачаго и вообще безпечнаго человѣка, но никто, ни казакъ, ни киргизъ, не ляжетъ въ степи голымъ тѣломъ на голую землю, а ужъ непремѣнно постелетъ подъ себя или лоскутъ кошмы, или баранью овчину, или „джибагу“ *). Вотъ эти-то простыя, но всегда случающіяся въ степи подъ рукой вещи, и спасаютъ человѣка отъ тарантула. Почему? А вотъ почему: кошма, извѣстно, валяется изъ бараньей шерсти; „джибага“—та же баранья шерсть; объ овчинѣ и говорить нечего: извѣстно, что это за вещество; словомъ, всѣ поименованныя вещи—принадлежности или части барана. Бараны же, какъ говоритъ общій голосъ киргизовъ и казаковъ, самые злые враги и истребители тарантуловъ. Бараны не только не боятся тарантуловъ, но даже поѣдаютъ ихъ, лакомятся ими. Сколько разъ случа-

*) Нѣчто среднее между войлокомъ и бараньей овчиной. Это—сваляшаяся на баранѣ и потомъ снятая съ него ножницами шерсть. Изъ „джибаги“ киргизы и бѣдные казаки шьютъ шубы и отѣяла.

лось пастухамъ, киргизамъ и не-киргизамъ, видѣть, какъ бараны, на ихъ глазахъ, гонялись за тарантулами и поѣдали ихъ. Въ какой степени это справедливо -утверждать не могу, потому-что самъ этого не видѣлъ, а слышалъ отъ киргизовъ и русскихъ, людей опытныхъ и часто странствующихъ по степи. Но они, однакожъ, говорятъ, что только старые трехгодовалые бараны, такъ называемые „чалаусы", ѣдятъ тарантуловъ, но молодые барапы не ѣдятъ, а бьютъ ихъ копытомъ. Если правда, что баранъ ѣстъ тарантула, то нельзя же допустить, чтобъ тарантулъ нисколько не защищался; укъ, вѣроятно, онъ кусаетъ барана въ то время, какъ баранъ хватаетъ его; но баранъ остается цѣлъ и невредимъ; должно быть, ядъ тарантула нисколько не дѣйствуетъ на кровь барана. Напротивъ, киргизы отъ укушенія тарантула лѣчатся посредствомъ барана же. Ту часть тѣла, гдѣ укуситъ тарантулъ, они подставляютъ подъ морду барана, и баранъ, почуя, вѣроятно, запахъ знакомаго гада, тотчасъ начинаетъ лизать ранку и весь ядъ вылизываетъ, безъ малѣйшаго для себя вреда.

Страшась барановъ, тарантулы, натурально, должны бояться и запаха ихъ шерсти, по крайней мѣрѣ свѣжей, то есть, не такъ давно снятой съ барана; слѣдовательно, не успѣвшей еще утратить природнаго запаха. Поэтому туда, гдѣ только есть войлокъ, джибага, овчина, или какой бы то ни было клокъ бараньей шерсти, тарантулъ, говорятъ, не смѣетъ ногой ступить, а, напротивъ, бѣжитъ того мѣста дальше *).

Есть на Уралѣ, впрочемъ, не у казаковъ, а у киргизовъ, въ этомъ родѣ преданіе, которое кстати можно здѣсь привести и которое гласитъ вотъ что.

Когда-то, давно, два киргиза, косящшики (то есть кон-

*) По словамъ автора, въ одной ненапечатанной его рукописи, онъ ошибся въ объясненіи причины того обстоятельства, что тарантулы боятся войлока: мелкіе волосы просто колятъ нѣжную лапку насѣкомаго. Онъ боится и аркана изъ конскаго волоса.

ные пастухи), одинъ старикъ, другой молодой, ѣздили по степи и отыскивали пропавшихъ лошадей. Цѣлый день они проѣздили, пропавшихъ лошадей не нашли, а тѣхъ, на которыхъ ѣздили, заморили. Косяшники заночевали въ степи. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ они остановились, было множество тарантуловъ. Боясь ихъ, киргизы рѣшились всю ночь не спать, и долго ходили около лошадей, но усталость и сонъ взяли свое: киргизы заснули. Одинъ изъ нихъ, старикъ, легъ на землю, постлавъ подъ себя „потникъ“ *) и совѣтуя молодому товарищу сдѣлать то же; но тотъ не послушался,—онъ рѣшился заснуть, сидя на лошади. Замотавъ поводъ на луку сѣдла, чтобъ лошадь стояла смирно и не наклоняла морды къ землѣ, гдѣ, слѣдуетъ замѣтить, не было ни одной былинки, молодой косяшникъ сѣлъ на лошадь и, склонясь къ лукѣ, взялъ въ руки крюкъ, или „укрюкъ“ **), опершись имъ о землю, чтобъ соблюсти, по возможности, равновѣсіе и не упасть на землю, и задремалъ. Старикъ, спавшій на землѣ, на войлокѣ, остался цѣлъ и невредимъ, а съ молодымъ стряслась бѣда: тарантулъ по „укрюку“ доползъ до голыхъ рукъ киргиза и укусилъ его. Несчастный черезъ нѣсколько дней послѣ того умеръ.

Мнѣ самому случалось не разъ спать на войлокахъ, въ степи, гдѣ было много тарантуловъ, но, благодаря Бога, я не подвергался укушенію ихъ. Между тѣмъ, лѣтъ девять назадъ, именно въ 1847 году, одинъ, достойный всякаго уваженія генералъ, на походѣ отъ Орской крѣпости къ Аральскому морю, кажется, въ пескахъ „Кара-Кумъ“, былъ укушенъ тарантуломъ въ то время, когда спалъ на походной, чуть ли не на желѣзной кроватп, а рука его спустилась, во время сна, съ кроватп и касалась земли.

Вообще, на сколько правдиваго и на сколько сказочнаго

---

*) Подсѣдельный намётъ, небольшой кусокъ войлока.

**) Длинный и тонкій шестикъ, на концѣ котораго дѣлаютъ петлю изъ аркана или веревки, когда хотятъ поймать въ табунѣ лошадь.

въ извѣстіи о тарантулахъ—не могу сказать положительно. Это подлежитъ изученію и рѣшенію ученыхъ. Съ моей стороны, я считаю обязанностью передать, и передаю только то, что слыветъ между казаками и степнымъ народомъ повѣрьемъ.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Степана Гладова видно, что онъ не такой былъ суевѣръ, какъ другіе казаки. Гладовъ, мы слышали, соображалъ, разсуждалъ и говорилъ всегда дѣльно, можно сказать, логично, значитъ, онъ былъ гораздо умнѣе и толковѣе другихъ своихъ земляковъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ вѣрилъ въ существованіе кладовъ.

— Кладъ кладу розь,—говорилъ Гладовъ, когда я нарочно наводилъ разговоръ на этотъ предметъ, чтобъ услышать сужденіе и выпытать образъ мыслей Гладова.—Иной кладъ положенъ, примѣромъ сказать, въ землю спроста, такъ-себѣ, для сбереженья казны, а послѣ, какимъ ни-паесть случаемъ, его позабудутъ, такъ онъ тамъ, въ землѣ-то, спрѣчь, и останется. Пройдетъ сколько-нибудь лѣтъ, копается какой-нибудь человѣкъ въ землѣ, ради какой-нибудь нужды, да нечаянно и выкопаетъ эвтотъ кладъ—ну, его счастье, возьметъ денежки, да и заживетъ припѣваючи, бариномъ, спи рука, спи нога. Отъ эвтакого клада никакого худа не приключится, да и кладъ эвтакой, сказать правду, не кладъ, а просто-на-просто находочка.

— А вотъ заколдованный есть кладъ,—ну, эвто особь статья. Такого клада нечаянно не найдешь, когда онъ самъ не дастся. А ужь есть когда дастся, такъ не задаромъ дастся, не на спасибо—нѣтъ, такой кладъ—мое почтеніе! такой кладъ вотъ куда взъѣдетъ (съ этимъ словомъ Гладовъ закинулъ руку на затылокъ), да вотъ здѣсь отдастся (тутъ Гладовъ опустилъ и приложилъ руку къ сердцу)... Да, въ этомъ не надо сумлѣваться.

Я спрашивалъ Гладова, на основаніи какихъ фактовъ онъ вѣритъ въ существованіе „заколдованныхъ“ кладовъ. О кладахъ, по его опредѣленію, „простыхъ“, не было надобности толковать, потому что много ли, мало ли, были въ са-

момъ дѣлѣ на Уралѣ примѣры, что люди находили въ землѣ деньги и разныя цѣнныя вещи, особенно близъ нынѣшней Сарайчиковской крѣпости, гдѣ, въ давнія времена, жили татары такъ называемой Золотой Орды *). И Гладовъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай.

— Въ молодости моей я зналъ одного старца,—говорилъ Гладовъ.—Старецъ эвтотъ жилъ въ земляникѣ, на „Маяшномъ Бугрѣ“ **), тамъ и умеръ. Что онъ былъ за человѣкъ—Богъ вѣдаетъ; о себѣ онъ ничего не разсказывалъ, да и вообще о житейскомъ онъ былъ неразговорчивъ. Ну, насчетъ духовности можно было съ нимъ поговорить: онъ эвто любилъ. Въ Гурьевъ онъ хаживалъ весьма рѣдко, какихъ-нибудь раза два-три въ годъ придетъ, да и то за самымъ нужнымъ дѣломъ, примѣрно, за Божьими свѣчками, да кой-за-чѣмъ, все по духовности. На счетъ пищи онъ, почитай, не заботился, какъ птица небесная. Принесетъ, бывало, кто-нибудь ему мучки или крупки—хорошо, возьметъ; не принесетъ—не гнѣвался, не спрашивалъ; питался кос-

*) Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка славился несмѣтнымъ, относительно къ казакамъ, богатствомъ, житель Сарайчиковской крѣпости казакъ Захаръ Матыгинъ. Подъ пьяную руку, онъ обыкновенно хвастался и вызывалъ желающихъ на пари, что онъ отъ Сарайчика до Ямангалинскаго форпоста, на разстояніи 23-хъ верстъ, всю дорогу можетъ устлать красными и бѣлыми ассигнаціями. Разумѣется, никто съ нимъ пари не держалъ и потому неизвѣстно, сколько было у Матыгина денегъ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: про Матыгина народная молва гласила, что онъ вырылъ въ землѣ, близъ Сарайчика, на урочищѣ „Мажары“, или „Манджары“ цѣлый челнокъ, или лодку золотыхъ и серебряныхъ монетъ; отъ этого будто бы онъ и разбогатѣлъ. Но я не раздѣляю этого народнаго мнѣнія. По всей вѣроятности, Матыгинъ разбогатѣлъ не отъ клада, а отъ прибыльной мѣны съ киргизами въ то благословенное время, когда баранъ, стоющій нынче до трехъ руб. сер., пріобрѣтался у киргизовъ на хлѣбъ, да кой-какія ничтожныя русскія издѣлія за 50 или за 80 коп. мѣди, а продавался въ Руси за нѣсколько рублей. Вотъ въ чемъ, вѣроятно, заключался кладъ. Этого рода кладомъ не одинъ Матыгинъ пользовался, а многіе другіе.

**) Прежде островъ, а нынче полуостровъ, выдвигающійся въ море, вправо въ устьяхъ Урала, верстахъ въ 15-ти.

чѣмъ: морковкой, рѣдечкой и разной огородной зеленью. Какъ есть святой былъ эвтотъ старецъ. Когда, бывало, случится на охотѣ заночевать, близь его кельи, особенно зимней порой, ну, возьмешь, да и зайдешь къ нему и переночуешь. Однажды, наканунѣ Благовѣщенья, умудрилъ меня шишига (дьяволъ) идти на охоту... Знаете, хотѣлось на святой разговѣться дичинкой... Оттого ли, что я не почелъ праздника, или отъ чего другого—Богъ знаетъ, охота мнѣ не задалась. Два раза цѣлилъ въ борова (кабанъ) близехонько, почесть-что въ упоръ, и въ оба раза ружье дало осѣчку; третій разъ выстрѣлилъ, но далъ промахъ. Подползалъ нѣсколько разъ къ гусямъ, и хорошо подползалъ,—не точію что изъ ружья, а полѣномъ можно было бы ушибить, но какъ ни выстрѣлю,—мимо да мимо, словно и дроби въ ружьѣ не было. Это меня взбѣсило. Со такой со досады я поднялъ ружье на плечо и хотѣлъ-было идти домой, но тутъ и вспомнилъ про старца: дай, думаю, зайду къ отцу Борису (старца звали Борисомъ); земляника же его была недалеко. Пришелъ къ нему.

— Богъ помочь, говорю, отецъ Борисъ!

— Добро пожаловать, говоритъ онъ.

Немного погодя, онъ спросилъ меня:

— А что, какова охота, Степушка?

Тогда я былъ почитай-что мальчишкой, поэтому старецъ и называлъ меня Степушкой.

— Плохо, говорю.

— То-то, дитятко,—сказалъ старецъ:—праздники нужно почитать, особенно завтрашній: эвтотъ праздникъ большой, строгій праздникъ, на него и птица гнѣзда не вьетъ, а ты еще, словно еретикъ какой, вздумалъ кровь проливать. Въ большіе праздники или наканунѣ праздниковъ не моги, голубчикъ, ходить на охоту: Богъ пути не дастъ, да и несчастье можетъ приключиться. И „писанье“ говоритъ, что лишь только „чуточку“ христіанинъ забудется, окаянный какъ-разъ къ нему подвернется, напуститъ въ глаза туману, обморочитъ какимъ-ни-на-есть манеромъ, а тамъ и поминай

несчастную душеньку, какъ звали. Чаще всего онъ, шишига-то,—не здѣсь будь помянуть,—нападаетъ на гулебщиковъ, — замѣть эвто, Степушка, — покажется спачала какимъ-нибудь звѣремъ или какой птицей, а потомъ превратится въ чудо, напуститъ на человѣка „робу“ (ужасъ); человѣкъ испугается; у человѣка языкъ отнимется, умъ помрачится; человѣкъ и умретъ, пожалуй, съ испуга, безъ языка, а умереть безъ языка, значитъ—безъ покаянія умереть, а эвто, знаешь, дьяволу и на-руку. Хочешь, говоритъ мнѣ старецъ, я разскажу тебѣ эвтакой случай.

— Разскажи, пожалуйста, говорю.

И старецъ разсказалъ мнѣ вотъ что:

— Одинъ гулебщикъ, на Страшной недѣлѣ—помнится, старецъ сказывалъ, въ великій четверекъ, а эвто было давно: старецъ-то разсказывалъ мнѣ назадъ лѣтъ пятьдесятъ, да допрежь того времени, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, случилось лѣтъ за тридцать; значитъ, тому времени будетъ лѣтъ восемьдесятъ,—вотъ ходилъ гулебщикъ, въ великій четверекъ, по Маяшному бугру, гдѣ жилъ эвтотъ старецъ. Долго ли, коротко ли ходилъ гулебщикъ—неизвѣстно, но только не удалось ему убить ни звѣря, ни птицы. Вотъ онъ и остановился около одного „марина“ *) отдохнуть, остановился и облокотился на ружье. Вдругъ земля разступилась и прикладъ ружья провалился внизъ. Гулебщикъ подумалъ, что тутъ „тюлечья“ (лисья) или корсучья нора, и сталъ „разками“ **) раскапывать землю. Земля такъ и осыпается, такъ и падаетъ внизъ, будто въ пропасть. Скоро сдѣлалась въ томъ мѣстѣ порядочная дыра. Гулебщикъ заглянулъ въ нее и увидѣлъ, что эвто былъ какой-то погребъ, а совсѣмъ не пора. Гулебщикъ давай еще больше ковырять землю и расковырялъ еще шире, такъ-что въ отверстіе слободно можно было пролѣзть человѣку. Сперва гулебщикъ попробовалъ шомполомъ, опустилъ шомполъ до дна погреба, смѣрялъ—всего

*) Уменьшительное названіе марь, а марь значитъ холмъ, курганъ.

**) Вилкообразная подставка для ружья.

оказалось по грудь ему, а потомъ, не перекрестясь, не благословясь, спустился туда и самъ. Тамъ было темно. Гулебщикъ припалъ къ полу, осмотрѣлся и увидалъ: въ одномъ углу стоитъ кадка, въ другомъ другая, въ третьемъ третья, въ четвертомъ четвертая. Подошелъ къ одной кадкѣ; въ ней налито красное вино и плаваетъ ковшикъ; къ другой—въ той мѣдь (мѣдныя деньги); бросился къ третьей—серебро; къ четвертой... батюшки-свѣты!... у гулебщика въ глазахъ зарябило: четвертая кадка, сударь ты мой, полна золота!... Тое-жъ минуту гулебщику вспало на умъ, что въ эвтой земляшкѣ жили когда-нибудь разбойники и добро эвто осталось послѣ нихъ. Вотъ онъ скинулъ съ ногъ „бахилы“ *) и давай нагребать въ нихъ золото. Насыпалъ обѣ бахилы чуть не полны, связалъ верхніе концы ихъ кушакомъ, едва-едва взвалилъ на плечо и, наклонясь, почти ползкомъ добрался до отверстія, гдѣ виденъ былъ свѣтъ. Хотѣлъ-было карабкаться вонъ изъ землянки, да вздумалъ—вѣстимо, лукавый попуталъ—вздумалъ выпить ковшикъ-другой вина, чтобъ съ силами собраться. Зачѣмъ дѣло стало? Вино-то подъ руками. Бросилъ гулебщикъ на полъ бахилы съ золотомъ, подошелъ къ кадкѣ, гдѣ было вино, зачерпнулъ ковшикъ и—на лобъ. Вино гулебщику понравилось; онъ хватилъ другой ковшъ, а за нимъ третій, за третьимъ четвертый. Охмѣлѣлъ гулебщикъ, но и повеселѣлъ. Оно и было отчего повеселѣть: и вино ядрено, и золота бездна. Послѣ эвтого, гулебщикъ забралъ золото и сунулся къ выходу—но не тутъ-то было: отверстіе закрылось, свѣтъ пропалъ и вокругъ гулебщика сдѣлалась тьма кромѣшная: хоть глазъ выколи—ничего не видать. Гулебщикъ давай шарить руками и по стѣнамъ, и по потолку, но выхода нѣтъ, какъ-будто его и вовсе не было. Измучился

*) Родъ большихъ и длинныхъ кожаныхъ чулокъ, надѣваемыхъ вмѣсто сапогъ рыболовами и охотниками, когда приводится имъ въ холодное время ходить въ водѣ и по болотнымъ мѣстамъ. Когда ходятъ собственно по болотамъ, да по камышамъ, тогда охотники поверхъ бахилъ надѣваютъ п о р ш н и—родъ башмаковъ со сборками, сшитыхъ изъ сырой коневьей или воловьей кожи.

гулебщикъ, искамши выхода, и опустилъ бахилы съ золотомъ на полъ. Лишь только онъ эвто сдѣлалъ—отверстіе открылось. Обрадовался гулебщикъ и схватилъ опять въ руку золото, но выходъ опять закрылся, опять сдѣлалась тьма кромѣшная. Гулебщикъ нѣсколько разъ то бросалъ золото, то бралъ его; какъ броситъ—выходъ откроется, какъ возьметъ—выходъ закроется. Вонъ она какая притча-то! Сначала, съ пьяна-то, гулебщикъ въ толкъ эвтого не могъ взять, а какъ вдругъ надоумился, что эвто вѣрно заколдованный кладъ, такъ его морозъ по кожѣ подралъ, волосъ дыбомъ сталъ, и руки опустились, и ноги подкосились, и языкъ отнялся. Кое-какъ, кое-какъ, крестясь и творя въ мысляхъ молитву, гулебщикъ добрался до выхода и выползъ на свѣтъ Божій; золото онъ бросилъ. Лишь только гулебщикъ отползъ на нѣсколько шаговъ отъ землянки, сзади его защищали, завизжали и закричали на разные голоса. „Ну, счастье твое, что во-время догадался“, закричали ему изъ землянки: „а то былъ бы нашъ!“ Тутъ ужъ, сударь ты мой, гулебщикъ начисто оробѣлъ и замертво упалъ. На другой день гулебщика эвтого, еле живого, безъ языка, разутаго, исцарапаннаго и безъ ружья, нашелъ въ полѣ старецъ Борисъ и принесъ къ себѣ въ келью. На третій день гулебщикъ очнулся, покаялся, успѣлъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, разсказать старцу свое страшное приключеніе, и тутъ же отдалъ Богу душу.

— Вотъ она, какая притча-то!—сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Гладовъ:—вотъ они каковы, заколдованные-то клады; они не дадутся спроста, а ужъ безпремѣнно на голову. Эвтотъ кладъ, растолковалъ мнѣ старецъ, былъ положенъ съ такимъ заговоромъ, что изъ него чего-нибудь одного можно было взять, примѣрно, серебра, или золота, али вина, ну, словомъ, одного чего-либо, а гулебщикъ-то, окромя золота, захотѣлъ еще вина выпить: такъ дѣло-то и вышло, съ позволенья сказать, дрянь. Возьми онъ одного золота—глядишь бы и унесъ его, что бы тамъ опосля ни случилось, а то, вишь, гулебщикъ-то захотѣлъ вишца хватить, и хватилъ, да только голову свою и сложилъ. Хорошо еще, что онъ

умеръ христіанномъ на свѣтѣ Божьемъ, успѣлъ покаяться; а каково было бы душенькѣ его на томъ свѣтѣ, когда бы онъ напился вина до безчувствія и свалился бы въ погребѣ: ночью-то бы окаянные безпремѣнно задушили его. Вотъ они каковы, заколдованные-то клады!—заключилъ Гладовъ.

— И ты, дѣдушка, вѣришь, что съ гулебщикомъ случилась такая „притча“ отъ клада?—спросилъ я Гладова.

— Какъ же не вѣрить?—сказалъ Гладовъ:—вѣдь старецъ Борисъ эвто разсказывалъ; а онъ никогда ни въ чемъ не лгалъ—такая степенная и умная душа была.

— Да вѣдь,—возразилъ я,—съ гулебщикомъ такая „оказія“ могла случиться спроста. Онъ дѣйствительно могъ случайно, какъ ты сказалъ, открыть землянку и въ ней найти вино, которое осталось тамъ отъ старинныхъ жильцовъ ея, хоть разбойниковъ какихъ; вѣдь ты же сказалъ, что и гулебщику сначала показалось такъ—все это дѣло подходящее къ правдѣ; могъ гулебщикъ и выпить вина, и это—дѣло обыкновенное, да, видно, онъ черезчуръ хватилъ вина: тутъ, знаешь, какъ стукнуло ему въ голову, какъ въ глазахъ-то у него зарябило, потемнѣло, тутъ, знаешь, и представились ему и кадки, и золото, и бахилы, и выходъ безъ выхода, и визгъ, и крикъ, и разная такая чертовщина. Дивлюсь даже, присовокупилъ я, какъ ты, Степанъ Петровичъ, при такомъ здравомъ умѣ, вѣришь въ такіе пустяки. Вѣдь ты не вѣришь въ заговоры лихорадокъ, змѣй и въ разныя разности, такъ не слѣдуетъ вѣрить и въ заколдованные клады.

Гладовъ только кашлянулъ, но ничего не сказалъ.

— Что-жъ ты на это скажешь?—спросилъ я, немного погодя.

— Гм!... Да я вотъ что скажу, не обидьтесь только—проговорилъ старикъ:—вы молоды, вы зелены, зеленѣе травочки весенней, вы все книжечки читаете, оттого-то нашимъ простымъ и правдивымъ словамъ вѣры не даете. Конечно,—присовокупилъ старикъ,—вѣрить всему нехорошо, а не вѣрить ничему вдвое хуже.

Тутъ Гладовъ обратилъ рѣчь на другіе предметы, заго-

ворилъ о томъ, какъ онъ въ гвардіи служилъ, какъ у батюшки-царя, Павла Петровича, въ палатахъ на часахъ стоялъ, какъ въ малиновомъ зшупѣ щеголялъ, какъ лѣтомъ въ Фонтанкѣ купался и какъ притомъ сомъ плескомъ потѣшался *) и проч., и проч. Но все это къ настоящему разсказу пейдетъ. Обращаюсь къ сайгачникамъ и къ охотѣ за сайгаками. Но слѣдуетъ разсказать предварительно, что за звѣрь или что за животное этотъ сайгакъ.

IV.

САЙГАКИ **).

Въ началѣ этой статьи, въ выноскѣ, сказано, что сайгакъ—родъ дикой козы. Для тѣхъ, кто бывалъ въ Оренбургскомъ краѣ или въ киргизскихъ степяхъ и видалъ сайга-

*) Выраженіе „сомъ плескомъ потѣшался“ понятно только казакамъ-уральцамъ, а посторонпимъ читателямъ, вѣроятно, темно. Поэтому считаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе. У казаковъ такая беззаботная, игривая и шаловливая натура, что они нигдѣ, даже и въ водѣ, не упустятъ случая подшутить другъ надъ другомъ. Напримѣръ, купаясь, казакъ или казаченокъ нырнетъ въ воду и подъ водой приблизится къ тому товарищу, съ которымъ вздумаетъ сыграть шутку: не показываясь самъ изъ воды, забавникъ выкинетъ граціознымъ манеромъ одну только ногу, размахнетъ ею въ воздухѣ и будто не онъ, а сомъ плескомъ, то есть плёсомъ, хватитъ по головѣ или по чемъ попадетъ товарища. Конечно, при этомъ случаѣ забавникъ можетъ и промахнуться и, въ свою очередь, подвернуться подъ ногу другого. Чѣмъ вѣрнѣе ударъ, разумѣется, болѣе или менѣе слабый—дѣло не въ томъ, чтобъ зашибить товарища, а чтобъ только попасть въ него—тѣмъ бываетъ живѣе и веселѣе смѣхъ свидѣтелей. Это и значитъ, „сомъ плёскомъ пошутитъ“. Авт.

**) Въ этой главѣ редакція сдѣлала кое-какія измѣненія, основываясь на замѣткахъ автора по поводу своихъ же разсказовъ,—замѣткахъ, оставшихся въ рукописи. Авторъ нашелъ въ своемъ разсказѣ о сайгакахъ довольно крупныя ошибки, въ которыя впалъ, довѣрясь книжкѣ г. Левшина „Историческое и Статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ“. Эти-то ошибки въ замѣткахъ выяснены и здѣсь исправлены. Ред.

ковъ, или хоть слыхалъ о нихъ, достаточно, конечно, этого одного названія; но для тѣхъ, кто незнакомъ ни съ Оренбургскимъ краемъ, ни со степями киргизскими (а такихъ людей въ Россіи, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ первыхъ), не лишнимъ, думаю, сдѣлать небольшое поясненіе о сайгакѣ.

Итакъ, сайгакъ—дикая коза. Правильное названіе ей—сайга. Ученые естествоиспытатели называютъ ее: antilopa saiga... Русскіе, я такъ полагаю, изъ сайги переименовали ее въ сайгака. Киргизы называютъ этихъ козъ кінккъ. Есть сайги и на Кавказѣ, но совсѣмъ не такія, какія за Ураломъ, въ степи киргизской: и видомъ, и складомъ кавказскія сайги много отличаются отъ киргизскихъ. Вообще, порода сайгъ разнообразна, и киргизская сайга имѣетъ свой отличительный видъ.

Сайгакъ (я буду слѣдовать этому названію) величиной съ обыкновенную домашнюю козу или овцу, но гораздо потоньше козы и овцы или, такъ сказать, постатнѣе и покрасивѣе ихъ сложенъ; а всего ближе сайгакъ складомъ подходитъ къ оленю. Ноги у сайгака длиннѣе овечьихъ чуть не вдвое, тонкія, сухія и жилистыя, отчего сайгакъ обладаетъ чрезвычайной быстротой. Нѣтъ ни лошади, ни собаки, которая бы, въ обыкновенное лѣтнее время, словомъ, не по снѣгу, могла догнать взрослаго сайгака. Маленькихъ, двухъ-трехмѣсячныхъ сайгачатъ, случалось, загаживали лѣтней порой казаки, киргизы и башкирцы на лошадяхъ; я самъ бывалъ этому, во время степныхъ походовъ, свидѣтелемъ и отчасти былъ дѣйствующимъ лицомъ; но и тутъ сайгачата гибли собственно отъ безтолковости, а не отъ недостатка быстроты. Напримѣръ, слѣдуетъ по степи огромный обозъ тысячи въ двѣ телѣгъ; идетъ обозъ двумя линіями, параллельно одна другой, линія отъ линіи въ разстояніи ста саженей: это—такъ называемая колонна. По сторонамъ и сзади колонны идутъ и ѣдутъ большими толпами казаки, башкирцы и киргизы. Вдругъ или около самой колонны, или въ серединѣ ея, между двухъ рядовъ телѣгъ, вскочитъ заспавшійся сайгачонокъ. Вмѣсто того, чтобъ мгновенно взгля-

путь на мѣстность и сразу, какъ дѣлаютъ взрослые сайгаки, нечаянно, врасплохъ застигаемые, направить бѣгъ въ одну сторону, сайгаченокъ, какъ глупое дитя, бросится, куда ни попало. Смотришь, онъ бросился или подъ телѣги, или подъ ноги людей и лошадей; а тутъ со всѣхъ сторонъ поднимется страшный шумъ, гикъ, крикъ, хлопанье кнутами, щелканье нагайками—словомъ, сдѣлается цѣлый адъ. Сотни вершниковъ окружатъ бѣднаго сайгаченка: тотъ броситъ въ него шашку, тотъ нагайку, этотъ пику, а этотъ закричитъ, зазѣваетъ что есть силы-мочи, такъ что иной человѣкъ содрогнется, не только что сайгаченокъ. Сайгаченокъ оторопѣетъ и какъ шальной бросается то въ ту сторону, то въ другую, то къ тому вершнику, то къ другому, закружится, бѣдняжка, и—смотришь, или на пику наткнется, или подъ шашку подвернется, или отъ удара толстой нагайки свернется. Но, когда удавалось сайгаченку выбѣжать изъ толпы всадниковъ въ открытое поле, онъ убѣгалъ отъ нихъ цѣлъ и невредимъ.

На Уралѣ много ходитъ удивительныхъ, почти баснословныхъ, но на самомъ дѣлѣ истинныхъ разсказовъ на счетъ быстроты бѣга сайгачатъ. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ. Однажды казаки, верхомъ на лошадяхъ, гнались за сайгакомъ, за суягной самкой. Въ верстѣ или ближе коза остановилась и въ виду казаковъ выкинула сайгаченка. Пока казаки подскакали къ ней, она успѣла облизать дѣтеныша, и тотъ, вскочивъ, побѣжалъ за матерью. Вскорѣ и самка, и дѣтеныш скрылись изъ вида.

О взрослomъ сайгакѣ и говорить нечего: онъ бѣжитъ, какъ птица летитъ, какъ вѣтеръ несется. На бѣгу сайгакъ дѣлаетъ частые и высокіе прыжки и такъ легко и свободно, что, если бы какимъ ни-на-есть образомъ подвернулась къ нему собака или онъ къ собакѣ, однимъ такимъ прыжкомъ онъ очутится внѣ опасности.

Разъ, попадѣясь на мою лошадь, съ которой ни одна изъ казачьихъ лошадей не могла равняться въ рѣзвости, я погнался за сайгакомъ и что жъ?—совѣстно сознаться: я осра-

мился! Правда, товарищъ мой, Б. К...въ, и казакъ-деньщикъ, пустившіеся за мной—одинъ изъ чувства соперничества, а другой изъ чувства состраданія, чтобъ не заскакали, дескать, храбрые „льщари“ на край свѣта,—отстали отъ меня за версту, но я-то отсталъ отъ сайгака дальше и потомъ вскорѣ потерялъ его изъ вида. У казаковъ и киргизовъ быстрота сайгака вошла въ поговорку или въ сравненіе. Если казакъ или киргизъ хочетъ высказать достоинство лошади, онъ, между прочимъ, говоритъ: „она (лошадь) бѣжитъ, какъ сайгакъ“..

Самцы или такъ называемые козлы имѣютъ рога, а у самокъ (козочекъ) ихъ нѣтъ. У послѣднихъ, вмѣсто рогъ—небольшія костяныя шишечки или, какъ называютъ казаки, „спенечки“. Рога у самцовъ торчатъ прямо надъ головой рогъ рогу почти что параллельно, съ едва замѣтнымъ расширеніемъ наверху; они круглые, четверти въ полторы длины; у молодыхъ, разумѣется, меньше, цвѣтомъ изжелта-сѣроватые, въ основаніи довольно толстые, кверху постояшо утончающіеся, самые же кончики острые и загибающіеся немного назадъ. На вершокъ отъ основанія (эта часть рога покрыта какой-то шелухой или корой) начинаетъ вокругъ рога идти вшитомъ кверху рубчикъ, который, по мѣрѣ приближенія къ концу, дѣлается тоньше, сглаживается и къ самому концу совсѣмъ исчезаетъ. По рубцу этому казаки и киргизы опредѣляютъ число лѣтъ сайгаку, полагая на каждый оборотъ рубца около рога по сколько-то лѣтъ, по два или по три года—не знаю, забылъ, да и вообще опредѣленіе это должно быть невѣрно.

Шерсть на сайгакѣ желтовата или изкрасна-желтовата, а подъ брюхомъ бѣловата; это—лѣтній цвѣтъ шерсти: зимой же она превращается въ сѣроватую; желтизны въ ней тогда незамѣтно. Цвѣтъ шерсти зимой на сайгакѣ ближе подходитъ къ зимней шерсти волка. Лѣтомъ шерсть на сайгакѣ короткая, гладкая и глянцовитая, а зимой длинная или, какъ говорится, уросшая, весьма грубая и рѣшительно ни на что негодная. Изъ лѣтнихъ шкуръ казаки шьютъ иногда арха-

луки и „дохи“ (родъ шубы, шерстью вверхъ), но зимнія кожи почти ни на какое употребленіе пейдутъ: онѣ до такой степени плохи, что ихъ большею частью бросаютъ.

Мясо сайгачье вкусомъ похоже на баранье, но немного отзывается потомъ и какою-то прѣлостью. Если сварить его безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, а прямо послѣ того, какъ будетъ убитъ сайгакъ, оно многимъ не нравится; но если одну ночь, лѣтнюю, напримѣръ, продержать это мясо въ водѣ (не въ кадкѣ, однакожъ, а въ рѣкѣ или въ озерѣ) и потомъ ужъ готовить, оно дѣлается гораздо вкуснѣе и пріятнѣе: дурной запахъ его уничтожается. Зато студенистая и огромная, въ сравненіи съ небольшимъ ростомъ сайгака, морда его весьма вкусна: мордѣ сайгачьей, думаю, позавидовалъ бы любой гастрономъ, не выключая даже знаменитаго и всѣмъ извѣстнаго гоголевскаго Пѣтуха.

Есть еще кое-какія особенности у сайгака, но о нихъ мы узнаемъ изъ послѣдующаго разсказа объ охотѣ.

V.

ОХОТА ЗА САЙГАКАМИ.

Охота за сайгаками—одна изъ самыхъ трудныхъ и утомительныхъ охотъ. Чтобы заслужить имя сайгачника, для этого мало одного умѣнья стрѣлять мѣтко—нѣтъ, для этого охотникъ долженъ терпѣливо сносить жажду, страшный зной и духоту, долженъ большое пространство, иногда цѣлыя версты переползывать на брюхѣ, не поднимая головы и ни на волосъ не отдѣляясь отъ земли, долженъ имѣть силу физическую и силу воли твердую, стойкую, до упрямства стойкую: безъ всего этого можно только пугать сайгаковъ, а не убивать, можно сдѣлаться только пугаломъ, а не охотникомъ-сайгачникомъ.

Ни весной, ни осенью, ни зимой сайгаковъ не стрѣляютъ, то есть, не охотятся нарочно за ними: въ эти времена

года охотнику нѣтъ никакой возможности среди гладкой степи подползти или, какъ говорится, подкрасться къ сайгаку. Причина этому вотъ какая: въ дни холодные, прохладные и, вообще, не въ жаркіе дни сайгакъ безпрестанно бродитъ по степи. Пока охотникъ проползетъ десять шаговъ, тѣмъ временемъ сайгакъ нѣсколькими прыжками удалится отъ него на полверсты. У сайгаковъ есть манера, безъ всякой, повидимому, причины, дѣлать прыжки, когда они ходятъ по степи. Между тѣмъ казаки, наученные опытомъ, говорятъ, что сайгаки дѣлаютъ это съ цѣлью обозрѣть окрестность—нѣтъ ли, дескать, гдѣ скрытаго врага.

Бываетъ, что и весной, и осенью убьетъ казакъ сайгака, но только ужъ какъ-нибудь случайно, когда сайгакъ самъ нечаянно натолкнется на казака, засѣвшаго отъ нечего дѣлать на какомъ-либо промыслѣ, или у водопоя, куда придетъ сайгакъ напиться, или гдѣ-либо въ оврагѣ, если таковой въ степи, гдѣ водятся сайгаки, случится, или за какимъ-нибудь маромъ. Но все-таки это не охота, а исключеніе изъ настоящей сайгачной охоты.

Бываетъ, что казаки бьютъ, даже много бьютъ сайгаковъ и зимой, когда суровая зима, а, главное, когда глубокій и зачерствѣвшійся, то есть обледенѣвшій сверху снѣгъ сгонитъ сайгаковъ со степи въ луга, къ берегамъ Урала, Илека и другихъ впадающихъ въ Уралъ рѣчекъ или въ гурьевскіе камыши. Но эту охоту совсѣмъ нельзя назвать охотой; это скорѣе ловля или даже бойня, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не охота. Въ этомъ случаѣ казаки не изъ ружей стрѣляютъ сайгаковъ, а, пользуясь глубиной снѣга и худобой еле-движущихся отъ безкормицы сайгаковъ, загоняютъ ихъ на лошадяхъ, бьютъ дубинами, колятъ пиками, травятъ, какъ зайцевъ, собаками и ловятъ капканами. Этимъ способомъ казакъ хоть цѣлый табунъ сайгаковъ перебьетъ—случалось и это,—а никто не назоветъ его сайгачникомъ, да и самъ онъ не станетъ гордиться такой охотой, а развѣ только похвастается лошадью, да собакой, какой-нибудь Валеткой или Орѣшкой.

Настоящая же охота за сайгаками бываетъ среди лѣта, въ самый зной, въ самую духоту, когда солнцемъ, какъ огнемъ, палитъ, когда въ воздухѣ не дохнетъ, не шелохнетъ, какъ будто все замретъ. Вотъ тогда-то, въ такую пору, когда иной человѣкъ и въ тѣни не находитъ мѣста отъ жары, сайгачникъ и открывай свой „талантъ“, удаль, сметку, проворство, терпѣнье и силу богатырскую.

Во время лѣта на спинѣ у сайгаковъ, подъ кожей, заводятся какіе-то, въ видѣ піявокъ, черные черви, которыхъ казаки называютъ у г р я м и. Отъ жаровъ угри эти гомозятся и производятъ, разумѣется, въ тѣлѣ сайгака зудъ, отчего сайгакъ приходитъ въ какое-то изступленное состояніе, бѣснуется и кидается въ двѣ крайности, или, какъ бѣшеный, бѣгаетъ, что есть силы-мочи, по степи, или, какъ шальной и одурѣлый, стоитъ на одномъ мѣстѣ. Чаще всего сайгакъ остается на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ состояніи онъ безпрестанно мотаетъ головой, бьетъ и ростъ копытомъ землю, выбиваетъ подъ собою „коблò“ (яму); то въ „коблò“ это ляжетъ и уткнетъ морду въ землю, то снова вскочитъ и забарабаштъ ногами: это, по выраженію казаковъ, сайгакъ к о б и т с я. Вотъ въ эти самые часы, когда сайгакъ „кобится“, охотникъ и можетъ подползти къ нему на ружейный выстрѣлъ, а въ другое время рѣшительно нѣтъ возможности приблизиться къ сайгаку. Подползши къ сайгаку на выстрѣлъ, охотникъ бьетъ или изъ винтовки одной пулей, или изъ фузеи нѣсколькими пулями, которыя покрупнѣе дробибезымянки и извѣстны собственно у казаковъ подъ именемъ л ё т о к ъ, а у прочихъ охотниковъ въ Россіи подъ именемъ „картечи“; лётками, или картечью, однакожъ, бьютъ весьма рѣдко, одни только начинающіе охотники. Обыкновенно сайгачники стрѣляютъ одной пулей изъ винтовки или изъ долгоствольной т у р к и.

Или у сайгака нѣтъ такого тонкаго чутья и слуха, какими одаренъ, напримѣръ, кабанъ, волкъ и другіе звѣри, или сайгакъ, принадлежа къ породѣ барановъ, недалеко ушелъ отъ нихъ въ сметкѣ,—не могу положительно сказать,

по то вѣрно (я это и самъ испыталъ, о чемъ разскажу послѣ, и отъ охотниковъ слыхалъ), что сайгакъ мало боится или вовсе не боится и шороха, и шума, и даже ружейнаго выстрѣла. Случалось сайгачникамъ, при благопріятной мѣстности, запалзывать въ средину сайгачьяго стада и, не сползая съ избраннаго мѣста, дѣлать по нѣскольку выстрѣловъ то въ ту сторону, то въ другую, то въ того сайгака, то въ другого,—и сайгаки оставались на своихъ „кòблахъ“ дотолѣ, пока не усматривали охотниковъ. Значитъ, выстрѣлы для сайгаковъ ни почемъ. Говорю это не по однимъ слухамъ, а по опыту *).

Живя нѣкогда въ одномъ изъ степныхъ укрѣпленій, за рѣкою Ураломъ, въ богатой и благодатной... ошибся... не въ благодатной, а въ пустынной, безплодной и безотрадной степи киргизской, я, отъ нечего дѣлать, нерѣдко ѣзжалъ на охоту за сайгаками, видѣлъ ихъ вблизи, стрѣлялъ по нихъ, хотя (зачѣмъ хвалиться?) никогда не убивалъ, но все-таки охотился за ними, слѣдовательно, имѣлъ возможность сколько-нибудь познакомиться съ этой охотой и провѣрить разсказы казаковъ о сайгакахъ на самомъ дѣлѣ. Однажды на такого рода охотѣ случилось вотъ что. Въ ясный осенній день, я и товарищъ мой, П. П. А...нъ, отправились верстъ за четырнадцать отъ Уральскаго укрѣпленія, на востокъ отъ рѣки Иргиза, и взяли съ собой двоихъ казаковъ, запасныхъ охотниковъ, М. Лагашкина и С. Жигина. Хотя осенью неудобно, почти невозможно охотиться за сайгаками, какъ сказано выше, но мы поѣхали, въ буквальномъ смыслѣ, отъ нечего дѣлать, съ цѣлью прогуляться. Думали и то, что авось (мало ли что ни дѣлается на „авось“) гдѣ-нибудь у водопоя

---

*) Относительно этого мѣста въ своихъ „Замѣткахъ“ авторъ пишетъ, что чутье у сайгака очень тонкое и сильное, но что онъ не боится шума, если не чуетъ и не видитъ человѣка. — Ред.

наверпется сайгакъ. Оно такъ и случилось; но исторія объ этомъ впереди.

Мѣсто, гдѣ мы остановились, было такого рода: версты на двѣ въ длину и на полверсты въ ширину шла лощина, довольно низкая или, правильнѣе, довольно глубокая; въ срединѣ ея вился ленточкой камышъ, а въ немъ мѣстами была вода, но, къ несчастью нашему, горькосоленая, смѣшанная съ бѣлымъ иломъ. Степь, окружавшая лощину, во всѣ стороны разстилалась гладкой равниной, исключая немногихъ, едва-замѣтныхъ бугорковъ, да немногихъ рытвинъ, или водомоинъ; самая же лощина, повидимому, служила когда-то, конечно давно, ложемъ озеру; поэтому пространство ея, незанятое камышомъ и примыкавшее къ бывшимъ берегамъ, къ „кряжу“ или, по выраженію казаковъ, къ „увалу“, было покрыто кое-какой травкой, немного позеленѣе и посочнѣе той, которая росла и отъ лѣтнихъ жаровъ выгорѣла на степи и по всему увалу. Казаки наши тотчасъ смекнули, что сайгаки, гдѣ бы ни разгулявали, этой лощины, пожалуй, не минуютъ, что все-таки они прійдутъ и травкой полакомиться, и водицы хлебнуть. „Хотя вода въ лощинѣ и горьковата, и солоновата, по сайгаку, разсуждалъ М. Лагашкинъ, не прихотничать стать, вѣдь онъ не господинъ какой, а сайгакъ—больше ничего“.

Разсѣдлавъ лошадей и поставивъ ихъ въ камышѣ (необходимая предосторожность, чтобы не испугать сайгаковъ, ежели они вздумаютъ пожаловать на это мѣсто), казаки разошлись—Жигинъ въ одинъ конецъ лощины, а Лагашкинъ въ другой; мы же съ товарищемъ остались на стану и принялись хлопотать около чайника *). Вышли мы на „увалъ“ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ сайгаковъ; но ихъ нигдѣ не было. Не хотѣлось намъ безъ толку ходить по степи, и мы остановились около одного бугорка, обросшаго полынью, легли и

*) Но вода оказалась горько-соленой и, несмотря на всѣ наши манипуляціи надъ ней, ни къ чему не годилась, такъ что мы принуждены были отказаться отъ чая.

закурили трубки. Немного погодя мы услыхали ружейный выстрѣлъ, раздавшійся въ одномъ концѣ лощины (то былъ выстрѣлъ охотника Жигина по сайгаку), приподнялись головы и увидѣли: со степи, прямо на насъ, шелъ табунъ сайгаковъ, головъ до тридцати. Сердце въ насъ забилось; мы снова прилегли къ землѣ, боясь дохнуть и пошевелиться; между тѣмъ сайгаки, пощипывая травку, тихонько подходили къ намъ. Тутъ у насъ съ товарищемъ завязался споръ о томъ, кому изъ чего стрѣлять. У насъ, нужно замѣтить, было два ружья: одно обыкновенное охотничье, заряженное картечью, а другое—винтовка, заряженная, по обыкновенію, одной пулей. Каждому изъ насъ хотѣлось завладѣть охотничьимъ ружьемъ, и каждый отталкивалъ отъ себя винтовку, вотъ по какой причинѣ: мы были увѣрены, что сайгаки подойдутъ къ намъ вплоть, въ упоръ, какъ говорится; тогда на весьма близкомъ разстояніи, изъ охотничьяго ружья, заряженнаго нѣсколькими картечами, навѣрное можно было убить сайгака, между тѣмъ изъ винтовки, одной пулей, скорѣе можно было промахнуться, особенно намъ съ товарищемъ, горячимъ охотникамъ и притомъ рѣдко стрѣлявшимъ изъ винтовокъ. Теперь понятно, почему мы спорили изъ-за ружей.

Наконецъ товарищъ мой, правдой-неправдой, завладѣлъ ружьемъ, употребивъ при этомъ случаѣ тонкую хитрость, которой дотолѣ я въ немъ и не подозрѣвалъ: онъ, злодѣй, польстилъ мнѣ, что я вообще лучше его стрѣляю, слѣдовательно, долженъ уступить ему на этотъ разъ ружье, а винтовку взять себѣ. Доказывать противное некогда было: сайгаки находились отъ насъ шагахъ въ полутораста. Впереди шелъ огромный, въ сравненіи съ другими, козелъ; онъ часто озирался по сторонамъ, иногда припрыгивалъ отъ земли. Это—вожакъ, руководящій всѣмъ стадомъ. Но какъ ни хитрилъ сайгачій вожакъ, увидѣть насъ не могъ: бугорокъ и кусточки растущей на немъ полыни хорошо насъ укрывали. Мы уговорились: первому стрѣлять мнѣ, а товарищу послѣ.

Мы ждали, вотъ подойдутъ къ намъ сайгаки въ упоръ и мы дадимъ имъ знать; но не такъ случилось. Сдѣлавъ

нѣсколько шаговъ впередъ, передній козелъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ поворотилъ, подъ прямымъ угломъ, направо; все стадо послѣдовало за нимъ. Досадно, а дѣлать было нечего, оставалось стрѣлять наудачу. Конечно, для отличнаго стрѣлка разстояніе въ полтораста шаговъ ничего не значило, но для меня значило много. Я приложился къ винтовкѣ, утвержденной на рожкахъ, нацѣлилъ въ задняго сайгака, который, щипля траву, сталъ ко мнѣ бокомъ, спустилъ курокъ, но..., по выраженію казаковъ, „безлядъ" случился. Винтовка была не моя, а казачья; заряжена была дня за два, зарядъ отсырѣлъ, при вспышкѣ на полкѣ зашипѣло и изъ затравки, по охотничьему выраженію, потянуло; я, признаюсь, не выдержалъ, мигнулъ, вѣроятно, и вздрогнулъ, отчего направленіе выстрѣла измѣнилось, пуля взяла внизъ, пролетѣла подъ брюхомъ у сайгака, взорвавъ землю чуть не у самыхъ переднихъ копытъ его. Сайгакъ сдѣлалъ два-три отчаянныхъ прыжка, остановился и сталъ смотрѣть въ нашу сторону. Въ то же время и другіе сайгаки шарахнулись, но, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, также остановились и также стали глядѣть въ нашу сторону. Мы, разумѣется, не шевелились и почти не дышали. Потомъ сайгаки пошли себѣ тихонько, какъ будто ничего не было. Незамѣтно они поворотили къ лощинѣ, подошли къ ней шаговъ на десять и снова наткнулись на выстрѣлъ, на этотъ разъ удачный: одинъ изъ казаковъ, М. Лагашкинъ, прежде насъ замѣтилъ сайгаковъ, шедшихъ изъ степи, и, пользуясь уваломъ, успѣлъ забѣжать имъ впередъ и встрѣтить выстрѣломъ. Недаромъ говорится: „на ловца и звѣрь бѣжитъ". Лагашкинъ убилъ передняго козла, или вожака. Пока этотъ козелъ, смертельно раненый, барахтался на землѣ, другіе сайгаки, отскочивъ отъ него на весьма малое разстояніе, остановились и, какъ дураки, смотрѣли на корчи своего собрата. Тогда только они пустились бѣжать безъ оглядки во всѣ стороны—и ужъ какъ пустились! въ нѣсколько мгновеній скрылись изъ вида,—но тогда только, говорю, пустились бѣжать, когда изъ-за увала показался казакъ Лагашкинъ.

Этотъ случай убѣдилъ меня, что сайгакъ мало боится или почти вовсе не боится выстрѣла, если не видитъ охотника. Но зато сайгакъ черезчуръ пуглявъ и робокъ или, какъ говорятъ казаки, „строжокъ“, когда увидитъ охотника,—труслявѣе всякаго звѣря и птицы. Лишь только чуть мелькнетъ въ полѣ голова или платье охотника, сайгакъ стрѣлой летитъ прочь, и охотникъ остается ни при чемъ. Казаки говорятъ: „сайгакъ такой мудреный и безтолковый звѣрь, шидо не знаешь, что сказать про него: умный онъ или дуракъ. Ни шуму, ни стуку сайгакъ не вѣритъ, а вѣритъ только глазамъ и чутью. Подползи къ нему и чѣмъ-нибудь ткни его въ бокъ, онъ, если не увидитъ тебя, не тронется съ мѣста, а развѣ только лягнетъ; а завидь онъ тебя хошь за версту, хошь за двѣ, такъ „чухнетъ“ (побѣжитъ), что и не взвидишь“.

Зная, что за животное этотъ сайгакъ, охотникъ принимаетъ свои мѣры. Завидѣвъ „кобящагося“ сайгака, сайгачникъ за версту, за двѣ и даже дальше, смотря по мѣстоположенію, сходитъ съ лошади, сбрасываетъ съ себя верхнюю одежду, остается только въ рубахѣ, да въ шароварахъ, надѣваетъ налокотники и наколѣнники, то есть обвязываетъ локти и колѣнки лоскутомъ кошмы, обтянутой съ внѣшней стороны кожей, и приближается къ сайгаку сначала наклонкой, потомъ на четверенкахъ, а наконецъ на брюхѣ, вытягиваясь при этомъ случаѣ, что называется, въ нитку. Проползти такимъ образомъ съ версту, иногда двѣ версты и больше, при тридцати или тридцати-пяти градусахъ жара, когда снаружи палитъ солнце, а внутри жжетъ и томитъ жажда, что-нибудь да значитъ. Вотъ по этой причинѣ, повторю, охотнику мало одного умѣнья хорошо и вѣрно стрѣлять, а нужно имѣть дьявольское терпѣнье, желѣзное сложенье и крѣпость мышцъ богатырскую.

А каково, представьте себѣ, читатель, положеніе сайгачника, когда онъ, промаявшись часъ-два времени, проползши нѣсколько верстъ на брюхѣ, исцарапавши притомъ себѣ лицо и руки и набивъ мозоли на локтяхъ и колѣняхъ,—под-

ползетъ къ пустому коблу? А подобныя неудачи весьма часто случаются. Тутъ, кажется, лошадиное терпѣнье лопнетъ. Отъ такой неудачи нетерпѣливый и мало упражнявшійся охотникъ проклянетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и сайгаковъ, и охоту за ними. Но настоящій, такъ сказать, записной сайгачникъ перенесетъ неудачу эту хладнокровно; развѣ-развѣ, въ припадкѣ неудовольствія на сайгака, проговоритъ не очень лестное для него привѣтствіе, въ родѣ слѣдующаго: „ахъ, одрало бы тебя! Удралъ, подлецъ!“ Потомъ, отдохнувъ немного и положивъ въ ротъ пулю (пуля, положенная въ ротъ, постоянно поддерживаетъ слюну, а слюна, извѣстно, умѣряетъ немного жажду; по крайней мѣрѣ, она не дастъ совершенно сохнуть во рту, а это, конечно, ослабляетъ томленіе жажды), сайгачникъ снова продолжаетъ ползти по тому направленію, по которому убѣжитъ взбѣсившійся отъ угрей сайгакъ, ежели онъ остановится недалеко или хотя въ виду охотника; въ противномъ случаѣ сайгачникъ высматриваетъ другого сайгака и начинается та же исторія. Съ сайгачника течетъ не потъ, а кровь, какъ говорится, но онъ не унываетъ и, во что бы то ни стало, достигаетъ своей цѣли и убиваетъ жертву. Вотъ тогда-то уже, забывъ труды и неудовольствія, сайгачникъ весь превращается въ восторгъ и удовольствіе, что могутъ понять только одни охотники. Чтобы обмануть зоркость сайгака, охотники прибѣгали иногда къ хитрости: они покрывали себя сайгачьей шкуркой, а на голову надѣвали родъ шапки или, пожалуй, родъ шлема, сшитаго изъ головной кожи сайгака, и непремѣнно съ рогами. Одѣвшись звѣремъ, или преобразившись въ звѣря, охотникъ приближался къ дѣйствительному звѣрю, не бывъ узнаваемъ имъ. Но этотъ способъ подкрадываться къ сайгаку употреблялся, однакожъ, весьма рѣдко, и то въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, сайгакъ держался слишкомъ на ровной и гладкой степи, гдѣ не было ни одной лощинки, ни одной возвышенности, ни одного овражка, изъ-за которыхъ можно было бы подползти къ сайгаку. Употреблялъ этотъ способъ рѣдко

потому, что окутаться съ головы до ногъ кожей и ползти въ ней во время сильнаго зноя, когда и безъ того жара душитъ, естественно, весьма трудно и для человѣка здороваго и сильнаго, а для тщедушнаго (охотники не всѣ же Ильи-Муромцы) почти невозможно; кромѣ того, одѣваться на охотѣ въ сайгачную шкуру въ нѣкоторомъ отношеніи и опасно.

Однажды двое охотниковъ, принявъ на себя образъ сайгаковъ, поползли съ противоположныхъ сторонъ къ сайгачьему стаду и подползли весьма удачно. Одинъ изъ нихъ даже вползъ въ средину самаго стада, но медлилъ, не стрѣлялъ, а ждалъ товарища. Наконецъ, подползъ и этотъ къ стаду. Первый охотникъ сталъ высматривать, въ котораго бы ему сайгака выстрѣлить, а послѣдній скоро высмотрѣлъ, приложился къ винтовкѣ и—каково покажется! сталъ цѣлить въ своего товарища. Этотъ долженъ былъ вскочить на ноги и закричать запальчивому охотнику, чтобъ онъ удержался и образумился. Разумѣется, сайгаковъ въ одно мгновеніе не стало, и сайгачники, одураченные, съ одной стороны оплошностью, а съ другой запальчивостью или пучеглазостью, остались не при чемъ. Ошибка эта произошла вотъ отъ чего. Отправившись подъ сайгаковъ, сайгачники привязали красныя тесемочки къ рогамъ, которые возвышались у нихъ на шапкахъ. По у одного изъ охотниковъ, который первый вползъ въ средину сайгачьяго стада, какимъ-то образомъ, когда еще онъ ползъ, тесемочка съ роговъ спала. Это самое и сбило съ толку его товарища, который выбиралъ и выбиралъ-было звѣря покрупнѣе и поздоровѣе. Хорошъ бы вышелъ, подумаешь, звѣрь, нечего сказать, если бъ сайгачникъ успѣлъ спустить курокъ прежде, чѣмъ звѣрь не вскрикнулъ голосомъ человѣческимъ. Это случилось, я слыхалъ, съ казаками Мергеневскаго форпоста. Послѣ того, говорятъ, сайгачники стали мало-по-малу бросать и, наконецъ, совсѣмъ бросили привычку маскироваться сайгаками.

Слѣдуетъ, однакожъ, сказать, что охота за сайгаками

годъ отъ году падаетъ и падаетъ, и, кажется, скоро, скоро совершенно прекратится, потому что самые сайгаки сдѣлались нынче почти что рѣдкостью. Прежде они важивались и въ „бархапахъ“ *), и по склонамъ Общаго Сырта, и вообще по степямъ, внутри Уральскихъ земель лежащимъ, какъ-то: около рѣкъ Чагана, Деркула; всѣ эти мѣста на правой сторонѣ Урала; но съ 1830 годовъ или даже немного раньше, рѣшительно въ тѣхъ мѣстахъ пропали. Теперь сайгаки водятся исключительно за рѣкой Ураломъ, въ такъ называемой Киргизской степи, но держатся весьма далеко отъ линіи. Только или въ суровыя и многоснѣжныя зимы, или въ срединѣ лѣта, въ самые жары, сайгаки подходятъ къ лугамъ, то есть къ долинѣ, по которой течетъ Уралъ. Зимой невозможность достать травы, заваливаемой снѣгомъ, сгоняетъ сайгаковъ со степи въ луга, о чемъ уже сказано выше, а лѣтомъ—жажда. Хотя сайгакъ и рѣдко нуждается въ водѣ (въ недѣлю, говорятъ казаки, раза два), но все-таки нуждается. Послѣ весны въ степи, отъ таянія снѣга, остается вода въ какихъ-либо незначительныхъ рѣчонкахъ, озерцахъ, лощинкахъ впадинахъ, и тому под., и сайгаки пользуются этой водой; но лѣтомъ, отъ сильныхъ жаровъ, она испаряется и высыхаетъ; тогда сайгаки, по необходимости, приближаются къ Уралу. Ночью они спускаются въ луга, напиваются воды и ночью же опять выходятъ на открытое мѣсто, въ степь, не отходя, однакожъ, отъ линіи далеко, съ той, конечно, цѣлью, чтобъ на будущій разъ не идти къ водопою лишнія три, четыре версты. Казаки знаютъ время, когда сайгаки подходятъ къ Уралу, выбираютъ самые жаркіе и душные дни и отправляются на охоту **).

А изъ-за чего старается и мучится сайгачникъ? Изъ-за

---

*) Песчаные, должно быть наносные холмы, которыми усѣяна степь между низовьями Волги и Урала.

**) Послѣдніе годы (1884—87) сайгаки вновь начали появляться по правую сторону Урала и довольно большими стадами. Чѣмъ вызвано это появленіе, неизвѣстно. Замѣчательно, что сайгаки заходятъ довольно высоко по Уралу, напр., до Кожехаровской станицы, чего давно уже не помнятъ старшіе. Ред.

выгодъ? изъ-за барышей? Совсѣмъ нѣтъ. Мясо сайгачье никуда въ продажу не шло и не идетъ, а ѣлось и ѣстся самими охотниками, да ихъ сосѣдями. Шкуры, употребляемыя изрѣдка на „дохи“, почти никакой цѣны не имѣютъ, о чемъ уже было въ своемъ мѣстѣ сказано. Одни рога продавались и продаются отъ полтины до рубля ассигнаціями за пару, но и для роговъ не стоило и не стоитъ хлопотать и изнурять себя охотнику: роговъ немного можно добыть, потому что хорошіе, то есть большіе и сколько-нибудь цѣнные рога имѣются только у однихъ старыхъ самцовъ (козловъ), у молодыхъ они маленькіе, а у самокъ (козочекъ) ихъ нѣтъ, о чемъ мы уже говорили. Слѣдовательно, выгоды и прибыли отъ охоты за сайгаками почти никакой нѣтъ. Но, несмотря на это, казаки и въ старину охотились и нынче отчасти охотятся за ними. Зачѣмъ? спрашивается. А затѣмъ, чтобъ отъ старшковъ не отстать, чтобъ искусство и ловкость свою показать, чтобъ стяжать имя сайгачишка, чтобъ потѣшить сердце свое молодецкое и чтобъ, наконецъ (это ужъ я, господа, такъ думаю), оправдать пословицу: „охота пуще неволи“.

Но дорого же иногда обходились подобнаго рода развлеченія! Вотъ что случилось однажды съ сайгачниками.

VI.

САЙГАЧНИКИ.

Лѣтомъ, въ 1820 или 1821 году (устная хроника казачья не въ одно говоритъ) два родные брата, жители Красноярскаго форпоста, Степанъ и Иванъ Бакировы, и третій, охотникъ, товарищъ и сосѣдъ ихъ, Осипъ Вертячкинъ, сговорились ѣхать на охоту за сайгаками на Внутреннюю сторону, въ „барханы“. Втроемъ, верхами на лошадяхъ, выѣхали сайгачишки изъ форпоста часу въ десятомъ утра. Имъ нужно было проѣхать только верстъ восемь до рѣчки Багыр-

дая; за этой рѣчкой тотчасъ начинаются уже „барханы". Тамъ-то казаки надѣялись встрѣтить сайгаковъ.

Версты три охотники отъѣхали отъ форпоста, какъ Осипъ Вертячкинъ остановился и сказалъ товарищамъ:

— Вы, братцы, поѣзжайте себѣ тихонько, а я ворочусь на минуточку домой.

— Зачѣмъ?—спросили Бакировы.

— „Безлядъ", братцы,—случился.

— Что такое?

— Ящу *), чтобъ ее намочило, забылъ,—отвѣчалъ Вертячкинъ.

Бакировы посмотрѣли въ торока себѣ и Вертячкину и увидѣли, что дѣйствительно ящи ни у кого изъ нихъ не было, а безъ ящи на охотѣ было неловко: изъ ящи они и воду пьютъ, въ ящѣ и похлебку варятъ; слѣдовательно, ящга для охотниковъ вещь необходимая.

— Такъ скорѣе догоняй насъ,—сказалъ одинъ изъ Бакировыхъ:—въ Багырдаѣ мы напоимъ коней и немного подождемъ тебя, а ежели не застанешь насъ тамъ, то ищи около „Дюрт-Кудуковъ" **).

Послѣ этого Бакировы поѣхали въ степь, а Вертячкинъ воротился на форпостъ. Слѣдовало бы, конечно, Вертячкину при этомъ случаѣ поторопиться и пустить гнѣдка своего, по крайней мѣрѣ, рысью, по Осипыка (такъ звали Красноярцы Осипа Вертячкина съ молоду и такъ величали его подъ старость) не благоразсудилъ поторопиться: онъ былъ въ своемъ родѣ большой оригиналъ. Если достанетъ у читателей терпѣнья пробѣжать нѣсколько строчекъ, я познакомлю ихъ съ личностью этого казака, который недавно, года три назадъ, умеръ и котораго я имѣлъ случай хорошо знать. О братьяхъ Бакировыхъ я ничего особеннаго не могу сказать, потому что я ихъ никогда не видывалъ. Когда они

*) Родъ желѣзнаго большого, котлообразнаго, съ ручкой, ковша.

**) Киргизское названіе „четырехъ колодцевъ". Дюртъ значитъ четыре, а кудукъ—колодецъ.

поѣхали на охоту, меня еще не было на свѣтѣ, а съ охоты Бакировы не возвратились. Объ этомъ исторія впереди. Начну рѣчь мою объ Осипкѣ Вертячкинѣ.

Прежде всего скажу, что Осипка Вертячкинъ былъ косой, то есть, не самъ онъ косой, а глаза его были косые (что, впрочемъ, кажется, одно и то же), разбѣгавшіеся въ стороны. По этой причинѣ Осипка ничего почти прямо впереди себя не видѣлъ. Если, напримѣръ, онъ шелъ по улицѣ, то безпрестанно вертѣлъ головой то вправо, то влѣво, пуча при этомъ глаза вверхъ. Не знавшій Осипьку могъ подумать, что Осипка глазѣетъ или на кровли домовъ, или на верхи заборовъ, или на летающихъ воронъ и галокъ, но въ дѣйствительности онъ разглядывалъ дорогу впереди себя, употребляя для того въ дѣло поперемѣнно то правый глазъ, то лѣвый. Это главный, такъ сказать отличительный признакъ его наружности. Далѣе.

Осипка былъ роста средняго, коренастъ, широкъ въ плечахъ. Несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ (въ 1840 годахъ, какъ я зналъ его, ему было подъ шестьдесятъ), онъ былъ здоровъ и бодръ, какъ сорокалѣтній мужчина. Волосы на головѣ онъ носилъ по старинному, вѣничкомъ, то есть самую макушку выстригалъ кружкомъ почти до гола, а снизу волосы подрѣзывалъ кружкомъ же. При такой стрижкѣ голова Осипьки походила на подсолнечникъ. Бороду, разумѣется, Осипка отъ роду не брилъ, и она у него, закупивъ все лицо, помеломъ разстилалась по груди.

Одѣвался онъ хорошо, даже, по званію простого казака, роскошно. На что другое онъ былъ скуповатъ, а ужъ одеждой любилъ щегольнуть. Лѣтомъ онъ одѣвался въ шелковый полосатый или пестрый бухарскій халатъ, зимой въ лисью, крытую чернымъ плисомъ, шубу. На головѣ носилъ лѣтомъ поярковую, съ высокой тульей, шляпу—отличительный признакъ стариковъ-казаковъ, которыхъ и теперь можно увидѣть на Уралѣ красующихся въ шляпахъ, а зимой высокую, какъ тумба, на манеръ хивинскихъ, шапку или изъ черныхъ, или изъ сѣдыхъ, или—какъ еще ихъ называютъ—изъ го-

лубыхъ мерлушекъ, съ малиновымъ или алымъ верхомъ. Рубахи у Осипыки были всегда или яркихъ цвѣтовъ ситцевыя, или шелковыя: тафтяныя, канаусовыя, и тому под., обшитыя по косому воротнику золотымъ позументомъ—признакъ старинной щегольской привычки. На ногахъ онъ носилъ въ будни обыкновенные яловочные, а въ праздники козловые сапоги, да ужъ не кой-какихъ козловъ, а непремѣнно настоящихъ казанскихъ козловъ.

Судьба надѣлила Осипа Иваныча богатствомъ — онъ былъ первый богачъ между Красноярскими жителями—но зато крѣпко обидѣла его даромъ слова: онъ трехъ словъ не могъ выговорить безъ того, чтобъ не разсмѣшить людей. Осипыка не то, чтобъ заикался, не то, чтобъ картавилъ, не то, чтобъ шепелявилъ, а какъ-то, Богъ его знаетъ, бормоталъ по своему и не договаривалъ слова, отчего только домашніе, да близкіе люди хорошо понимали его, но посторонними для того, чтобъ сразу понять, что бормочетъ, бывало, Осипыка, непремѣнно нуженъ былъ толмачъ (переводчикъ). Про такихъ людей обыкновенно говорится: „во рту у нихъ мухи путаются“.

Отъ того ли, что Осипъ Иванычъ чувствовалъ, что во рту у него мухи путаются, или ужъ у него правъ былъ такой крутой, неспокойный,—Богъ вѣдаетъ, только онъ, бывало, минуты не пробудетъ молча, а все бормочетъ, все бранится. То примется бранить жену или спохъ... (сыновей—а у него ихъ было трое—онъ никогда почти не бранивалъ, даже грубымъ словомъ не взыскивалъ, потому ли, что сыновья его были молодцы, ребята умные, дѣльные и кроткіе, во всемъ успѣвавшіе угождать взыскательности неугомоннаго отца, или ужъ Осипъ Иванычъ, вполнѣ сознавая нравственное превосходство сыновей надъ собой, стыдился, вслѣдствіе своего самолюбія и вслѣдствіе своего к р а с н о рѣ ч і я, увидѣть улыбку на устахъ сыновей,—неизвѣстно; достовѣрно только, что съ сыновьями онъ обходился кротко, чинно, вѣжливо, и если можно такъ выразиться, деликатно, чего прекрасные молодые казаки вполнѣ заслуживали).

То, говорю, Осипъка вскипится, бывало, на жену или на спохъ, которыя не по немъ вымыли или выгладили бѣлье, или не по его вкусу испекли пирогъ съ осетриной, и тому под.; то пустится корить сосѣдей своихъ, со двора которыхъ на дворъ къ нему какъ-нибудь нечаянно забредетъ корова или лошадь; то ропщетъ, бывало, лѣтомъ на вѣтеръ, когда тотъ, не спросясь Осипьки, сильно дуетъ и мѣшаетъ Осипькѣ въ лугахъ вершить стога сѣна, а зимой—на буранъ (мятель, вьюга, пурга), когда тотъ наноситъ въ степяхъ и лугахъ много снѣга, отчего Осипу Иванычу приходилось кормить стада свои готовымъ сѣномъ, а этого онъ страхъ какъ не любилъ; то изливаетъ, бывало, негодованіе свое на пастуховъ-киргизовъ, которые не такъ, какъ бы слѣдовало, стерегутъ стада его, чрезъ что хищные волки частенько поѣдаютъ барановъ и задушаютъ жеребятъ; то примется, бывало, расписывать полѣсовщиковъ *), будто бы они не берегутъ лѣсъ и худо смотрятъ за водами, будто и лѣсъ (котораго, замѣтить въ скобкахъ, почти что нѣтъ) рѣдѣетъ, и рыба въ Уралѣ, на „ятовяхъ", пропадаетъ; то пустится честить, на чемъ свѣтъ стоитъ, зайцевъ, за то, что они по ночамъ забираются въ его садикъ, стоящій въ лугахъ, подъ горой, недалеко отъ дома, и портятъ яблони, а яблоней во всемъ саду счетомъ пять-шесть деревцевъ; то взъѣстся, бывало, на полую воду, какая бы она ни была, слишкомъ ли большая, или слишкомъ малая—все равно: Осипъ Иванычъ находилъ предлогъ бранить и ту, и другую. Большую полую воду онъ бранилъ за то, что она заливала всю долину Урала, отъ кряжа до кряжа, и потопляла въ лугахъ остатки его стараго сѣна, отчего онъ терпѣлъ убытокъ; малую же полую воду Осипька бранилъ за то, что она не поливала его садика, отчего яблоки не родились, или хотя родились, но малыя и при томъ кислыя; словомъ, не было ни одного предмета, ни одного лица, кромѣ, какъ уже сказано, сына-

*) Родъ лѣсниковъ, которые, сверхъ лѣса, надзираютъ и за р. Ураломъ, чтобъ никто не ловилъ рыбу въ запрещенное время.

вой, которымъ бы Осипька былъ вполнѣ доволенъ и съ которымъ бы жилъ въ ладахъ.

Чаще всего, однакожъ, Осипька схватывался съ женой. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобъ онъ не поругалъ жену и не погрозилъ ей или кулакомъ, или вилами, или чѣмъ другимъ, что попадетъ подъ руку; но дѣло одной только угрозой и оканчивалось: ни разу въ жизни Осипъ Иванычъ не наложилъ, какъ говорятъ казаки и казачки, руки на добронравную и веселую свою „сожительницу“. Осипъ Иванычъ только на словахъ храбрился и ярился, „аки звѣрь дубравный“, а когда дѣло доходило до развязки, превращался въ „агнца смиреннаго“.

Жена привыкла къ мужу, хорошо знала его характеръ или, по словамъ казаковъ, обычай, и потому, разумѣется, нисколько не боялась угрозъ его, будучи увѣрена, что угрозы такъ и останутся угрозами. Она иногда и сама, смѣха ради, подстрекала мужичка своего противъ себя, чтобъ испытать, достанетъ ли у него духу и храбрости ударить ее, но за всѣмъ тѣмъ ни разу въ жизни не удалось ей испытать такого удовольствія. Однажды, сказывали старики, жена Осипа Иваныча выходкой своей въ этомъ родѣ разсмѣшила весь форпостъ до слезъ и заставила улыбнуться самого Осипыку, что случалось съ нимъ весьма рѣдко.

Осипъ Иванычъ ѣхалъ изъ луговъ съ возомъ сѣна. (Хотя онъ былъ и богатъ, но не любилъ сидѣть, сложа руки, безпрестанно чѣмъ-либо занимался, пріучая къ труду и сыновей, о чемъ будетъ сказано ниже). Лошадь устала и съ трудомъ тащила возъ; на улицѣ, за нѣсколько шаговъ до дома, она совсѣмъ выбилась изъ силъ и остановилась. Сначала Осипька понукалъ ее, а потомъ, по манерѣ казаковъ, принялся колотить ее вилами по бокамъ и по чемъ ни попало. Лошадь, бѣдняжка, и взвивалась на дыбы, и падала на землю, но съ мѣста не трогалась. Казаки, бывшіе въ тотъ разъ на улицѣ, рады были случаю подшутить и посмѣяться надъ Осипомъ Иванычемъ, потому особенно были рады, что усталая лошадь была собственнаго его завода, которымъ Осипька не переставалъ всегда хвастаться.

— Хорошенько ее, Осипъ Ивановичъ! Хорошенько ее, разбойницу! По бокамъ-то, по глазамъ-то ее! Вотъ такъ! Вотъ такъ!—кричали со всѣхъ сторонъ казаки.

Осипка еще больше злился и выходилъ изъ себя, вымещая злость свою на бѣдной лошаденкѣ.

Вдругъ отворились ворота его дома и вышла на улицу Афимья Сидоровна, дражайшая его супруга. Покачавъ головой и всплеснувъ руками, Афимья залилась звонкимъ смѣхомъ; потомъ, подавивъ, чуть не со слезами, смѣхъ, она обратилась къ толпѣ казаковъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ храбрившагося героя, и громко, съ разстановкой, сказала имъ, указывая рукой на мужа:

— Вотъ, атаманы-молодцы, смотрите и замѣчайте: ужъ есть когда который мужъ больно бьетъ лошадь, тотъ, необлыжно говорю, вовсе не бьетъ жену свою!

Слова эти, сказанныя женой, повидимому, въ накладъ самой себѣ, разумѣется, вызвали изъ толпы сильный взрывъ смѣха и, ко всеобщему юмору, мгновенно разнеслись по всему форпосту. Не выдержалъ и самъ Осипка: онъ улыбнулся и тотчасъ ушелъ въ избу, гдѣ сѣлъ за щи и кашу, а лошадь передалъ дѣтямъ или работникамъ. Этимъ исторія и кончилась.

Сказано, что Осипка былъ богатъ. По богатствомъ своимъ онъ не умѣлъ распоряжаться, или распоряжался по-своему, наперекоръ здравому смыслу. Денегъ у Осипки было много, но онѣ лежали у него подъ спудомъ, въ кочагахъ, да въ кувшинахъ; въ торговые обороты онъ ихъ не пускалъ, по крайней мѣрѣ, въ большіе обороты.

Вообще Осипка не любилъ торговли, не дозволялъ и дѣтямъ заниматься ею, исключая мелочной мѣны съ киргизами. Напримѣръ, во время „плавеннаго“ (осенью) или „севрюжнаго“ (весной) рыболовства по Уралу, дѣти его просятъ у него денегъ, чтобъ ѣхать на рыболовство не въ качествѣ ловцовъ, а въ качествѣ торговцевъ, то есть, вмѣсто того, чтобы самимъ рыбачить, дѣти желаютъ покупать рыбу у казаковъ-рыболововъ и потомъ перепродавать ее ино-

роднимъ торговцамъ, что гораздо вѣрнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ самимъ рыбачить. Но Оспнька покачаетъ, бывало, головой и съ ироніей скажетъ:

— Какъ же, сейчасъ дамъ я вамъ денегъ!.. вишь каки проявились купцы; желалъ бы знать, изъ какой страны пожаловали, изъ Москвы, что ли, аль изъ Питера? Нѣтъ, соколики, не торговать, не барышничать, а рыбку ловить поѣзжайте-ка; садитесь-ка въ бударки, да поработайте до поту лица, какъ я работалъ, какъ дѣдушка и прадѣдушка вашъ работали; это будетъ лучше. Барышъ мнѣ вашъ не нуженъ, плевать я на него хотѣлъ! Мнѣ нужно, чтобъ вы были настоящи казаки, а не лежебоки, не блинники каки, да не чихирники, знали бы на самомъ дѣлѣ нужду казачью, какова есть она, нужда-то казачья. А вотъ, присовокупляетъ, бывало, Оспнька:—послѣ меня, какъ я умру, что хотите, то и дѣлайте—перечить вамъ не стану (какая снисходительность!), а при мнѣ, пока я живъ, нѣтъ мово вамъ благословенья, чтобъ идти въ купцы. Не безмѣномъ, не аршиномъ рудуйте, а багромъ, да весломъ—это будетъ лучше и казаку слично (прилично).

Ежели что было у Оспньки на виду, такъ это косякъ лошадей, въ 400 или 500 головъ, да небольшія партіи барановъ; но и этимъ добромъ упрямый Оспнька распоряжался не по-людски, а по-своему.

Извѣстно, что всякій скотъ на Уралѣ круглый годъ ходитъ въ степи или въ лугахъ на подножномъ корму. Если зима легка и снѣга не глубоки, то скотъ безъ нужды, или съ маленькой нуждой, довольствуется травкой, какую добудетъ копытомъ изъ-подъ снѣга; но если зима сурова и снѣга глубоки, хозяева кормятъ скотъ готовымъ сѣномъ, что, безъ сомнѣнія, сопряжено съ большими расходами и убытками. Въ неблагопріятныя, то есть, суровыя и многоснѣжныя зимы, хорошіе и толковые хозяева изъ послѣдняго, какъ говорится, бьются и хлопочутъ, чтобы не уморить скотъ голодомъ: весь запасъ сѣна, у кого какой есть, искармливаютъ скоту; не достаетъ своего сѣна—покупаютъ, тратя для того послѣднюю

копѣйку или входя въ долги, чтобъ весной съ выгодой продать сбережепный скотъ и остаться въ барышахъ. Но Осипька и тутъ являлся Осипькой. Несмотря на то, что въ лугахъ у него стоятъ, бывало, десятки стоговъ и скирдовъ сѣна, онъ не тронетъ это сѣно до тѣхъ поръ, пока на лошадяхъ и барапахъ останется отъ безкормицы одна кожа да кости; но тогда и сѣно ужъ не помогаетъ. Къ веснѣ, послѣ суровой зимы, глядишь, у Осиньки если не все, то большая половина стадъ и табуновъ издыхаетъ. Ему говоритъ кто нибудь изъ сосѣдей, зачѣмъ онъ во-время не кормитъ скотъ сѣномъ, когда у него есть сѣно. „Зачѣмъ?“ возражаетъ Осипька, „вотъ тебя не спросился. Самъ-то ты больно хорошъ, что и баять“.

Послѣ такого несчастія Осипька прехладнокровно открываетъ, бывало, которую-либо изъ корчагъ, достаетъ оттуда лобанчики да крестовики и снова пополняетъ убыль въ табунахъ и стадахъ.

Изъ того, что сейчасъ сказано, можно подумать, что Осипька былъ или недальновиденъ, то есть, по просту сказать, глуповатъ, или черезчуръ скупъ. Ни то, ни другое, ежели строго судить. Осипька вовсе не былъ глупъ—я зналъ его. Скупость за нимъ водилась, правда, но не въ такой степени, чтобъ онъ изъ скупости морилъ свой скотъ—нѣтъ; всему виной въ этомъ дѣлѣ какое-то странное и дикое самолюбіе или, просто-на-просто, упрямство, которое дало поводъ казакамъ говорить про Осиньку вотъ что: „Осипька не дуракъ, какъ баранъ, но упрямъ, какъ баранъ: гони барапа въ воду, онъ вонъ бѣжитъ; тащи барана изъ воды, онъ въ воду лѣзетъ. Такъ и Осипька: толкуй ему это, а онъ дѣлаетъ свое, хотя и знаетъ, что тянетъ не за тотъ гужъ“.

Дѣйствительно, замѣтъ кто-нибудь посторонній Осипькѣ, что, дескать, пора, Осипъ Иванычъ, взять барановъ на сѣно, Осипька заупрямится и не возьметъ барановъ на сѣно, то есть, не станетъ кормить ихъ сѣномъ, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ того, какъ получитъ замѣчаніе или совѣтъ постороннято, хотя въ душѣ и сознаетъ, что надо бы это сдѣлать. Въ оправданіе себя или, правильнѣе, въ утѣшеніе

себѣ, онъ обыкновенно говаривалъ въ такихъ случаяхъ вотъ что: „батишка (отецъ) мой чужимъ умомъ не жилъ и мнѣ не велѣлъ“.

Осипъ Иванычъ не любилъ знакомства съ начальниками, или есаулами *), особенно же съ начальницами, или есаульшами, и, конечно, поступалъ отчасти хорошо, а это даетъ поводъ убѣждаться, что Осипка далеко не былъ по уму баранъ. Ежели какая пазойливая есаульша, зараженная примѣромъ такой же атаманьши, желающая всѣми правдами-неправдами вымапить подарочекъ, вздумаетъ пригласить къ себѣ въ гости Афимью Сидоровну, супругу Осипа Иваныча, то онъ съ негодованіемъ посмотритъ на это приглашеніе и скажетъ: „Пошла!... поносись!... Дура! рази ты нужна? Не ты, а подарокъ твой нуженъ“. Говоря это, Осипка—увы! совершенно былъ правъ...

Еще Осипка не любилъ должность полѣсовщиковъ и надемотрщиковъ за водами и, какъ чумы, бо́ялся этой должности. Казакамъ-старикамъ, назначаемымъ въ эту должность, полагается, въ родѣ жалованья, собираемаго, по раскладкѣ, съ другихъ обывателей-стариковъ, до 35 руб. сер. въ годъ. Но Осипка отъ себя готовъ былъ отдать вдвое больше этого, чтобъ избавиться такой „компесіи“. Зная за Осипкой эту слабость, н ѣ к о т о р ы е, отъ кого зависитъ, нарочно, бывало, пошлютъ объявить Осипкѣ, что онъ выбранъ и назначенъ въ полѣсовщики, хотя полѣсовщики, кромѣ Осипки, есть уже другіе. И вотъ Осипка сторонкой шлетъ, кому слѣдуетъ, или фунтъ цвѣточнаго чая, или голову сахару, чтобъ выкупить собственную свою голову отъ такой „компесіи“.

---

*) Здѣсь подъ именемъ е с а у л а не должно разумѣть непремѣнно казачьяго офицера въ есаульскомъ чинѣ. Начальниками форпостовъ, или станицъ, бываютъ низшіе чины, напримѣръ, урядники. По старой привычкѣ, казаки всѣхъ форпостныхъ начальниковъ, безъ разбора, кто бы они ни были, офицеры ли, урядники ли, называютъ е с а у л а м и, а женъ ихъ—е с а у л ь ш а м и. Дистаночнаго же начальника, завѣдывающаго нѣсколькими форпостами, тоже по старой привычкѣ называютъ а т а м а н о м ъ, а жену его—а т а м а н ь ш е й.

Если подобныя продѣлки со стороны нѣкоторыхъ повторятся въ годъ раза три-четыре (да и повторялись почти такъ), Осипька по-неволѣ иногда скажетъ: „На!... на!... на!... Что дѣла-а-а-а-ю-ю-ю-ть!... А еще благородными считаются... Одрало бы васъ!...“

Осипька избѣгалъ должности полѣсовщика не потому, чтобъ она была тяжела и хлопотлива, а потому, что должность эта заставляла его каждое воскресенье являться къ мѣстному начальнику, а когда пріѣдетъ на форпостъ дистаночный атаманъ, то и къ атаману, и „шпортовать“ имъ, что „при лѣсахъ и водахъ обстоитъ благополушно“. Вотъ этихъ-то „являться“ и „шпортовъ“ Осипька не любилъ, и не почему-либо другому, а потому собственно, что иногда очень частенько, вопреки души и совѣсти, долженъ былъ говорить „благополушно“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ, по словамъ „шпорта“, „благополушно“, чортъ ноги переломаетъ...

Вотъ каковъ былъ Осипька Вертячкинъ.

Подъѣхавъ къ воротамъ дома, Осипька встрѣтилъ ихъ запертыми. Афимья, проводивъ друга своего на охоту, пообѣдала, заперлась и улеглась съ дѣтьми на погребицѣ спать. Скоро ли Осипька достучался жену, скоро ли та встала и впустила мужа на дворъ, скоро ли мужъ вымолвилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ (Осипька вмѣсто того, чтобъ разомъ спросить о дѣлѣ, вскинулся, по обыкновенію, на жену и сталъ укорять ее, что она все „дрыхнетъ“, а о мужѣ мало думаетъ), скоро ли отыскали янгу, скоро ли вымыли и вычистили ее (она оказалась нѣсколько неопрятной, закопченой), а время, между тѣмъ, шло да шло. Уложивъ янгу въ переметныя сумки у сѣдла, Осипька спросилъ напиться „айряну“ *). Пока жена приготовляла питье, Осипька от-

*) Кислое, разведенное водой молоко.

правился на задній дворъ дозоромъ, посмотрѣть, не забрались ли туда чужія лошади или коровы, чего Оспька донельзя не любилъ. Чужой ни одной скотины не оказалось, но зато, педумапно-негаданно, явилась своя: въ углу двора, подъ навѣсомъ, Оспька увидѣлъ доморощеннаго околотня, чалаго „маштака" (плохая лошаденка), который цѣлую недѣлю передъ тѣмъ находился въ бѣгахъ и котораго только несносная жара и оводъ загнали въ тотъ день изъ луговъ на хозяйскій дворъ. Мотая головой и помахивая хвостомъ, чалый тяжело дышалъ и не обращалъ вниманія на хозяина. Оспька сердитъ былъ на чалаго за его бродяжничество и тотчасъ вздумалъ его наказать.

— А, голубчикъ, ты здѣсь! Постой, я проучу тебя, я выбью изъ тебя сыръ-боръ! не станешь впередъ пропадать по цѣлымъ недѣлямъ.

Послѣ этого Оспька разсѣдлалъ хорошую и видную лошадь, на которой передъ тѣмъ выѣзжалъ на охоту, и поставилъ ее въ конюшнѣ, а чалаго, маленькаго и лѣнивато маштачишку, засѣдлалъ съ намѣреніемъ ѣхать на охоту. Хотя вновь засѣдланный чалый, въ сравненіи съ разсѣдланной лошадью, былъ кляча-клячей, но Оспька разсудилъ, что ему не за лисой или волкомъ гнаться; что для охоты за сайгаками нужно проѣхать какихъ-нибудь верстъ пятнадцать; что на мѣстѣ охоты лошадь оставляется и охотникъ ходитъ пѣшкомъ, слѣдовательно, чалый, употреблявшійся дотолѣ для низкой домашней работы, можетъ отслужить новую службу, а, главное, Оспька въ умѣ своемъ рѣшилъ наказать чалаго за бродяжничество.

Пока Оспька возился около чалаго, выбирая изъ гривы его и хвоста репьи, которыхъ тотъ набрался, блуждая по лугамъ, пока Оспька прохлаждался за айрякомъ со льдомъ, прошелъ цѣлый часъ времени; наконецъ, спохватившись, что опоздалъ, Оспька выѣхалъ со двора, ворча на жену и на чалаго, которыхъ почему-то считалъ виновными въ своей медленности, хотя ни жена, ни чалый не были въ этомъ виноваты.

На улицѣ, желая добиться отъ чалаго рыси, Осипька прибѣгъ къ нагайкѣ, но чалый, больше знакомый съ вилами и хворостинами, мало обращалъ вниманія на удары нагайки, вертѣлъ хвостомъ, ежился, да сѣменилъ ногами, но въ рысь не пускался... На выѣздѣ изъ форпоста Осипькѣ встрѣтился сосѣдъ, С. Горячкинъ, возвращавшійся изъ луговъ, и спросилъ его:

— Куда ѣдешь, лыцарь?

Осипька ничего не отвѣчалъ, плюнулъ и съ презрѣніемъ отворотился. Осипька, изволите знать, питалъ сильное предубѣжденіе къ слову к у д а, просто терпѣть не могъ этого слова, если оно означало вопросъ. Спросить человѣка: „куда идешь?“ по мнѣнію Осипьки, значило повредить человѣку. Осипька, придерживаясь кой-какихъ предразсудковъ, свойственныхъ многимъ смертнымъ, между прочимъ, вѣрилъ, что съ человѣкомъ, отправляющимся на какой-либо промыселъ, особенно на охоту, непремѣнно или несчастіе приключится, или большая неудача въ предпріятіи выйдетъ, если человѣка этого при сборахъ кто спроситъ: „куда идешь, или ѣдешь?“. По мнѣнію Осипьки, слѣдовало, если это ужъ необходимо нужно, вмѣсто к у д а? спросить: д а л е к о л и, или в ъ к о т о р у ю с т о р о н у идешь или ѣдешь? Спросить, бывало, Осипьку: „куда идешь?“, значило почти одно и то же, что плюнуть ему въ бороду или назвать его н е п р и р о д н ы м ъ *). Теперь понятно, отчего Осипька не удостоилъ отвѣтомъ Горячкина. Послѣдній спохватился и вспомнилъ, что слово к у д а для Осипьки хуже остраго ножа и потому поспѣшилъ перемѣнить вопросъ, сказавъ:

— Въ которую сторону собрался, лыцарь удалый?

— Разви не видишь?... ослѣпъ, что ли... чортъ...—со злостью проговорилъ Осипька.

Горячкинъ улыбнулся и снова заговорилъ.

— Осипъ Иванычъ, какъ тебѣ не совѣстно сердиться изъ-за пустяковъ? да какъ тебѣ еще не совѣстно ѣздить на

*) Разумѣется, казакомъ.

такомъ „саврѣ“ *) У тебя вѣдь цѣлый табунъ коней: чай, было бы изъ чего выбрать.

— Тебя вотъ не спросился. Самъ-то ты больно хорошъ, чортъ... чаво и бать...—пробормоталъ Оспнька, не глядя на Горячкина, и пришялся погонять чалаго изъ всѣхъ силъ.

Горячкинъ расхохотался и, немного погодя, проговорилъ вслѣдъ Оспнькѣ:

— Киргизы!... Убей васъ, гдѣ вы ходите! Пріѣзжайте къ намъ! Возьмите Оспньку и съ чалымъ „аргамакомъ“ его. Киргизы! гдѣ шляетесь? Взгляните на нашего молодца, на такое сокровище! Онъ самъ отдается вамъ въ руки...

Услыхавъ насмѣшку, Оспнька оборотился къ Горячкину, послалъ ему какое-то крѣпкое словцо и поѣхалъ дальше, по слѣдамъ Бакировыхъ; но ихъ въ то время, разумѣется, не видно было: они заѣхали ужъ въ „барханы“.

Пока Вертячкинъ ѣдетъ къ товарищамъ, братьямъ Бакировымъ, и разыскиваетъ ихъ въ степи, мы взглянемъ, что они подѣлываютъ.

Проѣхавъ отъ р. Багырдая нѣсколько верстъ, Бакировы встрѣтили сайгаковъ. Слѣзши съ лошадей, охотники стреножили ихъ и пустили на траву, а сами, съ винтовками въ рукахъ, пошли подъ сайгаковъ—одинъ братъ въ сторону, другой въ другую. Младшему брату довелось прежде подползти къ сайгаку и выстрѣлить въ него. Но лишь только казакъ выстрѣлилъ изъ винтовки, на него, какъ снѣгъ на голову, нахлынула партія, человѣкъ до тридцати, киргизовъ.

За нѣсколько дней до того, киргизы Зауральской Орды, адайскаго рода, гдѣ-то выше или ниже Красноярскаго форпоста, незамѣтнымъ образомъ перебрались изъ-за Урала на внутреннюю сторону и углубились въ „барханы“, съ цѣлью

---

*) Саверъ, одрань, надеръ, карымгай и многія другія прозвища, которыя не мѣсто здѣсь приводить—прозвища, насмѣшливыя, даваемыя казаками плохимъ лошадямъ и... такимъ же людямъ.

поживиться на счетъ русскихъ, или на счетъ своей же братьи, Букеевской орды киргизовъ, кочующихъ между Волгой и Ураломъ. Шайка эта отдыхала въ „барханахъ", недалеко отъ „Четырехъ-Колодцевъ", куда направлялись, какъ выше сказано, братья Бакировы. Завидѣвъ казаковъ издали, киргизы разбѣжались по сторонамъ и притаились за холмами, съ намѣреніемъ выждать удобную минуту, чтобы врасплохъ напасть на охотниковъ. Напасть на нихъ прямо киргизы не смѣли, боясь заряженныхъ винтовокъ.

Когда младшій изъ братьевъ Бакировыхъ выпустилъ зарядъ по сайгаку, киргизы въ то же мгновеніе напали на казака и, не давъ ему оправиться и вновь зарядить винтовки, сшибли его, такъ сказать, пиками и добили чаканами *). Несчастный сайгачникъ въ первыя минуты, какъ напали на него разбойники, хотя и отмахивался винтовкой, но не отмахался, только изломалъ ее въ дребезги, не ранивъ притомъ ни одного киргиза.

Старшій братъ, заслышавъ, вѣроятно, крикъ и визгъ (у киргизовъ, при нападеніи, дѣло не обходится безъ крика и визга, хотя бы сто человѣкъ нападало на одного), бросился въ ту сторону, гдѣ находился младшій братъ, но, пробѣжавъ саженей сто, встрѣтился съ киргизами. Убивъ одного охотника, киргизы напали на другого; но, видя въ рукахъ послѣдняго винтовку и зная, что она еще не разряжена, остановились. Никто изъ киргизовъ не смѣлъ съ холоднымъ оружіемъ подступить къ казаку, а огнестрѣльнаго оружія у киргизовъ не было. Немногіе смѣльчаки, или такъ называемые „батыри", выскакивали впередъ и напускались на казака съ пикой или чаканомъ въ рукѣ, но въ то же мгновеніе, какъ казакъ вскидывалъ къ плечу винтовку, осаживали лошадей и возвращались назадъ.

Казакъ, выдержавъ первый натискъ киргизовъ, видимо, оправился, смѣло вскрикнулъ на разбойниковъ, чтобъ они дали ему дорогу, и сталъ подвигаться къ одному холму для

*) Небольшой топорикъ, насаженный на длинную рукоятку.

того, вѣроятно, чтобъ имѣть больше выгодъ защищаться. Киргизы хотя и старались преградить казаку дорогу, но держались отъ него, такъ-сказать, въ почтительномъ разстояніи, потому, конечно, чтобъ не столкнуться лбомъ съ его пулей. Дѣло казака поправлялось; но вдругъ, такъ ужъ, вѣроятно, судьбѣ было угодно, между киргизами сдѣлалось сильное движеніе и раздались голоса:

— А гдѣ алачинецъ? Давайте его сюда!...

— Да, да, гдѣ алачинецъ? Онъ хвалился, онъ обѣщался, онъ далъ слово идти на русскаго одинъ-на-одинъ. Давайте его сюда!

— Правда, правда! Пускай исполнитъ обѣщаніе, пускай выходитъ на русскаго. Гдѣ онъ? Давайте его!

— Вонъ онъ, вонъ онъ! Эй! иди сюда, батырь! Эй! докажи намъ, что ты джигитъ.

Киргизы, напавшіе на Бакировыхъ, были, какъ уже сказано, адайскаго рода. Въ степи за Ураломъ, когда они приближались къ линіи, съ намѣреніемъ перейти на внутреннюю сторону, съ ними встрѣтился бродячій, должно быть, извергнутый за что-либо изъ своего рода, киргизъ алачинскаго рода, тотъ самый, къ которому относились вышеприведенныя слова адайцевъ. Алачинецъ, при встрѣчѣ съ адайцами, сталъ проситься, чтобъ они взяли его съ собой на разбой. Адайцы отказывали; алачинецъ настаивалъ. Наконецъ, адайцы согласились взять алачинца въ свою шайку, но съ условіемъ, чтобъ онъ, если встрѣтится надобность, поискалъ одинъ-на-одинъ на вооруженнаго русскаго, разумѣется, на казака. Алачинецъ согласился и присталъ къ шайкѣ адайцевъ.

Алачинецъ, заслышавъ нерадостные голоса, къ нему взывавшіе, сильно струсилъ; да и было чего струсить: онъ зналъ, что пули казака не пролетитъ мимо цѣли. Прежде, чѣмъ адайцы стали вызывать его, онъ догадывался или, такъ-сказать, предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется, и потому держался въ сторонѣ, чтобъ, полагать надо, не попасться на глаза главнымъ распорядителямъ шайки, съ которыми онъ заключилъ договоръ идти на русскаго.

Безъ сомнѣнія, алачинецъ въ душѣ проклиналъ свое неумѣстное и неосторожное самохвальство и молился, конечно, Богу, чтобъ грозная туча пронеслась мимо, но она какъ-разъ надъ нимъ разразилась.

Адайцы, видя нерѣшительность и уклончивость алачинца, схватили подъ уздцы его лошадь, вывели на средину и, поставивъ противъ казака, сказали:

— Чего еще ждешь? Иди!

Но алачинецъ молчалъ, дрожалъ, пятился назадъ и отрицательно качалъ головой.

— А! ты не хочешь, ты боишься, ты трусишь русскаго? Ну, хорошо же, мы съ тобой раздѣлаемся!—говорили разсерженные и раздраженные адайцы.—Слушай! ты далъ слово идти на русскаго; мы на тебя попадѣялись и напали на русскаго, а ты теперь измѣняешь. Знаешь ли, что изъ этого можетъ выйти? русскій отъ насъ уйдетъ, встревожитъ форпостъ, явится сюда команда и—тогда, понимаешь, изъ-за тебя мы всѣ пропали! Не лучше ли одному за всѣхъ гибнуть, чѣмъ всѣмъ за одного—а? русскій, и то можетъ случиться, промахнется, и ты останешься живъ. Слышишь, иди на русскаго!

— Не могу!...—сказалъ дрожащимъ голосомъ алачинецъ.

— Ступай, ступай!—кричали адайцы.—Если не пойдешь на русскаго, то мы сами тебя убьемъ, какъ лгуна—не все ли равно? Выбирай одно: или ступай на казака, или издыхай вотъ здѣсь.

Тутъ нѣкоторые изъ адайцевъ взялись за сабли и не шутя погрозили алачинцу.

— Иду!...—нехотя, какимъ-то пискливымъ и плачевнымъ голосомъ проговорилъ алачинецъ.

Послѣ того онъ слѣзъ съ лошади, раздѣлся до-пага, оставшись въ однихъ кожаныхъ шароварахъ и прикрывъ голову красной тюбетейкой (родъ ермолки), потомъ талію свою перетянулъ туго-на-туго, въ нѣсколько рядовъ, арканомъ, взялъ на перевѣсъ длинную пику и медленно, бормоча молитву, пошелъ на казака; но, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ, въ нерѣшимости остановился: ему страшно было взглянуть на казака, стоявшаго предъ нимъ въ грозной позѣ и державшаго въ рукахъ винтовку, готовую въ одно мгновеніе вырвать смерть. Между тѣмъ, сзади алачинца раздавались голоса одобренія и угрозъ. Алачинецъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Казакъ, прикладываясь къ винтовкѣ, дрожащимъ, но сильнымъ голосомъ вскричалъ:

— Не подходи!.. Убью!...

Алачинецъ, блѣдный, какъ полотно, снова остановился и съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на адайцевъ, а они, махая саблями и потрясая пиками, держась, однако, въ сторонѣ, въ неистовствѣ кричали:

— Иди, иди!... не то убьемъ тебя, какъ собаку.

Алачинецъ дико застоналъ, стиснулъ зубы и, нагнувшись, какъ быкъ, кинулся на казака. Казакъ выстрѣлилъ, и пуля попала алачинцу прямо въ темя. Алачинецъ упалъ и, падая, уткнулъ пикой въ землю. Древко пики переломилось на-двое. Казакъ бросился къ алачинцу и схватилъ-было отломокъ пики, чтобъ оборониться имъ; но адайцы въ то же мгновеніе напали на него со всѣхъ сторонъ, принялись колоть его пиками и рубить саблями и чаканами... Погибъ и старшій братъ Бакировъ.

Лишь только адайцы успѣли убить несчастнаго охотника, какъ одинъ изъ разбойниковъ, такъ называемый, „махальный“, стоявшій на холмѣ, въ родѣ часового, подалъ товарищамъ знакъ, чтобъ они береглись, и адайцы снова разсѣялись и попрятались въ барханахъ. Причиной тревоги киргизовъ былъ Осипка Вертячкинъ.

Вотъ и онъ, молодчикъ, явился на „саврѣ“ своемъ, чаломъ маштакѣ. Что-то съ нимъ, съ Осипомъ Иванычемъ, будетъ? Да ничего. Чалый маштакъ... Впередъ, однакожъ, забѣгать не слѣдуетъ. Дѣло скоро разъяснится.

Пріѣхавъ къ рѣчкѣ Багырдаю, гдѣ чаялъ найти, но не нашелъ товарищей, Осипька съ легкимъ неудовольствіемъ поворчалъ на нихъ, надѣясь еще увидѣться съ ними у Четырехъ-Колодцевъ; потомъ принялся чествть чалаго, обѣщая ему и въ хвость, и въ гриву милліонъ решевъ за то, что онъ мало повиновался нагайкѣ и выступалъ себѣ шажкомъ, повиливая хвостомъ и помахивая головой, а потомъ напустился на рѣчку, обѣщая, чтобъ утопилась въ ней паршивая овца. Неблаговоленіе къ рѣчкѣ Осипька питалъ за то, что она, вѣдь, рѣчкой-же слыветъ, а вода-то въ ней тепла, словно щелокъ, утолить жажду нельзя. Побранивъ порядкомъ и чалаго, и рѣчку, Осипька прищурилъ косые глаза и какъ-то непріязненно взгляшулъ на солнце, которое сильно припекало, но не осмѣлился, однакожъ, произнести на счетъ солнца ничего вольнаго, а только проговорилъ, почесавъ за ухомъ:

— Гм!... кака оказія-та! такъ и жаритъ, словно въ банѣ на полкѣ.

Осипька поѣхалъ дальше. Сначала онъ ѣхалъ по слѣдамъ Бакировыхъ, но потомъ, соскучившись безпрестанно разглядывать на сыпучемъ пескѣ не слишкомъ ясные конскіе слѣды, поѣхалъ самъ по себѣ, отъ „бархана“ къ „бархану“. Наконецъ, пріѣхалъ къ Четыремъ-Колодцамъ, но Бакировыхъ и тамъ не засталъ. Тутъ ужъ Осипька плюнулъ съ досады и разразился сильной бранью на товарищей.

— Вотъ народецъ-то, вотъ народецъ-то! — говорилъ Осипька:—удрали, удрали! Не терпѣлось, ей-Богу, не терпѣлось!... Что-бъ подождать немного? Куда понеслись на ночь кадыкомъ-то?... Ну, ужъ народецъ—нечего сказать!... Стоитъ переломленнаго... рычага... Впередъ водиться не стану...

Послѣ того, Осипька поворотилъ въ сторону, но ужъ не съ намѣреніемъ отыскать товарищей, а съ цѣлью поохотиться самому за сайгаками, убить, на зло товарищамъ, два-три козла и потомъ воротиться домой.

Разъѣзжая по степи, между „барханами“, и не встрѣчая

сайгаковъ, которые шайкой киргизской были распуганы, Осипька приблизился къ тому мѣсту, гдѣ происходило столкновеніе у Бакировыхъ съ киргизами, услыхалъ и выстрѣлъ послѣдняго изъ Бакировыхъ и поѣхалъ прямо туда. Но такъ какъ знаменитый чалый аргамакъ его не торопился и выступалъ черепашьимъ шагомъ, то Осипька и не поспѣлъ къ мѣсту драки во-время. Между тѣмъ, мы знаемъ, адайцы увидѣли Осипьку и схоронились за холмами. Осипька проѣхалъ близко мимо убитыхъ казака и киргиза, въ разстояніи какихъ-нибудь ста саженей, но, по причинѣ холмистой мѣстности, не замѣтилъ ихъ.

Пропустивъ впередъ мимо себя Осипьку, адайцы совокупились, взобрались на одинъ изъ большихъ „маровъ“ и на вершинѣ его, въ глубокой „впадинѣ“ (въ ямѣ), остановились, сѣшились и стали наблюдать за Осипькой.

Постоявъ и повертѣвшись немного на одномъ мѣстѣ, Осипька прокричалъ Бакировымъ, но не получилъ отклика. Подумавъ, что Бакировы слышатъ его, но не хотятъ откликнуться съ намѣреніемъ пошутить, посмѣяться надъ нимъ, Осипька крѣпко обидѣлся и разсердился на товарищей, поворотилъ чалаго назадъ и поѣхалъ домой, бросивъ охоту за сайгаками.

Слѣдуя обратнымъ путемъ, Осипька проѣзжалъ около самаго подножія того холма, на вершинѣ котораго въ ямѣ скрывались адайцы. Не замѣчая адайцевъ, Осипька продолжалъ свой путь, бормоча на Бакировыхъ и не зная, разумѣется, что они были въ то время покойными.

Когда онъ поровнялся съ адайцами, тѣ, разсчитывая на невзрачную наружность Осипькиной лошади, на близость разстоянія, а главное на то, что винтовка у казака была въ чехлѣ за плечами, думали-было внезапно напасть на него. Многіе изъ адайцевъ готовы ужь были сѣсть на лошадей и броситься на Осипьку. Сдѣлай это адайцы — пропалъ бы нашъ Осипька, какъ пропали и Бакировы, пропалъ бы Осипька и съ „чалымъ аргамакомъ“, какъ предсказывалъ въ насмѣшку Горячкинъ, при выѣздѣ Осипьки на охоту. Но,

къ счастью Осиньки и его „савра", адайцы не напали. Одинъ изъ старшихъ киргизовъ остановилъ покушеніе смѣльчаковъ.

— Напасть мы, пожалуй, нападемъ,—сказалъ этотъ киргизъ:—ничего не сдѣлаемъ. Русскій отъ насъ ускачетъ, дастъ знать на форпостъ казакамъ; прискачетъ сюда команда и тогда мы пропали.

— Не ускачетъ!—возразили адайцы:—посмотри, какая подъ нимъ лошадь,—мышенокъ, а ружья онъ не успѣетъ достать изъ чехла.

— Мышенокъ не мышенокъ,—сказалъ первый киргизъ,—а лошадка, правда ваша, незавидная—противъ этого спорить не стану, но только, слушайте меня, бывалаго человѣка, эта лошадь ускачетъ отъ нашихъ.

— Почемъ ты знаешь? -спорили иные адайцы, которымъ жаль было упустить Осиньку.

— А вотъ почемъ,—отвѣчалъ осторожный киргизъ:—ужъ если казакъ, да еще цизовый (то есть, линейный), рѣшился ѣхать въ степь на такой съ виду дрянной лошаденкѣ, значитъ, лошадь эта только съ виду нехороша, а на самомъ дѣлѣ она легка, какъ вѣтеръ, рѣзва, какъ сайгакъ.

Адайцы, выслушавъ стараго киргиза, согласились съ его доводомъ и пропустили Осиньку мимо себя благополучно.

Когда Осинька скрылся изъ виду, адайцы сняли съ убитыхъ казаковъ одежду (лошади казачьи давно ужъ были въ ихъ рукахъ; они завладѣли ими еще тогда, когда убили перваго сайгачника) и удалились.

Подъѣхавъ снова къ Багырдаю, Осинька остановился, напоилъ чалаго и пустилъ его на траву, а самъ вздумалъ понѣжиться и отдохнуть. Выкупался Осинька въ рѣчкѣ, повалялся на травкѣ близъ берега, поѣлъ ватрушки съ творогомъ и, успокоившись, поѣхалъ дальше, мурлыча пѣсни. Подъ конецъ пути, въ виду форпоста, онъ, между прочимъ, запѣлъ слѣдующую, любимую имъ, старинную пѣсню:

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя моря подымалися—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со купцею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ Устиманъ—звѣрь.
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя,
Какъ на каждиной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ:
Посредь спины у него, Устина, золото блюдо.
Не чистой жемчугъ по блюду разсыпается—
Всѣ то звѣри лютые разбѣгаются.
Подбѣгали звѣри лютые дивные къ Янку—къ рѣкѣ,
Воскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ вельми громкимъ голосомъ.
Всѣ сыры-дубы съ кореньемъ посломалися,
А быстра рѣка Янкушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыръ-матерый-дубъ.
На дубу на томъ спдѣлъ не сизой орелъ,
Не сизой орелъ—удалый добрый молодецъ.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
Попадалъ же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце,
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать—на сыру-землю.
Застонала мать сыра-земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго самого Устимана *).

---

*) Смыслъ этой пѣсни, несмотря на ея аллегоричность, довольно ясенъ. Въ лицѣ Устимана-звѣря мы должны видѣть не настоящаго какого-нибудь звѣря, а старинпаго азіатскаго, напримѣръ, татарскаго героя, батыря, который, вѣроятно, дѣлалъ нападенія на русскія жилища, и котораго, по дикости и звѣрству, русскіе уподобили звѣрю. Можетъ быть, имя рыцарю было: Утемишъ, Усманъ и т. п., и русскіе, по созвучію, исказили это имя и превратили въ Устиманъ, или въ Устинъ все это въ порядкѣ вещей. Поэтому я принялъ за правило, начинать это слово прописною буквою. Даже самое описаніе наружности Устимана-звѣря, какъ не надо больше говорить въ пользу этого предположенія. Напримѣръ: на немъ, на Устиманѣ, шерсточка бумажная это одежда рыцаря; щетинушки на немъ булатныя—это броня; на каждой на щетинушкѣ по жемчужинкѣ—это украшеніе; посредь спины золото блюдо—это щитъ, или что-нибудь въ родѣ щита, напримѣръ, металлическая блестящая пластинка или дощечка, какія бываютъ на панцыряхъ. Все это такъ правдоподобно, такъ натурально. О дальнѣйшемъ содержаніи пѣсни и говорить нечего. Ясно, Устимана-звѣря, или Устимана-рыцаря подкарау-

„Такъ и надо его, проклятаго, этого Устимана-звѣря, чтобъ на Русь...

Осинька хотѣлъ сказать: „лиха не думалъ", но не успѣлъ договорить: на словѣ „Русь", чалый вдругъ споткнулся и упалъ на колѣни, и Осинька, разнѣжившись и расчувствовавшись, не удержался на сѣдлѣ и полетѣлъ черезъ голову чалаго, но, къ счастью, нисколько не ушибся. Вскочивъ на ноги и схвативъ повода, Осинька прежде всего сталъ озираться по сторонамъ, изъ боязни, не видалъ ли кто его паденія, его срама: вѣдь, упасть съ лошади отъ ничтожной причины, напримѣръ, отъ того, если только лошадь споткнется—великій стыдъ и срамъ для казака. Убѣдясь, что онъ одинъ-одинешенекъ въ полѣ, Осинька принялся хлестать чалаго нагайкой, приговаривая: „знай край, да не падай!... знай край, да не падай! Береги хозяйскую голову; вѣдь, она не копѣйка! вѣдь она не копѣйка!"

Осинька снова разгорячился. Домой пріѣхалъ до безконечности злымъ, ругалъ жену и ребятишекъ—на чемъ свѣтъ стоитъ, придирался ко всякой малости, ко всякой бездѣлицѣ.

лилъ и застрѣлилъ съ дерева удалый добрый-молодецъ, но кто такой: яицкій ли, донской ли, гребенской ли казакъ, или другой какой удалецъ, житель южныхъ странъ Россіи, гдѣ, въ былое время, безпрестанно происходили столкновенія у русскихъ съ нехристями -намъ до этого дѣла нѣтъ, да и разобрать это дѣло трудно, просто невозможно: сѣдая древность все поглотила, все стушевала. Хотя въ приведенной мною пѣснѣ упоминается Яикъ-рѣка, на берегахъ которой убили Устина-звѣря, но я не дерзаю пѣснію эту выдавать за мѣстную яицкую, то есть уральскую: это была бы безполезная натяжка, даже хуже, чѣмъ натяжка. Осинькѣ Вертячкину, да нѣкоторымъ казакамъ удобно было вклеить тутъ Яикъ-рѣку, но другіе казаки вмѣсто: „къ Яикъ-рѣкѣ", поютъ: „къ Непрѣ-рѣкѣ", что значитъ Днѣпръ-рѣку. Всего вѣроятнѣе, уральцы пѣснію эту заимствовали отъ другихъ казаковъ, напримѣръ, донскихъ, гребенскихъ или даже малороссійскихъ, когда эти послѣдніе существовали и нерѣдко встрѣчались, конечно, въ походахъ съ уральцами. Какъ бы то ни было, старики-уральцы, въ томъ числѣ и О. Вертячкинъ, сказывали мнѣ, что пѣсня объ Устиманѣ-звѣрѣ въ старину была на Уралѣ въ большомъ ходу, но съ 1820-хъ годовъ ея почти не стало слышно. Сколько, думаю, пропало подобныхъ пѣсенъ! Жаль, что и говорить, но пособить горю трудновато.

Но что ни толковалъ, что ни бормоталъ, а Бакировыхъ не забывалъ: онъ безпрестанно поминалъ ихъ, но только не какъ покойниковъ, а какъ живыхъ обманщиковъ и насмѣшниковъ. Тутъ же досталось на орѣхи и Горячкину за слово: к у д а.

Домашніе Бакировыхъ, узнавъ о возвращеніи Осипыки, пришли къ нему спросить о своихъ, но Осипыка съ сердцемъ отвѣчалъ:

— А я почемъ знаю, гдѣ шляются ваши телята? Я не пастухъ чей, а самъ себѣ господинъ!...

Отъ Осипыки отступились.

Между тѣмъ, прошла ночь, а Бакировы не возвращались съ охоты, тогда какъ имъ слѣдовало возвратиться еще вечеромъ. Прошли сутки, прошли и другія, а Бакировыхъ все нѣтъ, да нѣтъ. Наконецъ, на третьи сутки, высланная форпостнымъ есауломъ казачья команда нашла сайгачниковъ мертвыми.

Близъ одного изъ нихъ валялся и трупъ алачинца. Адайцы сколько отъ того, что торопились удалиться отъ мѣста драки, сколько и отъ того, что алачинецъ былъ не ихняго рода, не взяли трупа его съ собой или не зарыли въ землю, а покинули его тамъ, гдѣ алачинецъ былъ убитъ.

Похоронили охотниковъ и помянули души ихъ по обряду христіанскому, поплакали и погоревали молодыя вдовы ихъ и родные, потужили объ участи ихъ и сосѣди, покачалъ головой и утеръ слезу кулакомъ и Осипыка, порыскали по степи казаки и не нашли разбойниковъ (они давно ужь были заУраломъ); поругали православные поганыхъ басурмановъ, но съ тѣмъ и остались; а недѣли черезъ двѣ послѣ этого происшествія Осипъ Ивановъ Вертячкинъ, съ другимъ пріятелемъ своимъ, Ив. Метлинымъ, снова разгуливалъ у Четырехъ-Колодцевъ, съ винтовкой въ рукѣ, ища сайгаковъ.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Братья Бакировы убиты; киргизъ-алачинецъ, единоборствовавшій съ однимъ изъ нихъ, убитъ тоже; адайцы скрылись, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ безмолвныхъ труповъ; Осипька Вертячкинъ, разъѣзжавшій въ тотъ день на чаломъ аргамакѣ, и казачья команда, ѣздившая послѣ въ поиски, адайцевъ не видѣли: какъ же, спрашивается теперь, сдѣлались извѣстны всѣ подробности смерти казаковъ, какъ-то: нападеніе на нихъ адайцевъ, единоборство казака съ алачинцемъ, сужденіе и переговоры адайцевъ на счетъ Осипьки и его „аргамака“ и проч., и проч.? А вотъ какъ.

Лѣтъ пять спустя послѣ описаннаго происшествія, слѣдовала изъ Гурьева-городка въ Оренбургъ партія плѣнныхъ киргизовъ адайскаго рода, захваченныхъ въ степи, въ 1826 году, казачьимъ отрядомъ, за разбои и хищничество. Вечеромъ эту партію привели въ Красноярскій форпостъ и размѣстили частью въ караульной избѣ, а частью на дворѣ. Одинъ изъ киргизовъ, молодой человѣкъ, сидя у горѣвшаго на дворѣ костра, завелъ рѣчь съ казаками о томъ, о семъ и, наконецъ, видя доброе расположеніе и словоохотливость казаковъ, дававшихъ ему хлѣба, спросилъ:

— Вашъ форпостъ какъ называется?

— Тумпакъ-кала *),—отвѣчали казаки.

— Гм!... такъ... такъ...—проговорилъ киргизъ.

Потомъ, немного погодя, онъ спросилъ:

— Не случилось ли у васъ, года четыре или лѣтъ пять назадъ, лѣтомъ, вотъ въ этой сторонѣ (киргизъ показалъ рукой на западъ, по направленію къ р. Багырдаю) какого несчастія?

---

*) Киргизское названіе Красноярскаго форпоста.

Казаки, посмотрѣвъ въ недоумѣніи другъ на друга и не догадываясь, о чемъ спрашиваетъ киргизъ, сказали:

— У насъ много бывало несчастій. Мы не знаемъ, про какое ты спрашиваешь.

— А вотъ про какое: не пропали ли у васъ два казака-сайгачника?

— Пропали, пропали!—заговорили казаки, вспомнивъ о братьяхъ Бакировыхъ.—А что?

— Мы убили ихъ!...—прехладнокровно сказалъ киргизъ.

Тутъ онъ разсказалъ все то, что я впослѣдствіи слышалъ отъ красноярскихъ казаковъ и, въ томъ числѣ, отъ самого Осипа Иваныча Вертячкина, и что сейчасъ пересказалъ вамъ, читатели.

Москва. 1856 г.

III.

КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА.

I.

Главный или, правильнѣе, коренной промыселъ у уральскихъ казаковъ—рыболовство. Въ старые годы Уралъ до такой степени изобиловалъ рыбой, что казаки ограничивались ловомъ ея только въ рѣкѣ, а о морѣ и не думали: одинъ Уралъ, безотвѣтный данникъ, давалъ имъ всего вдоволь, всего съ избыткомъ,—и оттого-то, славя эту рѣку въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, казаки не иначе называли ею, какъ „Яикъ *), ты нашъ, Горынычъ; золотое твое донышко, серебряная твоя покрышка“ и проч. Но съ конца прошлаго или съ начала нынѣшняго столѣтія, Уралъ годъ-отъ-году сталъ быстро мелѣть, суживаться и покрываться косами (островами); устья его засоряются пескомъ, иломъ и ракушей; глубокіе рукава, которыми онъ вливался въ море, пересыхаютъ, такъ что нынѣ изъ множества ихъ осталось только три, да и тѣ, кажется, скоро, засорясь пескомъ и ракушей, скроются подъ землею или, наконецъ, раздробясь въ мельчайшіе протоки, заростутъ травой и камышемъ и образуютъ болото **). Предположеніе это

*) Уралъ до 1775 г. назывался Яикомъ.

**) Подобный неутѣшительный примѣръ представляетъ намъ сосѣдка Урала—р. Эмба. Десять лѣтъ назадъ (писано въ 1853 году) она впадала въ море двумя, хотя небольшими рукавами, но въ 1852 г., весной, гурьевскіе казаки ѣздили туда на охоту и уже устьевъ ея не нашли: они совершенно исчезли въ пескахъ и камышевыхъ зарослях; только по примѣтамъ можно было догадаться, гдѣ были устья.

тѣмъ больше вѣроятно, что на той части морскаго прибрежья, въ которую вливаются устья Урала, показались видимые и подводные каменные и песчаные, смѣшанные съ ракушей, острова, составляющіе кругообразную загороду Урала. Естественно, что, при такомъ упадкѣ водъ *), устья Урала служатъ уже весьма плохимъ проводникомъ рыбы изъ моря, отчего Уралъ до нѣкоторой степени оскудѣлъ, противъ прежняго, рыбой, такъ что разсказы стариковъ о былыхъ, благословенныхъ временахъ,—когда, по ихъ словамъ, рыбы было „что сору",—кажутся намъ, бѣднымъ потомкамъ, баснословными. Между тѣмъ, народонаселеніе въ Уральскомъ Войскѣ увеличивается, а нужды и потребности казаковъ, при ихъ воинскомъ званіи, съ каждымъ годомъ удваиваются, утраиваются. Земля же, на которой живутъ уральцы, большею частію или песчаная, или солонцевато-глинистая и къ воздѣлыванію неспособная, исключая сѣверной и сѣверо-восточной ея части, гдѣ хотя и развивается земледѣліе, но оно, по малому пространству плодородной почвы, не можетъ удовлетворить и третьей доли войскового народонаселенія. И вотъ такая-то крайность заставила уральцевъ обратить вниманіе на море. Въ числѣ рыболовствъ, отправляемыхъ ими на Каспійскомъ морѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ а х а н н о е. Оно названо такъ отъ слова а х а н ъ, а аханомъ называется сѣть, которою ловятъ рыбу. Аханымъ рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ, въ зимнее время, занимаются большею частью одни уральскіе казаки **), и изъ нихъ преимущественно жители приморскаго городка

*) Нынѣ самый глубокій фарватеръ въ устьяхъ Урала только $2\frac{1}{2}$ фута, а прежде, лѣтъ 20 тому назадъ, въ немъ проходили, съ полнымъ грузомъ, большія морскія расшивы, которыя сидятъ въ водѣ, по крайней мѣрѣ, на 6 или 7 футовъ. Однимъ словомъ, куда ни взглянешь по прибрежью моря,—вездѣ встрѣчаешь быстрый упадокъ воды: гдѣ прежде плавали суда и большія лодки—тамъ нынѣ бродятъ кулики и цапли.

**) Я такъ говорю потому, что аханами рыбачатъ на Каспійскомъ морѣ и астраханцы, но въ маломъ размѣрѣ; главную же роль въ рыболовствѣ играютъ у нихъ кречья, употребленіе которыхъ въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ запрещено.

Гурьева, для которыхъ это рыболовство столько же необходимо, сколько земледѣліе для русскаго поселянина. Оно поитъ и кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ казака, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ оплату за одолженіе, нерѣдко лишаетъ его послѣдней копѣйки, дѣлаетъ нищимъ и пускаетъ съ сумой по міру. Мало этого, оно подчасъ играетъ и самою жизнію казака, завлекая его въ глубь моря и предавая тамъ ярости волнъ и льдовъ непостояннаго и бурнаго Каспія.

Я, пишущій эти строки, живо помню бѣдственный 1843 годъ, въ который сотни уральцевъ, моихъ земляковъ, лишились почти всего своего достоянія, а нѣкоторые, вдобавокъ, простились и съ жизнью. Тотъ годъ до сихъ поръ еще живетъ, и, безъ сомнѣнія, долго будетъ жить, въ памяти рыболововъ, особенно гурьевскихъ жителей, подъ именемъ несчастнаго. Это-то событіе я и взялъ за основу моего разсказа.

II.

Осень 1842 года стояла въ Гурьевѣ-городкѣ тихая и теплая. Ночи были сырыя и туманныя, а дни свѣтлые и ясные, какъ весенніе. Дикіе гуси, утки и другія водяныя птицы зажились на ильменяхъ, заливахъ и проранахъ морскихъ, не думая отлетать въ полуденную сторону на зиму. Промышленники ж а р к о г о рыболовства *) давно уже съѣхали съ моря, суда ввели въ прораны, лодки вытаскали на берегъ и всѣ рыболовные снаряды склали въ амбары. Неводчики также покинули Уралъ и высушили невода **).

*) Рыболовство, отправляемое казаками на Каспійскомъ морѣ, на судахъ и лодкахъ осенью, названо ж а р к и м ъ, въ отличіе отъ другого подобнаго ему, производимаго на тѣхъ же мѣстахъ весною и извѣстнаго подъ именемъ к у р х а й с к а г о.

**) Рыболовство, производимое въ Уралѣ неводами близъ Гурьева, во время глубокой осени.

Войско *) расплавало послѣднюю гурьевскую я т о в ъ *) и возвратилось въ Уральскъ. Весь Гурьевъ пришелъ въ движеніе. Начались сборы и приготовленія къ ахаишому рыболовству. Вновь навязаны и выдублены ахаиы, старые починены; лошади откормлены и нажированы, можно сказать, до-нельзя; сани, конская упряжь, пѣшни, багры, шесты, словомъ всѣ орудія, большія и малыя, необходимыя къ рыболовству, исправлены, упрочены; провизія людямъ и фуражъ лошадямъ заготовлены. Пора уже ѣхать въ море, но нѣтъ зимы. Исходилъ уже ноябрь, но онъ скорѣе похожъ былъ на весенній, чѣмъ на послѣдній осенній мѣсяцъ. Близокъ былъ и декабрь, но зима все не показывалась.

Ахаиьщики съ безпокойствомъ посматривали на сѣверъ, ожидая оттуда, какъ благодати, морозовъ. „Вотъ, что-то принесетъ намъ Николинъ день и чѣмъ-то онъ насъ порадуетъ". говорили одни.—„Какъ не будетъ морозовъ, присовокупляли другіе, шабашъ,—пропадай ахаиы!". Ожиданія ихъ не были напрасны. Съ первыхъ чиселъ декабря появились легонькіе морозы; въ половинѣ того мѣсяца они усилились. Уралъ и море покрылись льдомъ. Скоро черезъ рѣку стали ѣздить на лошадяхъ съ тяжелыми возами; но на морѣ ледъ былъ еще тонокъ, ненадеженъ; только къ концу декабря онъ, повидимому, укрѣпился. Тогда гурьевскій начальникъ, заботясь о благосостояніи ввѣреннаго его управленію народа, выбралъ двоихъ казаковъ, изъ среды самыхъ зажиточныхъ, опытныхъ, знакомыхъ съ моремъ рыболововъ, и послалъ ихъ въ море освидѣтельствовать толщину и крѣпость льда. Черезъ два дня посланные возвратились и привезли три куска льда, вырубленные ими въ разныхъ пунктахъ морской глубины. Не

*) В о й с к о м ъ называется наличный комплектъ казаковъ, которые осенью, зимой и весной рыбачатъ въ Уралѣ общей массой по рубежамъ, или ятовямъ. Я т о в я м и называются такія мѣста въ Уралѣ, гдѣ преимущественно набирается рыба партіями.—Подъ именемъ же р у б е ж а разумѣть надо черту, назначенную начальствомъ въ день рыболовства поперекъ Урала, ниже которой никто не смѣетъ въ этотъ день рыбачить подъ страхомъ наказанія.

успѣли они выйти изъ саней, остановившихся передъ домомъ гурьевскаго начальника, какъ толпа нетерпѣливыхъ казаковъ-рыболововъ окружила ихъ. Всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, наперерывъ, перебивая одинъ другого, закидали пріѣхавшихъ съ моря вопросами: „Что повенькаго скажете намъ?“ спрашивали одни. „Далеко ли, пріятели, ѣздили?“ „Чѣмъ порадуете насъ, атаманы молодцы?“ восклицали третьи.

Такимъ и подобнымъ вопросамъ не было конца, и вопрошаемые не знали, на что отвѣчать. Наконецъ, отворились двери дома и на крыльцѣ его показался начальникъ Гурьева, войсковой старшина П. М. Бородинъ, а вслѣдъ за нимъ вышли А. Р. Ливкинъ и И. Ф. Зеленцовъ, оба сотники, назначенные отъ войсковой канцеляріи начальниками на ахапное рыболовство—одинъ въ правую, а другой въ лѣвую сторону отъ устьевъ Урала. Толпа, дотолѣ шумѣвшая и кричавшая, затихла и разступилась. Офицеры подошли къ саняхъ. Тутъ одинъ изъ пріѣхавшихъ казаковъ вынулъ изъ-подъ цыновки три небольшія льдинки и сказалъ: „Эта изъ черней *), ваше высокоблагородіе, съ 1½ сажени. Эта—указавъ на другую, немного тоньше первой—съ 2½ саженей глубины; а эта—тутъ онъ взялъ въ руки третью и самую тонкую льдину—съ 4 саженей глубины“.—„Дальше мы не ѣздили,—сказалъ другой казакъ:—ледъ очень топокъ и пускаться по немъ въ море опасно“.

Осмотрѣвъ эти льдинки и убѣдясь по нимъ въ прочности морского льда до извѣстныхъ предѣловъ разстоянія, гурьевскій начальникъ, обратившись къ рыбопромышленникамъ, которые въ то время обступили его тѣснымъ кружкомъ и

*) Черпями казаки называютъ берега моря, и названіе это, вѣроятно, произошло отъ слова „черпь“, такъ какъ морскіе берега, когда приближаешься къ нимъ съ моря, сначала показываются черной полосой на горизонтѣ. Отъ слова „черни“ происходитъ и названіе „черневой“, т. е. прибереговой. „Я ѣхалъ или стоялъ въ черняхъ“ говоритъ казакъ.—Это значитъ, другими словами: „Я ѣхалъ или стоялъ въ виду или близъ береговъ“.

молча съ нетерпѣніемъ ждали его рѣшенія, сказалъ имъ: „Теперь, ребята, можете ѣхать на промыселъ; но слушайте! дальше 4-хъ саженной глубины я ѣздить вамъ не совѣтую; поберегите свои животы и имущество и не доводите до отчаянія вашихъ семейныхъ".

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ за отеческое наставленіе и попеченіе!—было отвѣтомъ казаковъ.

Въ минуту всѣ разошлись по домамъ, тревожимые безотчетнымъ чувствомъ радости и печали, надежды и страха на предстоящее рыболовство.

Остатокъ дня и наступившая затѣмъ ночь прошли въ совершенной тишинѣ и бездѣйствіи; но зато утро слѣдующаго дня было самое шумное. Далеко до разсвѣта Гурьевъ проснулся и всталъ на ноги; каждый домъ представлялъ живую картину, полную дѣятельности и тревожной хлопотливости. Войдемте, читатель, въ одинъ изъ этихъ домовъ и посмотримте, что тамъ дѣлается. Ворота были растворены настежъ. На дворѣ и на улицѣ около воротъ стояли во множествѣ сани; около нихъ ходили, бѣгали и суетились рыболовы-хозяева и работники ихъ киргизъ-кайсаки, укладывая овесъ для лошадей, провизію для себя, аханы и прочую рыболовную принадлежность. Женщины, затопивъ печки, приготовляли для отъѣзжающихъ сытный обѣдъ, а на дорогу напекали имъ мясныхъ пирожковъ и другихъ скоромныхъ яствъ, такъ какъ это происходило дня за три передъ праздникомъ Рождества Христова. Не забыли между тѣмъ догадливые казаки сходить или сослать съ 2-хъ или 3-хъ-ведернымъ бочепкомъ въ питейный домъ и запастись оттуда отрадною жидкостью, которая на морѣ, среди льдовъ и тумановъ, живитъ и грѣетъ казака, замѣняя ему теплую избу.

Наконецъ, въ половинѣ дня все уложено; лошади напоены, накормлены; люди пообѣдали и одѣлись въ дорожное, теплое платье. Тогда одинъ изъ промышленниковъ, отправляющійся на ловъ во главѣ своей артели, идетъ въ конюшню—предварительно помолясь Богу—выводитъ оттуда

старую, бывалую на морѣ лошадь и впрягаетъ ее. Смирное, привыкшее къ этому животное стоитъ, какъ вкопанное. Послѣ того, уходя въ избу, онъ даетъ знакъ работникамъ и другимъ промышленникамъ, младшимъ членамъ своей артели. Тѣ живо кидаются къ лошадямъ, каждый къ своей, и также ихъ впрягаютъ въ сани. Но тутъ иногда встрѣчаются маленькія затрудненія. Молодыя изъ лошадей, не бывшія отъ роду въ запряжкѣ или бывшія, да мало, по ходившія дотолѣ въ теченіе всего лѣта въ табунѣ, а передъ тѣмъ мѣсяца два стоявшія въ конюшнѣ на привольномъ корму— разжирѣли и одичали, не подходятъ къ санямъ и бѣсятся. Но уральскаго казака бѣшенство лошади не смущаетъ и не пугаетъ, а, напротивъ, радуетъ. При помощи одного, двоихъ работниковъ, онъ вцѣпится непокорной лошади за уши и втащитъ ее въ оглобли, откуда уже ей не вырваться. Но ежели, сверхъ чаянія, рьяность лошади преодолѣетъ его силу, онъ, самъ разгорячась не меньше ея, оттянетъ и закрутитъ веревкой, или такъ называемымъ свистомъ, верхнюю губу животнаго, и—конецъ тогда его бѣшенству. Послѣ того все семейство собирается въ избу, гдѣ всѣ, какъ отъѣзжающіе на промыселъ, такъ и остающіеся дома, съ благоговѣніемъ становятся предъ иконами и зажигаютъ лампады и свѣчи Св. Угодникамъ Божіимъ, особенно предъ ликомъ Николая Чудотворца, котораго казаки преимущественно чтутъ предъ другими святыми, называя его отцомъ и покровителемъ рыболовства. Старшій въ семействѣ читаетъ вслухъ молитвы; прочіе шопотомъ повторяютъ ихъ за нимъ, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ. По окончаніи молитвъ, начинается прощанье, которое, мимоходомъ сказать, ни въ одномъ домѣ не обходится безъ слезъ и безъ водки.

Между тѣмъ, на дворѣ происходитъ въ своемъ родѣ подобная этой картина. Работники-киргизы, по вѣроисповѣданію магометане, сходятся въ одно мѣсто, становятся въ кружокъ, присѣдаютъ на корточки или опускаются на колѣни, склоняютъ головы на распростертыя ладони рукъ и,

въ молчаніи, зажмуривъ глаза, внимаютъ съ набожностію одному, посреди ихъ сидящему, который, зная мало-мальски наизусть нѣсколько молитвъ, читаетъ ихъ вслухъ и, безпрестанно ударяясь лбомъ о землю, взываетъ къ Аллаху, прося его о сбереженіи ихъ жизни и здоровья. Заключивъ молитву проведеніемъ рукъ по лицу, киргизы встаютъ и также, въ свою очередь, прощаются съ своими родственниками, которые приходятъ къ нимъ для того изъ-за Урала, изъ своихъ бѣдныхъ юртъ.

Настала пора ѣхать. Всѣ на своихъ мѣстахъ, у своихъ саней. Вотъ тронулись сани передового, старшаго въ артели: за ними потянулись прочія. При выходѣ изъ воротъ на улицу казаки снимаютъ шапки и крестятся. Киргизы, изъ подражанія русскимъ, тоже скидаютъ тумаки съ бритыхъ своихъ головъ. Отъ двора до Урала ахапьщики не ѣдутъ, а идутъ пѣшкомъ около саней, держа въ рукахъ возжи. Въ такомъ видѣ они достигаютъ рѣки и по отлогому берегу ея спускаются на ледъ. Туда за ними слѣдуютъ матери, жены, дѣти, сестры, словомъ—всѣ члены семейства, которые могутъ ходить, и уже тамъ окончательно съ ними прощаются. Такимъ образомъ изъ всѣхъ прочихъ домовъ, артель за артелью, съѣзжаются сюда ахапьщики. Здѣсь, на льду Урала, въ виду своихъ домовъ, собирается почти все народонаселеніе Гурьева, какъ участвующее въ ахапномъ рыболовствѣ, такъ и неучаствующее, изъ одного только любопытства. По поданному начальниками рыболовства знаку, сотни промышленниковъ, обнявъ въ послѣдній разъ своихъ родныхъ, вспрыгиваютъ на воза, подбираютъ возжи, чтобы укротить нетерпѣливость и рьяность лошадей, которыя, почуя подъ собою ледъ, храпятъ, взвиваются на дыбы и рвутся впередъ,—и потомъ съ словами: „прощайте, родные! молитесь Богу!“ гикнутъ: кони взовьются и полетятъ; зазыблется, зашумитъ и загудитъ ледъ подъ санями; посыплются хрустальною пылью брызги изъ-подъ копытъ; раздадутся и разольются веселыя пѣсни удалыхъ казаковъ, которые, то разъединяясь,

то съѣзжаясь въ кучки, скрываются наконецъ, толпа за толпой, за ближайшимъ поворотомъ рѣки.

Скорѣе чѣмъ черезъ часъ ѣзды, аханьщики достигаютъ устьевъ Урала, отстоящихъ отъ Гурьева-городка въ 14 верстахъ. Тамъ, въ виду пустыннаго моря, они останавливаются, чтобы запастись топливомъ изъ растущаго по взморью камыша, а также и для того, чтобы, поздоровавшись съ батюшкой синимъ-моремъ, какъ величаютъ его казаки, выпить про его бурную милость и про свое здоровье по чаркѣ водки; потомъ, поговоривъ и посудивъ между собой на счетъ рыболовства, раскланиваются другъ съ другомъ и, взаимно пожелавъ одинъ другому счастливаго, прибыльнаго залова, разстаются; одни ѣдутъ вправо, другіе влѣво, держась береговъ; а третьи, самые зажиточные, слѣдовательно и превосходящіе другихъ числомъ и качествомъ рыболовныхъ снастей,— прямо отъ устьевъ Урала на югъ, въ открытое море, искать добычи на глуби. Ѣдутъ они отсюда уже не шибко, какъ изъ домовъ, а тихо, мѣрною грунью, и не толпами, а вереницей въ одинъ санн. Передовой, самый опытнѣйшій казакъ и знающій море, какъ свой дворъ, ведетъ за собой прочихъ, повѣряя по временамъ путь свой компасомъ, который у него, а равно и у всѣхъ рыболововъ, всегда, и днемъ и ночью, лежитъ за пазухой.

III.

Мѣсто около устьевъ Урала, дотолѣ шумное и многолюдное, опустѣло. Только близъ одного островка остались трое саней. Около нихъ ходили: казакъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, молодой казаченокъ, да киргизъ-работникъ. Старикъ рылся въ возахъ, отыскивая въ нихъ что-то съ озабоченнымъ видомъ. Наконецъ, отошедъ отъ послѣдняго и бросивъ съ досадой подъ ноги холщевый мѣшокъ, изъ котораго посыпались пирожки и кокурки, онъ съ какимъ-то страхомъ сказалъ:

— Такъ и есть! Забыли нашего кормильца.

— Чего забыли, дѣдушка?—спросилъ молодой казаченокъ.

— Миколу Святителя,—отвѣчалъ старикъ, будто нехотя, сквозь зубы, и потомъ, обратясь къ киргизу, сказалъ:— Бисбатырка! выпряги пѣгаго, да скачи домой, скорѣй скачи, дуй во всѣ лопатки! Скажи Татьянѣ: я забылъ образъ Миколы Святителя, знаешь? онъ тамъ въ мѣшочкѣ, на образной полицѣ.

— Знай, бачка, знай!—пробормоталъ киргизъ и стремглавъ бросился выпрягать лошадь. Черезъ двѣ минуты онъ мчался уже на пѣгомъ, забывъ даже второпяхъ скинуть съ него хомутъ.

По отъѣздѣ работника, старикъ присѣлъ на возъ и призадумался. Внукъ, собравъ съ полу разсыпанные дѣдомъ пироги и кокурки, подошелъ къ нему. Оба молчали. Наконецъ, парень заговорилъ:

— Дѣдушка!

— Что тебѣ надо?

— Зачѣмъ ты Бисбатырку послалъ домой, въ такую даль? вѣдь туда, да оттуда будетъ безъ мала верстъ 30; наврядъ ли онъ вернется сюда и къ ночи.

— Зачѣмъ! Развѣ ты не слыхалъ, зачѣмъ?

— Слышать-то слышалъ, дѣдушка, да...

— Что да?

— Да вѣдь образъ-то у насъ есть еще другой.

— Какой?

— Складной. Мнѣ бабушка дала.

— А что на немъ?

— На немъ Спаситель, Пречистая Богородица, Иванъ Креститель.

— Гм...

— Что же ты, дѣдушка, ничего не скажешь? Развѣ мало съ насъ одного образа? Есть на что помолиться.

— Мало не мало, а все-таки образъ не тотъ!

— По мнѣ, такъ все равно: тотъ ли образъ, другой ли, былъ бы только истовый.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на внука и покачалъ головой. Потомъ, окинувъ его грустнымъ взоромъ, сказалъ:

— Ты, Миша, молодъ и больно глупъ! Ничего не смыслишь, ничего не знаешь, а споришь со мной, со старикомъ. Слава Богу, шестой уже десятокъ доживаю на бѣломъ свѣтѣ,—всего извѣдалъ, всего натерпѣлся. А ты что? Ты еще молокососъ! у тебя и материно молоко на губахъ не обсохло. Ты ш на грошъ не понимаешь; такъ я тебѣ скажу: Миколинъ образъ—родительское благословеніе. Покойникъ мой батюшка—царство ему небесное, не пой его косточки въ сырой землѣ—оставилъ мнѣ этотъ образъ; съ нимъ онъ и самъ во всю жизнь не разставался. Бывалъ онъ и на службѣ царской, бывалъ и въ сраженіяхъ. Разъ въ Турчинѣ, подъ Анапой—онъ сказывалъ—турокъ выстрѣлилъ въ него изъ пищали, почитай въ упоръ; но Микола Святитель закрылъ, защитилъ его: басурманская пулька попала въ образъ, который висѣлъ у отца на шеѣ, и разлепешилась.—Я и самъ, въ свою пору, когда былъ молодъ и когда силъ было побольше, потаскался по походамъ довольно-таки. Гдѣ я не былъ? Былъ и на Аральскомъ морѣ съ Бергомъ, былъ и съ Цилковскимъ въ степи, былъ и съ Мансуровымъ на Марышлакѣ *); но вездѣ возилъ съ собой Миколу Святителя и всегда, по его заступленію, возвращался цѣлъ и невредимъ, даже ни одинъ конь подо мной никогда не издыхалъ; а чего ужъ мы тамъ не терпѣли: и голодъ, и холодъ, всего, всего вдоволь, что только казакъ можетъ вынести!—На рыболовства ли какія я отправлялся, въ Астрахань ли плавалъ—чуть не въ рѣчкѣ, ты знаешь, какое у меня было плохое суденышко, на охоту ли за лебедями или за кабанами ѣздилъ—Микола Святитель всегда былъ со мной и оттого-то я всегда и вездѣ имѣлъ удачу, а ежели и случались въ иную пору маленькія неудачи, такъ, по крайности, большого несчастія не видалъ. Одинъ разъ только, тому, не солгать, будетъ лѣтъ 20—я

*) Полуостровъ Мангишлакъ.

по гробъ это не забуду—поѣхалъ я на Городище *) на звѣря и какъ-то второпяхъ забылъ образокъ и вовсе, окаянный, не помолился св. угодшику. Что жъ, думаешь, случилось? То, что и разсказывать шдо стыдно: звѣря-то я не убилъ, чего со мной, почесть, пикогда не случалось, а только слегка ранилъ, а онъ былъ, безъ хвастанья скажу, превеличайшій кабанъ, какихъ только мнѣ доводилось на мосмъ вѣку видѣть, чуть не съ полуторника. Вотъ онъ и бросился на меня прямо—а винтовки-то, вишь, зарядить я ужъ не успѣлъ,—да и какъ успѣешь,—да и давай изъ сторопы въ сторону косить-рубить, чуть-чуть не выпустилъ мнѣ кишки. Я совсѣмъ думалъ-было проститься съ вольнымъ свѣтомъ; да, по счастью, недалеко былъ ерикъ: я какъ бросилъ въ звѣря винтовку! онъ какъ припялъ се на клыки! а я, этимъ временемъ,—бухъ въ воду! да на другой берегъ, въ камышъ,—тѣмъ и спасся! Винтовку ужъ на третій день я взялъ; вся она была измята, а ложа изгрызена въ щепки. Хопа я дешево отдѣлался отъ звѣря, однакожъ по сю пору у меня на пкрахъ, да на бедрахъ осталпсь рубцы отъ ранъ, которыхъ, по милости кабана, было штукъ десять. Съ тѣхъ поръ до сего времени не случалось со мной такой напасти, да и не дай Богъ. А нынче, вотъ видишь...

Съ послѣдними словами старикъ замолчалъ, опустилъ голову и призадумался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова, не приподнимая головы, заговорилъ, но уже не съ прежнимъ жаромъ, а съ какою-то грустью, тихо, будто самъ съ собой:

— Да, да! Это не къ добру... быть несчастью надъ моей головушкой! Или лошадушекъ съ сбруей я въ синемъ морѣ погублю, или животикъ свой тамъ схороню... Думалъ было я пристать къ артели Мпрошхина и отправиться въ глубь, въ вольны воды, но видно теперь пораздумать приведется... Хорошо было бы оставаться въ черняхъ... безопасно... по чорта ли, Господи прости, я тамъ добьюсь? да это еще—

*) Урочище на морскомъ берегу, между Золотинскимъ и Перетаскпымъ устьями Урала.

Христосъ съ нимъ—не терпитъ!—Тутъ онъ положилъ руку на сердце и, помолчавъ немного, продолжалъ:—Такъ и быть! поѣду же! Одинъ поѣду, свою одну голову понесу, а Мишу оставлю въ черняхъ... Пропадать, такъ ужъ пропадать мнѣ, старику, а ему надо еще пожить на утѣху и на подпору матери-сироткѣ. Быть по сему!

Кончивъ рѣчь, старикъ выпрямился, поднялъ сѣдую голову, и, положивъ руку на плечо внука, съ прежнимъ веселымъ видомъ сказалъ:

— Не тужи, не думай, ни о чемъ, Миша! Чему быть, того не миновать! Учись у меня, пока я живъ, быть твердымъ, молодцомъ, настоящимъ казакомъ. Спознавайся и съ моремъ; когда-нибудь доведется и одному тебѣ по немъ разъѣзжать. Главное, помни Бога и Святыхъ Его, да не пренебрегай родительскимъ благословеніемъ, а о другомъ-прочемъ и думочки не думай.

— И радъ бы не думалъ ни о чемъ, дѣдушка, да поневолѣ думается. Вотъ, какъ мы сидимъ себѣ здѣсь безъ дѣла, а этимъ временемъ другіе по прежде насъ и займутъ хорошія мѣста, такъ мы и съѣдемъ послѣ на голыхъ. Небось, есть о чемъ подумать.

— Нечего объ этомъ думать! Господь Богъ милостивъ: Онъ за насъ обдумаетъ; на Него надо надѣяться.

— Какъ же! Разставляй карманы; больная нужда до насъ Богу; больно люди-то мы важны,—нельзя не заботиться о насъ Богу.

— Э, э, э, касатикъ! Ты, какъ видно, изъ молодыхъ, да ранній. Желалъ бы знать, откуда ты это нахватался такого духа? Смотри, голубчикъ, берегись: у Бога востеръ топоръ. Не залетай больно высоко,—такъ рѣзнешься оттуда, что и своихъ не узнаешь! Кстати, я разскажу тебѣ на это одинъ случай. Помнишь ты Ивана Ивановича Есырева? Да какъ тебѣ его не помнить: десяти годовъ еще нѣтъ, какъ угомонили его, сердечнаго, басурманы.—Онъ былъ казакъ хорошій, степенный и отважный; силу онъ имѣлъ богатырскую, ну, просто молодецъ, какихъ рѣдко. Исходи хоть изъ конца въ

конецъ все наше войско, немного сыщешь такихъ, каковъ былъ Иванъ Иванычъ; только одинъ грѣшокъ водился за нимъ, не въ укоръ будь сказано его памяти: онъ ужъ слишкомъ много надѣялся на себя. Все: „я, да я; мы, да мы", а о Богѣ ни слова. „Самъ плохъ—говорилъ онъ завсегда—не дастъ Богъ".—Оно, пожалуй, и такъ съ одной стороны, но съ другой не очень-то ладно. Есыревъ забывалъ или вовсе не зналъ другую поговорку старыхъ людей, которые даромъ-что были все люди простые, съ виду немудрящіе, говорили безъ затѣй, спроста, но пустяковъ никогда не говорили, какъ нынѣшняя ваша братья, молодежь. Когда я еще былъ мальчишкой, какъ ты теперь, я слыхалъ отъ стариковъ, что „безъ Бога—ни до порога" и доселѣ этого правила держусь; помни и ты его, Миша. Есыревъ-то, вишь, этого знать не хотѣлъ и оттого онъ угодилъ въ просакъ. Много ходитъ толковъ на счетъ этого, но или кто перевретъ, или кто не довретъ, а изъ этого и выходитъ чушь. Пока Бисбатырка ѣздитъ домой, я успѣю поразсказать тебѣ, какъ это было. Слушай-ка!

— Однимъ лѣтомъ — кажись въ 1836 году — поѣхали наши гурьевцы въ Астрахань на судахъ гурьбой.—Такъ приказано было отъ начальства, чтобы сподручнѣе отбиваться отъ туркменцевъ, которые въ тѣ времена, за грѣхи, видно, наши, сильно разбойничали на нашемъ морѣ и полонили русскихъ людей.—Въ числѣ другихъ поѣхалъ въ Астрахань и Есыревъ. Тамъ ему удалось прежде всѣхъ нагрузить судно подрядомъ. Вотъ онъ накупилъ и для себя хлѣба и собрался плыть назадъ въ Гурьевъ одинъ, не дождавшись товарищей. Съ нимъ была жена его съ маленькой дочерью и двое работниковъ-киргизовъ. Жена и товарищи уговаривали его подождать прочихъ и всѣмъ вмѣстѣ плыть въ Гурьевъ, какъ плыли они изъ Гурьева. Но онъ не слушалъ никого. Ему говорили о туркменцахъ. Куда-те! Иванъ Иванычъ плевалъ на нихъ. „Развѣ у меня отсохли, что ли, руки!" кричалъ онъ. „Развѣ меня даромъ называютъ Иванъ-батырь!"

Его, дѣйствительно, такъ называли киргизы за его молодечество. Жена совѣтовала ему хоша отслужить молебенъ Господу Богу.—„Молись, если хочешь, сама!“ сказалъ онъ ей съ сердцемъ. „Ты баба; это твое дѣло; а меня, казака, и безъ того Богъ знаетъ“. И не разсуждая ни съ кѣмъ больше, онъ закричалъ своимъ работникамъ: „якорь ч и г а р ъ! парусъ к у т т е р ь!“*). Сѣлъ на румпель, да и былъ таковъ.

— Дня черезъ три по выѣздѣ изъ Астраханн, разыгралась сильная буря и отнесла Есырева къ туркменскимъ берегамъ, къ Колпинову кряжу. Когда буря затихла, онъ направилъ судно къ Гурьеву; но послѣ шторма вѣтеръ дулъ тихонькій, и судно чуть-чуть двигалось впередъ.—Вотъ въ одну темную ночь Есыревъ замѣтилъ лодку, которая подплывала къ нему сбоку. Онъ окликалъ ее, и ему съ лодки отозвались по-русски, что то были астрахапцы.—„Чего вамъ надо, друзья?“ спросилъ Есыревъ.—„Хлѣба, отвѣчали ему съ лодки: выручи насъ, Бога ради, да укажи, по какому курсу намъ держаться; насъ этимъ штормомъ отбило отъ судна, и мы теперь безъ компаса не можемъ попасть на него; оно около Кулаловъ“ *).

— Хорошо, братцы,—сказалъ Есыревъ, и передалъ румпель киргизу, а самъ спустился въ трюмъ, чтобы достать оттуда хлѣба.

Не вышелъ еще Есыревъ изъ трюма, какъ на палубѣ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

— Эхъ, мошенники! падули, бестіи!—закричалъ Есыревъ и, какъ тигръ, выпрыгнулъ изъ трюма. Туркмепцы кинулись на него кучкой, человѣкъ до 10-ти. На ту пору случился на палубѣ желѣзный ломъ. Есыревъ какъ схватитъ этотъ ломъ, да какъ примется крестить имъ и вправо, и влѣво—только шапочки басурманскіе полетѣли на полъ! Двоимъ разбойникамъ онъ раскроилъ башки; двоимъ или троимъ переломалъ ребра; кому отшибъ руку, кому ногу. Но

*) Это значитъ: якорь в ы н и м а й, парусъ п о д н и м а й!

**) Названіе острововъ.

вѣдь одинъ въ полѣ богатырь не будешь, голубчикъ, и на рать, говорится, не песокъ сыпать.—Къ туркменцамъ подоспѣли изъ лодки еще товарищи. Какъ вода, нахлынули они, собаки, на Ивана Иваныча, и влѣпили въ него нѣсколько сабель и чакановъ *); брызнула на всѣ стороны кровь Есырева и залила его, сердечнаго; онъ упалъ безъ памяти... Киргизы же, его работники, какъ только туркменцы вскочили на судно и выстрѣлили изъ ружей, пали ницъ и не шевелились.

Вотъ такимъ-то манеромъ заполонили нехристи нашего Есырева и поплыли на его судиѣ къ Марышлаку.—У туркменцевъ, надо сказать тебѣ, былъ въ полону астраханецъ; его-то они застращали и принудили говорить съ Есыревымъ, когда подплывали къ его судну; этимъ они его и обманули, а безъ того бы имъ, собакамъ, и во снѣ не видать заполонить его; онъ бы и близко не допустилъ ихъ къ судну; вѣдь у него въ казенкѣ всегда были наготовѣ заряжены два ружья, да пребольшая турецкая сабля.

На берегу разбойники судно сожгли; хлѣбъ же и все добро, какое въ судиѣ было, а также и людей, раздѣлили по себѣ. Есыревъ достался одному, жена его другому, а малютка-дочь третьему.—Работниковъ Есырева, киргизовъ, какъ одной съ собой вѣры, разбойники отпустили на волю.

Въ то время у туркменцевъ былъ праздникъ или просто-на-просто помники, которыя они дѣлали по убитымъ своимъ товарищамъ. На этихъ помникахъ разбойники хотѣли-было зарѣзать Есырева, чтобы, по своему закону, отлить кровь за кровь; но одинъ какой-то а к с а к а л ъ (старикъ) разговорилъ это дѣлать; онъ присовѣтовалъ лучше продать русскаго въ Хиву, за дорогую цѣну. Такъ и положили.

Недѣли черезъ три, когда поджили немного у Есырева раны, туркменцы повезли плѣнниковъ въ Хиву. Есыревъ,

---

*) Общеупотребительное киргизское оружіе, состоящее изъ небольшаго топорика на длинной, аршина въ два, рукояткѣ. Раны, нанесенныя чаканомъ, особенно по головѣ, смертельнѣе сабельныхъ.

какъ человѣкъ опасный, былъ закованъ въ желѣзы. Дня три туркмецы ѣхали по степи, и вотъ вечеромъ остановились въ лощинѣ ночевать. Иванъ Иванычъ каждую минуту только и думалъ—какъ бы избавиться отъ разбойниковъ и отомстить имъ за безчестье своей жены, которую, вишь, одинъ изъ туркменцевъ безъ церемоніи прибралъ къ себѣ... Какой мужъ вынесетъ такую кровную обиду! Не стерпѣлъ Иванъ Иванычъ! Несмотря на слова жены, которая уговаривала его покориться волѣ Божіей, несмотря ни на что—онъ рѣшился дѣйствовать не на животъ, а на смерть. Въ полночь, когда туркмецы спали, онъ всталъ, сотворилъ крестное знаменіе, благословился и сорвалъ съ ногъ своихъ желѣзы почесть съ кожей и мясомъ; подошелъ сперва къ тому разбойнику, который завладѣлъ его женою,—размахнулъ кандалами и раскроилъ злодѣю черепъ! Послѣ того онъ принялся и за другихъ,—размозжилъ голову еще одному поганцу; хотѣлъ урѣзать третьяго, но тотъ, бестія, проснулся и закричалъ; туркмецы вскочили и бросились на Есырева.—Долго онъ, бѣдняжка, отбивался отъ нихъ кандалами; долго они съ нимъ возились и не одолѣвали; напослѣдокъ, человѣкъ съ шесть или съ семь разбойниковъ окружили его со всѣхъ сторонъ, изранили его саблями и кинжалами, кинулись на него кучкой, повисли у него на рукахъ и на ногахъ, повалили его на земь, и тутъ ужъ изрубили въ куски.

Кончивъ это, старикъ вздохнулъ, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: „царство небесное тебѣ, нашъ храбрый Иванъ Иванычъ!“

Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Конечно, кому что на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь; ну, а все-таки лучше выйдетъ, ежели мы станемъ во всемъ полагаться на Господа Бога и надѣяться на Его помощь и заступленіе, а не на свою силу и молодечество.

— А вонъ, дружище, смотри-ка,—прибавилъ старикъ:— и Бисбатырка къ намъ летитъ, да какъ скоро! Видно, съ образомъ сму на дорогѣ повстрѣчались.

Черезъ четверть часа послѣ того старикъ съ маленькою

своею артелью скрылся въ морѣ и догонялъ уѣхавшихъ прежде него рыболововъ.

IV.

Далеко въ правую сторону отъ устьевъ Урала, еще дальше прямо отъ береговъ въ море, собрались казаки и остановились на льду широкимъ, шумнымъ таборомъ. Въ срединѣ, между саней и лошадей, видиѣлась раскинутая кибитка. Въ ней распорядитель рыболовства, атаманъ *), сидѣлъ около огонька и переписывалъ на списокъ промышленниковъ и ихъ работниковъ, отмѣчая противу имени каждаго рыболова число лошадей и ахановъ и повѣря, по данной ему отъ войскового начальства инструкціи, не имѣетъ ли кто изъ казаковъ лишнихъ и запрещенныхъ снастей, вопреки общественнымъ постановленіямъ. Кончивъ перепись и повѣрку и разсчитавъ, какое пространство должны занять рыболовы снастями, а также на сколько частей, или участковъ должно будетъ раздѣлить занятое ими пространство, начальникъ вышелъ изъ кибитки и предложилъ промышленникамъ, по искони-существующему обычаю, бросить жребій— кому какимъ пользоваться участкомъ. Изготовленные прежде билеты съ №№, начиная съ перваго до послѣдняго, сколько было тутъ артелей **), положили въ шапку одного казака, покрыли платкомъ и поставили въ кругу на льду. Тогда каждый артельщикъ подходилъ и вынималъ изъ шапки би-

*) Въ давнее время, когда Уральское казачье войско управлялось по своимъ казачьимъ обычаямъ, всякій офицеръ или старшина или просто-напросто выбранный обществомъ казакъ, назначаемый на какое-либо рыболовство, назывался атаманомъ,—Слово это и до сихъ поръ осталось въ употребленіи у народа.

**) Каждая артель ограничивается числомъ 10 лицъ войскового сословія. Работники не изъ казачьяго званія, какъ простые помощники по рыболовству, въ счетъ пейдутъ и на нихъ никакого участка не отводится. Артель можетъ состоять изъ меньшаго, но ни въ какомъ случаѣ не изъ большаго числа людей.

летъ; какой номеръ на билетѣ, тѣмъ онъ владѣлъ и участкомъ. По разобраніи билетовъ аханьщики всѣмъ обозомъ подались немного къ чернямъ и остановились. Въ минуту сдѣлали по льду прорубь и воткнули въ нее цукъ камыша. Этимъ означали они точку, отъ которой уже въ глубь моря, прямо на югъ, по стрѣлкѣ компаса, провели линію, обозначивъ ее вѣхами. Эта линія называется у промышленниковъ б а к е н о м ъ. Послѣ того бакенъ раздѣлили между себя на участки по доставшимся жеребьямъ, и тогда уже каждый рыболовъ съ своею артелью расположился на мѣстѣ, и—ловъ рыбы начался.

Здѣсь, съ позволенія читателей, я остановлюсь и займусь вообще описаніемъ ахаппаго рыболовства.

Точно такой же бакенъ, параллельно первому, проводится въ одно и то же время и въ лѣвой сторонѣ отъ устьевъ Урала, гдѣ, въ свою очередь, часть промышленниковъ рыбачитъ подъ начальствомъ другого офицера.—Та же часть аханьщиковъ, которая отправится на глубь, въ вольныя воды, состоитъ подъ распоряженіемъ начальника правой стороны.—Стороны обоихъ бакеновъ, обращенныя къ устьямъ Урала, и, слѣдовательно, лежащія одна противъ другой, называются лицевыми; пространство между ними остается неприкосновеннымъ, для того, чтобы устье рѣки всегда было открыто со стороны моря для входа рыбы. Кто осмѣлится тутъ (т. е. между бакенами) выставить хотя одну сѣть—тотъ, какъ воръ, какъ нарушитель общественныхъ правъ, отдается подъ военный судъ.—Въ бакенахъ, въ жеребьевыхъ участкахъ, полагается каждому казаку, будь онъ служащій, отставной, малолѣтокъ *), все равно—выставлять только 15-ть ахановъ, и то въ три ряда, слѣдовательно, по 5-ти ахановъ въ рядъ; оберъ-офицеру вдвое, а штабъ-офицеру втрое больше ка-

*) Малолѣтками называются казачьи дѣти, отъ 15-ти до 18-ти-лѣтняго возраста, не зачисленные въ казаки, но несущіе повинности, т. е. отправляющіе въ войскѣ своего рода службу. Авт.

зака *). Позади же баконовъ, а также и тамъ, гдѣ они оканчиваются и гдѣ начинаются вольныя воды, дозволяется всѣмъ вообще лицамъ казачьяго сословія, какого бы они чина ни были, выставлять столько ахановъ, сколько кто можетъ по своему состоянію.

Ограниченіе числа ахановъ въ бакенахъ сдѣлано на томъ основаніи, что въ лицевой сторонѣ каждаго бакена рыбы гораздо больше ловится, чѣмъ позади баконовъ, потому что рыба собирается партіями на зиму преимущественно противъ устьевъ Урала, на прѣсной или, по крайней мѣрѣ, на опрѣснѣвшей отъ впаденія рѣки водѣ и, разгуливая тамъ, какъ разъ, чуть коснувшись сторонъ, запутывается въ аханы; а потому бакены, какъ наболѣе прибыльныя мѣста, и дѣлятся поровну между промышленниками.—Внѣ же баконовъ, т. е. на глуби, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ **), гдѣ, самые льды не постоянны, а ходячи, случается порой уловъ рыбы въ наибольшемъ количествѣ, чѣмъ даже въ самыхъ бакенахъ,—но тамъ просторъ, раздолье, тамъ никто никому не помѣшаетъ, никто никого не стѣснитъ, притомъ еще не всякій туда поѣдетъ; только заяпточный казакъ или слишкомъ предпріимчивый, у котораго девизъ: „панъ или пропалъ",—только такой казакъ пускается на рискъ и, попади онъ на рыбу, которая, по замѣчанію старожиловъ уральскихъ, живетъ на глуби огромными партіями, или, по выраженію казаковъ, ятовями,—попади онъ, говорю, на эти ятови, и будь къ тому зима морозная, тихая и малоснѣжная,—онъ счастливъ, онъ въ барышахъ. Но въ противномъ

*) Въ настоящее время безъ опредѣленія числа параллельныхъ рядовъ казаку полагается выставлять аханы на 250, малолѣткамъ—125, оберъ-офицерамъ (не получающимъ содержанія) 375, штабъ-офицерамъ 500, генераламъ—750 саж. Ред.

**) Подъ именемъ вольныхъ водъ не должно разумѣть что воды эти въ Каспійскомъ морѣ не принадлежатъ уральцамъ. Нѣтъ, онѣ—собственность казаковъ, собственность, Высочайше дарованная Монархами. Названы же онѣ вольными только въ отличіе отъ бакеновъ, гдѣ казакъ рыбачитъ не по произволу, какъ въ вольныхъ водахъ, а по жребію.

случаѣ, т. е. когда судьба не наведетъ его на рыбу (казакъ крѣпко убѣжденъ, и ничто его въ томъ не разувѣритъ, что каждый его шагъ заранѣе разсчитывается и предопредѣляется судьбой), притомъ будь зима маломорозная, вѣтреная и многоснѣжная—конецъ концовъ, казакъ разорился! Но — (вотъ удивительный характеръ!) онъ хладнокровно ждетъ слѣдующаго рыболовства. Не помогло оно, ждетъ еще слѣдующаго. Такимъ образомъ, вытягиваясь въ нитку, онъ, можно сказать, бьется съ счастіемъ не на животъ, а на смерть. Выиграть побѣдителемъ—а для этого достаточно ему одной удачной зимы—хорошо: онъ снова заживетъ припѣваючи. Нѣтъ—безропотно идетъ въ работники къ другому, бывшему у него же, можетъ статься, года за три прежде, въ работникахъ, или же, наконецъ, нанимается на внѣшнюю службу. Изъ этого видно, и на самомъ дѣлѣ бываетъ такъ, что нынче этотъ богатѣетъ, а тотъ бѣднѣетъ; завтра—наоборотъ. Но что бы ни терпѣлъ казакъ, гурьевскій житель, ежели есть только малѣйшая возможность, онъ ни за что въ свѣтѣ не разстанется съ моремъ, съ которымъ онъ съ дѣтства сродпился, безъ котораго онъ жить не можетъ и въ которомъ заключается источникъ его богатства, источникъ его матеріальной и нравственной силы, раздольное поприще его отваги, его молодечества!

Рыболовство, отправляемое въ бакенахъ и за бакенами, вблизи ихъ на одной съ ними глубинѣ, обходится безъ большихъ расходовъ; слѣдовательно, при неудачной зимѣ, рыболовъ тутъ не терпитъ и большого убытка, какой въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжно выпадаетъ на долю того, кто рыбачитъ на глуби, въ вольныхъ водахъ. Двое, трое казаковъ съ работниками свободно обходятся въ бакенахъ, и вообще въ черняхъ, двумя лошадьми при маломъ количествѣ ахановъ; на глубь же требуется на каждаго человѣка лошадь съ упряжью, при большомъ числѣ снастей. Въ черняхъ нѣтъ опасности; въ морѣ же, на глуби она каждый часъ, каждую минуту смотритъ въ глаза. Въ черняхъ сохраняются рыбо-

ловныя снасти; на глуби онѣ могутъ погибнуть въ одинъ часъ, въ одну минуту. Насупротивъ устьевъ Урала есть въ морѣ острова. Между ними и берегами ледъ во всю зиму стоитъ неподвижно, и съ какой бы стороны ни дули вѣтры, и какъ бы они сильны ни были—черневой ледъ, по которому проводятся бакены, стоитъ нетронутымъ; поэтому рыболовы живутъ на немъ, какъ на сушѣ, внѣ всякой опасности. За островами же, гдѣ конецъ бакеновъ, ледъ подверженъ дѣйствію вѣтровъ; оттого тамъ казакъ не смѣй дремать, а то какъ разъ лишится лошадей и всѣхъ рыболовныхъ снастей, а подчасъ и самъ успѣй отвернуться отъ гибели. Впрочемъ, объ этомъ ниже, въ своемъ мѣстѣ, будетъ разсказано.

Чтобы собраться на глубь, казакъ долженъ по меньшей мѣрѣ обзавестись четырьмя лошадьми, ежели не больше, иначе онъ не въ состояніи поднять и завезти въ море рыболовныя снасти и другіе припасы. Управляя одною лошадью самъ, для остальныхъ онъ нанимаетъ работниковъ-киргизовъ, если нѣтъ у него дѣтей, братьевъ или кого-нибудь изъ домашнихъ. Надобно замѣтить, что 12-ти-лѣтній казаченокъ сопутствуетъ уже отцу или брату во всѣхъ промыслахъ, въ томъ числѣ и въ ахапномъ, несмотря на трудность и опасность послѣдняго. Покупка лошадей и ихъ содержаніе, постройка ахановъ и другихъ рыболовныхъ орудій, наемъ и содержаніе работниковъ обходятся весьма дорого. Напримѣръ, каждая лошадь стоитъ отъ 30 до 50 р., кормъ ей въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ 20 р., плата работнику съ содержаніемъ и частію одежды до 20 р., аханы, которыхъ на каждую лошадь полагается 50 штукъ, до 50 р.,—санп съ подрѣзами и конская упряжь до 20 р.,—другихъ мелочей къ тому, какъ-то: багровъ, пѣшней, попонъ, веревокъ и проч. на 5 р.—Вообще, сборъ одной лошади, ежели обзаводиться снова, обходится, среднимъ числомъ, въ 150 р., слѣдовательно, четыре лошади въ 600 р. серебр. *). Есть семейства въ Гурьевѣ-городкѣ, которыя собираются каждую зиму

*) Цѣны относятся къ концу 50-хъ годовъ. Въ настоящее время сборка

на аханное рыболовство на 10, 20 и 30 лошадяхъ. Судите, послѣ того, чего будетъ стоить такая сборка. Впрочемъ, разъ сдѣланные аханы, сани и другія вещи служатъ, при ремонтѣ, по нѣсколько лѣтъ сряду. Но какъ бы то ни было, аханное рыболовство сопряжено съ большими расходами; словомъ, нѣтъ въ войскѣ уральскомъ ни одной рыбной ловли, которая бы хотя приблизительно равнялась съ этимъ рыболовствомъ въ столь огромномъ требованіи денегъ на сборы *).

Казаки, отправляющіеся рыбачить на глубь въ вольныя воды, ѣдутъ отъ черней вмѣстѣ, по одному пути, до 4-хъ-саженной глубины,—что будетъ отъ берега верстъ за 50. Тамъ они, раздѣляясь на артели, разстаются: кто остается тутъ, кто ѣдетъ вправо, кто влѣво, а кто прямо на югъ въ море, еще верстъ за 20. Каждая артель на избранномъ ею мѣстѣ располагается станомъ и помѣщается въ раскшутыхъ на льду войлочныхъ шатрахъ, имѣющихъ видъ усѣченныхъ конусовъ и называемыхъ к о ш а р а м и **). Внутри кошаровъ дѣлаютъ подстилку изъ камыша или сѣна и на нее набрасываютъ кошмы (войлоки), оставляя въ срединѣ мѣсто для разведенія огня. Вокругъ кошаровъ разставляютъ сани и къ нимъ привязываютъ лошадей, которыя отъ вѣтровъ и бурановъ защищаются кошемными попонами. Попоны эти дѣлаются большія: начинаются онѣ отъ ушей животнаго, и обнимая весь его корпусъ, оканчиваются у самыхъ копытъ заднихъ ногъ, облекая такимъ образомъ лошадь, какъ въ броню. Кромѣ того, промышлен-

---

одной лошади на аханы значительно дороже, вслѣдствіе вздорожанія цѣнъ на лошадей, рабочихъ и рыболовные принасы; ее можно опредѣлить въ 300 слишкомъ рублей, если обзаводиться снова, и въ 200, при ежегодной сборкѣ.

*) Исключеніе изъ этого можетъ составить „Курхай", въ вольныхъ водахъ. Ред.

**) Отъ киргизскаго слова: к о ш ъ: или к о с с ъ, т. е. станъ. Авт.

ники защищаютъ лошадей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и себя *) еще подобіемъ двора, или загороди, которую они дѣлаютъ полукругомъ, со стороны вѣтра, изъ камыша, заготовленнаго для топлива, сѣна, мѣшковъ съ овсомъ и проч. При перемѣнѣ вѣтра, они измѣняютъ и положеніе сдѣланныхъ на живую-руку загородей, перепося ихъ съ одного мѣста на другое. Но все это, говорить правду, плохая оборона отъ зимнихъ вьюгъ и мятелей, среди гладкаго и открытаго моря. Только казачья натура, укорешившаяся годами привычка, да жажда прибыли дѣлаютъ казака нечувствительнымъ къ перенесенію стужи. О спутницѣ его, киргизъ-кайсакѣ, и говорить нечего: онъ почти родится на снѣгу и весь вѣкъ свой проводитъ на открытомъ воздухѣ.

Съ первозимья, когда замерзаетъ на морѣ ледъ, не обходится безъ того, чтобы его не ломало, не крошило, отъ чего во многихъ мѣстахъ на поверхности льда образуются ледяные же бугры, валы и кочки, которые извѣстны у казаковъ подъ именемъ х р а п о в ъ. Нагроможденныя въ безпорядкѣ одна на другую льдины въ этихъ храпахъ, находясь долгое время на воздухѣ, вывѣтриваютъ, и ежели растопить ихъ въ котлѣ, онѣ даютъ прѣсную воду. Эту-то самую воду ахаяицики употребляютъ въ питье и на ней приготовляютъ пищу, такъ какъ морская вода, извѣстно, и ледъ, на ней плавающій,—горько-солоны. Но лошади лишены этого удобства, по той причинѣ, что добываніе воды изо льда, таяніемъ его на огнѣ въ котлахъ, для 5, 10 и болѣе лошадей, совершенно невозможно по недостатку не только времени, но и дровъ, въ которыхъ на морѣ встрѣчается больше нужды, чѣмъ въ самой провизіи; поэтому лошади довольствуются уже, вмѣсто пойла, снѣгомъ, а за неимѣніемъ его (иногда далеко въ морѣ вовсе не бываетъ снѣгу) мелко-

*) Считаю нужнымъ замѣтить что первая забота у ахаяицковъ о лошадяхъ. Да и вообще, гдѣ бы ни былъ казакъ на промыслахъ ли, въ походахъ ли, онъ больше всего, больше самого себя, печется о лошади. „Конь подо мной,—говоритъ казакъ,—то и Богъ надо мной".

истолченнымъ льдомъ изъ храповъ. Такого рода линяніе весьма изнурительно для лошадей, ибо, не удовлетворяя вполнѣ жажды, онѣ мало уже ѣдятъ корму, отчего худѣютъ; но, благодаря ихъ дикой, степной породѣ, онѣ съ честію выносятъ трудность ахаинаго рыболовства, и за то, въ родѣ награды, отъ весны вплоть до зимы, отдыхаютъ и отъѣдаются на пастбищахъ.

Въ началѣ моей статьи сказано, что ахань—не иное что, какъ сѣть. Ахапы, связанные изъ обыкновенной (конопляной), тонкой и выдубленной пряжи *), у всѣхъ рыбопромышленниковъ имѣютъ одну, установленную войсковымъ начальствомъ, длину—именно 10 саженъ; ширина же ихъ бываетъ различна, отъ 2-хъ до 5-ти саженъ, смотря по тому, на какой глубинѣ онѣ предназначаются къ рыболовству. Чѣмъ мельче вода, тѣмъ полотнище ахана уже, а чѣмъ глубже, тѣмъ оно шире. На этомъ основаніи и ячеи, т. е. петли у ахановъ, дѣлаются также различной величины, отъ 1 до 1½ четверти въ длину. Чѣмъ рыба крупнѣе, тѣмъ для нея и ячея должна быть шире, а чѣмъ рыба мельче, тѣмъ и ячея уже. На глуби рыба ловится вообще крупная, а въ черняхъ мелкая; оттого и ахапы бываютъ: морскіе крупно-ячейные, а черневые мелко-ячейные.

Ахапы разставляются слѣдующимъ образомъ:

Дѣлаютъ во льду круглыя проруби, разстояніемъ одну отъ другой на 10 саженъ, т. е. во всю длину ахана. Изъ проруби въ прорубь просовываютъ подъ льдомъ длинный шестъ, называемый п р о г о н о м ъ; за прогономъ тянется длинная веревка; посредствомъ этой веревки втягиваютъ подъ ледъ уже и самые ахапы, связывая концы п о д в о р ъ одного съ концами п о д в о р ъ другого **). Отъ узловъ, гдѣ

*) Ахапы изъ выдубленной пряжи служатъ до 3-хъ лѣтъ и больше,—но изъ невыдубленной за одну зиму въ водѣ непрѣваютъ и уже на другую зиму дѣлаются негодными, а потому такіе, натурально, не въ употребленіи.

**) Думаю, не всякому извѣстно, что такое п о д в о р ы. — Это — не больше, не меньше, какъ веревки, которыя и сверху, и снизу подшиваются или насаживаются къ ахапамъ и всѣмъ рыболовнымъ сѣтямъ. Въ иныхъ мѣстахъ подвора называется т е т и в о й (правильное названіе—„подбора“).

Ред.

связаны эти концы или, по выраженію ахаяьщиковъ, п р і у х и, выходятъ черезъ проруби на поверхность льда веревки, которыя привязываются за середину небольшихъ ветловыхъ или таловыхъ палочекъ, а тѣ, ложась поперекъ проруби, поддерживаютъ аханы и не даютъ имъ тонуть. Такимъ образомъ, зацѣпленные одинъ за другой аханы висятъ подъ льдомъ на подобіе живой стѣны, безпрестанно движущейся и колыхающейся. Но, чтобы отъ сильнаго теченія воды не могли аханы взвиваться кверху и примерзать ко льду (въ такомъ случаѣ они безвозвратно погибаютъ въ морѣ)—къ нимъ съисподи привязываютъ небольшіе куски булыжника.

Въ вольныхъ водахъ ахаяьщики выставляютъ или, по выраженію ихъ, в ы б и в а ю т ъ аханы произвольно, по своему усмотрѣнію, по разнымъ направленіямъ, около своихъ становъ, въ нѣсколько линій или рядовъ. Линіи эти или ряды ахаяьщики называютъ п о р я д к а м и.

Съ утра до вечера промышленники ходятъ по п о р я д к а м ъ и пересматриваютъ или, по словамъ ихъ, п е р е б и р а ю т ъ аханы. Подопедъ къ проруби, рыболовы сперва расчищаютъ ее отъ льда, за ночь замерзающаго; потомъ берутъ за веревку *), поддерживающую ахаяы, и, наконецъ, ею слегка ихъ приподнимаютъ. Эта операція дѣлается съ цѣлью узнать—не запуталась ли въ аханы рыба, и называется н а с л у ш и в а н і е м ъ. Если почуютъ, т. е. н а с л у ш а ю т ъ въ которомъ-либо аханѣ рыбу (а узнать это очень легко по ея движенію и тяжести), то ахаяь этотъ тотчасъ съ одного конца отпускаютъ, а за другой вытаскиваютъ на ледъ вмѣстѣ съ запутавшеюся въ него рыбою, ежели она подъ силу людямъ. Но ежели рыба попадаетъ въ ахаяъ очень большая, какъ, напримѣръ, бѣлуга отъ 20 до 35-ти пудовъ, что двоетрое промышленниковъ не могутъ вытащить ее изъ воды, въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ уже къ пособію лошади: тихонько подтянувъ къ себѣ голову рыбы, ахаяьщики немедленно про-

*) Эта веревка называется п а с л у ш к о й, а палка, къ которой она привязана, к о с т ы л е м ъ.

рѣзываютъ ей нижнюю губу, вдѣваютъ въ прорѣзь толстую веревку, веревку прищѣпляютъ за гужи, и—чудовище на льду. Такія бѣлуги, впрочемъ, рѣдкость нынче; но прежде, лѣтъ 30 или 40 назадъ тому, не только въ 35, даже въ 45 и 50 пудовъ бѣлуги не считались рѣдкостью. Замѣтно, рыба въ Каспійскомъ морѣ годъ отъ году мельчаетъ и уменьшается въ числѣ. Въ нашихъ, уральскихъ дачахъ по крайней мѣрѣ видно это; не знаю, такъ ли въ другихъ частяхъ Каспійскаго моря.

Аханами на глуби больше всего ловятъ бѣлугъ; осетры, шипы, особенно крупные, и севрюги попадаются рѣдко. Въ черняхъ же преимущественно ловится бѣлорыбица, мелкіе шипята и осетрята, а иногда и стерляди. Наловленную рыбу и добытый изъ нея клей и икру аханьщики, время отъ времени, перевозятъ съ моря въ Гурьевъ, гдѣ и сбываютъ русскимъ торговцамъ, пріѣзжающимъ туда за этимъ собственно каждогодно изъ Московской, Владимірской и другихъ внутреннихъ губерній. Цѣна рыбѣ бываетъ различна, смотря по тому, какой уловъ ея и какой съѣздъ покупателей: если рыбы налавливается мало, а покупателей съѣзжается въ Гурьевъ много,—то рыба продается дорого; наоборотъ, т. е. когда рыбы много, а покупателей мало—цѣна рыбѣ понижается. По вообще крупная рыба—бѣлуги, шипы и севрюги—продается отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. сер. За пудъ же большихъ осетровъ, вѣсомъ отъ 4 до 8 пудовъ, платятъ отъ 5 до 8 р. сер. Бѣлорыбица отъ 1 р. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ. Мелкіе осетрята, шипята, бѣлужата и севрюжата идутъ иногда въ одной цѣнѣ съ бѣлорыбицей, но большею частію дешевле ея.—Икра зернистая отъ 10 до 15 р. сер. за пудъ. Паюсная же икра для продажи на аханномъ рыболовствѣ не приготовляется, а вязига изъ рыбы вовсе не вынимается.—Клей продается отъ 55 до 65 коп. сер. за фунтъ въ сыромъ состояніи, т. е. съ пузырями, какъ бываетъ вынутъ изъ рыбы, а очищенный и высушенный отъ 2 р. 30 коп. до 2 р. 60 к. за фунтъ *).

*) Цѣны эти относятся къ концу 50-хъ годовъ. Теперь онѣ значи-

Казаку, собравшемуся на ахаиное рыболовство на 10-ти лошадяхъ, достаточно поймать до 500 пудовъ рыбы, чтобы выйти изъ убытковъ и получить хорошіе барыши, ежели добычу отъ лова можно назвать барышомъ. Барышомъ казакъ пользуется по-своему, чисто по-казачьи, не откладывая копѣйки на черный день и поступая буквально по словамъ Св. Писанія: „не печется объ утрѣ". Обезпечивъ себя отъ всѣхъ повинностей по войску, о другомъ о чемъ казакъ мало думаетъ; даже не обращаетъ вниманія на расходы по дому, гдѣ уже самовластно хозяйничаетъ жена его, которая, пользуясь довѣріемъ и безпечностію дражайшаго своего супруга, не забываетъ и себя, стараясь въ житьѣ-бытьѣ своемъ подражать богатымъ боярынямъ. При первомъ пріѣздѣ въ Гурьевъ торговцевъ, она спѣшитъ обзавестись лишнимъ шелковымъ платочкомъ, золотымъ колечкомъ, брилліантовыми сережками и тому подобными дорогими бездѣлушками. Но послѣ, глядишь, при двухъ, трехъ неудачныхъ рыболовствахъ, казакъ садится, такъ сказать, на мель и, чтобы съѣхать съ нея, отбираетъ отъ благовѣрной своей супруги скопленныя ею украшенія и, закладывая или продавая ихъ, собирается уже на рыболовство, а общипанная жена его, вмѣсто штофа и атласа, одѣвается послѣ того въ ваику и китайку. Но въ такихъ случаяхъ казакъ (отдать справедливость счастливому его характеру) не унываетъ самъ и утѣшаетъ огорченную свою подругу слѣдующими словами: „не отъ того мы, голубушка, обѣднялн, что сладко пили, ѣли и одѣвались хорошо,—а такъ на наши деньги прахъ пришелъ".

Аханьщики въ относѣ! — Аханьщики за разносомъ!—Аханьщики попали въ ломъ! — Вотъ три небольшія рѣчи, которыя часто слышутся въ Гурьевѣ-городкѣ, почти изъ устъ каждаго обывателя, когда производится ахаиное рыболовство. По числу словъ, рѣчи эти весьма

тельно выше: красная рыба отъ 6 -8 руб., въ среднемъ, за пудъ, бѣлорыбица 5 -6 р., пыра. въ среднемъ, не менѣе 150 руб. за пудъ; клей (обработанный) 3 р. и 4 р. за фунтъ. Ред.

кратки, но смыслъ ихъ пространенъ и дѣйствія, ими выражаемыя, различны, потому что различны слова: о т н о с ь, р а з н о с ъ и л о м ъ, вполнѣ понимаемыя только гурьевскими обывателями. О т н о с ъ для аханьщиковъ можетъ быть и благотворнымъ, и зловреднымъ; р а з н о с ъ—ни тѣмъ, ни сѣмъ, а только иногда замедленіемъ хода рыболовства; но л о м ъ—чистою гибелью, ежели не людямъ, то лошадямъ и рыболовнымъ снастямъ.

Тихо и морозно. Море спокойно и ледъ недвижимъ. Рыбаки обычной чередой ходятъ по порядкамъ и выбираютъ изъ ахановъ рыбу, стаскивая ее къ кошарамъ на станъ. Вдругъ налетаетъ сильный, порывистый вѣтеръ съ сѣвера или отъ сѣверо-запада. Вода подъ льдомъ заколышется и ударится къ югу или юго-востоку. Ледъ не выдерживаетъ стремленія воды, лопается на необозримое пространство, почти поперекъ всего моря, и уносится туда же, унося съ собой и промышленниковъ съ ихъ станами и рыболовными припасами. Пять, десять, пятнадцать верстъ, даже и больше иногда плывутъ аханьщики на льду по теченію воды или стремленію бури до тѣхъ поръ, пока ледъ подъ ними не упрется въ другой, плавающій въ открытомъ морѣ, а тотъ, въ свою очередь, не приткнется къ неподвижному льду, около береговъ Мангишлака или Калпинаго кряжа. Это—о т н о с ъ.

Часто случается, что аханьщики вовсе не замѣчаютъ, когда ихъ отнесетъ. Такъ напримѣръ, ложась съ вечера спать головою къ востоку, просыпаются по утру головою къ западу. Тогда они уже понимаютъ, въ чемъ дѣло и, тотчасъ опуская въ воду шестъ или на веревкѣ камень, измѣряютъ глубину моря и по ней дѣлаютъ заключеніе (всегда, надобно замѣтить, справедливое)—около какихъ мѣстъ они находятся. Относъ бываетъ и въ совершенно тихую погоду, отъ одного только теченія или колебанія воды.—Иногда, при вѣтряной погодѣ, аханьщики въ теченіе цѣлой зимы безпрестанно дѣлаютъ на льдинахъ невольныя путешествія по Каспійскому морю, не съѣзжая даже при этомъ съ мѣста. Подобнаго ро-

да странствіе покажется для васъ, читатель (я разумѣю всякаго не уральца), страшнымъ, опаснымъ, даже невозможнымъ; но для насъ, уральцевъ, оно вошло въ привычку, и каждый казакъ, который занимается морскимъ рыболовствомъ, смотритъ на все это, какъ на дѣло очень обыкновенное.

Счастливы ахаульщики, ежели относъ совершится безъ особыхъ явленій, просто, какъ я писалъ. Тогда имъ ни до чего нѣтъ надобности. Главное вниманіе обращаютъ они на дно морское: если оно плитое,—то и рыба тутъ держится во множествѣ, а ахаульщикамъ только это и нужно. Благословляя судьбу, перенесшую ихъ на хорошее мѣсто, они съ радостію продолжаютъ облегчать нѣдра моря отъ лишняго бремени, вовсе не обращая вниманія на то, что позади ихъ къ черпямъ открылась широкая зіяющая полоса воды. Пройдетъ три, четыре дня, полоса эта покрывается, при тишинѣ и морозѣ, новымъ льдомъ, по которому, ежели толщина его достигнетъ до полутора вершка, ахаульщики спѣшатъ отправлять въ Гурьевъ наловленную рыбу и рыбные продукты, чтобы выгоднѣе ихъ тамъ сбыть.

Переѣзды на тяжелыхъ возахъ черезъ эти молодые льды, или такъ называемые р а з н о с ы, вполнѣ характеризуютъ казаковъ, какъ воиновъ, издавна славящихся безстрашіемъ и безпечностію къ опасностямъ. Такъ напримѣръ, выпивъ стаканъ, другой водки, надвинувъ на бекрень шапку или лисій тумакъ, помахивая, отъ нечего дѣлать, кнутомъ, напѣвая или насвистывая родную, доморощенную пѣсню—казакъ безъ оглядки скачетъ на своемъ любимомъ буланомъ конѣ, не страшась того, что ретивый и также, какъ самъ онъ, безстрашный булашка пробиваетъ до воды подковой ледъ. Да и съ какой стати бояться этого казаку? Онъ по опыту знаетъ, что конь его не боится воды, да едва ли провалится сквозь ледъ. Скорѣе провалятся съ рыбой сани, которыя во много разъ тяжелѣе лошади. Но и противъ этого казакъ принимаетъ заранѣе мѣры: за сани привязана крѣпкая веревка, другой конецъ которой заткнутъ у казака за

кушакомъ. Лишь только обрушатся сквозь льда сани, онъ въ то же мгновеніе соскакиваетъ съ нихъ и поддерживаетъ ихъ веревкой, чтобы не грузнули. Между тѣмъ, сбѣгаются къ нему товарищи или работники; кто выпрягаетъ лошадь, кто рыба-по-рыбѣ облегчаетъ сани, кто вытаскиваетъ ихъ изъ воды, и—путешествіе снова продолжается, какъ будто ничего не бывало. Такимъ образомъ выѣзжаютъ на твердый ледъ, а тамъ, какъ говорятъ казаки, завей возжи—и дома.

Но не всегда удается ахапьщикамъ такъ скоро перелетать черезъ разносы. При теплой или вѣтряной погодѣ разносы долго не замерзаютъ, отчего по нѣсколько недѣль приходится казакамъ жить за водою и тѣмъ самымъ, во вредъ своему хозяйству, не быть въ состояніи доставлять во-время въ Гурьевъ рыбу, цѣна которой понижается по мѣрѣ того, какъ ахапное рыболовство приближается къ концу.

Кромѣ обваловъ на тонкомъ, молодомъ льду, путь ахапьщиковъ затрудняется иногда и на старомъ, твердомъ разсѣлинами, извѣстными подъ именемъ з я р ы к о в ъ *). Ежели зярыкъ не широкъ, напримѣръ, въ аршинъ или полтора, его проѣзжаютъ, не замѣчая. Передовая и, слѣдовательно, самая смѣлая и пріученная въ обозѣ лошадь, нагнувъ голову и навостривъ уши, сама собой, безъ понужденія со стороны хозяина, перескакиваетъ черезъ такой зярыкъ, перепося почти на спинѣ возъ; другія, за ней слѣдующія, лошади дѣлаютъ то же. Но ежели зярыкъ слишкомъ широкъ, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженей, тогда передовая лошадь, приблизясь къ краю зярыка и обнюхавъ воду, останавливается, фыркаетъ и отступаетъ назадъ. Это даетъ знать ахапьщикамъ, что надобно дѣлать мостъ, и они его дѣлаютъ, употребляя при этомъ пѣшни за сваи, веревки за переклады и за связи, а льдины за подстилку. Такого рода мостъ или, правильнѣе, изъ такого ро-

*) Слово з я р ы к ъ уральцы усвоили отъ сосѣдей своихъ, киргизовъ, на языкѣ которыхъ з я р ы к ъ, или з я р т ы к ъ значитъ дыру, или худое мѣсто на чемъ-нибудь.

да матеріаловъ мостъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ: сообразно ширинѣ зярыка выкалываютъ изо льда четыреугольную льдину; шестами и баграми всовываютъ ее въ зярыкъ на то мѣсто, гдѣ предполагается переправа, наблюдая при томъ, чтобы края этой льдины какъ можно ближе касались краевъ зярыка; потомъ подъ льдину съ двухъ сторонъ подпускаютъ толстыя, крѣпкія веревки; одни концы этихъ веревокъ привязываютъ къ двумъ пѣшнямъ, на-крѣпко вбитымъ въ твердый ледъ на сторонѣ зярыка, а другіе концы веревокъ прикрѣпляютъ къ двумъ же пѣшнямъ, утвержденнымъ на противоположномъ краю зярыка. Послѣ того, наконецъ, какъ по мосту, по этой льдинѣ, поддерживаемой веревками, предпріимчивые ахаульщики, возъ-за-возомъ, и переѣзжаютъ.

Выше я сказалъ и здѣсь повторю, что счастье ахаульщикамъ, ежели ихъ отнесетъ тихо, спокойно, всею артелью вмѣстѣ, со всѣмъ станомъ, со всѣми аханами и лошадьми. Но бывали и бываютъ случаи, что ледъ треснетъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинуты ихъ станы, такъ что часть рыбаковъ съ лошадьми остается на мѣстѣ, а другая, противъ воли, уплыветъ на оторванной льдинѣ въ море. Въ такихъ случаяхъ ахаульщики теряютъ не мало времени на соединеніе другъ съ другомъ. Та часть изъ нихъ, на сторонѣ которой остается меньше ахановъ, выбирая или, по выраженію казаковъ, в ы д и р а я ихъ изъ воды, отыскиваетъ другую, разумѣется, тогда, когда представится къ тому возможность, т. е., когда разносъ — неизбѣжное слѣдствіе относа — покроется снова льдомъ. Были примѣры, что ледъ разрывало въ срединѣ самыхъ конаровъ. Можно себѣ представить, какая тогда должна произойти между рыбаками суматоха, особенно, ежели явленіе это застигнетъ ихъ почью спящими. Вотъ, что недавно случилось на стану одного изъ уральскихъ офицеровъ. Вечеромъ, часу въ 8-мъ, онъ сидѣлъ въ конарѣ и пилъ чай, въ ожиданіи осетриной ухи, варившейся въ котлѣ на таганѣ. Дворовый человѣкъ сидѣлъ напротивъ своего господина и подкладывалъ въ огонь подъ котелъ камышъ. Рабочіе

люди уѣзжали въ то время въ Гурьевъ съ рыбою. Все было тихо. Вдругъ раздался подо льдомъ ударъ, подобный пушечному выстрѣлу; рыболовы вздрогнули; кошаръ потрясся; огонь, ярко горѣвшій дотолѣ въ кошарѣ, потухъ, а котелъ съ похлебкой покачнулся и въ ту же минуту упалъ съ тагана и юркнулъ въ воду. Г-нъ Назаровъ (это былъ войсковой старшина Иванъ Петровичъ) понялъ, въ чемъ дѣло, въ одно мгновеніе приподнялъ снизу кошмы кошара и выскочилъ вонъ, схвативъ, такъ сказать на-лету (и самъ не зная зачѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сказалъ), таганъ, на которомъ стоялъ котелъ и который, окунувшись до половины въ воду, чуть не нырнулъ вслѣдъ за котломъ,—тогда какъ подлѣ Назарова лежали вещи во сто разъ получше тагана, напримѣръ, волчій тулупъ или небольшой чайный погребчикъ, въ которомъ, сверхъ того, было немало и денегъ.—Служитель послѣдовалъ примѣру своего господина; но, къ сожалѣнію, выпрыгнулъ въ противоположную сторону. Вскорѣ кошаръ разодрало на-двое, и все, что было въ немъ изъ одежды и провизіи, потонуло. По счастію, и на той, и на другой сторонѣ разлома были неподалеку кошары другихъ аханьщиковъ; въ нихъ-то г. Назаровъ и дворовый его человѣкъ нашли себѣ пристанище.

Но все это для привыкшихъ и освоившихся съ опасностію аханьщиковъ чистый вздоръ. Вотъ бѣда для нихъ. Льдина, на которой ихъ отнесетъ и которая простирается въ длину и ширину на 30 или 50 верстъ, столкнется съ другой, такой же величины, если не больше, стремящейся навстрѣчу первой, противъ вѣтра, отъ внутренняго колебанія моря. При столкновеніи такихъ огромныхъ льдинъ, онѣ объ потрясаются, испускаютъ громы, лѣзутъ одна на другую, уничтожаютъ сами себя, разбиваясь съ краевъ въ куски. Куски эти, сильно напираемые съ обѣихъ сторонъ огромными льдинами, вертятся, трутся и, громоздятся другъ на дружку; одни лѣзутъ вверхъ, а другіе погружаются внизъ и упираются въ морское дно, такъ что въ короткое время на томъ мѣстѣ, гдѣ столкнутся льдины, образуются огромные

высокіе бугры, похожіе на вершины горъ и извѣстные подъ именемъ ш п х а н о в ъ. При этомъ случаѣ самый вѣтеръ, какъ замѣчаютъ казаки, дувшій дотолѣ по одному направленію, останавливается, превращается въ вихрь и, сцѣпившись со льдомъ и водой, помогаетъ имъ разыгрывать чертовскую, какъ выражаются казаки, свадьбу. Это—л о м ъ.

Все, что ш попадается въ ломъ, сокрушается, уничтожается и погибаетъ. Ломъ прекращается уже тогда, когда между двухъ враждебныхъ льдинъ стапутъ, упершись въ морское дно, шиханы. Ахаяьщики, предвидя ломъ, по долетающимъ до нихъ звукамъ, происходящимъ отъ взлома и трескотни льда, заблаговременно приготовляются увернуться отъ гибельнаго дѣйствія этого разрушительнаго явленія. Немедленно впрягаютъ лошадей, укладываютъ въ сани все, что можно увезти, и, держа подъ уздцы лошадей, стоятъ, какъ на стражѣ, готовые каждую минуту броситься въ противоположную сторону отъ лома, туда, гдѣ надѣются спасти свою жизнь, не помышляя уже объ ахапахъ, которые остаются въ водѣ на жертву лома, по тої причинѣ, что выборка ихъ изъ воды требуетъ весьма долгаго времени. Но когда ломъ застигнетъ ахаяьщиковъ неожиданно, врасплохъ, т. е., когда онъ начнется близко отъ стана,—тогда они, забывая всякую мысль о спасеніи имущества, садятся верхомъ на лошадей и скачутъ съ того мѣста на другое, гдѣ нѣтъ лома. Черезъ нѣсколько часовъ тамъ, гдѣ кипѣла дотолѣ жизнь, являются одни шиханы, поглотивъ въ себя все достояніе казаковъ. Послѣ того, разумѣется, ахаяьщики, повѣсивъ головы, возвращаются домой, утѣшаясь надеждою на будущія рыболовства.

Но ежели вся эта кутерьма кончится безъ ущерба рыболовнымъ снастямъ, казакъ беззаботно предается рыболовству, посмѣивается изподтишка надъ Каспіемъ и надѣляетъ его не очень-то лестными для него привѣтствіями, заключивъ ихъ такими словами: „ну, что, обжора... взяло?“ У казаковъ вообще, а у ахаяьщиковъ въ особенности, въ высшей степени развито чувство безстрашія, самонадѣянности и безпечности

къ опасностямъ. Во всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ и невѣрныхъ предпріятіяхъ они подкрѣпляютъ и напутствуютъ себя общею русскою поговоркою: „волка бояться—въ лѣсъ не ходить".

Но пора, наконецъ, обратиться къ аханьщикамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ моего разсказа.

V.

Прошло недѣль шесть со дня выѣзда ихъ въ море. Погода, сверхъ обыкновеннаго, во все время стояла теплая, пасмурная. Аханьщики въ вольныхъ водахъ рыбачили на глубинѣ 4-хъ саженей. Помня добрый отеческій совѣтъ благоразумнаго гурьевскаго начальника, дальше, по тонкости льда, они не заѣзжали. Въ бакенахъ и вообще на мели въ черныхъ рыба ловилась, но на глуби, въ вольныхъ водахъ, мало. Хотя до срока рыболовства (онъ всегда полагается 1-го марта) оставалось еще долго, но аханьщики вольныхъ водъ помышляли уже, выбравъ изъ воды аханы, ѣхать въ дома, какъ вдругъ въ половинѣ февраля (это было въ 1843 году) сильнымъ южнымъ вѣтромъ взломало ледъ со стороны моря, вилоть до острововъ, лежащихъ въ войсковыхъ дачахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Урала. Не успѣли аханьщики опомниться—вѣтеръ заворотилъ отъ сѣвера, и вотъ разнесло и разсѣяло ихъ на льдинахъ по всему морю! Болѣе двухъ сотъ человѣкъ казаковъ и киргизовъ подверглось этой плачевной участи.

Ахнули гурьевскіе жители, когда узнали объ этомъ, безпримѣрномъ въ памяти ихъ отнесъ, и призадумались. Хотя не было дотолѣ примѣровъ смертности на аханномъ рыболовствѣ, но гурьевцамъ нельзя было не бояться за участь отнесенныхъ аханьщиковъ, смотря на наступившую въ то время оттепель. Даромъ, что былъ февраль, дожди почти каждый Божій день шли; ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ; словомъ, пастала чистая весна. Между тѣмъ, какъ на зло,

ледъ въ морѣ, противъ устьевъ Урала и по всѣмъ черпямъ казачьихъ дачъ, еще держался и, какъ ни былъ онъ рыхлъ, но все-таки преграждалъ собою путь гурьевцамъ, пытавшимся ѣхать на легкихъ судахъ и лодкахъ спасать ахаяицковъ. Думали-было обратиться въ астраханскіе предѣлы на тамошнія рыбныя ватаги, но та же самая причина заставляла отказаться отъ такого предпріятія; само собой разумѣется, что съ тѣхъ ватагъ, гдѣ на морѣ стоялъ еще ледъ, ѣхать на судахъ такъ же, какъ изъ Гурьева, было бы невозможно; а на тѣхъ ватагахъ, которыя были очищены отъ льда, нельзя уже было застать ни одного судна, потому что астраханцы всегда вмѣстѣ со льдомъ, лишь только тронется онъ отъ черней, выѣзжаютъ въ море на бой тюленей. И такъ, жители Гурьева-городка, по необходимости, съ горемъ на сердцѣ, должны были, какъ говорится, сложа руки, ждать конца участи ахаяицковъ и молиться Богу за ихъ спасеніе. Не было почти въ Гурьевѣ ни одного семейства, которое не оплакивало бы въ то время одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ или родственниковъ.

Между тѣмъ, вѣсть объ этомъ ужасномъ относѣ дошла до Оренбурга и встревожила начальника Оренбургскаго края, В. А. Обручева. Онъ немедленно командировалъ въ Гурьевъ адъютанта своего, штабсъ-ротмистра Габбе, для изысканія на мѣстѣ средствъ къ спасенію ахаяицковъ. Не успѣлъ этотъ офицеръ выйти въ Гурьевѣ изъ экипажа, какъ пріѣхалъ туда, за этимъ же дѣломъ, генералъ Строевъ. Но что въ состояніи сдѣлать сила человѣческая, какъ бы силенъ и могучъ ни былъ человѣкъ—противъ дѣйствій природы!

Все осталось попрежнему. Гурьевъ впалъ въ уныніе, но однакожъ не отчаявался. Одинъ изъ тамошнихъ старожиловъ, проведшій всю жизнь въ морѣ, П. Деревяновъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ относѣ и выѣхавшій оттуда въ саняхъ на бурдюкахъ, утѣшалъ осиротѣвшія семейства.

— Зачѣмъ плакать,—говорилъ онъ всѣмъ и каждому, въ особенности казачкамъ:—развѣ я даромъ, что ли, плавалъ

на пузыряхъ? *). Показалъ примѣръ—и баста! Стыдъ и срамъ послѣ того казакамъ-молодцамъ пропасть въ морѣ, когда я, посмотрите-ка на меня, старикашка дряхлый, да и то выѣхалъ изъ него здоровъ и невредимъ. Дайте-ка срокъ, родныя: вотъ какъ будетъ потеплѣе, такъ, небось, приплывутъ къ намъ наши рыболовщички.

— Да какъ же оно сбудется, П. Д.....чъ?—возражали ему старушки.—Ты говоришь, когда будетъ потеплѣе; а тогда, вѣдь, знаешь, и льду-то на морѣ не останется.

— Въ томъ-то и штука, мои касатушки,—отвѣчалъ Деревяновъ.—Вотъ извольте-ка понять и обсудить, что я, глупая голова, скажу. Извѣстно, отъ самыхъ Пешныхъ **) теперь вода; тамъ за ними ледъ въ морѣ взломанъ, плаваетъ кусками; на этихъ-то льдинкахъ мотаются наши удальцы. Выѣзжать имъ оттуда, полагать надобно, приведется ужъ на пузыряхъ, а на это-то они и не тотчасъ рѣшатся. Ну, къ чему они, примѣромъ сказать, твои дѣтки, даромъ зарѣжутъ теперь лошадушекъ, когда подъ ними ледъ еще твердый и они въ чаянiи проплавать на немъ нѣсколько недѣль? Можетъ случиться напримѣръ, и то, что носитъ, носитъ ихъ на льдинѣ, да и принесетъ къ другой; ежели она побольше, да попрочнѣе ихней—они и переберутся на нее, а ту, глядишь, подноситъ къ другой, еще побольше и покрѣпче—они и на ту маршъ; а тамъ, съ помощью Божiею, и къ черневому льду недолго добраться; въ черняхъ же ледъ теперь еще держится. Но когда этого имъ не удастся и когда льдины будутъ исчезать,—вотъ ужъ тогда-то ахапьщики и примутся за лошадей: снимутъ съ нихъ кожи; сдѣлаютъ.... извѣстно какъ, что вамъ объ этомъ говорить... сдѣлаютъ пузыри, да и поплы-

---

*) Пузырями казаки называютъ бурдюки, а что такое бурдюки, всякому, думаю, извѣстно; впрочемъ, ниже, въ своемъ мѣстѣ, я разскажу о нихъ.

**) Названiе острововъ, лежащихъ въ морѣ и принадлежащихъ уральскимъ казакамъ.

вуть на нихъ, какъ на косныхъ *), съ Христомъ Богомъ, кому куда поближе, какъ я, грѣшный, плавалъ въ прежни годы. Такъ, стало быть, тужить и горевать не о чемъ!

Слушали казачки рѣчь Деревянова и, вспоминая его приключеніе, отъ котораго онъ такъ удачно отдѣлался, утѣшались.

Что же дѣлали въ это время аханьщики? Они бѣдствовали, въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда взломало ледъ и разнесло ихъ на льдинахъ по морю, они ясно увидѣли, что имъ приходится не до рыболовства и не до сбереженія рыболовныхъ снастей, а только бы какъ-нибудь спасти себя. У кого аханы были выпуты изъ воды, тѣ взяли ихъ, а у кого они остались въ водѣ, тѣ такъ ихъ и бросили, и всѣ устремились къ Гурьеву. Но было ужъ поздно: кругомъ охватило ихъ волнующееся море!

VI.

Съ людьми, говорится, смерть красна. Слѣдуя этой пословицѣ, аханьщики стали собираться партіями, чтобы вмѣстѣ, общими силами, изыскивать средства къ своему спасенію. Примѣръ Деревянова былъ еще свѣжъ, памятенъ имъ. Сначала онъ былъ не нуженъ имъ; они надѣялись, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, выѣхать къ черпямъ, но подъ конецъ они убѣдились, что нѣтъ другого средства избавиться смерти, какъ сѣсть на бурдюки. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ рыболововъ не знали искусства—какъ снять съ лошади кожу, чтобы вышелъ изъ нея годный бурдюкъ. Это проявилось въ артели С. Затворникова, молодого, лѣтъ 22, казака. Въ его артели было четверо киргизовъ, людей неопытныхъ и отъ природы трусливыхъ, двое казачьихъ мальчиковъ, которые не больше смыслили въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ киргизы,—да.

*) Названіе извѣстнаго устройства небольшихъ легкихъ лодокъ, употребляемыхъ на Каспійскомъ морѣ разъѣзднымъ уральскимъ чиновникамъ, оберегающимъ морскія воды отъ т а й н ы х ъ (воровскихъ) рыболовствъ.

къ довершенію несчастія, двое русскихъ мужиковъ, которые только и знали, во все время бѣдствія, что плакать. Бѣда приходила Затворникову съ такими товарищами. Еще хуже было то, что льдина, на которой онъ держался съ артелью, попала не изъ толстаго, съ первозимья образовавшагося, льда, а изъ тонкаго, покрывавшаго гдѣ-нибудь передъ тѣмъ какой-либо разносъ. Вскорѣ льдина эта, обтираясь и обламываясь съ краевъ объ другія, мелкія, но не меньше того вредныя въ этомъ случаѣ, начала уменьшаться и недѣли въ двѣ до того уменьшилась, что стала погружаться, такъ что аханьщикамъ доводилось стоять на ней по щиколотку въ водѣ. Въ такой крайности Затворниковъ рѣшился столкнуть и столкнулъ въ воду пять лошадей, чтобы облегчить льдину. Бѣдныя животныя не могли сразу утонуть и, плавая около льдины, жалобно ржали и вскидывали переднія ноги на льдину.—„Сердце такъ и вело коробомъ, говорилъ послѣ Затворниковъ: слезы, противъ воли, такъ и текли изъ глазъ, какъ я смотрѣлъ на муку лошадей!“—Чтобы скорѣе покончить страданія лошадей, давившихъ своихъ спутницъ по морю, Затворниковъ билъ по головамъ ихъ пѣшней и тѣмъ помогалъ имъ уходить ко дну.—„Меня такое взяло въ то время зло (слова Затворникова), что я забылъ о Богѣ, забылъ о грѣхѣ,—былъ какъ бѣшеный,—и чуть-чуть, въ азартѣ, не огрѣлъ одного изъ мужиковъ по башкѣ пѣшней, за то, что они мнѣ ни въ чемъ не помогали, сидѣли въ саняхъ, какъ бабы, и выли голосомъ, словно за покойника“.

Между тѣмъ, день отъ дня становилось теплѣе, льдина часъ отъ часу исчезала, и Затворниковъ каждую минуту видѣлъ неминуемую гибель; но, какъ казакъ, какъ сынъ стараго моряка, не унывалъ и старался, какъ умѣлъ, утѣшать и ободрять своихъ горемычныхъ товарищей.—„Посмотрите-ка, братцы!—говорилъ онъ имъ:—вонъ впереди насъ шиханы! они, я знаю, около Пешныхъ, недалеко отъ черней; насъ къ нимъ уваливаетъ, и сейчасъ ударитъ о нихъ; но слушайте-ка! льдина подъ нами и безъ того чуть держится, а какъ толкнетъ се въ шиханъ, такъ и помнишь какъ звали.

Что призадумались? Аль боитесь утонуть? Гмъ! Какъ бы не такъ! Ужъ эта стара штука! Видали мы еще не то, да не трусили. Вотъ веревка, возьмись каждый крѣпче за нее, да и держись. Не всѣ сразу утонемъ; насъ не одинъ; кто-нибудь успѣетъ вскочить на шиханъ, а тамъ, одинъ за другимъ, и всѣ вскарабкаемся на него, а тамъ, Богъ милостивъ, переберемся и на черневой ледъ; а ежели не удастся—такъ наѣдутъ какіе-нибудь ловцы или тюленьщики; теперь ужъ время такое, чай полно на морѣ астраханскихъ судовъ.

Лишь только успѣлъ Затворниковъ кончить рѣчь свою, какъ льдину поворотило въ сторону и внесло въ мелкій, подобный кашѣ ледъ, который казаки называютъ с а у ш ъ. Тутъ она увязла и остановилась.—„Опять, чортъ возьми, неудача!“—вскричалъ Затворниковъ голосомъ человѣка, разсерженнаго на весь свѣтъ, плюнулъ съ досады и сѣлъ въ раздумьѣ на сани.

Наступила темная ночь, не первая, надобно замѣтить, а ужъ двадцатая съ того времени, какъ Затворниковъ скитался по морю. Товарищи его рыдали и тѣмъ его бѣсили.—„Слушайте... трусы!—сказалъ онъ имъ: ежели вы не перестанете плакать, да сидѣть, спустя рукава,—то въ послѣдній разъ видите меня съ собой!—Завтра, чѣмъ свѣтъ, брошу васъ здѣсь, какъ подлецовъ! Хоть вплавь, хоть какъ-нибудь доберусь до шихановъ. Пропадайте вы тутъ, какъ собаки! Лучше, спокойнѣе десять разъ умереть одному, чѣмъ съ вами, съ такой, Господи прости, дрянью...

— Да что же мы будемъ дѣлать?—проговорили сквозь зубы мужики.

— Что хотите, олухи, только не плачьте! Изрубите которыя-нибудь сани, разведите огонь, сядьте кругомъ его, да сказки сказывайте или пѣсни пойте; боритесь или хоть деритесь; тогда все-таки будетъ какъ-то повеселѣе. А то, вишь, какъ расхныкались, словно дѣвки, которыхъ насильно замужъ выдаютъ. По нашему, не робѣть—такъ выйдетъ дѣло! Двухъ смертей, знаете, не будетъ, а отъ одной не отмолился и Ашка-воинъ, а онъ, вѣдь, не намъ чета былъ. Ну, молодцы, за дѣло!

Ободренные, а быть можетъ, и устрашенные угрозою Затворникова, артельщики и работники его развели огонь.

— Вотъ хорошо; давно бы такъ, болваны!—сказалъ Затворниковъ.—А что, Петя, много ли у насъ хлѣба?—спросилъ онъ одного изъ казачатъ.

— Много еще,—отвѣчалъ тотъ.

— А сколько, по твоему, много?

— Да цѣлыхъ два мѣшка.

— Ну, не больно много. Нынче на ночь, такъ и быть, по витушкѣ на брата, а завтра на двоихъ одну. Станемте, братцы, какъ въ походѣ, порціями ѣсть, чтобы послѣ не голодать, да махашину не жрать. А вы, нехристи, хотите лопадинки? Зарѣжьте чубараго, да и полакомьтесь, все равно, бурдюковъ дѣлать не станемъ, не умѣемъ.

Киргизы, къ которымъ были обращены послѣднія слова этой рѣчи, отрицательно покачали головами; имъ было не до ѣды, не до лакомства.

— Ну, не хотите — какъ хотите! — сказалъ Затворниковъ.—Была бы честь предложена, а убытка Богъ избавилъ.

Разсвѣтало. Солнце жарко пекло аханьщиковъ. — Это было уже въ первыхъ числахъ марта.—Льдина, на которой они держались, таяла; цѣлыя стаи чаекъ вились и играли надъ ними; вокругъ нихъ, время отъ времени, выныривали тюлени и, плавая около льдины, съ какой-то завистью посматривали на людей, овладѣвшихъ льдиной, на которой только бы имъ, жителямъ моря, слѣдовало полежать и погрѣться на весеннемъ солнцѣ. Видиѣвшіеся съ вечера вблизи нихаиы тонули въ синей дали; ясно было, что аханьщиковъ за ночь отнесло отъ нихъ въ глубь моря. Спутники Затворникова, киргизы, начисто оробѣли, пали ницомъ и готовились къ смерти. Смотря на нихъ, можно было подумать, что они мертвы, если бы по временамъ не слышались испускаемые ими глухіе стоны и частыя воззванія: Алла! Русскіе хотя и держались на ногахъ, но находились не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ сами киргизы. Одинъ Затворниковъ бодрствовалъ. Онъ сдвинулъ въ одно всѣ сани и связалъ ихъ между себя

веревками, надѣясь держаться еще сколько-нибудь на такомъ, весьма ненадежномъ плоту. Послѣдній овесъ, какой у него къ тому времени оставался, онъ разсыпалъ по полу и подпустилъ къ нему лошадей, чтобы онѣ, голодая дотолѣ на малыхъ порціяхъ, хотя бы передъ концомъ жизни насытились вдоволь; но бѣдныя животныя, какъ бы предчувствуя по инстинкту, что имъ не пережить этого дня, только понюхали овесъ, но ѣсть его не стали. Это озадачило и бодраго Затворникова, а трусливыхъ его товарищей и подавно.

Черезъ нѣкоторое послѣ того время Затворниковъ увидѣлъ вдали черную точку, которая мало-по-малу приближалась къ нему и, наконецъ, приблизилась до того, что онъ ясно разсмотрѣлъ трехъ людей съ лошадью. „Видно такіе же, какъ мы, горемыки“,—подумалъ Затворниковъ. Дѣйствительно, то былъ казакъ Алексѣй Курбетевъ съ мальчикомъ и киргизомъ. Судьба свела страдальцевъ вмѣстѣ. Льдина подъ Курбетевымъ была больше и крѣпче. Затворниковъ съ своими людьми перебрался къ нему.

— Что же вы до сихъ поръ, оболтусы, не дѣлаете пузырей?—былъ первый вопросъ Курбетева Затворникову.

— Не умѣемъ, какъ дѣлать,—отвѣчалъ послѣдній.

— Не умѣете... Ахъ, чортъ возьми! да это скверно! Я и самъ-то не мастеръ на эти штуки. Однако, попробуемъ. Много ли лошадей?... Восемь у васъ, одна у насъ—девять. Людей? Васъ девятеро, насъ трое, всего двѣнадцать человѣкъ. По трое на пару. Одна лошадь въ запасѣ... Гмъ!... поучимся-ка на ней. Я слыхалъ когда-то отъ Деревянова, какъ онъ с о ч и н я л ъ пузыри; с о ч и н и м ъ и мы, можетъ статься, не хуже его. Эй, вы, орда проклятая!—закричалъ онъ на киргизовъ.—Вставайте, да за дѣло принимайтесь! Вишь, какъ они развалялись, словно не до нихъ дѣло. Хорошо вамъ, поганые басурманы, отлеживаться: лишь только на берегъ—вы и пошли себѣ въ аулы на айрянъ, да на кумысъ, а намъ, вѣдь, еще надо службу царску справлять, да на к у р х а й *) собираться. Ну, что разинули рты? Аль

*) Сокращенное слово к у р х а й с к о е рыболовство, отправляемое каза-

хотите, чтобы я нагрѣлъ вамъ бока линьками! Живѣй за работу!

Киргизы, покорные голосу Курбетева, принялись вмѣстѣ съ нимъ и Затворниковымъ за дѣло.

Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало; на мѣсто ихъ явились бурдюки.

Бурдюки дѣлаются вотъ какъ: сперва, зарѣзавъ лошадь, отрѣзываютъ ей прочь голову: потомъ съ шеи, кусокъ за кускомъ и кость за костью, отдѣляютъ ножами и вынимаютъ изъ шкуры, какъ изъ мѣшка, все до-чиста мясо и остовъ лошади; послѣ края шкуры у отрѣза надѣваютъ или, иначе сказать, нанизываютъ на острый, сдѣланный изъ дубоваго сапнаго полоза, гвоздь; подъ самымъ гвоздемъ сжимаютъ шкурку и крѣпко-на-крѣпко перетягиваютъ и увиваютъ тонкой бичевкой (веревкой), такъ, чтобы между складокъ не могъ выходить воздухъ; наконецъ, въ ногахъ дѣлаютъ маленькія скважинки, вставляютъ въ нихъ тростниковыя дудочки, и, посредствомъ ихъ, чередуясь между собой, ахаиьщики надуваютъ шкуры на подобіе пузырей. Послѣ того бурдюки эти подвязываютъ подъ сани съ боковъ, къ каждымъ санямъ по два бурдюка. Такого устройства плоты или, какъ называютъ ихъ въ шутку казаки, п а р о в ы с (пароходы), могутъ поднимать двоихъ и троихъ, а по нуждѣ и четверыхъ.

Лишь только Затворниковъ и Курбетевъ успѣли прикадить къ санямъ бурдюки, какъ льдина, служившая имъ подъножіемъ на такомъ гибкомъ и живомъ пути, отъ волненія разломалась на мелкіе куски и разсѣялась. Къ счастію, у обѣихъ артелей было довольно хлѣба. Раздѣливъ его еще заранѣе поровну, ахаиьщики усѣлись по три человѣка на каждыя сани и пустились по морю, по направленію къ черіямъ. Чтобы не разнесло ихъ врозь, они связали сани веревкой одни за другія. По временамъ они пристава.ли къ льдинамъ, которыя попадались имъ на пути, и выходили на

ками на судахъ весной, по вскрытіи льда. У казаковъ привычка сокращать названіе рыболовствъ; такъ напримѣръ, они называютъ а х а н н о е рыболовство просто а х а н ы; п л а в е н н о е—п л а в н я, и т. д.

ихъ, чтобы отдохнуть и расправить свои члены. Тутъ они подновляли воздухомъ и бурдюки, которые отъ продолжительнаго плаванія на водѣ теряли изъ себя часть воздуха и отъ того больше, чѣмъ слѣдовало, грузнули въ воду. Пять дней такимъ образомъ плавали Затворниковъ и Курбетевъ съ товарищами, пробираясь къ черпямъ, но вѣтеръ—къ счастію, не очень рѣзкій—уносилъ ихъ отъ нихъ и кружилъ по морю, мало повинуясь весламъ аханьщиковъ, сдѣланнымъ изъ санныхъ оглобель, да изъ лопатокъ лошадиныхъ ногъ. Наконецъ, въ шестой день такого мучительнаго и гибельнаго состоянія, судьба занесла ихъ на судно тюленьихъ промышленниковъ. Добросовѣстные астраханцы немедленно привезли ихъ къ Гурьеву, на Стрѣлецкую косу.

Затворниковъ и Курбетевъ первые съ артелями явились изъ отпоса въ Гурьевъ-городокъ, гдѣ встрѣтили ихъ сначала какъ выходцевъ съ того свѣта.

— Слава Богу!—говорили, между прочимъ, обрадованные гурьевцы,—ужъ коли Затворниковъ выплелся (а онъ, замѣтить въ скобкахъ, не изъ самыхъ еще ловкихъ казаковъ), такъ другіе, помолодноватѣе его, и подавно должны выѣхать!

VII.

Среди пустыннаго, безконечнаго моря, отъ востока къ западу, по краю льдины тянулся обозъ, лошадей до 30; навстрѣчу ему другой, лошадей въ 20. Съѣхавшись, аханьщики—то были изъ числа несчастныхъ, разнесенныхъ по морю—остановились. И тѣ, и другіе искали выѣзда къ берегамъ, а берега-то имъ и не давались. „Куда теперь поѣдемъ братцы?“—спрашивали одни. „Поѣдемте на полдни, отвѣчали другіе: авось тамъ найдемъ большіе льды; вѣдь насъ туда, кажись, уваливаетъ“. Отправились. Но, проѣхавъ версты съ три, они и тамъ встрѣтили волнующееся море, покрытое мелкими, избитыми кусками льду. „Стойте, товарищи! Ѣхать некуда!“ Остановились. Старые рыболовы сошлись въ кружокъ и стали думать, да гадать—какъ бы горю помочь. По

общему совѣту, снесли со всѣхъ артелей и сложили въ одно мѣсто хлѣбъ и приставили къ этому запасу одного казака, чтобы онъ выдавалъ изъ него на день каждому человѣку опредѣленную, весьма малую порцію. Потомъ отсчитали на каждыхъ троихъ человѣкъ по двѣ лошади и отдали ихъ въ руки киргизамъ, чтобы они, зарѣзавъ ихъ, снимали съ нихъ, по указанному способу, кожи на бурдюки; лишнія сани изрубили на дрова и велѣли киргизамъ наварить для себя сколько можно больше лошадинаго мяса, а для русскихъ— рыбы, чтобы тѣмъ усилить запасъ продовольствія, такъ какъ аханьщики предвидѣли, что дѣло пойдетъ въ оттяжку. Не забыли, между прочимъ, казаки и лошадей, оставшихся въ живыхъ. Весь овесъ (сѣна къ тому времени не осталось ни клока) сложили въ одно мѣсто и положили давать его каждой лошади по пригоршнѣ въ день. Кормъ этотъ, больше чѣмъ скудный, дошелъ впослѣдствіи до совершеннаго почти уничтоженія, такъ что аханьщики должны были подъ конецъ, для поддержанія жизни въ лошадяхъ, подмѣшивать въ овесъ собственный ихъ пометъ, мелко-изрубленныя рогожи и стружки санныхъ кріулинъ.

Устроившись такимъ образомъ и обезпечивъ себя провизіею, на случай голода, и бурдюками, на случай того, если бы льдина подъ ними уничтожилась, аханьщики разставили кошары, расположились, въ нихъ съ свойственнымъ имъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и стали ждать развязки страдальческой своей участи. Между тѣмъ, день за днемъ становилось теплѣе и нерѣдко спрыскивалъ аханьщиковъ дождь; льдину подъ ними продолжало носить изъ стороны въ сторону: то подвигало ее къ чернямъ, то снова удаляло въ море. Часто аханьщики, свернувъ рукавицы на подобіе зрительныхъ трубъ, посматривали вокругъ себя,—не шлетъ ли откуда имъ Богъ помощи. „Нечего глазѣть по сторонамъ напрасно!“ сказалъ однажды казакъ Павелъ Голубовъ, изъ числа неустрашимыхъ и отважныхъ рыболововъ. Рано теперь, видите, кругомъ со всѣхъ сторонъ заперло насъ льдомъ, а вотъ подождите съ недѣлю, льдины прорѣдѣютъ и море очистится, тогда, авось, появятся какія-нибудь суда

астраханскія. Лучше давайте-ка, братцы, отъ скуки, тюленей стрѣлять. Эй, вы, мои гулебщики *)! У кого есть ружья? Берите ихъ, да маршъ за мной! вонъ туда, на край льдины; тамъ, я вижу, есть тюлени, примемся-ка ихъ колотить: они намъ пригодятся.

— Ужъ, чего добраго, не торговать ли ты, дядя Паша, вздумалъ тюленьимъ жиромъ?—замѣтилъ съ улыбкой стоявшій около него казаченокъ.

— На, на, на! ахъ ты, бѣсъ, зеленые волосы! Да какъ еще говоритъ, убей его заразой!—отвѣчалъ, обидясь, Голубовъ.—Что я выдумалъ, того ни тебѣ, ни отцу твоему, старому кобелю, во вѣки вѣковъ не выдумать,—прибавилъ онъ.—Ты еще не знаешь, щенокъ, какое угодье въ тюленьемъ жиру,—больно большое, больше чѣмъ въ тебѣ, а пожалуй, и во всѣхъ, что васъ здѣсь ни на есть, молокососахъ! Онъ, тюленій-то жиръ, во-первыхъ, горитъ, какъ дерево, такъ, стало быть, замѣна дровамъ, въ дровахъ же, ты знаешь, у насъ большая нужда; а во-вторыхъ, онъ плаваетъ на водѣ, не хуже живого тюленя, такъ, стало быть, подмога будетъ и бурдюкамъ. Да что съ тобой толковать! Постой-ка, голубчикъ, увидишь это на самомъ дѣлѣ, да еще послѣ научишь дѣтей своихъ, ежели они у тебя будутъ, т. е., короче сказать, ежели ты, пострѣленокъ, не нынче, не завтра не отправишься на тотъ свѣтъ и не угодишь къ чорту на свѣчку.

— Ну полно, дядя Паша, сердиться, да накликать бѣду; вѣдь я пошутилъ, прости Христа ради,—проговорилъ мальчикъ съ непритворнымъ видомъ смиренія и кротости.

— Нечего мнѣ на тебя сердиться, не стоитъ; дать вотъ тебѣ хорошую подзатыльницу, чтобъ ты, бестія, впередъ не смѣлъ шутить надъ старшими, такъ станешь знать, небось, прикусишь тогда острый свой язычокъ. Возьми-ка лучше, бѣсенокъ, прогонъ да пѣшню, да и пойдемъ со мной.

Съ послѣднимъ словомъ, вскинувъ на плечо ружье, любимую и неизмѣнную свою турку, Голубовъ пошагалъ къ краю льдины, за нимъ пошли другіе, кто съ ружьемъ, кто съ багромъ, а кто съ шестомъ и веревкой.

---

*) Гулебщикъ значитъ охотникъ.

Съ часъ ахаяьщики ходили по окраинѣ льдины и стрѣляли тюленей, которые близко отъ нихъ выныривали. Собрались они уже идти съ добычей на станъ, какъ увидѣли невдалекѣ отъ себя небольшую льдину, а на ней сани съ привязанной къ нимъ лошадью. Вскорѣ льдину эту принесло къ нхней, и они подошли къ ней, чтобы снять съ нея сани и лошадь. Но какъ же они удивились, когда на днѣ саней увидѣли мертваго человѣка, который, какъ живой, сидѣлъ на корточкахъ, прислонясь спиной къ саннымъ головяшкамъ и держалъ на колѣняхъ въ стиснутыхъ и окоченѣлыхъ рукахъ мѣдную икону. На глазахъ у мертвеца была надвинута баранья шапка. Одинъ изъ ахаяьщиковъ подошелъ къ нему, приподнялъ съ головы его шапку, и всѣ тогда узнали въ мертвомъ казака Чирова, того самаго, припомните, читатель, который, при выѣздѣ изъ дома на рыболовство, позабылъ образъ Николая Чудотворца. Вѣрно застигнутый врасплохъ отнесомъ и отбитый отъ людей, старикъ умеръ съ голоду. Лошадь его, истомленная голодомъ же, походила не на лошадь, а скорѣе на скелетъ, обтянутый кожей. Увидѣвъ вокругъ себя людей, она хотѣла повернуться къ нимъ, но лишь только переступила одной ногой, какъ тутъ же упала и не могла встать. Не говоря ни слова, казаки взяли въ руки шесты и оттолкнули отъ себя льдину, на которой находился мертвецъ. Отплывъ саженей 50, льдина столкнулась съ другой, вдвое ея большей, не выдержала толчка и разломалась на мелкіе куски. Первая на дно пошла лошадь, за нею сани и въ заключеніе—Чировъ. Въ минуту то мѣсто покрылось наплывшей новой льдиной. „Царство небесное тебѣ, добрый старикъ“!—сказали ахаяьщики и пошли, пригорюнясь, на станъ.

Прошло послѣ того еще недѣли двѣ безъ особыхъ приключеній. Во все время ахаяьщики не сидѣли даромъ, не унывали: одни продолжали стрѣлять тюленей, другіе приладживали бурдюки къ санямъ, спускали ихъ въ воду и плавали вокругъ льдины, испытывая прочность созданныхъ самими ими плотовъ; иные же устраивали дневные и ночные маяки, чтобы дать о себѣ знать астраханцамъ, если бы слу-

чилось, что эти послѣдніе плыли на суднѣ недалеко отъ нихъ. Днемъ маяки состояли изъ поднятыхъ вверхъ шестовъ, на концахъ которыхъ развѣвались куски рогожъ или кошемъ. Ночью же маяки дѣлались съ огнемъ. Обыкновенно на самый конецъ шеста втыкали кусокъ или цѣлую тюленью шкурку съ жиромъ; немного ниже этой шкуры привязывали къ шесту пукъ мочалы, мочалу зажигали и шестъ тотчасъ поднимали вверхъ. По мѣрѣ того, какъ пламя отъ мочалы взвивалось къ верху, тюленій жиръ таялъ и каплями падалъ на мочалу, отчего огонь въ ней усиливался, и она, не вдругъ уничтожаясь, продолжала горѣть плавно, медленно, какъ свѣтильня въ лампѣ; между тѣмъ, воспламенялась и самая шкура, и все это горѣло до тѣхъ поръ, пока конецъ шеста не обгоралъ и не падалъ на полъ. Тогда маякъ снова возобновлялся.

Была уже половина марта. Сверхъ обыкновеннаго, жара такъ и пекла ахаяицковъ. Льдина подъ ними часъ отъ часу рыхлѣла; нужно было съ осторожностью ходить по ней, чтобы не провалиться. Не въ дальнемъ разстояніи отъ ахаяицковъ видиѣлась гряда шихановъ. Рыболовы разсчитывали, что между шихановъ ледъ долженъ быть тверже того, на которомъ они держались, а потому и рѣшились переѣхать туда. Начали уже спускать на воду сани съ бурдюками и усаживаться на нихъ, какъ вдругъ, недумано-негадано, раздался радостный крикъ казака: „судно“!—„судно! судно!“ повторили всѣ въ восторгѣ и устремили жадные взоры свои въ ту сторону, куда указывалъ Голубовъ. Дѣйствительно, видиѣлось не вдалекѣ отъ нихъ судно, шедшее прямо къ нимъ на всѣхъ парусахъ. То были астраханцы-тюленьщики, которые еще за двое сутокъ увидѣли несчастныхъ ахаяицковъ, но не могли за льдами къ нимъ подъѣхать.

Черезъ полчаса ахаяицки были уже на суднѣ, а черезъ нѣсколько дней—въ Астрахани, куда вывезли ихъ астраханцы.

Половина изъ лошадей, незарѣзанныхъ на бурдюки, къ тому времени пала отъ безкормицы, а остальныя, полуживыя, брошены были на льдинѣ.

VIII.

Еще на одной изъ безчисленныхъ льдинъ, плававшихъ въ то время по Каспійскому морю, собралась, послѣ взлома льда, партія аханьщиковъ, состоявшая человѣкъ изъ 30 уральцевъ и изъ 40 киргизовъ. Въ этой партіи, къ сожалѣнію, не было почти никакого порядка, каждый говорилъ свое и никто не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ другого, а все оттого, что въ партіи этой гурьевцевъ было мало. Казаки же, живущіе на форпостахъ по линіи Урала, не привыкшіе къ аханному рыболовству и дотолѣ мало видѣвшіе море, недоумѣвали и не довѣряли гурьевцамъ, считая ихъ, конечно, несправедливо, виновниками своего несчастія. „Не смотри на насъ,—говорили они имъ,—мы бы не заѣхали такъ далеко".

— А чортъ васъ тащилъ сюда!—отвѣчали безстрашные гурьевцы.—Впередъ вамъ, дуракамъ, наука, знайте край да не падайте. Вы всегда лупите на насъ глаза, думаете, что мы, чортъ знаетъ, какъ живемъ, что все даромъ намъ достается; вотъ оно какъ даромъ-то!

Разногласіе это породило между аханьщиками споръ; отъ спора дошло до брани, и гурьевцы, и линейные казаки не затруднялись въ наборѣ ругательныхъ словъ, которыми они честили другъ друга; послѣдніе, наконецъ, отступились и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Что вы лаетесь, собаки! Развѣ нельзя просто говорить, безъ браннаго слова? Бѣлены, что ли, вы объѣлись?

— Какъ васъ, болвановъ, не ругать,—отозвался со стороны гурьевцевъ казакъ. Вишь, вы взялись не за свое дѣло, да туда же хорохоритесь, ломаетесь, будто бы что-нибудь тутъ смыслите. Молчали бы ужъ! гдѣ вамъ, аряньщикамъ *)... киселькипчать? Знали бы свой Яикъ, лучше было бы.

*) Городскіе казаки въ насмѣшку, называютъ всѣхъ другихъ, живущихъ по форпостамъ на линіи и питающихся, между прочимъ, молокомъ, аряньщиками, отъ киргизскаго слова арянъ, или айрянъ. Арянъ—не что иное какъ наквашенное и потомъ разведенное водой молоко.

— Нечего указывать на Яикъ, сами знаемъ, стыдно бы объ этомъ вспоминать, да укорять другъ дружку. Былъ онъ когда-то Яикъ, да сплылъ,—чай извѣстно и вамъ, величали его когда-то Горынычемъ и золотымъ донышкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и мало ли чѣмъ еще. Но нынче онъ уже не тотъ, старъ, видно, сталъ. Бывало, сказываютъ старики, 10 или 12 саженнымъ багромъ насилу дно въ немъ доставали, а нынче, совѣстно сказать, кулики черезъ него бродятъ; гдѣ тутъ водиться рыбѣ. Цѣди себѣ въ немъ воду, сколько хочешь, брусъ съ оселкомъ выцѣдишь! Нѣтъ, ужъ не та пора, отошло оно времячко-то, когда наши старики на выборъ ловили осетровъ. Эхъ, братцы! Если бы не нужда, чортъ ли бы къ вамъ сюда поѣхалъ, Господи прости!

Киргизы, видя несогласіе и раздоры русскихъ, начисто взбунтовались и отказались отъ повиновенія хозяевамъ. Человѣкъ 20 изъ нихъ, подстрекаемые и возмущаемые однимъ дворовымъ человѣкомъ уральскаго офицера, бросили лошадей, которыми управляли, насовали въ карманы и пазухи хлѣба и, руководимые этимъ крестьяниномъ, пошли прочь отъ партіи на востокъ, къ Прорвинскимъ чернямъ *), которые, по ихъ замѣчанію, находились недалеко отъ нихъ. Верстъ пять или шесть они шли по ровному, твердому льду; но потомъ должны были оставить за собою прочный ледъ, перебираться по взлому, перепрыгивая съ льдины на льдину и подвергаясь каждочасно гибели. Двое изъ киргизовъ, устрашенные очевидною опасностью, отстали отъ товарищей и возвратились на другой день къ партіи; а тѣ, которые пошли дальше съ крестьяниномъ, всѣ до одного пропали безъ вѣсти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они погибли.

Между тѣмъ, въ партіи дѣло все-таки не клеилось, не шло на ладъ. Линейнымъ казакамъ, впервые собравшимся на аханное рыболовство, казалось дико, непонятно—рѣзать лошадей на бурдюки; еще непонятнѣе—какъ плавать на

*) Близъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, между устьями рѣки Эмбы и уничтоженнымъ Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ, есть острова, называемые Прорвой; отъ нихъ-то и черни называются прорвинскими.

бурдюкахъ по морю, когда они слыхали, что и суда на немъ разбиваются, тонутъ. Тогда Платонъ Поповъ, гурьевскій житель, запасной и опытный рыбакъ, вставши на возъ съ ахапами и поднявши надъ головой руку, вооруженную кнутомъ, сказалъ:

— Если мы будемъ только спорить, да вздорить, то изъ этого ничего путнаго не выйдетъ!... Лучше разъѣдемтесь-ка, братцы, отъ грѣха врозь, кому куда вздумается, льдины намъ не занимать: она, слава Богу, еще широка, а кому тѣсна, тотъ пускай себѣ ищетъ другую; тогда дѣлай себѣ всякъ, что захочетъ; я съ вами дольше не останусь. Ну, товарищи! Кто охотникъ? За мной! Пошелъ!

Съ послѣднимъ словомъ онъ взмахнулъ кнутомъ и поскакалъ прочь.

— Я съ тобой! я съ тобой!—раздалось враз нѣсколько голосовъ, и вскорѣ отъ партіи отдѣлилась небольшая толпа ахапьщиковъ и скрылась съ передовымъ за ближайшими храпами. Спустя двѣ недѣли, эта маленькая партія, предводимая Поповымъ, перебираясь съ льдины на льдину, добралась, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и опасностей, до черневого льду около Мангишлака а оттуда, слѣдуя берегомъ, счастливо достигла Гурьева.

Оставшіеся на мѣстѣ рыболовы два дня жили тутъ безъ всякой пользы, были въ нерѣшимости—пуститься ли имъ вслѣдъ за уѣхавшими ахапьщиками, или оставаться тутъ. Но вскорѣ потомъ налетѣвшая буря разомъ покончила ихъ раздумье: въ нѣсколько минутъ изъ огромной льдины, на которой они находились, образовались куски, и на нихъ-то ахапьщики, гдѣ по трое, по четверо, гдѣ по шестеро, противъ воли, разсѣялись по морю. Тогда они, по необходимости, должны были приняться за бурдюки—эти, повидимому, пустыя, но, на самомъ дѣлѣ, спасительныя штуки.

Считаю лишнимъ уже разсказывать бѣдственное ихъ состояніе, а равно и другихъ, скитавшихся въ разныхъ мѣстахъ по морю, ахапьщиковъ. Всѣ они, снятые впослѣдствіи на суда астраханцами, терпѣли одно и то же горе, которое почти во всемъ походило на прежде описанное мною горе

другихъ партій. Достойно замѣчанія только приключеніе трехъ казачьихъ мальчиковъ, которые, по несчастію, отдѣлились отъ партіи съ одной только лошадью, да одного казака, котораго въ другомъ мѣстѣ отшибло отъ артели совершенно одного съ небольшимъ хлѣбомъ за пазухой, да съ подбагренникомъ *) въ рукахъ. Первые трое очутились на маленькой льдинѣ, съ которой они вынуждены были столкнуть въ воду лошадь съ санями, чтобы облегчить льдину, потому что она и однихъ ихъ насилу держала. Послѣ того они перебрались съ льдины на льдину, которыя, обтираясь одна объ другую, часъ отъ часу мельчали и, наконецъ, до того измельчали, что имъ всѣмъ троимъ нельзя было держаться на одной. Тогда они связали возжи концами вмѣстѣ и сдѣлали, такимъ образомъ, изъ нихъ кругъ. Схватившись за эти возжи, они старались не разъединиться между собою, безпрестанно вытаскивая другъ друга изъ воды, куда, скользя съ маленькихъ льдинъ, они каждую почти минуту падали. Два дня они пробыли въ такомъ гибельномъ состояніи, изнуренные голодомъ и промокшіе до костей. На третій день, когда уже казачата совершенно обезсилѣли, ихъ прибило къ большой льдинѣ. На ней они встрѣтили партію другихъ ахапьщиковъ и съ ними уже впослѣдствіи были сняты астраханцами на суда.

Казакъ же,—то былъ Денисъ Бакировъ, житель Гурьева-городка,—перепрыгивая съ льдины на льдину, когда отнесло его отъ товарищей, вскорѣ вышелъ на твердую, большую льдину. Ходя по ней изъ стороны въ сторону, онъ нигдѣ не находилъ выхода: вездѣ встрѣчалъ бушующее море. Одинъ одинехонекъ, среди пустыннаго, навѣвающаго могильнымъ холодомъ моря, страдая голодомъ—Бакировъ близокъ былъ къ отчаянію. Однажды, какъ сказывалъ онъ послѣ, хотѣлъ было онъ броситься въ воду; но мысль о женѣ и дѣтяхъ, а также и о своей душѣ, остановила его отъ самоубійства. Вооружась терпѣніемъ и положась на Провидѣніе Божіе,

*) Родъ багра на короткомъ вязовомъ шестикѣ. Подбагренникъ употребляется при вытаскиваніи рыбъ изъ прорубей.

Бакировъ машинально, безъ всякаго соображенія, продолжалъ себѣ бродить по льду, куда глаза глядятъ. Шесть дней терпѣлъ онъ муку голода. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ и навела его на небольшую рыбу (шипа), брошенную на льду кѣмъ-нибудь изъ ахаиьщиковъ. Съ жадностью собаки и съ быстротою кошки, онъ бросился на добычу, какъ будто боясь, что она можетъ ускользнуть отъ него. Какъ ни была отвратительна сырая рыба—Бакировъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ пришлялся ѣсть ее. Насытившись, онъ пошелъ дальше, взявъ съ собой и рыбу. Три недѣли онъ питался этой рыбой, скитаясь по морю и переходя съ льдины на льдину, въ надеждѣ выйти къ чернямъ. Но, видя, наконецъ, что льдины стали рыхлѣть, исчезать, а берега, между тѣмъ, нигдѣ не показывались, онъ рѣшился взобраться на одинъ изъ встрѣтившихся ему большихъ шихановъ. Тутъ Бакировъ окончательно остановился, въ ожиданіи какого-нибудь судна астраханцевъ.—„Больше всего, говорилъ онъ послѣ, я терпѣлъ и страдалъ на шиханѣ отъ холода. Днемъ мнѣ было тепло еще отъ солнышка, но по ночамъ... ай, ай, не приведи Богъ злому татаршу!.. у меня зубъ на зубъ не попадалъ, словно я былъ въ погребу, во льду, зарытъ".

Сидя на шиханѣ, Бакировъ замѣтилъ однажды, что тюлень, плавая около шихана, посматривалъ на него съ особеннымъ вниманіемъ, пытаясь влѣзть на него. Спрятавшись за одну выдвинувшуюся на шиханѣ неровность, Бакировъ подстерегъ тюленя, когда тотъ вползъ на шиханъ—мигомъ забагрилъ его подбагренникомъ и умертвилъ. Снявши съ тюленя кожу съ жиромъ, Бакировъ досталъ изъ кожаной, висѣвшей на поясу у него, сумки огниво, высѣкъ огня, натеребилъ ваты изъ бывшаго на немъ бухарскаго халата и развелъ огонь. Это было уже къ ночи. Когда Бакировъ сидѣлъ и грѣлся около огня, въ то время плыло мимо шихана судно тюленьихъ бойцовъ. Астраханцы, увидѣвъ огонь, остановились и послали къ шихану лодку. Не будь у Бакирова огня, астраханцы проѣхали бы мимо его, не замѣтивъ.

*

IX.

А что, Денисъ, ты я думаю, далъ зарокъ не ѣздить больше на аханное рыболовство, когда сидѣлъ на шиханѣ и ѣлъ сырую рыбу?—спросилъ я Бакирова вскорѣ послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ относа.

— Помилуйте, сударь,—отвѣчалъ Бакировъ:—что я за дуракъ такой, что буду отказываться отъ рыболовства и отрекаться отъ батюшки синя-моря, нашего кормильца! Бросать рыболовство нашему брату, гурьевскому казаку, все равно, сударь, что въ землю зарываться: чѣмъ станешь семью кормить, да на что службу царску справлять?

— Да, вѣдь, страшно, Бакировъ,—замѣтилъ я,—какъ разъ утонешь.

— Ну, такъ что жъ?—сказалъ Бакировъ.—Съ Богомъ! Двѣ смерти не будетъ, а одной не минуешь, какъ ни шатай, какъ ни валяй. Да чтобъ этомъ и говорить!—прибавилъ онъ.—Ужъ кому, сударь, на роду написано утонуть, тотъ и въ лужѣ, утонетъ, а кому еще жить, тотъ и изъ к і я н ъ-м о р я выѣдетъ здравъ и невредимъ.

И не одинъ Бакировъ, а всѣ уральцы такого счастливаго мнѣнія.

Въ заключеніе скажу, что аханное рыболовство, какъ ни опасно и какъ, въ случаѣ, ни разорительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и благодѣтельно: во-первыхъ, оно даетъ средства къ жизни гурьевскимъ казакамъ; во-вторыхъ—что должно считать еще важнѣе,—оно служитъ для казаковъ отличной школой. На аханномъ рыболовствѣ казакъ съ малыхъ лѣтъ свыкается съ опасностью, не ставитъ впослѣдствіи ее въ грошъ, дѣлается живымъ, ловкимъ, расторопнымъ, смѣлымъ и смѣтливымъ, въ крайнихъ случаяхъ предпріимчивымъ и находчивымъ, привыкаетъ къ трудамъ, къ холоду, а подчасъ и къ голоду; словомъ, казакъ на аханномъ рыболовствѣ

Москва,
1854 г. Іюнь.

IV.

БАШКИРЦЫ.

Въ одно морозное декабрьское утро—это было въ 1852 г.—я оставилъ Уральскъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ долго въ него не возвращаться безъ особой, крайней нужды, и отправился въ путь-дорогу, а куда—увидимъ ниже.—Обогрѣвшись въ избѣ приказнаго казака на Деркульскомъ умету, я закурилъ сигару и, сказавъ хозяину „спасибо“ за его хлопоты, вышелъ на улицу и снова сѣлъ въ возокъ.

Возокъ у меня, надо сказать, знаменитый возокъ, рѣдкостный возокъ, такой возокъ, какого не только сызранская дорога, но даже и московское шоссе никогда не видывало... Ахъ, нѣтъ, виноватъ, за годъ передъ тѣмъ, въ этомъ самомъ возкѣ изъ Москвы въ Уральскъ прикатилъ на почтовыхъ одинъ изъ моихъ товарищей, гвардейскій корнетъ С..... Онъ, т. е. возокъ, обитъ, обшитъ рогожей; кибитка его покачнулась и нахлобучилась впередъ, какъ старомодный в о л о с н и к ъ (кокошникъ) нашихъ древнихъ уралокъ; а самъ весь изломанъ, изогнутъ, искривленъ, изуродованъ, какъ нельзя быть хуже, но, за неимѣніемъ другого, пригодился мнѣ, какъ нельзя лучше.

Черезъ минуту возокъ мой, ковыляя, по своей изможденной натурѣ, со стороны на сторону, тихонько тащился по ровной, гладкой дорогѣ.

Черезъ часъ я былъ уже въ Ливкинскомъ умету—послѣдней станціи уральскихъ казаковъ. Отъ Ливкина я поѣхалъ черезъ башкирскіе пикеты на Камеликъ, гдѣ должно было кончиться мое скучное путешествіе и начаться еще

скучнѣйшее житье, о которомъ и теперь не могу вспомнить равнодушно.—Поѣхалъ, говорю, но какъ поѣхалъ, кто бы зналъ? не приведи Богъ злому такъ врагу ѣздить: отъ этой поганой ѣзды долго болѣли у меня бока. Дорога хотя шла и по ровной степи, но сама была не ровна, а унизана частыми ямами и раскатами. И безъ того кривой, сбочившійся, возокъ мой безпрестанно валялся съ боку на бокъ, и я ежеминутно стукался то головою объ верхъ кибитки, то спиною объ задъ ея, то боками о бока возка, чистое терпѣлъ наказанье, а бѣднаго моего Руслана, сидѣвшаго со мной рядомъ, начисто закачало, такъ что, несмотря ни на ласки мои, ни на угрозы, онъ выпрыгнулъ изъ возка и рѣшился совершить путешествіе безъ посторонней помощи, на собственныхъ ногахъ. Хотѣлъ-было и я послѣдовать его примѣру, но не осмѣлился: вѣдь у собаки, думаю, четыре, а у меня, грѣшнаго, только двѣ ноги,—за четвероногимъ не угоняешься. Къ тому же я берегъ себя на случай невольнаго путешествія пѣшкомъ, ибо того только и смотрѣлъ, какъ дряхлый возокъ мой, ныряя изъ ямы въ яму, треснетъ и рушится.

Но къ счастію моему и къ чести своей, скрипучій иележивой возокъ мой вынесъ столь для него трудную, а для меня въ высшей степени мучительную дорогу.

На послѣднемъ башкирскомъ пикетѣ, былъ со мной одинъ забавный случай, показывающій смѣтливость башкирцевъ и то, что къ нимъ волей-неволей начинаетъ мало-помалу прививаться понятіе о дисциплинѣ и воинскомъ порядкѣ. Пока подводчики (ямщики) хлопотали около лошадей, одинъ изъ башкирцевъ, съ патронташемъ черезъ плечо и съ саблею на боку (которая, мимоходомъ сказать, ни къ чему не была привѣшена, а придерживалась только рукой воина), подошелъ къ возку и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Базвольте узнать—какой вы люди?

Я сказалъ свое имя.

— Караша, ваша благородія,—а есть ли твоя открытый листъ?

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Ну-ка, кажи-ка мнѣ его?

— На что тебѣ открытый листъ?—сказалъ я.—Вѣдь ты читать, навѣрно, не умѣешь.

— Гм!... Нужна нѣтъ, не умѣю; ты только кажи-ка, а я ужъ свой дѣла... такъ себѣ... мала-мала знаемъ: я не брастой люди, я бриказный.

Съ послѣднимъ словомъ башкирецъ самодовольно погладилъ рукой свою бороду.

Дѣлать было нечего, я показалъ башкирцу подорожную и, показывая, не выпускалъ ее изъ рукъ, а держалъ передъ глазами вопрошающаго, и нарочно вверхъ ногами. Взглянувъ на подорожный бланкъ, башкирецъ сказалъ, махнувъ рукой:

— Караша, караша, ваша благородія; пашла, гуляй съ Богомъ.

Я засмѣялся и сказалъ башкирцу, что бумага, мной ему показанная, вовсе не открытый листъ.

— Ай, ай, ваша благороді—я—я -я!—отвѣчалъ башкирецъ, лукаво улыбаясь.—Ты, видно, больна хитра, обманить меня хочешь. О—о—о! обманить меня нельзя, дудки!... Вотъ она, смотри его самъ карашенька,—продолжалъ башкирецъ, указывая пальцемъ на подпись подорожной и поворачивая голову свою немного на сторону, съ небрежностью человѣка, которому все хорошо извѣстно.—Вотъ она, зелена-та... О—о—о! эта зелена-та чернила-та больна мы караша знаемъ... обманить нельзя... Пашла, ваша благородія, гуляй знай... шалтай балтай ненада, чужой деревня его тащи... А ужъ зелена-та чернила-та мы, башкирскій народъ, караша знаемъ, чей она чернила-та...—заключилъ башкирецъ рѣчь свою и, лукаво подмигивая лукавыми глазами, поклонился мнѣ въ то время, когда лошади тронули съ мѣста.

Въ сумерки возокъ мой остановился передъ дерновой, засыпанной снѣгомъ, избой. Въ ней жилъ такъ называемый деревенскій приказный (родъ мѣстнаго начальника), живой и бойкій башкирецъ, по всему видно—преотличный плутишка. Узнавъ отъ подводчика, меня привезшаго, что особа въ лицѣ моемъ не простая, а чиновная, ѣдущая въ ихъ кантонъ на службу, хозяинъ усадилъ меня на почетное мѣсто и стремглавъ бросился по деревнѣ отыскивать самоваръ,

чтобы угостить дорогого гостя чайкомъ: своего-то, вишь, самовара приказный не успѣлъ завести, не р а з ж и л с я еще, н е п о п р а в и л с я, ну да ужъ за этимъ дѣло не станетъ, былъ бы живъ-здоровъ кантонный... Такая услуга со стороны гостепріимнаго башкирца, хотя отчасти и по разсчету, въ высшей степени нравилась мнѣ, тѣмъ болѣе, что пора было пить чай; къ тому же я передрогъ во время ѣзды донельзя, и стаканъ чаю, въ то время, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ.

Сидя на нарахъ (широкихъ лавкахъ, замѣняющихъ у башкирцевъ и диваны, и кровати) около кипящаго самовара, покуривая колобовскую сигару и запивая ароматный дымокъ ея горячей, хотя далеко уже не ароматной, но за всѣмъ тѣмъ отрадной влагой, я увидѣлъ подъ потолкомъ избы, за жердочкой, служащей матицей, дудку, или такъ называемую ч е б ы з г у.

— Кто играетъ на этой чебызгѣ,—не ты ли?—спросилъ я хозяина.

— Нѣтъ, ваша благородія, моя малый братъ играетъ,—отвѣчалъ хозяинъ.

— А гдѣ твой братъ?

— Дворамъ гулятъ, скотина убирастъ; мала-мала сѣна дастъ, сюда въ изба скоро придетъ.

— Хорошо,—подумалъ я,—послушаю игру башкирскаго виртуоза; говорятъ, нѣкоторые изъ нихъ великіе, въ своемъ родѣ, артисты.

— Ну-ка, д ж и г и т ъ (молодецъ)!—сказалъ я вошедшему въ избу вскорѣ послѣ того музыканту:—сыграй-ка что-нибудь хорошенькое на своей чебызгѣ, я послушаю.

Башкирецъ, восемнадцати лѣтъ парень, не отговариваясь, очень охотно взялъ въ руки чебызгу или, какъ еще называютъ ее башкирцы, к у р а й, окатилъ внутренность ея теплой водой, прокашлялся, сталъ посреди избы въ самую живописную позу и принялся играть или, лучше сказать, свистѣть какую-то безтолковщину.

Спустя немного времени, я спросилъ старшаго брата, хозяина: что онъ играетъ?

— Русская пѣсня играетъ.

— Какую?

— Какъ у нашей у воротъ.

— „Ну, такъ оно и есть, очень похоже!“—подумалъ я, едва удерживая смѣхъ, чтобы не оскорбить самолюбіе хозяина, а тѣмъ болѣе его брата, музыканта, у котораго въ ту минуту глаза такъ и свѣтились неподдѣльнымъ огнемъ вдохновенія и самодовольствія.

— Якши, бикъ якши! (хорошо, очень хорошо!)—сказалъ я вслухъ.—Но мнѣ хочется послушать башкирскую пѣсню о какомъ-нибудь богатырѣ вашемъ или о шайтанѣ. Думаю, у васъ много ходитъ въ народѣ пѣсенъ или сказокъ въ этомъ родѣ.

— Когда нѣтъ!—отвѣчалъ хозяинъ.—Только братишка моя больно младой человѣкъ,—гдѣ ему много знать? А вотъ наша старый людя больно маштеръ и пѣсня спивать, и сказка сказать. Хаша па чебызга не играетъ, но па словахъ-то больно гораздъ. Утра пора начнетъ—вечеръ пора кончаетъ; вся день говоритъ; только слушай—вся вѣкъ не переслушаешь.

Между тѣмъ, игравшій на чебызгѣ, или кураѣ (отъ этого послѣдняго названія и игрокъ называется курайчи), пріостановясь не надолго, вслушавшись въ нашъ разговоръ, перемѣнилъ топъ игры на башкирскій ладъ. На этотъ разъ игра его была тихая, унылая, даже плачевная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятная.

Долго курайчи-музыкантъ потѣшалъ игрою насъ и потѣшался ею самъ. Когда онъ кончилъ, я спросилъ, о чемъ онъ игралъ. Мнѣ перевели, что онъ пѣлъ объ одномъ башкирцѣ молодомъ, лихомъ парнѣ-джигитѣ, который когда-то въ давнія времена, ѣхалъ въ первый разъ на свиданье съ невѣстой, но не доѣхалъ: на дорогѣ лошадь подъ нимъ заболѣла и пала. До кочевки, гдѣ жила невѣста, оставалось всего какихъ-нибудь верстъ пять, но женихъ не рѣшался идти туда, стыдясь на первый разъ показаться невѣстѣ и родными ея пѣшимъ-боемъ. Домой тоже не смѣлъ возвратиться, страшась насмѣшекъ со стороны товарищей. Же-

нихъ-башкирецъ рѣшился лучше погибнуть въ степи, чѣмъ терпѣть стыдъ и подвергаться насмѣшкамъ. Бросившись на землю и распростершись около трупа вѣрнаго, но несчастнаго коня своего, удалой башкирецъ принялся распѣвать пѣсни, выражая ими душевную скорбь свою и жалуясь на жестокую судьбу, такъ горько и безчеловѣчно надъ нимъ насмѣявшуюся,—и пѣлъ до тѣхъ поръ, пока не наѣхали на него путешественники и силою не возвратили въ домъ отца.

Я похвалилъ и поблагодарилъ музыканта, а онъ, между тѣмъ, началъ снова играть. Но въ этотъ разъ тонъ чебызги былъ не тихій, унылый, а сильный, рѣзкій, дикій, просто раздирающій и потрясающій слухъ.—Я вопросительно взглянулъ на хозяина, тотъ съ удивленіемъ на играющаго, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— На, на, на! вотъ грѣхъ-та! вотъ грѣхъ-та! Я сапсѣмъ не зналъ, ваша благородія, что братишка моя такой маштеръ. Одинъ старый человѣкъ на т о ю (на праздникѣ, или на пиру) безъ чебызга словами эта пѣсня спѣвалъ; пѣсня больно страшна о сильномъ богатырѣ.

— Ужь не о Саловатѣ ли богатырѣ?—спросилъ я.

Какой Саловатъ!—сказалъ съ видимымъ презрѣніемъ хозяинъ.—Саловатъ что за богатырь? Саловатъ — просто разбойникъ! Такой разбойникъ, какъ Саловатъ, что съ Пугачемъ гулялъ, и у насъ, въ нашемъ мѣстѣ, много было. Вотъ, недавно, лѣтъ двѣнадцать назадъ, два брата Ижердины, не хуже Салавата, дѣлалъ кутерьма. Они также, какъ Саловатъ, людей рѣзалъ, деньга грабилъ, скотина отгонялъ, все отнималъ. А богатырь, о которомъ моя братишка играетъ, я забылъ какъ его звали... былъ честный человѣкъ, святой богатырь. Только послѣдній канса (конецъ) его былъ некраша. Онъ самъ сдѣлалъ некраша, за то Богъ его и наказалъ, а насъ, башкирскій народъ, больно обидѣлъ: съ той пора богатырь у насъ нѣтъ и не будетъ. Когда Богъ серчаетъ—людямъ больно не караша бываетъ.

Это меня заинтересовало, и я полюбопытствовалъ узнать исторію могучаго, но несчастнаго башкирскаго богатыря. Хозяинъ, по просьбѣ моей, разсказалъ кое-какъ, съ грѣхомъ

пополамъ, частію по-русски, частію по-башкирски, слѣдующую легенду.

Когда-то давно, можетъ быть, лѣтъ двѣсти назадъ или еще больше, въ богатой и цвѣтущей Башкиріи, когда народъ ея, живя въ довольствѣ, зналъ только охотиться за дикими звѣрями и пользоваться, безъ малѣйшихъ трудовъ, избыткомъ многочисленныхъ стадъ своихъ и другихъ даровъ природы,—въ семьѣ одного почетнаго башкирца, видно Богомъ любимаго человѣка, родилось дитя, прекрасной наружности мальчикъ. Съ красотой онъ соединялъ въ себѣ силу могучую, удивительную, а доброты души его не было предѣловъ, какъ увидимъ ниже.—Еще въ дѣтствѣ, когда ему не было и десяти лѣтъ, онъ усмирялъ, какъ ягнятъ, самыхъ дикихъ необузданныхъ лошадей, съ которыми цѣлыя толпы башкирцевъ, людей взрослыхъ и въ своемъ родѣ лихихъ наѣздниковъ, не могли справиться.

Бывши отрокомъ, ходилъ онъ, и всегда одинъ, съ лукомъ и стрѣлой, на охоту за медвѣдями, и каждый разъ безъ ноши медвѣжьихъ шкуръ не возвращался домой. Не отбивались отъ него и львы могучіе, когда онъ встрѣчался съ ними. О мелкихъ звѣряхъ и птицахъ и говорить нечего: онъ бивалъ ихъ, какъ говорится, шиня ногой, сколько ему хотѣлось. Бывало, только чуть глазъ завидитъ звѣря или птицу—летитъ стрѣла, и—жертва падаетъ мертвою. Но когда онъ достигъ возмужалости—ему не было равнаго въ силѣ въ цѣломъ свѣтѣ, не только между людьми, но даже между лютыми животными,—просто чудо, а не богатырь былъ этотъ человѣкъ! Тотъ край, гдѣ онъ родился и жилъ, отдыхалъ, благоденствовалъ и благословлялъ своего земляка-богатыря. У него, бывало, только и заботы, что защищать своихъ и чужихъ, ежели чужіе прибѣгали къ его помощи; никому не было отказа.—Отгонятъ ли гдѣ, бывало, воры табунъ коней у башкирцевъ—богатырь одинъ одинехонекъ скачетъ въ погоню, нагоняетъ хищниковъ, всѣхъ перевѣшаетъ на деревьяхъ или перетопитъ въ водѣ и возвращаетъ коней хозяевамъ.—Сдѣлаютъ ли разбойники набѣгъ на какую кочевку—богатырь явится тутъ, какъ избавитель.—

„Всѣмъ недругамъ смерть"! вскрикнетъ, бывало, онъ. И всѣ злодѣи полягутъ на мѣстѣ отъ его острой сабли и булатнаго копья.—Нападутъ ли гдѣ на прохожихъ недобрые люди—богатырь по чутью отыщетъ ихъ, и одна расправа: смерть грабителямъ! Словомъ, что день, то доблестный подвигъ.

Прославился богатырь, прославилась его славой и Башкирія. Богатства лились богатырю со всѣхъ сторонъ, какъ льются весной съ горъ ручьи. Но онъ не скоплялъ богатства—считалъ за грѣхъ—а раздавалъ его бѣднымъ и тѣмъ, кто нуждался. Кромѣ двухъ-трехъ отличныхъ туркменскихъ жеребцовъ, да дорогого, несокрушимаго оружія, онъ ничего не имѣлъ. Зато друзей, душою и тѣломъ ему преданныхъ, нельзя было перечесть. Всѣ, отъ малаго до большого, отъ убогаго до богатаго, его любили, почитали и благоговѣли передъ нимъ. А молодыя башкирянки... что и говорить? Не было ни одной, которая бы втайнѣ не обожала его и не считала для себя верхомъ блаженства быть его женой, хотя бы на одинъ день...

Вотъ какая была завидная доля красавца-богатыря. Но онъ не долго пользовался счастіемъ и жизнію, которая кипѣла въ немъ молодостью.

Однажды, въ дружеской бесѣдѣ, за чашей кумыса, зашла рѣчь о смерти и загробной жизни, о раѣ и адѣ. Мысль о неизвѣстности и таинственности перехода въ вѣчность, какъ свинецъ, запала въ голову богатыря. Склонивъ голову на грудь, онъ сидѣлъ, задумавшись и не говоря ни слова. Товарищи, изъ уваженія къ нему, хранили глубокую тишину. Долго длилось молчаніе, ничѣмъ непрерываемое. Наконецъ, богатырь поднялъ голову и, воодушевясь какимъ-то неестественнымъ огнемъ, сказалъ:

— Да сдѣлаю же это, поставлю на своемъ! Только вы помогите мнѣ, друзья мои! Я хочу испытать и испытаю, во что-бы то ни стало,—что такое смерть и что такое бѣсъ, который таскаетъ души покойниковъ къ себѣ въ адъ. Узнаю и передамъ тайну эту народу...

Товарищи его устремили на него глаза, полные страха и удивленія, и ничего не говорили.

— Что вы удивляетесь, джигиты!—вскричалъ богатырь, и голосъ его, какъ голосъ а р а с л а н а (льва), раздался по рощѣ (друзья пировали въ рощѣ).

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ моей храбрости и силѣ!—продолжалъ богатырь.—Развѣ я не встрѣчалъ, при вашихъ же иногда глазахъ, тысячу разъ видимую смерть! Такъ неужели, думаете, струшу мнимой! Неужели побоюсь бѣса, по стопамъ котораго, смѣю похвалиться, я никогда не хаживалъ!—а?—Вы, кажется, не понимаете меня, молодцы,—прибавилъ богатырь, смотря на своихъ собесѣдниковъ и улыбаясь.—Вамъ кажутся темны мои слова. Выпейте-ка лучше кумысу, выпью и я; тогда я скажу вамъ, что я придумалъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ налилъ огромную чашку кумыса и, говоря: б и ш ь-м и л л я, разомъ опорожнилъ ее. Собесѣдники послѣдовали его примѣру, и скоро, обошедъ кругъ, чаша остановилась посреди пирующихъ. Богатырь продолжалъ:

— Вамъ и всѣмъ правовѣрнымъ извѣстно, что душа умершаго мусульманина, когда его хоронятъ и когда схоронившіе отойдутъ отъ могилы на сорокъ шаговъ, возвращается, по волѣ Аллаха, какъ сказано въ книгѣ премудраго пророка, въ тѣло, и тѣло, лежа въ могилѣ, на время оживаетъ. Вслѣдъ за душой слетаютъ съ неба два духа, два ангела—одинъ свѣтлый, слѣдившій за добрыми, а другой мрачный, наблюдавшій за злыми дѣлами человѣка, во время земной его жизни. Тогда у нихъ въ могилѣ, въ присутствіи оживпаго покойника, идетъ разбирательство о томъ, гдѣ, смотря по дѣламъ, дать покойнику мѣсто, т. е. въ раю или въ аду. По окончаніи суда и расправы, человѣкъ, не выходя изъ могилы, снова умираетъ, и тогда уже душу его уноситъ съ собой тотъ изъ духовъ, которому она достанется.

Тутъ богатырь замолчалъ, еще опорожнилъ чашу кумыса и продолжалъ:

— Вздумалъ я, друзья мои, сыграть шутку надъ однимъ

изъ духовъ, разумѣется, вы догадаетесь, надъ чернымъ, проклятымъ бѣсомъ.—Вѣдь кромѣ смерти, другой бѣды не будетъ; а умирать все равно, нынче или завтра, довелось бы только умереть смертью молодецкою. Но если удастся мнѣ эта шутка, вотъ тогда-то мы запируемъ на славу, зададимъ пиръ на весь міръ и вдоволь насмѣемся надъ бѣсомъ, даромъ, что онъ бѣсъ, сатана проклятый. Вотъ что я вздумалъ сдѣлать. Я притворюсь, братцы, мертвымъ, а вы схороните меня, какъ слѣдуетъ, со всею церемоніею, со всѣми обрядами нашей вѣры, чтобы тѣмъ легче ввести въ обманъ дьявола; онъ же, говорятъ, всегда прежде свѣтлаго ангела является за душой покойника,—такая ужъ, видно, у него жадная и ненасытная натура, какъ у какого-нибудь русскаго пристава... Объ народѣ не безпокойтесь, его обмануть не трудно, онъ всему повѣритъ, лишь только выставьте побольше мяса и кумыса. Могилу сдѣлайте просторнѣе, чтобы мнѣ можно было въ ней стать и размахнуться. Около меня положите топоръ, другого оружія не нужно; а то, пожалуй, чего добраго, бѣсъ побоится его и не придетъ ко мнѣ; извѣстно, что кто лукавъ, тотъ трусъ... Народъ, который будетъ на похоронахъ, вы постарайтесь спровадить отъ могилы впередъ себя, а сами останьтесь на нѣкоторое время. Потомъ всѣ трое—товарищей въ бесѣдѣ у богатыря было трое—разомъ двиньтесь отъ могилы, оставивъ въ ней на случай отверстіе, въ которое бы можно было пролѣзть человѣку, и какъ только сдѣлаете сороковой шагъ, то въ то-жъ мгновеніе скорѣе бѣгите къ могилѣ, и вы увидите тогда, какъ я отдѣлаю того, кто осмѣлится придти за моей душой, ни однимъ злымъ дѣломъ не запятнанной.

— Что, друзья мои! вѣдь славную штуку выдумалъ, неправда ли?—присовокупилъ богатырь, послѣ минутнаго молчанія. Собесѣдники его, слыша такой страшный разсказъ, молчали, не шевелились. Ясно было, что голова богатыря сильно кружилась отъ кумыса, къ которому онъ часто, во время своей рѣчи, прикладывался. А бѣсу—наше мѣсто свято!—это и на руку: ему не въ первый разъ смущать и губить людей, когда они бываютъ въ блаженномъ состояніи

отъ частаго возліянія Бахусу. Скажи все это кто другой, а не богатырь—товарищи его насмѣялись бы надъ нимъ, наплевали бы въ лицо дерзкому хвастуну, но ему, могучему и славному богатырю, котораго они привыкли чтить и боготворить, ему они безусловно вѣрили и повиновались.

Не откладывая вдаль, богатырь тогда же приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана.

Черезъ нѣсколько часовъ разносится по кочевьѣ, гдѣ жилъ богатырь, горестная вѣсть: „богатырь умеръ!“ Со всѣхъ сторонъ къ одру мнимаго покойника стекается народъ, родные и друзья его. Начинается горькій плачъ и тяжкое рыданье. Наконецъ, какъ слѣдуетъ, богатыря хоронятъ. Друзья его, которымъ извѣстенъ замыселъ его, поступаютъ точно такъ, какъ онъ имъ приказалъ. Вотъ, по уходѣ народа, они рядомъ идутъ отъ могилы и вѣрно считаютъ шаги свои,—но на сороковомъ шагу, лишь только ноги ихъ коснулись земли, раздается изъ могилы ужасный, дикій крикъ, отъ котораго они вздрагиваютъ и чуть-чуть не падаютъ на землю. Оправившись, они стремглавъ бѣгутъ къ могилѣ и видятъ—о, ужасъ! богатырь лежитъ мертвый, съ искаженнымъ страшными муками лицомъ; топорище отъ топора валяется на полу въ углу, а самый топоръ—о, верхъ удивленія и страха!—надѣтъ на обѣ ноги мертвеца.

Пораженные страхомъ и еле-живые, друзья богатыря, засыпавъ на-глухо его могилу, приходятъ въ кочевку и передаютъ это страшное событіе народу, а народъ, видя въ немъ кару Бога живого за насмѣшку и за дерзкое желаніе смертнаго узнать тайны судебъ, предается горькой печали и молится за душу погибшаго богатыря. Могила богатыря — заключаетъ преданіе—погребла въ себѣ, вмѣстѣ съ нимъ, и счастіе всего башкирскаго народа.

Дослушавъ разсказъ башкирца и кончивъ ужинъ, я снова собрался въ путь-дорогу. Алла-разы-бульсинъ (благодарю), сказалъ я хозяину, усаживаясь въ возокъ съ осторожностію, чтобы не выронить изъ рукъ закуренной сигары, но не колобовской на тотъ разъ, а дупаевской; колобовскія, какъ лакомство, я берегу и употребляю въ извѣ-

стныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ теперешнемъ, въ честь того, что, при помощи Божіей, мнѣ посчастливилось довести до половины задуманный мною разсказъ о башкирцахъ.

На разсвѣтѣ я пріѣхалъ въ Камеликъ, въ резиденцію башкирскаго разз... такъ и есть, чуть-чуть вмѣсто „б а ш к и р с к а г о о т д ѣ л е н і я“, не написалъ кое-что другое, отчасти недолюбливаемое башкирцами. Пріѣхалъ, говорю, въ Камеликъ и прямо изъ возка, черезъ сѣни, сдѣланныя изъ снѣжныхъ глыбъ, вошелъ въ хоромы, къ которымъ какъ нельзя кстати приходятся стихи русской пѣсни:

Вы, хоромы ли мои, хоромушки,
Не покрытыя, хоромушки, стоите...

Башкирцы, причисленные къ уральскому казачьему войску, составляютъ отрывокъ девятаго и другихъ кантоновъ нынѣшняго башкиро-мещерякскаго казачьяго войска, образовавшагося изъ сліянія башкирцевъ съ мещеряками.

Первоначальное поселеніе ихъ на настоящей землѣ, носящей названіе „Б а ш к и р с к о е о т д ѣ л е н і е“, завелось, съ разрѣшенія и утвержденія правительства, въ концѣ прошедшаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ старожилы, помнящіе времена переселенія; но письменныхъ документовъ нѣтъ, да и быть не можетъ въ отдѣленіи у такого народа, каковы башкирцы, боящіеся, какъ чумы, всякой формальной письменности.

Но за много еще лѣтъ прежде приходили сюда башкирцы изъ Башкиріи для звѣриной ловли. По преданію башкирцевъ, знакомство ихъ съ этими землями современно построенію г. Уфы *). Когда построилась Уфа и когда въ окрестностяхъ ея стали селиться русскіе и другіе народы,—башкирцамъ

*) По сказанію Рычкова въ „Топогр. Оренб. края“ Уфа построена царемъ Ив. В. Грознымъ вскорѣ послѣ взятія Казани, именно въ 1573 г.

сдѣлалось тѣсно тутъ; лѣса начали рѣдѣть и истребляться, а дикіе звѣри, въ нихъ обитавшіе, удаляться въ глухія, дальнія, необитаемыя мѣста. Башкирцы, платя въ тѣ времена нашему правительству подати или такъ называемый я с а к ъ, не деньгами, а натурою, т. е. шкурами лисицъ, куницъ и другихъ пушныхъ звѣрей, не находили уже въ прежнихъ своихъ мѣстахъ обилія дичи, а потому, ища добычи, они ходили за ней за предѣлы своихъ владѣній, и такимъ образомъ постепенно углублялись на юго-западъ, къ вершинамъ рр. Иргиза, Каралыка и Камелика, которыя берутъ свое начало изъ западнаго склона Общаго Сырта, гдѣ въ то время была совершенная глушь, заросшая дремучимъ лѣсомъ — прибѣжищемъ разнаго рода звѣрей.

Посмотрѣть теперь на эти голыя мѣста,—и подумать нельзя, чтобы на нихъ былъ прежде лѣсъ: нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни даже пенька, по которому бы можно было заключить о присутствіи когда-то здѣсь лѣса. Но въ старину тутъ дѣйствительно росли дремучія рощи, особенно по берегамъ рѣкъ. Рѣка Камеликъ и названіе свое, говорятъ башкирцы, получила отъ того, что изъ деревъ, по берегу ея росшихъ, выдалбливались лодки. Лодка же по-башкирски называется „к э м э“ или „к а м э“.

Нынче по землямъ башкирцевъ водятся одни только зайцы, да кое-гдѣ рыскаютъ волки; но въ былое время на этихъ земляхъ водились медвѣди и огромныя стаи всякаго рода пушныхъ звѣрей, въ томъ числѣ и бобры. Одна изъ башкирскихъ деревень до сихъ поръ удержала за собой названіе „Бобровъ-гай“. Нельзя не позавидовать приволью, которымъ пользовались прежде тутъ жившіе.

Охотясь за звѣрями, башкирцы проводили большую часть года въ этой странѣ, никѣмъ тогда ненаселенной и представлявшей всѣ выгоды кочевой и свободной жизни, ибо тутъ были и рѣки, и озера, и лѣса, и дичь, и пажити съ тучной травой,—словомъ все, что составляетъ главный и любимый предметъ въ жизни человѣка, особенно бродячаго и лѣниваго.

Башкирцамъ-звѣроловамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ското-

водамъ, разумѣется, такія мѣста полюбились. Сначала они разгуливали тутъ одни, а потомъ, мало-по-малу, стали забирать туда къ себѣ лишнихъ, а наконецъ и остальныхъ женъ своихъ. Вскорѣ изъ семействъ охотниковъ образовались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшіе зимовья или хутора. Еще теперь, на берегу Иргиза, въ четырехъ верстахъ ниже Иргизскаго умета, есть урочище, извѣстное подъ именемъ „Улустанъ“, что значитъ по-башкирски главный станъ, притонъ.

Слыша о такомъ привольномъ краѣ, который, сверхъ того, имѣлъ для башкирцевъ еще ту выгоду, что былъ удаленъ отъ центра дѣйствія русскихъ властей и тѣмъ доставлялъ башкирцамъ совершенную свободу своевольничать безнаказанно,—слыша о такой, можно сказать, обѣтованной землѣ — башкирцы изъ Башкиріи стали, одинъ за однимъ, семья за семьей, перебираться сюда же.

По мѣрѣ скопленія башкирцевъ въ вершинахъ рр. Иргиза, Каралыка и Камелика, лѣса и тутъ стали истребляться, а звѣри переводиться. Тогда нѣкоторые изъ башкирцевъ подались южнѣе, по теченію р. Камелика, а потомъ еще южнѣе, къ рр. Чижамъ. Такимъ образомъ, подаваясь постепенно все на югъ, башкирцы разселились, сами того не замѣчая, до самыхъ почти Камышъ-Самарскихъ озеръ, захвативъ въ свое владѣніе пространство больше чѣмъ на 400 верстъ въ длину. Сначала они дѣлали это безсознательно, по привычкѣ къ бродячей жизни. Но потомъ, видя, что, по распоряженію правительства, отъ лугового берега Волги въ степь стѣли заводиться русскія селенія, они тотчасъ догадались, что рано-ли, поздно-ли, селенія эти стѣснятъ ихъ впослѣдствіи; а потому, слѣдуя примѣру русскихъ, они сами начали строить деревни и въ нихъ мечети, въ той увѣренности, что изъ осѣдлыхъ мѣстъ выгнать ихъ будетъ трудно, и что земли, такимъ образомъ, незамѣтно останутся и укрѣпятся за ними.

Смѣтливость и предусмотрительность въ этомъ случаѣ замѣтить кстати, дошла у башкирцевъ до того, что, пользуясь простотой и безпечностью сосѣдей своихъ, они вторг-

лись въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ земли уральскихъ казаковъ, около Камышъ-Самарскихъ озеръ, гдѣ текутъ рѣки Большой и Малый Узени, принадлежавшія уральцамъ. Здѣсь башкирцы построили-было уже землянки и сколотили изъ досокъ мечеть. Остались бы они тутъ навсегда, если бы атаманъ уральскихъ казаковъ Д. М. Бородинъ не понялъ намѣренія ихъ. Этотъ атаманъ, заботясь о пользѣ казаковъ, велѣлъ сказать башкирцамъ, чтобы они убрались во-свояси; но когда они не послушались, онъ прогналъ ихъ вооруженной силой.

Какъ уралецъ, я не могу здѣсь удержать моего порыва, чтобы не сказать:—да вѣчно живетъ память о тебѣ, мудрый и благородный атаманъ, въ сердцахъ народа!

Опираясь на нѣкоторыя грамоты царей, башкирцы начали земли эти присвашать себѣ, называя ихъ землями вотчинными. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ съ крестьянами Саратовской губерніи, башкирцы основались на теперешнихъ мѣстахъ, войдя впослѣдствіи въ составъ девятаго башкирскаго кантона, и оставались въ немъ до 1832 года. В этомъ году они отошли отъ башкиро-мещерякскаго казачьяго войска и причислены къ уральскому.

Называясь нынѣ казаками Уральскаго войска, б а ш к и р с к а г о о т д ѣ л е н і я, башкирцы не пользуются однакожъ правами природныхъ уральцевъ и за то не несутъ тѣхъ обязанностей службы, какія лежатъ на уральцахъ.

Принадлежа къ военному званію, башкирцы, какъ и казаки, податей не платятъ, а отправляютъ службу своей личностью. Но служба ихъ такъ легка, такъ немногосложна, такъ, можно сказать, дешева, что каждый башкирецъ живетъ, какъ говорится, скинъ рукава. Всегдашняя и единственная ихъ служба—нарядъ въ г. Уральскъ для городскихъ работъ и для успленія иногда городскихъ (полицейскихъ) казаковъ. Въ нарядъ этотъ, продолжающійся отъ мая до октября мѣсяца, башкирцы ходятъ по очереди, отъ 75 до 100 человѣкъ со всего отдѣленія, и потому въ четыре или пять лѣтъ башкирцу только разъ доведется оставить домъ и сходить или, по выраженію самихъ башкирцевъ,

с г у л я т ь на службу. Но служба эта нисколько его не обременяетъ ни трудами, ни издержками на сборы. Кромѣ лошади, которую башкирецъ всегда имѣетъ, и кое-какой телѣженки съ веревочной и мочальной упряжью, отъ него ничего не требуется. Притомъ еще ему дозволяется нанять въ этотъ нарядъ вмѣсто себя другого, ежели самому препятствуетъ хозяйство или мѣшаетъ лѣнь. Во всякомъ случаѣ, нарядъ этотъ башкирца нисколько не тяготитъ.

Въ окрестностяхъ Уральска отводятъ башкирцамъ, гдѣнибудь около р. Чагана лугъ, и на немъ они располагаются лагеремъ.—Днемъ они разъѣзжаютъ въ телѣжкахъ, возятъ съ Валькова острова песокъ и камешки, всегда, замѣтить надо, не больше двухъ, трехъ лопатъ въ возъ,—устилаютъ ими улицы, расчищаютъ канавы, копаются и роются, какъ кроты, въ войсковомъ саду, и т. п. Это ихъ единственное занятіе, которое они, однако, весьма не долюбливаютъ изъ какого-то самолюбія. Названіе „у р а л ь с к і й р а б о т н и к ъ“ башкирецъ считаетъ за самую невыносимую обиду, и потому казачьимъ мальчишкамъ нерѣдко достается отъ нихъ, за это выраженіе, или лопатка по боку, или горсть песку по лицу. Вечеромъ, кончивъ работы, башкирцы собираются въ своемъ лагерѣ, и тутъ-то начинается у нихъ пиръ горой, въ полномъ разгарѣ кочевой жизни. Выпустивъ коней на лугъ, они разводятъ огни, варятъ м а х а н и н у (мясо) или салму, ужинаютъ, пьютъ айряпъ, иногда и водку тянутъ, разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни, играютъ на чебызгахъ, гармоніяхъ, и такимъ образомъ проводятъ время какъ будто дома, въ своихъ кочевкахъ. Не служба, а гулянка. Одно лишеніе, которое они тутъ терпятъ, это—нѣтъ кумыса, да нѣтъ съ ними женъ... Но куда ни шли шесть мѣсяцевъ. Зато послѣ башкирецъ живетъ три или четыре года дома, какъ ему хочется.

Кромѣ наряда въ Уральскъ, башкирцы содержатъ въ трехъ или четырехъ пунктахъ въ своемъ отдѣленіи пикеты, гдѣ круглый годъ отъ пяти до десяти человѣкъ живутъ и отправляютъ подводную и почтовую гоньбу, и — больше ничего!

Луговъ и пахотной земли въ отдѣленіи весьма много. Но башкирецъ, лѣнтяй отъявленный, не умѣетъ или не хочетъ ими пользоваться. Накосить два-три стога сѣна для двухъ-трехъ лошадей и коровъ, которыя всегда у него подъ рукою и которыя всегдашнія его кормилицы,—да и будетъ. Остальной скотъ его, ежели онъ есть у него, обреченъ круглый годъ ходить въ полѣ и зимою добывать себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Случалось, что во время суровыхъ и снѣжныхъ зимъ весь скотъ у башкирца вымиралъ. Но башкирецъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не научился благодѣтельному и простому правилу сберегать скотъ свой, обезпечивая существованіе его запасомъ сѣна. Но какъ онъ это можетъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать, когда для этого потребуется усиленный трудъ, а вѣдь башкирецъ, извѣстно, наслѣдовалъ отъ отцовъ своихъ только лѣнь и праздность.

Засѣетъ одну-двѣ десятины пшеницей или просомъ—да и баста. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, башкирцу заниматься земледѣліемъ и трудиться до пота лица, когда и этотъ клочекъ земли, воздѣланный даже не руками, а локтями, даетъ ему хлѣба и пшена столько, сколько потребно на салму и на кашу. Было бы молоко, былъ бы кумысъ, была бы махашпа—такъ и довольно, а эти предметы всегда будутъ у башкирца: молоко даетъ ему корова, кумысъ—кобыла, а махашпу онъ всегда добудетъ, стоитъ только украсть у сосѣда лошадку, а на это башкирецъ, какъ увидимъ ниже, великій мастеръ.

Изъ выше сказаннаго можно заключить, что остальные луга и земли пропадаютъ. Нѣтъ, они не пропадаютъ, а приносятъ огромную пользу, только не башкирцамъ, а чужимъ русскимъ крестьянамъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, разбогатѣвъ на башкирскихъ земляхъ, вышли изъ крестьянскаго быта и сдѣлались купцами, а сами башкирцы, эти жалкіе хозяева богатыхъ угодій—бѣдняки бѣдняками.

Въ прежнее время всѣ линнія земли—а ихъ много, очень много было—башкирцы отдавали въ оброчное содержаніе крестьянамъ, и отдавали самымъ глупымъ образомъ, за безцѣнокъ, безъ всякой для себя пользы, за мимолетное

удовлетвореніе прихоти и роскоши. Такъ напримѣръ, общество одной какой-нибудь деревни, уговорясь съ крестьяниномъ, отдавало ему, подъ пьяную руку, въ окрестностяхъ деревни, большое пространство самой хлѣбородной земли за какихъ-нибудь 50 р. ассиг. въ годъ, или даже и еще дешевле, и деньги эти или пропивало на чаю, или прогуливало на праздникѣ. Крестьянинъ же, получивъ за столь ничтожную плату богатый и обширный участокъ, пользовался имъ, какъ своею собственностію, какъ хотѣлъ. Онъ и самъ распахивалъ землю, косилъ сѣно, разводилъ скотъ и продавалъ другимъ крестьянамъ частички изъ этого участка, разумѣется, за большую, чѣмъ самъ покупалъ, цѣну. Такимъ образомъ изъ чужого добра извлекалъ добро себѣ.

Такая манера безполезной и вредной отдачи въ оброчное содержаніе земель продолжалась у башкирцевъ до 1841 года, т. е. до того времени, когда управляющимъ въ отдѣленіе поступилъ войсковой старшина Е. М. Матвѣевъ. Онъ пресѣкъ это зло. Съ разрѣшенія начальства онъ установилъ правильную, законную отдачу башкирскихъ земель въ оброчное содержаніе и тѣмъ самымъ посѣялъ первое зерно общественнаго башкирскаго капитала,—зерно, которое возросло и принесло обильный плодъ. Въ десять лѣтъ, изъ поплинъ, собираемыхъ съ крестьянъ за отводимыя имъ въ оброкъ земли, скопилось у башкирцевъ до 40 тысячъ руб. серебромъ,—капиталъ—хоть куда.

Польза видимая, но, къ сожалѣнію, не всѣ башкирцы сознаютъ ее: большая часть изъ нихъ ни во что ее не цѣнитъ.—„На что намъ,—говорятъ башкирцы,—деньги, которыя не у насъ въ рукахъ, лежатъ гдѣ-то въ Москвѣ или въ Петербургѣ?“—Сколько разъ случалось мнѣ спорить съ башкирцами и доказывать имъ, разумѣется понапрасну, что въ скопленіи и сбереженіи общественнаго капитала заключается огромная, неисчислимая польза цѣлаго народа. Я говаривалъ имъ, что рано ли, поздно ли, заведутъ въ отдѣленіи училища, въ которыхъ даромъ станутъ обучать ихъ дѣтей и приготовлять изъ нихъ ученыхъ муллъ и дѣловыхъ чиновниковъ; что въ случаѣ народныхъ бѣдствій, какови:

пожары, повсемѣстные неурожаи, повальныя скотскія болѣзни и т. п.,—ихъ будутъ снабжать изъ капитала деньгами и тѣмъ избавлять отъ несчастій; что въ случаѣ переселенія ихъ изъ настоящихъ мѣстъ въ другія (о чемъ уже въ послѣднее время было дѣлано предположеніе, но почему-то не приведено въ исполненіе)—капиталъ этотъ имъ пригодится, какъ нельзя лучше, на переѣзды и на новое обзаведеніе хозяйствомъ. Но что ни говори башкирцу, онъ, по грубости и необразованности, остается при своемъ нелѣпомъ мнѣніи; башкирецъ какъ есть азіатецъ, тѣломъ и душой, образомъ жизни и нравомъ, такъ азіатцемъ надолго и останется. Чтобы вышелъ изъ него вполнѣ полезный гражданинъ и до самопожертвованія преданный воинъ, каковы всѣ русскіе воины, долго ждать этого доведется.

Хотя одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, г. Небольшинъ, въ „Замѣткахъ о Башкуртахъ", напечатанныхъ въ 11 № От. Зап. 1850 г., и хвалитъ башкирцевъ, видѣнныхъ имъ во время своего путешествія, говоря что они (кочевые башкирцы) во всѣхъ отношеніяхъ въ Оренбургскомъ краѣ занимаютъ первое, послѣ уральскихъ казаковъ, мѣсто. Но несмотря на то, что самъ я уралецъ—а уральцамъ, какъ видно, если не ошибаюсь, г. Небольшинъ уступаетъ первое мѣсто между народами Оренбургскаго края—я не могу безусловно согласиться съ похвалой, приписываемой башкирцамъ, какимъ бы то ни было, кочевымъ или осѣдлымъ, все равно. Башкирцы одни и тѣ же, я много видалъ ихъ и къ нимъ приемотрѣлся,—не могу согласиться съ этой похвалой потому, что знаю, что въ Оренбургскомъ краѣ живутъ люди во стократъ лучше башкирцевъ и образованностію, и нравственностію, и частною и общественною жизнію, и благоустройствомъ своего войска. Я говорю объ оренбургскихъ казакахъ. Правда, что недавно переименованные изъ поселянъ въ казаки оренбургцы—плохіе наѣздники, плохіе воины, но зато природные, или такъ называемые коренные казаки, пропешедшіе отъ древнихъ волжскихъ, отъѣд. донскихъ казаковъ,—какъ-то: разсыпшинскіе, нижне-

озерскіе и другіе, населяющіе правый берегъ Урала, между Орской кр. и Илекскимъ-городкомъ, отцы и дѣды которыхъ вели безпрестанные боевые споры съ киргизами,— эти казаки, говорю, не только могутъ стать на ряду съ башкирцами, но далеко превзойдутъ ихъ и молодечествомъ, и храбростью, уже на дѣлѣ, въ бояхъ за Государя и Отечество, доказанною.

Но не въ этомъ дѣло. Обратимся къ башкирцамъ и посмотримъ, что они за люди такіе.

По образу жизни, по роду службы, по обилію плодородной земли и обширныхъ луговъ, по удобству водить, бездонно-безпошлинно, огромные табуны лошадей и стада разнаго скота—башкирецъ, если онъ честный и трудолюбивый человѣкъ, можетъ жить не только безбѣдно, но даже и богато въ сравненіи съ другимъ, низшимъ классомъ русскаго народонаселенія. Если мы видимъ башкирца—я говорю о башкирцѣ Уральскаго Отдѣленія—въ бѣдности, то причиной этому самъ башкирецъ, предпочитающій труду и всякому честному занятію постыдную лѣнь и еще постыднѣйшее воровство, особенно конокрадство.

Вотъ портретъ башкирца, списанный съ натуры, послѣ долгаго и тщательнаго наблюденія.

Лѣнь, праздность и отвращеніе къ труду и занятіямъ— вотъ отличительныя свойства башкирца: оттого онъ отъявленный воръ, конокрадъ. Хитрость, находчивость, уклончивость, изворотливость—вотъ геніальныя способности башкирца, проявляющіяся въ немъ во всемъ блескѣ совершенства, когда подпадаетъ онъ подъ какое-нибудь не только простое, но даже уголовное дѣло, хотя бы тутъ были всѣ улики на лицо. Съ виду башкирецъ кажется тихимъ, скромнымъ, вялымъ, безтолковымъ, просто какимъ-то безсознательнымъ существомъ, но въ душѣ онъ хитрѣйшій и смышленѣйшій человѣкъ, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ.—Никто лучше башкирца не украдетъ лошади, никто лучше его не схоронитъ слѣды преступленія, никто, вдобавокъ, ловчѣе и хитрѣе его не вывернется изъ бѣды, не выйдетъ, такъ ска-

зать, сухъ изъ воды,—словомъ, никто отчетливѣе башкирца не обработаетъ воровского дѣла такъ, чтобы нельзя было ни съ которой стороны подпустить шилы подъ него. Сами башкирцы говорятъ съ какою-то національною гордостью: „какъ съ гуся вода—такъ съ башкирца бѣда“.

Служа въ башкирскомъ отдѣленіи, я могъ въ этомъ убѣдиться. Спрашивая, бывало, башкирца, изобличающагося въ воровствѣ, кромѣ слѣдующихъ трехъ словъ: „б и л ь м а й-м а н ъ, к у р м а д ы м ъ и ш и т ь м а д ы м ъ“, т. е. не знаю, не видалъ, не слыхалъ, ничего другого отъ него не добьешься. Отъ того изъ ста слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ надъ башкирцами, по одному или много-что по двумъ совершенно изобличаются преступники, но, замѣтьте, изобличаются только, а не сознаются: собственнаго сознанія въ преступленіи у башкирца обухомъ не вышибешь.—Рѣдко-рѣдко какъ-нибудь, совершенно спутавшись обстоятельствами и своими словами, башкирецъ скажетъ „виноватъ“, но скажетъ тогда только, когда вина небольшая и когда знаетъ, что наказаніе за то послѣдуетъ не жестокое,—но скажетъ это только на первыхъ порахъ, когда не успѣетъ хорошенько обдумать плана обороны. Башкирцу не нужно защитника: онъ самъ перецеголяетъ сотню западныхъ адвокатовъ. Сто разъ башкирецъ откажется отъ своихъ словъ, сто разъ измѣнитъ свое показаніе, и все такъ ловко, что нельзя ни къ чему придраться. Сказавъ слѣдователю одно, въ судѣ онъ скажетъ другое, совсѣмъ противное. Ему возразятъ, что тамъ-то, тогда-то, онъ говорилъ вотъ то-то.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ башкирецъ,—я этого вовсе не говорилъ, да и не думалъ.

— Какъ не говорилъ? Да слова твои вотъ тотъ-то, тотъ-то слышали.

— Не знаю, бачка! можетъ быть и правда, что я это говорилъ; но я не помню; я былъ тогда нездоровъ: голова болѣла, умъ мой мѣшался, память кончался, совсѣмъ ничего не знаю.

И въ доказательство справедливости словъ своихъ плутъ

скажетъ, что у него тогда же послѣ допроса текла изъ носа кровь, и что это видѣли тотъ-то, тотъ-то.

Наводятъ, говоря слогомъ канцелярскимъ, справку, и тотъ-то, тотъ-то подтверждаютъ слова плута, которому вовсе ничего не стоило нарочно расковырять тогда до-крови носъ.

Мало этого: онъ иногда и въ судѣ, когда придется ему, какъ говорятъ, жутко и когда самъ спутается въ отвѣтахъ, притворяется больнымъ, помѣшаннымъ и не отвѣчаетъ на вопросы или городитъ околесную ни къ селу ни къ городу. Поневолѣ останавливаются судьи допросомъ, чего только плутъ и добивается. Онъ, между тѣмъ, по привычкѣ ордынца и по праву мусульманина, отойдетъ въ уголъ, опустится на полъ, соберется съ духомъ, сообразится съ обстоятельствами, и—дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Кромѣ того, зная отлично хорошо говорить по-русски, башкирецъ, при слѣдствіи и въ судѣ, никогда не употребляетъ этого языка, а требуетъ переводчика. И это служитъ ему уловкой, чтобы впослѣдствіи свалить вину на переводчика, что „онъ, дескать, не такъ перевелъ мои слова“.

Свидѣтелей башкирцевъ лучше и не спрашивай: все равно, хоть бы ихъ и не было. Ежели нужно башкирцу свидѣтельствовать за башкирца же противъ русскаго—онъ все знаетъ, все видѣлъ, о всемъ слышалъ, хотя въ дѣйствительности ничего не знаетъ, ничего не видалъ и ни о чемъ не слыхалъ. Но лишь только коснись дѣла, гдѣ онъ долженъ свидѣтельствовать за русскаго противъ башкирца, то ничѣмъ не вынытаешь изъ него правды: не знаю, не видалъ, не слыхалъ—вотъ отвѣтъ его, хотя, на самомъ дѣлѣ, ежели не все, то, по крайней мѣрѣ, немного, да что-нибудь, ему извѣстно.—Въ дѣлахъ же между самими башкирцами свидѣтели переходятъ на ту или на другую сторону, смотря по тому, кто изъ тяжущихся больше дастъ, или кто изъ нихъ въ какихъ отношеніяхъ съ свидѣтелемъ. Сто разъ готовъ башкирецъ присягнуть для друга, для пріятеля къ его оправданію, а для недруга къ его обвиненію, вовсе не думая о томъ, что лжесвидѣтельство есть смертный грѣхъ. Объ

этомъ, впрочемъ, башкирецъ и понятія не имѣетъ, ибо правила религіи ему почти вовсе неизвѣстны, темны, темнѣе осенней ночи. Муллы, изъ среды самихъ башкирцевъ, большею частію люди малограмотные, въ грубости и невѣжествѣ не уступающіе своимъ прихожанамъ. Такіе люди, само собой разумѣется, не только не въ состояніи удержать башкирцевъ отъ преступныхъ дѣйствій, но даже не могутъ разъяснить имъ, что добро и что зло. Одного только встрѣтилъ я муллу въ дер. Байгундшой, похожаго на муллу, т. е. на человѣка, вполнѣ понимающаго свое дѣло, назначеніе и свои обязанности къ прихожанамъ, но этотъ мулла— почтеннѣйшій Явканичъ—одинъ...

Говорятъ, лишь бы успѣть поймать конецъ нитки— до клубка добраться не трудно. Правда, но только не между башкирцами. Это—такой народъ, какого еще свѣтъ не видывалъ: не только не успѣешь счастливо дойти по нитки до клубка, но, того и гляди, самъ запутаешься, упадешь и не узришь свѣта Божьяго. Сколько было примѣровъ, что офицеры, начальники башкирцевъ, стремясь по совѣсти къ открытію виновныхъ въ какомъ-либо преступленіи и не поддаваясь искушенію взяточничества, бывали безстыднымъ образомъ сами оклеветываемы башкирцами въ такихъ небывалыхъ преступленіяхъ, которыя честному офицеру и во снѣ не снились. Вслѣдствіе этого дѣла принимали совсѣмъ другой оборотъ: изъ преступника-башкирца дѣлался истецъ, а изъ офицера-слѣдователя—отвѣтчикъ!

Окруженные отовсюду русскими, управляемые начальниками изъ русскихъ же, которые преслѣдуютъ воровство,— башкирцы до такой степени ненавидятъ всѣхъ вообще русскихъ, что украсть что-нибудь у русскаго они считаютъ не только удальствомъ, молодечествомъ, но даже дѣломъ законнымъ, святымъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что не всѣ башкирцы, сплошь и рядомъ, воры и плуты. Есть между ними люди честные, хорошіе домохозяева, непричастные воровству, особенно нѣкоторые изъ потомковъ почетныхъ ста-

рпшыхъ родовъ (Акировы, Токтаровы). Но эти благопамѣренные люди не въ состояніи ни удержать земляковъ своихъ отъ конокрадства, ни выдавать ихъ въ руки правосудія, боясь неизбѣжной и неотразимой мести. Ежели подпадетъ башкирецъ подъ слѣдствіе за воровство, и ежели къ обвиненію его будетъ способствовать честный человѣкъ, то этому честному человѣку не взвидѣть ни лошади, ни коровы, ни овцы: его кругомъ обворуютъ товарищи вора, пока тотъ судится, а освободясь отъ суда и слѣдствія, этотъ негодяй во всю жизнь преслѣдуетъ то семейство, изъ котораго хотя бы одинъ человѣкъ когда-нибудь сказалъ про него правду. Однимъ словомъ, честный башкирецъ, чуждый воровства и не потакающій ворамъ, въ глазахъ послѣднихъ не лучше русскаго,—а потому и терпитъ отъ своихъ собратовъ одинаковую съ русскимъ участь. При такихъ обстоятельствахъ, по-неволѣ честный башкирецъ или присоединится къ ворамъ, или замолчитъ, какъ мертвый.

Разсказываютъ и печатно, и изустно, что черкесы пріучаютъ дѣтей своихъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ловко управлять конемъ и искусно дѣйствовать оружіемъ. Наука, что и говорить, полезная и благородная. Подобно черкесамъ, и башкирцы дѣтей своихъ не оставляютъ безъ воспитанія и образованія. Они такъ же, какъ и храбрые черкесы, птенцовъ своихъ, лишь только эти выйдутъ изъ пеленокъ, пріучаютъ и совершенствуютъ, но, замѣтьте, не бранному искусству, а постыдному и унизительному ремеслу—воровству! Трудно повѣрить тому, что я сказалъ, а между тѣмъ, это—сущая правда. Вотъ какъ это дѣлается.

Башкирецъ, имѣя въ семьѣ своей двоихъ, троихъ мальчиковъ, раздаетъ имъ по яблоку или по прянику и тому подобному лакомству. Раздавши, онъ воспрещаетъ дѣтямъ съѣдать эти лакомства въ теченіе дня, а приказываетъ сберечь ихъ до вечера; тогда уже онъ разрѣшаетъ имъ употреблять эти гостинцы по желанію каждаго. Дѣти повинуются отцу, а онъ, между тѣмъ, одному изъ нихъ, тайно отъ другихъ, даетъ съ приличнымъ наставленіемъ приказаніе—

украсть гостинецъ у одного изъ братьевъ или у обоихъ, ежели будетъ возможно. Башкирята проводятъ день въ играхъ, а вечеромъ являются къ отцу. Тотъ требуетъ, чтобы они показали ему свои гостинцы. Двое подаютъ ему свои, а у третьяго не оказывается. Послѣдній плачетъ, бѣдняжка, и жалуется, что яблоко его укралъ у него вотъ онъ-то, указывая на одного изъ братьевъ. Отецъ, принимая строгій видъ, допрашиваетъ воришку, а воришка твердитъ себѣ прежде заученныя слова: „не знаю, не видалъ, не слыхалъ", да и только.

Обокраденный не можетъ уличить обокравшаго. Тогда отецъ рѣшаетъ споръ. Онъ говоритъ обиженному:

— Ты дуракъ, простофиля! ты просто-на-просто к а р а ч е к м е н ь! (русскій мужикъ). Ты не уберегъ своего добра, такъ и не пеняй ни на кого, оставайся безъ гостинца. А ты, обращаясь къ воришкѣ—молодецъ! славно смастерилъ свое дѣло; и впередъ, душечка, старайся обрабатывать свои дѣлишки такъ чисто, такъ гладко, чтобы нельзя было и иглы подъ нихъ подпустить; за то и яблоко, которое ты укралъ—твое; пользуйся имъ, какъ законной добычей. Люблю тебя за это, милое дитя мое,—говоритъ въ заключеніе отецъ и треплетъ отъ удовольствія по щекѣ свое чадо, такъ удачно совершившее воровство.

Но ежели случится, что обокраденный башкиренокъ сошлется на третьяго брата, что онъ, дескать, видѣлъ, какъ воришка спроворилъ у него яблоко, и ежели этотъ третій подтвердитъ слова обиженнаго, тогда споръ оканчивается другимъ образомъ. Отецъ-судья отбираетъ отъ свидѣтеля яблоко и отдаетъ его тому, у кого яблоко пропало, а свидѣтелю грозно говоритъ:

— Ты, должно быть, не мой сынъ, ты, должно быть, кафиръ, что лѣзешь въ свидѣтели! Сколько разъ я твердилъ тебѣ и всѣмъ вамъ, чтобы вы помнили слова: „не знаю, не видалъ, не слыхалъ", и никогда въ свидѣтели не ходили, особенно другъ противъ друга. Но ты, негодный мальчишка, не берешь себѣ въ голову мудраго совѣта, чему и меня,

когда я былъ маленькимъ, училъ, да еще, если не понималъ, билъ. Такъ вотъ тебѣ урокъ, сиди теперь, болванъ, безъ яблока, гляди, да и облизывайся, какъ братья твои станутъ ѣсть. Слушай!—заключаетъ отецъ свое правоучительное наставленіе:—ежели еще когда-нибудь попадешь въ свидѣтели, не только противъ брата, но даже и противъ другого мусульманина, буде онъ не въ ладахъ съ тобой, тогда не гнѣвайся, всѣ уши выдеру тебѣ, а объ яблокахъ и не думай. Но противъ христіанина, — прибавляетъ отецъ, — это другое дѣло... какъ можно оправдывай своего и тѣмъ закупай себѣ пріятелей, чтобы и они впослѣдствіи оправдывали тебя... это дѣло хорошее.

Можно представить себѣ, какой выйдетъ башкирецъ, возроненный въ такихъ правилахъ. Онъ всегда видитъ, слышитъ безчисленные и разнообразные примѣры воровства; съ дѣтства пріучается къ воровству, въ лѣтахъ юношескаго возраста практикуется, а въ дни возмужалости, такъ сказать, укрѣпляется и закаляется въ немъ, изучивъ всѣ хитрыя уловки избавляться бѣды, наказанія. Впрочемъ, наказаніе розгами или прогнаніе с к в о з ь с т р о й, для башкирца ничего не значитъ. Это, по словамъ самихъ башкирцевъ, не иное что, какъ горячая лапша, которая отъ непривычки только сначала жжется, а потомъ дѣлается трынъ-травой. Одно, чего башкирцы, какъ смерти, боятся, это—солдатство, да арестантскія роты. Но этому они весьма рѣдко подвергаются или почти никогда не подвергаются. При допросахъ, какъ уже сказано, башкирцы до высочайшей степени находчивы и увертливы; при томъ еще, состоя между собою въ тѣсной связи, конокрады помогаютъ другъ другу, скрываютъ одинъ другого, и дѣло выходитъ чисто.

Судъ, руководствуясь буквально закономъ, не можетъ обвинить башкирца безъ точныхъ доказательствъ, а башкирецъ, при помощи своихъ сообщниковъ или своихъ однодеревенцевъ, такихъ же, какъ самъ онъ, плутовъ, скорѣе околѣетъ, чѣмъ дастъ собрать противъ себя ясныя и законныя улики. Рѣшеніе суда, сколько мнѣ случалось видѣть, обы-

ковенно бываетъ такого содержанія: „башкирца N. N. по неумѣнію въ преступленіи, учинить отъ дѣла свободнымъ, а претенлателю А. А, по недоказательству, въ искѣ отказать".

Или: „башкирецъ N. N. влечетъ на себя подозрѣніе въ какомъ-то преступленіи, а потому судъ полагаетъ—оставить его (башкирца) въ подозрѣніи и отдать подъ надзоръ ближайшаго начальства (а ближайшее начальство—башкирцы же!), истцу же отказать (все-таки отказать!).

Или же наконецъ (что, впрочемъ, бываетъ рѣдко), въ рѣшеніи суда можно видѣть слѣдующее: „башкирецъ N. N, потому-то, потому-то, да еще по дурному поведенію, влечетъ на себя сильное подозрѣніе въ кражѣ лошади у того-то; а потому судъ полагаетъ—наказать подсудимаго башкирца розгами или прогнать сквозь строй, и оставить въ сильномъ подозрѣніи,—а претенлателю отказать (все-таки отказать!)".

Судъ правъ, потому что руководствуется закономъ. Статья же закона, которая говоритъ, что „легче простить десятерыхъ виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго", очень хорошо извѣстна башкирцамъ. Подъ покровительствомъ этой, основанной на человѣколюбіи статьи закона, они продолжаютъ воровать и воровать, оставаясь или вовсе ненаказанными, или наказанными, но легко, что для башкирца рѣшительно ничего не значитъ, потому что самолюбіе его тутъ нисколько не страдаетъ, а натура его крѣпка, какъ желѣзо. Солдатство —вотъ язва для башкирца, какъ я уже сказалъ. Если десять конокрадовъ подвергнутся этой участи, то, безъ сомнѣнія, сто башкирцевъ изъ страха оставятъ преступное ремесло и обратятся къ честнымъ занятіямъ. Тогда бы свободнѣе вздохнули мирные и честные поселяне, живущіе по сосѣдству съ башкирцами.

Говоря о башкирцахъ—конокрадахъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о живущихъ по сосѣдству съ ними русскихъ крестьянахъ и киргизахъ Внутренней, или Букеевской, орды. Между этими народами, особенно послѣдними, то есть киргизами, есть такіе артисты, которые не уступаютъ въ конокрадствѣ и башкирцамъ. Безъ содѣйствія сосѣдей

башкирцы, пожалуй, не могли бы такъ часто и такъ успѣшно воровать лошадей.

Въ Ново-Узенскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, особенно въ первыхъ двухъ, много поселено на казенныхъ участкахъ хуторовъ, гдѣ русскіе мужики, преимущественно изъ секты молоканской, живя вдали отъ начальства и имѣя частыя сношенія съ башкирцами, невольно, такъ сказать, увлекаются страстію къ конокрадству и сильно помогаютъ башкирцамъ въ этомъ преступномъ ремеслѣ, пользуясь, разумѣется, частію изъ воровской добычи.

О киргизахъ и говорить нечего: это—тѣ же башкирцы. Разница между ними только та, что башкирцы обворовываютъ сосѣдственныхъ крестьянъ, иногда и своихъ земляковъ, а киргизы—уральскихъ казаковъ, живущихъ по линіи отъ Уральска къ Гурьеву-городку. Киргизъ, надо замѣтить, сговорчивѣе, уступчивѣе башкирца. Ежели есть хотя малѣйшая улика противу вора-киргиза, онъ тотчасъ старается прекратить дѣло и удовлетворяетъ вполнѣ истца за все украденное. Но несостоятельности вора-киргиза, цѣлый аулъ, цѣлый родъ платитъ за него. Между башкирцами же этого не водится.

У всѣхъ конокрадовъ (башкирцевъ, киргизовъ и крестьянъ) существуетъ слѣдующій порядокъ или, можно сказать, своего рода законъ. Киргизъ, укравши на линіи у казака лошадь, передаетъ ее сообщнику своему, башкирцу, а тотъ отводитъ въ какой-нибудь русскій городъ или селеніе на ярмарку и тамъ сбываетъ. Въ свою очередь башкирецъ, обворовавъ русскихъ крестьянъ, иногда при содѣйствіи пріятелей своихъ изъ среды послѣднихъ, то есть крестьянъ, спроваживаетъ краденыхъ лошадей или въ киргизскую орду, гдѣ онѣ большею частью расходятся по котламъ, съѣдаются, или перепродаетъ изъ одного уѣзда въ другой. Такимъ образомъ, слѣды преступленія скрываются, и воры остаются безъ наказанія.

Извѣстно, что для пресѣченія конокрадства назначены по уѣздамъ особые коммиссары. Но Николаевскій и Ново-

узенскій уѣзды, также земли башкирцевъ и киргизовъ, весьма обширны, можно сказать, пустынны; селенія разбросаны одно отъ другого на многіе десятки, даже сотни верстъ; въ землѣ кочующихъ киргизовъ осѣдлыхъ мѣстъ вовсе не существуютъ,—прямого почтоваго сообщенія нѣтъ, а чрезъ башкирскія и киргизскія владѣнія почта совсѣмъ не ходитъ,—все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ непреодолимую преграду къ быстрому и спѣшному дѣйствію коммиссаровъ и отнимаетъ у нихъ всякую возможность къ скорому производству дѣлъ. За одними справками проходятъ цѣлые года, а этимъ временемъ, смотришь, или кто изъ претендателей, или изъ отвѣтчиковъ, или же изъ свидѣтелей умираетъ, и—дѣлу конецъ. Нѣкоторыя дѣла—я опытомъ убѣдился—в ъ годъ, въ два, даже больше, вовсе и не начинаются изслѣдованіемъ или за неявкой депутатовъ, или за неприбытіемъ нужныхъ къ спросамъ людей, иногда самихъ претендующихъ. Только и наполняется дѣло, вмѣсто предисловія, бумагами, въ которыхъ говорится: „тому-то с т р о г о предписано скорѣй прибыть на мѣсто происшествія; тому-то с т р о ж а й ш е подтверждено исполнить то-то“ и прочее. Но исполненія все-таки нѣтъ, а время, между тѣмъ, идетъ да идетъ. Безполезная переписка продолжается, увеличивается, слѣды происшествія темнѣютъ, исчезаютъ, и наконецъ самое происшествіе покрывается мракомъ неизвѣстности. Результатомъ всего этого выходитъ: безнаказанность и торжество преступниковъ, и невознаградимая потеря, и горькія слезы обиженныхъ.

Земля Башкирскаго отдѣленія тянется узкой и длинной полосой сначала отъ сѣвера на югъ, а потомъ поворачиваетъ на югъ-западъ; начинается она отъ границъ Бузулукскаго уѣзда и идетъ, вплоть до земель киргизовъ Внутренней, или Букеевской орды. Длину башкирскихъ земель можно положить, приблизительно, въ 400 верстъ, а ширину опредѣлить невозможно, потому что въ иныхъ мѣстахъ башкирскія земли

чуть-чуть не прерываются землями Николаевскаго уѣзда, который сжимаетъ Башкирское отдѣленіе съ двухъ сторонъ, съ востока и съ запада. Послѣ Николаевскаго, Новоузенскій уѣздъ, съ западной стороны, можно сказать, вторгается въ Башкирское отдѣленіе многими зигзагами. На югѣ и на югѣ-западѣ Башкирское отдѣленіе примыкаетъ къ землямъ уральскихъ казаковъ и букеевскихъ киргизовъ. Такимъ образомъ, Башкирское отдѣленіе, сжатое со всѣхъ сторонъ, представляетъ собой неправильную и узкую полосу земли, но полоса эта, впрочемъ, по малочисленности народонаселенія, имѣетъ, за исключеніемъ лѣса, всѣ удобства къ безбѣдному существованію обитателей, если бы только обитатели приложили къ ней, какъ слѣдуетъ, руки.

Поверхность башкирскихъ земель на сѣверѣ гориста или, правильнѣе, холмиста, потому что высокихъ горъ нѣтъ. Ниже, къ Камелицкому умету, что будетъ отъ сѣверныхъ границъ верстъ сто, холмы эти постепенно понижаются, а за Камелицкимъ уметомъ начинается уже совершенная равнина и идетъ она до самихъ крайнихъ на югѣ владѣній.

Изъ рѣкъ въ Башкирскомъ отдѣленіи достойны наименованія только три: Камеликъ, Каралыкъ и Иргизъ. Рѣки эти, впадая одна въ другую вливаются въ Волгу. Кромѣ ихъ есть множество маленькихъ или такъ называемыхъ степныхъ рѣчекъ. Озеръ примѣчательныхъ, то есть большихъ, нѣтъ; а мелкихъ, особенно въ третьей юртѣ, много. Рыба въ водахъ башкирскихъ хотя и водится, но весьма мелкая, о которой и говорить не стоитъ. Зайцевъ по степямъ и лугамъ множество. Есть довольно волковъ и барсуковъ, но другихъ звѣрей почти никакихъ нѣтъ. Изъ птицъ водятся: лебеди, гуси, разныхъ породъ утки и кулики; лебеди исключительно держатся въ третьей юртѣ по озерцамъ или ильменямъ, заросшимъ камышами. Лѣсу въ отдѣленіи никакого нѣтъ и быть не можетъ, потому что башкирцы, лишь только завидятъ гдѣ прутикъ, выростающій изъ земли, тотчасъ срубятъ его.

По плодородію земли Башкирское отдѣленіе можно раз-

дѣлить на три части—сѣверную, среднюю и южную. Изъ нихъ сѣверная самая хлѣбороднѣйшая, средняя хуже сѣверной, а южная скуднѣе средней. За то послѣдняя, то есть южная, больше первыхъ двухъ представляетъ удобствъ къ скотоводству, ибо вся почти состоитъ изъ луговъ.

По управленію Башкирское отдѣленіе раздѣляется на три же части или такъ называемыя юрты. Въ каждой юртѣ есть начальникъ изъ оберъ-офицеровъ уральскаго казачьяго войска, именуемый ю р т о в ы м ъ, а всѣми ими завѣдуетъ одинъ у п р а в л я ю щ і й, котораго башкирцы доселѣ называютъ к а н т о н н ы м ъ, по привычкѣ; ибо прежде, до поступленія ихъ въ вѣдомство уральскаго войска, главнымъ лицомъ у нихъ былъ кантонный начальникъ. Юртовыми начальниками бываютъ иногда и офицеры изъ башкирцевъ же, но управляющій исключительно назначается изъ штабъ-офицеровъ, а за недостаткомъ ихъ, изъ эсауловъ уральскаго войска. Въ рукахъ управляющаго, непосредственно подчиненнаго войсковому наказному атаману, соединена власть и военная и полицейская. Въ недавнее время, для успѣшнаго хода слѣдственныхъ и вообще письменныхъ дѣлъ, придавъ управляющему въ помощь офицеръ изъ уральцевъ же, который и называется помощникомъ.

Три юрты, на которыя подраздѣляется Башкирское отдѣленіе, не имѣютъ особыхъ названій, а извѣстны по нумерамъ: занимающая сѣверную часть отдѣленія носитъ названіе п е р в о й, въ средней части отдѣленія именуется в т о р о ю, а послѣдняя, обнимающая всю южную часть отдѣленія, называется т р е т ь е й.

Въ первой юртѣ народъ, занимающійся большею частію хлѣбопашествомъ, богаче, чѣмъ въ остальныхъ двухъ. Въ третьей юртѣ, по обилію луговъ, башкирцы могли бы, ухаживая какъ слѣдуетъ за скотомъ, жить не хуже другихъ своихъ земляковъ, населяющихъ первую юрту, но лѣнь—этотъ камень преткновенія въ башкирскомъ быту—всему помѣхой. Башкирцы во второй юртѣ бѣднѣе прочихъ. Есть цѣлыя деревни въ этой юртѣ, гдѣ жители рѣшительно ни-

чѣмъ не занимаются, какъ лишь только конокрадствомъ, а у вора, говоритъ пословица, нѣтъ ни кола ни двора. Близкимъ и разительнымъ примѣромъ этому служитъ деревня Кучембетева, гдѣ воръ на ворѣ и бѣднякъ на бѣднякѣ. Да Богъ съ ними; кажется, довольно объ этомъ сказано.

По пространству земли, Башкирское отдѣленіе бѣдно народонаселеніемъ. Изъ статистическаго отчета за 1853 годъ видимъ слѣдующія цифры*).

1. Народонаселеніе.

	Число душъ.			
Мужскаго пола:	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Духовнаго званія	6	4	4	14
Оберъ-офицеровъ служащихъ.	—	2	—	2
Заурядъ-офицеровъ	2	2	2	6
Урядниковъ	7	6	1	14
Казаковъ	261	285	334	800
Оберъ-офицеровъ отставныхъ	1	—	—	1
Заурядъ-офицеровъ	8	4	1	13
Урядниковъ	2	—	1	3
Казаковъ	46	61	106	213
Малолѣтковъ **) офицерскихъ	—	6	—	6
„ казачьихъ	414	398	660	1472
Итого	747	768	1109	2624

*) Само собою, цифры эти сильно устарѣли и потеряли значеніе, тѣмъ болѣе, что башкиры, причисленные раньше къ Уральскому казачьему войску и состоявшіе въ вѣдѣніи войскового начальства, уже въ 60-хъ годахъ отчислены отъ войска и присоединены къ Самарской губерніи. Но редакція не сочла себя въ правѣ дѣлать измѣненія въ статьѣ или выпускать эти цифры. Ред.

**) Дѣти мужскаго пола отъ 1-го до 18-ти-лѣтняго возраста.

Женскаго пола:

	Число душъ.			
	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Духовнаго званія	19	10	18	47
Офицерскаго	42	38	12	92
Урядническаго и казачьяго...	682	737	1087	2506
Итого	743	787	1117	2645

Слѣдовательно во всемъ отдѣленіи мужскаго пола 2624 а женскаго 2645 душъ.

2. Скотоводство.

	Число головъ.			
	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Лошадей	2176	1517	6603	10296
Воловъ (употребляемыхъ при распашкѣ земли)	21	—	—	21
Скота рогатаго вообще	1322	1345	3083	5750
Овецъ	1184	672	6673	8529
Итого	4703	3534	16359	24596

3. Жилища и строенія.

	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Деревень и хуторовъ.....	8	9	12	29
Кибитокъ	186	197	325	708

Въ деревняхъ:

	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Мечетей	3	4	2	9
Домовъ общественныхъ	4	2	4	10
„ частныхъ	254	275	343	872
Мельницъ (вѣтряныхъ)	2	—	—	2

Больше чѣмъ три четверти домовъ и двѣ мечети построены изъ дерна и изъ воздушнаго кирпича; остальные дома и мечети деревянные. Но вообще всѣ строенія въ Башкирскомъ отдѣленіи отличаются бѣдностью, безвкусіемъ и неудобствомъ, исключая домовъ нѣкоторыхъ чиновниковъ. Объ этомъ поговоримъ ниже.

4. Хлѣбопашество.

Пшеницы:

	Число четвертей. Посѣяно.	Собрано.
Въ 1-й юртѣ	1222	12225
„ 2-й „	345	3455
„ 3-й „	406	4060

Овса и проса:

Въ 1-й юртѣ	402	4025
„ 2-й „	207	2070
„ 3-й „	70	700
Итого	2652	26535

Урожай хлѣба ярового былъ въ 1853 году самъ-десятый. Озимаго хлѣба башкирцы совсѣмъ не сѣютъ, во-первыхъ, потому, что онъ въ ихъ странѣ плохо родится, а во-вторыхъ, потому, что сами они ржаной хлѣбъ не долюбливаютъ.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ о хлѣбопашествѣ мы видимъ, что при всей своей лѣни, при всей нерадивости къ труду, башкирцы собираютъ-таки довольно хлѣба; но еслибъ они принялись за это честное и полезное ремесло такъ, какъ занимаются имъ русскіе мужички, они бы во сто кратъ собирали больше, и тогда бы положеніе ихъ улучшилось.

Здѣсь, однако жъ, слѣдуетъ сказать, что хлѣбопашество находится въ рукахъ нѣкоторыхъ только честныхъ и трудолюбивыхъ башкирцевъ. Въ первой юртѣ отличаются этимъ благороднымъ занятіемъ два-три семейства чиновниковъ Аки-

ровыхъ. У нихъ-то однихъ есть волы, на которыхъ распахиваютъ землю. Прочіе башкирцы не знаютъ, какъ и приступить къ плугу или сохѣ, а потому распашку земли производятъ черезъ сосѣдственныхъ крестьянъ за довольно высокую плату, напримѣръ, отъ 2 р. 50 к. до 3 р. съ десятины. Равнымъ образомъ и уборка хлѣба дѣлается чужими руками, и все-таки чрезъ наемъ, отчего свой хлѣбъ приходится башкирцу не дешевле купленнаго. По этой причинѣ лѣнивый башкирецъ или мало занимается земледѣліемъ, или вовсе не занимается. До огородныхъ овощей, какъ-то: до арбузовъ, до дынь, и проч., башкирецъ хотя и большой охотникъ, но обрабатывать огороды или бахчи терпѣть не можетъ.

Въ статистическомъ отчетѣ, изъ котораго взяты мною вышеприведенныя цифры, управляющій Башкирскимъ отдѣленіемъ офиціально говоритъ, что „количество посѣва ярового хлѣба въ нынѣшнемъ (1853 г.) лѣтѣ хотя и увеличилось, но въ меньшей степени, по бѣдности, а болѣе отъ праздности башкирцевъ, къ которымъ они искони склонны,— однако жъ понуждаются къ трудамъ мѣрами начальства". А я замѣчу на это, что никакія мѣры не будутъ дѣйствительными до тѣхъ поръ, пока разсѣянные по отдѣленію башкирцы не будутъ соединены въ одно мѣсто и поселены въ кругу земледѣльцевъ,—и наконецъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ искоренено между ними конокрадство, доставляющее имъ безъ малѣйшихъ трудовъ средства къ жизни. Далѣе въ отчетѣ же управляющій говоритъ: „урожай травъ по всему отдѣленію былъ весьма хорошъ, и накопленаго сѣна для продовольствія зимой скота будетъ достаточно". А я смѣло могу сказать, что по обилію какъ луговыхъ травъ, такъ и степныхъ ковыловъ, башкирцы не только бы имѣли средства обезпечивать скотъ свой сѣномъ на одну зиму, но могли бы накашивать сѣна въ запасъ на многіе года, или продавать его сосѣдственнымъ крестьянамъ. Но башкирецъ, какъ и прежде я сказалъ, не любитъ трудиться, а любитъ барничать. Онъ никогда не возьмется за косу во-время, то есть когда трава бываетъ, что называется,

въ соку, а выйдетъ въ луга тогда, когда трава станетъ уже посыхать. Причиной этому отчасти и лѣнь, отчасти и то, что въ цѣлой деревнѣ существуетъ не больше двухъ-трехъ косъ, такъ нельзя же вразъ всѣмъ косить, а нужно чередоваться. Впрочемъ, и тутъ, какъ въ хлѣбопашествѣ, помогаютъ имъ крестьяне. Эти трудолюбивые люди приходятъ каждое лѣто на башкирскіе луга и очищаютъ ихъ, по уговору съ башкирцами, или изъ половины накошеннаго сѣна (что бываетъ рѣдко), или за ничтожную плату (что бываетъ всего чаще). Кромѣ лѣни и праздности, мотовство въ крови у башкирца. Все, что башкирецъ имѣетъ лишняго—зерно ли хлѣба, клокъ ли сѣна, лошадь ли, корову ли, овцу ли,—онъ все тащитъ на ближайшую ярмарку и торопится какъ можно скорѣе распродать, чтобы на вырученныя деньги купить или чаю съ сахаромъ, или ситцу на рубахи себѣ и женѣ своей. Нѣсколько дней проводитъ башкирецъ, такъ сказать, въ роскоши, а послѣ того, глядишь, цѣлые мѣсяцы ему ѣсть нечего. Тогда, поневолѣ, чтобы не умереть съ голоду и не поморить семейство, онъ принимается за сродное ему ремесло—воровство. Такая ужъ, видно, натура у башкирца, и такой она, вѣроятно, у него останется на долго, если не навсегда.

Башкирцы Уральскаго отдѣленія принадлежатъ къ осѣдлымъ народамъ, но настоящая жизнь ихъ чуть ли не кочевая, а ежели и не такъ, то, положительно можно назвать, полукочевая. Зимой они, правда, живутъ въ избахъ, но лишь только настанетъ весна, какъ, бросая дома, выбираются въ поле, подъ открытое небо, на чистый воздухъ, на зеленую травку-муравку,—выбираются и, какъ насѣкомыя послѣ зимняго оцѣпенѣнія, оживаютъ. Зиму они проводятъ въ сырыхъ, холодныхъ деревянныхъ или глиняныхъ избахъ; избы эти большею частію бываютъ безъ печей, съ однимъ только горномъ, на которомъ они варятъ пищу и подъ которомъ въ золѣ пекутъ изъ прѣснаго тѣста лепешки. Жизнь въ деревняхъ зимою для башкирцевъ чистое мученье, зато радость ихъ, при вкочеваніи весной въ поле, невыразима;

тогда башкирецъ въ полномъ смыслѣ слова оживаетъ и отъѣдается. Вообще зимой мяса и молока бываетъ мало, а кумыса—этого лакомаго и здороваго азіатскаго напитка—вовсе не бываетъ, почему башкирцы бѣдные довольствуются самой скудной пищей. О богатыхъ же или зажиточныхъ башкирцахъ говорить нечего: эти люди, разумѣется, и живутъ поопрятнѣе, поудобнѣе, въ чистыхъ и теплыхъ избахъ, и ѣдятъ пищу хорошую, обильную. Бѣдные башкирцы, вслѣдствіе скудости пищи и дурного помѣщенія въ холодныхъ и сырыхъ, какъ сказано выше, избахъ, часто подвергаются гнилымъ лихорадкамъ и другимъ болѣзнямъ. Взглянувъ зимой на такого башкирца, невольно подумаешь, что человѣкъ этотъ загнанъ, замученъ работой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пальцемъ о палецъ, какъ говорится, не ударитъ. Но, увидавши его лѣтомъ, не повѣришь самому себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ слабымъ и болѣзненнымъ: такъ жизнь въ кочевкахъ, на чистомъ воздухѣ, при привольѣ молока и кумыса, перерождаетъ башкирца, и изъ вялаго, угрюмаго, дѣлаетъ его здоровымъ и веселымъ. Жизнь лѣтомъ въ кочевкахъ для башкирца чистое наслажденіе. Отпиваясь молокомъ и кумысомъ, онъ, сверхъ того, въ лѣтнее время имѣетъ болѣе средствъ поживиться на счетъ ближняго лошадью и полакомиться мясомъ.

Башкирцы, можно сказать безъ преувеличенія, ничѣмъ не занимаются. Ни торговля, никакое ремесло имъ совершенно не знакомы. Во всемъ отдѣленіи есть только два человѣка, которые въ этомъ случаѣ отличаются отъ своихъ земляковъ—одинъ печникъ, а другой серебряникъ,—и больше никого. Нѣтъ даже ни одного изъ башкирцевъ, кто бы могъ не только сшить новые, но и починить старые сапоги. Сапожнымъ мастерствомъ отчасти занимаются женщины; онѣ же, кромѣ шитва и свойственнаго женщинамъ рукодѣлья, исправляютъ всѣ работы домашнія, а мужчины—чистые барчи. Ни одинъ башкирецъ топора не умѣетъ взять въ руки, а потому въ постройкѣ домовъ и всѣхъ ме-

лочныхъ строеній имъ помогаютъ русскіе крестьяне. Ни у одного башкирца нельзя увидѣть ни порядочной телѣги, ни саней, ни доброй конской упряжи: вездѣ лыко да мочало. Ежели тащится башкирецъ на своей трепещущей телѣженкѣ,—то за версту вы услышите визгъ и скрипъ отъ колесъ, которыя съ роду не видывали дегтя и не знаютъ, что это за вещество.

Деревни башкирскія только славу занимаютъ, что деревни, а на самомъ дѣлѣ онѣ, исключая двухъ-трехъ, нисколько не похожи на деревни: это не больше, не меньше, какъ кучи дерна, разбросанныя какъ попало, въ величайшемъ безпорядкѣ, безъ улицъ, безъ дворовъ, безъ воротъ и безъ всего того, что составляетъ необходимость, удобство и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный видъ жилого мѣста. Даже самыя мечети, кромѣ двухъ (въ деревняхъ Муратшной и Максютовой), не что иное, какъ невысокіе срубы, покрытые дерномъ. Вообще Башкирское отдѣленіе, въ отношеніи деревень и строеній, самое бѣдное и ничтожное мѣсто, и бѣдностью и ничтожествомъ одолжено своимъ безпечнымъ и лѣнивымъ обитателямъ. Въ концѣ октября, или немного раньше, смотря по погодѣ, башкирецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, возвращается въ деревню, прикажетъ женѣ обмазать и ухитить избенку, самъ набереть возъ-другой чилиги, замѣняющей дрова, и разляжется на койкѣ, какъ будто не до него дѣло, не помышляя о томъ, есть ли вокругъ дома его заборъ, есть ли для скота базъ или навѣсъ. Пока нѣтъ снѣга—ему и такъ сносно, а когда задуютъ бураны, тогда онъ изъ снѣжныхъ же комковъ сдѣлаетъ вокругъ своего жилища загороду и за нею проводитъ скучные дни свои до появленія весны, которая, разрушивъ снѣжную защиту, вызываетъ и самого его въ чистое поле, подъ кровъ войлочныхъ кибитокъ, въ раздольное кочевье, гдѣ не нужно никакихъ построекъ. Отъ этого все башкирское отдѣленіе и представляется нежилымъ, а какъ будто разореннымъ и покинутымъ.

Характеръ національной одежды башкирцы Уральскаго

отдѣленія совсѣмъ утратили. Теперь башкирецъ одѣвается во что ни попало. Богатые башкирцы по одеждѣ походятъ на казанскихъ татаръ. Они носятъ длинныя коленкоровыя или ситцевыя цвѣтныя рубахи и широкія, изъ панки или изъ краснаго кумача, шаровары, запущенныя за голенищи ичигъ (родъ кожаныхъ или сафьянныхъ чулковъ); на ичиги надѣваютъ туфли (родъ галошъ). Поверхъ рубахи носятъ бешметы, т. е. безрукавныя или съ короткими, по локоть, рукавами фуфайки; потомъ бухарскій халатъ лѣтомъ и теплую длинополую шубу зимой. Голову прикрываютъ ермолкой, а сверхъ ея шапкой, котлообразной формы. Шапки бываютъ или изъ сѣдыхъ мерлушекъ, или сукопныя, опушенныя по краямъ „порѣшной“, или котикомъ. Нѣкоторые зажиточные и пожилые башкирцы носятъ чалмы изъ холста или коленкора.

На одномъ башкирцѣ вы увидите смѣшеніе одеждъ всѣхъ народовъ, между которыми онъ живетъ. Онъ носитъ и мужичьи лапти, и поршни (родъ лаптей или башмаковъ, сшитыхъ изъ сырой коровьей кожи), и сапоги изъ обыкновеннаго чернаго товара или солдатскіе, у которыхъ не вычернены голенищи, и овчинную шубу, и полушубокъ, и бухарскій бумажный халатъ, разумѣется, весь въ заплатахъ, и крестьянскій сѣрый кафтанъ; голову прикрываетъ и башкирскимъ острокопечнымъ бѣлымъ войлочнымъ колпакомъ, и низкою съ широкими полями татарскою шляпою, мужицкою шапкою и киргизскимъ тумакомъ, и форменною казачьею фуражкою,—словомъ, всѣмъ елико возможнымъ, что попадется ему подъ руки.

Одинъ башкирцы удержали еще свою одежду, но ихъ одежда мало чѣмъ отличается отъ одежды всѣхъ вообще татарокъ. Онѣ носятъ длинныя, отъ шеи до полу, рубахи изъ разныхъ матерій, шелковыхъ или бумажныхъ, смотря по состоянію. Грудь рубахи украшается у богатыхъ позументами, серебряными монетами, а у бѣдныхъ мѣдными и оловянными, разныхъ формъ, пластинками. Подолъ рубахи обшивается или бахромой, или какой цвѣтной матеріей. Сверхъ

рубахъ носятъ похожія на мужскія фуфайки. Головы покрываютъ разноцвѣтными шалями, платками, а бѣдныя— простымъ кускомъ коленкора или холста. Нѣкоторыя, особенно изъ дѣвицъ, носятъ шапки, подобныя татарскимъ, съ поддѣльной сзади косой; къ косѣ привѣшиваютъ монеты или другія мелочныя украшенія. Обуваются или въ ичиги съ туфлями, или въ простые сапоги. Молодыя изъ богатыхъ семействъ башкирянки украшаютъ голову особымъ уборомъ, который называется к а ш б а у. Онъ состоитъ изъ монистъ, переплетенныхъ вродѣ сѣтки и спускающихся нитями отъ темени по сторонамъ лица и по затылку почти до самыхъ плечъ. Дѣвушки одѣваются такъ же, какъ и женщины разница только въ уборѣ головы. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы и прячутъ ихъ подъ повязкой или подъ кашбау, а дѣвушки заплетаютъ ихъ во множество косичекъ и распускаютъ по плечамъ.

Между башкирцами есть красивые молодцы, но на счетъ башкирянокъ нельзя этого сказать: вообще онѣ отличаются наружностью не совсѣмъ завидною и привлекательною, но зато онѣ цѣломудренны, въ этомъ можно отдать имъ справедливость. Какъ магометанки, онѣ рѣдко показываются съ открытымъ лицомъ передъ мужчинами, но замѣтно, отъ обычая этого нынѣ мало-по-малу отстаютъ.

Любимое и лакомое кушанье башкирцевъ к а з ы и б и ш ь-б а р м а к ъ. Казы, родъ колбасъ, приготовляются изъ лошадинаго мяса пополамъ съ нутрянымъ саломъ, а иногда и изъ одного сала. Казы слегка просаливаются и прокапчиваются, отчего онѣ сберегаются на цѣлый годъ. Биш-бармакъ просто-на-просто сваренное и изрѣзанное въ мелкіе куски лошадиное, говяжье и баранье мясо. Биш-бармакъ приготовляется съ лукомъ, перцемъ и другими пряностями. За этими кушаньями слѣдуетъ въ разныхъ видахъ молоко, к р у т ъ (родъ кислаго и сухого сыра, приготовляемаго изъ коровьяго молока), потомъ изъ пшеничнаго тѣста калачи, лепешки, с а л м а (родъ лапши) и б а л а м ы к ъ. Баламыкъ—достояніе бѣдныхъ. Это не боль

ше, не меньше, какъ взболтанная съ мукой и вскипяченая вода. Изъ напитковъ самый драгоцѣнный кумысъ. Это, можно сказать, нектаръ для башкирцевъ. Кумысъ и питаетъ башкирца, и утоляетъ его жажду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя, какъ вино, на голову башкирца, веселитъ сердце его. Для чашки кумыса башкирецъ охотно согласится пройти пѣшкомъ сотню верстъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, у котораго есть дойныя кобылы. Въ послѣднее время башкирцы сильно пристрастились къ обыкновенному русскому вину, и нынѣ между ними есть такіе молодцы, которыхъ безъ преувеличенія и ошибки можно назвать горькими пьяницами. Жаль только, что не на что башкирцамъ пить. Но предпріимчивый и хитрый башкирецъ находитъ средства угоститься на чужой счетъ. Такъ напримѣръ, извѣстясь, что у крестьянина сосѣдней деревни пропала лошадь, онъ идетъ къ нему, и за тайну передаетъ, что лошадь у него, по его догадкамъ, украли вотъ тотъ-то, и что онъ, если хозяинъ только не поскупится на магарычъ, возвратитъ ему ее. Обрадованный этой вѣстью, мужичекъ не знаетъ, чѣмъ напоить, накормить благодѣтельнаго вѣстника. Разумѣется, тотчасъ является на столъ штофъ водки, чего только плутъ и добивался. Башкирецъ, сколько хочетъ, ѣстъ и пьетъ, недопитый штофъ вина кладетъ за пазуху и уѣзжаетъ, обнадеживая мужичка, что черезъ два дня онъ приведетъ ему пропавшую его лошадь. Послѣ, смотришь, добродушный мужичекъ и остается только при одномъ обѣщаніи башкирца, который, между тѣмъ, подсмѣивается надъ простотой крестьянина.

Говоря выше о конокрадствѣ и о томъ, какъ башкирцы ловко умѣютъ увертываться отъ отвѣтственности, я считаю нелишнимъ привести здѣсь одинъ случай, выказывающій въ самомъ яркомъ свѣтѣ ихъ мошенничество и плутовство.

Пропали у одного крестьянина изъ луговъ нѣсколько стоговъ сѣна. Это было зимой. Слѣдомъ, проложеннымъ по свѣжему снѣгу, крестьянинъ, съ толпой свидѣтелей, или такъ называемыхъ понятыхъ, пришелъ въ башкирскую де-

ревню. Тамъ, на дворѣ нѣкоторыхъ башкирцевъ, нашли и сѣно, которое оказалось съ остатками краденаго сходно. Улика ясная и никакихъ отговорокъ быть не могло. Воры-башкирцы тотчасъ это смекнули и пустились на хитрости. Зазвали крестьянина, у котораго украли сѣно, въ избу и одному ему сознались въ грѣхѣ своемъ.—„Только ты, знакомъ, не ходи въ судъ и не срами насъ предъ людьми", сказали они ему.—„А ужъ мы тебѣ за все твое сѣно заплатимъ, сколько хочешь. Вотъ, подожди день-другой, соберемся мы съ деньгами и тебя удовлетворимъ".—Мужикъ повѣрилъ и отправился домой. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что ежели башкирцы и не удовлетворятъ его добровольно, то онъ найдетъ на нихъ расправу и у начальства, ибо улика въ воровствѣ была на-лицо,—понятые видѣли и слѣдъ изъ луговъ, и самое сѣно на дворѣ. Но не такъ думали хитрые воры. Они дождались перваго снѣга, которымъ замело слѣды и тѣ самыя мѣста, или такъ называемыя о с т о ж ь я, гдѣ лежало прежде украденное ими сѣно. Тогда они наотрѣзъ отказали претенденту и сами же стращали его искать на немъ за безчестье, которому онъ подвергъ ихъ несправедливымъ оговоромъ. Послѣ того крестьянинъ, разумѣется, подалъ въ судъ просьбу и судъ нарядилъ слѣдствіе. Но это произошло, какъ водится, не тотчасъ. Чиновникъ, которому поручили разслѣдовать это дѣло, пріѣхалъ на мѣсто происшествія уже весной. Башкирцы, какъ слѣдуетъ, отказались. Противу нихъ выставили свидѣтелей. Но башкирцы напились поставить показаніе свидѣтелей ни во что.

— Бачка!—сказали они слѣдователю:—ты вѣришь тому, что говорятъ свидѣтели?

— Вѣрю,—сказалъ чиновникъ.

— Значитъ, что свидѣтели скажутъ, то такъ и будетъ?

— Да, да.

— Если они скажутъ, что мы воры, то мы ворами останемся, а ежели скажутъ не такъ, то мы, значитъ, правы. Такъ ли, бачка?—спросили снова башкирцы.

— Такъ, такъ,—отвѣчалъ слѣдователь.

— Ну, когда такъ, то спроси-ка ихъ, понятыхъ-то, вѣдь имъ душа дорога, знаютъ ли они, чьи были тѣ остожья, съ которыхъ мужикъ ихъ велъ слѣдомъ до нашихъ домовъ? Вѣдь мы, бачка, въ то время свое сѣно возили изъ луговъ, а не мужичье: мужичьяго сѣна мы совсѣмъ не знаемъ!—сказали въ заключеніе воры.

Спросили объ этомъ понятыхъ и понятые отвѣчали, что и дѣйствительно не знаютъ, чьи тѣ остожья, отъ которыхъ водилъ ихъ слѣдомъ претендатель,—принадлежали ли тѣ остожья претендателю, или башкирцамъ, или другому кому —имъ неизвѣстно.

Справляться объ этомъ весной, когда уже выросла новая трава, натурально было невозможно. Претендатель, будучи не въ силахъ доказать своего иска, всплеснулъ руками и остался не при чемъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Или вотъ еще одинъ анекдотъ, который выказываетъ упорство и несознаніе башкирцевъ при допросахъ. Башкирецъ укралъ лошадь и его поймали сидящаго на ней верхомъ. Кажись, дѣло ясно, улика на-лицо,—что бы тутъ говорить? Но башкирецъ нашелся, что отвѣчать. Не сознаваясь въ кражѣ лошади, онъ оправдывался вотъ чѣмъ:—„Я, говорилъ онъ при допросѣ,—шелъ и встрѣтилъ лежащую поперекъ дороги лошадь. По сторонамъ дороги была грязь. Не желая замарать обуви, я рѣшился перешагнуть черезъ лошадь, думая, что она или мертва, или спитъ; но лишь только занесъ на нее ногу, какъ она вскочила, и я, противъ воли, очутился на ней. Въ ту-жъ минуту лошадь поскакала и понесла меня. Сначала я испугался и не зналъ, что дѣлать. Но, когда пришелъ немного въ себя, я увидѣлъ на шеѣ у лошади поводъ и сталъ сдерживать ее. Въ это самое время поймали меня люди и совсѣмъ попапрасну задержали".—Разумѣется, башкирцу не повѣрили, но за всѣмъ тѣмъ отвѣтъ его вполнѣ показываетъ, что весьма трудно привести башкирца къ сознанію своей вины.

Желалъ бы я, въ заключеніе, сказать хоть что-нибудь

хорошее про башкирцевъ, но, право, хорошаго въ нихъ, кромѣ терпѣнія въ нуждѣ и лишеніяхъ, я ничего не замѣтилъ.

Итакъ, заключая статью мою, я съ сожалѣніемъ скажу, что башкирцы, по врожденной смѣтливости, могли бы быть порядочными людьми и гражданами, но по неодолимой лѣни, по склонности къ воровству и другимъ порокамъ, башкирцы Уральскаго отдѣленія почти неисправимы. Къ нимъ какъ нельзя больше кстати приходится пословица: „исправитъ горбатаго могила“.

Москва. 1854 г. Августъ.

V.

ЧТО ТАКОЕ КАЗАЦКІЙ ОФИЦЕРЪ? *)

*) Эта статья воспроизводится съ копіи, писанной рукою друга І. И. Желѣзнова и его біографа Н. Ф. Савичева. Въ рукописи статья была извѣстна многимъ, но по цензурнымъ условіямъ не вошла во 2-е посмертное изданіе, равно какъ не появлялась и въ періодической печати. Разумѣется, за пятьдесятъ лѣтъ, истекшихъ съ того времени, когда была написана эта статья (1859 г.), бытовыя условія жизни казачьяго офицерства, матеріальное положеніе офицеровъ въ казачьихъ войскахъ и ихъ образовательный цензъ сильно измѣнились.
Прим. ред.

I.

„Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы войска Уральскаго урядника N. N., за оказанную его въ службѣ Нашей ревность и прилежность, онаго жъ войска въ полковые хорунжіе (такого-то года, мѣсяца и числа) Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ подданнымъ онаго N. N. за Нашего полкового хорунжаго чина корнетскаго надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и Мы надѣемся что въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство чего, Мы сіе Инспекторскому Департаменту Военнаго Министерства подписать и государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли".

Это—слова патента, даваемаго казацкому офицеру при производствѣ его въ чинъ *).

Изъ этого ясно, что казацкій офицеръ въ іерархической лѣстницѣ занимаетъ такую же ступень, какую занимаетъ и каждый офицеръ русской арміи. Судя по этому, можно думать, что казацкій офицеръ пользуется такими же правами и преимуществами, какими пользуются и армейскіе офицеры. Можно думать, но можно и ошибиться. По внѣшней обстановкѣ, правда, казацкій офицеръ ничѣмъ не разнится отъ офицера русской арміи, или, иначе, отъ офицера

*) Подобныхъ патентовъ давно уже не существуетъ. Прим. ред.

регулярной службы (такъ какъ служба казацкая называется иррегулярной). Напримѣръ, казацкій офицеръ носитъ трехцвѣтную кокарду, и шарфъ, и темлякъ, и эполеты, словомъ, всякіе военные аттрибуты—золотые, серебряные и мишурные, признанные и утвержденные для украшенія офицерской особы. Но изъ всѣхъ существенныхъ, такъ сказать, человѣческихъ правъ, присвоенныхъ какъ армейскимъ офицерамъ, такъ и всѣмъ привилегированнымъ классамъ государства, на долю казацкаго офицера выпало только одно: „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго". *)

Странно и невѣроятно, а между тѣмъ, это сущая истина. Между казацкими офицерами есть и выслужившіеся изъ простого казацкаго званія, есть и потомственные дворяне, роды которыхъ записсны по герольдіи въ такъ называемыя „бархатныя" книги. Но, несмотря на бархатныя книги, дворяне казацкіе изъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ дворянамъ Россійской Имперіи, пользуются въ жизни только однимъ, все тѣмъ же: „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго".

Въ службѣ казакъ-дворянинъ передъ казакомъ-недворянином имѣетъ одно только преимущество, именно—казакъ дворянинъ до производства въ первый офицерскій чинъ долженъ прослужить въ урядническомъ или юнкерскомъ званіи только два года, а казакъ-недворянинъ, чтобы удостоиться перваго офицерскаго чина, обязанъ прослужить въ урядническомъ званіи не менѣе двѣнадцати лѣтъ, исключая однако-жъ особыя воинскія заслуги, которыя недворянину даютъ право получить офицерскій чинъ ранѣе двѣнадцатилѣтняго срока. Во всемъ же остальномъ, какъ въ службѣ, такъ и въ жизни, казацкіе офицеры, дворяне и недворяне, ни на іоту не разнятся другъ отъ друга: одни и тѣ же интересы, одни и тѣ же права и привилегіи въ пользованіи общественными угодьями, одни и тѣ же права и преиму-

*) Сводъ Воен. постановленій, т. 12, ст. 58, изд. 1839 г.

щества въ прохожденіи по службѣ (съ перваго офицерскаго чина) и въ полученіи всякаго рода знаковъ отличія, одни и тѣ же оклады жалованья, одни и тѣ же отношенія къ народу, среди котораго живутъ и изъ среды котораго сами происходятъ. Короче, всѣ казацкіе офицеры, дворяне и недворяне, или все казацкое офицерство—одинъ и тотъ же классъ въ отношеніи къ своему народу, т. е. къ простымъ казакамъ—классъ привилегированный, а въ отношеніи къ государственному устройству—классъ вполнѣ несвободный. Мудреный классъ казацкое офицерство!

Ни малѣйшаго не будетъ преувеличенія въ словахъ нашихъ, если скажемъ, что казацкое офицерство крѣпко землѣ. Ни малѣйшаго не будетъ преувеличенія въ словахъ нашихъ, что выраженіе: „крѣпокъ землѣ“—къ казацкому офицеру имѣетъ точно такое же значеніе и примѣненіе, какое имѣетъ оно, напримѣръ, къ личности русскаго земледѣльца, крѣпкаго землѣ. Ни малѣйшаго не будетъ преувеличенія въ словахъ нашихъ, если скажемъ, что и казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ, и простой мужикъ, крѣпкій землѣ,—суть два лица, одинаково неимѣющія права располагать своею личностію: въ этомъ отношеніи они совершенно одноправны, или, правильнѣе, одинаково безправны.

Но въ другихъ отношеніяхъ есть,—еще бы не быть!—есть нѣкоторая разница въ правахъ казацкаго офицера и крѣпостного человѣка, именно:

Мужикъ, крѣпкій землѣ—плебей, одѣтый въ дерюгу и въ потѣ лица хлѣбъ себѣ снискивающій; казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ—патрицій, облеченный если не въ горностаевую мантію, то въ кафтанъ тончайшаго сукна, украшенный золотомъ и серебромъ—бѣлоручка, ядущій и піющій готовое.

Мужикъ, крѣпкій землѣ—рабъ, и не имѣетъ права владѣть рабами; казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ—тоже рабъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ (разумѣется, офицеръ изъ дворянъ) имѣетъ право владѣть рабами.

Мужикъ, крѣпкій землѣ, можетъ иногда за деньги купить себѣ свободу и выйти въ купцы; казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ, никогда не можетъ сдѣлаться свободнымъ гражданиномъ, хотя бы обладалъ сокровищами Креза *).

Мужику, крѣпкому землѣ, всѣ честные пути къ снискиванію насущнаго хлѣба открыты; казацкому офицеру, крѣпкому землѣ, всѣ закрыты **).

Мужика, крѣпкаго землѣ, другіе бьютъ розгами и плетьми; казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ, самъ имѣетъ право бить другихъ, была бы только охота.

Мужику, къ землѣ прикрѣпленному, только самому бываетъ отъ того тяжко и жутко, зато другимъ бываетъ легко и пріятно; напротивъ, казацкій офицеръ, къ землѣ прикрѣпленный, и самъ отъ того терпитъ и голодъ и холодъ, и другихъ заставляетъ терпѣть тѣ же невзгоды.

Мужику, крѣпкому землѣ, не всякому, а только очередному, забреваютъ лобъ; казацкій офицеръ, крѣпкій землѣ— отъ колыбели рекрутъ.

Мужику, крѣпкому землѣ, попавшему въ царскую службу и прослужившему въ ней положенный срокъ, даютъ чистую отставку съ правомъ жить гдѣ угодно и съ обязательствомъ бороду брить, милостыню не просить; казацкому офицеру, крѣпкому землѣ, обязанному прослужить въ Императорской службѣ двадцать пять лѣтъ ***), послѣ такого, почетнаго, краткаго срока, даютъ отставку, но не чистую, даютъ отставку съ правомъ—бороду носить, милостыню просить, коли захочетъ, и съ обязательствомъ—жить не гдѣ угодно, а гдѣ позволятъ, т. е. съ родины, безъ дозволенія и разрѣшенія начальства, словомъ, безъ паспорта, никуда не отлучаться ****).

---

*) Въ настоящее время никакихъ препятствій къ этому не существуетъ. Прим. ред.

**) Въ настоящее время это утвержденіе уже не можетъ быть отнесено къ казачьимъ офицерамъ.

***) Въ настоящее время—12 лѣтъ, считая въ числѣ ихъ и время, проведенное въ нижнихъ чинахъ. Прим. ред.

****) Въ настоящее время ничего подобнаго нѣтъ.

Прим. ред.

Но довольно. Можно бы отыскать и привести здѣсь еще кое-какія особенности, обозначающія права или безправія крѣпостного сословія, но, по нашему мнѣнію, достаточно и того, что уже сказано, чтобъ уразумѣть, насколько казацкое офицерство отличается отъ крѣпостного сословія и насколько съ нимъ сходится. При томъ еще надобно имѣть въ виду и то, что задача нашей статьи не въ томъ состоитъ, чтобъ вести параллель между казацкимъ офицерствомъ и между крѣпостнымъ и вообще несвободнымъ сословіемъ— это само собой, надѣемся, выяснится изъ дальнѣйшаго разсказа, а въ томъ, чтобы дать понять читателямъ: что такое, самъ по себѣ, казацкій офицеръ?

Рѣчь нашу поведемъ собственно объ офицерѣ Уральскаго казачьяго войска. Но это нисколько не исключаетъ возможности составить ясное и подробное понятіе объ офицерахъ другихъ казацкихъ войскъ. Разница между казацкими офицерами всего понынѣ существующаго казачества только въ покроѣ мундировъ, да въ цвѣтѣ суконъ, употребляемыхъ на мундиры. Сущность одна и та же.

Но прежде чѣмъ будемъ говорить собственно объ офицерѣ, прежде этого опредѣлимъ происхожденіе самаго казацкаго офицерства вообще и казацкаго дворянства въ особенности, т. е. откуда и вслѣдствіе какихъ историческихъ причинъ появилась такая аномалія на свѣтъ Божій.

II.

Уральское казацкое войско, когда оно называлось Яицкимъ, въ теченіе двухъ вѣковъ своего существованія, т. е. отъ 1580-хъ годовъ, когда яицкіе казаки впервые дѣлаются извѣстными въ исторіи, и до 1770-хъ годовъ, когда велѣли имъ именоваться уральскими, представляло внутреннимъ, такъ сказать домашнимъ своимъ распорядкомъ и устройствомъ, родъ республики, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавало и чтило во всей святынѣ и верховную власть государей, ибо

идея самодержавія одинаково присуща казакамъ, какъ и всѣмъ великоруссамъ. Только одни внутренніе, повторяемъ, распорядки этого казачества носили на себѣ формы республиканскаго или, правильнѣе, вѣчевого устройства.

Всѣ члены этого казачества были равны между собою, всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу закона; словомъ, не было между ними привилегированнаго, слѣдовательно, непроизводительнаго класса, какимъ является нынѣ офицерство вообще и дворянство въ особенности.

Домашнее правленіе у казаковъ было выборное. Главу общины, войскового атамана (гетмана), и всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная отъ походнаго атамана и кончая простымъ десятникомъ, казаки „вольными и согласными голосами“ выбирали изъ среды себя и давали имъ власть творить судъ и расправу надъ собой, въ тѣхъ однако-жъ размѣрахъ, какіе допускались обычаями народа, но не больше.

Дѣла обыкновенныя, обыденныя, какъ напримѣръ тяжебныя, спорныя и т. п., разбирались и рѣшались атаманомъ и другими начальниками по обычаямъ, имѣвшимъ силу закона. Дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ цѣлаго общества, или дѣла уголовныя по такимъ преступленіямъ, которыя непосредственно влекли за собой смертную казнь или тяжкое тѣлесное наказаніе, обсуждались и рѣшались по большинству голосовъ, въ Войсковомъ Кругу, имѣвшемъ характеръ древняго славянскаго Вѣча,— въ Кругу, гдѣ каждый изъ казаковъ имѣлъ право подачи голоса.

Кстати, два-три слова о Войсковомъ Кругѣ. Наканунѣ того дня, какъ быть Кругу, одинъ изъ свиты атамана, войсковой есаулъ (въ родѣ нынѣшняго адъютанта или чиновника особыхъ порученій), въ роскошной одеждѣ, на богато убранномъ конѣ, съ жезломъ въ рукѣ, разъѣзжалъ по городу и, подобно герольду, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, во всеуслышаніе выкликалъ народу:

„Послушайте, атаманы молодцы, все Донско-Яицкое войско *). Не пейте зелена-вина ни дарового, ни купленнаго: заутро Кругъ будетъ".

Извѣщенные есауломъ **) и предупрежденные насчетъ воздержанія отъ чарки зелена-вина, казаки, съ трезвыми и непохмѣльными головами (такъ, по крайней мѣрѣ, предполагалось), собирались въ назначенный день на площадь къ Войсковой Избѣ (присутственное мѣсто). Когда соберется довольное число казаковъ, изъ Войсковой Избы выходитъ атаманъ въ сопровожденіи своей свиты, состоящей изъ старшихъ, походныхъ атамановъ и есауловъ, вступаетъ въ средину Круга, т. е. во внутрь перилъ, ограничивающихъ Кругъ ***), снимаетъ шапку, свита его дѣлаетъ то же, кладетъ къ погамъ булаву и насѣку—знакъ атаманскаго достоинства,—низко раскланивается на всѣ четыре стороны и излагаетъ дѣло, для котораго они созваны. Потомъ, повременивъ довольно долго, атаманъ спрашиваетъ казаковъ:

— Любо ли вамъ это, атаманы-молодцы, иль не любо?

Обсудивъ предложенный вопросъ, казаки отвѣчаютъ:

— „Любо" или: „Не любо". Или одни кричатъ: „Любо", а другіе „Не любо".

Въ послѣднемъ случаѣ атаманъ подаетъ знакъ разойтись и казаки расходятся на два лагеря. Гдѣ больше голосовъ, рѣшеніе той стороны и приводится въ исполненіе.

О подробностяхъ, касающихся до Войскового Круга и частностяхъ, при томъ бывавшихъ, распространяться здѣсь не мѣсто. Развѣ сказать одно, что при существованіи Круговъ всегда торжествовала правда, ибо никто самъ себѣ

---

*) Происходя отъ донскихъ, яицкіе казаки въ старину называли себя донскими-яицкими.

**) Въ экстренныхъ случаяхъ казаки собирались въ Кругъ по набату.

***) Въ городѣ мѣсто Круга обозначалось перилами; а когда казаки сходились на совѣщанія внѣ города, въ полѣ, что случалось довольно часто, тогда, разумѣется, никакихъ перилъ не было, а толпа народа сама изъ себя составляла кругъ.

не врагъ, а неправда гналась... Обращаемся къ выборнымъ начальникамъ.

Если кто изъ выборныхъ казацкихъ начальниковъ хорошо правилъ возложенную на него должность, т. е. не злоупотреблялъ предоставленной ему властью, тотъ сохранялъ ее за собою долгое время, даже во всю жизнь, и въ то же время пользовался и нравственнымъ уваженіемъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны народа. Народъ всегда удѣлялъ и удѣляетъ частицу своихъ доходовъ на содержаніе начальниковъ, лишь бы только начальники не были слишкомъ притязательны. Въ этомъ случаѣ народъ руководился слѣдующимъ афоризмомъ: „Намъ нельзя жить безъ начальниковъ, а начальникамъ—безъ хлѣба. Мы промышляемъ, а начальники, занятые нашими общественными дѣлами, не могутъ промышлять. Поэтому мы и должны кормить своихъ начальниковъ".

(Умное правило—что и говорить, замѣтимъ мы въ скобкахъ. Такъ думали предки—царство имъ небесное,—такъ отчасти думаютъ и потомки—доброе имъ здоровье. Если бы не такъ, то казацкимъ офицерамъ, о которыхъ пишемъ эту статью, давно бы пришлось съ голоду перемереть...)

Но коль скоро кто изъ выборныхъ начальниковъ, хотя бы и самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія народа, того народъ безъ церемоніи низлагалъ и обращалъ въ первобытное званіе.

Такимъ образомъ, масса народа всѣхъ необходимыхъ ей начальныхъ лицъ выводила изъ среды себя и потомъ, когда они становились для нея непужными, а тѣмъ болѣе вредными, поглощала въ себя же. Оттого-то въ Общинѣ Яицкихъ казаковъ, въ періодъ самостоятельнаго ея существованія, и не было трутней, а всѣ были пчелы.

Такой порядокъ вещей былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ, былъ, что называется, по душѣ имъ, но не нравился Военной Коллегіи. Не жалуя казацкое самоуправленіе и не умѣя примирить его съ тѣми началами, на основаніи которыхъ сама дѣйствовала, Коллегія стремилась разрушить,

уничтожить его и подвести казаковъ подъ одинъ уровень съ солдатами. Но казаки, чувствуя въ себѣ присутствіе живыхъ элементовъ и питая справедливое отвращеніе къ бездушному солдатизму, не хотѣли изъ людей свободно дѣйствующихъ низойти на степень автоматовъ... Отсюда возникаетъ борьба двухъ противныхъ началъ—бюрократическаго и народнаго.

Слѣдовало ли Военной Коллегіи уничтожать казацкое самоуправленіе, а казакамъ отстаивать его, и получила ли, наконецъ, Военная Коллегія какую выгоду, уничтоживъ казацкое самоуправленіе, и потеряли ли что казаки, лишившись его—судить не беремся. Можетъ быть, когда-нибудь мы и подадимъ объ этомъ свой голосъ, по крайнему нашему разумѣнію, но не теперь. Теперь займемся покуда однимъ, чтобы не двоился предметъ,—займемся отысканіемъ источника происхожденія казацкаго офицерства.

До Петра Яицкіе казаки жили по всей своей волѣ: правительственныя распоряженія нисколько не касались ихъ, по самому свойству московскаго правительства, не могли касаться внутренняго казацкаго быта. Но съ Петра для казаковъ настаетъ новая эра: реформы Петра достигли и до Яика.

Страшась, какъ огня, солдатчины, страшась всякихъ нововведеній, несогласныхъ ни съ правами, ни съ обычаями народными,—нововведеній, противныхъ духу и образу мыслей народа самостоятельнаго, казаки съ тоскою, полной грусти, часто другъ дружкѣ говаривали: „Живите, братцы, пока Москва не узнала“. Но переписи, а, главное, формулярные списки, введенные на первыхъ порахъ Петромъ въ Яицкомъ войскѣ, были первымъ толчкомъ, давшимъ почувствовать казакамъ, что Москва объ нихъ узнала.

Со временъ Петра, сначала Иностранная Коллегія, а потомъ уже Военная Коллегія начинаютъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, съ перваго взгляда казавшимися незначительными, мелочными, но, въ сущности, клонившимися къ ограниченію и уничтоженію казацкаго самоуправленія, иначе—къ „управленію“ казаковъ. По всей вѣроятности, превосходитель-

ные, сіятельные и свѣтлѣйшіе члены Военной Коллегіи сознавали, что образованіе казачества въ жизни русскаго народа не есть шагъ впередъ, а шагъ назадъ... Но объ этомъ послѣ.

Но какъ Военная Коллегія ни мастерица была подбирать слова и выраженія въ указахъ, посылавшихся на Яикъ, а казаки чутьемъ догадывались о присутствіи заднихъ мыслей, инстинктивно чувствовали посягательства на свои права и упорно, энергично отстаивали старый порядокъ вещей. Всякій разъ, протестуя какимъ-либо нововведеніямъ, казаки прямо и ясно выражали: „Не можно сего принять, понеже Войско Яицкое поселилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей". Или: „Не можно сему быть, понеже Войску Яицкому даровано отъ Царя Михаила Ѳедоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредимому состоять". Или: „Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ—не бывать и у насъ". Или: „Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное", и прочее въ этомъ же духѣ.

Остановимся на минуту. Протестъ казаковъ, выражаемый словами: терпѣть не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное, кажется съ перваго взгляда глупымъ, дикимъ; но если вникнуть въ скрытыя пружины, заставлявшія казаковъ выражаться такимъ образомъ, то увидимъ, что глупое и дикое уступаетъ мѣсто другому, далеко не глупому и не дикому. Зная отчасти духъ казацкаго народа и его завѣтныя думы и надежды, мы смѣло можемъ сказать, что всякій разъ въ протестахъ своихъ казаки руководились одною основною мыслію: не слѣдовать никакимъ, хотя бы въ сущности и мелочнымъ указаніямъ Военной Коллегіи, дабы впредь ей не было повадно... Это, какъ намъ кажется, и въ чемъ, надѣемся, и читатель согласится, отзывается уже не глупостью. Это,

сколько намъ извѣстно, можно встрѣтить и у народовъ образованныхъ.

Да, сильно, рѣзко казаки выражали свои протесты, и если не всегда, то въ большей части случаевъ успѣвали. И успѣвали казаки въ своихъ протестахъ оттого, что и войсковой атаманъ, и всѣ ихъ начальные люди были заодно съ ними, интересы казаковъ и ихъ начальниковъ, духовные и матеріальные, были общіе; короче: весь чиновный казацкій людъ жилъ одною жизнью съ народомъ.

Какъ Военная Коллегія ни старалась и ласками, и угрозою, и карой, подвести казаковъ подъ одинъ уровень съ солдатами, но въ теченіе трехъ четвертей вѣка достигла только одного результата: атаманы войсковые утверждались правительствомъ и имъ же иногда отрѣшались. Но это особенно существенной пользы Военной Коллегіи не принесло. На мѣсто отрѣшеннаго правительствомъ атамана казаки выбирали другого и выбирали, разумѣется, того, кто имъ нравился и въ комъ они видѣли „застою своего“. Если бъ иной атаманъ, соблазнившись большой золотой медалью или прельстясь кармазиннымъ, обшитымъ галунами зипуномъ, и передался на сторону Военной Коллегіи душой и тѣломъ, какъ говорится,—онъ все-таки не могъ бы въ пользу ея произвести никакихъ существенныхъ реформъ въ войскѣ, по той простой и естественной причинѣ, что былъ окруженъ выборными казаками начальниками, одинаково мыслящими съ народомъ. Замѣтивъ малѣйшее уклоненіе войскового атамана отъ интересовъ народа, выборные тотчасъ могли разоблачить дѣйствія его, а самого его выдать народу, и—горе тогда атаману! Народъ опозоритъ его, заклеймитъ именемъ измѣнника, Іуды и т. п. Кромѣ того, при существованіи Войскового Круга, дѣйствія атамана контролировались цѣлымъ народомъ. Такъ могъ ли при такой обстановкѣ одинъ атаманъ, хотя бы онъ былъ и „семи пядей во лбу“,—могъ ли одинъ атаманъ надуть цѣлый народъ? Никогда. Инстинкты народа очень вѣрны и сильны. Казаки всегда имѣли возможность предупредить опасность и столкнуть съ мѣста

войскового атамана, который имъ не нравился, или, особенно, котораго они подозрѣвали въ слишкомъ близкихъ и дружескихъ сношеніяхъ съ членами Военной Коллегіи. О мелкихъ чинахъ, не нравившихся казакамъ, и говорить нечего: казаки мѣняли ихъ, какъ обувь.

Наконецъ Военная Коллегія сознала, что для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на казаковъ, необходимо, прежде всего войскового атамана сдѣлать совершенно независимымъ отъ народа и окружить его людьми, преданными ему и одинаково мыслящими съ нимъ, отнять у народа право выбирать старшинъ и другихъ чиновъ, а уполномочить въ этомъ случаѣ одного атамана, однимъ словомъ, создать казацкое офицерство, независимое отъ народа. Честь и слава Военной Коллегіи, дошедшей до такого сознанія!

Мысль отнять у казаковъ право выборовъ впервые выразилась въ одномъ изъ указовъ Военной Коллегіи Яицкому войску отъ 15 декабря 1765 г., касавшемся между прочимъ порядка назначенія въ наряды на службу начальныхъ людей: „командировать (слова указа) по разсмотрѣнію войскового атамана и старшинъ, а не по выбору войсковому, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали такихъ, которые слабы и попустительны и дѣлаютъ единственно то, что казакамъ угодно". *).

Нѣсколько лѣтъ спустя, Военная Коллегія идетъ дальше: она вводитъ между казацкими начальниками настоящихъ офицеровъ, съ правами и названіями армейскихъ чиновъ. Такъ напримѣръ, въ 1770 г. изъ бывшей въ Симбирскѣ въ составѣ Московскаго легіона небольшой казацкой команды (изъ 50 казаковъ) отъ Яицкаго войска, произведены: походный атаманъ —въ капитаны, одинъ изъ есауловъ— въ подпоручики, двое—въ прапорщики, а нѣсколько сотниковъ и десятниковъ — въ унтеръ-офицеры.... „которые (какъ сказано въ отпискѣ начальника легіона къ войсковому атаману и всему войску Яицкому

*) Изъ архива Военной Коллегіи.

отъ 17 сентября 1770 г.) по силѣ Государственной Военной Коллегіи указа, тѣми чинами со старшинствомъ числиться должны наравнѣ съ прочими армейскихъ полковъ офицерами и унтеръ-офицерами, коихъ слѣдуетъ въ тѣхъ чинахъ противъ армейскихъ надлежащимъ образомъ признавать и почитать". *)

Вотъ начало происхожденія казацкаго офицерства.

Но все это было пока одной попыткой, не больше. Сущность дѣла оставалась та же. Казаки крѣпко держались стараго порядка, несмотря на то, что между ними стали появляться капитаны, прапорщики и унтеръ-офицеры, которыхъ они, между нами будь сказано, не очень-то „признавали и почитали". По крайней мѣрѣ, основа, корень казацкаго самоуправленія—Войсковой Кругъ—существовалъ во всей своей силѣ, а при существованіи Войскового Круга личность всякаго капитана, прапорщика и т. п. совершенно исчезала. Едва ли бы Военная Коллегія скоро рѣшилась на коренное преобразованіе Яицкаго войска, на преобразованіе, во всякомъ случаѣ, не обошедшееся бы безъ сильной ломки. Вѣроятнѣе всего, она выждала бы время, когда войсковой атаманъ и другіе чиновные люди, сдѣлавшись съ теченіемъ времени самостоятельными и независимыми отъ воли народа, незамѣтнымъ образомъ подготовили бы народъ къ воспріятію новыхъ началъ, согласныхъ со взглядами Военной Коллегіи. Но одно несчастное событіе, случившееся въ Яицкомъ городкѣ въ январѣ 1772 г. и кончившееся убійствомъ генерала фонъ-Траубенберга, войскового атамана Петра Тамбовцева и нѣкоторыхъ лицъ, какъ изъ старшинъ казацкихъ, такъ и изъ чиновъ регулярной команды, бывшей въ Яицкомъ городкѣ,—это кровавое событіе быстро подвинуло дѣло впередъ и подало поводъ Военной Коллегіи разомъ покончить съ казацкимъ самоуправленіемъ.

Излагать событія этой драмы, во всей полнотѣ, здѣсь не

*) Изъ архива Уральской войсковой канцеляріи.

мѣсто. Для этого нужны болѣе широкія рамы, чѣмъ рамки этой статьи. На основаніи народныхъ преданій и нѣкоторыхъ актовъ, мы посвятимъ этому событію особую статью, а теперь, на первый разъ, чтобы не подвергнуться укору въ пристрастіи къ казакамъ, нужнымъ считаемъ разсказать только вотъ что.

Капитанъ Дурново и генералъ фонъ-Траубенбергъ были присланы отъ Военной Коллегіи на Яикъ въ качествѣ миротворителей между казаками и между атаманомъ со старшинами: Дурново со стороны казаковъ, а фонъ-Траубенбергъ со стороны атамана и старшинъ. „Однако же казакамъ (слова современнаго акта) оба они не понравились, въ разсужденіи, что они требовали отъ нихъ къ новому слѣдствію повѣренныхъ, коихъ они дать не хотѣли, и приступили къ Дурново, чтобъ онъ вычелъ имъ въ Кругу свою инструкцію и рѣшилъ бы прежде старшинъ по первой конфирмаціи *). Дурново, не зная чѣмъ отъ нихъ отговориться, обѣщался исполнить ихъ просьбу и манилъ ихъ тѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не дѣлая ничего. Напослѣдокъ мятежные сотники и казаки, не терпя такой проволочки, приходили въ бѣшенство и открыли оное вотъ при какомъ случаѣ. Изъ самыхъ главныхъ ихъ возмутителей и мятежниковъ сотникъ Кирпишниковъ ходатайствовалъ за нихъ повѣреннымъ въ Петербургѣ и, возвратясь оттуда, явился самъ у Дурново и отъ него отпущенъ былъ на квартиру. Какъ скоро атаманъ и старшины, присутствовавшіе въ войсковой канцеляріи, узнали о его пріѣздѣ, то тотчасъ послали за нимъ старшину Бородина и дьяка Сутина съ казаками, чтобъ взять его подъ карауль, но Кирпишникова жена, сказывая, что ея

*) Конфирмація Воен. Кол., состоявшаяся въ 1765 г., по которой атаманъ Бородинъ и старшины отрѣшались отъ должностей и подвергались денежному штрафу за беззаконныя дѣйствія противу казаковъ. Конфирмація эта, какъ видятъ читатели, въ теченіе шести лѣтъ не была приведена въ исполненіе почти по всѣмъ ея частямъ: хотя атаманъ Бородинъ отрѣшенъ и на мѣсто его выбранъ другой. Тамбовцевъ, но старшины оставались попрежнему въ своихъ должностяхъ.

мужа пѣть дома, заперла двери и не впускала къ себѣ посланныхъ; но они, не вѣря ея рѣчамъ, ломились въ двери, отчего и сдѣлался шумъ; на сей шумъ сбѣжались сосѣди, такъ какъ и мимоидущіе казаки и, видя старшинское насиліе, стали ихъ уговаривать отъ того. Старшины, не вытерпя укоризны, завели брань съ ними, а они, повидимому, имъ не уступали и доходило до драки, но одинъ изъ старшинъ обнажилъ свою саблю и тѣмъ прекратилъ ссору, взявъ при томъ двоихъ изъ тѣхъ, кои больше буянили, подъ караулъ, и вели ихъ на аркапъ. А какъ они были войсковой стороны *), то почли всѣ прочіе за крайнее себѣ безчестіе, и разнеслось это тотчасъ по всему городу. Между тѣмъ, изъ тѣхъ старшинскихъ **) казаковъ, кои вели войсковыхъ на аркапѣ, по прозванію Копѣечкинъ, какъ возвращался изъ канцеляріи домой, то войсковые казаки, напавъ на него, били и посадили въ домъ казака Толкачева подъ караулъ; а какъ только сей шумъ заводился, то и сбѣжалось со всѣхъ сторонъ премножество войсковыхъ казаковъ, да и зачали судить, что отмщеніе произведено правильнымъ образомъ. Потомъ, вычисляя каждый свои обиды, отъ старшинъ причиненныя, присудили послать отъ себя къ Дурново съ жалобой на старшинъ и съ просьбою о свободѣ взятыхъ подъ караулъ двухъ казаковъ, приказывая при томъ сказать, что покуда старшины не освободятъ войсковыхъ казаковъ, то и они старшинскаго не выпустятъ, а въ то жъ время велѣли помянуть Дурново и о своемъ дѣлѣ. Дурново, выслушавъ сіе посольство и видя ихъ буйность, думалъ удержать ихъ дерзость взятіемъ присланныхъ подъ караулъ; а между тѣмъ послалъ къ прочимъ мятежникамъ съ приказомъ, чтобъ они Копѣечкина освободили; но мятежники не только не успокоились, но тѣмъ болѣе озлобились за взятіе ихъ посланцевъ подъ караулъ, грубо отвѣчая посланному отъ Дурново, что они не освободятъ Копѣечкина до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ войско-

*) Т. е., народной стороны.

**) Т. е., бывшихъ на сторонѣ старшинъ.

выхъ казаковъ. А между тѣмъ, часъ-отъ-часу умножалось ихъ сборище, такъ что вся улица, въ которой стеченіе свое имѣли, заперлась, и тутъ, негодуя на комиссіонеровъ *), условились, напослѣдокъ, идти по утру къ Дурново всѣмъ войскомъ просить, чтобъ онъ рѣшилъ старыхъ старшинъ и вычелъ имъ свою инструкцію. Траубенбергъ и Дурново, видя необычайное сборище, послали въ толпу уговаривать, чтобъ они разошлись по домамъ, но они не послушали и, несмотря на зимнее время, почевали многіе на улицѣ. Изъ сего не трудно было узнать комиссіонерамъ о вредномъ казаковъ замыслѣ и для того приняли надлежащія мѣры. Но мятежники, несмотря на сіе, какъ только насталъ день **), то и собрались всѣмъ войскомъ въ одно мѣсто; но собраніи, послали къ Дурнову сказать, что все войско идетъ упасть къ его ногамъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Дурново, видя новый родъ челобитчества и опасаясь дурныхъ слѣдствій, отвѣчалъ присланнымъ, что онъ, конечно, исполнитъ ихъ прошеніе черезъ недѣлю. Какъ же мятежники услышали, что Дурново еще откладываетъ на недѣлю, то больше прежняго разсвирѣпѣли и положили идти неотмѣнно къ Дурнову. Итакъ, двинувшись съ мѣста, пошли всею толпою, неся почти каждый комиссіонерамъ по подарку: кто—дубину, кто—палку, а кто—саблю и т. п. Траубенбергъ и Дурново, видя что дѣло доходитъ до побоища, собрали сколько было воинской команды, также и старшинскаго согласія казаковъ, вооружа оныхъ къ сопротивленію, и зарядили пушки, да и послали между тѣмъ курьера въ Оренбургъ съ извѣстіемъ, что войско Яицкое взбунтовало. Мятежники, идучи просить Дурново, послали къ нему одного попа съ нѣкоторыми казаками предъувѣдомить его, что войско идетъ къ нему за тѣмъ только, чтобъ онъ рѣшилъ имъ сегодня же старшинъ и объявилъ свою инструкцію, а впрочемъ никакого зла не намѣрено сдѣлать. Дурново отвѣчалъ имъ то, что и прежде, приказывая всѣмъ

*) Т. е., на Дурново и фонъ-Траубенберга.

**) Т. е., 13 января 1772 г.

разойтиться по домамъ, а въ противномъ случаѣ велитъ по нихъ стрѣлять. Мятежники, услыша сіе, не оробѣли, пошли прямо къ Дурново, неся при томъ передъ собой образа. Дурново послалъ еще уговаривать ихъ, чтобъ успокоились и разошлись, обѣщеваясь исполнить черезъ короткое время ихъ желаніе, но мятежники, напротивъ того, посылали къ нему помянутаго попа и казака Шигаева на переговорку, чтобъ исполнилъ оное тотъ же день, а между тѣмъ сами, не останавливаясь, подходили близко. Траубенбергъ и Дурново, видя, что они прямо имѣютъ злой умыселъ, приказали стрѣлять изъ пушекъ. Но какъ только изъ нѣсколькихъ пушекъ выстрѣлено было, то они всѣ вдругъ и бросились на пушки, овладѣвъ оными, разбили воинскую команду, то жъ и старшинскихъ казаковъ, и, остервенясь, били всѣхъ безъ различія и побили до смерти генералъ-маіора Траубенберга, атамана своего Тамбовцева и прочихъ старшинъ и казаковъ, а равно многихъ и изъ воинскихъ служителей; Дурново же, едва дышащаго, оставили и потомъ пустились на разграбленіе старшинскихъ домовъ и прочихъ имѣній, а на другой день дьяка Суетина, выведя въ Кругъ, прибили до смерти. Произведя такимъ образомъ тиранство, послали отъ себя нѣсколько человѣкъ въ Петербургъ съ повинною челобитною". *).

Поступокъ Яицкихъ казаковъ, поднявшихъ руки на атамана Тамбовцева и генерала фонъ-Траубенберга, непзвинителенъ; мы не думаемъ оправдывать его: что нехорошо, то нехорошо. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что это кровавое событіе легко бы могло быть устранено капитаномъ Дурново и генераломъ фонъ-Траубенбергомъ. Стоило только исполнить требованіе или скорѣе просьбу казаковъ, просьбу, заключавшуюся между прочимъ, какъ мы видѣли, въ томъ, чтобы Дурново привелъ въ исполненіе прежнюю конфирмацію Военной Коллегіи о

*) См. „Выписку изъ слѣдствія Оренб. секретн. комиссіи объ Емельянѣ Пугачевѣ", напечатанную въ „Чтеніяхъ въ Имп. общ. ист. и древн. Рос. при Москов. университетѣ", 1859 г., кн. 3, стр. 112—114.

казацкихъ старшинахъ, за шесть лѣтъ передъ тѣмъ присужденныхъ къ штрафу за беззаконныя дѣйствія противъ казаковъ и остававшихся дотолѣ безнаказанными. Если же это не входило въ кругъ занятій и дѣйствій Дурново, то, не прибѣгая къ пушкамъ, слѣдовало торжественно и открыто объявить казакамъ, что это не его дѣло, а не манить обѣщаніями. Да мало ли чѣмъ можно было отстранить эту катастрофу!.. Но Дурново и фонъ-Траубенбергъ, вопреки роли примирителей, не обратили должнаго вниманія на нужды и желанія народа, не уважили его естественныхъ правъ и—драма разыгралась...

Слѣдствіемъ этой катастрофы было окончательное уничтоженіе казацкаго самоуправленія. Императрица Екатерина II, въ именномъ указѣ Яицкому войску, отъ 4 іюня 1772 г., между прочимъ выразила: „Симъ Высочайше вамъ запрещается, до будущаго Нашего указа, сходиться въ Круги по прежнему вашему обыкновенію“.

Будущаго указа о возобновленіи Войсковыхъ Круговъ не послѣдовало. Напротивъ, въ докладѣ Военной Коллегіи, поднесенномъ на утвержденіе государынѣ 4 марта 1773 г., между прочимъ въ 1 пунктѣ изображено: „Войсковой канцеляріи и Войсковому Кругу, которые по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу, уже отрѣшены, не быть навсегда“ *).

Послѣ катастрофы, кончившейся смертью атамана Тамбовцева (послѣдняго выборнаго атамана), управленіе Яицкимъ войскомъ было ввѣрено комендантской яицкой канцеляріи, подъ главнымъ предсѣдательствомъ армейскаго подполковника Симонова.

Потомъ, полтора года спустя, когда яицкое войско не было еще приведено въ границы нормальнаго состоянія, появился знаменитый въ лѣтописяхъ русской исторіи Емельянъ Пугачевъ.

Послѣ Пугачевщины возобновленіе Войсковыхъ Круговъ,

*) Изъ архива Воен. Коллегіи.

само собою разумѣется, никому изъ правительственныхъ лицъ не могло придти на мысль, тѣмъ болѣе, что прежде того, мы видѣли, Воен. Коллегія уже опредѣлила: „Войсковому Кругу не быть навсегда".

Въ январѣ 1775 г., когда Яикъ, „для совершеннаго забвенія послѣдовавшаго тамъ несчастнаго происшествія", переименованъ въ Уралъ, а Яицкое казацкое войско—въ Уральское, впервые самимъ правительствомъ назначенъ войсковымъ атаманомъ старшина М. М. Бородинъ, въ то же время всемилостивѣйше пожалованный чиномъ армейскаго полковника *).

Съ этого времени атаманъ становится лицомъ, совершенно независимымъ отъ народа. Получая повелѣнія отъ правительства, атаманъ не подвергаетъ ихъ уже обсуживанію и рѣшенію народа, какъ было прежде,—не спрашиваетъ уже казаковъ: „любо ли вамъ, атаманы-молодцы?", а прямо передаетъ къ безусловному исполненію. Прежде во всѣхъ указахъ и правительственныхъ бумагахъ, рядомъ съ именемъ атамана, всегда стояло имя войска. Напримѣръ: „Нашего Яицкаго Войска войсковому атаману Петру Тамбовцеву и всему нашему войску". Но съ этого времени всѣ правительственныя бумаги пишутся уже прямо на имя одного атамана. Напримѣръ. „Уральскаго войска войсковому атаману и арміи господину полковнику Бородину".

Такимъ образомъ самоуправленіе яицкихъ казаковъ рушилось безвозвратно и сдѣлалось достояніемъ исторіи. Такимъ образомъ войска казацкаго, какъ республиканскаго общества, какъ рыцарскаго ордена, не существуетъ.

Изъ всѣхъ человѣческихъ правъ, которыми пользовались яицкіе казаки, потомки ихъ, уральскіе казаки, удер-

---

*) Историческая точность требуетъ сказать, что Артемьянъ Михайловичъ Бородинъ, при назначеніи его атаманомъ, пожалованъ чиномъ полковника не прямо изъ старшинъ, а изъ маіоровъ, а въ маіоры онъ произведенъ 13 іюня 1774 г. за услуги противъ Пугачева; въ то же время онъ награжденъ былъ золотою медалью и 1000 рублями.

жали только одно, хотя это и стоило имъ много слезъ и горя, чтобъ не сказать больше, именно: право отправлять государственную службу не по очереди, какъ заведено въ другихъ казацкихъ войскахъ, а по найму, что дастъ простому казаку возможность, въ извѣстныхъ случаяхъ, располагать собою по своему усмотрѣнію и желанію *).

Ставши на степень обыкновеннаго бригаднаго или дивизіоннаго генерала, одшимъ словомъ, на степень офицера Императорской службы и, вслѣдствіе того, обязанный дѣйствовать въ смыслѣ интересовъ чисто правительственныхъ, войсковой атаманъ, естественно, окружаетъ себя чинами не выборными, а уже такими, которые, какъ и онъ самъ, жалуются и утверждаются правительствомъ. Отсюда—начало казацкаго офицерства вообще и казацкаго дворянства въ особенности.

Правда, и прежде этого между казацкими начальниками кое-гдѣ проглядывали люди съ чинами армейскими, напр., съ чиномъ подполковника или премьеръ-маіора, которыхъ втихомолку жаловала Военная Коллегія, когда они пріѣзжали въ Петербургъ „бить челомъ". Но это была капля въ морѣ,—капля, смѣшивавшаяся съ массой народной до такой безраздѣльности, что присутствіе въ войскѣ какого-нибудь подполковника или премьеръ-маіора рѣшительно было незамѣтно—какъ для народа, такъ и для самого подполковника или премьеръ-маіора, остававшагося въ душѣ истымъ казакомъ и, главное, покорявшагося силѣ Войскового Круга. Слѣдовательно, начало казацкаго офицерства прямо слѣдуетъ отнести къ тому времени, какъ кончилось самоуправленіе яицкаго казацкаго войска.

Честь и слава казацкому офицерству. Честь и слава ему за то, что оно блестящимъ образомъ выполнило задачу, ему предназначенную.

---

*) Въ настоящее время, благодаря совершенно измѣнившемуся порядку отбыванія воинской повинности, служба „по найму" болѣе не существуетъ. Прим. ред.

Въ періодъ самоуправленія казаковъ часто прибѣгали къ кнуту и каторгѣ,—мало того,—иногда прибѣгали къ силѣ оружія, чтобъ подавлять въ казакахъ всякіе проблески народнаго сознанія; но ни кнутъ, ни каторга, ни даже штыкъ съ картечью не приносили Военной Коллегіи желанныхъ результатовъ. Что жъ изъ того, что нынче, напримѣръ, падутъ старики—коноводы? Вѣдь завтра же, такъ выразимся, вѣдь завтра же подростутъ изъ молодыхъ и заноютъ ту же пѣсню. Падутъ, въ свою очередь, и эти; но съ теченіемъ времени явятся третьи. Такимъ образомъ, на мѣсто отца или дѣда, сосланнаго въ Сибирь или павшаго подъ картечью, выйдетъ на сцену сынъ или внукъ, которому одинаково мила свобода и одинаково отвратительна солдатчина.

Но съ уничтоженіемъ казацкаго самоуправленія и со введеніемъ въ войскѣ правильно организованнаго офицерства, не нужно стало прибѣгать ни къ силѣ оружія, ни даже къ простому кнуту съ каторгой. Такова натура вещей.

Дойдя до сознанія, что собственная польза зависитъ оттого, чтобы казаки, „держа руки по швамъ“, не смѣли разсуждать, что для нихъ пригодно и что противно, однимъ словомъ, чтобъ казаки, уподобясь рыбѣ, жили „тише воды, ниже травы“, офицерство и стало дѣйствовать въ этомъ духѣ и направленіи, и хотя не скоро —вполнѣ достигло цѣли. Нынче—смѣло можемъ завѣрить всѣхъ и каждаго—нынче никакое движеніе со стороны казаковъ немыслимо: потому что современное казачество, въ сущности, представляетъ изъ себя военное поселеніе.

Правда, въ началѣ своего возникновенія, казацкое офицерство было слабо, въ томъ смыслѣ, что не хотѣло, а можетъ быть и не умѣло по предначертанію Военной Коллегіи держать казаковъ „въ ежевыхъ рукавицахъ“. Происходя отъ одного и того же корня, питаясь одними и тѣми же соками, казацкое офицерство не скоро могло усвоить себѣ привычки и замашки армейскихъ офицеровъ, не скоро могло всосать въ себя чисто офицерскіе элементы, не скоро могло отрѣшиться отъ обычаевъ, преданій и воззрѣній своего

народа: оно, если позволено такъ выразиться, оно само еще было въ той же шкурѣ, въ которой были и казаки. Тотъ же широкополый зипунъ, та же брусяная изба съ полатями, та же домашняя обстановка, то же свойство и дружество, то же отсутствіе всякаго наружнаго лоска и блеска, та же вѣра въ святость бороды и постовъ, то же отвращеніе къ узкимъ мундирамъ, къ маршировкѣ, къ вытяжкѣ, къ словамъ: „молчать!“, „не смѣть!“ и т. п.; та же любовь къ неизвѣстности (разумѣется: „пока Москва не узнала“),—словомъ, казакъ-офицеръ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія отъ казака-неофицера малымъ чѣмъ отличался, а можетъ быть, за исключеніемъ темляка, да титула: „сударь, ваше благородіе“, и ничѣмъ не отличался. Притомъ еще число офицеровъ въ тѣ времена было самое незначительное, въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ. Все это дѣлало присутствіе офицеровъ въ общинѣ не такъ ощутительнымъ для народа, какъ стало ощутительнымъ нынче, при огромномъ наплывѣ офицеровъ.

Но цивилизація, не та благотворная цивилизація, которою обусловливается въ жизни народовъ движеніе впередъ, а та цивилизація, которая, скрывая до извѣстной степени внутреннюю пустоту, даетъ только одинъ наружный лоскъ и блескъ—вотъ эта-то цивилизація, коснувшись казацкаго офицерства, провела между нимъ и народомъ глубокую борозду,—куда борозду!—пропасть, ничѣмъ непополнимую пропасть. Начисто оторвавшись отъ народа, казацкое офицерство очень хорошо уразумѣло истинное свое призваніе и назначеніе — артистически научилось всѣмъ пріемамъ, какъ крѣпче и ловче держать народъ „въ ежевыхъ рукавицахъ“, чтобъ онъ „съ жиру не баловался“, прониклось сознаніемъ, что не оно для народа, а народъ для него существуетъ, и потому сумѣло пріобрѣсти возможность низвести простой казацкій классъ на степень оброчной статьи, но, въ то же время,—„невѣстку на отместку“—и само сдѣлалось „притчей во языцѣхъ“. Между прочимъ, простой казацкій классъ очень мѣтко сравниваетъ нынѣшнее цивили-

зовашю-блестящее казацкое офицерство съ летучей мышью, „которая-де отъ звѣрей отстала, а къ птицамъ не пристала". Сравненіе, что и говорить, рѣзкое и жестокое, но, тѣмъ не менѣе, вѣрное. Сомнѣвающагося въ вѣрности такого сравненія просимъ вернуться назадъ и снова прочитать вступительную главу этой статьи: тамъ нѣтъ ни фразъ, ни преувеличеній, тамъ одна голая истина.

Разсказавъ, откуда и вслѣдствіе какихъ историческихъ причинъ возникло на свѣтъ Божій казацкое офицерство, мы, для полноты изслѣдованія, должны коснуться еще одного явленія, тѣсно связаннаго съ происхожденіемъ казацкаго офицерства вообще и казацкаго дворянства въ особенности.

Выше сказали мы, что въ старину число офицеровъ въ уральскомъ казацкомъ войскѣ было весьма незначительно. Мало сказать въ старину: сороковые года нынѣшняго столѣтія, кажется, не старина, а, между тѣмъ, вплоть до сороковыхъ годовъ казацкихъ офицеровъ было очень мало; по крайней мѣрѣ, было столько, что народъ не могъ ими тяготиться, какъ тяготится нынче. Но нынче столько развелось въ войскѣ офицеровъ, что „умъ за разумъ заходитъ", когда подумаешь: что будетъ черезъ двадцать пять лѣтъ, если продлится неизмѣнно существующій нынѣ порядокъ? Кажется, тогда вполнѣ осуществится, въ отношеніи къ уральскому казачеству, поговорка: „ты баринъ, я баринъ: кто будетъ лошадь запрягать?"

Причина чрезмѣрнаго накопленія офицеровъ въ уральскомъ казацкомъ войскѣ, по нашему мнѣнію, заключается въ недосмотрѣ со стороны военнаго министерства. Прежде, въ періодъ казацкаго самоуправленія, болѣе другихъ видными и почетными казаками, занимавшими въ войскѣ, по выборамъ народа, должности атамановъ, старшинъ и т. п., были люди изъ фамилій: Меркурьевыхъ, Бородиныхъ, Логиновыхъ, Акутиныхъ. Потомъ, со времени уничтоженія казацкаго самоуправленія и введенія правильнаго офицерства, къ нимъ примыкаютъ лица изъ

другихъ, болѣе или менѣе почетныхъ фамилій, какъ-то: Михайловыхъ, Назаровыхъ, Бурениныхъ, Донсковыхъ, Мизиновыхъ. Вотъ эти-то немногіе дома, ставшіе на степень дворянскихъ, преимущественно и „поставлялі“ для войска офицеровъ. Разумѣется, выходили офицеры и изъ другихъ простыхъ, т. е. недворянскихъ казацкихъ домовъ, но эти офицеры, частію по невѣдѣнію „лучшихъ благъ“, частію по нежеланію перемѣны въ образѣ жизни и всей житейской обстановки, не пускали отъ себя отпрысковъ, дворянскихъ отпрысковъ. Напримѣръ, если иной храбрый казакъ и получитъ, иногда даже вопреки собственнаго желанія, чинъ хорунжаго, равный чину корнетскому,—то это дѣтямъ его нисколько не мѣшаетъ оставаться простыми казаками, носить нагольные тулупы или бухарскіе халаты и, главное, въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывать. Да и самъ „его благородіе“, почтенный бородатый „корнетъ“, поцеголявъ нѣкоторое время въ мундирѣ, украшенномъ блестками, скидывалъ его и смѣшивался съ толпой, не чувствуя оттого ни малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Но вотъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, дается уральскому казачеству толчекъ, гораздо сильнѣйшій, чѣмъ давали прежде, толчекъ, отъ котораго жизнь его принимаетъ иной характеръ, иную обстановку. Заводится въ Уральскѣ мужское училище, вводятся клубы, собранія, маскарады, балы съ вальсами, экосесами, кадрилями и т. п. затѣями, облагораживающими, очищающими, смягчающими, говорятъ, нравы и обычаи. Словомъ, съ 1830-хъ годовъ начинается въ Уральскѣ жизнь общественная, свѣтская, жизнь умытая, приглаженная, припомаженная и духами французскими спрыснутая,—жизнь—наше почтеніе, бонтонная, — жизнь comme il faut!

Видную роль въ обществѣ, естественно, начинаютъ играть молодые офицерики вышеназванныхъ дворянскихъ домовъ, офицерики, цивилизовавшіеся въ Питерѣ, Москвѣ, Казани и другихъ мѣстахъ. Къ офицерикамъ-дворянчикамъ примыкаютъ молодые уряднички, кончившіе курсъ наукъ въ вой-

сковомъ училищѣ,—уряднички или „судари“, такъ рѣзко отдѣлившіеся отъ своихъ собратовъ—простыхъ казачатъ, отмѣченныхъ презрительнымъ именемъ „Петряевъ“.

Несмотря на происхожденіе—потому что въ училище безъ разбора поступали дѣти всего казачьяго сословія—дѣти простыхъ казаковъ, кончивъ курсъ въ училищѣ, не смѣшивались уже съ толпой, дальше держались отъ „Петряевъ“, не дрались, подобно отцамъ своимъ, за косу или сѣть, не садились въ бударку въ весла,—до чего, впрочемъ, ихъ не допустило-бы и начальство, имѣвшее въ виду образовать высшій классъ,—и поступали уже въ писарскія, секретарскія и т. п. должности по войсковому управленію, или записывались въ гвардію, чтобы, живя, напр., или въ казармахъ на Рожкѣ, или въ Емельяновкѣ *) и посѣщая, по временамъ, танцъ-классы и т. п. заведенія—„видѣть свѣтъ“,—однимъ словомъ, сами того не замѣчая, сдѣлались бѣлоручками, патриціями, а потомъ, по пословицѣ: „р ы б а и щ е т ъ, г д ѣ г л у б ж е, а ч е л о в ѣ к ъ—г д ѣ л у ч ш е“, мало-по-малу стали выходить въ офицеры—въ благородные.

Такимъ образомъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, мы видимъ въ уральскомъ казацкомъ войскѣ порядочную фалангу молодыхъ офицеровъ, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. офицеровъ выбритыхъ, открыто курящихъ табакъ и затянутыхъ въ щегольскіе мундиры съ блестящими эполетами и другими аттрибутами, офицеровъ „цивилизованныхъ“, гнушающихся простымъ классомъ казаковъ и прервавшихъ съ ними всякую духовную связь, исключая, однако жъ, матеріальной, о чемъ будетъ сказано ниже въ своемъ мѣстѣ,—офицеровъ, пьющихъ лиссабонское и судакское и бьющихъ по лапшамъ простыхъ казаковъ,—офицеровъ, умѣющихъ бойко писать рапорты, предписанія и т. п., бренчать шпорами, танцовать, играть въ преферансъ, въ банкъ и т. п.,—словомъ—офицеровъ с ъ г о н о р о м ъ!

Но на этомъ дѣло не остановилось. Лиха бѣда—начало, а

*) Деревня близъ Петербурга.

тамъ пойдетъ какъ по маслу, и —пошло, блестящимъ образомъ пошло!

Соблазнившись лоскомъ и блескомъ молодого офицерства, соблазнившись почетомъ, офицерству воздаваемымъ, соблазнившись, наконецъ, тѣмъ, что офицерство не оретъ, не сѣетъ, а сыто бываетъ, начинаютъ выползать изъ неизвѣстности на свѣтъ Божій и тѣ казаки, отцы или дѣды которыхъ были когда-то, во время оно, офицерами, и начинаютъ эти казаки выползать не по одному, не по два, а цѣлыми толпами,—сущее нашествіе..., но не иноплеменниковъ, а одноплеменниковъ!

Эти казаки, они же по большей части и Петряи, лѣзутъ не въ офицеры, какъ „судари", кончившіе курсъ въ войсковомъ училищѣ, а гораздо выше: они лѣзутъ на страницы „бархатныхъ" книгъ. Для нихъ доступъ прямо въ офицеры былъ труденъ, почти невозможенъ, тогда какъ доступъ въ бархатныя книги весьма простъ и легокъ. Чтобы удостоиться производства въ офицеры, для этого требовалось большее или меньшее р а з в и т і е, большее и меньшее з н а н і е, чего бы то ни было, хотя бы, напр., начальныхъ четырехъ правилъ ариѳметики и сколько нибудь сносной каллиграфіи. Между тѣмъ,—странное однако жъ бываетъ на свѣтѣ сочетаніе противныхъ вещей!—между тѣмъ, чтобы получить званіе „потомственнаго" или, какъ иногда говорится, „столбового" дворянина, можно не знать ни „аза въ глаза"—можно не знать, напр., различія между исторической личностью: Т а м е р л а н ъ и между трухменскимъ жеребцомъ на войсковомъ конномъ заводѣ,—жеребцомъ, отмѣченнымъ кличкой: „Т а м е р л а н ъ" и т. п. Короче: для того, чтобъ попасть въ сословіе потомственныхъ дворянъ Россійской имперіи, въ сословіе, дающее само собой, минуя всякихъ наукъ и знаній, офицерскій чинъ, для этого требовалось только доказать, что нищій этого званія дѣйствительно родился отъ отца, когда тотъ былъ хорунжимъ, или—что отецъ его родился отъ дѣда, когда дѣдъ былъ хорунжимъ и т. д. А доказать свою родословную всякому было легко

„двѣнадцатью подписями благородныхъ особъ", потому было легко, что „рука руку моетъ"... Но герольдіи до закулисныхъ тайнъ дѣла нѣтъ. Передъ герольдіей „Сводъ Законовъ", передъ ней правильно произведенный розыскъ, у герольдіи бѣлыхъ страницъ въ бархатныхъ книгахъ много: вотъ она и признаетъ, утверждаетъ и снабжаетъ, кого слѣдуетъ и не слѣдуетъ, дворянскими грамотами.

Такимъ образомъ, все, что родилось до 1845 года отъ офицера, или все, что въ числѣ предковъ своихъ имѣло офицера, все это всплыло наружу и воспарило надъ народомъ въ качествѣ потомственнаго дворянства! Такимъ образомъ, цѣлый легіонъ казаковъ оторвался отъ своихъ собратьевъ, бросилъ сѣти, косы и прочія хозяйственныя орудія, выбрился, вычистился, облокся въ мишуру и воспріялъ образъ класса привилегированнаго, класса не производительнаго, въ экономическомъ смыслѣ.

Теперь поведемъ рѣчь о судьбѣ казацкаго офицера.

III.

Жизнь казацкаго офицера обставлена и опутана такими несообразностями и противорѣчіями, что желающему описать эту аномалію въ сколько-нибудь стройной и послѣдовательной формѣ надобно обладать большимъ умѣніемъ и сноровкой. А такъ какъ мы, взявшіеся за это дѣло, не обладаемъ большимъ умѣньемъ, то заранѣе предупреждаемъ читателей, что въ разсказѣ нашемъ намъ не разъ доведется и повториться, и назадъ воротиться, и впередъ забѣжать. Безъ этого, сознаемся, мы шагъ не обойдемся. Такой сложный и запутанный предметъ нашей статьи. Напримѣръ, если потянуть за одну струну, касающуюся казацкаго офицера, то, не дойдя до конца, непремѣнно зацѣпишь за другую; возьмешь за эту,—смотришь, зацѣпилась и тянется третья, отъ третьей, глядь, поворотъ снова къ первой

и т. д., безконечное какое-то кружеиіе. Ужъ такой мудреный классъ—это казацкое офицерство. Шероховатое въ дѣйствительной жизни, оно не очень-то легко поддается и литературному описанію. Начнемъ однако жъ; авось, какъ нибудь и сладимъ.

Сперва скажемъ о томъ, какія названія носятъ казацкіе офицеры и какіе оклады жалованья получаютъ, находясь на государственной службѣ.

Названія:

Хорунжій равенъ корнету; сотникъ—поручику; есаулъ—ротмистру: войсковой старшина—маіору. За старшиной слѣдуютъ, какъ и въ арміи, подполковники, полковники и т. д. Въ гвардейскихъ же казацкихъ полкахъ и эскадронахъ нѣтъ ни хорунжихъ, ни сотниковъ, ни есауловъ, ни старшинъ, а прямо слѣдуютъ корнеты, поручики и т. д.

Оклады жалованья.

Находящимся на дѣйствительной службѣ внѣ предѣловъ войска *).

Въ годъ:

Полковнику	321 р. и 6 солдатскихъ пайковъ муки и крупъ.
Подполковнику	215 р. 40 к. и 4 пайка.
Войсковому старшинѣ.....	165 р. и 3 пайка.
Есаулу.....	123 р. и 2 пайка.
Сотнику.....	88 р. 80 к. и одинъ паекъ.
Хорунжему.....	71 р. 55 к. и одинъ паекъ **).

*) Отъ казны.

**) Въ настоящее время хорунжій получаетъ 70 рублей въ мѣсяцъ жалованья и добавочныхъ денегъ, не считая квартирныхъ и фуражныхъ. Соотвѣт-

*Состоящимъ въ разныхъ командировкахъ, находящихся въ предѣлахъ войсковыхъ земель *).*

Въ годъ:

Полковнику	233 р. 10 к. и ничего.
Подполковнику	155 р. 55 к. и то жъ.
Войсковому старшинѣ	121 р. 50 к. и то жъ.
Есаулу	94 р. 80 к. и то жъ.
Сотнику	66 р. и то жъ.
Хорунжему	55 р. 80 к. и то жъ.

*Находящимся на линейной службѣ въ войсковыхъ предѣлахъ **).*

Въ годъ:

Полковнику	116 р. 55 к. и ничего.
Подполковнику	77 р. 85 к. и то жъ.
Войсковому старшинѣ	60 р. 75 к. и то жъ.
Есаулу	47 р. 40 к. и то жъ.
Сотнику	33 р. и то жъ.
Хорунжему	27 р. 90 к. и то жъ.

ственно этому, увеличены оклады и для остальныхъ чиновъ. Кромѣ того, офицеры, занимающіе въ строевыхъ частяхъ должности (казначея, адъютанта, командира сотни, младшаго штабъ-офицера, помощника командира полка) получаютъ „столовыя" деньги. Затѣмъ, установлены еще прибавки къ содержанію за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ въ чинѣ. Никакихъ „пайковъ" муки и крупъ офицерамъ въ настоящее время не полагается. Прим. ред.

*) Изъ общественныхъ казацкихъ суммъ.

**) Въ настоящее время офицеры казачьихъ войскъ, находясь на льготѣ, получаютъ полностью положенное по чинамъ жалованье и добавочныя деньги. Прим. ред.

Гвардейскіе казацкіе офицеры получаютъ несравненно большіе оклады жалованья, именно: отъ 475 р. корнеты, до 1120 р. полковники. И это сдѣлано по самой сущей необходимости. При обыкновенномъ казацкомъ окладѣ (напр. при 71 р. 55 к.) гвардейскій казацкій офицеръ (напр., корнетъ) не былъ бы въ состояніи являться на смотры и парады въ малиновомъ мундирѣ. Но оставимъ въ сторонѣ, какъ исключеніе, гвардейскихъ казацкихъ офицеровъ: это—капля въ морѣ. Предметъ нынѣшней статьи—большинство казацкихъ офицеровъ, тѣхъ, напр., офицеровъ, которыхъ житель Москвы можетъ встрѣтить „соблюдающими порядокъ“ на гуляньѣ подъ Новинскимъ и въ другихъ мѣстахъ.

При вышеисчисленныхъ окладахъ жалованья и солдатскихъ пайкахъ провіанта, можетъ ли казацкій офицеръ, напр., хорунжій, существовать?

Чтобы отвѣтить на таковой вопросъ, сперва нужно исчислить необходимыя, такъ сказать, существенныя потребности казацкаго офицера, потребности, безъ удовлетворенія которыхъ немыслимо существованіе казацкаго офицера. Вотъ онѣ:

	Р.	К.
Мундиръ съ шароварами	35	—
Плащъ или шинель лѣтняя на два года 25 р., а въ годъ	12	50
Плащъ или шинель зимняя на два года 30 р., а въ годъ	15	—
Три пары сапоговъ, по 5 руб.	15	—
Къ нимъ одинъ шпоры	—	50
Калоши (вещь необходимая)	3	—
Двѣ пары эполетъ, по 2 руб.	4	—
Портупея изъ сереб. галуна на два года 7 р., а въ годъ	3	50
Шарфъ	2	—
Кушакъ шелковый на два года 2 р., а въ годъ	1	—

Шашка на 4 года 8 р., а въ годъ	2 —
Темлякъ къ шашкѣ	— 50
Патронташъ на два года 10 р., а въ годъ	5 —
Шнуръ къ пистолету на 4 года 4 р., а въ годъ	1 —
Папахъ	8 —
Фуражка	3 —
Галстухъ	1 —
Три пары перчатокъ	3 —
Шесть сорочекъ по 2 р.	12 —
Шесть нижняго по 1 р.	6 —
Итого....	133 р.

Довольно! Итогъ превышаетъ уже окладъ жалованья хорунжаго, сотника, есаула, находящихся на внѣшней службѣ, и превышаетъ окладъ жалованья полковника, служащаго на линіи. А мы, какъ видитъ читатель, далеко, далеко не все исчислили, безъ чего казацкому офицеру быть нельзя. Напр., прошли молчаніемъ лошадь, необходимую офицеру на службѣ, а въ походахъ и всякихъ передвиженіяхъ и двѣ,—содержаніе лошадей,—сѣдло съ вальтрапами, подушками, чемоданчиками, ремешками и разными принадлежностями; прошли бездну такихъ вещей и вещицъ, которыя стоятъ денегъ и денегъ, и безъ которыхъ нельзя обойтись офицеру въ жизни, какъ и всякому смертному. Наконецъ, не сказали о томъ, что будетъ кушать казацкій офицеръ. Статья первой важности! Одинъ ржаной хлѣбъ изъ солдатскаго пайка промоетъ бока. Къ хлѣбу нуженъ или супъ, хотя картофельный, или щи, хотя пустыя, или солдатская каша, однимъ словомъ, что-нибудь горячее; иначе, съ одного хлѣба казацкій офицеръ не будетъ ногъ таскать, иначе цынга заѣстъ его, не посмотритъ, что онъ—благородный; а изъ мѣсячнаго пайка крупъ только два-

три раза можно сварить кашицу, не больше. Притомъ еще, какъ мы видѣли выше, пайки муки и круп казацкому офицеру отпускаются только на службѣ внѣ родины, а если казацкій офицеръ служитъ внутри границъ своей земли, то ему никакихъ пайковъ не отпускается. Словомъ, всего, безъ чего казацкому офицеру, какъ человѣку и какъ офицеру, обойтись нельзя, всего этого не сочтешь, т. е. сочесть-то можно да счетъ выйдетъ слишкомъ длиненъ, да итогъ выйдетъ въ десять-двадцать разъ выше жалованья: итогъ будетъ заключаться не въ двухъ-трехъ, а уже въ четырехъ цифрахъ,—итогъ будетъ пахнуть не десятками, не сотнями, а уже тысячами.

Итакъ, безъ дальнѣйшихъ исчисленій и выкладокъ, по однѣмъ вышеприведеннымъ цифрамъ, ясно, какъ день, что несчастному казацкому офицеру, даже одинокому, а о семейномъ не говоримъ, при настоящихъ окладахъ жалованья существовать нельзя. Это, повторяемъ, ясно, какъ день.

А между тѣмъ, казацкій офицеръ существуетъ. Чѣмъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать вопросомъ же: а чѣмъ живетъ звѣрь дубровный, напр., волкъ сѣрый? Вѣдь волку никакихъ окладовъ жалованья не полагается, никакихъ пайковъ не отпускается.

Но волкъ—животное хищное, скажутъ намъ: онъ-де живетъ на счетъ овецъ. Такъ что жъ изъ этого?—и казацкій офицеръ, между нами будь сказано, живетъ на счетъ овецъ, но не четвероногихъ, а двуногихъ, имъ же имя: казаки!..

Но, возразятъ намъ, волка-хищника за овецъ гонятъ, бьютъ; за овецъ съ волка-разбойника шкуру сдираютъ. Такъ. Что правда, то правда. Но казацкій офицеръ не подходитъ подъ эту категорію. Казацкаго офицера нельзя назвать ни хищникомъ, ни разбойникомъ, хотя и онъ зачастую добываетъ себѣ хлѣбъ по волчьи. Пожалуй, и можно назвать казацкаго офицера этимъ именемъ, но нельзя за то его ни бить, ни гнать, нельзя въ него и камнемъ швырнуть. Казацкій офицеръ, извольте знать, поставленъ или, правильнѣе, обставленъ такъ, что иначе и жить не можетъ, какъ не поби-

раясь... Что успѣетъ сорвать, тѣмъ и сытъ; въ противномъ случаѣ голодная смерть ему грозитъ. Это вѣрно, „хоть къ бабушкѣ не ходи“.

Но, скажутъ намъ, Уральское каз. войско владѣетъ, на общинномъ правѣ, землями, лугами, рѣками, морями и разными угодьями: слѣдовательно, казацкій офицеръ, какъ общинникъ, помимо всякихъ окладовъ жалованья, помимо всякихъ солдатскихъ пайковъ, можетъ имѣть поддержку отъ земли, воды и т. п. угодій.

По теоріи это такъ, отвѣтимъ мы, но на практикѣ выходитъ совсѣмъ не такъ. Для простого казака, не благороднаго, земли, луга, рѣки, моря, даже озёра съ котлубанями, служатъ дѣйствительно источникомъ къ жизни. Но для казацкаго офицера, когда его благородіе находится на родинѣ, земля можетъ служить только точкой опоры, въ простомъ, буквальномъ значеніи этого слова, т. е. казацкій офицеръ, имѣя подъ ногами землю, заповѣданную ему прародителями, не можетъ унестись въ пространство и исчезнуть въ безпредѣльности, подобно блудящему огню. И на этомъ спасибо. Прочія угодья приносятъ казацкому офицеру не больше выгодъ, чѣмъ земля. Напримѣръ, изъ Яика-Горыновича—онъ же и Уралъ—казацкій офицеръ можетъ воды напиться, если жаждетъ, т. е. если сытъ, а голодному, извѣстно, питье и на умъ не пойдетъ;—видомъ моря можетъ полюбоваться и вдохновляться, если онъ поэтъ или художникъ, — ароматомъ луговъ можетъ упиваться и т. п.,—но не больше. И на этомъ спасибо. Когда же каз. офицеръ находится на службѣ внѣ родины, тогда самые луга, рѣки, моря (соблазнительная картина, не правда ли?) и этой простой услуги, и этого невиннаго удовольствія ему не оказываютъ, по самой простой и натуральной причинѣ: ни земли, ни луга, ни рѣки, ни моря, ни даже озера съ котлубанями не могутъ слѣдовать за его благородіемъ на службу, напр., въ Москву, въ Питеръ и т. п.

Для того, чтобы добыть отъ земли, отъ водъ и др. угодій существенную пользу, т. е. добыть средства къ жизни, для

этого казацкому офицеру нужно: во-первыхъ, денежный капиталъ, а во-вторыхъ,—что самое главное—время, т. е. право располагать своими трудами, своей судьбой, а этого-то казацкій офицеръ и не имѣетъ,—за малымъ дѣло стало. Еще денежный капиталъ, хотя и небольшой, хотя и нахапанный (см. объ этомъ ниже), каз. офицеръ можетъ наслѣдовать отъ отца или дѣда, но право располагать своимъ временемъ у него отнято,—„щучка отъѣла“. А безъ этого права и денежный капиталъ ни къ чему служить не можетъ. Двадцать пять лѣтъ, что ни самыхъ лучшихъ, цвѣтущихъ (отъ 20 до 45-лѣтняго возраста) изъ жизни казацкаго офицера поглощены службой *).

Правда, не всѣ 25 лѣтъ къ ряду каз. офицеръ служитъ, бываютъ и антракты по полугоду, по году и по два года, но эти антракты для бѣднаго офицера—а большинство каз. офицеровъ бѣднякъ на бѣднякѣ, голь на голи—еще горше, чѣмъ служба. На службѣ казацкій офицеръ хоть крупицу получитъ отъ казны или общества, на службѣ онъ что-нибудь и урветъ; а во время антрактовъ онъ голодаетъ, потому что въ это время ему ни жалованья и никакого довольствія ни откуда не производится—въ это время ему и „урывать“ не съ кого **).

Предполагается, что во время антрактовъ казацкій офицеръ можетъ заниматься хозяйствомъ. Но въ томъ-то и сила, что ему физически невозможно заниматься хозяйствомъ. Чѣмъ онъ займется? Рыболовствомъ, напримѣръ. Хорошо. Но, вѣдь, для этого промысла потребны: судно, лодки, сѣти и бездна другихъ вещей, стоющихъ большихъ и большихъ

---

*) Въ послѣднее время солдатамъ положено служить только 15 лѣтъ. Дождутся ли когда такого блага и казацкіе офицеры? Выноска автора.

Какъ уже сказано выше, обязательная служба офицеровъ Уральскаго войска въ настоящее время опредѣлена въ 12 лѣтъ, считая и время, проведенное въ званіи нижняго чина. Прим. ред.

**) Выше уже сказано, что теперь офицеры казачьихъ войскъ, находясь на льготѣ, получаютъ полностью жалованье, а кромѣ того и добавочныя деньги. Прим. ред.

денегъ, а у казацкаго офицера за душой нѣтъ ни гроша. Стало быть, нечего и думать о собственномъ хозяйствѣ.

Что жъ дѣлать казацкому офицеру? Остается одно средство: идти въ личную послугу, въ работники. Въ работники! Его благородію въ работники! И къ кому же? Къ казаку, который вчера былъ у него подъ командой и который завтра же можетъ снова попасть ему подъ команду. Воля ваша, а что-то не ладно. Но, положимъ, найдется такой самоотверженникъ изъ казацкихъ офицеровъ, который спрячетъ трехцвѣтную кокарду, отложитъ въ сторону на время свое благородство и согласится пойти въ работники. Но кто его найметъ? Вотъ вопросъ. Отъ работника, извѣстно, требуются труды, труды тяжелые, потовые, а такой работникъ, какъ офицеръ, особенно изъ ударей, т. е., кончившихъ курсъ въ войсковомъ училищѣ, или еще выше, еще нѣжнѣе, „великатнѣе“,—изъ кадетскаго корпуса,—такой работникъ не способенъ къ черной работѣ—это аксіома—такой работникъ, какъ офицеръ, способенъ только писать „липорты“, да командовать: „вольтъ направо! вольтъ налѣво!“ и т. п.,—такой работникъ не способенъ „рудовать“ ни косой, ни весломъ. Чтобы не губить понапрасну ни хлѣбъ, ни заработную плату, такого работника, какъ его благородіе казацкій офицеръ, за грошъ никто не найметъ, даромъ изъ-за куска хлѣба никто не возьметъ. Ясно, какъ день.—Что жъ дѣлать казацкому офицеру? Просить, клапяться, извиваться, чтобъ дали какую-нибудь должность. Сущая пелѣпость!

Хотя въ уральскомъ каз. войскѣ большинство офицеровъ, какъ сказано выше, бѣдняки, не имѣющіе возможности, при всемъ желаніи, если бы у кого оно и было, добыть кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ,—но есть и такіе, хотя немного, но есть такіе, которымъ отцы оставили на черный день копѣйку, и которые, слѣдовательно, могли бы жить не на счетъ другихъ. Поговоримъ объ этихъ офицерахъ.

Но и эти не могутъ заниматься честнымъ трудомъ: затративъ капиталъ свой въ хозяйство, каз. офицеръ не

успѣетъ еще, можетъ быть, пустить въ ходъ свою хозяйственную машину, какъ въ одно прекрасное или прескверное—все равно—утро получаетъ изъ уральской войсковой канцеляріи клочекъ бумаги такого содержанія: „По доставшейся очереди, г. наказный атаманъ изволилъ назначить васъ (туда-то, напр., въ Москву) на 4 года. Вслѣдствіе чего и т. д.“ (предписывается немедленно явиться въ команду и слѣдовать по назначенію).

Вотъ тебѣ одолженіе! Прощайте судно, лодки, сѣти, прощайте всѣ снасточки, бичевочки. Прощай и капиталецъ родной.

Если офицеръ не успѣетъ тутъ же распродать за безцѣнокъ хозяйственныя вещи, то оставляетъ ихъ на произволъ судьбы, а самъ слѣдуетъ „по назначенію“. По возвращеніи же со службы на родину, онъ встрѣчаетъ хозяйство свое разрушеннымъ, уничтоженнымъ, а капиталъ—даромъ загубленнымъ. При такой обстановкѣ, при такомъ порядкѣ вещей, надо быть сумасшедшимъ, чтобы затрачивать въ хозяйство деньги, у кого онѣ есть.

Что жъ дѣлать казацкому офицеру? Самое лучшее—выйти въ отставку и посвятить себя хозяйству. Можно выйти въ отставку, но черезъ двадцать пять лѣтъ со дня поступленія на службу, не раньше.—Законъ, его же никто не прейдетъ.

Итакъ, иной офицеръ въ молодости и вышелъ бы въ отставку, чтобъ обзавестись какимъ-либо хозяйствомъ и устроить себѣ подъ старость уголъ, но его не выпускаютъ: уши выше лба не растутъ. Подъ старость, когда энергія и силы у офицера пропадутъ, когда тѣло его одряхлѣетъ, когда способности его притупѣютъ отъ полковыхъ ученій, да шашечныхъ (сабельныхъ) пріемовъ и т. п., когда онъ не способенъ уже ни къ чему дѣльному рукъ приложить, когда единственное его спасеніе служба, подъ старость его гонятъ въ отставку. Но, выгоняя въ отставку, каз. офицеру не даютъ однако жъ никакой пенсіи, хотя бы онъ прослужилъ

цѣлое полстолѣтіе и обвѣшался всякими орденами и знаками отличія. И на это есть законъ *).

Въ теоріи законъ справедливъ, по крайней мѣрѣ, похожъ на законъ, но на практикѣ несправедливъ, по крайней мѣрѣ, не приложимъ къ дѣлу. Предполагается, что отставной каз. офицеръ, какъ общинникъ, можетъ жить отъ земель, луговъ, рѣкъ, морей, озеръ и котлубаней. Но мы видѣли, какъ онъ можетъ жить отъ этихъ угодій, особенно, когда долговременная двадцатипятилѣтняя служба, какъ напр., сидѣніе за письменными дѣлами въ войсковомъ правленіи или частое скитаніе по степямъ киргизскимъ за Кенисарами Касимовыми, Исетами Кутебаровыми и другими степными рыцарями обогатитъ казацкаго офицера геморроями, ревматизмами и другими недугами.

Что жъ дѣлать отставному казацкому офицеру? Отпустить „до чреслъ браду“, вооружить трясущіяся руки костылемъ, а одряхлѣвшія ноги—телѣжными передками и шествовать по улицамъ, взывая: Христа ради! **)

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ: казацкій офицеръ

---

*) Въ настоящее время, при выходѣ въ отставку (разумѣется, по выслугѣ узаконеннаго числа лѣтъ) офицеры казачьихъ войскъ получаютъ пенсіи на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ съ офицерами всѣхъ родовъ оружія.

Прим. ред.

**) Взято съ натуры. Просимъ уральцевъ, въ особенности обывателей Гурьева-городка, вспомнить о покойномъ М. Е. Кочемасовѣ, отставномъ подполковникѣ. Кстати, для прочихъ читателей нелишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующую замѣтку. Увѣшанный крестами и медалями, означенный подполковникъ, во время служебной своей карьеры, въ припадкѣ удовольствія, часто говаривалъ, про себя:

Прежде Макаръ огороды пахалъ,
Нынче Макаръ въ воеводы попалъ.

А потомъ, когда служебная карьера кончилась и когда, вслѣдствіе того, пришлось воеводѣ „положить зубы на полку“, онъ распѣвалъ унылымъ плачевнымъ голосомъ изъ житія Іосифа Прекраснаго:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію...

не можетъ честными трудами хлѣбъ себѣ и своей семьѣ добывать, казацкій офицеръ, состоя на государственной службѣ, не можетъ иначе вести себя, какъ „не рвать и не хапать“ (какіе сильные глаголы), притомъ онъ не можетъ ограничиваться однимъ настоящимъ, а долженъ печись и о будущемъ, т. е. долженъ запастись и подъ старость, когда дадутъ ему отставку и не дадутъ ни гроша пенсіи, а вслѣдствіе этого обстоятельства, казацкій офицеръ долженъ рванье и хапанье удваивать, утраивать, чтобы при выходѣ въ отставку не остаться въ „дуракахъ“, а вслѣдствіе этого обстоятельства, простые, *неблагородные* казаки должны нести тяготу удвоенную, утроенную... Премудрость, которой позавидовалъ бы любой сатрапъ персидскій.

А нравственный гнетъ, отъ того происходящій, гнетъ, лежащій во всю жизнь на казацкомъ офицерѣ и „на чадѣхъ его“, — гнетъ, усиливающійся безграничною властію атамана—чего этотъ гнетъ стоитъ? Онъ стоитъ иногда больше, чѣмъ жизни.

Уральское казацкое войско, въ теперешнемъ его положеніи, уподобляется казармамъ въ огромныхъ размѣрахъ. Какъ изъ казармъ, напр. Хамовническихъ, что въ Москвѣ, высылается куда-нибудь въ караулъ команда солдатъ при очередномъ офицерѣ или при нѣсколькихъ офицерахъ, подобно этому и изъ уральскаго казацкаго войска, по требованію Военнаго Министерства, высылаются куда бы то ни было, напр., въ Москву, для „полицейской“ службы, или на Сыръ-Дарью—въ сосѣдство кокандцевъ, казацкіе полки и команды, также при очередныхъ офицерахъ—при казацкихъ офицерахъ. Послѣдніе, переписанные на списокъ, хранящійся въ канцеляріи наказнаго атамана, повторимъ, посылаются куда бы то ни было въ наряды по очереди. Закономъ постановлено, чтобы наряды офицеровъ на службу дѣлались по „строгой очереди“. Но закономъ же, а можетъ быть и не закономъ, а обычаемъ, который, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ сильнѣе закона, предоставлено атаману право посылать офицеровъ не въ очередь, словомъ, распо-

рядаться офицерами по своему личному усмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи, власть атамана надъ офицеромъ совершенно одинакова съ властью помѣщика надъ дворовымъ человѣкомъ. Если атаманъ „признаетъ нужнымъ“ или наказать офицера за дерзость, за „свободоязычіе“ и т. п., или исправить офицера отъ пьянства, вѣтрености и т. п., или же поощрить и наградить офицера за „отлично-усердную и ревностную“ службу и т. п.,—то онъ можетъ или загнать офицера туда, „куда Макаръ телятъ не гонялъ“, или дать офицеру „выгодную“ должность и потомъ смотрѣть на продѣлки офицера въ этой должности сквозь пальцы.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ выходитъ, что надъ казацкимъ офицеромъ, даромъ, что онъ „благородный“, даромъ, что онъ „потомственный дворянинъ“,—господствуетъ полный произволъ атамана, произволъ, передъ которымъ казацкій офицеръ долженъ трепетать, преклоняться, унпчижаться,—произволъ, низводящій казацкаго офицера на степень негра. На дѣйствія атамана, какъ на дѣйствія плантатора Южной Америки, нѣтъ апелляцій. Пикни казацкій офицеръ противъ атамана или заикнись на атамана—шабашъ: погибъ, дерзновенный!...

Но что мы говоримъ: пикни, заикнись,—этого слишкомъ много! Чтобы подвергнуться гоненію, довольно и того, если физіономія казацкаго офицера не понравится атаману. Но и этого опять-таки много. Чтобы навлечь на себя немилость, довольно и того, если казацкій офицеръ не можетъ угодить кому-нибудь изъ временщиковъ, окружающихъ его превосходительство. Если атаманъ—рутинеръ, консерваторъ,—ему наскажутъ, что N. N. либералъ, вольнодумецъ, не почитающій властей предержащихъ и т. п. Если атаманъ самъ либералъ,—ему наплетутъ, что N. N. человѣкъ отсталый, не сочувствующій нововведеніямъ и преобразованіямъ и т. п. Ну, и кончено балъ! Сживутъ бѣднаго N. N. съ бѣла свѣта, согнутъ въ „бараній рогъ“. А бѣдный N. N. не смѣетъ не только отмахнуться, но, какъ уже сказано, и заикнуться, иначе пропадетъ, какъ червякъ. Бѣдный N. N. не можетъ

ни выйти въ отставку, ни поступить въ другой родъ службы, ни перемѣнить свое званіе, ни бѣжать, наконецъ, отъ опалы куда-нибудь, на край свѣта. Законъ, его же никто не прейде.

И вотъ, чтобы избѣжать такихъ невзгодъ, казацкій офицеръ, по необходимости самоохраненія, присущаго каждому живому существу, долженъ и льстить, и лицемѣрить, и подличать, словомъ, пресмыкаться въ грязи, и утопать во лжи!...

А если шая натура, по нравственнымъ принципамъ, не можетъ ужиться ни съ лестію, ни съ лицемѣріемъ, ни съ подлостью, но не имѣетъ при томъ въ себѣ столько силъ, чтобы бороться съ окружающею ее суровою дѣйствительностью—каковъ тогда исходъ? Извѣстно, какой: одно изъ двухъ: или пуля въ лобъ, или чарка зелена-вина, а за нею физическое и нравственное растлѣніе! И то, и другое хорошо; по крайней мѣрѣ, одно другого стоитъ. А это бывало на Уралѣ.

Но, можетъ быть, съ отставкой произволъ атамана надъ офицеромъ кончается? Ничуть. Какъ служащій, такъ и отставной офицеръ не выходятъ изъ-подъ ферулы наказнаго атамана. Если отставного офицера нельзя загнать, напр., на Сыръ-Дарью, то можно посадить на цѣпь и дома, т. е. на родинѣ, и тѣмъ отравить жизнь его. Напримѣръ, отставному казацкому офицеру, по торговымъ или по другимъ какимъ дѣламъ своимъ, хочется жить въ Москвѣ. Но атаманъ, изъ-за каприза, чтобы „насолить“ офицеру съ промышленнымъ или артистическимъ направленіемъ, не захочетъ дать отпуска и—не дастъ! Если офицеръ осмѣлится протестовать противъ атаманскаго каприза или произвола—все равно, какъ ни назови,—атаманъ представитъ тьму „уважительныхъ“ причинъ, и—отставной казацкій офицеръ долженъ остаться на родинѣ: взвалятъ ему на плечи должность какую-нибудь, напр., должность смотрителя лѣсовъ, озеръ и котлубаней,—и волей-неволей живи отставной каз. офицеръ на родинѣ. „Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай“.

И это на Уралѣ бывало *). И всегда можетъ повторяться, если не измѣнится существующій нынѣ порядокъ, т. е., если не дадутъ казацкому офицеру полнаго и безусловнаго права располагать своею личностію **).

Впрочемъ, въ неимѣніи права располагать своею личностію даже и по отставкѣ, есть своего рода прелесть, именно, если коса смерти не коснется казацкаго офицера въ то время, когда онъ скитается по службамъ внѣ родины, то онъ можетъ разсчитывать навѣрное, что ляжетъ костьми тамъ же, гдѣ похоронены и предки его... Не завидная ли участь, не правда ли? Но увы! и это счастіе, какъ намъ кажется и въ чемъ, надѣемся, читатели согласятся, не искупаетъ всей тяжести гнета, лежащаго на казацкомъ офицерѣ.

Положимъ, большинство казацкихъ офицеровъ не чувствуетъ этого гнета: они сжились съ нимъ; они не понимаютъ иной жизни, иныхъ условій и отношеній. Для офицера этой категоріи—не въ укоръ ему будь сказано—угождать старшему, ползать, пресмыкаться предъ нимъ и въ то же время гнуть, теребить, терзать младшаго (понимай: простого казака и „чадъ его“)—суть явленія законныя, нормальныя... „иначе-де и порядка никакого не будетъ“.

Но что сказать о томъ казацкомъ офицерѣ, который, къ счастію или къ несчастію,—рѣшить трудно,—усвоилъ себѣ взглядъ на вещи совсѣмъ иной, взглядъ болѣе или менѣе здравый, человѣчный? (А такіе, знаемъ, есть между штабъ и оберъ-офицерами уральскаго казацкаго войска). Что сказать о такомъ офицерѣ? Что бы мы ни сказали, слова наши

*) Много бы можно привести здѣсь примѣровъ въ подтвержденіе этого явленія, но довольно одного. Войсковой старшина М. П. Н-въ принужденъ былъ однажды (кажется, въ 1840-хъ годахъ) уѣхать изъ Уральска тайно, безъ отпускного билета, съ однимъ указомъ на отставку (указъ этотъ не даетъ каз. оф. права жить во всѣхъ городахъ Рос. Имперіи), чтобы сбыть въ Москвѣ или Нижнемъ партію сала. Да что приводить примѣры: фактъ существуетъ—довольно.

**) Въ настоящее время отставнымъ казачьимъ офицерамъ предоставляется право, какъ и такимъ же офицерамъ всѣхъ родовъ оружія, жить, гдѣ имъ вздумается, не испрашивая на это никакого разрѣшенія. Прим. ред.

будутъ слабы. Надо влѣзть въ шкуру казацкаго офицера, чтобы вполнѣ понять тотъ гнетъ, который, какъ камень, давитъ казацкаго офицера. А этого удовольствія мы никому не желаемъ испытать.

Еще можетъ найтись—мы этого не отрицаемъ—такая личность изъ казацкихъ офицеровъ, которая устоитъ и не прибѣгнетъ ни къ лести, ни къ лицемѣрію, словомъ, ни къ чему, что уравниваетъ и улаживаетъ отношенія къ старшимъ (понимай: атамана и фаворитовъ его): сила воли, твердый и стойкій характеръ, независимый образъ мыслей—не дадутъ такой личности пасть слишкомъ низко въ отношеніи къ старшимъ. Но зато ничто не спасетъ ее отъ паденія въ отношеніи къ „младшимъ“ (разумѣй: „простыхъ казаковъ и чадъ ихъ“). Мы знаемъ такихъ офицеровъ, которымъ противны всякіе поборы и которые, между тѣмъ, берутъ, берутъ и берутъ,—клянутъ, а берутъ!

Быть можетъ, намъ возразятъ: „по одежкѣ-де протягивай ножки“. Знаемъ, но, Богъ мой, вѣдь никакой одежки нѣтъ у каз. офицера,—вотъ бѣда! Чтобы быть казацкимъ офицеромъ и не „побираться“—невозможно, господа честные! физически невозможно! Стало быть, невозможно казацкому офицеру и удержаться на степени человѣка, вполнѣ безукоризненнаго.

Чтобы сохранить въ себѣ добрые и благородные задатки, словомъ, чтобы быть вполнѣ человѣкомъ чистой совѣсти, каз. офицеру надо жить, какъ во время оно жилъ нли, по крайней мѣрѣ, давалъ примѣръ жить Діогенъ. Но жить по-діогеновски казацкому офицеру невозможно. Въ Аѳинахъ или около Аѳинъ можно прожить въ бочкѣ: тамъ, т. е. въ Аѳинахъ, какъ географія говоритъ, климатъ благорастворенный, тамъ растутъ и сливы, и смоковницы, тамъ и „виноградъ зрѣетъ“. Но въ Россійской имперіи, особенно на Уралѣ, какъ въ степномъ краѣ, климатъ очень-очень суровъ, изъ бочки заразъ „вытуритъ“, а о сливахъ или смоковницахъ и не думай.

Но допустимъ, какъ исключеніе однако жъ, что

выищется такой герой изъ казацкихъ офицеровъ, который переѣдетъ и вьюги, и метели, и лютые морозы, и всякія непогоды,—и залѣзетъ хотя не въ бочку,—бочки на Уралѣ дороги,—а, примѣрно, въ волчью или барсучью нору. Но долго ли онъ тамъ просидитъ? вотъ вопросъ. Діогену хорошо было „дурачиться“: онъ не былъ „крѣпокъ землѣ“, онъ съ Александромъ Великимъ былъ за-панибрата. Но казацкому офицеру, „крѣпкому землѣ“, далеко до Діогена: казацкаго офицера мигомъ вытурятъ изъ норы, если онъ въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ туда залѣзть. Принесутъ клочекъ бумаги, гдѣ будетъ написано: „господину наказному атаману благоугодно назначить васъ туда-то“ и проч., или, еще проще,—подойдетъ къ норѣ казакъ-ефрейторъ и отрапортуетъ: „Ваше благородіе! завтра разводъ съ церемоніей“. Ну, и баста! Вылѣзай, новый Діогенъ, изъ норы, облачайся въ мундиръ, златомъ и серебромъ украшенный, садись на богато убраннаго коня и выѣзжай на царскую службу или на плацъ-парадъ, гдѣ разводъ съ церемоніей. А гдѣ взять новому Діогену мундиръ, златомъ и серебромъ шитый, гдѣ взять богато убраннаго коня? Гдѣ? Дери, рви, хапай съ казаковъ, но только умѣючи, не оставляй слѣдовъ и не будь глупымъ Крыловскимъ воронёнкомъ, увязившимъ когти свои въ шерсти ягненка. И какъ въ сказкахъ говорится—все будетъ Богомъ исправно.

Спасибо, старинушка Діогенъ, на добромъ примѣрѣ, но примѣръ твой къ нашей жизни, самъ видишь,—если только съ высоты небесъ можно видѣть,—примѣръ твой къ нашей жизни неподходящъ. Притомъ еще намъ неизвѣстно, были ли у тебя, у старинушки, жена и дѣти. Можетъ быть, ты былъ одинъ, „какъ перстъ“, а одна голова не бѣда: легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся. Казацкіе же офицеры, за весьма малыми исключеніями, женаты, у большинства на рукахъ жены, да малыя дѣти, а отъ жены, да отъ дѣтей никогда не скроешься: ревомъ, да плачемъ вызовутъ онѣ не точію изъ норы или изъ бочки, а изъ самой преисподней.

Не правда ли, что казацкому офицеру, „крѣпкому землѣ“, при всемъ его желаніи, невозможно жить по діогеновски? Не правда ли, что казацкій офицеръ долженъ жить по-барски, по крайней мѣрѣ, по-офицерски, что кажется одно и то же? Не правда ли, что казацкій офицеръ, чтобы украсить свою особу по утвержденнымъ образцамъ, долженъ, противу совѣсти, „рвать“ и „хапать“ съ казаковъ? Не правда ли, что казацкій офицеръ, вопреки всѣмъ человѣческимъ понятіямъ, долженъ скорѣе походить не на человѣка, а на волка, живущаго на счетъ овецъ? Не правда ли, что казацкому офицеру бываетъ тяжко, когда онъ не успѣетъ сорвать и схапать съ овечки, а овечкѣ бываетъ тяжко, когда офицеръ успѣетъ въ своемъ намѣреніи? Не правда ли, что какъ должно быть легко жить въ томъ обществѣ, гдѣ есть и волки, хапающіе овецъ, и овцы, подверженныя хапанью и неимѣющія права издать вопль? Неправда ли, что какъ должны утѣшаться души тѣхъ давно сошедшихъ въ могилу праведниковъ, которые ввели въ казацкую общину офицерство вообще и дворянство въ особенности? Не правда ли, что какъ должны сокрушаться души тѣхъ, давно сошедшихъ въ могилу грѣшниковъ которые—рокомъ судьбы—не попали ни въ нынѣшнее дворянство, ни въ нынѣшнее казачество?

Прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ и далѣе, когда офицеровъ въ общинѣ было мало и когда еще не была создана идея дворянства, казацкіе офицеры тоже жили поборами и приношеніями, но въ границахъ умѣренности,—по крайней мѣрѣ, добросовѣстный офицеръ могъ въ тѣ времена жить достаточно, могъ, слѣдовательно, быть не въ тягость ни себѣ, ни народу. Напримѣръ, бородатый офицеръ, дѣдъ нынѣшняго выбритаго офицерика, начальствуя въ какой-либо изъ станицъ, принималъ отъ жителей все предлагаемое, „по малому дѣлу за честь“, какъ-то: масло, и рыбу, и говядину, и деньги, но, замѣтьте, т о л ь к о п о м а л о м у д ѣ л у з а ч е с т ь *). Но блестящій внукъ не

*) Брать „по малому дѣлу за честь“ не означало взятокъ: этимъ выражался народный взглядъ на принципъ „кормленія“, замѣнявшаго въ старину

можетъ уже удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ удовлетворялся неблестящій дѣдъ. Давать и брать по малому дѣлу за честь суть слова, потерявшія нынѣ почти всякое значеніе и примѣненіе. И вотъ почему: дѣдъ не заботился объ утрѣ: утро само заботилось. Напр., нынче дѣдъ начальникомъ А—й станицы, завтра онъ можетъ быть начальникомъ Б—й станицы или передовыхъ постовъ за р. Ураломъ. И тутъ, и тамъ онъ сытъ, обутъ, одѣтъ. Такимъ образомъ для дѣда во всю его жизнь, если онъ только этого хотѣлъ, были готовы должности, дававшія ему средства жить добровольными приношеніями и другими доходными статьями, какъ-то: паями отъ рыболовства, сѣнокоса и т. п. Притомъ еще дѣду могъ служить, во всякое время его служебной дѣятельности, одинъ мундиръ, въ который онъ облачался весьма, весьма рѣдко, въ дни только извѣстныхъ торжественныхъ случаевъ. Въ другое же, обыденное время дѣдъ не щеголялъ ни нанковымъ или китайчатымъ бешметомъ, ни нагольнымъ тулупомъ. Дѣдъ незнакомъ былъ ни съ шампанскимъ виномъ, ни съ жуковскимъ табакомъ; сыновья его работали и на сѣнокосѣ, и на рыболовствѣ наравнѣ съ простыми казаками, а жена его, дочери и снохи не имѣли понятія ни о шляпахъ, ни о корсетахъ, ни о кринолинахъ и т. п. разорительныхъ статьяхъ расхода. Но не будемъ исчислять всѣхъ

въ нѣкоторой степени жалованье. Вотъ доказательство. Въ 1731 г., на войскового атамана Яицкаго войска, Григорія Меркурьева, былъ донось отъ одного изъ казаковъ (Гузикова), что атаманъ беретъ взятки и изъ-за взятокъ нарушаетъ долгъ справедливости. Атаманъ съ негодованіемъ опровергалъ донось, называя его покленомъ, бездѣльническимъ плутовствомъ и т. п., но въ то же время, въ отвѣтѣ своемъ Воен. Коллегіи чистосердечно писалъ: „и по нашему-де обыкновенію оные (казаки) на питье и денегъ по малому дѣлу за честь давали; тако жъ когда-де отправляются отъ насъ къ Москвѣ зимовыя и легкія станицы, и оныя-де ко мнѣ р ы б о ю и м я с о м ъ приносили за честь и съ Москвы присылали отъ всей станицы в е р ш к а м и ш а п о ш н ы м и и с у к н о м ъ н а к а ф т а н ы, такожъ по малому дѣлу н а п и т ь е и д е н е г ъ з а ч е с т ь давали жъ". Атаманъ былъ признанъ правымъ, а доносчикъ битъ кнутомъ и высланъ съ Яика въ Уфу. (Изъ арх. Воен., Кол. 8, казачьяго повытья стр. 431).

условій, ставившихъ казацкаго офицера стараго времени въ болѣе или менѣе независимое положеніе отъ собственнаго его офицерства и дворянства. Главное одно: казацкихъ офицеровъ было мало, слѣдовательно, для каждаго офицера всегда была готова должность, а иногда должностей было больше, чѣмъ самихъ должностныхъ лицъ, слѣдовательно, дѣду завсегда можно было жить по-христіански, на принципахъ кормленія, не обременяя ни народъ, ни самого себя. Но внуку, хотя бы онъ былъ воплощенная честность, хотя бы онъ былъ второй Кузьма Безсеребренникъ, нельзя жить по-дѣдовски на принципахъ кормленія. И тому есть причина. Вотъ она.

Прежде, во времена дѣдовъ, на одно мѣсто, какъ мы сказали, былъ и кандидатъ одинъ, а еще лучше одинъ кандидатъ на два мѣста. Но нынче, во время внуковъ, на одно мѣсто приходится десять-двадцать-тридцать-одинъ кандидатъ! Разница слишкомъ огромная. Понятно, съ какимъ чувствомъ внучекъ, современный блестящій офицерикъ, долженъ смотрѣть на доходное мѣстечко. Такъ воронъ крови не жаждетъ, какъ современный казацкій офицерикъ должности жаждетъ. А попавши на должность, онъ не удовлетворяется, какъ нѣкогда удовлетворялся дѣдъ его, однимъ настоящимъ: онъ, во что бы ни стало, всѣми правдами-неправдами, старается обезпечить и будущее; потому что на мѣстѣ „злачномъ и пріятномъ“ ему доведется пробыть годъ-два, не больше; а чтобы, по смѣнѣ, снова попасть на него или на другое, подобное ему, надо ждать десять, пятнадцать лѣтъ и болѣе, словомъ, надо переждать, покуда обойдется, „очередуется“ вся стоящая за нимъ фаланга ихъ благородій, чающихъ отъ сего жъ злачнаго и пріятнаго мѣстечка манны небесной.

Настоящее свое казацкій офицеръ могъ бы обезпечить и тѣмъ, что даютъ „по малому дѣлу за честь“, объ этомъ ни слова; но будущее, это безотрадное будущее, вынуждаетъ его прибѣгать къ такимъ поборамъ, о которыхъ уже никакъ нельзя сказать: малымъ дѣломъ за честь.

Для образца позвольте привести одну картинку.

По издавна заведенному порядку, въ предупрежденіе пожаровъ, не дозволяется лѣтней порой обывателямъ топить каждодневно печки въ домахъ, баняхъ, кухняхъ, словомъ—не дозволяется разводить огонь въ жилыхъ мѣстахъ *). Но такъ какъ нельзя же обойтись совсѣмъ безъ топки печей: вѣдь, надо же хлѣба испечь,—то предусмотрительное начальство даетъ обывателямъ два дня въ недѣлю, напр. воскресенье и четвергъ. Въ эти дни топить печки можно; эти дни такъ и называются д а н н ы м и, а прочіе н е д а н н ы м и. Въ воскресенье и четвергъ, какая бы погода ни стояла, тихая или бурная—все равно—каждая казачка можетъ топить печку и заниматься стряпней безбоязненно; но въ другіе дни она не смѣетъ лучины зажечь въ домѣ, хотя бы погода въ тѣ дни стояла совершенно тихая или бы проливной дождь шелъ—это все равно—главное, помни день данный и день неданный.

Но, вотъ, въ одинъ изъ неданныхъ дней,

На зорѣ-то, зорѣ утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Встаетъ отъ сна добрый молодецъ,

т. е. начальникъ, напр., К—й станицы, его благородіе—Василій Ивановичъ Чистоблинниковъ. Вставши съ постели, его благородіе,

Въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ,
Въ азямчикѣ на распашку,
Выходитъ на красенъ-крылецъ,—

и, словно гончая, „потянетъ“. Ба! дымомъ пахнетъ!

Эй, вѣстовой,—кричитъ азямчикъ.

---

*) Подобнаго запрещенія давно уже не существуетъ. Прим. ред.

Является шишель, т. е. вѣстовой. Азямчикъ приказываетъ:

— Ступай-бѣги, узнай: кто затопилъ?

Шишель исчезаетъ, но черезъ двѣ-три минуты снова является и рапортуетъ:

— Лепешиха, ваше благородіе.

— Залить,—кричитъ азямчикъ.—А Лепешиху сію минуту ко мнѣ!

Черезъ двѣ-три минуты, (порадуйтесь, читатель, какая быстрота!) трепещущій сарафанчикъ, т. е. Лепешиха, стоитъ, склонивъ голову, передъ азямчикомъ.

— Какъ ты... смѣла въ неданный день затопить?—говоритъ азямчикъ, проникнутый высокимъ долгомъ оберегателя народныхъ интересовъ.

— Батюшка! ваше благородіе... виновата! — говоритъ жалобно сарафанчикъ.—Нужда заставила, родимый.. Ночесь чтой-то съ рабенкомъ попритчилось... горлышко завалило... хотѣла молочка согрѣть... рабеночка попоить...

— Знать не хочу ш рабепочка, ш горлышка!—говоритъ съ презрѣніемъ азямчикъ.—На то данные дни есть. Эй, вѣстовой!—говоритъ азямчикъ, указывая на сарафанчикъ:—отведи въ будку, а ужо къ обѣду, слышь, чтобъ розги были готовы...

— Батюшка!—вопитъ сарафанчикъ, чебурахаясь въ ноги азямчику.—Рабеночекъ...

Но азямчикъ отворотился отъ сарафанчика и ушелъ въ казарму. Занавѣсъ опускается.

Не возмущайтесь, однако, читатель. Богъ милостивъ, до розогъ не дойдетъ. Азямчикъ и на охоту-то выходитъ не затѣмъ. Когда засадятъ въ будку, за желѣзную рѣшетку дерзновенный сарафанчикъ, осмѣлившійся въ неданный день затопить печку и согрѣть молоко, чтобъ напоить имъ больного ребенка, тогда явится къ начальнику, во внутреніе его аппартаменты шишель или халатъ, близкій сарафанчику, и—къ общему удовольствію—дѣло улаживается. Зеленькая или синенькая бумажка или баранья овчина, смотря по состоянію арестованнаго сарафанчика, замѣняетъ розги.

Какова картинка? Не правда ли, вѣдь хороша. Но эта картинка еще не изъ самыхъ вопіющихъ: къ сожалѣнію, бываютъ и почище.

А всего удивительнѣе, по нашему мнѣнію, то, что за подобныя продѣлки, какъ бы онѣ ни казались возмутительными, нельзя бросить камня въ казацкаго офицера. Жалѣть его слѣдуетъ!... Рветъ и хапаетъ онъ по самой сущей необходимости, чтобы не уморить голодомъ собственнаго своего ребеночка, а можетъ и нѣсколькихъ. Своя рубаха къ тѣлу ближе. Ѣдятъ же другъ друга погибающіе отъ голода... Ужасно!..

Мы уже сказали, и здѣсь повторимъ, что иной казацкій офицеръ радъ бы сложить съ себя офицерство и дать своимъ способностямъ какое-нибудь честное занятіе, а занятіе можно найти всякому по своимъ склонностямъ и способностямъ,—слава Богу, Русь не клиномъ сошлась,—но не можетъ казацкій офицеръ располагать своею личностію, слѣдовательно и трудомъ—вотъ бѣда! Родился казакомъ и умирай казакомъ. Законъ, его же никто не прейде! *) И вотъ, въ силу такой-то неотразимой силы, казацкіе офицеры и рвутъ и хапаютъ, рвутъ и хапаютъ не потихоньку, не полегоньку, а въ перебой одинъ передъ другимъ, въ запуски, чтобы не прозѣвать и не остаться въ накладѣ, т. е., чтобы подъ старость не запѣть вмѣстѣ съ Макаромъ Ефимовичемъ:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію
Моему...

Про офицера стараго времени, по крайней мѣрѣ, про большинство офицеровъ стараго времени можно услышать отъ стариковъ-казаковъ слѣдующую оцѣнку: Душа человѣкъ N. N.; не обидчикъ былъ N. N.: что изъ

*) Теперь не только возможна служба не въ войскѣ, но и выходъ изъ войскового сословія совершается очень легко и просто. Прим. ред.

чести, бывало, дашь, тѣмъ и былъ доволенъ". Но про офицера нашего времени, по крайней мѣрѣ, про большинство офицеровъ нашего времени услышимъ не то, совсѣмъ противное. Счастливъ современный офицеръ, если скажутъ про него казаки: „Ничего, такъ себѣ: терпѣть можно". Большею же частію вотъ какъ расцѣнпваютъ казаки современныхъ офицеровъ: „У!! не приведи Богъ, такая тяпка!" или: „У!! такой живодеръ, что мочи нѣтъ!".. и проч., и проч.—все въ томъ же родѣ.

А каково положеніе тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ овечекъ, которымъ иногда истопка, напр., печи можетъ въѣхать въ зелененькую иль-бо въ синенькую бумажку, а иногда и въ цѣлую коровушку или лошадушку? „Не рыдай мати!.."

Изъ всего сказаннаго ясно, что казацкій офицеръ, хотя и благородный, но вполнѣ и безправный (за исключеніемъ одного: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго"), и что безправность казацкаго офицера одинаково тяжка и горька какъ для него самого, такъ и для народа, среди котораго и на счетъ котораго онъ живетъ.

Этимъ можно бы закончить нашу статью, но, кстати, скажемъ еще слова два.

IV.

Слово первое.

Живя на счетъ труда народнаго, казацкое офицерство, въ воздаяніе за то не даетъ ли отъ себя что-нибудь народу? Пока ничего. Но въ будущемъ нѣтъ ли надежды? Посмотримъ.

Говорятъ, что казацкое офицерство, какъ классъ болѣе или менѣе развитый (въ сравненіи съ народомъ), со временемъ еще болѣе разовьется и станетъ во главѣ народнаго

образованія и поведетъ народъ по пути прогресса. Не отрицая этого, хотя и будущаго, но все-таки утѣшительнаго явленія, мы, однако, не можемъ не высказать здѣсь слѣдующаго мнѣнія.

Казацкое офицерство и безъ того далеко увело казаковъ по пути прогресса, но—въ чемъ и грѣхъ-то—не жизненнаго, а казарменнаго. У народа нѣтъ симпатіи и довѣрія къ офицерству, а у офицерства—къ народу: связь духовная прервана или, правильнѣе, ея и не было и быть не могло. А безъ симпатіи и довѣрія никакое соединеніе и движеніе впередъ, въ смыслѣ преуспѣянія въ народной жизни, немыслимо. Говоря строго, нынче нѣтъ на Уралѣ народа, а есть солдатики да офицерики, какъ есть и тѣ и другіе въ любой казармѣ, населенной христолюбивымъ воинствомъ. А отъ казармъ, какъ бы онѣ хорошо и чисто содержимы ни были, большихъ успѣховъ въ народномъ образованіи и развитіи ожидать нельзя, особенно отъ тѣхъ казармъ, гдѣ обитатели раздѣляются на два рода или на два сорта—на волковъ и на овецъ. Собственная польза первыхъ заставитъ ихъ завсегда держать послѣднихъ на заднемъ планѣ, в ъ в ы т я ж к у, р у к и п о ш в а м ъ, а при вытяжкѣ, а при держаніи рукъ по швамъ—какое ужъ образованіе, какой ужъ прогрессъ!

С л о в о в т о р о е.

Современные изслѣдователи Русской Имперіи во взглядѣ на казачество расходятся. Одни проповѣдуютъ, что образованіе казачества въ жизни русскаго народа не было шагомъ впередъ, а, скорѣе, шагомъ назадъ; другіе, напротивъ, считаютъ казачество шагомъ не назадъ, а впередъ. По мнѣнію однихъ, казаки—это воры и хищники; по мнѣнію другихъ, казаки—это доблестные рыцари, защитники народныхъ интересовъ, словомъ, одни, вообще, противъ казачества, а другіе за казачество.

Раздѣляя мнѣніе послѣднихъ, мы съ этой точки зрѣнія коснемся родного намъ казачества—Яицкаго. Хотя оно принадлежитъ и къ великороссійскому или восточному казачеству, а не къ малороссійскому или западному, но характеръ казачества, какъ того, такъ и другого, по нашему пониманію, одинаковъ.

Въ трудахъ изслѣдователей, писавшихъ нѣкогда и нынѣ изрѣдка, мелькомъ, пишущихъ объ Яицкомъ казачествѣ (оно же и Уральское), вообще виденъ взглядъ на это казачество, не очень благосклонный, взглядъ, подобный взгляду вѣчно достойной памяти Военной Коллегіи, т. е., что яицкіе казаки (они же и уральскіе)—бунтовщики и мятежники.— „Вольному—воля, спасенному—рай".

Не намъ говорить о несостоятельности такого взгляда: въ послѣднее время г. Костомаровъ *) блестящимъ образомъ уяснилъ вопросъ, а г. Максимовичъ **) подтвердилъ— какъ должно смотрѣть вообще на казачество. Вмѣсто этого мы лучше приведемъ другой образчикъ того, какъ яицкіе казаки бунтовали. Одинъ таковой образчикъ мы уже видѣли изъ несчастной исторіи съ генераломъ фонъ-Траубенбергомъ ***).

Въ 1760 годахъ, войсковой атаманъ Андрей Бородинъ (чина подполковничьяго, замѣтимъ въ скобкахъ), соединясь съ партіей близкихъ къ нему старшинъ, вздумалъ обижать народъ разными налогами и поборами; по сторону народа принялъ старшина Иванъ Логиновъ и... „войско къ нему (Логинову) прилѣпилось, а онъ, напротивъ того, наставилъ оное, чтобъ не давали съ изловленной рыбы нисколько пошлины и потребовали бы съ атамана Бородина во всѣхъ сборахъ отчету. Войско такъ и сдѣлало, а атаманъ съ старшинами и поставили сіе происшествіе за бунтъ и представили такимъ образомъ въ Военную Коллегію, удер-

*) См. „Современникъ" № 81, 1859 г.

**) См. „Русскій Вѣстникъ" № 22, 1859 г.

***) См. во II главѣ нашей статьи.

живая, между тѣмъ, у войска, за неплатежъ помянутой пошлины, жалованье; но, напротивъ того, Логиновъ съ войскомъ били челомъ на старшинъ, что они войско разоряютъ излишними поборами и просили о томъ изслѣдовать. Вотъ самая начальная и главная причина, отъ которой напослѣдокъ проистекли великіе раздоры и неустройства! *)

Военная Коллегія, по представленію старшинъ и по жалобѣ на оныхъ войска, опредѣлила произвесть на Яикѣ слѣдствіе, въ продолженіе котораго разные были слѣдователи, потому что войсковая сторона, будучи недовольна, отводила нѣкоторыхъ разными подозрѣніями. Между сими слѣдователями были по ихъ сердцу только двое: генералъ-маіоръ Потаповъ и гвардіи капитанъ Чебышевъ: первый привелъ все слѣдствіе къ окончанію, и послѣдовала на оное конфирмація Военной Коллегіи такая: на старшинъ наложенъ денежный штрафъ, взысканіе удержаннаго ими жалованья и лишеніе ихъ старшинскаго достоинства, съ тѣмъ, чтобъ ни въ какіе выборы впредь ихъ не выбирать, чѣмъ войсковые казаки, хотя нѣкоторые и съ ихъ стороны за ложные доносы осуждены были къ наказанію,—были довольны. По сей конфирмаціи, что касается до войсковыхъ казаковъ, то исполнено было очень скоро; но что слѣдовало до старшинъ, то бывшій у нихъ тогда съ военною командою маіоръ Новокрещеновъ, не только ничего не исполнялъ, но и не объявлялъ войску, по многимъ просьбамъ, конфирмаціи, до старшинъ касающейся. Между тѣмъ, какъ казаки сказываютъ, Новокрещеновъ сдѣлалъ съ ними такую хитрость, что велѣлъ имъ приходить къ себѣ на квартиру, обѣщаясь тамо вычесть имъ конфирмацію; а какъ они въ великомъ числѣ собрались къ его квартирѣ и просили исполнить обѣщанное, то Новокрещеновъ, не вычтя конфирмаціи, понуждалъ ихъ тутъ къ выбору въ атаманы **), представляя

*) Намекъ на несчастную исторію съ генер. фонъ-Траубенбергомъ, можетъ, и на Пугачевщину.

**) Вмѣсто отрѣшеннаго Бородина, который признанъ былъ виновнымъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ противъ казаковъ.

имъ съ своей стороны дьяка Кретина *). Но какъ они на то не соглашались и укоряли его нѣкоторые, что онъ укрываетъ старшинъ, потому что они тогда въ гостяхъ у него были, то Новокрещеновъ представилъ на нихъ, въ разсужденіи многолюднаго ихъ собранія, похожее такъ какъ бы на бунтъ, почему изъ Воен. Коллегіи послана была въ войско грамота съ подтвержденіемъ, чтобъ они впредь повиновались законамъ и начальникамъ своимъ безъ всякаго прекословія, и ту грамоту велѣно было прочесть въ присутствіи генералъ-маіора Черепова, въ Оренбургѣ тогда при войскахъ находившагося. Какъ же оный Череповъ пріѣхалъ на Яикъ и, собравъ войско въ кругъ, приказывалъ прочесть ту грамоту, хотя они тому не противорѣчили, однако жъ, показывали такъ, что не хотѣли слушать, потому что обыкновеніе между ними бывало прежде такое, что подходили къ самымъ периламъ, для круга сдѣланнымъ, а тутъ стояли отъ нихъ гораздо одаль, и, по многимъ Черепова приказамъ, хотя подвигались по-немногу, однако жъ къ самымъ перилamъ не подходили, отзываясь тѣмъ, что они издали слышать могутъ. Сіе ихъ упрямство такъ разгорячило Черепова, что онъ приказалъ драгунамъ стрѣлять по нихъ изъ ружей, и выстрѣлено было три раза, да и убито нѣсколько человѣкъ. Сей показанный имъ страхъ принудилъ уже ихъ слушать грамоту, но говорятъ, будто бы ничего не слыхали, и взяты съ нихъ тогда подписки въ томъ, чтобы повиноваться впредь указамъ. Однако жъ сіе ихъ не успокоило и они жаловались въ Петербургѣ на Черепова и Новокрещенова, что они закрываютъ старшинъ“**).

Вотъ какъ бунтовали казаки! Къ перилamъ не подходили, грамоту слушать не хотѣли или хотѣли, да издали! Этакіе, подумаешь, злодѣи и изверги, эти яицкіе казаки!

---

*) Ошибка. Читай: Суетина.

**) „Выписка изъ слѣдствія о Емельянѣ Пугачевѣ“ въ „Чтеніяхъ общ. истор. и древн. Россійск.“, 1859 г., кн. 3, стр. 109—111.

Этакой, подумаешь, гуманнѣйшій человѣкъ, этотъ г. генералъ-маіоръ Череповъ! (Жаль—немного былъ горяченекъ) Это случилось въ 1766 году, а шесть лѣтъ спустя, въ 1772 г. повторилось въ Яицкомъ-городкѣ почти то-же самое при генералъ-маіорѣ фонъ-Траубенбергѣ и г. капитанѣ Дурново (см. выше во II главѣ), съ тою только разницею, что отъ Черепова казаки не хотѣли слушать грамоту, а отъ Дурново и Траубенберга хотѣли, да имъ не читали, и что Череповъ угостилъ казаковъ только пулями и казаки пули выдержали, а Дурново и Траубенбергъ огорошили казаковъ уже картечью, и казаки картечь не вынесли...

Но довольно! Мы желали только показать образчикъ, какъ бунтовали яицкіе казаки, и, кажется, въ томъ успѣли. Теперь просимъ читателей обратить вниманіе вотъ на что:

Если, по понятію Военной Коллегіи, нужно было „приравнять“ казачество, чтобы оно „не баловалось“ и не бунтовало, какъ бунтовало, напр., противу генерала Черепова, то спрашивается: хорошо ли оно „приравнено“? По нашему мнѣнію, слишкомъ уже приравнено: тѣльца прихвачено. Далѣе:

Если казачеству, т. е. народу, дурно было при Войсковыхъ Кругахъ, то спрашивается: хорошо ли ему теперь при офицерствѣ и дворянствѣ? Отвѣтъ на это ищи выше, хотя, напр., въ сценѣ между азямчикомъ и сарафанчикомъ. Наконецъ:

Если казачество въ періодъ своего самостоятельнаго существованія вредно было для государства, не укладывалось, какъ бы хотѣла Военная Коллегія, въ систему государственнаго управленія, если казачество мѣшало преуспѣянію въ смыслѣ прогресса, если оно было, что называется, заносой въ государственномъ организмѣ—допустимъ это съ точки зрѣнія поклонниковъ начала приравненія, — то спрашивается: при приравненіи казачества посредствомъ правильно организованнаго офицерства, при такомъ методѣ приравненія, не попала-ли въ свою очередь заноза и въ самое казачество? По нашему мнѣнію и по глубокому убѣ-

жденію, попала, да еще какая! Едва-ли одобрять ее и поклонники начала приравненія.

Въ медицинѣ есть нѣкое зелье, ему-же имя меркурій, а по-просту—р т у т ь,—зелье, употребляемое противъ нѣкотораго рода болѣзней. Но это зелье, уничтожая въ человѣческомъ организмѣ одну болѣзнь, порождаетъ другую, такъ называемую к о с т о ѣ д у (и имя-то какое скверное).

Отравленный и страждущій костоѣдой организмъ—это община уральскихъ казаковъ. Отрава или ртуть—это современное блестящее казацкое офицерство вообще и дворянство въ особенности.

Москва. Декабрь 1859 г.

VI.

ТУЧА КАМЕННАЯ.

„И не уйдешъ ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда".
(*Пушкинъ*).

Въ августѣ 185* года случилось мнѣ проѣзжать по Низовой Линіи уральскихъ казаковъ. Я спѣшилъ въ Гурьевъ-городокъ, чтобы застать тамъ пароходъ, отправлявшійся къ южнымъ берегамъ Каспія, и потому ѣхалъ очень быстро, не жалѣя ямщикамъ н а-в о д к у. Но справедлива, видно, пословица: тише ѣдешь, дальше будешь. По крайней мѣрѣ, въ тотъ разъ я на себѣ ее испыталъ. Не помню, передъ какой станціей, изломалась у почтовой повозки ось, и я сѣлъ, словно ракъ на мели. Ямщикъ, по-казачьему названію п о д-в о д ч и к ъ, выпрягъ лошадей и отправился впередъ, въ станицу, до которой оставалось верстъ 7—8, за новой повозкой, а я остался на мѣстѣ, среди унылой, безлѣсной и пустынной степи на тридцатиградусной жарѣ. Къ счастію моему, неподалеку отъ дороги, какихъ-нибудь въ ста саженяхъ, виднѣлись овощныя пашни, по-казачьему — „бахчи".

Я пошелъ на бахчи, и въ маленькомъ шалашѣ, по мѣстному названію „лачужкѣ", встрѣтилъ старика-казака, съ лицомъ добрымъ и симпатичнымъ, одѣтаго очень бѣдно. Послѣ обычныхъ привѣтствій, я спросилъ старика, чтобы онъ продалъ мнѣ арбузъ: хотѣлось освѣжиться. Старикъ выкатилъ изъ шалаша нѣсколько арбузовъ и радушно сказалъ:

— Извольте, сударь! Можете даромъ взять, сколько угодно.

Я выбралъ два арбуза и подалъ старику какую-то се-

ребряную монету — четвертакъ-ли, двугривенный-ли, не помню. Старикъ покачалъ головой и отказался. Это меня нисколько не удивило: я и прежде встрѣчалъ такую патріархальную черту у уральцевъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, видя бѣдность старика, я настаивалъ.

— Пожалуйста, старичекъ, не церемонься, возьми. Ты, вижу, человѣкъ не богатый,—возьми. На что-нибудь пригодится.

Старикъ не мало колебался и отнѣкивался. Наконецъ, весьма неохотно принялъ и, опустивъ глаза въ землю, нѣсколько разъ перекинулъ монету изъ руки въ руку, словно нагрѣтую.

— Не мало ли?—спросилъ я.

— Ой, нѣтъ, сударь!—сказалъ старикъ быстро, и въ голосѣ его слышалось что-то скорбное.—Не въ томъ дѣло. А мнѣ совѣстно брать деньги за арбузы.

— Почему же?

— А потому,—отвѣчалъ старикъ,—что предки мои никогда не брали съ проѣзжающихъ деньги ни за арбузы, ни за молоко и ни за другое что насчетъ пищи.—Старикъ вздохнулъ.—Я и самъ,—продолжалъ онъ,—я и самъ въ былое время не бралъ, а вотъ теперь, на старости лѣтъ, довелось брать. Тяжело, сударь: словно милостыню принимаешь,—вѣдь, я казакъ!... А все бѣдность доводитъ...—Старикъ снова вздохнулъ.

— А прежде былъ богатъ?—спросилъ я.

— Больно богатъ не былъ, а жилъ, благодаря Бога, безъ нужды,—отвѣчалъ старикъ.—По-крайности, — прибавилъ онъ,—милостыни не принималъ...

— Отчего-жъ ты обѣднѣлъ, дѣдушка?

— Было разъ такое безвременье на меня,—отвѣчалъ старикъ, качая головой.—Да не на меня одного,—прибавилъ старикъ,—а на все наше обчество, то-есь, на все войско уральское. Съ того раза я и осѣлся...

У старика навернулась слеза.

— Какое жъ безвременье?—спросилъ я съ участіемъ.

— Исторія, сударь, длинная, сказалъ старикъ. — Соскучитесь слушать, да, пожалуй, и не поймете толкомъ: вѣдь вы, вижу, иногородній, стало быть, обстоятельствъ нашихъ не знаете...

— Нужды нѣтъ, что иногородній,—возразилъ я.—Если не все, то что-нибудь и пойму. Кстати, мнѣ доведется-же сидѣть здѣсь часа два-три, покуда другая повозка явится. Слѣдовательно, буду очень радъ выслушать твою исторію о безвременьѣ. Пожалуйста, старичекъ, разскажи.

— Есть-когда ужъ очень желательно вашей милости, такъ и быть,—сказалъ старикъ,—разскажу. Только пожалуйте въ мою лачужку отъ солнышка. А за повозку не безпокойтесь,—прибавилъ старикъ:—къ ней никто не притронется; да ее и видно отсюда.

Мы усѣлись въ шалашѣ. Старикъ разостлалъ на полу красную, довольно истертую скатерть и нарѣзалъ нѣсколько ломтей арбуза. Я принялся за арбузъ, а старикъ за разсказъ. Но прежде того, онъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ:

— Да вы по какой части служите:—по таможенной, али по пограничной комиссіи?

— По пограничной комиссіи.—отвѣчалъ я наугадъ, потому что, правду сказать, я не служилъ въ ту пору ни въ какой части, а странствовалъ по своей волѣ, и былъ, что называется, вольнымъ казакомъ.

— И давно въ нашихъ мѣстахъ?—снова спросилъ меня старикъ.

— Не очень давно: всего другой годъ.

—Жаль,—сказалъ старикъ:—къ обстоятельствамъ нашимъ, значитъ, не очень еще приглядѣлись. А, впрочемъ, не бѣда,—прибавилъ старикъ:—буду, по возможности, объяснять, чего не поймете. Слушайте!

И старикъ началъ:

— Служба въ нашемъ войскѣ бываетъ не по очереди, какъ въ иныхъ казачьихъ войскахъ, а по найму:—такъ праотцами нашими, царство имъ небесное! — заведено и узаконено ко благу всего нашего народа.

— Къ примѣру: кто хочетъ идти на царскую службу, тотъ нанимается съ тѣхъ, кто хочетъ дома оставаться и хозяйствомъ заниматься; выходитъ: всѣмъ хорошо, всѣмъ выгодно. Наемщику тѣмъ хорошо, что возьметъ деньги и на нихъ самъ соберется и семью свою приспокоитъ; а нанимателямъ тѣмъ хорошо, что останутся дома и отданныя наемнику деньги воротятъ изъ промысловъ.

— Отъ такихъ порядковъ и царской службѣ нѣтъ ни малѣйшаго ущерба. Къ примѣру, для Батюшки-Царя развѣ не все равно, кто выйдетъ на службу: Карпъ ли, Иванъ ли? Лишь-бы вышелъ, да былъ-бы только казакъ исправный, то-есь, доброконный, хорошо одѣтый и хорошо вооруженный. А при наемкѣ казакъ всегда выходитъ на службу исправнѣе, нежели при очереди. Стало быть, отъ наемочной службы не только нѣтъ ущерба, а, напротивъ, есть выгода большая. Вѣдь такъ?

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія. Старикъ продолжалъ:

— Въ казаки постановили меня, помню, по двадцать первому году отъ рожденія, поставили, помню, во французскій годъ, то-есь, когда французъ Москву бралъ. Отставка должна была выйти мнѣ въ тридцать седьмомъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, то-есь черезъ двадцать пять лѣтъ отъ дня поступленія въ казаки. Послѣ этого я ужъ избавлялся обязанности нанимать на службу за себя другихъ, иль-бо самому наниматься. Но въ то время, словно на грѣхъ, я не удосужился съѣздить въ Уральскъ, а заочно не выставили; да я и не хлопоталъ, никого не просилъ. Надо-бы, на всякъ случай, послать, кому надо было, письмо „суложепіемъ“,—можо и выставили-бы заочно, а я и этого не сдѣлалъ,—признаться, пожалѣлъ денегъ. Значитъ, самъ виноватъ. А, впрочемъ, думалъ я въ ту пору, не велика важ-

ность пробыть въ служащихъ казакахъ лишнихъ три-четыре мѣсяца, то-ись до Петрова дня, до лѣтней, значитъ, ярмарки. Тогда, думаю, безпремѣнно съѣзжу въ Уральскъ и выпишусь въ отставные. Командировокъ же никакихъ не предвидѣлось. Одна оставалась низовая, но она не безпокоила: дешева была, не какъ въ нынѣшнее время... Хорошо. Лѣтомъ ѣду въ Уральскъ, и нахожу его въ пребольшомъ горѣ, въ унынiи, можно сказать, печальномъ,—ужасть! На всѣхъ обывателяхъ лица не знать, всѣ будто къ казни приговорены, всѣ ждутъ какой-то бѣды. Даже чиновники наши, на что ужъ благородные, эполеты носятъ, тѣлеснаго наказанiя избавлены, а и тѣ, сударь мой, ходятъ, повѣся носъ, и тѣ ждутъ какой-то перетурки.—Въ городѣ мнѣ говорятъ: „Объ отставкѣ не думай: времена не тѣ. Не точiю-де въ отставку не выпустятъ, а и отставныхъ-то, кои годны, и тѣхъ, того гляди, запишутъ въ служенiе и погонятъ на службу“.—Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!, сказалъ я самъ про себя и призадумался.

— Какъ же такъ? спрашиваю.

— Сами не знаемъ, какъ,—говорятъ мнѣ,—да ужъ такъ! За грѣхи, видно, наши, Господь наказанье намъ посылаетъ: идетъ туча на насъ каменная! Что-то будетъ?!...

Говорятъ это, и всѣ крестятся, всѣ вздыхаютъ.

— Ты знакомъ, что ли, съ Филичевымъ?—спрашиваютъ меня.

— Это казакъ Филичевъ,—пояснилъ разсказчикъ:—объ немъ рѣчь впереди.

— Знакомъ, говорю. Сколько разъ вмѣстѣ багрили. А что?—спрашиваю.

— Есть-когда знакомъ, говорятъ, то скорѣй оборачивай оглобли, да убирайся во-свояси, покуда цѣлъ.

— Да мнѣ-то что?—говорю.—Хоша я съ Филичевымъ и знакомъ, однако, дѣлу его непричастенъ.

— Нужды нѣтъ,—говорятъ,—что непричастенъ, все-таки будутъ допытываться, привязку дѣлать.

— Услыхалъ я это и призадумался. Думалъ-думалъ, да и

удралъ домой, и на отставку махнулъ рукой. Богъ съ ней, думаю, и съ отставкой. Не велика важность еще лишнихъ полгода пробыть въ служащихъ казакахъ. Въ будущемъ году, въ мартѣ, думаю, выпишусь. Анъ, не такъ вышло. Въ будущемъ году... не въ будущемъ, сударь, а въ томъ-же году, къ осени, въ шишель со свѣтлыми пуговицами обрядился, а допрежь того я и не нашивалъ его,—вотъ тебѣ и отставка!"... Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Тотъ годъ,—продолжалъ старикъ,—былъ годъ непзрѣченной радости и большой печали. Радостенъ годъ былъ тѣмъ, что войско наше сподобилось встрѣчать и принимать гостя дорогого, Царь-Наслѣдничка. Объѣзжая свою Расею, Царь-Наслѣдничекъ посѣтилъ и нашъ городокъ,—хотѣлъ, значитъ, взглянуть своимъ державнымъ окомъ, какъ живутъ-поживаютъ дѣтки его любезные, казаки уральскіе. Рази это для насъ не радость? Гм... Какой еще надо радости. Хорошо. Наше начальство, заслышамши, что ѣдетъ такой великій и безцѣнный Гость, встрепенулось, словно отъ сна, и подняло дымъ коромысломъ: пошла, значитъ, чистка, уборка, стройка, перестройка. Къ примѣру: улицы всѣ расчистили, песочкомъ усыпали, гдѣ нужно, канавки провели, мостики черезъ нихъ подѣлали съ перилами и выкрасили. Всю Большую улицу пиками, ружьями, саблями, харунками въ узоры убрали и изукрасили; изъ плошекъ вензеля разные вывели, чтобы люминацію сочинить. За башней, по обѣ стороны дороги, смоляныя бочки разставили, чтобы зажечь ихъ, то-исть сдѣлать честь Царь-Наслѣдничку, есть-когда онъ будетъ въѣзжать ночью. Однако, прибавилъ старикъ, труды сіи остались всуе: Царь-Наслѣдничекъ въѣзжалъ на разсвѣтѣ, когда, значитъ, и бочки за башней и плошки на улицѣ, почитай, всѣ догорѣли. Объ этомъ не мало тужило наше начальство.

— Обывателямъ всѣмъ,—продолжалъ старикъ,—не обходя никого, ни богатаго, ни бѣднаго, приказано было крыши домовъ выкрасить подъ одинъ цвѣтъ—подъ красный, а ворота—подъ голубой или-бо сѣрый, а есть-когда кто этого

не сможетъ, по бѣдности большой, то хоша подъ черный, изъ сажи, значитъ,—пояснилъ старикъ. На притчинныхъ и видныхъ мѣстахъ, у кого заборы были изъ плетней, тѣмъ велѣли сдѣлать изъ досокъ. И всѣ обыватели съ покорностію и великою радостію это исполнили. Знамо дѣло, не исполнили только тѣ, кто въ кускѣ хлѣба нуждался, къ примѣру, какія-нибудь сироты, именемъ Христовымъ питавшіяся. Ну, этихъ помиловали, много не нудили, оставили въ покоѣ. Такимъ манеромъ, славный городъ нашъ Уральскъ уподобился настоящему цвѣточку, любо-дорого было смотрѣть. Помню, тогда-же старики говорили, что отъ самаго зачатка нашего города не былъ онъ никогда въ такой красѣ, какъ въ то радостное для насъ время. Правда, къ концу лѣта, онъ уже послинялъ,—прибавилъ старикъ,—да не къ тому рѣчь.

— Съ линіи и со всѣхъ мѣстъ сзывали линейныхъ казаковъ, выбирали самыхъ бравыхъ, красивыхъ, одѣвали ихъ въ однообразную одежду—въ черныя нанковыя стеганки, съ голубой подпоясовкой, и въ бѣлые холстинные шаровары,—это, чтобы не солгать, на войсковой счетъ, то-ись на наши обчественныя деньги,—пояснилъ разсказчикъ.—Кромѣ казаковъ, сколько-то набрали малолѣтковъ,—этихъ одѣвали въ черныя-же нанковыя куртки и шаровары съ голубыми яхонтовыми лампасами, тоже на войсковой счетъ. Казаковъ этихъ и малолѣтковъ распредѣлили по тѣмъ станціямъ, черезъ которыя долженъ былъ проѣзжать Царь-Наслѣдничекъ—казаковъ замѣстъ кучеровъ, а малолѣтковъ замѣстъ фалеторовъ.

— Въ городѣ набрали цѣлую ораву мальчишекъ, казачатъ, лѣтъ 10—15, которые съ Краснаго яра въ воду умѣютъ прыгать. Каждому мальчишкѣ дали по два бумажныхъ платка, на тотъ случай, чтобы обвязать причинныя мѣста, когда нагишкой будутъ прыгать въ воду при Царь-Наслѣдничкѣ. Кромѣ мальчишекъ, выписали изъ разныхъ мѣстъ казаковъ, которые верхомъ на лошадяхъ умѣютъ прыгать съ

Краснаго-же яра въ воду,—все это для того, чтобы повеселить и позабавить дорогого Гостя.

— На Яикѣ, пониже Краснаго яра, сдѣлали плотъ, а подъ плотомъ чаны, а въ чаны напускали живыхъ осетровъ; это для того, чтобы показать Царь-Наслѣдничку живой примѣръ въ лицахъ,—какъ нашъ братъ зимой рыбу багритъ. Вамъ не трафилось видѣть наше багренье?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ разсказчикъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ я.

— Жаль,—сказалъ старикъ:—любопытное рыболовство. А впрочемъ, все равно,—прибавилъ онъ:—не къ тому рѣчь.

— Одно слово, немного погодя, начальство наше все устроило самымъ отличнымъ манеромъ, и все сошло съ рукъ самымъ отличнымъ-же манеромъ. Такой радости, такого, можно сказать, торжества нашъ народъ отродясь не видывалъ. Къ примѣру: Царь-Наслѣдничекъ разъѣзжалъ въ росписномъ катерѣ по Яику и любовался, какъ наши казачата ильбо одинъ за однимъ гуськомъ, иль-бо рядами, словно фрунтомъ, иль-бо кучкой, одинъ надъ другимъ, прыгали съ Краснаго яра въ Яикъ: кто прямо, то-ись стоймя, а кто и внизъ головой. Царь-Наслѣдничекъ и бывшіе при немъ питерскіе господа дивились этой забавѣ. Нигдѣ, говорили они, ни въ Расеѣ, ни въ иныхъ земляхъ, нельзя этого увидѣть. Только казаки на лошадяхъ не прыгали,—присовокупилъ старикъ: Царь-Наслѣдничекъ отказалъ: берегъ, значитъ, людей, какъ бы несчастія съ кѣмъ не случилось. А начальство наше и тутъ не мало тужило: не удостоплось, значитъ, выказать казачье молодечество. Да не въ томъ рѣчь. Слушайте, что дальше было.

— На плоту, о коемъ я давеча сказалъ, и багренье примѣрное производили. Царь-Наслѣдничекъ первый запустилъ багоръ въ дыру, якобы въ пролубь, и первому ему водолазъ—это такіе казаки, кои подъ водой умѣютъ ходить—пояснилъ разсказчикъ, и первому ему водолазъ ввалилъ на багоръ жирнаго осетра. И какъ только Царь-Наслѣдничекъ забагрилъ осетра, такъ тое-жъ минуту подбѣжали къ нему

наши чиновники, подбагривать, и вытащили осетра на плотъ, якобы на ледъ. И тутъ же, не сходя съ мѣста, распластали осетра, вынули изъ него икру, пробили и сдѣлали, и тутъ-же Царь-Наслѣдничекъ и бывшіе при немъ штерскіе господа, равно и наши чиновники, закусили икры, якобы отъ своихъ трудовъ праведныхъ. А народу въ то время на берегу было видимо-невидимо: и мужчинъ, и женщинъ, и ребятишекъ, почитай, весь городъ; фарталыные нарочно оповѣщали. И весь народъ былъ въ праздничномъ одѣяніи—такъ отъ начальства нашего было приказано. Багоръ, коимъ Царь-Наслѣдничекъ багрилъ, и теперь цѣлъ,—прибавилъ разсказчикъ: аки драгоцѣпность какая, хранится въ войсковой канцеляріи, гдѣ знамена стоятъ. На немъ, на мѣдной трубочкѣ, и подписочка есть: симъ-де багромъ, въ такомъ-де году, Царь-Наслѣдничекъ изволилъ багрить и осетра поймать *). Хорошо.

— Въ домѣ одного нашего чиновника, Сергѣя Ивановича Донскова,—продолжалъ старикъ,—нарочно собирали и Царь-Наслѣдничку показывали женщинъ и дѣвицъ, благородныхъ и неблагородныхъ, только выбирали, что ни самыхъ богатыхъ, что ни въ самыхъ дорогихъ парядахъ. Къ примѣру: всѣ были въ штофныхъ, да въ левантиновыхъ, да въ азарбатныхъ сарафанахъ, женщины въ жемчужныхъ сорокахъ, а дѣвицы въ жемчужныхъ-же подпизяхъ, съ драгоцѣпными камешьями—тогда не совсѣмъ еще упала мода на сороки и подпизи. Вотъ эту штуку,—замѣтилъ разсказчикъ,—можно бы и оставить: больно не хороша.

— Почему же?—спросилъ я.

— А потому,—сказалъ старикъ, что тутъ несуразность большая.

— Въ чемъ же?

— А вотъ въ чемъ: къ примѣру, на шной простой казачкѣ сарафанъ ста въ два-въ-три, прозумепты на сара-

*) Въ настоящее время багоръ этотъ хранится въ войсковомъ музеѣ. Прим. ред.

фанѣ въ ладонь шириной, а сорока съ каменьями тысячная а сама казачка кто?—позвольте спросить. Жена казака, нижняго чина!Вѣдь мы,—прибавилъ старикъ,—хотя и слывемъ казаками, якобы людьми вольными, а на самомъ-то дѣлѣ стоимъ на линіи нижнихъ чиновъ, то-исть солдатъ. Вотъ и выходитъ несуразность.

— Воля твоя,—замѣтилъ я,—несуразности въ этомъ я никакой не вижу.

— И начальство наше не видѣло въ этомъ никакой несуразности—вотъ въ чемъ и штука-то!—сказалъ старикъ, покачавъ головой.—А нашъ братъ видѣлъ, да молчалъ: съ совѣтомъ къ начальству не суешься—носъ утрутъ. Даже и тѣ господа,—продолжалъ старикъ, кои съ Царь-Наслѣдничкомъ были, и тѣ улыбались да переминивались, значитъ, и тѣ видѣли несуразность. Къ примѣру: Царь-Наслѣдничекъ человѣкъ необыкновенный, ему нельзя знать всю подноготную, онъ до тонкости нашихъ обстоятельствъ не знаетъ; онъ что видитъ, то и судитъ. Къ примѣру: посмотритъ онъ на разряженную казачку, посмотритъ и на себя. На себѣ видитъ мундиръ ста въ полтора, иль-бо ужъ много-много въ два, а на казачкѣ видитъ одежды больше тысячи. Кто О н ъ? Обладатель всей Расеи. Кто о н а? Опять-таки жена казака, нижняго чина. Ну, и выходитъ несуразность, просто, съ позволенія сказать, глупость. Наше начальство хотѣло выхвалиться, казовый конецъ показать, и—показало. Вотъ-де мы какіе богачи. Въ цѣлой-де аншеріи съ огнемъ поискать такихъ богачей, каковы мы, да и то врядъ-ли найдешь. А въ самомъ-то дѣлѣ,—заговорилъ старикъ,—что мы за богачи! Спросить бы гуся: не зябнутъ ли ноги? Правда, есть и теперь изъ нашего брата люди богатые, тысячами ворочаютъ, примѣрно: Ржановы, Щелоковы, Курлины, да, вѣдь, ихъ въ разсчетъ нельзя брать. Они—казаки торговые, ихъ немного. А Царь-Наслѣдничекъ рази это знаетъ? Онъ подумаетъ, что каковъ-де казовый конецъ, такова-де должна быть и вся штука, то-исть подумаетъ—чай и подумалъ,—что мы всѣ тысячники. Вотъ въ чемъ и несуразность-то. Зачѣмъ хва-

статься? Зачѣмъ въ обманъ вводить Царь-Наслѣдничка? Нехорошо! Ну, да ужъ была-не-была!—сказалъ старикъ и махнулъ рукой.—Не наше дѣло; про то начальство знаетъ. Есть пословица: начальство стоитъ выше, видитъ дальше. Може, и правда; спорить не стану.

Сказавъ это, старикъ остановился. Потомъ, немного спустя, заговорилъ:

— Не могу пересказать вамъ всего, что происходило въ то время. Скажу коротко: народъ нашъ сердцемъ радовался, что сподобился узрѣть Царь-Наслѣдничка, а начальство наше отъ радости и ногъ подъ собой не чуяло, что успѣло представить все въ отличномъ порядкѣ. Особенно радовался атаманъ нашъ, Василій Осипычъ Поткатиловъ; уши у себя видѣлъ; надѣялся ленту черезъ плечо получить... да не получилъ: вышла такая препепріятнѣйшая исторія!...

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Въ то самое время,—продолжалъ старикъ,—какъ Царь-Наслѣдничекъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ отъ насъ въ Питеръ, въ то самое время, откуда ни возьмись, Филичевъ, Павловъ, Юлаевъ, Буяновъ и другіе сумасбродные казаки, всѣхъ человѣкъ тридцать,—бацъ передъ коляской на колѣни, окружили Царь-Наслѣдничка и подали въ его свѣтлыя ручки просьбу, по-нашему—подачу, вотъ тебѣ и разъ! всю обѣдню, дураки, испортили!

Старикъ замолчалъ и печально покачалъ головой.

— О чемъ же они просили?—спросилъ я разсказчика.

— Подите, самихъ ихъ спросите: скажутъ, есть-когда помнятъ,—сказалъ старикъ съ неудовольствіемъ.—Всѣ, кто остался живъ, всѣ на этихъ годахъ изъ Сибири возвращены. Только врядъ-ли и они вамъ докажутъ, о чемъ просили,—замѣтилъ старикъ.

— Какъ же такъ?

— Да такъ!—сказалъ старикъ.—Напуганы они больно, а пуганая ворона, знаете, куста боится. Съ вашимъ братомъ, извините за слово, да и вообче съ чиновнымъ людомъ, думаю, и разговаривать не станутъ. А просили они немногаго, да

только, сударь мой, неудобысполнимаго,—вотъ въ чемъ и бѣда-то! вотъ за что мы и бранимъ Филичева и его сугласшковъ. Къ примѣру, если не ошибаюсь, хотѣли, чтобы атаманъ былъ свой, то-ись, изъ природныхъ казаковъ, а не шюгородній, чтобы чиновшики въ присутствіи засѣдали такіе, на кого они сами укажутъ, — одно слово, хотѣли старину вернуть; а того и въ башку, дуракамъ, не приходило, что „пролито полно не бываетъ". Ну, кое-какія и домашнія дрязги, дураки, выводили наружу. Къ примѣру: каждый-де годъ отъ всего нашего усердія и расположенія, отъ всего-де нашего сердца, мы представляемъ къ Батюшкѣ-Царю въ презентъ шкру и рыбу. Только-де при этой оказіи много добра идетъ, куда совсѣмъ не слѣдуетъ: Батюшкѣ-де Царю, примѣрно, боченокъ и осетръ, а въ другія, не указанныя мѣста, сотни бочатъ и сотни осетровъ. Да ужъ, право, не знаю,—оговорился старикъ,—о чемъ они еще тамъ просили, да и вамъ, думаю, не очень любопытно это знать, а только то знаю, что просили и что въ п о д а ч ѣ своей, то-ись въ просьбѣ, обнесли атамана Поткатилова, а онъ, прислушайте, изъ шюгородшихъ былъ— обнесли, говорю, атамана Поткатилова и чуть-ли сторонкой не задѣли и самого Василія Алексѣевича П е р о в с к а г о,— вотъ въ чемъ и суть-то вся! вотъ отчего и сыръ-боръ загорѣлся: Перовскаго задѣли!...

Старикъ остановился, покачалъ головой и черезъ минуту снова заговорилъ:

— Перовскій обидѣлся, да и какъ ему не обидѣться? Кто онъ? Это надо вздумать. Вѣдь онъ самый первый у анператора енералъ былъ,—чай и вамъ объ этомъ извѣстно,—вѣдь Перовскій на всю Расею гремѣлъ, даромъ что заправлялъ одной только Оренбургской губерніей. По лѣтамъ онъ былъ молодъ, а по службѣ, да по чину—онъ разсыпчаты эполеты носилъ—былъ старше всѣхъ енераловъ въ Россѣ. Въ Питерѣ, говорятъ, ни одинъ енералъ, кто-бы онъ ни былъ— графъ-ли, князь-ли, все единственно не смѣлъ на стулъ сѣсть при Перовскомъ, есть-когда тотъ не прикажетъ. И

вдругъ какой-нибудь болванъ, хуторской казакъ Филичевъ, смѣлъ обойти такую персону и помимо ея подать подачу! Какъ можно! Военный артикулъ не позволитъ: вѣдь я докладывалъ вамъ, что мы стоимъ на линіи солдатъ. Только въ старое время казакамъ нашимъ спускали, когда тѣ, обойдя начальство, подавали подачи матушкѣ-царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, да, вѣдь, то время-то давно прошло. И кого же, дураки, обошли? Перовскаго! Хоть-бы другого кого обошли: може-бы и прошло. А то вѣдь Перовскаго обошли! Шутка сказать. Правда, въ старое время, при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, обходили наши казаки графа Захаръ Григорича Чернышева. Да, вѣдь, то былъ Захаръ Григоричъ Чернышевъ, а это—Василій Алексѣичъ Перовскій! Чернышевыхъ-то, може, было много, а Перовскій-то былъ одинъ. А знаете ли вы, отчего Василій Алексѣичъ прозывался Перовскимъ?—вдругъ спросилъ меня старикъ.

— Такая ужъ фамилія,—сказалъ я;—а отъ чего—не знаю.

— Вы не знаете, а мы знаемъ!—сказалъ старикъ съ таинственностію.—Перовскимъ онъ, сударь, прозывался отъ п е р а.

— Отъ какого?—спросилъ я.

— А вотъ отъ какого,—отвѣчалъ старикъ.—Къ примѣру: орелъ—птица надъ всѣми птицами старшій, такъ и Царь нашъ надъ всѣми земными царями старшій. У орла-птицы есть крылья—безъ нихъ онъ и парить не можетъ: такъ и у Царя нашего есть енералы—сенаторы, безъ нихъ онъ управлять державой не можетъ. У орла-птицы въ крыльяхъ есть по два главныхъ, по-нашему правильныхъ, пера, безъ нихъ и крылья, какъ слѣдуетъ дѣйствовать не могутъ: такъ и у Царя нашего межъ енеральствомъ-сенаторствомъ есть два-три енерала главныхъ, что называется, два-три правильныхъ п е р а, безъ нихъ и енеральство-сенаторство прямо держаться не можетъ, а пойдетъ вкось и вкривь. Да что я толкую: чай, и безъ меня вы это знаете,—оговорился старикъ.—Вотъ изъ числа этихъ-то енераловъ,—продолжалъ

онъ,—и былъ Василій Алексѣевичъ, отъ этого самого онъ и прозывался Перовскимъ. Поняли теперь, кто таковъ былъ Василій Алексѣичъ? а? И вдругъ какой-нибудь хуторской казакъ Филичевъ смѣлъ обойти такую персону. Это изъ рукъ вонъ несуразно. За это мало Сибири: за это казнить смертію надо!...

Старикъ остановился, перевелъ духъ и продолжалъ:

— Въ горячности Перовскій возьми, да и махни въ Питеръ липортъ: такъ-де и такъ: войско уральское бунтовство затѣваетъ. Важнецъ! А войско уральское и въ мысляхъ этого не держало. Большая часть изъ насъ не знала, не слыхала, что Филичевъ затѣвалъ; а кто и зналъ по наслышкѣ, тѣ отговаривали Филичева и его сугласниковъ, чтобы не шли супротивъ атамана и губернатора,—говорили, что плетью обуха не перешибешь, чай, эта пословица и вамъ извѣстна. Одно слово, народъ нашъ ни душой, ни тѣломъ не былъ сему дѣлу причастенъ. Да что объ этомъ толковать!—сказалъ старикъ, махнувъ рукой.—Скорѣй можно повѣрить, когда-бъ угодилъ кого лихой сказать про насъ, что мы въ Бога вѣрить перестали, иль-бо въ латынскую вѣру перешли, чѣмъ повѣрить такой белибердѣ. Все это, сударь, такъ, да, вѣдь, въ Питерѣ нашихъ обстоятельствъ не знаютъ. Питерское начальство видитъ только то, что на бумагѣ написано, а на ней, голубушкѣ, написано: б у н т о в с т в о. Ну, и шабашъ! Коль скоро бунтовство, то надо усмирять. Вотъ и шлютъ изъ Питера наоборотъ Перовскому: „усмирить“. Перовскій радъ стараться, а пуще атаманъ Поткатиловъ: этотъ надѣялся получить ленту черезъ плечо, а замѣстъ ея подача явилась. Онъ, Поткатиловъ-то, и поджогъ Перовскаго, чтобы показать на насъ бунтовство. А чтобы извѣтъ походилъ сколько-нибудь на правду, Поткатиловъ нарочно бросилъ Уральскъ и уѣхалъ въ Илецкій городокъ, и оттуда доносъ за доносомъ Перовскому, липортъ за липортомъ: „такъ, де, и такъ! въ Уральскѣ, де, жить мнѣ опасно: казаки, де, подходятъ къ моему дому и камнями въ окна кидаютъ, одно слово, казаки, де, изъ повиновенія выходятъ“. А у казаковъ,

батенька, я ужъ тебѣ говорилъ, и въ мысляхъ этого не было, даже похожаго-то ничего не было; казаки, сномъ божьимъ, ничего не знали,—всякій своимъ дѣломъ занимался.

Старикъ, видимо, воодушевлялся и, что называется, распахнулся. Сначала онъ держалъ себя въ отношеніи меня на в ы, а потомъ, исподволь, незамѣтно сошелъ на т ы. Сначала онъ называлъ меня с у д а р е м ъ, а потомъ сошелъ на б а т е н ь к у, чему я несказанно былъ радъ.

— Вѣрилъ ли Перовскій, не вѣрилъ ли—Богъ его душу знаетъ—только и разразился-же онъ надъ нашимъ войскомъ гнѣвомъ-яростію великою!—продолжалъ старикъ.—Спервоначала велѣлъ городъ нашъ арестовать и—арестовали.

— Какъ арестовали?—прервалъ я рѣчь разсказчика.

— Фонари со столбовъ поснимали,—вотъ какъ!—сказалъ старикъ.—Сначала нашъ братъ не догадывался, что это значитъ, да послѣ кто-то изъ иногородныхъ чиновниковъ, кажись, прокуроръ Гаврила Яковлевичъ, растолковалъ, что это значитъ: городъ, де, подъ арестъ взяли. Хорошо. Слушай, что дальше-то будетъ,—оказія!

Заарестовавши нашъ городъ,—продолжалъ старикъ,—Перовскій сталъ собирать въ Оренбургъ войска: солдатъ, башкиръ, тептяръ, мещерякъ,—собралъ огромную рать съ артиллеріей и повелъ на нашъ городъ, словно на Хиву иль-бо на Варшаву! Важнецъ!—сказалъ старикъ и горько улыбнулся.—Вотъ въ эту-то самую пору,—замѣтилъ разсказчикъ,—я и притащился было въ Уральскъ за отставкой. Теперь понялъ,—спросилъ меня старикъ,—о какой каменной тучѣ говорили мнѣ обыватели?

Я кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Двинулся Перовскій съ ратью на нашъ городъ. На дорогѣ, въ Мухрановскомъ форпостѣ, пристадъ къ нему Поткатиловъ. Идутъ! Во всю дорогу Поткатиловъ поджигаетъ Перовскаго, стращаетъ-смущаетъ и на всю рать Перовскаго „робу“ нагоняетъ. Всякій разъ, при какомъ-нибудь бойкомъ мѣстѣ, примѣрно, переправѣ черезъ рѣки и буераки, иль-бо при переходѣ чрезъ перелѣсокъ, только и твердитъ Пе

ровскому: „Вотъ здѣсь, здѣсь, ваше высокопревосходительство, буяны-уралы засѣли. Сію минуту, того и гляди, выскочутъ и сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Приготовьтесь къ бою, ваше высокопревосходительство!“ Перовскій и повѣритъ—и прикажетъ войскамъ и ружья, и пушки зарядить, и фитили зажечь; а башкирцамъ велитъ приготовить луки и стрѣлы. Смѣшно, батенька! (Старикъ покачалъ головой и усмѣхнулся). Ждутъ, какъ уралы-буяны изъ засады выскочутъ, а они не выскакиваютъ. Пройдутъ мостъ, пройдутъ лѣсъ, а ураловъ-буяновъ все-таки нѣтъ, словно сквозь землю провалились,—и грѣхъ, и смѣхъ, батенька! Такъ до самаго Уральска дошли—нигдѣ буяновъ не встрѣчали. Въ послѣдній разъ ждали ихъ, не доходя до города версты за двѣ, при Баскашкиной ростоши, но и тутъ никого не видали, кромѣ проѣзжихъ людей. Экой грѣхъ какой. Куда-жъ дѣвались уралы-буяны? Сидѣли они, батенька, дома и занимались всякій своимъ дѣломъ: иные работали на пашнѣ и на сѣнокосѣ, иные Богу молились, „да мимо идетъ чаша сія“.— Вотъ какъ буянили уральскіе казаки въ тысяча восемьсотъ тридцать седьмомъ году! И старики-старожилые не помнили такого бунтовства! Врядъ-ли, батенька, было такое бунтовство и въ Пугачевское время!...

При этихъ словахъ старикъ горько улыбнулся. Потомъ продолжалъ:

— Хорошо. Вошли въ городъ. Въ городѣ тишина. И народа-то на улицахъ почти никого нѣтъ,—кому охота смотрѣть на эти каверзы. (Старикъ плюнулъ). Одни только ребятишки глазѣли на полки Перовскаго, ребятишкамъ, знамо дѣло, въ диковинку. Войска входили съ музыкой. Музыка играла:

„Взяли, взяли!
Взяли, взяли!...“

— Какого шута, Господи прости, взяли!—сказалъ старикъ и плюнулъ.—Слышалъ я отъ своего брата, отъ казаковъ,

кои съ французомъ воевали,—прибавилъ старикъ,—что такъ войска наши вступали въ Парижъ. Да вѣдь то, батенька, городъ Парижъ, а это—городъ Уральскъ. Есть, чай, маленькая разница!

Старикъ улыбнулся. Потомъ продолжалъ:

— Перовскій насупился, а Поткатиловъ изъ себя вышелъ: этому досадно стало, что уралы-буяны нигдѣ не показывались. Вскипулся онъ, говорятъ, на Федота Григорича и сталъ ему выговаривать...

— Кто такой Федотъ Григоричъ?—прервалъ я рѣчь разсказчика.

— Полковникъ нашъ, самый старшій въ войскѣ,—отвѣчалъ старикъ.—Въ ту пору, какъ Поткатиловъ бѣжалъ въ Илецкій-городокъ, Федотъ Григоричъ командовалъ войскомъ.

— Вскипулся,—говорю, Поткатиловъ на Федота Григорича и сталъ ему выговаривать: зачѣмъ, де, онъ не учинилъ Перовскому встрѣчу съ церемоніей, какъ воинный артикулъ повелѣваетъ, то-исть, зачѣмъ, де, Федотъ Григоричъ не вывелъ за башню городовой казачій полкъ и не вывезъ пушки для того, чтобы примѣрную пальбу учинить холостыми зарядами, въ честь Василья Алексѣича Перовскаго. Понимаешь ли эту штуку?—спросилъ меня разсказчикъ.

Я отрицательно покачалъ головой. Старикъ продолжалъ:

— Гдѣ понять! Штука замысловата. Вчередь выкинуть такую хитрымъ и злокознымъ хивинцамъ, кои князь-Бекича упекли. Слушай, я тебѣ растолкую. Когда Перовскій шелъ на нашъ городъ съ ратью, въ это время атаманъ Поткатиловъ прислалъ отъ себя въ Уральскъ къ Федоту Григоричу подсыльщиковъ, чтобы Федотъ Григоричъ встрѣтилъ Перовскаго съ колокольнымъ звономъ, да съ пушечной пальбой. Но Федотъ Григоричъ—царство ему небесное!—догадался, чѣмъ это пахнетъ, не послушался, отвѣчалъ Поткатилову черезъ его подсыльщиковъ, что съ колокольнымъ, де, звономъ встрѣчаютъ только царскихъ особъ, да архіереевъ, а изъ пушекъ, де, отдаютъ честь только на морѣ корабль кораблю, а въ казачьемъ положеніи этого нѣтъ.—Не послу-

шался, говорю, Федотъ Григоричъ и умно сдѣлалъ, а то бъ бѣда была: пострадало бъ войско наше понапрасну.

— Какая жъ бѣда?—спросилъ я разсказчика.—Экой ты какой, извини за слово, непонятный!—сказалъ старикъ съ нетерпѣніемъ.—Простыхъ вещей не понимаешь. А, впрочемъ,—замѣтилъ старикъ снисходительно,—гдѣ жъ тебѣ скоро понять: обстоятельствъ нашихъ не знаешь. Слушай, я тебѣ растолкую. Поткатиловъ показалъ на насъ бунтовство, а бунтовства нѣтъ. Поткатиловъ во всю дорогу твердилъ Перовскому: „вотъ, вотъ, де, выскочутъ изъ засады уралы-буяны", а уралы-буяны не выскакивали. Какъ тутъ быть? Лукавый горами качаетъ. Со стыда и досады Поткатиловъ радъ былъ сочинить бунтовство, хоша бы и фальшивое. Теперь и суди, что бы вышло, есть-когда за башней встрѣтилъ бы Перовскаго городовой полкъ, и есть-когда бъ, къ примѣру, Карпъ Максимычъ Чурѣевъ, нашъ антерелистъ, выпалилъ въ честь Перовскаго изъ двухъ пулкапетовъ, хоша бы и конопными пыжами? Тогда бы Перовскій показалъ нашему брату такую честь, что и своихъ бы не узнали. Вѣдь у Перовскаго цѣлый обозъ былъ пушекъ: въ горячности онъ разгромилъ бы нашъ городъ, камня на камнѣ не оставилъ бы...

— Неужто правда это?—спросилъ я разсказчика не безъ удивленія.

— Должно быть, правда, есть-когда говорю—отвѣчалъ старикъ. Съ вѣтра не возьму. А впрочемъ,—оговорился старикъ,—завѣрять особенно не хочу. Чѣмъ я тебѣ докажу? Въ бумагахъ этого, чай, нигдѣ не написано, да и не напишутъ этого никогда. А народъ говоритъ; а гласъ народа—гласъ Божій, вотъ ты и подумай. Еще и то надо взять въ резонъ: Федотъ Григоричъ жилъ послѣ того долго, больше двадцати лѣтъ, ну иногда, чай, и проговаривался... Да и другіе, кромѣ Федота Григорича, и другіе наши чиновники, къ примѣру, Петръ Петровичъ Назаровъ—царство ему небесное—тоже дѣло это знали, тоже, чай, не молчали; нѣтъ, нѣтъ, да и проговорятся. А солдатскіе-то командиры,

что съ Перовскимъ приходили, вѣдь тоже люди съ понятіемъ: видѣли всѣ эти штуки. А простые-то солдатики, тоже не скоты безсловесны: понимали и они кое-что. Послѣ, когда солдатики обжились у насъ, они въ одно слово говорили, что имъ и всѣмъ войскамъ Перовскаго было обѣщано три дня грабить насъ... Да что объ этомъ толковать.

„Безъ прилики молодецъ къ дѣвкѣ не пристанетъ“... Выговоривъ это, старикъ замолчалъ.

— Чѣмъ же вся эта исторія кончилась?—спросилъ я.

— Погоди, сейчасъ разскажу, дай съ мыслями собраться,—сказалъ старикъ.—Али соскучился? Вѣдь я тебѣ и прежде говорилъ, что исторія не короткая.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! Мнѣ скорѣй хочется знать, что Перовскій сдѣлалъ, когда въ городъ вступилъ.

— Вотъ онъ что сдѣлалъ. Слушай:

— Сперва-на-перво наводнилъ нашъ городъ словно завоеванный, и всю нашу линію, словно землю непріятельскую, войсками: солдатами, башкирами, тептярями, мещеряками и уфимскими казаками,—это полкъ такой казачій назывался; набранъ былъ изъ всякаго сброда: изъ тептярь, изъ мещеряковъ и изъ прочихъ,—состоялъ этотъ полкъ при Перовскомъ замѣсть гвардіи. Наводнилъ, говорю, Перовскій нашу мирную жилища войсками, а потомъ принялся перебирать Филичевыхъ, Бахаревыхъ, Павловыхъ и прочихъ казаковъ, кто въ подачѣ участвовалъ; а войска свои приказалъ намъ поить-кормить на нашъ счетъ. Это бы ничего, а неспосна намъ была наичесть отъ войска Перовскаго! Про солдатъ грѣхъ напрасно сказать: держали они себя смирно и честно, ни ссоръ и никакихъ непристойностей съ обывателями не заводили. А вотъ башкиры, тептяри, особенно уфимскіе казаки,—гвардія-то Перовскаго!—эти на первыхъ порахъ такъ повели было себя, что и вспомнить мерзко. Да не на таковскихъ напали. Съ перваго же дня открылось: то тамъ какой-нибудь казачекъ вступился за честь жены и разбилъ морду гвардейца Перовскаго, то здѣсь какой-нибудь панъ старичекъ погрозилъ башкирцу острой

пѣшней за непристойныя слова противъ дочери иль-бо спохи. Одно слово, уралы честь свою трогать не дозволяли,— шалишь!—Узналъ это Перовскій и отдалъ приказъ: „жить осторожно, казачьей амбиціи не задѣвать!“ Увидалъ, значитъ, что бунтовства никакого нѣтъ. Понялъ, видно, и то, что озлоблять уральцевъ опасно. Хорошо, что во-время спохватился и унялъ своихъ гвардейцевъ: а то бы, чего добраго, такая могла завариться каша, что и расхлебать бы было трудно.

— Но намъ все-таки не полегчало, продолжалъ старикъ: терпѣли мы утѣсненіе ужасное. Къ примѣру: не смѣй, бывало, два-три казака сойтись гдѣ вмѣстѣ и поговорить о хозяйствѣ: сейчасъ явится вооруженный патруль и разгонитъ, не то и на абвахту засадитъ. По вечерамъ никто не смѣй въ домѣ свѣчки засвѣтить: сиди впотьмахъ. Кому нужно свадьбу сыграть—проси дозволенія, и гостей много не созывай, и до ночи не шруй, а за-свѣтло убирайся; а около того дома, гдѣ, къ примѣру, свадьба, вооруженный патруль поставятъ, а въ избу, гдѣ пиръ идетъ, нѣсколько человѣкъ башкиръ съ саблями и пистолетами вотрутъ,— больно нужны!.. (Старикъ плюнулъ).

На главной площади, гдѣ зимній базаръ бываетъ,—продолжалъ старикъ,—стояли заряженныя картечью пушки, числомъ, если не ошибаюсь, болѣе десяти,—а у канонеровъ и днемъ и ночью, въ жестяныхъ бураках, фитили горѣли. Къ пушкамъ никого изъ нашего брата и близко не подпускали; вокругъ пушекъ цѣпью часовые стояли и всякаго, кто шелъ или ѣхалъ по близости, не выключая и ребятишекъ, всѣхъ прочь гоняли.

Безпрестанно войскамъ тревоги дѣлали. Забьютъ, бывало, невзначай въ барабаны, затрубятъ, бывало, въ трубы,—и затормошатся войска, словно сумасшедшіе, и потумапятъ за городъ: крикъ, шумъ, гамъ,— бѣготня, стукотня, ружейная и пистолетная пальба,—самъ чортъ ничего не разберетъ! Пушки подцѣпятъ къ передкамъ, передки къ лошадямъ и понесутся изъ улицы въ улицу, што земля дрожитъ; потомъ выскочатъ за городъ и давай жарить на воздухъ,

благо порохъ казенный: не жаль. Страхъ на обывателей нагоняютъ. Вотъ, де, мы какіе ловкіе и проворные. Не успѣете, де, и смигнуть, какъ мы васъ разстрѣляемъ!

Старикъ иронически улыбнулся, покачалъ головой и потомъ продолжалъ:

— Никто не смѣлъ, неточію изъ казаковъ, а изъ чиновниковъ нашихъ выйти за городъ съ ружьемъ на охоту: всѣхъ останавливали и ружья отнимали. Боялись,—пояснилъ старикъ,—какъ бы, де, за городомъ, въ степи, армія казачья не собралась. (Старикъ плюнулъ).—Заслышамши, что отбираютъ ружья, многіе казаки испугались за свои дорогія прапрадѣдовскія в и н т о в к и и т у р к и,—думали, какъ бы, де, не отобрали ружья у всѣхъ обывателей—въ старшу такія оказіи бывали у насъ—и потому казаки стали прятать хорошія ружья, къ примѣру, стали вывозить ихъ изъ города: кто на пашню, кто на бахчи, кто въ хутора, по вездѣ по заставамъ и по дорогамъ караулы стояли и вездѣ, значитъ, ружья у нашего брата отнимали. Отнимать—отнимали, а возврата не было. Такимъ образомъ, много у нашего брата дорогихъ прапрадѣдовскихъ винтовокъ и турокъ пропало. Ложь ли, правда ли, — говорили про полковника Ц-го *), что одинъ онъ увезъ въ Оренбургъ два воза старинныхъ казачьихъ винтовокъ. Вскорѣ послѣ того новая форма вышла на ружья; винтовки велѣно бросить. Ну, одно къ другому и подошло. Съ тѣхъ поръ войско наше обѣднѣло насчетъ хорошаго оружія. Такимъ родомъ, ни за что, ни про что, по милости сумасброднаго Филичева, войско наше терпѣло ужасное утѣсненіе и оскорбленіе!.. А всего несноснѣе, всего прискорбнѣе,—прибавилъ старикъ со слезами на глазахъ,—это то, батенька, что насъ, ни душой, ни тѣломъ неповинныхъ, насъ, слугъ вѣрныхъ, оклеветали передъ Батюшкой-Царемъ, якобы мы буяны! Вотъ что ужъ больно прискорбно!

Старикъ вздохнулъ, утеръ слезы и продолжалъ:

---

*) Ціолковскаго.

— А Василій Алексѣичъ, царство ему небесное!—Василій Алексѣичъ тѣмъ временемъ дѣйствуетъ, то-есь, творитъ судъ нелицепріятный надъ дуракомъ Филичевымъ и его сугласниками, и каждому воздаетъ по дѣломъ его. И воздалъ же! Впередъ не будутъ подавать подачи и класть пятно на войско. Филичева, Бахарева, Павлова, Филиппа Буянова, Юлаева и другихъ, человѣкъ съ тридцать иль-бо съ сорокъ—хорошенько не упомню—одно слово тѣхъ, кто въ согласьѣ былъ насчетъ подачи, всѣхъ, глядя по лѣтамъ, по предоставленной ему отъ аншператора власти, осудилъ и примѣрно наказалъ: однихъ, помоложе, сквозь строй прогналъ, а другихъ, постарше, плетьми отлупилъ, и потомъ всѣхъ разослалъ: иныхъ въ Сибирь на каторгу, иныхъ въ Сибирь на поселеніе, иныхъ—помоложе—отдалъ въ солдаты, иныхъ заключилъ въ арестантскія роты, а иныхъ, не очень важныхъ, въ Оренбургское войско перевелъ; одно слово—каждому дураку воздалъ по вишѣ его. Больше всѣхъ досталось Филичеву, яко главному виновнику и зачинщику. И по дѣломъ, скажу,—прибавилъ старикъ:—знай край и не падай, то-есь, не обходи свое начальство: „всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“.

— Да, къ слову пришлось о Филичевѣ,—сказалъ старикъ и слегка засмѣялся:—вѣдь любимецъ былъ атамана Поткатилова, одинъ три стула въ его покояхъ занималъ. Старикъ опять слегка засмѣялся.

— Что такое?—спросилъ я разсказчика.

— То-то, вотъ, не знаете вы всѣхъ нашихъ обстоятельствъ, - проговорилъ старикъ: — надо, значитъ, съ к о н ц а начинать.

Василій Осипычъ Поткатиловъ—покойникъ уже, царство ему небесное! Василій Осипычъ, я ужъ тебѣ докладывалъ, былъ не изъ нашихъ, не изъ природныхъ, а изъ иногородныхъ чиновниковъ. Какъ бы не солгать, служилъ онъ гдѣ-то въ антиреліи, а въ антирелію, говорятъ, выбираются люди хитрые, продувные. Хорошо. Поступилъ онъ къ намъ въ атаманы послѣ смерти Давыда Артемьяныча Бородина—

а Давыдъ Мартемьянычъ былъ нашъ природный. Послѣдній это былъ атаманушка изъ природныхъ! (Старикъ вздохнулъ). Таковая перемѣна,—продолжалъ старикъ,—нашему народу была не за обычай; народъ нашъ какъ-то чуждался, дичился неприроднаго атамана, боялся, какъ бы непрородный-то атаманъ штуку какую не ввернулъ, примѣрно: очередную службу, иль-бо поголовное брадобритіе, иль-бо другое что насчетъ солдатчины. Правда, и Давыдъ Мартемьянычъ, въ началѣ своего атаманства, когда получилъ отъ апператора Павла Петровича темлякъ и шпагу, повернулъ было насъ на солдатскій манеръ, да послѣ очувствовался; выходитъ: свой своему поневолѣ другъ. Поткатилову, толковать ли, очень было не по нутру, что народъ нашъ смотритъ на него, какъ на волка. Вотъ онъ и прикинулся такимъ добрымъ, ласковымъ, сталъ лебезить передъ казаками: хотѣлъ, значитъ, въ довѣріе у народа войти, чтобы народъ смотрѣлъ на него, какъ, примѣрно, смотрѣлъ на Давыда Мартемьяныча, а то и въ голову не вбиралъ—а еще антирелистъ,—что Давыдъ Мартемьянычъ, какой бы тамъ ни былъ, все-таки природный казакъ, а свой-своему, я ужъ тебѣ давеча сказалъ,—поневолѣ другъ.—Исхлопоталъ себѣ Поткатиловъ у апператора и мундиръ казачій, чтобы похожимъ быть на истоваго казачьяго атамана, а дотолева носилъ онъ мундиръ аптирелійскій. Но и мундиръ, бѣдному, не помогъ: народъ все-таки смотрѣлъ на Поткатилова, какъ на чужого.

Чтобы знать мысли и расположеніе народа,—продолжалъ старикъ,—Покатиловъ велѣлъ Филичеву и другимъ старикамъ, кто потолковѣе, пополитичнѣе, кто, значитъ, слово умѣетъ хорошо сказать,—велѣлъ имъ ходить къ себѣ запросто во всякое время, говорить о нуждахъ своихъ и обо всѣхъ войсковыхъ обстоятельствахъ. Филичевъ, правда, часто хаживалъ къ Поткатилову, толковалъ ему т о и т о, просилъ т о г о и т о г о. Поткатиловъ, бывало, слушаетъ Филичева обѣщаетъ ему т о и т о, а на дѣлѣ выходитъ: ш и ш ъ г о л ы ш ъ! Вотъ и причина, съ чего взялась подача.—Хоро-

шо.—Поткатиловъ принималъ Филичева запросто, не какъ атаманъ, а какъ хозяинъ гостя, всегда на стулъ сажалъ. Филичевъ попривыкъ къ этому; бывало, какъ придетъ къ Поткатилову, такъ, первымъ долгомъ, помолится Богу, а потомъ раскланяется съ Поткатиловымъ, а потомъ начнетъ разсаживаться, къ примѣру: на одинъ стулъ положитъ рукавицы, на другой—шляпу или шапку, а на третій уже самъ сядетъ. Вотъ отъ этого самаго у насъ въ шутку и говорили про Филичева, что одинъ, де, у Поткатилова три стула занимаетъ. Давеча я вспомнилъ объ этомъ и разсмѣялся,—право, и грѣхъ, и смѣхъ.

Лѣтъ черезъ восемнадцать послѣ той исторіи,—продолжалъ старикъ,—когда Перовскій въ другой разъ былъ въ Оренбургѣ губернаторомъ, онъ всѣхъ сосланныхъ за подачу простилъ и изъ Сибири велѣлъ возвратить. Всѣ, кто остался въ живѣ, всѣ съ радостію пріѣхали на родимую сторону. Одинъ только Филичевъ не захотѣлъ возвращаться, рѣшился умереть въ Сибири. Однако, на него не посмотрѣли: по канату, голубчика, изъ Сибири пригнали. Вишь, какой упрямый!... Филичевъ и теперь здравствуетъ, живетъ въ Колесовыхъ хуторахъ и бахчи сѣетъ. А о трехъ стулахъ лучше и не упоминай ему: осердится и изругается. Право, и грѣхъ и смѣхъ. Однако, я въ сторону отшатнулся,—замѣтилъ разсказчикъ.—На чемъ, бишь, я остановился? Дай Богъ память. Да, вспомнилъ, вспомнилъ!

И старикъ обратился къ продолженію прерваннаго разсказа:

— И воздалъ Василій Алексѣичъ каждому дураку по дѣломъ его, особенно Филичеву, яко главному зачинщику и любимцу Поткатилова. Только одного Павлова Ефима не наказывалъ, за старостію лѣтъ. Это тотъ самый Ефимушка, Яковлевичъ сынъ, Павловъ-молодецъ, который допрежъ того шелъ супротивъ князя Волконскаго. Про него у насъ и пѣсня есть, хорошая пѣсня, да только подъ запретомъ *).

*) „На зарѣ то было, на зоренькѣ"...

На этомъ словѣ старикъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня и потомъ проговорилъ:

— Да что я толкую! обстоятельствъ нашихъ ты не знаешь, а о Павловѣ, чай, никогда и не слыхивалъ.

— Тѣмъ лучше,—возразилъ я:—теперь услышу. Разскажи-ка, пожалуйста, кто таковъ былъ Ефимъ Яковлевичъ Павловъ?

— Пожалуй, разскажу, есть-когда любопытно тебѣ.

Слишкомъ за тридцать лѣтъ допрежъ того, какъ случиться Филичевой исторіи *), оренбургскій губернаторъ, князь Григорій Семенычъ Волконскій хотѣлъ ввести у насъ очередную службу и чуть-ли не поголовное брадобритіе, одно слово,—хотѣлъ ввести штатъ на солдатскій шкиль. Казаки, знамо дѣло, воспротивились, а Павловъ былъ въ головахъ. И нельзя ему было не быть въ головахъ: говорбкъ былъ первѣйшій резонщикъ. Онъ и отстоялъ нѣсколько старинные наши порядки, но зато и самъ изъ первыхъ пропалъ. Его тогда-же Волконскій отлупилъ кнутомъ, вырвалъ поздри, лобъ и щеки заклеймилъ и сослалъ, голубчика, въ Сибирь на каторгу. Иначе и нельзя было; сказано: первый говорбкъ и резонщикъ, а такихъ, извѣстно, споконъ вѣка искореняютъ для порядка. Тридцать лѣтъ Павловъ былъ въ каторгѣ и все-таки не смирился,—вотъ такъ голова! За годъ ль-бо за полгода, хорошенько не умѣю сказать, допрежъ того, какъ настряпать Филичеву, Ефима Яковлевича возвратили изъ Сибири. Пріѣхалъ нашъ старикъ изъ Сибири, осмотрѣлся и видитъ: все не по немъ. Такой ужъ, право, привередливый былъ старикашка!—„За что я съ-друзьями страдалъ“,—говорилъ онъ родимымъ своимъ и знакомымъ,—„то, почитай, все опять вижу. Лучше бы ужъ умереть въ Сибири“. Вишь какой строптивый! Такихъ людей казнить надо. Сибирью съ ними ничего не сдѣлаешь.

---

*) Въ 1801 г., который такъ и назывался послѣ того казаками „годомъ Волконскаго“.

Когда Ефимъ Яковлевичъ присталъ къ Филичевой партіи,—продолжалъ старикъ,—родные, чтобы отвести его отъ такой видимой бѣды, уговаривали его, намекали на Сибирь, какъ на сторонку ему извѣстную-знакомую; а онъ съ усмѣшкой на это, бывало, говаривалъ: „А что такое Сибирь? Вы только слыхали объ ней, а я извѣдалъ: тамъ, други, не хуже!" Вотъ какой закоренѣлый, упрямый! Однако, Перовскій уважилъ его лѣта—ему въ Филичево время было ужъ далеко за семьдесятъ,—смиловался надъ нимъ: ни сквозь строй, значитъ, не прогналъ, ни плетьми не билъ и въ Сибирь даже не сослалъ, а заключилъ въ острогъ въ Оренбургѣ. Тамъ Павловъ и дни свои скончалъ,—ложь ли, правда ли, говорили,—въ кандалахъ...

Кромѣ казаковъ, — продолжалъ старикъ, — явились къ дѣлу этому причинными трое нашихъ чиновниковъ, кои старинки придерживались: первый Дашила Ѳедорычъ Шибетенковъ—онъ же и Александровъ,—второй Мишинъ—онъ же и Бородинъ,—а имя и отчество его не знаю, а третій Иванаевъ, тоже имя и отчество его не знаю. Да для васъ, конечно, все едино: вы никого изъ нихъ не знасте,—оговорился старикъ, а потомъ продолжалъ:

— Этихъ чиновниковъ Перовскій разжаловалъ, лишилъ чиновъ и орденовъ и сослалъ куда-то, а Шибетенкова въ арестантскія роты заключилъ. А двоихъ братьевъ Мизиновыхъ, полковника Стахея Митрича и войскового старшину Андріяна Митрича, по подозрѣнію, выслалъ изъ войска въ Финляндію. А въ чемъ ихъ подозрѣвали? Богъ, да Перовскій съ Поткатиловымъ знали. По-нашему подозрѣніе одно: старинки придерживались.

На минутку старикъ остановился, потомъ продолжалъ:

— Такимъ манеромъ Василій Алексѣичъ разсчитался съ Филичевымъ и его сугласниками на-чистоту,—никого въ долгу не оставилъ, ни за кѣмъ, значитъ, ни волоска не пропало. Молодецъ! Казалось бы, и дѣлу конецъ; анъ нѣтъ: этимъ дѣло не завершилось. Пришлись перебирать все войско: нѣтъ ли гдѣ еще зловредныхъ казаковъ? Важнецъ!

Коли нѣтъ зловредныхъ казаковъ: есть! земля наша не клюмомъ сошлась: всякіе есть. Къ примѣру: ты—офицеръ, начальникъ нашей станицы. Хорошо. Въ сѣнокосную пору ты вздумалъ бы часть нашихъ луговъ отдать киргизамъ, то-исъ, по-просту сказать, продать за лошадь иль-бо за корову. Хорошо. Тебѣ, значитъ, барышъ, а намъ убытокъ. Вотъ мы собрались человѣкъ десять-пятнадцать и пришли къ тебѣ, и говоримъ: Такъ и такъ, ваше благородіе! Покорно просимъ васъ, не обижайте насъ, не торгуйте нашимъ добромъ: намъ самимъ нужно. Ну, ты, може, скрѣпя сердце и уступишь намъ; однако, запримѣтишь, кто изъ насъ говорокъ, кто, значитъ, тебѣ резоны представлялъ. Этакихъ казаковъ наши чиновники терпѣть не могутъ, честятъ ихъ всякими поносными именами, къ примѣру: горланами, неблагонадежными, строптивыми, закоренѣлыми, зловредными... Вотъ за этакихъ-то казаковъ и принялись,—продолжалъ старикъ,—стали ихъ по хуторамъ, по уметамъ, по форпостамъ перебирать, да въ Уральскъ за конвоемъ представлять. И какъ привезутъ такого молодчика въ Уральскъ, такъ прямо въ судную комиссію,—благо, готова была; а изъ комиссіи одна дорога: острогъ, а изъ острога опять-таки одна дорога: сквозь строй иль-бо плети! Сибирь иль-бо солдаты!

Старикъ вздохнулъ, потомъ продолжалъ:

— А все Поткатиловъ вишовать: онъ поджигалъ Перовскаго. Ну, и у Перовскаго-то не совсѣмъ сердечко отошло. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, обойти такую персону! И кто же осмѣлился обойти? Какой-нибудь хуторской казакъ Филичевъ, да каторжникъ Павловъ! Объ этомъ надо подумать. Хорошо. Нѣсколько человѣкъ зловредныхъ казаковъ причислены были къ Филичевой партіи и разосланы. Одного казака, знаю, кулагинскаго, Батракова, прогнали сквозь строй и отдали въ солдаты ни за что, такъ—здорово-живешь; а еще одного, пріятеля моего, Губанова,—въ Уральскѣ живетъ, извѣстный рыболовъ, неводчикъ—плетьми отдули, но милость

оказали: никуда, значитъ, не сослали; и на тѣмъ покорно благодаримъ. А за что? Вотъ я тебѣ сейчасъ разскажу.

Разъ, вечеркомъ, по веснѣ того года, кулагинскіе казаки, сосѣди другъ-дружкѣ, сидѣли у воротъ чьего-то дома и толковали промежъ себя о разныхъ разностяхъ; къ примѣру: говорили о томъ, когда и отъ какихъ людей завелись на Яикѣ наши праотцы; говорили о Рыжечкѣ—это такой ярой нашъ былъ; онъ подъ городомъ Полтавой, передъ лицомъ самого Петра Перваго, отлику сдѣлалъ—побѣдилъ непріятельскаго Галіафа;—говорили о Маришкѣ, что ветарпну на Яикѣ жила; вспомнили пророчество Алексѣя-Митрополита, что въ началѣ, де, во вновь заведенномъ нашемъ городѣ будутъ трусы и мятежи и кровопролитныя брани, а подъ конецъ, де, все утишится. Тутъ Батракова и дернулъ лихой сказать такія слова:

— Не вѣрится что-то, братцы, чтобы подъ конецъ все утишилось: подъ конецъ-то, думается, и будетъ нашему брату тяжко. Отъ предковъ нашихъ идетъ, говоритъ Батраковъ: на крови, де, Яикъ зачался, на крови, де, и скончается.

Противъ этого кто-то сказалъ, что пророчество это, то-есь: на крови, де, Яикъ зачался, на крови и скончается, относится къ послѣднему времени, когда міру придетъ конецъ, то-есь, когда, де, Царьградъ возьмутъ и когда, де, антихристъ явится. А Батраковъ опять свое; значитъ, дѣло ужъ на споръ пошло, а въ спорѣ мало ли чего не говорится.

— Когда-то еще Царьградъ возьмутъ, говоритъ Батраковъ спорщику, когда-то еще антихристъ явится—Богъ вѣсть. А вы вотъ о чемъ, братцы, подумайте, говоритъ Батраковъ, какъ бы атаманъ нашъ какую штуку намъ не вверпулъ; вѣдь онъ, Поткатиловъ,—подкатитъ къ нашему брату неслышнымъ манеромъ. Стелетъ-то онъ, знаю, мягко, что и говорить, да не пришлось бы спать жестко.

Тутъ, слово-за-слово, и разговорились объ атаманѣ; знамо дѣло, перебирали въ немъ всѣ косточки; чай, не одинъ разъ икнулось. Да вѣдь это, думаю, не бѣда: заочно мало ли про кого говорятъ, заочно про державнаго Царя говорятъ. Опять

и то надо взять въ резонъ: мало ли во что народъ вѣруетъ; мало ли чего народъ боится; мало ли къ чему народъ приверженность питаетъ; мало ли въ чемъ народъ спасенье видитъ. Къ примѣру: для насъ, уральцевъ, легче въ каторгу идти, нежели очередь принять. И рази это можно ставить намъ въ вину? Никоимъ родомъ нельзя! Иль бо вотъ что еще: въ прошломъ году объ эту пору звѣзда съ хвостомъ явилась, якобы съ метлой. Глядя на нее, чего-чего народъ не придумалъ. И за все это рази надо наказывать нашего брата? Грѣшно, сударь!...

Старикъ на минуту остановился, перевелъ духъ и потомъ продолжалъ:

— Такимъ родомъ поспорили, поговорили промежъ себя казаки и разошлись. Батраковъ, бѣдняжка, и забылъ, что говорилъ. Но когда, почти полгода спустя, стали перебирать зловредныхъ казаковъ, на него на перваго писарь дистаночнаго, Фокей Абрамычъ Логиновъ и доказалъ: Фокей Абрамычъ сердитъ за что-то на Батракова былъ. Ну, и упекли Батракова, яко буйнаго характера и зловреднаго. А чѣмъ онъ буйный, чѣмъ зловредный? Не онъ, вѣдь, выдумалъ пророчество: отъ предковъ опо идетъ.

— А Губановъ,—продолжалъ старикъ,—по зимѣ того года, на базарѣ, въ разговорѣ съ казаками насчетъ распорядковъ по рыболовству только и сказалъ такія слова: „Дождешься нынче толку отъ начальниковъ; больно имъ нужно заботиться объ нашихъ дѣлахъ; имъ, чай, въ карты некогда играть“. Ну, и этого, соколика, по насердкамъ заарестовали, когда стали перебирать нашего брата. Хорошо еще, что спиной одной отдулся, по крайности,—родины не лишился

Старикъ остановился, вздохнулъ раза два-три, потомъ началъ:

— Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ: пришелъ и переборкѣ конецъ. Хорошо. Попабашивъ счеты съ Филичевымъ и съ зловредными казаками, Перовскій пріостановился, затихъ, какъ будто сдовольствовался; судилище свое нелицепріятное закрылъ; войска свои спровадилъ отъ насъ во-сво-

ясн и самъ вслѣдъ за ними уѣхалъ. Народъ нашъ перекрестился. Слава Богу, говорили мы другъ-дружкѣ. Прошла каменна туча!... Много ли, мало ли хошa и выдернула изъ насъ, однако народъ остался въ сторонѣ.—Толкуемъ такъ-то, а того и не чуемъ, оболтусы, что настоящая-то туча только собиралась. Не успѣли мы хорошенько отудобить и оглядѣться, какъ пасылалась бумага, въ такой, сударь мой, силѣ: чтобы уральское войско, немедля ни мало, въ теченіе одного мѣсяца, выставило на службу четыре пятисотенныхъ полка, то-есь, по пятьсотъ пятьдесятъ казаковъ каждый! Вотъ такъ загвоздка! Кто ее ожидалъ? Никто!

Въ ту пору жилъ и шлялся по городу дурачекъ—Федотушка Локтевъ. Дуракъ былъ отъ всего свѣта, не зналъ различія, что кабакъ, что церковь. Но тому кто-то изъ казаковъ въ шутку сказалъ: Федотушка, ступай за меня на службу: четыре полка отъ насъ спрашиваютъ. Что жъ, думаешь, отвѣчалъ на это Федотушка? Сперва-на-перво выругалъ казака, а потомъ сказалъ: „адманываешь, дур-р-ракъ!“—Вонъ она, какая штука-то: и дураку показалось несуразностью!

Есть такая пѣсня,—заговорилъ старикъ,—немного помолчавъ.

„Тяжело вздохнетъ наша Варшава...“.

Вздыхала ли когда Варшава, не вздыхала ли, тяжело ли, легко ли вздыхала—этого не знаю,—продолжалъ старикъ,—только то достовѣрно знаю, что войско наше въ ту пору тяжело вздохнуло! такъ вздохнуло, батенька, что кости праотцевъ услыхали! Шутка ли: ч е т ы р е полка! Да мы, помню, во французскій годъ, когда французъ Москву бралъ, выставляли всего только д в а полка. А тутъ четыре! На что это похоже? Ради какой нужды? Съ той поры, какъ наши въ Парижъ входили, французъ присмирѣлъ. Турка незадолго передъ тѣмъ только-что дошибли: молчитъ. Буянила Варшава, но и ту незадолго передъ тѣмъ усмирили, въ баранiй рогъ согнули: не шелохнется. Цыцарецъ издавна съ нашимъ Царемъ живетъ въ согласьѣ. Пруссакъ родня

нашему Царю: не воюетъ. Шведъ съ самого Полтавскаго разгрома присмирѣлъ, да еще дань нашему Царю платитъ. Китай съ роду ни съ кѣмъ не воевалъ, а съ нашимъ Царемъ и подавно: не смѣетъ. Хива далеко, да она, кромѣ того, и подъ заклятьемъ. Коль скоро Петръ Первый не могъ завоевать ее, то другимъ кому, думаемъ, придетъ въ голову, валандаться съ ней, съ такой, Господи прости, дрянью. Иные-прочіе цари, знаемъ, всѣ живутъ подъ страхомъ у нашего. Одно слово, войны у нашего Царя въ ту пору ни съ кѣмъ не было. Правда, дурили въ ту пору черкаши, да, вѣдь, они спокопъ вѣка дурятъ, какъ нѣкогда дурили наши киргизишки; да, вѣдь, съ ними, то-ись съ черкашами, и войны-то настоящей не бываетъ, а лишь одинъ легкія стычки. Супротивъ ихъ достаточно и тамошнихъ казаковъ—линейскихъ и черноморскихъ. Къ нимъ и Донъ ближе. Туда, когда потребуется, съ Дона полки ходятъ. Просто, какъ ни кинь—все выходитъ клинъ, то-ись, какъ умомъ-разумомъ ни разводи, а все толку не добьешься, словно изъ черепка огня,—все выходитъ несуразность.

Старикъ покачалъ головой, потомъ продолжалъ:

— Сначала мы подумали: ужъ не ошибкой ли означено въ прочетномъ предписаніи: четыре полка; не четыре ли, де, сотни? Какъ бы не такъ! Такъ-таки прямехонько требуютъ четыре полка, то-ись, двѣ тысячи двѣсти человѣкъ однихъ рядовыхъ казаковъ. Наличный комплектъ войска, за разными допрежъ того сдѣланными раскомандировками, былъ небольшой, всего тысячи три съ чѣмъ-то. По этому самому и приходилось одной тысячѣ выставить двѣ тысячи, то-ись, одному казаку напять двоихъ. Это выговорить страшно! Этакого разоренья войско наше отродясь не видывало! А должно исполнить: вѣдь мы слуги царскіе. Есть-когда-бъ Батюшкѣ-Царю спонадобились мы всѣ, мы бы всѣ сѣли на коня и пошли на войну—кровь свою за отечество проливать: это долгъ нашъ, обязанность наша, за то и слывемъ казаками. Да, вѣдь, не то, батенька, горько, что на службу требуютъ,—насчетъ этого мы рады

стараться, я не къ тому и говорю,—а то горько, что безъ нужды требуютъ! нарочно, батенька, требуютъ, чтобы сокъ изъ насъ выжать, чтобы послѣдніе гроши изъ насъ вытянуть, чтобы жиру съ насъ поубавить! вотъ что горько! вотъ что несносно!

Старикъ вздохнулъ.

— Оно такъ и было,—продолжалъ старикъ,—Поткатиловъ смутилъ Перовскаго, чтобы насъ хорошенько жамкнуть, чтобы мы выкинули изъ головы блажь—писать и подавать подачи. Да рази это справедливо? Рази мы, то-исть народъ, виноваты? На тебя сошлюсь, ты человѣкъ посторонній,—разсуди. Виноватъ Филичевъ и его сугласники: ну, ихъ и наказывай, ихъ и казни, есть-когда того достойны, а народъ за что? Здорово-живешь!... Однако, это мы съ дурацкаго ума такъ разсуждаемъ, а начальство иначе разсуждаетъ. Сказано: „начальство стоитъ выше, видитъ дальше". Може и правда,—спорить-прекословить не стану.

Старикъ остановился, вздохнулъ и черезъ минуту снова заговорилъ:

— Такимъ родомъ, каждый служащій казакъ долженъ былъ одинъ нанять двоихъ. А чего это стоило? Мало, мало в о с е м ь с о т ъ р у б л е й, то-исть по четыреста рублей каждому наемщику. Правда, и дешевле кто нанималъ, примѣрно: 350 руб. давалъ наемщику, а двоимъ, значитъ, с е м ь с о т ъ р у б л е й, да это было очень-очень рѣдко, а все по 400 до по 450 руб. платили, двоимъ, значитъ, в о с е м ь с о т ъ и д е в я т ь с о т ъ р у б л е й, даже больше мѣстами платили—по ц ѣ л о й т ы с я ч ѣ! Что я говорю по тысячѣ? Больше! П о т ы с я ч ѣ п о с т у п п о т ы с я ч ѣ п о д в ѣ с т и платили! Круглымъ счетомъ, со всего нашего войска сошло въ ту пору денегъ не меньше, какъ т ы с я ч у т ы с я ч е в ъ—вотъ сколько! Патоцкъ не выговоришь. Знамо дѣло, бѣдные всѣ напялись, напялись казаки и средней руки; нанимали только казаки позажиточнѣе, но и тѣ обѣднѣли отъ того—сошли, значитъ, на линію бѣдныхъ, а попросту сказать—разорились! Шутка ли: иному вразъ доводилось тысячу съ за-

лишкомъ отдать! Кучка не маленькая, натощакъ не выговоришь. Хорошо, у кого были деньги въ рукахъ: у того, по крайности, скотъ и заведенье хозяйственное остались. А вѣдь большею частью были такіе, у которыхъ наличныхъ денегъ не было ни гроша. Эти должны были распродать и лошадей, и коровъ, и всякую скотину, доводилось прихватывать и одежды женниной иль бо дочернипой: не одна, думаю, жемчужная сорока, не одна, думаю, жемчужная подпизь, въ которыхъ Царь-Наслѣдничку представлялись, улыбнулась. И все-то, сударь мой, доводилось распродать за безцѣнокъ, потому что покупателей было мало, а все были продавцы; ну, и вышелъ двойной раззоръ! Вотъ по этой самой причинѣ, вмѣсто отставки, я и попалъ на старости лѣтъ въ полкъ, нанялся, значитъ, а нанять было не изъ чего; взялъ, помню, четыреста пятьдесятъ рублевъ. Но не пошли мнѣ эти денежки въ прокъ, какъ не пошли онѣ и всѣмъ наемщикамъ.

Старикъ унило покачалъ головой.

— Это почему?—спросилъ я разсказчика.

— А потому,—отвѣчалъ тотъ,—что почитай всѣ убилъ на сборку, а что и осталось, то проѣлъ съ семьей, а семья была не маленькая, и все-то, словно на грѣхъ, бабы да дѣвки.

— На какую же сборку?—снова спросилъ я старика.

— Служебныя вещи заводилъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Да неужто у тебя ничего не было изъ служебныхъ вещей?

— Кромѣ шпаги, мундира, да глупаго кивера съ помпономъ, все, батенька, было,—отвѣчалъ старикъ съ неудовольствіемъ,—да все забраковали! все, значитъ, не подходило подъ образецъ. Ну, и должепъ былъ все вновь заводить, а старое бросить. Къ примѣру,—продолжалъ старикъ,—было у меня ружье справное, винтовка первый сортъ. Что жъ? Гм!... Велѣли бросить и взять изъ казны карабинъ, полуложникъ, по-нашему мосолъ, изъ котораго въ стѣну не попадешь.

— Винтовку, говорятъ, брось, хоть на сердешникъ изведи: она не по образцу.

Что дѣло, то дѣло. Умную рѣчь и слушать гоже.

Былъ у меня французскій пистоль, справный такой, осѣчки никогда не давалъ.

— Брось, говорятъ: пистоль твой не по образцу, а возьми изъ казны образцовый.

Взялъ, а свой бросилъ. Тьфу, ты, пропасть! (Старикъ плюнулъ).

Было у меня сѣдло съ приборомъ, справное.

— Сѣдло-то, говорятъ, пускай это остается, а приборъ къ нему—вальтрапъ, подушку, узду, нагрудникъ, пахвы и разные ремни и ремешки—возьми изъ казны, образцовые.

Взялъ, а свое все бросилъ. Тьфу, ты, пропасть! (Старикъ плюнулъ).

— Стремена у сѣдла—на что ужъ вещь пустяшная и незамѣтная!—а и тѣ велятъ бросить и взять образцовыя. Я какъ-то и скажи сотенному:

— Ваше благородіе! Зачѣмъ мнѣ брать стремена изъ казны? Вы извольте взглянуть: мои стремена отличныя, всѣ подъ серебромъ.

— Дурракъ! Пустая твоя борода!—говоритъ мнѣ сотенный.—Стремена твои не по образцу.

Нечего дѣлать, взялъ образцовыя стремена, а свои, серебромъ начеканенныя, бросилъ. Тьфу, ты, пропасть! (Старикъ плюнулъ).

Теперь на счетъ шинелей и на счетъ мундировъ—та же, батенька, исторія,—продолжалъ старикъ,—Къ примѣру: я бы хотѣлъ на базарѣ, въ лавкахъ, купить себѣ сукна подешевле и получше и заказать вольнымъ портнымъ отъ себя; все бы, глядишь, соблюлъ какую ни-на-есть экономію Нѣтъ, этого дѣлать не смѣй! Бери шинель и мундиръ изъ казны готовые, изъ образцоваго сукна.

— Базарное сукно, говорятъ, не подходитъ подъ образецъ. А вольные портные не такъ ловко, не такъ поставно сошьютъ.

И тутъ утѣсненье,—тьфу, ты, пропасть! (Старикъ плюнулъ). И мы знаемъ, что базарное сукно не подойдетъ, пожалуй, подъ образецъ, противъ этого не споримъ. Базарное-то суконце я бы выбралъ на свой вкусъ, на свой глазъ, да и поторговался бы съ купцомъ; а изъ казны-то что попадетъ, то и бери, браковать не смѣй. Попадались иным казакамъ мундиры—мундиры тогда не съ полами были, а курточкой,—попадались, говорю, иным казакамъ мундиры и шинели изъ такого сукна, которое годно было только на онучи мужикамъ, а не на мундиры и шинели казакамъ. За то образцовые. Помню, я купилъ себѣ у солдата шинель, малость самую попошенный, крѣпкій, ничуть не потертый, года на два бы стало. Что жъ? Велѣли бросить и взять изъ казны готовый, изъ образцоваго сукна. При этомъ разѣ я не вытерпѣлъ и сказалъ сотенному:

— Помилуйте, ваше благородіе! Это напрасное утѣсненіе. Шинель-то...

Я хотѣлъ сказать: крѣпкій, года на два станетъ, да мнѣ не дали договорить, зацыкали, инде душа ушла въ пятки.

— Ахъ ты, грубіянъ!—говорятъ мнѣ.—А знаешь ли ты, пустая твоя борода, гдѣ Филичевъ? Не къ нему ли хочешь?

— Я и замолчалъ. Что ужъ тутъ станешь говорить; одно слово: сила!

— Такимъ манеромъ,—продолжалъ старикъ,—всѣ наемочныя денежки мы, служивенькіе, и убили въ образцы,—вѣдь образцы-то нашему брату не такъ давали, а лушили за нихъ втридорога. Убили, говорю, денежки на образцы, а сами остались почесть безъ гроша. Важнецъ! Ждемъ похода, какъ благодати. По-крайности, думаемъ, съ харчей своихъ долой: на казенный, значитъ, провіантъ поступимъ. Но похода нѣтъ. Что за оказія? Зачѣмъ-же требовались полки? (Старикъ покачалъ головой). Напослѣдокъ, мѣсяца черезъ два, наслалась бумага, чтобы одинъ полкъ послать на Кавказъ, противъ черкашъ. „Слава Богу“, говоримъ промежъ себя, одному полку дали должность. Може, и другимъ да-

дуть. Не тутъ-то было! Полки распустили по домамъ,— вотъ это хорошо!

Старикъ съ минуту помолчалъ, потомъ заговорилъ:

— По-нашимъ правиламъ, извольте знать, тѣмъ казакамъ, кои служатъ въ своихъ предѣлахъ, ничего отъ казны не дается: ни жалованья, ни провіанта, ни фуража, одно слово—ничего. По-нашимъ же правиламъ тѣмъ казакамъ, кои наймутся на какую бы то ни было службу, не дозволяется уже участвовать ни въ багренѣ, ни въ плавнѣ, ни въ курхаѣ,—одно слово, казаки, кои возьмутъ съ войска наемку, лишаются права заниматься войсковыми промыслами и пользоваться рыбными ловлями. Теперь и разсуди, батенька, въ какомъ положеніи мы очутились. Самимъ пить-ѣсть надо, лошадей кормить надо мукой иль-бо овсомъ, чтобы годны были къ службѣ, а промышлять нельзя—раззореньe!

Повѣся носы, мы, служивенькіе, обряженные въ образцы, и разъѣхались по домамъ, и—волей-неволей—стали объѣдать семьи. Важнецъ! Въ этомъ разѣ мы уподобились, сударь мой, гвардіи Перовскаго, что передъ тѣмъ насъ объѣдала. Та, по-крайности, объѣдала чужихъ, а мы объѣдали своихъ иль-бо сами себя, что все единственно; и вышло: „клопъ клопа ѣшь“. Вотъ это очень тяжко!

Старикъ болѣзненно вздохнулъ; потомъ продолжалъ:

— Близь году промаялись мы дома; дѣла не дѣлали, отъ дѣла не бѣгали, то-исть, по-просту сказать, были баклуши. Только зимой съ 37 на 38 годъ дали намъ нѣкую работу. Въ ту пору киргизскій старшина Букеевской орды, Исатайка-подлецъ, взбунтовался противъ хана Джангира. Наши полки послали усмирять Исатайку. Почитай, всю зиму мы гонялись за Исатайкой, многое множество бѣдныхъ киргизъ перекололи, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу; а самого Исатайку не устигли: ловокъ былъ, шельмецъ, убѣжалъ на Бухарскую сторону. Да не къ тому рѣчь, а вотъ къ чему: гоняясь за Исатайкой, мы ѣли свой провіантъ и вдосталь проѣлись; на счетъ одежды—всѣ обносились, на

счетъ лошадей—всѣхъ добили: раззоренье! А законъ повелѣваетъ нашему брату: будь исправенъ!

Напослѣдокъ, въ маѣ иль бо іюнѣ 38 года, спросили на службу, но не всѣхъ: спросили только два полка. Одинъ полкъ услали въ Бессарабію, а другой въ Финляндію—вонъ куда загнали! будто бы Финляндія не обошлась безъ нашихъ казаковъ. Однако, и за это спасибо: по-крайности, два полка съ харчей долой. Остался одинъ—четвертый,—я въ немъ числился. Этому, бѣдняжкѣ, нигдѣ, видно, и мѣста не нашлось. Этотъ полкъ промаялся дома еще больше года; обнищалъ, и образцы-то, батенька, всѣ износилъ—вотъ грѣхъ какой! Наконецъ-то сжалились, дали и ему мѣсто: въ исходѣ 39 года Перовскій пошелъ на Хиву и нашъ полкъ взялъ съ собой. Слава Богу—отмаялись!

Старикъ перекрестился.

— По возвращеніи изъ Хивинскаго похода,—продолжалъ старикъ,—мы поступили ужъ въ вольные, по-нашему, въ градскіе казаки, и сколько-нибудь избавились нужды, по-крайности, получили право участвовать во всѣхъ войсковыхъ промыслахъ.

— Однако, съ той самой поры,—замѣтилъ старикъ немного погодя,—когда потребовали отъ насъ вразъ четыре полка, когда одному казаку доводилось выставлять двоихъ, когда, значитъ, сошло съ войска тысяча тысячевъ,—съ той поры разнесчастное наше войско закашляло и до-днесь, батенька, кашляетъ—въ томъ числѣ и азъ, грѣшный,—прибавилъ старикъ.—Значитъ: лиха бѣда разъ хорошенько обѣдняетъ, снова разжиться трудно!—заключилъ старикъ и подпотчивалъ меня арбузомъ.

— Что правда, то правда,—замѣтилъ я и съ участіемъ пожалъ руку старику.

Въ это время явился подводчикъ на другой повозкѣ и, минутъ черезъ пять, простившись съ старикомъ, я пустился въ путь.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ доводилось разговаривать объ этой исторіи съ уральскими казачьими офицерами.

Всѣ подтверждали слышанное мною отъ старика-казака, но всѣ—странное дѣло—всѣ смотрѣли на сообщенные выше факты съ другой точки зрѣнія, нежели старикъ-казакъ. Что дѣлать? Такова сила вещей.

Апрѣль 1861 г.

Чтобы дать читателю представленіе о размѣрахъ той „мухи", изъ которой дѣятели николаевской эпохи сдѣлали „слона", приводимъ текстъ „подачи", или прошенія, поданнаго грушой казаковъ наслѣднику престола Александру Николаевичу въ 1837 г. и послужившаго поводомъ къ военному слѣдствію, къ жестокой карѣ надъ виновными и къ ряду разорительныхъ для всего уральскаго казачества репрессивныхъ мѣръ, проведенныхъ въ административномъ порядкѣ. Прошеніе снабжено однимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ І. И. Желѣзнова, дѣлающаго его общую оцѣнку, и рядомъ примѣчаній М. К. Курилина (они помѣчены *М. К.*), поясняющихъ отдѣльныя его мѣста и помогающихъ возстановить фактическую обстановку событія *). *Прим. ред.*

Копія.

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, Всероссійскаго Престола Наслѣднику.

Войска Уральскаго повѣренныхъ отъ общества казачьяго сословія **).

Всеподданнѣйшее прошеніе.

По данной намъ довѣренности отъ общества казачьяго сословія, по случаю весьма стѣснительныхъ обстоятельствъ по Войску Уральскому отъ Войсковой власти и Оренбург-

---

*) Орфографія сохранена, какъ была въ копіи.

**) Передъ этой просьбой подана была казакомъ Ас. Бахаревымъ другая, безъ означенія числа (приведена ниже, послѣ этой жалобы).—Собственно

скаго начальства происходящихъ, Вашему Императорскому Высочеству приносимъ всеподданнѣйшую нашу жалобу въ нижеслѣдующемъ.

1) По грамотѣ, дарованной Войску Уральскому въ 15 день декабря 1765 года отъ Государственной Военной Коллегіи и Высочайшаго подтвержденія указомъ, даннымъ въ 26-е Декабря 1803 года Правительствующему Сенату о положеніи Войска Уральскаго современемъ бывшаго покойнаго Атамана Генералъ-Маіора Бородина невыдавалось и нынѣ невыдается Войску неизвѣстно покакимъ причинамъ окладнаго на хлѣбъ и вино жалованья.

2) Паоснованіи втораго пункта той же грамоты предоставлено Войску изъ среды онаго на Атаманское достоинство выбирать обществомъ (чиновниковъ. М. К.) изъ безпорочныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ трехъ кандидатовъ и представлять изъ нихъ одного на Высочайшее утвержденіе, сообразно сего вышеизъясненнымъ. Указомъ 1803 года по части Гражданской и Экономической устройства вторымъ пунктомъ велѣно и въ Войсковую Канцелярію непремѣнныхъ двухъ членовъ, т. е. двухъ совѣтниковъ, когда отставкою или смертію мѣста ихъ упразнятся, выбирать также обществу (чиновниковъ. М. К.), равно и Ассесоровъ чрезъ три года законнымъ порядкомъ, да и повоинской части 6 пунктомъ сего же указа повелѣно: чтобъ право имѣли заступать и мѣста офицерскія одни выслужившіяся изъ среды Войска чиновники и несторонніе; каковыя правила, и всѣ привилегіи издревле дарованныя Войску подтверждаются особенно еще Высочайшимъ именнымъ повелѣніемъ, даннымъ въ 10 день Октября 1804 года Оренбургскому Военному Губернатору Князю Волконскому, коимъ повелѣно ничего неперемѣнять во внутреннемъ устройствѣ Войска до сего бывше сдѣланномъ положеніи безъ всякой существенной отмѣны, и чтобы нужды войсковыя исправляемы были безъ малѣйшаго Войску отягченія, апотому таковыя права и должны бы существовать безъ всякаго измѣненія, а нынѣ дѣлается только попроизволу Атаманскому, подкрѣпляюще-

---

отъ казаковъ (сочинена Козьмой Бахаревымъ), когда Наслѣдникъ сѣлъ въ коляску; эта же просьба подана Наслѣднику, во время отъѣзда Его Высочества изъ Уральска, на Большой улицѣ, противъ нынѣшнихъ домовъ Меркульевой и Ал. Донскова. Лошади съ экипажемъ были остановлены, казакъ подошелъ.—почти бросилъ просьбу въ экипажъ и скрылся въ народѣ. Изъ Уральска Госуд. Наслѣдникъ ѣхалъ на Гнилой уметъ и Бузулукъ. М. К.

муся во всѣхъ частяхъ отъ Оренбургскаго начальства и нѣкоторыми Войсковыми чиновниками, исполняющими незаконныя его дѣйствіи, которыя святость закона и доблѣсть истины ставятъ невочто, атолько корыстолюбіемъ обогащаются и интересуются опредѣленіемъ изъ должностей въ должности разными случаями и видами *), да и нельзя сему и не быть, потому, что въ Войсковую канцелярію и въ другія присутственныя мѣста столько неопредѣляются общимъ выборомъ, сколько по Атаманскому желанію, да и утодилъ въ Войско Атаманомъ Генералъ-Маіоръ Покотиловъ, поднимъ только рекомендаціямъ посредствомъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора совсемъ изъ посторонняго сословія, а не пожеланію и новыбору законному Уральскаго общества согласно грамоты, а къ тому еще и бывшій подъ военнымъ судомъ по личной на него жалобѣ въ Оренбургѣ всей Конно-Артиллерійской казачей роты въ бозѣ почивающему Императору Александру 1-му и опослѣ посуду переведеннаго изъ сей роты въ другую роту, въ кратковремянное же его командованіе Войскомъ Уральскимъ нынѣ гораздо болѣе прежняго Войско чувствуетъ себѣ отягощеніе и весьма обижается, какъ-то: чрезвычайными при отправленіи службы излишними денежными сборами въ Войсковую сумму и неупотребляются оныя казакамъ въ раздачу **), въ подкрѣпленіе ихъ благосостоянія по порядку издревле утвержденному помянутою грамотою ***), чрезъ что многія казаки будучи въ совершенной бѣдности несутъ поразнымъ случаямъ угнѣтѣніи, а не менѣе сего еще немаловажныя денежныя сборы не только съ казаковъ, но и со всѣхъ жителей, не изключаются изъ сего даже и самаго бѣднаго состоянія и вдовицы безъ всякаго уваженія ****), и тому подобно дѣлаются и другія налоги почесть вымогательствомъ един-

---

*) Очевидно, что было много чиновниковъ, считавшихъ себя обиженными, обойденными при назначеніи въ должности по управленію дистанціями въ войскѣ. М. К.

**) Это говорится о нѣтчиковыхъ деньгахъ, которыя до 1800 годовъ раздавались казакамъ. М. К.

***) Въ грамотѣ 15 декабря 1765 г. объ этомъ ничего не говорится; говорится о багрячеяхъ, т. е. печаткахъ. М. К.

****) Это вѣроятно касается сбора „съ трубы“, квартирный сборъ, и штрафы за топку лѣтомъ бань и домовъ (варево пищи въ домѣ). М. К.

ственно къ одному не сытому корыстолюбію и стѣсненію всего Войска къ немалому огорченію и прискорбію.

3) Отдачею на откупъ соленой конторы, въ которой собираются съ вывозимой изъ Уральска въ разные россійскія города рыбы и икры десятинныя деньги гораздо болѣе противу прежняго высокою цѣною, особенно и ассигнаціями а не серебромъ ходячею монетою какъ продается рыба и икра и тѣмъ стѣсняется купечество, чрезъ что самое упродавателей и цѣны понижаются, а возвышается цѣны на рыбу и икру для сбора десятинныхъ денегъ чрезъ Уральскую Градскую Полицію къ угожденію Атаманскому и откупщика сего сбора, для того, что бы завзносомъ откупной въ Войсковую сумму и унихъ было въ остаткѣ, а потому сей сборъ и производится тѣмными путями и сколько его въ годъ собирается ни когда неоткрывается и гласнымъ Войску не дѣлается, а хотя открытъ и выведенъ былъ частію покойнымъ отставнымъ Есауломъ Федоромъ Александровымъ гласнымъ и поставленъ навидъ высшему правительству на высокую степень въпользу Войска, но однако еще слѣды прежняго злоупотребленія остаются не искорененными, присвоиваются въ руки корыстолюбія; кромѣ сего еще запрнятіе войсковою властію насебя сего соленаго сбора за несоблюденіе должнаго порядка бывшему откупщику Тихоновскому пожалобѣ его заплачено было ему изъ Войсковой суммы весьма значительныя тысячи рублей напрасно, а должно таковое взысканіе учинится пообстоятельствамъ весьма правильнымъ въ дѣлѣ значущимся съвиновныхъ.

4) Доходы пришадлежащіе Войску Уральскому дарованныя вышеизъясненною же грамотою отъ таможенной части и отъ винной продажи сдавнихъ лѣтъ потеряны непоступили въ посторонніе руки.

5) Недвижимое Войсковое имѣніе *) приносящее ежегодно Войску хорошій доходъ, обращенъ прежнимъ Атаманомъ Бородинымъ въ собственную его пользу, видомъ фальшивою покупкою и за безценокъ; частное же имѣніе **)

---

*) Это намекъ на лавки, такъ называемые генеральскіе ряды. М. К.

**) Были куплены частные дома на нынѣшнихъ мѣстахъ Невскаго собора, хозяйственнаго правленія и дѣвичьяго училища для расположенія части солдатскаго гарнизона. Впослѣдствіи, когда построены были казармы, дома эти были сломаны и воздвигнуты существующія нынѣ зданія. М. К.

купленное въ 1817 году родственниками и приверженцами того Бородина высокою цѣною съ намѣреніемъ отягчить тѣмъ настоящихъ имѣнію хозяевъ поворотивъ наказармы и заплатилъ деньги изъ общественной войсковой суммы безъ всякой пользы въ совершенную Войску обиду; а нынѣшній Атаманъ Генералъ-Маіоръ Покотиловъ сіи дома разломалъ до основанія, вновь произвелъ на опыхъ мѣстахъ строеніе *) ись новыми Войску весьма значительными убытками безъ всякаго нато Войскового согласія совсѣмъ въпротивоположность прежняго Атаманскаго предпріятія могущаго нѣсколько иногда послужить бы Войску къ облегченію отъ постоя Батальоннаго.

6) Впротивность Высочайшаго именнаго повелѣнія чрезъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора Эссена бывше въ 1819 году объявленнаго всему Войску Уральскому нарынкѣ, безъ согласія Войскового, нынѣшній Атаманъ расточаетъ Войсковую сумму значительными тысячами **) и вопреки общаго желанія купилъ наВойсковыя общественныя деньги подъ постой свой огромный каменный домъ съдворомъ имебелью послѣ покойнаго Атамана Бородина у наслѣдницъ его старшинской жены Донсковой засорокъ слишкомъ тысячъ рублей, да на перестройку въпомъ употребилъ до нѣсколько тысячъ рублей ***), а дабы избѣгнуть зато отвѣтственности сдѣлавъ съединомышленниками своими отъ лица Войсковой Канцеляріи, исключая старшаго совѣтника Полковника Бизянова небывше нато съпрочими Войсковыми чиновниками согласнаго, предетавленіе къОренбургскому Военному Губернатору, ичрезъ онаго непросивъ Высочайшее наторазрѣшеніе, чѣмъ Войско чувствительно обижается, каковый домъ впослѣдствіи времяни могъ бы поизвѣстнымъ намъ причинамъ избезъ покупки отойти наВойско.

7) Положенію вышеизъясненной же грамоты въ пре-

---

*) Построены новыя, нынѣ существующія зданія хозяйств. правленія и дѣвичьяго училища. М. К.

**) Атаманъ Покотиловъ умеръ въ ноябрѣ 1838 г. и оказалось, что войсковой капиталъ дѣйствительно былъ растраченъ. Но пострадалъ одинъ только несчастный казначей Иванъ Андреевичъ Бородинъ, за что разжалованъ, лишился всего своего имущества и умеръ нищимъ въ глубокой старости, при садѣ дочери его Назаровой у Сутягина острова. М. К.

***) Это вѣрно. Это бывшій домъ Дав. Мар. Бородина, съ наслѣдницей котораго, Аграфеной Абрамовной Донсковой, Покотиловъ былъ въ связи, и потому и эти деньги онъ прожилъ всѣ до чиста. М. К.

зенъ кромѣ двора Его Императорскаго Величества рыбы и икры отъ Войска портикулярно постороннимъ лицамъ какъ прежде происходило строго воспрещено; анынѣ Войсковая власть подъ видомъ для одного Высочайшаго двора зимою разбагриваетъ самыя лучшія для Войска ятовыя т. е. скопныя рыбныя мѣста служащія главнѣйшимъ источникомъ къ поддержанію всего цѣлаго Войска, налавливаютъ рыбы яловой и икряной довесьма значительнаго количества не въ примѣръ больше прежняго стоющаго немаловажной суммы, Войсковая власть у рыболовцевъ забираетъ всю рыбу безъ всякаго ограниченія шлатитъ имъ деньги изъ Войсковой суммы самою низкою цѣну съ крайнею обидою только тѣмъ малолюднымъ баграчеямъ кто выѣзжаетъ насіе багренье по желанію *) и столько они не налавливаютъ рыбы, сколько съятовыхъ мѣстъ распугиваютъ, атаковой рыбы и икры столько непосылается къ Высочайшему двору, сколько употребляется въдесятькратъ больше того посебѣ ихъ разнымъ посторонним лицамъ вовсѣ мѣста, особенно въ Оренбургъ какъ въбездну **), алѣтомъ вовсе продолженіе до самой осени изъ подъ учуга имѣвшагося въръкѣ Уралѣ ловлю производятъ красной рыбы водолазами безъвсякаго нато положенія шритомъ оную кому икуда только хощетъ Атаманъ не попрежнему примѣру, отъ чего самаго въ багрянное общее рыболовство на ятовныхъ мѣстахъ противъ прежняго остается рыбы весьма мало, чрезъ что Войско притерпѣваетъ въ изготовленіяхъ кърыболовству великія только одни убытки кромѣ сего еще въ Каспійскомъ морѣ наобѣихъ сторонахъ съ предъ устьями впадающими изъ рѣки Урала лѣтомъ изимою началось производится рыболовство безъ Войскового общаго согласія малолюдными рыболовцами итѣмъ сдѣлали важнѣйшую преграду въ ходить изъ моря въ рѣку Уралъ рыбѣ, отъ чего самаго и заловы рыбныя въ Войскѣ порѣкѣ Уралу становятся малозначущія и всегда

*) Значитъ, ѣздило ихъ прежде мало. М. К.

**) Перовскій присылалъ на это деньги Покотилову. Когда была экзекуція казакамъ за эту жалобу, подполковникъ Геке былъ комендантомъ г. Уральска, а впослѣдствіи атаманомъ съ 1845 по сентябрь 1857 г. Перовскій, во вторичное управленіе краемъ, съ 1851 по августъ 1857 г., каждогодно присылалъ Геке на тотъ же предметъ, т. е. на покупку икры презентной и осетровой, по 200 руб., но Геке ихъ „лопалъ“, на что послѣ Перовскій горько жаловался въ письмѣ на имя Столыпина и просилъ его объявить объ этомъ войску. М. К.

Войско претерпѣваетъ несносныя противъ тѣхъ малолюдныхъ морскихъ рыболововъ убытки, отъ чего Войско приходитъ въсовершенную несостоятельность послужбѣ.

8) Нижнія воинскія чины Оренбургскаго Линѣйнаго Баталіона въУральскѣ состоящаго ежегодно войсковою властію безъвсякаго общаго согласія допущаются къ сѣнокошенію въсамыя лучшія луговые мѣста Войску принадлежащія, отводятъ имъ великое пространство мѣста въпротивность поставленныхъ законныхъ правъ, кои и накашиваютъ сѣно въ противъ положенной имъ пропорціи вдвоя разъ болѣе сонзлишествомъ нетолько довольствуются сами, но и употребляютъ онаго большимъ количествомъ въпродажу и сверхъ сего остается унихъ въвеликихъ шкирдахъ даже додвухъ идо трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ възапасъ недвижимо къ величайшему стѣсненію Войска.

Впрочемъ нераспространяя болѣе другихъ немаловажныхъ злоупотребленіяхъ въ Войскѣ сокрывающихся Наказнымъ Атаманомъ Покотиловымъ добудущаго времени, которыя несомнѣнно могутъ доказаться извѣстись въясность всвое время, акакъ извѣстно намъ, что Наказный Атаманъ имѣ зазывая къ себѣ чрезъ Полицейскихъ чиновниковъ нѣкоторыхъ казаковъ упреждаетъ ихъ всячески, чтобы они въприбытіе Его Высочества непзъявляли никакого неудовольствія, а есть ли о чемъ имѣютъ просьбу, то онъ самъ будетъ ходатайствовать чрезъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора, а впротивномъ случаѣ непзбѣгнутъ они худыхъ послѣдствій небедственныхъ наказаній, чрезъ что нетали уже многіе казаки полагаемъ изъподобострастія склоняться паего сторону.

Апотому всеподданнѣйше просимъ опеременѣ намъ нынѣшняго Атамана другимъ изъсреды Войска чиновниковъ нетаковыхъ кои подѣламъ войсковымъ шмало незамѣшанныхъ, съпредоставленіемъ всему обществу избирать назаконномъ основаніи какъ грамотою предписано; а между тѣмъ чрезъ пристрастныхъ неблагоразумныхъ посторонихъ чиновниковъ овсѣхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ провести законное изслѣдованіе, которыя бы чиновники ни въ чемъ независили бы отъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора по яснымъ причинамъ въ виду имѣющимся съприглашеніемъ отъ Войска изъ чиновниковъ и изъ казачьяго сословія депутатовъ; вовремя же слѣдствія, чтобъ Генералъ-Маіоръ Покотиловъ и Прокуроръ яко блюститель законныхъ правилъ и тѣ Войсковыя чиновники, кои неполнями заедино

незаконныя дѣйствія всѣ были бы отъ должностей по-службѣ поВойску устранены, авмѣсто ихъ поступилибъ другіе чиновники, ибо чрезъ неустраненіе ихъ могутъ послѣдовать въ изысканіи истинны разныя препятствія, вмѣсто же нынѣшняго Прокурора, бывше вытѣсненнаго отсель забезстрастіе поАтаманскимъ происканъ безвинно Прокурора Егора Анадольскаго опредѣлить паки въ Уральскъ попрежнему необходимо нужнаго здѣсь быть къдоказательству и изобличенію важнѣйшаго злоупотребленія: начто и ожидаемъ благосклоннѣйшей Всемилостивой резолюціи. Іюнь 16 дня 1837-й года. Вѣрно: Оберъ-Аудиторъ Андрюковъ.

Копія съзаписки приложенной приэтомъ прошеніи.

По довѣренности: Ѳедоръ Афонасьевъ сынъ Усовъ Еремѣй Игнатьевъ сынъ Побѣдимовъ. Занеумѣніемъ грамотѣ поличной просьбѣ вмѣсто ихъ руку приложилъ. Имрекъ—какъ его зовутъ.

Къ сему прошенію казака Ѳедора Афонасьева сына Усова и Еремѣя Игнатьева сына Побѣдимова, вмѣсто ихъ занеумѣніемъ грамотѣ поличной просьбѣ руку приложилъ. Имракъ—какъ его зовутъ.

Вѣрно: Оберъ-Аудиторъ *Андрюковъ* *).

Прошеніе отъ Уральскаго войска **).

Вашему Императорскому Высочеству Александрѣ Николаевичу Всещедрому иблагому защитителю, когда Уральское Войско наслаждается благодѣнствіемъ ивозсылаетъ предвѣчному благодарственные мольбы запезпосланіе къпамъ ве-

*) Военный слѣдователь. На копіи съ этого прошенія, имѣющейся среди бумагъ, оставшихся послѣ І. И. Желѣзнова, рукою послѣдняго сдѣлана слѣдующая надпись: „Эта просьба передъ просьбою 1824 г.—просто кляуза на атамана и губернатора нѣсколькихъ обиженныхъ чиновниковъ, подбившихъ нѣсколькихъ самыхъ смѣлыхъ казаковъ и ими закрывшихся". Такого же характера отмѣтки сдѣланы имъ и противъ отдѣльныхъ мѣстъ прошенія.

**) См. 1-е подстрочное примѣч. М. К. къ предшествовавшему прошенію. Прим. ред.

ликаго и милосерднѣйшаго Императорскаго Высочества, можемъ ли мы несчастные ивѣрнѣйшіе рабы Вашего Высочества прибѣгнуть подъ Высочайшій прокровъ Вашъ испросить отъ Васъ защиты и милости, итакъ дерзаемъ изобразить все неслыханное произведеніе едиными ненасытными корыстолюбывыми духами начальствующихъ лицъ ималое число казаковъ иразрушаютъ они все заповѣдано вѣками производютъ рыболовство въоткрытомъ море вешнею изимнею порою и отъ того дѣлаютъ Войску немалое угнетеніе инесмотрятъ на древніе Царскіе указы 1766 года октября 13 дня, Высочайше утверждено прикощѣ перваго съПороховаго Буга до Ембинской грани никакихъ водъ наоброкъ недавать и никого къ лову рыбы недопускать, что бы чрезъ то Войску нашему входъ въУралъ рѣку рыбы помѣшательства произвесть немогли, Вашему Императорскому Высочеству внемлите милосердно наши убогія просьбы, но мы готовы съ малаго идовеликаго заБога, завѣру иза Васъ излить свою кровь до единой капли.

Второе. Жалованныя окладныя деньги покойнымъ вѣчной славы и памяти достойнымъ Государемъ Царемъ Великимъ Княземъ Михайлой Федоровичемъ подъ Мезелинскимъ заотличіе противу башкирцевъ, при прежде бывшихъ Атаманахъ ежегодно получали поодному рублю идвадцати копѣекъ, анынѣ уже отъ Атамана Покотилова пять лѣтъ неполучали неединой копѣйки.

Третіе еще унасъ Ваше Императорское Высочество красота и благолѣпіе Уральскаго Войска престала живемъ вародѣ плѣнниковъ, не имѣемъ присебѣ одержаніе и надежды крѣпостнаго указа насухія грани и на Морскіе воды; просимъ Ваше Императорское Высочество удовлетворить своими Царскими грамотами и утвердить Уральское Войско надревнихъ положеніяхъ на Государственныхъ привилегіяхъ какъ основательно было, дабы оная память вконцѣ неистребилась иВаше благодѣяніе вовѣки памятно будетъ, но мы готовы заВасъ вовѣки Богу молится.

Четвертое Ваше Императорское Высочество еще нуждъ множество имѣемъ неболіе сего писать несмѣемъ, но мы живемъ подъвеликимъ страхомъ своего начальства, просимъ неоставить насъ яко храмъ безпокрова и яко темницу безъ свѣта, освѣтити насъ своимъ свѣтомъ и покройте насъ своимъ кровомъ.

Вѣрно: Оберъ-Аудиторъ *Андрюковъ*.

VII.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ПО УРАЛУ[1].

(1858 г.).

---

[1]) Эта статья была напечатана въ газ. „Уралецъ“ 1897 г. *Прим. ред.*

Голубое городище, или прежній городокъ *).

Между Бородинскимъ форпостомъ и Илецкимъ городкомъ, въ равномъ разстояніи, примѣрно, верстахъ въ 15-ти отъ того и другого, къ Илецку, впрочемъ, ближе, справа отъ Урала начинается старое русло Урала, Кошъ-Яикъ. Онъ, искривленной линіей, описываетъ дугу, и пониже Бородинскаго впадаетъ въ Уралъ. Кругомъ его будетъ верстъ 50, а отъ устья до другого, по Уралу, по кривизнамъ, верстъ 25,—и прямо „въ лукъ" отъ устья до устья верстъ 15.—Выше Бородинскаго, верстахъ въ 3, впала въ Кошъ р. Кинделя. Въ старину казаки всякое старое русло Яика называли кошемъ, что нынѣ называется старицей. Верстахъ въ 3-хъ ниже Верхне-Кошевскаго устья, есть возвышенное мѣсто, на подобіе гребня, упирающееся въ Яикъ. Эта возвышенность называется Голубымъ Городищемъ. Такъ оно названо отъ рѣчки, за Ураломъ, въ лугахъ текущей. Эта рѣчка ни что иное, какъ обыкновенный луговой ерикъ. Уже по одному названію „Городище"—можно догадываться, что тутъ былъ городъ. Онъ дѣйствительно былъ. И теперь есть признаки; лѣтъ за 8 всѣ рвы и валы были видны; даже основанія башенъ кирпичныхъ

*) Часть замѣтки объ этой мѣстности дословно помѣщена въ ст. Витевскаго „Происхожденіе Уральскаго войска"—въ „Др. и Нов. Россіи" 1879 г., № 7, стр. 215,—безъ ссылки на источникъ. Подробно эта некрасивая продѣлка историка В. И. Витевскаго (уже покойнаго) изложена въ замѣткѣ Н. А. Бородина „По поводу матеріаловъ по исторіи Уральскаго войска, собранныхъ І. И. Желѣзновымъ", помѣщенной въ „Уральск. Войсков. Вѣдом." 31 мая 1884 г. № 21. Полемика по этому предмету г. Витевскаго съ г. Бородинымъ происходила на стран. „Волжскаго Вѣстн." (№№ 92, 116, 132). Прим. ред.

были видны. Но лѣтъ 8 или 10 назадъ Уралъ въ этомъ мѣстѣ сильно сталъ рвать яръ, и почти все Городище сорвалъ. По разсказамъ старика Куликова, прежній яръ остался теперь уже на Бухарской сторонѣ, гдѣ какъ обыкновенно водится, образовался песокъ и ростетъ лѣсъ. Два года назадъ и послѣднюю башню сорвало. Нынѣшней весной, да и прежнія, вырывало кости человѣческія съ признаками гробовъ. Значитъ, городъ весь сорвало. Рветъ кладбище, которое было, во всякомъ случаѣ, внѣ города. Но сверхъ городскихъ, непосредственныхъ, укрѣпленій, съ одной, именно, съ луговой стороны, крѣпость защищена была сторожевыми башнями; нѣсколько изъ нихъ и доселѣ виднѣются, т. е. основаніе или рытье значится. (Въ оригиналѣ приводится рисунокъ). По преданію уральскихъ казаковъ и киргизовъ, тутъ жили вольные русскіе люди,—прилетаютъ къ этому и Разина. Конечно, Разинъ тутъ не былъ, а были, вѣроятно, отъ него выходцы *). Илецкіе казаки говорятъ, что тутъ жила орда. Илецкіе казаки не знаютъ или съ намѣреніемъ болтаютъ, чтобы заглушить всякую мысль, что тутъ жили Яицкіе казаки. Вѣроятно, они и Палласу сказали, что тутъ жила орда.—Въ 1768 году Палласъ видѣлъ это укрѣпленіе и говоритъ, что то была крѣпость Ногайскихъ татаръ. Но это неправда. Въ „Книгѣ Большаго чертежа“ говорится: „противъ устьевъ рѣки Илека есть островъ Кошъ-Яикъ; на этомъ островѣ есть казачій городъ“. Вотъ и островъ Кошъ-Яикъ, вотъ и городокъ казачій. Но если бъ и не такъ, то какимъ образомъ очутятся около крѣпости гробы? У татаръ гробовъ нѣтъ. Ясно, что тутъ жили христіане. Пониже Голубого Городища есть возвышенность, называемая „Дуванным“. Вотъ и еще доказательство, что тутъ жили русскіе молодцы, дуванъ дувапившіе.

Въ сторонѣ отъ Голубого Городища есть пчельникъ. На немъ живетъ старикъ, Студеновскій казакъ, и передаетъ, что прежде, наканунѣ Благовѣщенія, ночью, слышалась

*) См. „Преданіе о Харко“.

въ лугахъ пушечная пальба; но нѣсколько лѣтъ прекратилась. „Привидѣніе“,—говоритъ старшкъ. Въ старину, дескать, наши разъ начали сраженіе съ басурманами, въ полночь открыли огонь, не почли праздникъ и оттого потерпѣли пораженіе. Въ назиданіе другимъ и происходила пушечная пальба. Передъ началомъ боя одинъ старецъ уговаривалъ нашихъ, чтобы почли праздникъ, но старики его не послушались. Послѣ чего и городъ перенесли къ Кирсановскимъ ярамъ.

Прогрессъ: Въ Баскачкиной ростоши черти не шалятъ, а при Голубомъ Городищѣ изъ пушекъ не палятъ.

Начало волненія *).

Отстроилась новая канцелярія. Атаманъ приказываетъ казакамъ одѣться въ праздничное или нарядное платье, у кого какое есть, взять оружіе и явиться къ старой канцеляріи, поднять знамена, придти къ Казанской церкви, отслужить молебенъ и потомъ перенести знамена въ новую. „Не хотимъ“,—кричатъ казаки,—это похоже на солдатскій нарядъ, а мы, благодаря Всевышняго, еще не приняли ш т а т а. Не пойдемъ къ молебну. А перенесемъ просто, какъ въ старые годы переносили. Иное дѣло—походъ. Тогда и безъ наряда молебны съ харунками служились“.

Ну, и заварилась каша. Съ этого и пошла исторія. Нѣкоторые казаки послушались: пришарядились и съ церемоніей перенесли знамена. Этихъ казаковъ народъ назвалъ с о г л а с н ы м и, а начальство — б л а г о м ы с л я щ и м и. Противныхъ народъ называлъ н е с о г л а с н ы м и, а начальство—б е з п о к о й н ы м и. Въ то время народонаселеніе Уральска было самое густое противъ нынѣшняго—вдвое больше. Ядро служащихъ казаковъ было въ Уральскѣ. По линіи было мало. Но и тамъ были с о г л а с н ы е и н е с о г л а с н ы е.

---

*) Какъ эта, такъ и нижеслѣдующія замѣтки историческаго характера, записанныя авторомъ въ числѣ путевыхъ замѣтокъ, очевидно, есть не что иное,

Въ это время въ Петербургѣ волновалась гвардейская сотня. Она плавала на корабляхъ, садилась въ Кронштадтѣ, высаживалась въ Шведской Померанiи. По приходѣ въ Петербургъ, ее хотѣли одѣть изъ малиновыхъ зипуновъ въ малиновые мундиры. Куда! Не хотятъ. Для образца обрядили въ мундиры 12 человѣкъ, вывели ихъ передъ сотней и сказали: „Видите, какими молодцами высматриваютъ товарищи ваши въ новыхъ мундирахъ?“—„Въ этой одежде хорошо только ходить въ заходку, а войну она не мила“, отвѣчали казаки. Изъ говорившихъ хотѣли задержать троихъ или четверыхъ. Но сотня не дала. „Ихъ брать, такъ и насъ брать: мы всѣ собча“, говорила сотня. Отступились. Между тѣмъ, 12 казаковъ, обряженныхъ въ мундиры, скидаютъ ихъ, несутъ къ сотенному начальнику или вахмистру, кидаютъ ему черезъ порогъ и говорятъ: „Ты это шилъ, ты и носи, а намъ не надо“. Къ этому примѣшались еще разсчеты по жалованью. Слѣдовало сотнѣ возвращаться на Уралъ, но она, оскудѣвшая деньгами, ждала отпуска изъ коммисаріата денегъ и зажилась въ Петербургѣ. Сочли за бунтъ и—вмѣсто отпуска на родину—отослали въ Финляндію. Насталъ 1809 годъ. Казаки съ Кульневымъ сходили на шведскій берегъ, отличились, были прощены и награждены медалями *).

Въ скиту Поморскомъ, близъ Бородинскаго форпоста, на островѣ, окруженномъ озеромъ, встрѣтилъ старика Пе-

---

какъ разсказы разныхъ лицъ, съ которыми авторъ бесѣдовалъ, путешествуя по войску. Прим. ред.

*) Эти разсказы почти цѣликомъ и дословно, только съ нѣкоторыми дополненіями, помѣщены въ кн. Витевскаго „Расколъ въ Ур. войскѣ“ (стр. 41, 48 и 49) со ссылкой на Ур. Войсковой архивъ № 48, тогда какъ это—матеріалъ Желѣзнова, а выставленный №—номеръ описи его бумагъ, а вовсе не архива. Прим. ред.

тра Иван. Клоченкова, 72 лѣтъ. Клоченковъ—изъ партіи извѣстнаго казака Павлова. Былъ вмѣстѣ съ нимъ и съ братьями своими, 2-мя казаками, сосланъ въ Сибирь, въ Иркутскъ по 17-му году. Передъ „Наслѣдниковымъ годомъ“ *) возвращенъ. Жилъ въ Иркутскѣ, какъ поселенецъ, платилъ подати, занимался мелочной торговлей, а больше мастерствомъ сапожнымъ.

Въ 1800 годахъ правительство желало ввести въ Уральской казацкой общинѣ „чередовую“, или очередную службу, но казаки воспротивились: они видѣли въ этомъ первый шагъ къ регулярщинѣ, а регулярщина для яицкаго казака, по его понятію и убѣжденію, горше, чѣмъ для крѣпостного—барщина. „Бери, Бѣлый Царь, хоша всѣхъ насъ на свою Государеву службу: всѣ пойдемъ съ охотой. Но очереди намъ не надо. Пусть остается по старому—наемка. Хоть два гроша казакъ возьметъ, да все-таки пойдетъ по охотѣ, а не какъ рекрутъ—по очереди!“ Въ то время вызывался или снаряжался пятисотенный полкъ въ Грузію. Этотъ полкъ хотѣли одѣть въ однообразное платье,—и это казакамъ было противно, и это пахло имъ регулярщиной. „Въ чемъ ходили наши праотцы, въ томъ и мы будемъ ходить, въ томъ и дѣтушекъ нашихъ желаемъ видѣть!—Не надо формы!“

Отъ „не надо формы“ дошло, наконецъ, и до „не надо“ всякаго преобразованія, всякаго правительственнаго распоряженія, словомъ, не надо стало никакого ш т а т а. Слово ш т а т ъ сдѣлалось для казаковъ словомъ ужаса. Скажи казаку: „Ступай въ огонь!“ Перекрестится казакъ и пойдетъ въ огонь. Скажи казаку: „Прими штатъ“. Перекрестится казакъ и скажетъ: „Приму смерть, но не приму штатъ!“...

Стало, уперлось на своемъ большинство казаковъ и во главѣ ихъ—Павловъ. Шире, да дальше пошло смятеніе, волненіе, броженіе. Между тѣмъ, начальство уступокъ не

*) 1837 г., въ которомъ Ур. войско посѣтилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. См. „Тучу Каменную“. Прим. ред.

дѣлаетъ. Какъ угорѣлые, казаки и хозяйство оставили. Такъ называемые согласные, т. е. тѣ, которые слушали начальство, пошли на осеннюю плавню, а несогласные, т. е. тѣ, которые не принимали штата, остались дома, бить баклуши, да собираться въ круги, чтобъ отстоять старину. Наконецъ, начальство дѣлаетъ уступку, отмѣняетъ очередь, молчитъ о форменной одеждѣ и велитъ выставить въ Грузію полкъ по старому обычаю, т. е. по найму. Но несогласные и на это не соглашаются. Имъ говорятъ: „Нанимайте!“ Они возражаютъ: „Не на что нанимать, мы въ рыболовствѣ не участвовали“. Имъ опять говорятъ: „Васъ не держали, вы сами не шли на плавню. Кто-же виноватъ?“ Они возражаютъ: „Кто виноватъ?—Все онъ виноватъ, не здѣсь между нами будь сказано!“ „Да кто онъ?“ спрашиваютъ ихъ. „Да все онъ, штатъ солдатскій“, отвѣчаютъ они.—„Дайте намъ слободы на годъ“,—прибавляютъ несогласные, „тогда не одинъ, а два, пожалуй, выставимъ полка“. Атаманомъ былъ Д. М. Бородинъ. Какъ ни былъ онъ уменъ, какъ ни любилъ казаковъ, какъ ни уважали они его, но онъ ничего не могъ сдѣлать. Пріѣзжаетъ изъ Оренбурга кн. Волконскій, чтобы разузнать все, на мѣстѣ вглядѣться во все. Принимаетъ на себя замашки суворовскія: притворяется простачкомъ, ходитъ по домамъ, заводитъ бесѣды съ казаками, съ бабами толкуетъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, какъ юродивый собираетъ вокругъ себя толпы ребятишекъ, одѣляетъ ихъ пряниками, орѣхами, мѣдными деньгами, выходитъ съ ними за городъ, въ поле, потѣшается съ ними, вырываетъ изъ норъ сусликовъ, гоняется за земляными тушканчиками, словомъ, накладываетъ на себя, по выраженію казаковъ, блажь, съ тою, конечно, цѣлью, чтобы, во-первыхъ, вызнать хорошенько обычаи, понятія и убѣжденія казаковъ; во-вторыхъ—вкрасться въ ихъ довѣріе и показаться человѣкомъ, желающимъ имъ всякаго блага. Въ первомъ князь, отчасти, успѣлъ, т. е. составилъ, по крайней мѣрѣ, въ головѣ своей планъ— какъ дѣйствовать противъ несогласныхъ, чтобы вдосталь не напугать и согласныхъ. Но во второмъ ему не удалось. Въ свою очередь

и казаки не до такой степени были просты, чтобы не разгадать маски.

— „Понимаемъ, понимаемъ, батюшка,—говорили втихомолку несогласные,—что на устахъ-то у тебя—медокъ, да въ душѣ-то ледокъ; видимъ, видимъ, батюшка, твой лисій хвостъ, да не скрылся отъ насъ и волчій твой зубокъ".

Уѣхалъ кн. Волконскій въ Оренбургъ. Казаки проводили его до своихъ границъ.

На послѣдней станціи онъ выдалъ казакамъ по синенькой бумажкѣ, а казаковъ было человѣкъ 20, и на прощанье сказалъ имъ:

— „Ждите меня, ребятушки, скоро къ себѣ въ гости: не одинъ пріѣду, а съ дѣтками".

— „Милости просимъ",—сказали казаки, а сами подумали:—„вѣкъ бы не видать, не только твоихъ дѣтушекъ, но и самого тебя". Не заставилъ князь себя долго ждать. Мѣсяца черезъ два явился въ Уральскъ съ нѣсколькими батальонами солдатъ и башкирцами. Казаки—безъ оружія—вышли встрѣтить его за городъ и понесли ему, на оловянномъ блюдѣ, хлѣбъ-соль. Но князь хлѣба-соли не принялъ и сказалъ казакамъ:

— Не приму я отъ васъ хлѣба-соли, пока вы не примете отъ меня, что я вамъ дамъ.

— Отъ добра, батюшка, не откажемся, а если что не по насъ, то не безсудь, кормилецъ,—совѣсть претитъ: не надо,—сказали казаки.

— А это что? —сказалъ князь, указывая на солдатъ и башкиръ, стоящихъ подъ ружьемъ.

— Не знаемъ, батюшка,—отвѣчали казаки.—Должно полагать, дѣти твои, съ которыми обѣщался къ намъ быть.

— Да! А что, каковы?—спросилъ князь.

— Нечего сказать, молодцы! — сказали казаки и потомъ прибавили:—„да ужъ на возрастѣ же твои дѣтки-то: у кого усъ рѣжется, а кто и бородкой обложился. И игрушечки у нихъ въ рукахъ такія славныя, свѣтлыя, что твое

зеркальце, не безчестно и взрослымъ молодцамъ такими игрушечками играть, не точію твоимъ дѣткамъ. И у насъ, кормилецъ, есть игрушечки, хоша на видъ-то не мудрыя, но въ дѣлѣ-то куда какъ добрыя. Только не безсудь, мы оставили ихъ дома, думали, не спонадобятся". Зацыкалъ, закричалъ князь на казаковъ.—„Ахъ вы, супротивники! Ахъ вы, буяны! Да знаете ли, я васъ сейчасъ разстрѣлять велю!"

— Вели, есть-когда милости твоей не жаль царскаго пороха, а только мы не буяны: буяны не съ хлѣбомъ-солью выходятъ—сказали казаки и посмотрѣли вокругъ себя.— А вокругъ ихъ стоятъ: съ одного бока башкирцы, съ другого—солдаты, а прямо батарея изъ 8 или 12 орудій съ зажженными фитилями.

— Не трусьте, не робѣйте, братцы,—говорилъ тихонько Павловъ, обходя свою партію;—хоша онъ и князь Волконскій, а мы простые казаки, хоша онъ и отъ Царя пришелъ, а стрѣлять по насъ не посмѣетъ: безоружнаго человѣка ни въ какомъ царствѣ не бьютъ, а въ нашемъ и подавно.

Дѣйствительно, Волконскій успокоился, велѣлъ войскамъ войти въ городъ и разойтись по обывательскимъ квартирамъ, а несогласнымъ сказалъ, чтобы они расходились по своимъ домамъ. Но несогласные не пойдутъ. Они говорятъ:—Гдѣ наши дома? Ты заполнилъ ихъ своими дѣтками. Вишь, сколько нагналъ сюда всякой сволочи. И насъ, видно, хочешь въ полонъ взять. Что жъ? Бери. Мы всѣ тутъ, супротивности никакой не дѣлаемъ. Зачѣмъ пришелъ къ намъ съ армеюшкой, то и дѣлай, а въ дома мы не пойдемъ.

Волконскій плюнулъ и уѣхалъ въ городъ. Казаки остались за башней.

Былъ часъ первый или второй пополудни. Настала вечеръ, пришла ночь, а казаки все толпятся за городомъ. Утромъ, на другой уже день, выѣхалъ за городъ атаманъ Д. М. Бородинъ; утоваривалъ несогласныхъ разойтись по домамъ; но несогласные одно толкуютъ себѣ:—Не пойдемъ! Куда идти? Дома наши заполнены. Пускай князь объявитъ

намъ здѣсь Царское рѣшеніе, тогда посмотримъ, куда идти—въ дома ли родительскіе или ужъ бѣжать, куда глаза глядятъ.

Несмотря на крѣпкій морозъ,—дѣло происходило въ концѣ ноября,—казаки остались за башней. Наконецъ, вечеромъ снова является Волконскій за городъ съ толпой башкиръ и ротой солдатъ; подъѣзжаетъ къ несогласнымъ и говоритъ:

— Повинуйтесь волѣ начальства.

Казаки отвѣчаютъ:—Рады повиноваться, да ты прежде скажи, въ какую силу повиноваться?

— А вотъ въ какую силу — говоритъ князь:—Кочкинъ!—кричитъ князь,—катай ихъ, дураковъ, въ нагайки.— Закричалъ это князь. Кочкинъ махнулъ рукой –и толпа башкиръ съ нагайками, съ палками и съ чѣмъ попало нахлынула на казаковъ. Казаки и ухомъ не ведутъ. Схватили Павлова, раздѣли, чтобы бить нагайками, но не успѣли еще руки поднять, какъ близкіе къ Павлову казаки сами посбросали съ себя одежду, растянулись по снѣгу и закричали:

— Ужъ есть-когда Павлова бить, то и насъ бить!

На другомъ концѣ толпы схватили и раздѣли Федосѣева—казака, упорствовавшаго болѣе другихъ, и около Федосѣева, раздѣвшись, повалились на землю казаки и кричали:

— Его бить—и насъ бить!

Что тутъ дѣлать? Принялись хлестать палками, бить дубьемъ всѣхъ казаковъ, кто попадетъ подъ руки, а они всѣ попадали подъ руки, всѣ лѣзли туда, гдѣ били жарче и больнѣе, всѣ старались доказать, что они не выдаютъ другъ друга. Сдѣлалось побоище страшное. Ни у одного казака не оставили живого мѣста на тѣлѣ, словомъ, избили всѣхъ до полусмерти, а болѣе упорныхъ связали и развезли по казематамъ и по караульнымъ домамъ.

Этимъ побоищемъ за башней распоряжался маіоръ Кочкинъ. По немъ и побоище названо, въ насмѣшку: К о ч к и н ъ

пиръ. Кромѣ того, произведено слѣдствіе, наряженъ судъ: виновныхъ, разумѣется, наказали—однихъ, которые слѣдовали за другими, только высѣкли и оставили въ общинѣ, а другихъ, болѣе упорныхъ, стоявшихъ во главѣ несогласныхъ, въ томъ числѣ Павлова, какъ главнаго зачинщика, высѣкли и сослали въ Сибирь *).

— Подарками тутъ ничего не возьмешь. Отцы наши, дѣды и прадѣды, правда, отдѣлывались деньгами, но тогда времена такія были, тогда и начальство наше заодно съ нами было, а теперь, братцы, время не то, теперь антихристъ и начальниковъ нашихъ отмѣтилъ своей тамгой—темлякомъ, да шпагой. Нѣтъ, нѣтъ, братцы, мысль ваша не хороша. Моя мысль—стоять надо грудью, открыто. Пострадаемъ, а ужъ докажемъ начальству, что мы не ясашные татары, не пахотные солдаты, а вольные люди, славные яицкіе казаки... Всѣхъ не перевѣшаютъ, всѣхъ не переказнятъ. Всю бѣду, весь отвѣтъ принимаю на себя, первый пойду на эшафотъ, первый положу голову на плаху, а ужъ дѣтямъ и внукамъ оставлю памятникъ!—(Такъ говорилъ Ефимъ Павловъ и слова свои доказалъ дѣломъ).

— И мой деньга не сурба (не щербата) и мой шафотъ—плаха не боится—такъ говорилъ Семенъ Байталовъ и слова свои доказалъ дѣломъ.

Читали казакамъ воззваніе Волконскаго, гдѣ говорилось, что казакамъ даруется старый порядокъ вещей. — Довольны ли?— Какъ не довольны!—Благодарите Волконскаго!—Не за что!—Какъ такъ?—Да такъ: не онъ намъ далъ, а старшки наши.—Какіе?—А что въ Сибирь пошли..

— Знаемъ мы, какъ даровали намъ; мы сами взяли!...

---

*) Разсказъ о Кочкиномъ пирѣ также напечатанъ въ вышеназванной кн. Витевскаго (стр. 46—48) съ тою же ссылкой на войсковой архивъ, тогда какъ все это дословно списано у Желѣзнова. Прим. ред.

Мы вступились—кровью разлившись и дали намъ. Наемка, бороды и прочее исконн бѣ наше, у насъ хотѣли отнять, а мы не дали: кнутъ припяли, въ Сибирь пошли, а не разсталисъ. Такъ за кой тутъ благодарить?!...

Добавка,

Весной 1825 г. велѣно было нанять 104 казака и выкомандировать въ Москву, вмѣсто больныхъ и неспособныхъ. Но казаки не хотѣли нанимать, считая это новостью.

Во время севрюжьяго рыболовства имъ объявили, но тамъ ничего не сдѣлали. Оставили до возвращенія войска въ Уральскъ. Въ Уральскѣ та же исторія. Въ іюнѣ атаманъ Назаровъ, со штабъ и оберъ-офицерами, выѣзжалъ на площадь—уговаривать казаковъ. „Карпъ Логашкинъ, вытѣснясь изъ толпы казачьей, въ довольномъ количествѣ бывшей, и ставъ отдѣльно, производилъ противу войскового атамана одни лишь грубые отзывы. Атаманъ, видя толикую дерзость казака Логашкина, перемѣнившаго отъ запальчивости и настоящій видъ лица, принужденъ былъ ему сказать только, что онъ поговоритъ съ казаками, которые постарѣе его. Логашкинъ же съ дерзостью и неповиновеніемъ отвѣчалъ:— Что, развѣ молодые не такъ же служатъ, какъ старые?

Изъ толпы отголоски:—Что Логашкинъ говоритъ, на то и они всѣ согласны. Что за нимъ, то и за всѣми...“

Карпу Логашкину отъ роду 28 л.

— Чей ты?—спрашиваетъ атаманъ Логашкина.—Не знаешь развѣ меня? Есть-когда не знаешь, то справься у себя по бумагамъ.

Отецъ Логашкина, Михайло, отставной казакъ, разстраивалъ казаковъ къ „ненайму“. Сына не уговаривалъ, отзы-

ваясь:—Я—отставной казакъ, а онъ—служащій: а это дѣло служащихъ, а не отставныхъ. Зачѣмъ мнѣ навязываться съ совѣтами, какъ съ ковшомъ на брагу. Всякъ Еремей—про себя разумѣй!

Служащихъ прогнали сквозь строй черезъ 1000 человѣкъ по 3 раза, а отставного—черезъ 500 чел. одинъ разъ. Всѣхъ оставили въ войскѣ, а Логашкина и еще Семенычева отдали въ солдаты.

Всѣхъ подсудимыхъ было до 90.

— Войско наймемъ и я найму. Полкъ дадимъ, а сотню не дадимъ: это новость,—говорили казаки по поводу выкомандированія одной сотни въ 1825 г.

Иванъ Фроловъ, на вопросъ корпусного адъютанта, шт.-капитана Березовскаго,—кончена ли наемка, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, да и не кончится, потому что начальство требуетъ незаконнаго.

Отст. полковнику Поликарпову сказалъ:

— Что вы насъ уговариваете? Дядя вашъ, Давыдъ Март. Бородинъ, въ прежнее замѣшательство уговаривалъ и хотѣлъ надѣть на насъ, по штату, кафтаны, но мы не согласились; хоть и потеряли нѣсколько казаковъ, однако свое удержали!

Семенъ Спиридоновъ и Яковъ Думчевъ въ присутствіи канцеляріи говорили, чтобы посаженные въ острогъ казаки были освобождены, ибо, де, они посланы были въ канцелярію изъ толпы, что лучше согласны они нанять цѣлый полкъ, нежели 104 казака.

Семенъ Ботовъ, на вопросъ канцеляріи—исполнилъ ли приказаніе—отвѣчалъ: „Нѣтъ, и послѣдую міру. Отъ старѣйшихъ слышалъ, якобы пріѣхали изъ Москвы казаки Андрей Голубовъ и Тимофей Александровъ и говорятъ войску, что въ Москвѣ о неспособныхъ никакого распоряженія не слышно и что всѣ казаки продолжаютъ службу должнымъ порядкомъ *).

Конфирмація послѣдовала 25 іюля 1825 г. Послѣдняя вспышка старины!...

25 октября 1858 г.

---

*) Этотъ разсказъ также напечатанъ Витевскимъ въ кн. „Расколъ въ Ур. в.“, со ссылкой не на Желѣзнова, а на архивъ (стр. 52—54). Прим. ред.

VIII.

ОБИДѢЛЪ
И
ВОТЪ КАКЪ МЫ СЛУЖИЛИ.

I. ОБИДѢЛЪ

Въ З...мъ форпостѣ *) я останавливался дня на три и квартировалъ у Василія Тимоѳеевича Л у п п и а, давнишняго моего пріятеля.

Вамъ, читатель, конечно, все равно, гдѣ бы и у кого бы я ни квартировалъ. Это должно быть такъ.—Но для меня, извините, не все равно. Я съ намѣреніемъ упомянулъ имя хозяина моей квартиры, чтобы, „при сей вѣрной оказіи", сказать объ немъ слова два—три. Надѣюсь, ни вы, читатель, ни даже самъ Василій Тимоѳеевичъ—въ претензіи на меня не будете. Къ дѣлу.

Василій Тимоѳеевичъ—казакъ среднихъ лѣтъ, бѣлокуръ, высокъ, строенъ, бравый, одно слово—молодецъ казакъ. Всю жизнь служитъ п р и к а з н ы м ъ (старшимъ) въ линейной командѣ, а когда не бываетъ начальника (офицера), управляетъ и всей станицей. Одно время служилъ онъ въ гвардіи и щеголялъ въ мундирѣ бирюзоваго цвѣта, съ бѣлыми перевязами, бахромными кисточками, чешуйчатыми эполетами, и т. под. аттрибутами лихого казака-гвардейца.—Но не посчастливилась Василью Тимоѳеевичу гвардейская служба, чему виной былъ петербургскій климатъ. Получилъ Василій Тимоѳеевичъ сильнѣйшій ревматизмъ въ ноги и былъ, поэтому, исключенъ изъ гвардіи.—Къ начальству, то есть къ нашему брату, казацкому офицерству, Василій Тимоѳеевичъ очень близокъ, но не потому, чтобы питалъ особую симпатію къ начальству, а потому, что само началь-

*) Форпостъ у уральскихъ казаковъ то же, что с т а н и ц а у другихъ, напр., у донскихъ казаковъ. Авт.

ство въ немъ имѣетъ нужду, и оттого всегда старается держать его около себя какъ можно ближе. И тому есть причина. Василій Тимоѳеевичъ—человѣкъ грамотный, хорошо знакомый съ формами „лпортовъ“, мѣсячныхъ и другихъ вѣдомостей и т. под.,—словомъ, Василій Тимоѳеевичъ бюрократъ, въ нѣкоторой степени, хоть куда, но бюрократъ, сказать правду, не по призванію, а по необходимости, другими словами—по приказанію. За Васильемъ Тимоѳеевичемъ каждый начальникъ, что касается бумажныхъ дѣлъ, живетъ припѣваючи.

Не разъ начальство предлагало Василію Тимоѳеевичу нашить „лычки“, т. е. галуны, и стать на степень „сударя“ (урядника), но Василій Тимоѳеевичъ и руками, и ногами упирался и доднесь упирается отъ такой чести. Чудакъ Василій Тимоѳеевичъ, сынъ Лупинъ.—Одно его желаніе, какъ бы скорѣе дотянуть казачью „лямку“, т. е. отслужить узаконенный двадцатипятилѣтній терминъ и получить отставку, чтобы хотя относительно быть вольнымъ казакомъ.

Чудакъ, Василій Тимоѳеевичъ, сынъ Лупинъ!

Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать о немъ.

Я пріѣхалъ къ нему въ вечернюю пору. Въ передней комнатѣ,—она же и кухня и столовая,—встрѣтила меня жена Лупина, хлопотавшая около самовара. Поздоровавшись съ хозяйкой, я спросилъ о хозяинѣ: дома ли?—Хозяйка улыбнулась и молча показала на плотно притворенную дверь, ведущую въ другую комнату—въ горницу. Тамъ слышенъ былъ неясный сдержанный говоръ.

Отворивши немного дверь, я взглянулъ въ горницу и увидѣлъ порядочную компанію... веселую, думаете?—Нѣтъ!—Хотя на столѣ, накрытомъ пунцовой скатертью, и красовался большой графинъ съ водкой, обставленный кругомъ приличной закуской, какъ-то: балыкомъ, икрой, дынями, арбузами, и т. под., хотя собесѣдники и подгуляли порядочно, хотя одинъ изъ нихъ и балалайку въ рукахъ держалъ, но компанія за всѣмъ тѣмъ была невеселая, скорѣе печальная, по крайней мѣрѣ чѣмъ-то озабоченная, огорчен-

ная... Физіономіи у всѣхъ собесѣдниковъ были недовольныя, сердитыя, сумрачныя... Тотъ, у кого была балалайка, время отъ времени судорожно ударялъ по струнамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ будто хотѣлъ на балалайкѣ выместить свою досаду.—Самъ хозяинъ, съ опухшими и раскраснѣвшимися отъ слезъ глазами, быстро расхаживалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и что-то ворчалъ. Сквозь безсвязныя его рѣчи ясно и отчетливо доносились до меня только слова: „подлецы!“, „мучители!“ и нѣкоторыя другія, довольно крѣпкія, въ печать неукладывающіяся. По временамъ Василій Тимоѳеевичъ останавливался передъ нѣкоторыми изъ гостей и, дѣлая энергическіе жесты, сильно, выразительно вскрикивалъ: „Вѣдь обидно, братцы! Ужасно обидно!“

Въ голосѣ Лупина слышалось что-то злобное, болѣзненное.

„Не бай! Жить нельзя!“ Такіе и подобные имъ отвѣты давали хозяину гости, кивая головами, пожимая плечами и чеша въ затылкахъ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на хозяйку. Та сдѣлала рукою знакъ, чтобы я вошелъ въ комнату и, улыбаясь, тихонько проговорила:

—Войдите, узнаете.

Я вошелъ въ комнату, и—все смолкло, притихло, словно въ комнатѣ никого не было. Хозяинъ оторопѣлъ, словно мальчишка, пойманный на шалости, и тупо смотрѣлъ на меня, видимо не зная, что начать. На привѣтствіе мое онъ проговорилъ только:

— Это ты, ваше благородіе?...

— Какъ видишь, пріятель!—сказалъ я.

— Вижу, вижу. Милости пр... Куда жъ вы, братцы?— вдругъ заговорилъ хозяинъ, отворачиваясь отъ меня и обращаясь къ гостямъ, которые между тѣмъ, какъ мы съ Лупинымъ обмѣнивались словами, одинъ по одному, молча, на цыпочкахъ, согнувшись, кто бокомъ, кто задомъ, прячась другъ за дружку, убирались вонъ изъ комнаты.—Куда,

куда? Постойте, лѣшіе! Чего испугались?—кричалъ хозяинъ, стараясь удержать гостей.

Но гости не слушались, всѣ выбрались. Остался только одинъ тотъ, что съ балалайкой. Этотъ отошелъ въ уголъ и прижался къ стѣнѣ, спрятавъ балалайку за спину.— Убѣжалъ бы и онъ, какъ самъ впослѣдствіи сознался, но на бѣду шапку второпяхъ не нашелъ, а бѣжать безъ шапки считалъ неприличнымъ.

— Василій Тимоѳеевичъ! — сказалъ я, когда немного утихла суматоха.—Вороти гостей, не то я уѣду: я не хочу мѣшать вашей компаніи.

— Сейчасъ!—сказалъ хозяинъ.—Дядя, побудь съ ихъ благородіемъ.

Послѣднія слова относились къ балалаечнику. Хозяинъ вышелъ,—я остался съ балалаечникомъ. Это былъ Афанасій Дмитріевичъ Барсуковъ, старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, брюнетъ, полный, здоровый,—сѣдина только-что начинала пробивать его большую клинообразную бороду.— Мы скоро познакомились.

— Прошу любить — жаловать, ваше благородіе! — сказалъ Афанасій Дмитріевичъ, когда мы усѣлись съ нимъ у стола, въ ожиданіи хозяина.

— Буду любить—жаловать,—сказалъ я новому знакомому,—если только станешь называть меня не „благородіемъ“, а по имени.

— Ой ли?—спросилъ старикъ съ недовѣрчивостію.

— Вѣрно!—отвѣчалъ я.

— Ладно, ладно, ваше бл.... Тьфу ты пропасть! забылся!—заговорилъ старикъ, отплевываясь.

Въ это время воротился хозяинъ, но одинъ, безъ гостей.

— Ну, что?—спросилъ я.

Хозяинъ махнулъ рукой.

— Всѣ разбѣжались, словно окаянные отъ ладона!—проговорилъ Лушинъ, усаживаясь къ столу и берясь за графинъ.

— Жаль!—сказалъ я.

— Жаль, и Богъ съ ними,—замѣтилъ Лушинъ.

— Что такъ?—спросилъ я.

— Гости истаковскіе,—отвѣчалъ Лушинъ.—Я знаю, чего ты ищешь. Ужо созову къ тебѣ такихъ молодцовъ, которые и пѣсенъ напоютъ съ три короба и о старинѣ кое-что порасскажутъ. Да вотъ и дядя Фанасій тряхнетъ стариной. Ну-ка, дядя,—сказалъ Лушинъ, обращаясь къ старику,—хвати-ка:

„Какъ во попѣшиемъ во годѣ“...

— Вѣдь самъ сочинилъ,—вотъ что дорого!—прибавилъ Лушинъ.

— Будто?!—спросилъ я и одобрительно взглянулъ на с о ч и н и т е л я. Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вѣрно такъ!—подсказалъ Лушинъ.—Ну, дядя! Что людишься? Возьми балалайку, да и отчебачивай!

Старикъ, видимо, колебался. Онъ былъ непрочь удаль свою показать, но и боялся, какъ бы „на каршу не сѣсть“ *) На этотъ разъ я вывелъ старика изъ затрудненія.

— Это отъ насъ не уйдетъ,—сказалъ я.—Вели-ка, Василій Тимоѳеевичъ, хозяюшкѣ своей угостить меня чаемъ,—а потомъ и за балясы примемся.—Да, кстати, дружище,—спросилъ я Лушина,—разскажи-ка, что у васъ за исторія,—отчего ты давеча плакалъ и говорилъ: „о б и д н о“, „о б и д н о“?

Хозяинъ съ ожесточеніемъ махнулъ рукой и затрясъ головой.

— Лучше не спрашивай, не растравляй, а то опять заплачу!—сказалъ Лушинъ.

И, дѣйствительно, на глазахъ у него навернулись слезы.

— Пожалуй, плачь, только разскажи.

— Что разсказывать-то? Исторія коротка: обидѣлъ о н ъ,—вотъ что!...

— Кто о н ъ?

---

*) Мѣстное (казачье) выраженіе, равносильное, напр., слову: с к о н ф у з и т ь с я и т. п. Авт.

— Начальникъ!!

— Кого обидѣлъ? Не тебя ли?

— Брата!!

— Какого?

Я зналъ, что у Лунина нѣтъ братьевъ, и потому предложилъ такой вопросъ.

— Какого?! Казака обидѣлъ, нашего казака!—почти вскричалъ Лушпъ.—А каждый казакъ—продолжалъ онъ,—каждый казакъ—братъ мой: одна кровь, одна кость!—Вотъ какого брата! Эхъ, обидно, обидно! Ужасно обидно! Выпьемъ, что ли, дядя, съ горя?—обратился Лушпъ къ старшку.—Что съ ними толковать,—сказалъ онъ, кивая на меня головой:—имъ горя нашего не понять,—не на тѣмъ конѣ сидятъ.—А вашу милость позволите попотчивать?—спросилъ меня Лушпъ, дѣлая сильное удареніе на словѣ: позволите.

Я отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Не пью не во-время. Видишь, часмъ пробавляюсь.

— Не пьете, что и говорить,—проговорилъ Лушпъ со злою усмѣшкою.—Съ нашимъ братомъ, знаю, не пьете: гнушаетесь,—а между себя, знаю, до положенія ризъ... И то надо сказать,—продолжалъ онъ,—вино-то у насъ простое, изъ царева кабака, офицерскому нутру не по губѣ... Вамъ подавай изъ рейскова погреба, все ромy-громy, ёмъ-ямайскаго! Такъ, что ли? а?—обратился ко мнѣ Лушпъ, видимо желавшій порисоваться или, правильнѣе, поломаться: онъ былъ довольно подъ хмѣлькомъ.

— Ты, однако, чепуху-то, Василій Тимоѳеевичъ, не пори,—сказалъ я,—а дѣло говори!

— Въ самомъ дѣлѣ, Вася, не ломайся,—подсказалъ Афанасій Дмитричъ,—разскажи ему, може, совѣтъ какой дастъ.

— Аль не разскажу?—сказалъ Василій Тимоѳеичъ—знамо, разскажу! Побоюсь, что ли? Все разскажу. Слушай!

И Василій Тимоѳеевичъ разсказалъ самый вопіющій, самый возмутительный случай, какъ начальникъ обидѣлъ казака. Во-первыхъ—нагрѣлъ ему ла-

нить, во-вторыхъ—вычистилъ зубы, въ третьихъ—расчесалъ русы-кудри, въ четвертыхъ—продергалъ отечество (бороду),—въ пятыхъ—накадилъ тоболжанымъ кнутовищемъ буйную головушку... Отъ послѣдней операціи казакъ упалъ безъ чувствъ, и его насилу отлили водой.—А за что? За какую вину?—И не спрашивайте! Самый недобросовѣстный изъ всѣхъ недобросовѣстнѣйшихъ судей, жившихъ когда-либо на вольномъ свѣтѣ, не нашелъ бы за казакомъ никакой вины,—развѣ, развѣ бы подъ сумнѣніе взялъ.

Вотъ это-то и возмутило Василья Тимоѳеевича и его братію.

— Странно, Василій Тимоѳеевичъ,—сказалъ я, выслушавъ разсказъ о подвигѣ начальника.—За что жъ тирапить такъ? Вѣдь, по сказкамъ твоимъ, казакъ ни въ чемъ не виноватъ. Тутъ что-нибудь не такъ.

— Знамо не такъ, что и толковать! Все дѣло по наговорамъ,—сказалъ Лунинъ.

— По какимъ?

— А вотъ по какимъ! Слушай хорошенько.

„Года четыре назадъ,—началъ Лунинъ,—ходилъ въ степь казачій отрядъ. Отрядной (начальникъ) былъ страшный хапунъ, не довольствовался тѣмъ, что казаки изъ „чести“ давали. Сначала заѣлъ у казаковъ всю мясную и всю винную порцію. Казаки стерпѣли, знамо, честь знали, не потянулись ни за мясомъ, ни за спиртомъ.—„Богъ съ нимъ“, говорили казаки про отряднаго, „пускай одинъ ѣстъ, а мы, Богъ, дастъ, и съ сухарей не умремъ“.—Отрядный разлакомился и захотѣлъ большаго: захотѣлъ, значитъ, заодно съ порціонами, и жалованье казачье сглотнуть. Вотъ это-то казакамъ не совсѣмъ поправилось. Стали казаки межъ себя поговаривать: „много, де, будетъ, не все вдругъ; курочка по зернышку клюётъ, да сыта бываетъ. У насъ у самихъ есть жены и дѣти,—тоже ѣсть просятъ“.—Потомъ стали просить отряднаго изъ чести, чтобы удовлетворилъ ихъ царскимъ жалованьемъ, „а порціонами, де, такъ и

быть—говорятъ казаки—кланяемся вашей милости; знаемъ, и вамъ, де, нужно чѣмъ да нибудь кормиться".

— Видишь, какіе добрые казаки, чего жъ еще добрѣе!—сказалъ Лушинъ.—Но, нѣтъ,—продолжалъ Лушинъ,—отрядный не восчувствовалъ всей доброты казачеиьковъ, а только испушилъ ихъ... Этого мало! Сталъ послѣ того, сударь мой, на каждомъ шагу придираться къ казакамъ, то того, то другого отлупитъ нагайками, иль-бо зубы расчистить, чтобы, знаешь, застращать казаковъ.—Ну, этого ужъ казаки совѣмъ не стерпѣли.—Какъ вышли на линію, такъ, благословясь и перекрестясь, призвавъ Господа Бога и всѣхъ святыхъ на помощь,—такъ всѣмъ отрядомъ и бухнули левизору (инспектору) претензію.—Левизоръ и такъ, и сякъ, и туда, и сюда, хотѣлъ успокоить, примирить, да ничего не подѣлалъ. Знамо, казаки-то ужъ больно вознегодовали.—„Замѣсть того—говорили казаки—чтобы, за наше добро, спасибо намъ, а онъ вздумалъ еще обижать".—Волей-неволей, отрядный и выдалъ казачье добро. Зато и затаилъ же въ душѣ своей злобу на весь отрядъ, и завѣщалъ эту злобу братьямъ своимъ и всѣмъ сродникамъ и переродникамъ... Казачёкъ, котораго обидѣлъ нашъ начальникъ, былъ въ томъ самомъ отрядѣ, а начальникъ нашъ, выходитъ, братъ отрядному.—Вотъ по какимъ наговорамъ! Понялъ?—заключилъ свой разсказъ Лушинъ.

— Понялъ, понялъ,—сказалъ я. Потомъ немного спустя спросилъ Лушина:

— Такъ вотъ отчего ты давеча плакалъ?

— А то отчего же? Отъ самаго этого!—сказалъ Лушинъ.—Вѣдь обидно! Ужасно обидно! Что надъ нашимъ братомъ издѣваться?—продолжалъ онъ, опустивъ голову и перебирая по волоску бороду.—Честп въ томъ, думаю, немного. Хоть Кельдибека, киргизскаго „дархана" (кузнеца), о томъ спроси,—и тотъ то же скажетъ.—Придраться вашему брату легко: не довернулся—виноватъ, перевернулся—виноватъ,—завсегда, значитъ, виноватъ.—Мы вѣдь славу только заши маемъ, что мы „казаки, братцы, люди вольные".

А что мы на самомъ-то дѣлѣ?—Бараны! больше ничего, какъ бараны!

Противъ этого я ничего не могъ возразить, а только, немного погодя, спросилъ:

— Что жъ обиженный-то?

— Ничего, — отвѣчалъ Лушинъ ушло-плачевнымъ тономъ:—лежитъ, охаетъ, грудную траву ѣстъ, да бальзамомъ мажется,—можс, и окалямается—на то Божья воля: не онъ первый, не онъ послѣдній. У насъ, въ былое время, и женщинамъ беременнымъ не спускали..., а казакамъ нечего въ зубы смотрѣть. Что казакъ? Казакъ ребенка не выкинетъ...

При этомъ Лушинъ съ ожесточеніемъ затрясъ головой и заскрипѣлъ зубами.

— Дистаночному можно пожаловаться,—замѣтилъ я.

— Что жъ толку-то?—возразилъ Лушинъ.

— Какъ что?—сказалъ я.—Дистаночный командиръ у васъ, знаю, человѣкъ прекрасный,—онъ не допуститъ такихъ безпорядковъ.

Лушинъ пытливо и недовѣрчиво взглянулъ на меня. Потомъ, спустя минуту, проговорилъ:

— Грѣхъ сказать про дистаночнаго худо; человѣкъ онъ, правда, хорошій, не обидчикъ, какъ другіе, да ничего и онъ не подѣлаетъ,—не промѣняетъ онъ офицера на казака: военный артикулъ не позволитъ; не то, и самого дистаночнаго скрутятъ, даромъ что онъ съ густыми эполетами,—найдутся и супротивъ его, погуще... Тутъ, братецъ мой, круговая порука, тутъ...

— Постой, постой, пріятель—перебилъ я Лушина.—Если не надѣетесь на дистаночнаго,—то что жъ мѣшаетъ вамъ обратиться къ наказному атаману? Онъ не дастъ потачки.

— Думали мы и объ этомъ, да раздумали,—сказалъ Лушинъ.—Правда,—продолжалъ онъ,—наказный атаманъ не изъ таковскихъ, чтобы спускать вашему брату. Мы хорошо знаемъ, что онъ строго взыщетъ съ начальника. Да есть тутъ, сударь мой, одна запятая, и не маленькая.

— Какая жъ?

— Какъ какая?! Рази не понимаешь? Къ примѣру: нынче атаманъ у насъ, а завтра—вѣдь онъ изъ с т р а н н и х ъ *),—а завтра уѣдетъ въ Питеръ; ну и кончетъ балъ! Тамъ какого-то еще атамана Богъ дастъ, а вашъ братъ все-таки останется на нашей шеѣ; не мытьемъ, такъ катаньемъ возьметъ... Да что я съ тобой балясы-то точу!—проговорилъ Лушинъ, вставши съ мѣста и направляясь къ двери.—Рази не знаешь нашихъ порядковъ? Али забылъ? Чудакъ!...

Съ послѣднимъ словомъ Лушинъ вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнулъ дверью, шдо стекла въ окнахъ задребезжали.

II. ВОТЪ КАКЪ МЫ СЛУЖИЛИ.

Василій Тимоѳеевичъ ушелъ созывать гостей. Я остался съ глазу-на-глазъ съ Афанасіемъ Дмитричемъ. Во все время разговора моего съ Лушинымъ Афанасій Дмитричъ молчалъ и время отъ времени тихонько перебиралъ струны на балалайкѣ. Когда мы съ нимъ остались вдвоемъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Въ ваше время такъ что ли было?

— Все единственно! отвѣчалъ старикъ. — Еще при отцахъ нашихъ пошли такія заведенціи. Одно слово, съ той поры, какъ Давыдъ Мартемьяновичъ *) промѣнялъ п о с о х ъ на ш п а г у, насталъ совсѣмъ другой свѣтъ.—Я про себя скажу... Нѣтъ, лучше сыграю и спою, значитъ, старину тряхну. Слушай-ка.

Афанасій Дмитричъ забренчалъ на балалайкѣ и спѣлъ пѣсню.

Какъ во попѣшнемъ во годѣ
Мы служили во походѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ,
Мнѣ милѣе тебя нѣтъ!

---

*) Иначе: изъ и н о г о р о д н и х ъ, одно слово не изъ уральцевъ. Авт.

**) Бородинъ, атаманъ, возведенный въ это званіе императоромъ Павломъ Петровичемъ. Авт.

Мы служили въ чистомъ полѣ
Во великомъ большомъ горѣ.
(Припѣвъ повторяется).
Притомились кони наши,
Мы ложились спать нѣмши,
Мы служили наги, босы,
Позабыли всѣ фарфосы (форпосты).
Мы забыли мать-отца,—
Нашей службѣ нѣтъ конца.
Позабыли женъ, дѣтей,
И про нихъ намъ нѣтъ вѣстей.
Какъ приходитъ конецъ лѣту,
Намъ съ Урала вѣстей нѣту.
Однѣ вѣсти перепали:
У всѣхъ у насъ кони стали,
Какъ мы начали тужить.
Намъ горчѣй пѣшимъ служить.
Чуманъ-салтанъ мотокъ—
Аржанухинъ намъ помогъ.
Пріѣзжаетъ къ намъ въ отрядъ,
Онъ поставилъ насъ всѣхъ въ рядъ.
Не дочелся сорокъ пять.
Не дочелся сорокъ пять,
Воротилъ отрядъ назадъ.
— „Воротитесь на Илекъ (рѣка),
На Буранный на фарфосъ,
На Буранный на фарфосъ:
Я спишу, де, съ васъ допросъ.
Какъ отрядный вашъ ни глупъ,
Онъ пущалъ васъ не вдругъ.
Онъ пущалъ по одному,
Не сказывалъ никому".
Подъ нимъ лошадь солова,
Пуста его голова!
Казаки то распознали,
Всеё правду показали,
Всеё правду показали:
Сиговатова обязали:
— Сиговатовъ то казакъ,
Онъ больше насъ всѣхъ знатъ
Потому онъ больше знатъ—
А онъ служитъ за-урядъ,
А онъ служитъ за-урялъ.

Съ казаковъ деньги сбирать.
Всѣ деньги получанть,
Казаковъ всѣхъ научанть:
— Кто хочеть быть на рѣкѣ (Уралѣ),
Неси денежки въ рукѣ".
Сноватовъ казакъ плуть—
Онъ подвелъ насъ всѣхъ подъ кнуть.
Мы получимъ себѣ кнуть,—
А онъ вѣчно будетъ плуть!

Марья моя, вольный свѣтъ,
Мнѣ милѣе тебя нѣтъ!

— Вотъ какъ мы служили!—сказалъ Афанасій Дмитричъ, кладя около себя балалайку и берясь за графинъ,—я только-что женился на своей Марьюшкѣ,—продолжалъ старикъ.—Передъ масляницей женился, а великимъ постомъ въ отрядъ попалъ, къ киргизскому султанъ-правителю, къ Чуманкѣ *). — Отрядный — не тѣмъ будь помянутъ, покойникъ—уже изъ сотни сорокъ пять человѣкъ распустилъ по домамъ, знамо, кого за золотую, кого за голову сахару. А тутъ, словно на грѣхъ, потребовали отрядъ въ походъ на Эмбу (рѣка), за разбойниками, адайцами. Идти-то въ походъ, выходитъ, не съ кѣмъ. Дошло это до вышняго начальства; судъ и слѣдствіе нарядили. На слѣдствіе пріѣзжалъ оренбургскій маіоръ Аржанухинъ; онъ-то все и открылъ.— Отряднаго отъ мѣста отрѣшили и на абвахту засадили мѣсяца на два за то, братецъ мой, что съ казаковъ сдарки бралъ и по домамъ распущалъ,—а казачеяковъ за то, что сдарки давали, плетьми отстегали. „Не давай, говорятъ, сдарки: военный артикулъ воспрещаетъ"!.. Поди, да и разбирай, у кого голова съ мозгомъ. Такая ужъ планида наша: не даешь — начальникъ придирается и лупитъ, словно сидорову козу.—„Что не даешь"?—а если даешь, да начальникъ не потрафитъ вышнему начальству,—то, изъ огня да въ полымя,—вышнее начальство лупитъ: „зачѣмъ

*) Если не ошибаюсь, Чуманкой называли казаки киргизскаго султана Чингалія Урманова. Авт.

дасшь"?—Ужъ такъ-то переплелись мы съ вашимъ братомъ, чиновникомъ, что, кажись, самъ шутъ не расплететъ.

— Я тоже за золотеньку ѣздилъ домой къ своей Марьюшкѣ,—продолжалъ старикъ,—и то же получилъ, что и другіе... Со такого великаго горя, взялъ да и сочинилъ эту пѣсню,—этимъ только и сердце свое отвелъ. Приплелъ тутъ и Марьюшку свою,—знамо, по ней соскучился, изъ-за нея, значитъ, и плеть получилъ.—Не забылъ и Сиговатова казака, назвалъ его плутомъ, потому назвалъ его такъ, что черезъ него отрядный собиралъ съ насъ золотые, чаи, сахары и прочее. А ужъ отрядному всѣхъ больше досталось.

„Подъ нимъ лошадь солова,
Пуста его голова"!

— Вотъ какъ отдѣлалъ я отряднаго! Все войско, батенька мой, смѣялось надъ этимъ,—заключилъ старикъ и самъ залился добродушнымъ смѣхомъ.

— Аи да Афанасій Дмитричъ!—сказалъ я, выслушавъ разсказъ его.—Молодецъ! Важнецъ пѣсня!

— Что, нравится?—спросилъ старикъ.

— Еще бы! Сортъ!!—сказалъ я.

— Въ книжку введешь?

— Непремѣнно!

— И имя мое подпишешь?

— Какъ есть!

— Нѣтъ, этого не дѣлай, пожалуйста!—просилъ меня старикъ.—У отряднаго дѣти и внуки остались, и у меня есть дѣти и внуки. Какого бы худа не вышло, долго ли до грѣха.

— Не боись,—сказалъ я, успокаивая старика,—не выдамъ я тебя. Если и подпишу твое имя, то подъ какой-нибудь титлой, никто изъ чиновниковъ, кому вѣдать не должно, не догадается,—только и будемъ знать ты, да я, да кой-кто изъ казаковъ вашихъ.

— Ну, ништо быть по сему! Идетъ!—сказалъ старикъ.—

Дѣлай, какъ знаешь. Да, смотри,—прибавилъ онъ, взявши въ руки балалайку и ударяя по струнамъ,—смотри не пропусти вотъ это:

„Марья моя, вольный свѣтъ,
Мнѣ милѣе тебя нѣтъ“!

Съ послѣднимъ словомъ, Афанасій Дмитричъ прищелкнулъ пальцами по балалайкѣ и, смѣясь, встряхнулъ головой.

— Вотъ уже сороковой годъ живемъ съ старухой,—заговорилъ старикъ,—а все еще другъ дружку любимъ, словно молодые,—до сихъ поръ, чтобы не сглазить, на одной подушкѣ спимъ, не тѣсно. Не въ похвальбу сказать, такая удачная жена попалась.

— Не боюсь, не пропущу,—сказалъ я.—Даже и это, что сейчасъ сказалъ ты насчетъ подушки.

— Валяй!—сказалъ старикъ, заливаясь самымъ веселымъ и беззаботнымъ смѣхомъ.—Писать, такъ ужъ писать! Пускай и Марьюшка будетъ знать, что я и съ чиновниками въ компаніи не забываю ее. Пиши, пиши! Печатывай, печатывай, дружище!—говорилъ старикъ, ласково и дружелюбно трепля меня за плечо.

Въ это время вернулся домой хозяинъ съ двумя новыми гостями, братьями П—выми.

— А что Ермоша?—спросилъ Афанасій Дмитричъ.

(Ермошей Афанасій Дмитричъ называлъ меньшого брата своего, Ермолая Дмитрича, казака немолодыхъ уже лѣтъ, дослуживающаго свой срокъ и готовящагося къ отставкѣ).

— Пейдетъ, будь онъ неладный!—отвѣчалъ Лунинъ.—Мало ли просилъ, уперся, закоснѣлъ, пейдетъ, да и только.

— Что такъ?—снова спросилъ Афанасій Дмитричъ.

— Да что?—говорилъ Лунинъ.—Чепуху несетъ. „Боюсь, говоритъ, гостя твоего“.—Поди да и толкуй съ нимъ. Никакихъ резоновъ не принимаетъ.

— Меня боится?—спросилъ я.

— А то кого же? Знамо, тебя!—сказалъ Лунинъ.—„Шутъ его знаетъ“, говоритъ Ермоша про тебя, „зачѣмъ онъ пріѣ-

ѣхалъ,—може съ подвохомъ.—Може, говоритъ, атаманъ приказалъ ему разпюхать, гдѣ живутъ хорошіе пѣсельники. Выкажи, говоритъ, ему свой талантъ,—послѣ и самъ не радъ будешь. Отнесется, говоритъ, къ атаману липортомъ: въ такомъ-то, де, мѣстѣ, такой-то, де, казакъ мастеръ старинныя пѣсни пѣть. Ну, говоритъ, и конченъ балъ! Потянутъ, говоритъ, раба Божія Ермолая Митрича въ Уральскъ, запишутъ въ городовой полкъ въ полковые пѣсельники, а тамъ, чего добраго, въ музыкантскую одежу обрядютъ, да мѣдную трубу въ зубы воткнутъ. Поди, говоритъ, и крутись тогда!... Вотъ таку-то гиль и несетъ,—заключилъ Лунинъ.

— Экой дуракъ!—сказалъ Афанасій Дмитричъ, вставая съ мѣста и направляясь вонъ изъ комнаты.—Пойду самъ и притащу его. Не смѣетъ онъ ослушаться меня. Гдѣ я, старшій братъ, тамъ, значитъ, нѣтъ подвоха.

Афанасій Дмитричъ ушелъ, но черезъ нѣкоторое время воротился одинъ, безъ Ермоши: послѣдній и изъ дома своего скрылся, убѣжалъ въ луга на бахчи.—Уже на другой день кое-какъ, кое-какъ урезонили Ермолая Дмитрича и затащили ко мнѣ на квартиру. Впослѣдствіи, конечно, мы съ нимъ сошлись на пріятельскую ногу,—но за всѣмъ тѣмъ онъ сначала обѣгалъ меня, не хотѣлъ и на глаза казаться.

Случай этотъ, то есть, что Ермоша бѣгалъ отъ меня, повидимому, очень простъ, но, въ сущности, очень не простъ. Въ немъ мы должны видѣть не частное проявленіе робости и застѣнчивости какого-нибудь чудака Ермоши, а общее, господствующее въ народѣ недовѣріе къ чиновничеству, т. е. къ офицерству—это все равно. Фактъ очень поучительный! *). . . . . .

Гурьевъ.

Мартъ 1862 г.

---

*) Подлинная рукопись покойнаго автора подписана псевдонимомъ Ертаульный. Вторая половина разсказа носила названіе: „Вотъ какъ мы служили“. Разсказъ напечатанъ былъ въ газ. „Уралецъ“ 1897 г. №№ 16, 18, 41 и 44. Ред.

Оглавленіе перваго тома.

стр.

Предисловіе къ 2-му посмертному изданію, 1888 г. . . . V

Предисловіе къ 3-му изданію, 1910 г. VIII

Іосаф. Игнатьевичъ Желѣзновъ (біографическій очеркъ)
Сост. Н. Бородинъ . . . . . I—LXXIV

I. Картины казацкой жизни 1

II. Сайгачники 85

III. Картины ханнаго рыболовства 157

IV. Башкирцы 213

V. Что такое казацкій офицеръ? 259

VI. Туча каменная 317

VII. Путевыя замѣтки по Уралу 365

VIII. „Обидѣлъ“ и „Вотъ какъ мы служили“ 381

279 2

Продается во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна за 3 тома 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

въ книжномъ магазинѣ т-ва „Общественная Польза“, Спб., Невскій, 40, кв. 43.

2007041231